

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

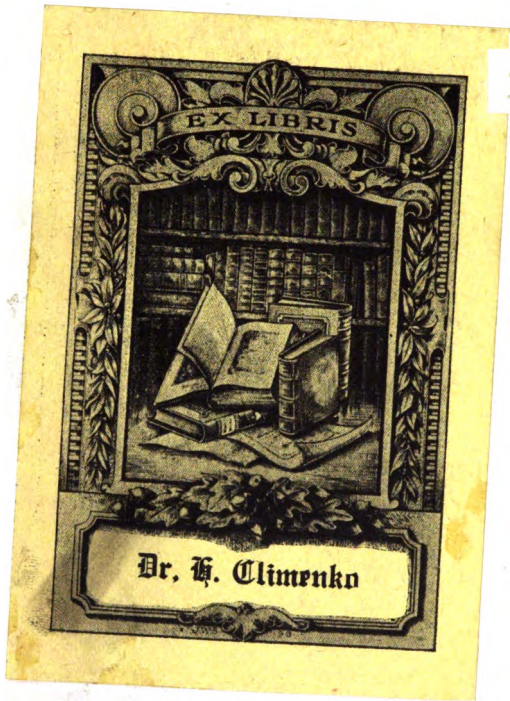
We also ask that you:

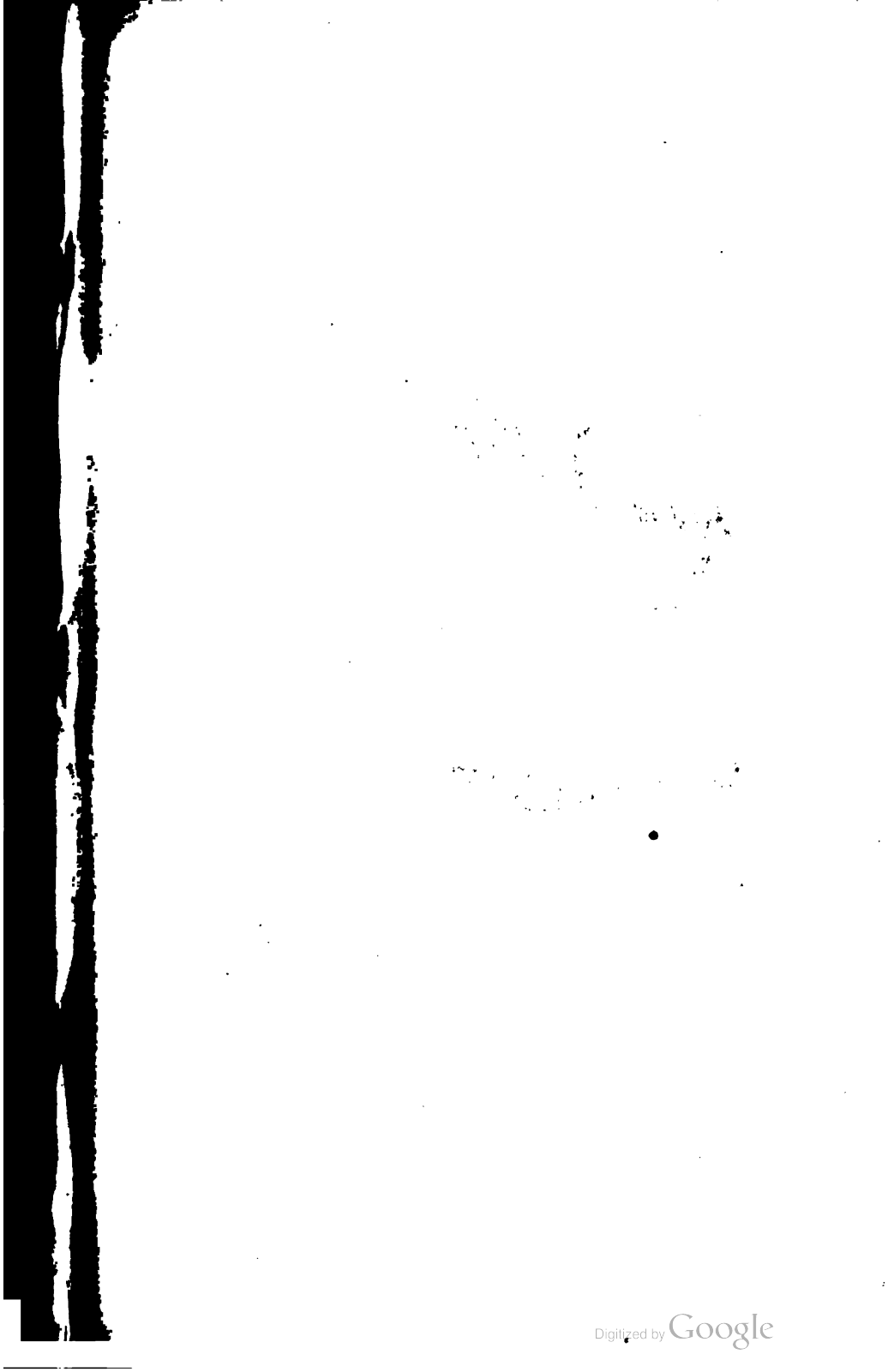
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Н о я б р ь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.

1884.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМАГО ЕВРЕЙСТВА.

Статья третья *.

V.

«Quis talia fando temperet a lacrimis?» кто, говоря о подобныхъ вещахъ можетъ удержаться отъ слезъ? — это грустное восклицаніе классическаго Энея могли бы и мы повторить, приступая къ обсужденію настоящаго положенія русскихъ евреевъ. Трудно, дѣйствительно, сохранить хладнокровіе и безстрастность тона, когда говоришь о такихъ печальныхъ вещахъ, когда вдумываешься въ потрясающій трагизмъ переживаемыхъ нами событій. Съ какой точки зрѣнія ни станешь смотрѣть на настоящее положеніе русскихъ евреевъ, все равно придешь къ самымъ безотраднымъ выводамъ, къ самому мрачному взгляду на вещи. Съ точки зрѣнія *чужданности* и современной культуры въ лучшемъ ея смыслѣ—это положеніе совершенно непостижимо. Чтобы хоть сколько-нибудь постичь смыслъ совершающихся на нашихъ глазахъ событій, нужно восходить къ самой мрачной эпохѣ среднихъ вѣковъ, нужно сжиться мыслью съ дѣяніями той эпохи, съ крестовыми походами и инквизиціей, нужно, наконецъ, забыть все, что пережило человѣчество прошлаго и настоящаго столѣтій, забыть всѣ могучія освободительныя движенія, всѣ страстные порывы къ правдѣ и добру, всѣ грандіозныя умственныя сооруженія новѣйшаго времени. Если же взять «еврейскій вопросъ» въ его современной постановкѣ, въ

* См. «Восходъ», 1884, кн. V.

узко *утилитарномъ* смыслѣ, то и тогда придется только изумиться поразительному ослѣпленію или крайней недобросовѣстности тѣхъ, которые, принципіально руководясь якобы утилитарными началами, по отношенію къ еврейскому вопросу то и дѣло поступаютъ прямо наперекоръ этимъ началамъ, жертвуя послѣдними какой-то бессознательной враждѣ къ евреямъ, какимъ то почти врожденнымъ, сквернымъ предубѣжденіямъ и предрасудкамъ, позорящимъ людей мыслящихъ.. Какъ тутъ дѣйствительно не приходится въ отчаяніе, какъ не потеряться въ этомъ заколдованномъ кругу?

Но, съ другой стороны, дѣйствительно-ли помогутъ отчаяніе и ламентации? Цѣлесообразно ли, въ виду грозно сжатаго противъ насъ кулака, закрывать лицо руками и вопить о своей беззащитности? Нѣтъ, такое отношеніе къ дѣлу недостойно энергичныхъ людей, оно даже неестественно. Безвинно оскорбляемый, если въ немъ есть хоть капля энергіи, не жалуется, не плачетъ, а негодуетъ, и свое негодованіе выражаетъ въ той формѣ, въ какой это для него въ данную минуту возможно, въ какой онъ это можетъ дѣлать не сходя съ почвы законности. Если только онъ искренне сознаетъ свою правоту и несправедливость своего противника,—онъ протестуетъ, онъ доказываетъ свое право, онъ выясняетъ, какъ нагло попираются его противниками всѣми признанныя начала нравственности и человѣчности, и дѣлаетъ онъ это въ силу естественной потребности протестовать противъ несправедливости, хотя бы и не надѣялся на непосредственное дѣйствіе своего протеста. Сознаніе своей правоты и вѣра въ свои силы могутъ подсказывать такому человѣку, что нравственное право не всегда бессильно противъ права матеріальнаго, что угнетенный, на сторонѣ котораго справедливость, не всегда безсиленъ противъ угнетателя, попирающаго справедливость. Люди проходятъ, но идеи вѣчны, и въ борьбѣ за существованіе сторонники ложныхъ идей могутъ одерживать побѣду лишь временно; въ концѣ концовъ, въ этой борьбѣ возьметъ верхъ та идея, въ которой сосредоточена наибольшая часть истины и разумности. Нужно только не уставать выяснять эту идею, раскрывать ея содержаніе. Въ этой скрытой, но строго закономѣрной борьбѣ *идей*, успѣхъ

которыхъ лежитъ больше въ нихъ самихъ, чѣмъ въ представляющихъ ихъ *людяхъ*, въ этой отнюдь не произвольной, но правильной и подчиненной неуклоннымъ законамъ борьбы и заключается тайна прогресса, который близорукими и верхоглядями столь часто отрицается; въ частыхъ колебаніяхъ этой борьбы—тайна всякой реакціи... Все это съ теоретической точки зрѣнія, но и трезвая практичность также оправдываетъ эти соображенія. Она говоритъ намъ, что въ то время какъ отчаяніе и безнадежность истощаютъ энергію и, слѣдовательно, замедляютъ торжество справедливости, постоянное противодѣйствіе укрѣпляетъ, изощряетъ энергію и ускоряетъ успѣхъ праваго дѣла. Вотъ почему энергичная и сознательная часть еврейства должна постоянно и въ предѣлахъ возможнаго бороться противъ ложныхъ идей, въ надеждѣ, что ея борьба, ея неутомимая оппозиція юдофобіи не пропадетъ даромъ. Вздыхать и драпироваться въ тогу мучениковъ менѣе всего полезно. Если въ евреяхъ, несмотря на постигшія ихъ бѣдствія, не хотятъ видѣть мучениковъ, а продолжаютъ видѣть подсудимыхъ или даже виновныхъ, противъ которыхъ выдвигаютъ цѣлую армію прокуроровъ, то и со стороны евреевъ будетъ непрактично, если они будутъ вести себя, какъ пассивные мученики, и заснуть подъ своимъ терновымъ вѣнкомъ. Нѣтъ, евреямъ слѣдуетъ войти въ свою роль подсудимыхъ, имъ слѣдуетъ защищаться—и защищаться съ тою негодующей рѣшимостью, которая воодушевляетъ людей, сознающихъ, что они несправедливо притянуты на скамью подсудимыхъ; имъ, наконецъ, слѣдуетъ выяснитъ свою правоту и недобросовѣстность обвиненія.

Посылая сейчасъ написанныя строки по адресу нашихъ песимистовъ и индифферентистовъ, мы продолжаемъ нашу задачу, ни на минуту не переставая вѣрить въ ея необходимость, въ ея нравственную обязательность для людей, могущихъ содѣйствовать выясненію ея. Продолжаемъ группировать наиболѣе существенные доводы въ защиту правовой эмансипаціи евреевъ, не упуская также изъ виду главнѣйшихъ доводовъ противниковъ эмансипаціи и взвѣшивая ихъ относительную состоятельность. По прежнему мы будемъ стараться избѣгать лишнихъ словъ и общихъ мѣстъ, насколько это выполнимо въ во-

просѣ столь часто обсуждаемомъ, и станемъ опираться только на фактическія данныя и на вытекающіе изъ этихъ данныхъ тезисы.

Мы замѣтили выше мимоходомъ, что относительно еврейскаго вопроса возможны двѣ точки зрѣнія: гуманистическая и утилитарная. Принципы гуманности осуждаютъ правовое неравенство евреевъ, какъ всякій видъ рабства и варварства, какъ на примѣръ рабство негровъ или крѣпостничество крестьянъ; эти принципы требуютъ безусловнаго отмѣненія неравенства, безусловной эмансипаціи евреевъ. На этихъ именно началахъ былъ рѣшенъ еврейскій вопросъ въ наиболѣе передовыхъ государствахъ Европы: во Франціи, Англии, Голландіи и Италіи. Въ этихъ странахъ вопросъ былъ поставленъ ребромъ: «Еврей—люди-ли?»—и, разумѣется, иного отвѣта на этотъ вопросъ, кромѣ положительнаго, не могло получиться, а такой отвѣтъ уже, *ex vi termini*, предрѣшалъ еврейскій вопросъ въ смыслѣ безусловной эмансипаціи евреевъ. Иначе шло дѣло въ другихъ странахъ: въ Германіи, Австро-Венгріи и Россіи, гдѣ еврейскій вопросъ получилъ утилитарную постановку. Здѣсь вопросъ былъ поставленъ слѣдующимъ образомъ: «*полезно ли* для государства уравненіе евреевъ въ правахъ съ христіанскимъ населеніемъ?» Такая постановка вопроса должна была, естественно, вызвать безконечныя *pro* и *contra*, ибо здѣсь рѣчь шла не о принципѣ, а только о *мнѣніи*, которое нельзя было въ точности высказать раньше, чѣмъ эмансипація примѣнена на практикѣ. Борьба мнѣній была самая ожесточенная и, наконецъ, завершилась въ Германіи и Австро-Венгріи эмансипаціей евреевъ, а въ Россіи не только не прекратилась, но въ послѣдніе годы даже принимаетъ все болѣе рѣзкія формы. Замѣчательно, что въ Германіи и Австріи гордіевъ узелъ еврейскаго вопроса былъ разсѣченъ событіями 1848 г., т. е. въ эпоху, когда гуманитарныя начала достигли въ этихъ странахъ довольно сильной степени развитія. Это обстоятельство лучше всего подтверждаетъ мнѣніе, что нынѣшнія колебанія въ положеніи евреевъ этихъ странъ вызваны, съ одной стороны, общей реакціей противъ принциповъ 1848 года, господствующей въ этихъ странахъ (бисмаркизмъ etc.), а съ другой—это составляетъ отголосокъ

недавней предэмансипационной борьбы и застарѣлой вражды къ евреямъ, которая въ наименѣе цивилизованной части населенія этихъ странъ (въ Венгріи) далеко еще не исчезла, да и не могла такъ скоро исчезнуть.

Нужно-ли сказать, что «утилитарная» постановка еврейскаго вопроса въ существѣ своемъ односторонняя? Это признаетъ всякій непредубѣжденный человѣкъ. Утилитарная постановка въ данномъ случаѣ исключаетъ начало гуманности, ибо самая формулировка вопроса («полезна ли эмансипація евреевъ для государства?») предполагаетъ уже допущеннымъ мнѣніе, что завѣщанное намъ въ наслѣдіе отъ среднихъ вѣковъ неравенство евреевъ само по себѣ не составляетъ вопіющей *несправедливости*, а рѣчь только идетъ о цѣлесообразности, о полезности или вредности этого неравенства. Такое мнѣніе уже есть преступленіе противъ принциповъ гуманности, признающихъ всякое нарушеніе человѣческихъ правъ на основаніи религіозныхъ или національныхъ предразсудковъ несправедливыми и eo ipso — вреднымъ дѣломъ. Несмотря, однако, на то, что гуманистическая точка зрѣнія единственно справедливая и правильная въ отношеніи еврейскаго вопроса вообще, было бы крайне непрактично стать на эту точку зрѣнія по отношенію къ русско-еврейскому вопросу. Къ стыду современнаго русскаго общества, въ наше время посмотрѣли бы, какъ на мечтателя и фантазера, на человѣка, который бы потребовалъ эмансипаціи евреевъ *исключительно* во имя гуманности, во имя святости человѣческихъ правъ, во имя сознанія, что евреи — люди и русскіе подданные. Вѣдь мы уже давно похерили всѣ эти «фразы» въ родѣ истины, гуманности, святости человѣческихъ правъ, справедливости, и вмѣстѣ съ фразами вычеркнули изъ лексикона нашего сознанія и принципы, выражаемые этими фразами... Теперь человѣку, стоящему на гуманистической точкѣ зрѣнія, немислимо даже столкнуться съ своими противниками по еврейскому вопросу, такъ какъ послѣдніе заглушаютъ его голосъ криками, что онъ не знаетъ дѣйствительности, не знакомъ съ бытомъ и ролью евреевъ, разсуждаетъ теоретически и т. п. Во всей новѣйшей русской литературѣ мы не знаемъ ни одной книги, которая бы защищала эмансипацію русскихъ евреевъ

исключительно съ гуманистической точки зрѣнія. Даже книга о еврейскомъ вопросѣ Санъ-Дonato, гдѣ сгруппированы общезвѣстные факты и скромно доказано, что разрѣшеніе евреямъ жить внѣ черты ихъ теперешней осѣдлости и тому подобныя льготы не могутъ быть вредны русскому государству, — даже эта умѣренная книга и ея авторъ были осыпаны бранью и послѣдній обвиненъ въ незнаніи дѣйствительности. Русско-еврейскія изданія давно уже примирились съ господствующей «утилитарной» точкой зрѣнія на евреевъ; они свыклись съ ролью постоянныхъ оппонентовъ юдофобіи въ отдѣльныхъ практичeskихъ случаяхъ, и считали бы свою задачу достигнутой, еслибъ имъ удалось убѣдить общество и правительство, что правовая эмансипація евреевъ во всѣхъ отношеніяхъ *безвредна*; требовать же эмансипаціи во имя принципа справедливости считалось бы съ ихъ стороны не позволительной роскошью. И такъ, отрѣшимся и мы на минуту отъ «старомодной» и опальной гуманитарной точки зрѣнія и станемъ на точку зрѣнія нашихъ противниковъ, сойдемъ на ихъ позицію, ибо иначе борьба невозможна.

Изъ сдѣланнаго въ предыдущей статьѣ историческаго обзора русско-еврейскаго законодательства, мы вывели, между прочимъ, заключеніе: что, какъ ни скудны, неустойчивы и палліативны были облегчительныя мѣры, принятыя законодательствомъ прошлаго царствованія относительно евреевъ, послѣдніе все таки не остались въ долгу и, благодарные за немногое, сдѣланное въ ихъ пользу, сдѣлали довольно значительный шагъ къ сближенію съ русскимъ обществомъ. Въ то время какъ всѣ суровыя, репрессивныя постановленія о евреяхъ Николаевскаго царствованія не подвинули ни на одинъ шагъ дѣла улучшенія общественнаго и духовнаго быта евреевъ, и даже, наоборотъ, усилили ненормальность этого быта, — нѣсколькимъ мягкимъ, облегчительнымъ мѣрамъ прошлаго царствованія удалось внушить громадной части евреевъ просвѣтительныя и патриотическія стремленія и подвинуть ихъ на великое дѣло самоулучшенія и ассимиляціи съ русскимъ народомъ. Это движеніе вполнѣ отвѣчало завѣтному, многократно выраженному въ официальныхъ актахъ стремленію правительства: просвѣ-

щать евреевъ въ общерусскомъ духѣ и сближать ихъ съ кореннымъ населеніемъ. И не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта благородная цѣль правительства была бы достигнута въ гораздо большей степени, еслибъ законодательство о евреяхъ имѣло болѣе устойчивый и послѣдовательный характеръ, еслибъ правительство *неуклонно* слѣдовало на практикѣ имъ же выставленному принципу ассимиляціи. Къ несчастію, въ отношеніи къ еврейскому вопросу было менѣе всего послѣдовательности; спеціальныя законы продолжали громоздиться безъ всякаго единства принципа, часто противорѣча другъ другу. Это вносило смуту въ еврейское общество и сильно тормозило ассимиляціонное движеніе. Погромы послѣднихъ трехъ лѣтъ и вдругъ подувшія юдофобскія вѣянія нанесли этому движенію окончательный ударъ, приостановили его и даже вызвали сильное попятное движеніе, которое не можетъ не замѣтить всякій имѣющій очи...

Такова уже роковая участь русскаго законодательства о евреяхъ: постоянно противорѣчить себѣ, постоянно тормозить свои же благія стремленія. «Это вѣчное противорѣчіе самому себѣ—говорили мы въ другомъ мѣстѣ—граничитъ въ нашемъ законодательствѣ съ фатальностью. Стремясь теоретически къ «обрусенію» евреевъ, къ ассимиляціи ихъ, оно постоянно противодействуетъ этому стремленію на дѣлѣ своими полумѣрами и палліативами, своею нерѣшительностью и зависимостью отъ вѣяній. Законодательство—врагъ обособленности евреевъ—и продолжаетъ держать послѣднихъ въ «чертѣ»; врагъ исключительной экономической дѣятельности—и закрываетъ передъ евреями многія отрасли промышленности (въ томъ числѣ и земледѣльческій трудъ, запрещеніемъ приобрѣтать земли для обработки); желаетъ просвѣщенія еврейской массы—и держитъ носителей просвѣщенія въ черномъ тѣлѣ, закрывая передъ нимъ доступъ къ большей части государственныхъ и общественныхъ должностей (а нынѣче и прямымъ ограниченіемъ процента учащихъ евреевъ). Словомъ, полная рознь теоріи и практики—вотъ яркая характеристическая черта законодательной дѣятельности по еврейскому вопросу.

Къ чрезвычайному удивленію и огорченію благомыслящихъ

людей, въ послѣднія нѣсколько лѣтъ, въ правительственныхъ отношеніяхъ къ евреямъ стало замѣчаться нѣчто въ родѣ послѣдовательности, но послѣдовательности чисто-отрицательной, отрешившейся отъ прежняго положительнаго принципа. Мы говоримъ о томъ странномъ репрессивномъ направленіи по отношенію къ евреямъ, которое наблюдается въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ послѣднихъ трехъ лѣтъ, и для характеристики котораго достаточно указать на пресловутыя «временныя правила» 3 мая 1882 года. Вдумываясь въ характеръ этой дѣятельности, мы подпадаемъ ужасному предположенію, не произошло ли *принципіальной* перемѣны въ отношеніяхъ правительства къ евреямъ, держится-ли все еще законодательство прежняго принципа ассимиляціи евреевъ, или оно его отвергло и начинаетъ сочувствовать вредному какъ евреямъ, такъ и государству, принципу обособленія, замкнутости евреевъ. Не сочувствуетъ-ли правительство теоретически тому обособленію евреевъ отъ русскаго общества, которое является необходимымъ практическимъ результатомъ его теперешней дѣятельности и которое теперь дѣйствительно наблюдается какъ въ еврейскомъ, такъ и въ русскомъ обществѣ? Мы бы никакъ не желали примириться съ этой странною мыслью, что въ основу государственной дѣятельности вложенъ антигосударственный принципъ обособленія одного класса населенія отъ другого; мы даже теперь продолжаемъ думать, что такое предположеніе менѣе согласно съ дѣйствительностью, чѣмъ предположеніе противоположное. Но мы все таки не можемъ не сослаться на тѣ событія, которыя дали поводъ къ такимъ печальнымъ соображеніямъ.

15 апрѣля 1881 года началась на Руси «погромная эпоха». Вдумываясь въ причины погромовъ, всякій непредубѣжденный человѣкъ долженъ придти къ заключенію, что здѣсь имѣется дѣло не съ одной какой либо причиной, а съ сложною совокупностью причинъ, между которыми главную роль играютъ: исконная религіозная вражда православной массы къ евреямъ, какъ къ «нехристамъ»; отчасти нерасположеніе торговаго класса къ евреямъ, какъ къ постояннымъ конкурентамъ въ мелочной торговлѣ; отчасти-же кабацкій и ростовщическій промыслы евреевъ, промыслы весьма часто вынужденные и прак-

тикуемые за отсутствіемъ другихъ; больше же всего взгляды русской массы на евреевъ, какъ на паріевъ, нелюбимыхъ правительствомъ и неимѣющихъ у послѣдняго того покровительства, которое должны имѣть они, «коренные». Всякому должно было быть понятнымъ, что движеніе противъ евреевъ имѣетъ меньше всего характеръ экономической борьбы, уже въ силу того, что это движеніе было направлено не противъ русскихъ кабатчиковъ и ростовщиковъ, не противъ русскихъ кулаковъ и мироѣдовъ (которыми въ Великороссіи хоть прудъ пруди), а исключительно противъ евреевъ, и чаще всего противъ евреевъ, не имѣющихъ никакого касательства къ этимъ профессіямъ: противъ ремесленниковъ и даже земледѣльцевъ. Очевидно, что здѣсь буйная масса руководствовалась, главнымъ образомъ, религіозною враждою, звѣрскими инстинктами и надеждою на безнаказанность. Что должна была сдѣлать администрація въ виду такого грознаго варварскаго движенія, грозящаго всѣмъ основамъ цивилизованной государственной жизни? Ясно, она должна была вразумить расходившуюся массу, и не столько физическою силою, сколько ясно выраженнымъ желаніемъ и собственнымъ примѣромъ, она должна была твердымъ, недвусмысленнымъ поведеніемъ выразить свой взглядъ на погромы, какъ на величайшее государственное преступленіе и тѣмъ унять погромщиковъ и умиротворить растерявшіеся евреевъ. Такъ-ли это было, однако, на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, ничего подобнаго не было, а было нѣчто прямо противоположное. Не будемъ говорить о тогдашнихъ отношеніяхъ къ погромамъ мѣстной администраціи, объ ихъ преступномъ равнодушіи и даже послабленіи погромщикамъ, (т. е. о фактахъ, дѣйствительность которыхъ ясно подтверждена сенатскимъ указомъ отъ 12 мая 1882 г. «о преслѣдованіи всякихъ насилій надъ евреями» и такимъ же указомъ нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Толстаго, отъ 9 іюня того же года); не будемъ пока также говорить о позорно-равнодушномъ отношеніи къ погромамъ большей части русскаго интеллигентнаго общества и печати (объ этомъ—ниже);—мы только желаемъ теперь указать на поведеніе тогдашней высшей администраціи и, въ особенности, на отношеніе къ дѣлу тогдашняго министерства гр. Игнатьева.

Вотъ что мы читаемъ, между прочимъ, въ знаменитомъ, обнаруженномъ во всеобщее свѣдѣніе циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатъева отъ 25 августа 1881 года: «Евреи, за послѣднія 20 лѣтъ, мало по малу *захватили въ свои руки* не только торговлю и промыслы, но и приобрѣли посредствомъ купли или арендованія значительную поземельную собственность, причемъ, благодаря своей сплоченности и солидарности, они, за немногими исключеніями, дружно направили всѣ свои усилія не къ увеличенію производительныхъ силъ государства, а къ *эксплуатации коренныхъ жителей* и преимущественно бѣднѣйшихъ классовъ населенія, чѣмъ и *вызвали съ его стороны протестъ*, высказавшійся въ прискорбной формѣ — въ насиліяхъ». Эти слова и другія подобныя выраженія, въ родѣ указанія, что, по «энергичномъ подавленіи» (?) беспорядковъ, настало время принять энергическія мѣры «*для огражденія населенія отъ вредной дѣятельности евреевъ*» (выраженія циркуляра),—все это мы читаемъ въ официальномъ актѣ, заключавшемъ повелѣніе объ учрежденіи знаменитыхъ «губернскихъ комиссій по еврейскому вопросу»; все это читалось и перечитывалось не только интеллигентнымъ русскимъ обществомъ, но и невѣжественной массой крестьянъ, представители которыхъ «участвовали въ трудахъ» означенныхъ комиссій. Все это было въ самомъ разгарѣ южнорусскихъ погромовъ, Могло-ли это содѣйствовать успокоенію умовъ русскаго или еврейскаго общества?

Быль одинъ моментъ въ эту эпоху, когда могло казаться, что государство совершенно забыло свою обязательную роль покровителя всѣхъ классовъ населенія и стало въ какую-то странную, рѣзкую оппозицію къ евреямъ. Это было осенью и зимою 1881—82 гг. Русскіе евреи увидѣли себя вдругъ внѣ закона, внѣ защиты. Двадцать тысячъ челоувѣкъ разомъ устремились за границу и очутились въ страшно-бѣдственномъ положеніи въ Бродахъ. Но всѣ 3—4 милліона евреевъ не могли бѣжать. Они остались въ чертѣ, охваченные страшной паникой и проникнутые еще болѣе страшнымъ сознаніемъ, что отъ земныхъ властей имъ нечего ждать помощи. Тогда они обратились къ власти небесной. Одно чувство, одно сознаніе охватило вдругъ

все русское еврейство: оно собралось въ синагогахъ и вылило свою наболѣвшую душу въ страстныхъ мольбахъ къ Тому, Кто вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ смотритъ на нескончаемое еврейское мученичество. Это было потрясающее зрѣлище: были рѣки горючихъ слезъ, были вздохи, вырывавшіеся изъ глубины миллионовъ оскорбленныхъ и измученныхъ сердець... О чемъ плакалъ и молился этотъ огромный сонмъ страдальцевъ? Они плакали о вновь воздвигнутыхъ на нихъ гоненіяхъ; они молились о томъ, чтобы Богъ обратилъ сердца властелиновъ въ ихъ пользу, въ ихъ защиту. Вянуть-ли Богъ этимъ мольбамъ?—На это весьма скоро отвѣтили балтскій погромъ и «временныя правила»...

Нетрудно сообразить, сколько смуты, сколько взаимной вражды и раздраженія должно было внести подобное отношеніе къ евреямъ въ сознаніе какъ еврейской, такъ и русской массы. Глубоко деморализующее вліяніе должно было имѣть это потрясающее битье лежачаго. Это оттолкнуло еврейское населеніе отъ христіанскаго на такое огромное разстояніе, прорыло между тѣмъ и другимъ такую глубокую пропасть, что понадобятся еще долгія и упорныя усилія, чтобы наполнить эту пропасть, чтобы сблизить ихъ на это разстояніе, т. е., чтобы возстановить даже прежнее непривлекательное *status quo*. Порожденная лучшими стремленіями еврейскаго населенія и правительства прошлаго царствованія «ассимиляція» была еще слишкомъ молода, слишкомъ слаба, чтобы выдержать такое страшное потрясеніе, какъ антиеврейское движеніе 1881—82 годовъ; она его не выдержала, и теперь положеніе ея довольно безнадежное; только энергичныя усилія опытныхъ врачей могутъ ее спасти отъ гибели, а между тѣмъ этихъ-то врачей и слыхомъ не слышать.

Съ отставкою графа Игнатъева и вступленіемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстаго, прежній терроризаціонный періодъ погромной эпохи кончился. Правительство приняло мѣры для пресѣченія погромовъ, и дѣйствительно оно успѣло значительно ослабить грубѣйшія проявленія антиеврейскаго движенія, но совсѣмъ подавить ихъ ему еще до сихъ поръ не удалось. Злое сѣмя, посеянное въ 1881 году, до сихъ поръ еще даетъ ядовитые плоды. Мы пишемъ эти строки два

мѣсяца послѣ нижегородскаго погрома и, прислушиваясь къ современнымъ вѣяніямъ, съ тревогою спрашиваемъ себя: будетъ-ли этотъ погромъ послѣднимъ, окончится-ли съ нимъ эта ужасная «погромная эпоха», длаящаяся вотъ уже три съ половиною года?... Погромы теперь потеряли прежній эпидемическій характеръ и приняли направленіе спорадическое (такъ поступаетъ и холера). Но сдѣлано-ли все съ надлежащей стороны, чтобы эта гибельная cholera nostras, убивающая не только матеріально, но и нравственно, не могла болѣе распространяться? Приняты-ли всѣ предупредительныя санитарныя мѣры для оздоровленія района, посѣщеннаго этой страшной гостьей? О, если-бы свѣдущіе докладчики открыли глаза «санитарной комисіи» на тѣ страшныя скопища нечистотъ, на тѣ грязныя клоаки, которыми теперь переполненъ этотъ районъ и которыя ежеминутно грозятъ новою заразою, новою эпидеміей! Благомыслящіе люди ужаснулись-бы, если-бы узнали, сколько (зачѣмъ продолжать аллегорію?) *нравственной* гнили и порчи накопилось въ нашей общественно-духовной атмосферѣ со времени погромной эпидеміи 1881 года; они бы ужаснулись, узнавъ, сколько взаимной вражды и ожесточенія накопилась въ сердцахъ, и какъ дешево теперь цѣнится человѣческая жизнь, личность и имущество, въ особенности жизнь и личность еврея, упавшія въ своемъ курсѣ до нуля... Они бы тогда подняли крикъ негодованія—и этотъ крикъ, можетъ быть, разбудилъ-бы уснувшую совѣсть русскаго общества; этотъ крикъ, можетъ быть, донесся-бы до ушей членовъ «комисіи по еврейскому вопросу» и оживилъ-бы ихъ дѣятельность, одухотворилъ-бы ее великимъ христіанскимъ принципомъ состраданія и человѣколюбія. И кто знаетъ, можетъ быть, тогда упали-бы цѣпи съ рукъ трехъ милліоновъ узниковъ «черты осѣдлости», повалились-бы «средостѣнія», отдѣляющія евреевъ отъ христіанъ, общественная атмосфера очистилась бы отъ непріязни и вражды, и тогда уже объ эпидеміяхъ и рѣчи не могло-бы быть...

Но пока такихъ благородныхъ голосовъ не раздается въ русскомъ обществѣ, пока еще не явился тотъ Гераклъ, который-бы занялся очисткою «авгіевыхъ конюшенъ» общественной нравственности, до тѣхъ поръ слабые голоса отдѣльныхъ

непредубѣжденныхъ людей должны раздаваться постоянно, должны безпрестанно указывать на опасность и вредность настоящаго порядка вещей въ еврейскомъ вопросѣ и на необходимость безотлагательной реформы этого порядка.

Въ послѣдніе два года ничего положительнаго еще не сдѣлано для урегулированія вопіющаго положенія еврейской массы. Учрежденная Высочайшимъ указомъ отъ 4 февраля 1883 г. «Высшая коммисія по еврейскому вопросу» ничѣмъ существеннымъ еще не заявила о своей дѣятельности, да и самый ходъ ея работъ, медленный и нарушаемый длинными перерывами, вовсе не даетъ знать, что здѣсь дѣло идетъ не о какомънибудь третъестепенномъ вопросѣ, въ родѣ вопроса о бакинской нефти или о джутовыхъ мѣшкахъ, но о вопросѣ первостепенной государственной важности, который вдобавокъ событіями обострился до того, что рѣшеніе его не терпитъ никакого отлагательства. А между тѣмъ, строжайшее примѣненіе всѣхъ особыхъ о евреяхъ законовъ идетъ своимъ порядкомъ и все болѣе усиливается. Глядя со стороны на это административное рвеніе, подумаешь, что вся бѣда погромовъ и всѣ неурядицы въ нынѣшнемъ положеніи евреевъ произошли только отъ недостаточно ревностнаго соблюденія касающихся ихъ ограничительныхъ законовъ, и теперь надѣются неукоснительнымъ ихъ примѣненіемъ испѣлить всѣ развѣдающіе насъ недуги. А на дѣлѣ выходитъ, что всѣ эти «охранительныя» мѣры только сыплютъ соль на еще незажившія раны, только пуце язвятъ уже изъязвленное тѣло еврейства. Запрещеніе «вновь селиться въ городовъ и мѣстечекъ» (первое изъ «временныхъ правилъ» 3 мая 1882 г.) примѣняется въ послѣдніе два года со всею строгостью. Этимъ запрещеніемъ внутри прежней «черты еврейской осѣдности» проведена новая «черта», словно прежде уже слишкомъ просторно было; это нѣчто въ родѣ извлеченія квадратнаго корня изъ количества прежнихъ правовыхъ «благъ» евреевъ. Поневоля вспомнишь тутъ афоризмъ Гейне:

Wer nur wenig hat, dem wird
Auch das wenige genommen.

Истинность этого афоризма особенно ревностно старается оправдывать низшая исполнительная администрація въ своихъ

отношеніяхъ къ евреямъ. Какъ ни жалки и ограничены права евреевъ, администрація старается еще болѣе урѣзывать ихъ посредствомъ слишкомъ распространительнаго толкованія законовъ. Такъ, «временныя правила» во многихъ мѣстахъ, въ особенности въ кievскомъ генераль-губернаторствѣ, примѣнялись въ такихъ широкихъ размѣрахъ, вовсе даже не имѣвшихъ въ виду ихъ составителями, что сенатъ, куда поступили жалобы на нѣкоторыя изъ подобныхъ распоряженій администраціи; бывалъ нѣсколько разъ вынужденъ разъяснять «точный смыслъ» закона 3 мая, и тѣмъ хотъ нѣсколько поубавилъ административной прыти и произвола у мѣстныхъ властей. Въ прошломъ году были въ большой модѣ извѣстные «приговоры крестьянскихъ обществъ» о выселеніи евреевъ изъ сель и деревень. Не мало темныхъ дѣльцовъ и кабачныхъ конкурентовъ евреевъ изъ «коренныхъ» воспользовалось этимъ правомъ, предоставленнымъ имъ какимъ то «циркулярнымъ» закономъ (сохранившимся со временъ гр. Игнатъева), приравнивающимъ евреевъ къ преступникамъ и лицамъ предосудительнымъ, которые, согласно общему закону, могутъ быть выселены изъ данной мѣстности по приговору обществъ. Теперь эта мода на «приговоры», вѣроятно по внушенію свыше, нѣсколько ослабла: ужъ слишкомъ она смаживала на беззаконіе.

«Временныя правила», обратившіяся въ вѣчную муку для еврейскаго населенія, составляютъ самое крупное, но далеко не единственное ограниченіе правъ евреевъ (или точнѣе, усиленіе ихъ безправія), явившееся, по какой-то странной логикѣ, послѣдствіемъ погромовъ. Трудно даже перечислить всю массу чисто административныхъ запретительныхъ мѣръ, принятыхъ относительно евреевъ въ послѣдніе четыре года; трудно обозрѣть всю эту массу фактовъ притѣсненія, безпрестаннаго перемалыванія евреевъ изъ сель и деревень въ города, изъ городовъ внѣ «черты» въ «черту» и тому подобныхъ гоненій, воздвигнутыхъ на евреевъ за участіе ихъ въ непріятной роли объектовъ, въ погромахъ. Но между этою массою репрессивныхъ мѣръ обращаетъ на себя вниманіе одна группа ограниченій, характеризующая, можетъ быть, новый поворотъ въ отношеніяхъ правительства къ принципиальной сторонѣ еврейскаго

вопроса. Къ этой группѣ относятся правительственныя распоряженія, въ родѣ ограниченія числа военныхъ врачей евреевъ пятью процентами по отношенію къ общему числу врачей (10 апрѣля 1882 г.), недавно предполагавшееся ограниченіе числа студентовъ-евреевъ въ кievскомъ университетѣ десятью процентами, запрещеніе евреямъ-гимназистамъ обучаться въ гимназіяхъ городовъ, находящихся внѣ черты осѣдлости, если ихъ родители не имѣютъ тамъ права жительства и т. п. Первое изъ означенныхъ распоряженій продиктовано, повидимому, недобѣриемъ къ дѣятельности евреевъ-врачей; послѣдніе два—стремленіемъ *ограничить* число учащихся въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ евреевъ и подчинить значительную часть послѣднихъ существующимъ ограниченіямъ по жительству. Въ печати, въ послѣдніе годы, упорно держатся слухи о проектирующихся ограниченіяхъ по образованію евреевъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти слухи, конечно, не могутъ быть лишены всякаго основанія, особенно въ виду имѣющихся теперь примѣровъ.

Эти новыя ограниченія могутъ, съ перваго взгляда, совершенно поставить въ тупикъ наблюдателя. Что они означаютъ? Намѣрено ли правительство отнынѣ отказаться отъ исконнаго своего стремленія къ просвѣщенію евреевъ, къ сближенію ихъ съ кореннымъ населеніемъ? Полагаетъ ли оно теперь, что замкнутость и обособленность евреевъ полезнаѣ государству, чѣмъ гражданская ихъ ассимиляція? Сдѣлаетъ ли оно въ этомъ отношеніи огромный шагъ назадъ, къ мрачной эпохѣ гетто и кастовыхъ подраздѣленій? Было бы недѣло допустить подобныя предположенія. Основной принципъ современной государственной жизни заключается въ уничтоженіи гражданскихъ различій между вѣроисповѣданіями и сословіями, въ сглаживаніи такъ называемыхъ сословныхъ предрасудковъ, въ сліяніи разрозненныхъ элементовъ населенія для общей и гармонической государственной дѣятельности (активной или пассивной — это уже зависитъ отъ данныхъ обстоятельствъ). Нѣтъ надобности говорить объ огромномъ значеніи этого принципа, вошедшаго въ азбуку государственнаго права. Но если этотъ принципъ составляетъ основу всякаго государственнаго строя и служитъ руководителемъ внутренней политики во всѣхъ европейскихъ государ-

ствахъ, то въ русской государственной жизни онъ является еще болѣе важнымъ и существеннымъ; онъ составляетъ самый главный жизненный нервъ нашего государственнаго организма. Россія не только самая обширная по пространству страна на земномъ шарѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая замѣчательная по количеству и разнообразію племенъ и вѣроисповѣданій. Вся жизненная сила этого колоссальнаго государственнаго организма обуславливается стремленіемъ къ наибольшему сплоченію его составныхъ частей, къ водворенію возможно большаго гражданскаго и духовнаго единенія между его членами и тѣснаго между ними сближенія; словомъ, степень жизненной силы русскаго государства прямо пропорціональна степени сплоченности и единенія, существующихъ между населяющими его разнородными группами. Вся мудрость нашихъ государственныхъ людей сводится къ неуклонному и умѣлому примѣненію этого принципа, служащаго залогомъ внутренняго равновѣсія Россіи. И дѣйствительно, русское правительство всегда руководилось этимъ великимъ принципомъ, направляло по большей части всѣ свои усилія къ неуклонному практическому его примѣненію. «Обрусеніе» и «сближеніе» были постоянными, техническими терминами нашей внутренней политики. Съ наибольшимъ рвеніемъ принципъ «обрусенія» проповѣдывался (хотя и не всегда послѣдовательно примѣнялся) относительно евреевъ—племени, не живущаго на какой либо особой окраинѣ государства, но перемѣшаннаго по мѣсту жительства съ болѣею частью кореннаго населенія и связаннаго съ послѣднимъ тѣсными экономическими и историческими узами. Несмотря на то, что по отношенію къ евреямъ принципъ «сближенія» проповѣдывался нашимъ законодательствомъ болѣе теоретически, чѣмъ прилагался на дѣлѣ,—однако и такимъ образомъ удалось достигнуть значительныхъ результатовъ въ дѣлѣ ассимиляціи евреевъ. Этому неоспоримому обрусенію значительной части еврейскаго населенія болѣе всего содѣйствовало распространеніе между послѣднимъ просвѣщенія и общерусскаго образованія, заставившаго образованныхъ евреевъ отречься отъ обветшалыхъ и вредныхъ формъ жизни своихъ единовѣрцевъ и проникнуться русскимъ патріотизмомъ. Распространеніе просвѣ-

щенія между русской православной массой также могло бы содѣйствовать сближенію ея съ евреями: просвѣщеніе сближаетъ людей, между тѣмъ какъ невѣжество ихъ разъединяетъ,—это неоспоримая истина, въ особенности когда рѣчь идетъ о людяхъ различныхъ вѣроисповѣданій. Если же принципъ сближенія составляетъ такую могущественную жизненную основу русскаго государства; если и русское правительство давно уже прониклось этимъ принципомъ,—то мыслимо ли, чтобы оно теперь отреклось отъ него, отъ этого *conditio sine qua non* нашей государственной жизни? Допустить такую несообразность на основаніи нѣсколькихъ отдѣльныхъ исключительныхъ фактовъ значило бы быть слишкомъ поспѣшнымъ.

Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить вышеуказанные факты ограниченія образованія евреевъ? Несомнѣнно, объясненіе можно отыскать: для этого стоило хотя бы послушать доводы сторонниковъ этихъ ограниченій; но дѣло въ томъ, чтобы найти объясненіе разумное и состоятельное. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ исключительно о *школьномъ* образованіи, такъ какъ ограничить вообще умственное развитіе евреевъ не во власти правительства. Въ пользу ограниченія школьнаго образованія для евреевъ приводятся обыкновенно два довода. Одинъ гласитъ, что евреи, въ чертѣ ихъ осѣдлости, «переполнили» среднія учебныя заведенія и нѣкоторые факультеты университетовъ (медицинскій и юридическій), и что поэтому дѣтямъ «коренныхъ» русскихъ мѣста не хватаетъ въ этихъ заведеніяхъ, за недостаткомъ вакансій. Посмотримъ, насколько этотъ доводъ основателенъ. Во первыхъ, при сравненіи числа христіанскихъ и еврейскихъ учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ того или другаго округа, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на относительную численность еврейскаго и христіанскаго городского населенія этого округа: тогда можетъ оказаться, что большой процентъ еврейскихъ учащихся даннаго округа объясняется просто соответственнымъ процентомъ жителей-евреевъ въ этомъ округѣ. Такъ, напримѣръ, въ кievскомъ учебномъ округѣ еврейское *городское* населеніе (какое только и слѣдуетъ взять во вниманіе, такъ какъ число евреевъ, живущихъ въ селахъ, крайне ничтожно, да

и число крестьянскихъ дѣтей, посѣщающихъ среднія и высшія учебныя заведенія, также весьма незначительно) навѣрное окажется превышающимъ численностью городское же населеніе христіанское, (къ сожалѣнію, у насъ въ эту минуту нѣтъ подѣ рукой статистическихъ справочныхъ источниковъ, и мы не можемъ въ точности опредѣлить требуемое процентное отношеніе); и слѣдовательно, есть полное основаніе, чтобы въ этомъ округѣ соотвѣтственно преобладало число учащихся-евреевъ. Затѣмъ, еслибы и оказалось, что дѣйствительно евреи проявляютъ большее стремленіе къ школьному обученію чѣмъ христіане *, то развѣ это стремленіе — предосудительное, которое слѣдуетъ обуздать? Если же рѣчь идетъ о недостаткѣ вакансій

---

* Въ прошломъ году, въ газетахъ было сообщено явѣстіе, что одесскій генералъ-губернаторъ Гурко обратилъ вниманіе высшаго правительства на фактъ переполненія евреями, во многихъ городахъ „черты осѣдлости“, среднихъ учебныхъ заведеній; фактъ этотъ подтверждался въ докладѣ генерала Гурко тѣмъ, что за послѣднія 20 лѣтъ число учащихся евреевъ увеличилось болѣе чѣмъ втрое, а число христіанъ — менѣе чѣмъ вдвое. (См. ст. г. М. *Орианскаго*: „За прошлый годъ“, „Восходъ“ 1884, февраль, стр. 28). Нужно имѣть очень плохое понятіе объ исторіи просвѣщенія русскихъ евреевъ, чтобы сдѣлать такой ошибочный выводъ, какой приписываютъ докладу генерала Гурко. Дѣйствительно, фактъ большаго возрастанія числа учащихся евреевъ въ сравненіи съ христіанами за послѣднія 20 лѣтъ — фактъ неоспоримый, который не только не заключаетъ въ себѣ ничего удивительнаго, но даже вполне естествененъ. Дѣло въ томъ, что общій уровень образованія среди русскихъ евреевъ быстро поднялся, за послѣднія 20 лѣтъ, до значительной высоты почти съ нуля, такъ какъ, до начала 60-хъ годовъ, евреевъ, обучавшихся въ гимназіяхъ и университетахъ, можно было по пальцамъ перечесть: ихъ было тамъ едва-ли нѣсколько десятковъ. Еврей студентъ въ то время считался диковинкой. Просвѣщеніе евреевъ находилось еще тогда въ самомъ зародышѣ, и сильно тормозилось фанатизмомъ всей еврейской массы. Естественно, поэтому, что при быстромъ прогрессѣ дѣла просвѣщенія между евреями должна была получиться *относительно* огромная цифра евреевъ учащихся, но только относительно, т.-е. въ сравненіи съ прежнимъ ничтожнымъ ихъ количествомъ. Въ этомъ отношеніи, возрастаніе „болѣе чѣмъ втрое“ является еще слишкомъ незначительнымъ. Дѣлать же изъ этого исключительнаго факта выводъ о *нормальномъ* возрастаніи процента учащихся евреевъ — нѣтъ никакого основанія, какъ нѣтъ основанія считать *нормально* удесатереннымъ число жителей цыганъ даннаго города, въ теченіе одного года, если въ извѣстный срокъ тамъ былъ всего одинъ цыганъ, а спустя годъ тамъ внезапно появилось бы ихъ десять.

для учениковъ-христіанъ, то это, конечно, происходитъ отъ неспособности послѣднихъ конкурировать съ евреями на экзаменахъ въ требуемыхъ познаніяхъ; а въ такомъ случаѣ, ограничить число учениковъ-евреевъ значило бы налагать прямое наказаніе за талантъ и умственное превосходство, что ужь совсѣмъ несправедливо. Другой доводъ, приводимый сторонниками ограниченія образованія евреевъ, состоитъ въ томъ, что евреи будто-бы все болѣе «захватываютъ» въ свои руки образовательныя профессіи, а именно: медицинскую и адвокатскую. (Къ этому доводу, въ сущности, сводится и предыдущій, такъ какъ на университетъ большею частью смотрятъ только какъ на средство «сдѣлать карьеру»). Здѣсь мы уже имѣемъ дѣло съ простой ремесленной конкуренціей, съ обыкновеннымъ, «нелѣпымъ» крикомъ: «Жида захватили торговлю и промышленность!» На подобные доводы можно возразить слѣдующее. Впервыхъ, наплывъ евреевъ-врачей или адвокатовъ бросается въ глаза потому, что въ недавнемъ прошломъ евреи этими профессіями *вовсе* не занимались. Въ вторыхъ, особый наплывъ евреевъ на поприщахъ медицинскомъ и адвокатскомъ объясняется тѣмъ, что еврей, окончивающій университетъ, другой профессіи выбрать себѣ не можетъ, такъ какъ предъ нимъ *de facto* закрыты всѣ государственныя должности: онъ не можетъ быть ни короннымъ чиновникомъ, ни мировымъ судьей, ни учителемъ въ общемъ учебномъ заведеніи. Наконецъ, если ужь рѣчь идетъ объ одной конкуренціи, то остается разъ навсегда заявить, что въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, евреи не незаконно, не насильно вторглись въ извѣстныя отрасли труда, а благодаря своимъ познаніямъ, своему умѣнью и таланту; и если кому, «коренному» это не нравится, то ему предоставляется свобода успѣшно конкурировать съ евреями въ исполненіи своей профессіи, а не сидѣть, сложа руки и пищать изъ-за угла, что евреи ему дорогу загородили. Если же власть прислушивается къ подобнымъ трусливымъ lamentаціямъ и даже удовлетворяетъ ихъ, то она только поощряетъ бездарность и лѣнь и наказываетъ талантъ, энергію и трудолюбіе.

Какъ бы то ни было, но уже одна возможность подобныхъ репрессалій свидѣтельствуетъ о томъ, что уровень вѣротерпи-

мости въ нашемъ отечествѣ сильно понизился въ послѣднее время. Распоряженіе объ ограниченіи числа военныхъ врачей изъ евреевъ, въ связи съ попытками ограниченія школьнаго образованія, свидѣтельствуютъ, кромѣ того, о какомъ-то странномъ недовѣрїи или нерасположеніи правительства къ еврейскому интеллигентному классу. Это недовѣрїе не можетъ имѣть для своихъ объектовъ (по крайней мѣрѣ, въ упомянутомъ случаѣ) весьма дурныхъ матеріальныхъ послѣдствій (хорошій врачъ и помимо военнаго вѣдомства найдетъ себѣ кусокъ хлѣба), но оно можетъ имѣть для нихъ глубоко-оскорбительное нравственное значеніе. А между тѣмъ никто такъ мало не заслуживаетъ упрека, какъ еврейская интеллигенція. Эта интеллигенція всегда являлась передовою ратью еврейской массы, соединительнымъ звеномъ между нею и русскимъ обществомъ; вездѣ и всегда она играла роль миссіонера ассимиляціи и гражданскаго прогресса. Порожденная просвѣтительнымъ движеніемъ прошлаго царствованія, еврейская интеллигенція всегда являлась дѣятельной помощницей правительства въ дѣлѣ обрусенія еврейской массы. И несмотря на все это, интеллигентная часть еврейства всегда подлежала, если не всѣмъ, то большей части тяжелыхъ правовыхъ ограниченій, выпавшихъ на долю этой массы. Но въ то самое время, какъ необразованной еврейской массѣ эти ограниченія прямо наносятъ только матеріальный вредъ, они причиняютъ еврейской интеллигенціи, сверхъ того, и мучительныя нравственныя страданія. Ортодоксальная масса бьется-бьется въ сѣтяхъ запретовъ, бѣдствуетъ, терпитъ униженіе, а все таки найдетъ кой-какое нравственное утѣшеніе: «На то евреи въ *голусть* (въ изгнаніи), чтобы они страдали», — скажетъ она себѣ и пуще запрячется въ свою религіозную раковину. Но подобныя соображенія могутъ ли облегчить нравственныя страданія современнаго интеллигентнаго еврея, давно отрекшагося отъ своихъ племенныхъ предрассудковъ, давно привязавшагося всей душой къ своей родинѣ — Россіи, связавшаго съ нею самые завѣтные свои идеалы? Можетъ-ли онъ въ своей религіи, которая, въ очищенной формѣ, сближается въ его понятіяхъ съ чистымъ деизмомъ, найти утѣшеніе отъ страданій и оскорбленій, причиняемыхъ ему грубой нетерпимостью

Вословными предразсудками? И такимъ людямъ даютъ по-
нять ежедневно, на каждомъ шагу, что ихъ не считаютъ пра-
воспособными членами русскаго общества, что ихъ только тер-
пятъ, а порою и терпѣть не могутъ. Представьте себѣ психи-
ческую коллизію интеллигентнаго еврея. Онъ любитъ свое оте-
чество Россію, и готовъ ей жертвовать лучшія свои силы,—
его отталкиваютъ, какъ ненужнаго, какъ непрошеннаго гостя.
Онъ, въ силу своего образованія, раціоналистъ, онъ глубоко
толерантенъ и уважаетъ христіанскую религію не менѣе, чѣмъ
еврейскую,—а его стѣсняють оттого, что онъ—еврей, не-хри-
стіанинъ. Ему стоило-бы хоть немного покривить совѣстью,
утверждать, что онъ признаетъ догматы христіанства, чтобы
вдругъ сдѣлаться счастливымъ, равноправнымъ членомъ рус-
скаго общества и избавиться отъ постоянныхъ оскорбленій; но
онъ этого не дѣлаетъ въ силу своей честности,—и его угне-
тають за то, что онъ не умѣетъ и не хочетъ лгать. И пусть
такой человѣкъ спроситъ себя въ одно прекрасное утро,
чѣмъ именно онъ согрѣшилъ, почему его считаютъ паріемъ
общества,—онъ не найдетъ удовлетворительнаго, разумнаго от-
вѣта, и будетъ себя справедливо считать мученикомъ. И бу-
детъ онъ страдать нравственно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ недѣлѣе
покажутся ему стѣсняющія его ограниченія. Вотъ онъ, вмѣстѣ
съ своимъ товарищемъ по университету, христіаниномъ, окон-
чивъ филологическій или математическій факультетъ: его то-
варища опредѣляютъ тотчасъ же въ учителя гимназіи, а ему
даютъ дипломъ и пускаютъ на всѣ четыре стороны, такъ какъ
онъ, въ качествѣ еврея, учителемъ въ учебномъ заведеніи не
можетъ быть: онъ, видите-ли, заразить юношество іудействомъ.
Вотъ въ одно прекрасное утро является къ проживающему въ
Петербургѣ литератору-еврею (не имѣющему чина кандидата
правъ) полицейскій чиновникъ и предлагаетъ ему въ 24 часа
выѣхать изъ столицы, гдѣ онъ, какъ еврей, не имѣетъ права
жительства; въ противномъ случаѣ грозитъ ему этапомъ *. Про-

* Немногимъ, вѣроятно, извѣстенъ фактъ, что въ послѣдніе годы въ Петер-
бургѣ проживало немало литераторовъ—евреевъ (изъ нихъ нѣсколько весьма
талантливыхъ и извѣстныхъ), которые были вынуждены приписываться лакеями
къ кандидатамъ правъ изъ евреевъ, для того чтобы имѣть право жительства и

тестовать тутъ, конечно, неумѣстно,—и несчастный бросаетъ всѣ свои занятія, разоряется и выселяется изъ «черту еврейской осѣдлости», нерѣдко губя такимъ образомъ свою литературную карьеру... Да и возможно-ли исчислить всѣ отдѣльныя житейскіе случаи, въ которыхъ мыслящій еврей чувствуетъ себя глубоко оскорбленнымъ и третируемымъ почти какъ преступникъ? Законодатель, вводя въ жизнь извѣстный законъ репрессивнаго свойства, не можетъ видѣть, сколько горя, раздраженія, съ одной стороны, и насилій, жестокостей—съ другой, можетъ накопиться въ жизни при примѣненіи этого закона къ живымъ людямъ, когда законъ этотъ уже отживетъ и явится вопіющимъ противорѣчіемъ самой жизни и духу времени. Поддерживая въ настоящее время ограничительные законы, напримѣръ, о жительствѣ евреевъ, законодательство несомнѣнно руководится цѣлью не допускать въ извѣстные пункты вредныхъ своей «эксплуаторской» дѣятельностью евреевъ, а на дѣлѣ выходитъ, что изъ центровъ просвѣщенія—изъ сто-

труда въ столицѣ. Но полиція, провѣдавъ про это „преступное“ покушеніе „жидовъ“ на жизнь и честное труженничество въ столицѣ, не замедлила выселить многихъ изъ этихъ литераторовъ, подвергнувъ ихъ предварительнo оскорбительному тасканію по полицейскимъ участкамъ для „допросовъ“. Сотни еврейскихъ двошей, готовившихся къ поступленію въ университетъ или къ окончательнымъ экзаменамъ по университетскому курсу, подвергаются ежегодно выселенію изъ столичныхъ городовъ. Наднихъ только изъ Петербурга выселены окончившіе консерваторію евреи—хористы русской оперы (См. Н. Х. „Восхода“, с. г. № 31). Еврейскія дѣвушки, обучающіяся въ высшихъ женскихъ курсахъ (частныхъ) въ Москвѣ, постоянно преслѣдуются полиціей и въ прошломъ году, несмотря на ходатайство директора курсовъ проф. Герье, были выселены изъ столицы въ огромномъ числѣ. Года два тому назадъ почти во всѣхъ газетахъ была оновѣщена потрясающая исторія одной еврейской дѣвушки, пріѣхавшей въ Москву для обученія акушерству въ «школѣ для акушеровъ», и вынужденной, для того, чтобы имѣть право жительства до поступленія, взять изъ полиціи билетъ проститутки (послѣднимъ даровано повсемѣстное право жительства); когда же полиція узнала, что дѣвушка эта не практикуетъ своего позорнаго ремесла, она ее выселила изъ Москвы, какъ не имѣющую права жительства. Мы уже не говоримъ о массовыхъ выселеніяхъ изъ столицъ евреевъ, непринадлежащихъ къ интеллигентному классу. Ихъ выселяютъ безпрерывно, не дозволяя имъ даже временнаго проживанія по дѣламъ. Отъ выселенія рѣдко даже спасаетъ ремесленный дипломъ, такъ какъ для полученія права жительства въ качествѣ ремесленника, нужно пройти всевозможныя митарства.

лицъ безвинно изгоняется учащійся юноша, талантливый писатель, художникъ, не имѣющіе никакого касательства къ «эксплуатаціи». Почему же мы съ глубокимъ негодованіемъ осуждаемъ историческій приговоръ папы Иннокентія III надъ альбигойцами: «жгите всѣхъ, праваго и виновнаго: на небѣ ихъ Богъ разберетъ!»—и не осуждаемъ примѣненія этого приговора въ настоящей дѣйствительности?.. Ибо дѣйствительно, какъ найти объясненіе тому факту, что ученый, литераторъ, поэтъ или художникъ считаются «вредными личностями» въ столицѣ, а вся эта ватага кабатчиковъ, пьяницъ, проституттокъ и карманныхъ воровъ не признается вредною,—и все это только потому, что лица первой категоріи—евреи, а послѣдней—христиане! Законъ, положимъ, оставляетъ еврею выходъ изъ труднаго положенія: онъ совѣтуетъ ему креститься. Но еврей, поставленный передъ такою дилеммою, можетъ задать себѣ вопросъ: почему это законъ, основанный на началѣ вѣротерпимости и не признающій преслѣдованія за религію, преслѣдуетъ меня въ данномъ случаѣ только за то, что я еврей, ибо другихъ проступковъ за мной не считается? И почему же законъ, не заставляя меня *прямо* отречься отъ своей вѣры и—принять христианство, *косвенно* принуждаетъ меня это сдѣлать? Согласитесь, вѣдь это—вопіющія противорѣчія. Какъ согласить эти частные законы съ общимъ законодательнымъ принципомъ?

Вообще, до сихъ поръ было, кажется, слишкомъ мало обращено вниманіе на тотъ характерный фактъ, что наше правительство, руководствуясь относительно всѣхъ различныхъ народностей, населяющихъ Россію, принципомъ «умиротворенія», менѣе всего руководилось имъ по отношенію къ евреямъ. Замѣчательно, что даже такое чрезвычайное и продолжительное бѣдствіе, какъ погромы, обрушившіеся внезапно на головы десятковъ тысячъ людей, не вызвали никакого оффиціального пожертвованія или казеннаго вспомошествованія погромленнымъ, несмотря на то, что такое вспомошествованіе, помимо своего благотворительнаго характера, могло-бы имѣть важное демонстративное значеніе, ибо оно убѣдило-бы массу, что правительство сострадаетъ бѣдствіямъ евреевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ободрило-бы упавшую духомъ еврейскую массу. И не

только не сдѣлано ничего подобнаго, но даже (въ особенности при графѣ Игнатьевѣ) установились отношенія, прямо противоположныя «умиротворенію». Когда недавно правительствомъ сдѣлано огромное пожертвованіе въ пользу потерпѣвшихъ въ нынѣшнемъ году отъ наводненія привислянскихъ поляковъ, всѣ русскія газеты, безъ различія направленій, апплодировали этой благодѣтельной мѣрѣ и выражали надежду, что этотъ поступокъ вызоветъ симпатію польскаго общества и не останется безъ послѣдствій на «умиротвореніе края». А между тѣмъ, на «умиротвореніе» трехъ милліоновъ евреевъ, пострадавшихъ, матеріально или нравственно, отъ бѣдствія, гораздо болѣе жестокаго, чѣмъ наводненіе,—отъ дикаго разгула русской черни,—но обращено никакого вниманія. Думаютъ-ли, что евреи безчувственны къ оскорбленіямъ, или-же, что съ ними нечего церемониться? Считаютъ-ли, что евреи не имѣютъ основанія быть недовольными, или-же, что ихъ недовольство не заслуживаетъ вниманія? Полагаютъ-ли, что государство болѣе выиграетъ, если оно будетъ имѣть три милліона паріевъ, чѣмъ если оно будетъ имѣть три милліона гражданъ и преданныхъ сыновъ отечества?

Резюмируя все сказанное о правительственныхъ отношеніяхъ къ евреямъ въ настоящее время, мы можемъ сказать, что, если въ этихъ отношеніяхъ не замѣчается полного отреченія отъ прежнихъ началъ просвѣщенія и ассимиляціи, то значительное и частое отступленіе отъ этихъ началъ въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ послѣдняго времени не подлежитъ сомнѣнію. Эпоха погромовъ, переживаемая нами, смутила многіе умы и спутала въ нихъ прежніе принципы. А между тѣмъ твердое и неуклонное слѣдованіе просвѣтительнымъ началамъ прошлаго царствованія теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, необходимо—именно теперь, при раздраженіи умовъ, при взаимномъ ожесточеніи, вызванномъ погромами. Дикой, невѣжественной юдофобіей пропитана теперь вся наша общественная атмосфера; необходимо очистить ее отъ этого вреднаго элемента, во избѣжаніе дальнѣйшаго распространенія губительной эпидеміи погромовъ. Но мы ничего подобнаго не видимъ въ дѣйствительности. Какая-то непонятная апатія заступаетъ

мѣсто живой дѣятельности. Чаще же всего мы видимъ, что охранительная власть, по какому-то странному недоразумѣнію, подвергаетъ репрессаліямъ угнетенныхъ и преслѣдуемыхъ евреевъ, чѣмъ, конечно, не только не достигается охранительная цѣль, но, наоборотъ, подается дурной примѣръ нарушителямъ общественнаго спокойствія, и въ сердцахъ униженныхъ и оскорбленныхъ усиливается недовольство и раздраженіе. Умиrotвореніе евреевъ, такимъ образомъ, является вопіющею необходимостью. Но конечно, не въ одномъ временномъ умиrotвореніи дѣло: необходимо, чтобы наше законодательство стало на высоту принципа «сближенія» и обрусенія евреевъ, чтобы оно сдѣлало рѣшительный шагъ къ гражданской ихъ эмансипаціи. Событія послѣдняго времени доказали, что старый ограничительный режимъ скомпрометировалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ, что этотъ режимъ, какъ ненормальный, можетъ порождать только аномаліи, что онъ обрекаетъ на обособленную гражданскую жизнь трехмилліонное населеніе, которое безправіе деморализуетъ, а правовое уравненіе могло бы пересоздать и сдѣлать однимъ изъ наиболѣе полезныхъ и патріотичныхъ элементовъ русскаго государства.

Если мы отъ обзора правительственныхъ отношеній къ евреямъ обратимся къ разсмотрѣнію отношеній, въ которыя стали къ евреямъ, въ послѣднюю тяжкую годину испытаній, русское общество и русская печать, — то придемъ къ не менѣе грустнымъ заключеніямъ. Русское общество (мы, конечно, говоримъ объ «образованномъ» обществѣ, такъ какъ «сермяжная» Русь сама творила погромы, а русское мелкое купечество и лавочники имъ открыто сочувствовали) было свидѣтелемъ самыхъ варварскихъ сценъ, какія только происходили въ послѣднее столѣтіе; оно видѣло воскрешеніе всего, что было самага ужаснаго въ среднихъ вѣкахъ: воскрешеніе религіозныхъ преслѣдованій, гоненій и массовыхъ ограбленій въ мирное время, — и не раздалось ни одного публичнаго, *коллективнаго* протеста (хотя-бы путемъ печати, что было-бы совершенно законно) въ осужденіе этого, опозорившаго Россію движенія, въ осужденіе этихъ дикихъ сатурналій и въ защиту гонимыхъ и беззащитныхъ. Изъ наблюденій надъ антиеврейскимъ движеніемъ

емъ въ Россіи, вся Европа вынесла впечатлѣніе, что въ Россіи общество сочувствуетъ погромамъ, что у насъ возрождаются вѣрка религиозныхъ гоненій,—и русское общество даже не позаботилось смыть съ себя это позорное пятно, опровергнуть это обвиненіе въ варварствѣ, словомъ или дѣломъ. Если же судить объ общественномъ мнѣніи по преобладающему тону печати, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что преобладающее общественное мнѣніе не только не осуждало позорнаго движенія, но даже подчасъ его поддерживало и одобряло. Для этого достаточно только вспомнить о той дикой травлѣ евреевъ на столбцахъ многихъ газетъ и журналовъ, которая въ послѣдніе годы приняла чудовищные размѣры и не прекращается до сихъ поръ. Никто, слѣдящій за печатью, не станетъ оспаривать, что юдофобское направленіе проявляетъ себя въ русской печати съ гораздо большей настойчивостью и энергіею, чѣмъ направленіе, несправедливо названное «юдофильскимъ». Большая часть печати приняла какое-то безразличное, нейтральное положеніе по отношенію къ еврейскому вопросу; теперешняя-же либеральная пресса вообще не отличается особой энергичностью и послѣдовательностью въ защитѣ своихъ убѣжденій, а въ отношеніи къ еврейскому вопросу не обнаруживаетъ никакой самостоятельности, никакой энергіи. Главнымъ же руководителемъ общественнаго мнѣнія является въ настоящее время та испорченная, безпринципная часть печати, которая, не имѣя никакихъ основныхъ положительныхъ убѣжденій, поддѣлывается всегда подъ преобладающій тонъ, удобно прилаживается ко всякимъ минутнымъ вѣяніямъ и возводитъ ложь, безнравственность, шовинизмъ въ руководящія начала. Эта корыстная, безнравственная печать можетъ похвалиться немалымъ успѣхомъ въ дѣлѣ деморализаціи общественнаго мнѣнія, но нигдѣ ея вредныя, отталкивающія свойства не проявились въ такой степени, какъ въ отношеніяхъ ея къ еврейскому вопросу. Почувявъ своимъ опытнымъ нюхомъ, что въ настоящее время юдофобская эпидемія сильно распространена въ нашей духовно-общественной атмосферѣ, и что, слѣдовательно, потаканіемъ этой модѣ на «жидотрепаніе» можно больше угодить подонкамъ общества, — наемные публицисты

этой продажной печати принялись горланить въ униссонъ съ буйствующею, громящею евреевъ толпою. Эта печатная травля битыхъ и беззащитныхъ тѣмъ подлѣе и преступнѣе, что она совершалась сознательно людьми, болѣе или менѣе образованными, между тѣмъ какъ уличная травля производилась толпой невѣжественной и пьяной. Низко-низко, должно быть, пала русская періодическая литература, если въ нее могутъ вторгаться и дѣлаться вліятельными люди, способные совершать нравственныя преступленія ради денегъ и эфемерной популярности, люди, торгующіе своею совѣстью и отбрасывающіе, какъ ненужный хламъ, все что есть самаго святаго въ человѣкѣ: убѣжденія, принципы. Но и общественное мнѣніе не можетъ быть особенно безупречно, если вся эта юдофобская челядь, если всѣ эти Суворины, Озмидовы, Окрейцы могутъ быть съ нимъ солидарны и дѣлаться его руководителями. Та свирѣпая юдофобія, которая проповѣдуется «Новымъ Временемъ» и его соратниками, не можетъ имѣть базиса ни въ христіанскихъ, ни въ общечеловѣческихъ воззрѣніяхъ, ибо истинное христіанство весьма близко подходитъ къ принципамъ гуманности; да сверхъ того, къ еврейству, гдѣ оно взяло свое начало, оно не можетъ питать вражды *; общечеловѣческое же нравственное credo осуждаетъ всякую форму рабства и угнетенія. Только люди *sans foi, ni loi* могутъ комплектовать армію юдофобовъ, а вліяніе такихъ людей можетъ быть, конечно, не инымъ, какъ гибельнымъ и деморализующимъ.

Одинъ печальный фактъ обращаетъ на себя особенное вниманіе. Это то, что у насъ, гдѣ относятся вообще чрезвычайно строго къ тенденціямъ печати, не сочли нужнымъ обуздать эту гибельную печатную травлю, направленную противъ еврейскаго населенія. Даже въ Германіи, гдѣ свободы печати гораздо больше, чѣмъ у насъ, и гдѣ антисемитическое движеніе вовсе не выражалось въ такой безобразной формѣ, какъ

---

* Всѣмъ извѣстно, что митрополиты: кievскій Платонъ, одесскій Дмитрій и нижегородскій епископъ Макарій,—эти представители высшаго русскаго духовенства,—высказались рѣзко противъ юдофобскаго движенія.

въ нашемъ отечествѣ, — даже тамъ правительство очень часто налагаетъ запрещенія и пени на антисемитскіе листки, за подстрекательство и возбужденіе вражды между сословіями. А у насъ ни одна юдофобская газета, какъ бы несдержанна она ни была, не подверглась до сихъ поръ, за возбужденіе вражды къ евреямъ, ни малѣйшей карѣ. Допустимъ даже, что въ правительственныхъ сферахъ часто смотрятъ на евреевъ, какъ на «эксплуататоровъ»; но неужели же правительство разрѣшило бы, напримѣръ, печатать зажигательныя статьи противъ сословія фабрикантовъ или собственниковъ-землевладѣльцевъ, которые также нерѣдко являются эксплуататорами труда во вредъ рабочимъ? Нѣтъ, оно бы въ такихъ случаяхъ примѣнило 1036 ст. «Уложенія о наказаніяхъ». Почему же оно ея не примѣняетъ, когда рѣчь идетъ объ опасной травлѣ евреевъ, эксплуататорская вредность которыхъ вовсе еще не доказана неопровержимыми фактами?

Результатомъ такого «ослабленія» необузданностямъ антиеврейской прессы было окончательное торжество послѣдней. Развращающее вліяніе этой прессы еще до сихъ поръ громадно; оно безпрестанно тормозитъ дѣйствіе всѣхъ охранительныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ противъ погромовъ; оно сѣетъ сѣмена вражды, которыя не могутъ не взойти когда нибудь. Эта безпринципная, свободная отъ всякихъ убѣжденій печать увѣковѣчиваетъ историческій позоръ, которымъ покрыли Россію погромы 1881—84 годовъ. Будущій отдаленный историкъ нашего развитія съ недоумѣніемъ остановится на этихъ «литературныхъ документахъ», походящихъ скорѣе на писанія среднихъ вѣковъ, чѣмъ на произведенія XIX вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы въ Европѣ крестовыхъ походовъ и инквизиціи существовали газеты, онѣ-бы говорили именно языкомъ «Новаго Времени». Разница была бы лишь въ томъ, что средне-вѣковые публицисты писали бы болѣе или менѣе по убѣжденію, между тѣмъ какъ публицисты «Новаго Времени» пишутъ безъ всякихъ убѣжденій, или даже вопреки имъ.

Нашимъ беззаботнымъ современникамъ, равнодушно смотрящимъ на происходящее на ихъ глазахъ позорное движеніе,

не мѣшаетъ вспомнить слѣдующія великія слова, влагаемыя Монтескье въ уста защитника евреевъ: «Il faut que nous vous avertissions d'une chose: c'est que, si quelqu'un dans la posterité ose jamais dire que dans le siècle où nous vivons les peuples d'Europe étoient policés, on vous citera pour prouver qu'ils étoient barbares; et l'idée que l'on aura de vous sera telle qu'elle flétrira votre siècle, et portera la haine sur tous vos contemporains» *.

Экстернусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* „Мы должны васъ предупредить объ одномъ только, а именно: что, если кто-нибудь изъ нашихъ потомковъ осмѣлится когда-нибудь сказать, что въ столѣтіе, въ которое мы живемъ, европейскіе народы были хорошо образованы,— тогда сошлются на васъ въ доказательство того, что они были варварами; и полученное о васъ представленіе будетъ такого рода, что оно займетъ вашъ вѣкъ и наметчетъ ненависть на всѣхъ вашихъ современниковъ“. — (См. *Montesquieu*: „De l'Esprit des lois“, livre XXV, chap. XIII).

ДЪТИ РАНДАРА.

ПОВѢСТЬ КОМПЕРТА.

ІХ.

И с ъ м о.

Когда Морицъ на слѣдующее утро проснулся, было уже поздно. Воскресенье, пришедшее какъ разъ въ этотъ день, пришлось очень кстати; потому что иначе онъ пропустилъ бы классы. Пережитое наканунѣ стояло у него передъ душою какъ зловѣщій сонъ. Свинцовая тяжесть лежала на всѣхъ его членахъ, такъ что онъ съ трудомъ могъ держаться на ногахъ. Тѣло и душа еще не пришли въ надлежащій порядокъ.

Его хозяйнѣ, Салме Фло, давно уже смотрѣлъ на него, скрестивъ руки и язвительно улыбаясь.

— Честное слово, Фрадель, — шепнулъ онъ своей женѣ, — малый еще совсѣмъ пьянъ.

Фрадель не отвѣтила, она только отерла себѣ глаза кончикомъ фартуха и съ состраданіемъ поглядѣла на юнаго грѣшника.

Мало по малу Морицъ пришелъ въ себя; онъ вспомнилъ, что ему надо молиться. Механически взялъ онъ мѣшочекъ, въ которомъ лежали теффилимъ (молитвенные ремни), чтобы повязаться ими. Но эта операція продолжалась цѣлыхъ четверть часа. Онъ все дѣлалъ на выво-

---

* См. „Восходъ“ кн. X.

реть и вмѣсто того, чтобы помѣстить „домикъ“ или узелъ молитвенныхъ ремней посрединѣ лба, отодвинулъ его назадъ.

Увидя это, Салме Фло расхохотался.

— Клянусь моею головою, — вскричалъ онъ, — если такъ будетъ идти дѣло дальше, то онъ, пожалуй, станетъ рубить дрова въ святой праздникъ.

Слово праздникъ совсѣмъ отрезвило Морица; увидѣвъ предъ собою своего хозяина въ праздничномъ платьѣ, готоваго идти въ синагогу, онъ понялъ свою оплошность, такъ какъ въ праздникъ не позволено повязывать молитвенные ремни.

— Ну, что жъ, слышалъ ты, что я сказалъ? — повелительно продолжалъ Салме, видя, что Морицъ все еще колеблется снять противозаконные ремни; — о, не будь серодня праздникъ! Но я не хочу портить ротъ, иначе ты бы услышалъ, на что способенъ Салме Фло.

Съ этими словами онъ вышелъ и сердито захлопнулъ за собою дверь.

Странныя мысли бродили въ душѣ нашего студента въ эти два праздничныхъ дня, между тѣмъ какъ хозяйка дулись на него. Онъ не могъ убѣдить себя, что совершилъ ужъ *такой* сильный грѣхъ, и такую пережѣву въ образѣ мыслей произвелъ въ немъ главнымъ образомъ Мендель Вильна со своимъ разсказомъ. Жизнь шнорера представлялась теперь юношѣ сплетеніемъ безумныхъ мечтавій, не имѣвшихъ ничего общаго съ повседневною жизнью, и хотя его собственная голова еще недавно была наполнена такимъ же бредомъ, но онъ невольно смѣялся, когда вспоминалъ Менделя, въ которомъ этотъ бредъ нашелъ себѣ такое полное олицетвореніе.

— Удивительный сумасшедшій! — думалъ Морицъ; — не смотри онъ такъ серьезно на свою постройку Іерусалама, его просто слѣдовало бы поднять на смѣхъ. Оставить жену и дѣтей, непрерывно бродить по свѣту — и все это только для того, чтобы призывать людей къ постройкѣ Іерусалима! Неужели онъ и вправду думаетъ, что мой хозяинъ Салме Фло рѣшился бы разстаться со своими старыми штанами и жиле-

тами?... Однако сестра Менделя была все-таки удивительное дитя! Она только и говорила, что про Иерусалимъ, и съ этимъ и умерла! Да, такія мысли дѣйствительно не для здѣшняго міра, въ нихъ есть нѣчто мертвое, это я понималъ только теперь. Я готовъ даже сказать, что Мендель Вильна уже умеръ... точно привидѣніе ходитъ онъ...

Морицъ уже не искалъ встрѣчи со своимъ старымъ другомъ; праздничные дни проходили безъ свиданія между ними. Причиною такого образа дѣйствій со стороны юноши былъ остатокъ прежняго уваженія его къ старику; онъ именно боялся, что не будетъ въ состояніи достаточно серьезно слушать „ченуху“ Менделя.

Между тѣмъ Морицъ не подозрѣвалъ, какая буря собиралась надъ его головою. Возвратясь во вторникъ послѣ праздниковъ изъ школы домой, онъ засталъ своего хозяина Салме Фло занятымъ большими приготовлениями къ писанію. Какъ только Морицъ вошелъ въ комнату, Салме спросилъ его:

— Можешь ты дать мнѣ пера и чернила?

Лице его было при этомъ мрачно, и брови нависли надъ глазами словно грозовыя тучи. Жена его, Фрадель, сидѣвшая подлѣ него, сказала тихо, такъ что Морицъ не могъ слышать:

— Не дѣлай этого, Салме!

Но Салме повелительно возразилъ:

— Молчи и не мѣшай мнѣ. Я согрѣшу, если не сдѣлаю.

— Тонкое или толстое перо? спросилъ Морицъ.

— Толстое, толстое — отвѣчалъ Салме съ сердитымъ смѣхомъ, — толстое, какъ метла... не тонкія вещи прійдется писать.

Отыскивая у себя въ ящикѣ перо, Морицъ не могъ удержаться, чтобъ не спросить: „кому же это вы хотите писать, Салме?“ — такъ какъ онъ никогда еще до сихъ поръ не видѣлъ своего хозяина за этимъ занятіемъ.

— Сейчас увидишь, — отвѣчалъ тотъ очень мрачно, — дай перо.

— Можетъ быть, неисправному должнику? продолжалъ спрашивать Морицъ, подавая требуемое.

— Да, должнику, которому я долженъ сказать правду, отвѣчалъ Салме и опустилъ перо глубоко въ чернильницу.

Морицъ взялъ школьную работу и усѣлся въ углу комнаты. Салме цѣлый часъ пропотѣлъ надъ письмомъ, которое онъ писалъ съ большимъ рвеніемъ, и окончивъ, сказалъ жегѣ:

— Хочешь прослушать?

Фрадель сдѣлала за спиною Морица движеніе рукою, показывавшее, что она считала неудобнымъ присутствіе юноши при чтеніи.

— А мнѣ что за дѣло до него?—возразилъ Салме громко;—пусть себѣ слушаетъ, сколько угодно.

И сперва глухимъ, потомъ все болѣе и болѣе усиливающимся голосомъ онъ сталъ читать свое сочиненіе. Морицъ слышалъ слѣдующее:

„Въ священную общину Бунцлау, семь дней въ Сиванѣ (май).

„Добрѣйшему господину рандару Шмулю и рандаршѣ сто лѣтъ жизни!

„Богу Всемогущему извѣстно, съ какою великою горестью долженъ я приняться за перо; но волосы становятся дыбомъ, когда подумаешь, какія вѣщи понадѣлалъ вашъ сынъ, который уже пять лѣтъ имѣетъ у меня столъ и квартиру. Жѣна моя старалась отсвѣтовать мнѣ и все говорила: „не дѣлай этого, Салме!“ Но я отвѣчалъ ей: „Я самъ сильно согрѣшу, если не увѣдомлю сейчасъ же рандара ребъ Шмуля!“ Славнаго юношу воспитали вы себѣ въ вашемъ Морицѣ! Капельки еврейской крови не осталось въ немъ! Знаете, что натворилъ вашъ Морицъ? Въ святой праздникъ онъ со своимъ товарищемъ Гонзой отправился въ деревню и тамъ танцевалъ, и пилъ, и ѣлъ. И съ еѣмъ танцевалъ онъ и пилъ? Съ деревенскими дѣвушками и парнями, Господи спаси насъ! И наши люди изъ общины проходили мимо и видѣли это своими собственными глазами! А потомъ они пришли ко мнѣ и сказали: „Славнаго мальчижа принялъ ты къ себѣ въ домъ, чей онъ такой?“ Я отвѣчаю: „Ребъ Шмуля рандара, а маменьку его зовутъ Рахиль!“ Одинъ и говорить: „Иди туда, Салме, и уведи его оттуда, онъ ужъ такъ пьянъ, что на ногахъ не можетъ держаться.“ У меня все сердце перевернулось.

Въ одинадцать часовъ ночи вашъ Мориць вернулся домой; до сего дня я еще не говорилъ ему ни слова, поступайте съ вашимъ сыномъ, какъ хотите, я свое дѣло сдѣлалъ. Но вотъ что я скажу вамъ: пусть только Гонза еще разъ войдетъ въ мой домъ, я его прийму такъ, что онъ не уйдетъ съ цѣлыми ребрами. Оттого, что я не потерплю у себя въ домѣ никакого поше исроэль (отступника отъ Израиля), и если вашъ Мориць сдѣлаётъ это во второй разъ, то я не ручаюсь, что и на него не буду смотрѣть, какъ на Гонзу или Павла. А покажѣсть будьте здоровы. Остаюсь искренно вашъ Салме Фло.“

Мориць, услышавшій съ первыхъ же словъ письма, что рѣчь шла о немъ, повернулся на стулѣ, и затѣмъ во все время чтенія сидѣлъ съ видимымъ равнодушіемъ прямо противъ Салме и его жены. Окончивъ чтеніе, Салме посмотрѣлъ на юношу съ торжествующимъ видомъ, ожидая, что увидитъ его совершенно подавленнымъ и убитымъ. Но Мориць громко расхохотался, схватилъ книгу и шапку и прежде, чѣмъ Салме успѣлъ раскрыть ротъ, былъ уже за дверьми.

— Ну, что ты скажешь *на это*? воскликнулъ Салме послѣ первыхъ минутъ ужаса.

— Да развѣ я тебя не отговаривала? возразила болѣе кроткая Фрадель;—но ты не хотѣлъ послушаться.

Салме Фло впалъ въ глубокую задумчивость.

— Этотъ малый—сказалъ онъ послѣ длинной паузы — совсѣмъ готовъ для гегеннимъ (ада)... А письмо я все таки отошлю.

Посланіе Салме получилось въ домѣ рандара всего четвертью часа позже прибытія туда Мендела Вильны. Прибытіе столь долго отсутствовавшего шноррера привело въ радостное волненіе ребъ Шмуля и Рахиль. Рандаръ сидѣлъ со своимъ гостемъ въ задушевной бесѣдѣ и выслушивалъ длинный разговоръ Мендела о путешествіи его въ Іерусалимъ. Но вотъ шнорреръ вынулъ изъ своей дорожной сумки два иѣшочка и передалъ ихъ рандару со словами:

— Вотъ то, что я обѣщалъ вамъ принести.

Ребъ Шмудль не могъ припомнить, о чемъ это шла рѣчь, ощупаль мѣшочки и спросилъ, что въ нихъ.

— Земля изъ Іерусалима, отвѣчалъ шнорреръ.

— Настоящая Іерусалимская земля? съ изумленіемъ воселикнулъ рандаръ.

— Я ее накопаль на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ нашъ священный храмъ.

Рандаръ, дрожа отъ радости, развязаль мѣшочки, и глаза его чудно заблестѣли, когда онъ увидѣлъ эту невзрачную съ вида, но столь дорогую землю.

— Но это въ самомъ дѣлѣ іерусалимская земля? — переспросилъ онъ снова. — Не обманывайте меня, ребъ Мендель, потому что я хочу, чтобъ эту землю мнѣ положили подъ голову, когда я умру.

— Съ какихъ же это поръ я такимъ лжецомъ сдѣлался? — съ улыбкою сказалъ шнорреръ; — а впрочемъ вотъ вамъ удостовѣреніе отъ одного іерусалимскаго раввина.

Съ этими словами онъ далъ рандару бумагу съ большою печатью, которую тотъ однако не сталъ читать. Онъ взялъ мѣшочки и письменное удостовѣреніе и спряталь то и другое въ одномъ изъ самыхъ потайныхъ ящичковъ комода.

— Ну, теперъ отлично, — сказалъ онъ, — теперъ я по крайней мѣрѣ получилъ возможность лечь послѣ смерти на іерусалимской землѣ. Такія сокровища достаются не легко.

Въ это время въ комнату вошла рандарша съ письмомъ Салме въ рукѣ. У нея было очень встревоженное лице и въ глазахъ слезы. Уже до полученія этого письма Мендель Вильна разсказаль, какъ онъ поздно вечеромъ встрѣтилъ Морица сидящимъ на улицѣ.

Рандарша тогда же тревожно покачала головою. Зачѣмъ было Морицу оставаться внѣ дома въ такой поздній часъ? Да еще сидѣть на улицѣ?

Но тутъ получилось письмо, и она увидѣла связь между этими вещами. Глубокая скорбь овладѣла ею. Она пошла передать письмо мужу.

Но едва она открыла дверь, какъ рандаръ, все еще восторгавшійся подаркомъ нищаго, крикнулъ ей:

— Угадай, Рахиль, что принесъ намъ ребъ Мендель?

— Откуда же мнѣ знать? сказала она съ печальной улыбкой.

— Землю изъ Иерусалима, объяснилъ рандаръ и направился къ ящику, чтобъ снова вынуть оттуда мѣшочки.

Материнскимъ сердцемъ рандарша тотчасъ же угадала опасность отдать письмо мужу именно теперь, когда онъ находился въ такомъ религиозномъ настроеніи. Поэтому она затаила содержаніе письма въ своей душѣ, какъ срываютъ смертельную рану.

Но ночью новыя мысли не давали ей спать.

— Боже, Всемогуцій Боже!—говорила она,—неужели же въ самомъ дѣлѣ ученъе такъ портитъ мое дитя? Вѣдь сколько людей училось и учится, а остаются же они хорошими евреями! И только моему ребенку оно вредитъ?.. Что скажетъ мой мужъ, какъ узнаетъ! Ахъ, было бы гораздо лучше, если бы мой сынъ остался въ деревнѣ, съ мужиками и пивными бочками!.. Но правда ли это?.. Нѣтъ, нѣтъ, это была у моего дитяти только одна несчастная минута!..

Письмо осталось не показаннымъ.

Х.

Причина и Результатъ.

Гонза въ послѣднее время велъ очень печальную жизнь. Уже нѣсколько недѣль не получалъ онъ изъ дому ни малѣйшаго пособія. Его отецъ Вацлавъ, прежде зажиточный крестьянинъ, совершенно погибъ отъ пьянства, его домъ, поля, огороды сдѣлались жертвою несчастной страсти, которой онъ предался такъ сильно. Мать Гонзы часто пріѣзжала къ нему въ Бунцлау и съ плачемъ рассказывала, какъ всѣ деньги переходили къ рандару, и не оставалось даже на то, чтобы шить сыну сюртукъ; все пропивалъ отецъ, за послѣднюю корову нельзя было ругаться, что ее не сведутъ скоро на рынокъ.

Живеть въ этихъ шинкахъ какая то особая демонская сила. Народъ, котораго они неодолимо влекутъ къ себѣ, знаетъ эту силу; онъ знаетъ даже, какимъ способомъ избавиться отъ ея вліянія. Но часто совершенно незначительныя вещи сбиваютъ съ надлежащаго пути. То соблазняетъ вывѣска шинка, то бездѣлье, въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ — жажда. У Вацлава, отца Гонзы, это дѣйствіе производила долговая книга рандара. Онъ не могъ разубѣдить себя, что въ этой книгѣ заключено все его несчастіе. Извѣстно, какимъ образомъ идея, какъ скоро она заняла мѣсто въ отугвѣвшемъ отъ пьянства мозгу, мало по малу принимаетъ опредѣленную форму.

Вацлавъ имѣлъ конечно полное основаніе приписывать долговой книгѣ все свое бѣдствіе; но онъ пошелъ дальше. — Только бы мнѣ — думалъ онъ, — спривадить со свѣта ее, провлятую, все пойдетъ хорошо! — Онъ пробовалъ нѣсколько разъ украсть книгу, но это ему не удавалось.

И вотъ однажды ночью въ домъ рандара вспыхнулъ пожаръ, огонь добрался уже до амбара, когда ударили въ набатъ. Къ счастью, пламя не распространилось дальше; сгорѣлъ только амбаръ, который въ это время былъ уже наполненъ лѣтною жатвой.

Странно! Рандаръ тотчасъ же подумалъ, что виновникомъ пожара не могъ быть никто иной, кромѣ Вацлава. Онъ отправился въ полицейское управленіе и просилъ арестовать пьяницу. Вацлавъ былъ потребованъ къ допросу; онъ сознался во всемъ — именно, что поджегъ домъ изъ мести къ еврею и для того, чтобы уничтожить долговую книгу.

Это происходило не задолго до раздачи классныхъ аттестацій. Моррицъ и Гонза шли однажды вмѣстѣ изъ училища. На площади, предъ зданіемъ уголовного суда, они увидѣли толпу, тѣснившуюся вокругъ только что привезеннаго преступника. Изъ любопытства молодые люди подошли ближе; но Гонза тотчасъ же испустилъ пронзительный крикъ и упалъ безъ чувствъ на землю. Въ преступникѣ онъ узналъ собственнаго отца.

Сострадательные люди отнесли Гонзу въ его квартиру, указанную имъ Морицомъ.

Когда Гонза очнулся, передъ его постелью стоялъ Морицъ и держалъ его холодную руку въ своей. Несчастный юноша съ глубокимъ вздохомъ открылъ глаза; вернувшееся сознание постепенно сосредоточилось въ единственномъ взглядъ, который онъ бросилъ на товарища. Морицъ привѣтливо улыбулся ему; но это выраженіе участія повидимому очень непріятно подѣйствовало на Гонзу. Изъ всёхъ силъ, какія были у него, онъ оттолкнулъ Морица на нѣсколько шаговъ отъ себя.

— Гонза, Гонза!—вскричалъ тотъ;—развѣ ты не узнаешь меня?

— Ступай къ дьяволу въ адъ!—бѣшено отвѣчалъ Гонза,—потому что вы, жида, одни виноваты въ несчастіи моего отца!

— Это неправда! — отвѣчалъ Морицъ, поблѣднѣвъ и съ дрожавшими губами.

— Развѣ вы не поили его?—продолжалъ кричать Гонза, — развѣ вы не высасывали его до тѣхъ поръ, пока онъ не попалъ въ кандалы? Вы разорили насъ, твой отецъ пьявка, которая сосетъ кровь всей нашей деревни!

И онъ уткнулся лицомъ въ подушку и зарыдалъ. Морицъ, полный гнѣва и негодованія, стоялъ у двери и не говорилъ ни слова.

— О, горе, горе!—воскликнулъ Гонза,—нигдѣ теперь нельзя ни къ кому показаться на глаза... Отецъ въ кандалахъ! Люди стануть плевать мнѣ въ лицо!.. Проклятые жида! Они все отняли у насъ—разрази ихъ громъ небесный!

— Ты лжешь, Гонза,—возразилъ Морицъ:—твой отецъ всегда былъ пьяница.

— Ступай къ дьяволу въ адъ!—повторилъ Гонза, —ты то же что твой отецъ, а твой отецъ тоже что ты! Никакой разницы!

Морицъ съ гнѣвомъ распахнулъ дверь и выбѣжалъ изъ комнаты.

До раздачи аттестацій оставалось еще два дня. Съ лихорадочнымъ безпокойствомъ ожидалъ ихъ Морицъ. Точно зловѣщая тѣнь слѣловало за нимъ всюду несчастье Гонзы, и онъ не могъ отдѣлаться отъ

мысли, что оно находится въ какой нибудь связи съ его родительскимъ домою. Оттуда не получалось никакихъ извѣстій; Мориць томился сомнѣніями и мучительной неизвѣстностью...

Послѣ раздачи аттестацій онъ въ тотъ же самый день, поздно вечеромъ, пріѣхалъ домой въ деревню. Съ сильно бьющимся сердцемъ постучался онъ въ ворота; въ шинкѣ горѣлъ еще огонь. Онъ вошелъ среди глубокой тишины; только черезъ нѣсколько минутъ что-то зашевелилось за столомъ, услышавъ шумъ его шаговъ. То была Ганнеле, уснувшая въ ожиданіи брата.

— Кто тутъ? закричала она и подняла заспанные глаза на Морица.

— Это я, отвѣчалъ братъ.

Онъ а кинулась къ нему, они нѣжно поздоровались.

— Что дѣлаютъ отецъ и мать? спросилъ Мориць.

— Отецъ здоровъ и уже спитъ. Мать...

— Ну что же мать? крикнулъ Мориць съ испугомъ.

— Да развѣ ты не знаешь, что у насъ случилось? Вѣдь мы погорѣли.

Мориць съ испугомъ смотрѣлъ на нее.

— И знаешь, кто поджегъ? Не повѣришь, я думаю, что Вацлавъ.

— Гонза, Гонза! воскликнулъ Мориць, охваченный болѣзненнымъ воспоминаніемъ.

— Какой Гонза!—съ испугомъ сказала Ганнеле, —вѣдь я же тебѣ говорю, что это его отецъ... Нашъ отецъ сейчасъ же сказалъ, что это не могъ сдѣлать никто кромѣ Вацлава. Огонь замѣтили уже тогда, когда весь амбаръ сгорѣлъ, когда ни одна душа въ деревнѣ еще не пошевелилась, чтобы помочь тушить. Пришлось кричать и молить, чтобъ кто нибудь помогъ.

— Никто не хотѣлъ тушить, говоришь ты, —произнесъ Мориць и задумался. Но черезъ минуту онъ очнулся и тревожно спросилъ: — А мать?

Но рандарша уже узнала голосъ любимого сына; она тихо встала

съ постели и теперь стояла со свѣчою въ рукѣ на порогѣ комнаты. Увидѣвъ ее, Мориць вздрогнулъ отъ испуга. Какое блѣдное и страдальческое лицо! Съ громкимъ крикомъ бросился онъ къ ней, она нѣсколько минутъ держала его въ объятіяхъ.

— Хорошо, — сказала она, — что ты пріѣхалъ; еще немного, и ты не нашелъ бы меня.

Мориць печально смотрѣлъ на нее.

— Я знаю, во мнѣ сидитъ смерть, и виноватъ въ этомъ Вацлавъ.

— Что ты говоришь такое, милая мама?

— Я знаю, что знаю, отвѣчала рандарша съ мрачною улыбкой.

Мориць ощущалъ глубокой ужасъ, все представлялось ему зловѣщимъ предзнаменованіемъ.

Въ слезахъ и тревогѣ провелъ онъ эту ночь. Едва стало свѣтать, какъ онъ поспѣшно всталъ и пошелъ къ сгорѣвшему амбару; ему хотѣлось скорѣе увидѣть дьявольскую работу крестьянина. Утренніе ароматы проносились по горамъ и долинамъ, поселяне шли на работу, они кланялись воротившемуся домой юношѣ; но Мориць едва отвѣчалъ имъ, онъ мрачно смотрѣлъ имъ вслѣдъ.

— Ни одинъ не хотѣлъ тушить! — съ горечью цвѣторалъ онъ, — ни одинъ!

Но когда онъ увидѣлъ обгорѣлыя развалины, почернѣвшія отъ огня каменные стѣны, имъ овладѣло глубокое негодованіе; даже это голубое небо, безпрятственно глядѣвшее на него сквозь это очищенное мѣсто, наполнило его душу невыразимымъ гнѣвомъ.

— Проклятый, гнусный Вацлавъ! — вскричалъ онъ. — За что принесъ онъ это несчастье нашему дому? Что мы ему сдѣлали? Гонза лежеть, если онъ обвиняетъ моего отца. Насъ не любитъ никто въ деревнѣ, и въ этомъ вся причина. Имъ бы хотѣлось, еслибъ они только могли, утопить насъ въ стаганѣ воды... Ни одинъ не хотѣлъ тушить!..

Онъ сѣлъ на обгорѣвшее бревно и задумчиво смотрѣлъ на дѣло

разрушенія. Ему пришла на мысль его больная мать, и такъ какъ въ сердцѣ его и безъ того была жестокая тревога, то онъ принялъ за несомнѣнное, что она никакъ не можетъ выздоровѣть. Онъ уже слышалъ ея послѣднее дыханье, онъ видѣлъ ея агонію, ея похороны...

Изъ этого забытїя вывела его Ганнеле, уже нѣсколько времени стоявшая подлѣ него.

— Отчего ты такъ рано всталъ? спросила она.

— Я не могъ спать, мрачно отвѣтилъ онъ.

— Я тоже; у меня тяжелыя заботы.

— Тяжелыя заботы? У тебя онъ откуда? — спросилъ Морицъ и не могъ удержаться отъ улыбки. Но тутъ же спохватился и со вздохомъ прибавилъ: — Да, изъ-за нашей матушки!

— И изъ-за ея... — сказала Ганнеле, покраснѣвъ, и на минуту замолчала. — Что, Гонза не прїѣдетъ домой на каникулы?

— Какое тебѣ дѣло до него? — гнѣвно крикнулъ Морицъ; — онъ такой же врагъ нашъ, какъ его отецъ, какъ всѣ они!

— Гонза тутъ ни при чемъ, — съ волненіемъ сказала Ганнеле, — въ немъ нѣтъ ни одной жилки Вацлава. Гонза не былъ бы въ состояніи поджечь...

— Это ты такъ думаешь, — съ горькою насмѣшливостью возразилъ Морицъ; — а вотъ если бы ты слышала то, что мнѣ привелось выслушать, еслибъ ты слышала, какъ онъ проклиналъ нашихъ родителей, насъ всѣхъ...

— И меня?..

— Насъ всѣхъ! — гнѣвно повторилъ Морицъ, — стало быть, и тебя!..

И въ словахъ, которыя отъ прикосновенія къ нимъ воспоминанія шипѣли какъ рапы, до которыхъ дотрогиваешься раскаленнымъ желѣзомъ, онъ передалъ ей свою сцену съ Гонзой. Голосъ его дрожалъ, и глаза были наполнены слезами.

— Гонза не могъ сказать это! проговорила Ганнеле, качая головой, но съ твердымъ убѣжденіемъ.

— Значить, ты мнѣ не вѣришь? воскликнулъ Морицъ больше съ удивленіемъ, чѣмъ съ гнѣвомъ.

— Гонза не могъ сказать это! въ полголоса повторила дѣвушка и опустила глаза предъ строгимъ братомъ. Потомъ она повернулась и сказала: — Теперь мнѣ надо идти въ шинокъ, тамъ ужъ вѣрно есть что нибудь.

Медленно пошла она къ дому. Морицъ смотрѣлъ ей вслѣдъ съ глубокимъ удивленіемъ.

Не рѣдко случается, что существа, ближе всѣхъ другихъ стояція къ намъ, соединенныя съ нами узами природы, чужды намъ. Какъ мало знаемъ мы часто нашихъ собственныхъ братьевъ и сестеръ! Въ продолженіе всей жизни идемъ мы съ ними рядомъ, принимаемъ полное участіе въ ихъ судьбѣ; бѣдствіе, постигающее ихъ, мы чувствуемъ такъ же сильно, какъ будто оно обрушилось на насъ самихъ; но глубокое, духовное содержаніе ихъ натуры, таинственная сторона ихъ существеннѣйшей индивидуальности часто ускользаютъ отъ насъ, остаются намъ невѣдомыми...

Тоже самое было и съ братомъ Ганнеле. Она получила для него значеніе только теперь, съ той минуты, какъ озарила предъ нимъ такимъ яркимъ свѣтомъ тайникъ своей души. До этихъ поръ Морицъ не обращалъ на сестру никакого вниманія; въ качествѣ студента онъ былъ полонъ того самодовольства, которое съ высокошрїемъ относится къ знаніямъ другихъ. Отецъ ихъ такъ часто доказывалъ непригодность ученья для дѣвушекъ, что Морицъ въ концѣ концовъ самъ убѣдился въ этомъ.

Съ изумленіемъ замѣчалъ онъ теперь, что Ганнеле ничего не знаетъ; онъ никогда не видѣлъ ее съ молитвенникомъ въ рукѣ — даже въ субботу. Въ ней вообще повидимому было мало „еврейскаго“. Но за то ей были извѣстны всѣ пѣсни, пѣвшіяся въ деревнѣ, и когда ей нечего было дѣлать, она садилась у себя во дворѣ и пѣла свѣжимъ звонкимъ голосомъ. Такъ засталъ ее однажды Морицъ; то была одна изъ тѣхъ пѣсень,

въ которыхъ несчастный любовникъ такъ трогательно выражаетъ свою тоску по далекой, за горами живущей возлюбленной. Она пѣла:

Далека ты, гора, горенька!
 Далеко ты, мой сердечный другъ!
 Ты ушла далеко за горы,
 Вянетъ наша вся любовь!

Морицъ нѣсколько минутъ прислушивался къ грустной мелодіи этой пѣсни; она показалась ему странною, почти безнравственною въ устахъ его сестры.

— У кого научилась ты этой пѣснѣ? спросилъ онъ съ строгимъ выраженіемъ лица.

— Я слышала, какъ ее пѣли дѣвушки и парни въ деревнѣ.

— И ты понимаешь ее?

— Да развѣ я не понимаю по чешски?

— Тебѣ не слѣдуетъ пѣть эту пѣсню; она не идетъ къ еврейской дѣвушкѣ.

— Да вѣдь ее поютъ въ деревнѣ!

— Именно поэтому и не слѣдуетъ.

— Но она мнѣ нравится...

И Ганнеле пропѣла еще послѣдній куплетъ...

Много и сверхъ того происходило въ домѣ такого, что сбивало съ толку нашего Морица. Онъ вступилъ въ тотъ періодъ своей душевной жизни, когда душа готовится—точно къ длинному путешествію—къ искренней ненависти или къ искренней любви. Недавній пожаръ, какъ ни ничтожно было его значеніе для рандара въ матеріальномъ отношеніи, овладѣлъ всѣми мыслями и чувствами юноши, затронулъ до самой сокровенной глубины его любовь и ненависть и поставилъ ихъ другъ противъ друга какъ бы для взаимной борьбы.

Особенно не понималъ онъ своего отца. Онъ ожидалъ встрѣтить разгнѣваннаго человѣка, который принялъ очень близко къ сердцу дьявольски злую штуку Вацлава — но Шмуль остался совершенно такимъ же, какимъ былъ до тѣхъ поръ. Съ молитвенными ремнями вокругъ го-

ловы и рукъ продолжалъ онъ по прежнему ходить каждое утро между крестьянами; онъ не говорилъ съ ними строже, чѣмъ прежде, ничто не указывало на нарушеніе существовавшихъ до того времени отношеній. Крестьяне продолжали называть его „панъ Шмуль“ и сдвигать стаканы, когда онъ молился. Въ былые дни эта безмятежность отца представлялась Морицу чѣмъ-то необычайно возвышеннымъ. Но теперь злой внутренній голосъ подсказывалъ ему, что это пресловутое спокойствіе совсѣмъ не искреннее; да и не можетъ быть искреннимъ... Юноша считала его притворствомъ...

Не разъ думалъ онъ объ отношеніяхъ своихъ родителей въ деревнѣ, они казались ему странными и загадочными. На первыхъ порахъ онъ былъ склоненъ свалить всю вину на коварныхъ и тупыхъ крестьянъ. Онъ допускалъ существованіе въ нихъ врожденныхъ злыхъ чувствъ, побуждавшихъ къ ненависти противъ „евреевъ.“ Но его кроткое сердце скоро запротестовало противъ этого несправедливаго обвиненія. Гдѣ же однако въ такомъ случаѣ источникъ этой внутренней отчужденности, этой скрытой вражды, этого коварнаго злорадства? Гдѣ корни этого дерева?

Конечно не въ религіи. Развѣ его отецъ не молился среди этихъ людей? Развѣ онъ не носитъ открыто и безбоязненно внѣшнихъ знаковъ своей религіи? Морицъ чувствовалъ — хотя и не ясно высказывалъ — что никакая религія не можетъ разъединять людей. Но можетъ быть, причина заключается въ томъ, что его отецъ зажиточный человѣкъ? Стало быть, зависть? Но въ деревнѣ было нѣсколько крестьянъ, которые могли бы похвѣяться состояніемъ съ рандаромъ. Все, что они имѣли, составляло ихъ собственность, отецъ же Морица былъ не болѣе, какъ арендаторъ, и даже барщина, отбывавшаяся ими за свою землю, представлялась молодому человѣку выгоднѣе положенія рандара, какъ основаннаго на пользованіи только чужою собственностью. И богатымъ крестьянамъ въ деревнѣ тоже завидовали... Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи молодой человѣкъ не находилъ ничего, что могло бы говорить именно противъ его родителей.

Но между религіею и завистью находилось еще нѣчто—умственное превосходство рандара предъ этими людьми. Въ этомъ обстоятельствеи нашель Мориць причину всѣхъ бѣдствій, все разрѣшеніе своихъ сомнѣній. Его отецъ и крестьяне не составляли сплоченной цѣпи; не доставало соединительнаго звена. Рандаръ былъ уменъ, разсудителенъ, трудолюбивъ; они — тупы, лѣнны и ограничены; какаа же могла быть между ними связь, какое общеніе?

— Будь только еврей немного глупѣе, а крестьяне немного умнѣе—разсуждалъ онъ—и тѣмъ и другимъ сдѣлалось бы хорошо. Установилась бы надлежащая гармонія.

Но какъ достигнуть этого? Развѣ можно такъ быстро сдвинуть людей съ той ступени умственнаго развитія и возрѣвнїи, на которой они стояли столь долгое время?... Чѣмъ больше думалъ Мориць, тѣмъ сильнѣе начиналъ сомнѣваться въ простотѣ и откровенности своего отца; характеръ старика казался ему двойственнымъ: въ кругу крестьянъ онъ съ ними за панибрата, пьетъ изъ одного ставана, молится; въ душѣ же презираетъ ихъ.

Въ этой мысли укрѣпилъ его однажды самъ рандаръ. Они стояли вдвоемъ передъ отстраивавшимся за ново и почти уже оконченнымъ амбаромъ.

— Это хорошо, отецъ, что ты выстроилъ теперь амбаръ изъ камня и кроешь его черепицей, сказала Мориць.

— Отчего хорошо?

— Теперь его не такъ легко сжечь.

— Ты думаешь? — возразилъ рандаръ съ такой улыбкой, каковой Мориць еще никогда не видѣлъ у него; — завтра они, очень можетъ быть, сожгутъ весь мой домъ. Я не вѣрю ни одному мужику...

И такъ, недовѣріе съ обѣихъ сторонъ? Какаа изъ нихъ имѣла больше права на него?

Возможна ли была помощь? Откуда могла она явиться?...

XI.

Приходскій праздникъ.

Съ каждымъ новымъ камнемъ, прибавлявшимся въ постройкѣ новаго амбара, какъ будто уходила частица жизни рандарши. Часто, смотря на возводившееся зданіе, она говорила, что не будетъ уже ѣсть хлѣбъ, который стануть приносить оттуда слѣдующимъ лѣтомъ. Когда старались разогнать эти мрачныя мысли, она качала головой и говорила, что „крестянинъ Вацлавъ хорошо обо мнѣ позаботился“. Проходили нерѣдко цѣлыя дни, что она не могла встать съ постели. Жутко становилось на душѣ у Морица, когда онъ видѣлъ, что пагубная болѣзнь его матери съ каждымъ днемъ шла больше и больше впередъ. Скорбь и бѣшенство равномерно овладѣвали имъ....

Между тѣмъ наступалъ праздникъ. Въ домѣ начались обычныя приготовленія. Мели полы, вставляли свѣчи въ стѣнные подсвѣчники и преимущественно занимались наполненіемъ бутылокъ. Морицъ, не смотря на свое печальное положеніе, не могъ не обратить вниманіе на странность того обстоятельства, что его отецъ, еврей, готовитъ свой домъ для христіанскаго праздника.

За день до того Ганнеле сидѣла въ саду, напѣвая одну изъ тѣхъ деревенскихъ пѣсень, которыя были у нея всегда на губахъ. Вдругъ позади ея, за деревьями что-то зашумѣло; она обернулась и увидѣла передъ собою Гонзу, блѣднаго и растрепаннаго.

— Ну слава Богу, что я здѣсь! воскликнулъ онъ.

— Господи! Откуда это ты въ такомъ видѣ? въ испугѣ спросила его Ганнеле.

— Не говори такъ громко—отвѣчалъ Гонза, вздрогнувъ и боязливо оглядываясь вкругомъ; —меня могутъ увидѣть!

— Такъ чтожь такое?

— А то, что я не смѣю смотрѣть никому въ глаза. Твой братъ не здѣсь?

— Что тебѣ нужно отъ него?

— Ничего... лишь бы онъ не былъ здѣсь! Ты первая, съ которой я заговорилъ. Я обѣжалъ далеко полями, чтобъ только миновать деревню. Даже моя мать не знаетъ, что я пришелъ.

— Она порадуется, — змѣтила Ганнеле — что ты захотѣлъ провести ея праздникъ вмѣстѣ съ нею.

— Хорошо праздникъ, нечего сказать! — возразилъ Гонза съ горькимъ смѣхомъ: — отецъ въ тюрьмѣ, у матери ни гроша, а сынъ не смѣетъ смотрѣть въ глаза ни одному человѣку!... Чуть гдѣ заиграетъ скрипка — я долженъ бѣжать оттуда!... Теперь я тоже пришелъ только для того, чтобы проститься съ тобою на долгое, долгое время?

— Куда же ты? шопотомъ спросила Ганнеле.

— Сперва въ Прагу на два года, потомъ поступлю въ семинарію въ Лейтмерицѣ. Теперь ты меня ужъ лѣтъ шесть не увидишь.

— Тебѣ это будетъ тяжело, Гонза?

И онъ и она говорили до тѣхъ поръ съ опущенными глазами; но при послѣднемъ вопросѣ, взоры обоихъ встрѣтились, и тутъ щеки Ганнеле покрылись яркимъ румянцемъ.

— Тяжело или нѣтъ, — прошептала Гонза — я долженъ уйти. Будь только у меня...

— Что такое? быстро перебила Ганнеле.

— Не могу тебѣ сказать.

— Говори, говори! — настаивала дѣвушка: — *мнѣ* ты все можешь сказать.

— Ну хорошо, — сказалъ Гонза полу-сердито; — передъ тобой мнѣ вѣдь нечего стыдиться! Да въ томъ, что я тебѣ скажу, и нѣтъ ничего постыднаго!... Знаешь, въ чемъ дѣло? У меня нѣтъ денегъ, а уйти нужно. Мать не можетъ дать мнѣ ни копѣйки.

— Много тебѣ надобно, Гонза?

— Больше двадцати гульденовъ.

Ганнеле съ минуту подумала, потомъ вскричала:

— Не безпокойся, Гонза, я тебѣ добуду двадцать гульденовъ!

— Ты?

Ганнеле испугало выраженіе недѣвѣрія Гонзы. Она поблѣднѣла — но вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ же сказала:

— Ну да, я добуду тебѣ денегъ... Желаетъ имѣть больше двадцати гульденовъ?

— Ты! еще разъ спросилъ Гонза, и радость разлилась по всему его существу.

Въ эту минуту въ домѣ нѣсколько разъ прокричали имя Ганнеле, и тутъ же раздались вопли ужаса. Дѣвушка вскочила и быстро проговорила:

— Мнѣ нужно домой. Приходи сюда завтра въ этотъ же часъ — ты получишь деньги. Не тревожься и проводи весело праздникъ.

Она поспѣшила въ домъ. Глаза Гонзы горѣли ей вслѣдъ жаркими солнечными лучами; когда она скрылась, онъ со вздохомъ провелъ рукою по лбу и затѣмъ медленно пустился полями въ обратный путь.

Въ домѣ Ганнеле застала все въ большомъ переполохѣ. Съ рандаршей вдругъ сдѣлалось очень дурно; каждую минуту можно было ожидать смерти. Побѣжали за докторомъ, во дворѣ „малый“ запрягалъ лошадей, чтобы ѣхать въ сосѣднее гетто за „набожными женщинами“. Смерть мало по малу распускала свои крылья надъ домою...

Жалобные вопли возобновились, когда, нѣсколько времени спустя, изъ гетто пріѣхали „набожныя женщины“. То были здоровенныя особы, обходившіяся со смертью, какъ со старымъ знакомымъ. Онѣ вошли въ комнату съ шумомъ; это встревожило рандаршу, и она стала просить, чтобы ихъ подвели къ ея кровати, такъ какъ уже пора. Пріѣхалъ и докторъ; онъ объявилъ, что силы больной окончательно истощены и рекомендовалъ только тишину и устраненіе всякихъ громкихъ изъясненій горести. Послѣ этого все въ домѣ смолкло, смерть приближалась неслышными шагами.

Цѣлую ночь продолжалась борьба больной за свою жизнь. Душа не охотно разставалась съ мѣстами, къ которымъ приковывали ее такія ерѣвнѣя узы. Только къ утру она нѣсколько успокоилась. „Набожныя женщины“, читавшія съ нею въ продолженіе всей ночи предсмертныя

молитвы, устали и пожелаали немного соснуть. Сама рандарша лежала въ безмятежномъ, почти здоровомъ снѣ.

А въ деревнѣ начался въ это время праздникъ.

Со всѣхъ сторонъ стекались богомолцы. Красные флаги развѣвались впереди ихъ. Музыка гремѣла, и изъ дома можно было явственно слышать перекрещивавшіяся между собою загѣвки дирижоровъ хора и слѣдовавшее за ними пѣніе народа. Одновременно съ этимъ раздавались колокольный звонъ и ружейная пальба. Долины и высоты казались упоенными жизнью, все какъ будто стремилось воздать хвалу святому виновнику праздника. Потомъ все смолкло въ деревнѣ. Началось богослуженіе. По временамъ слышался звонокъ колокольчика, или пѣніе молящихся несло въ верхъ, какъ волнующееся море. Но тутъ органъ, трубы и литавры вступали въ состязаніе съ слабыми звуками человѣческаго голоса и побѣдоносно заглушали ихъ.

Какъ разъ въ одну изъ такихъ минутъ рандарша проснулась; она увидѣла подлѣ себя только Морица, который сидѣлъ у постели въ нѣмой и глубокой скорби. Рандарша тихо назвала его по имени, онъ очнулся.

— Мнѣ хотѣлось бы еще много сказать тебѣ, начала она слабымъ голосомъ.

Морицъ просилъ ее поберечь себя.

— Однимъ словомъ больше или меньше—возразила она съ мрачной улыбкой—смерть не остановишь... Мнѣ очень хочется узнать только одну вещь...

— Какую, милая матушка?

— Останешься ли ты всегда евреемъ?

— Клянусь тебѣ въ этомъ.

Мать долго смотрѣла на покрытое слезами лицо его, потомъ сказала:—Подай мнѣ теперь письмо отъ твоего хозяина... оно лежитъ за подушкой... много горя причинило мнѣ оно!

— Да вѣдь оно мнѣ извѣстно, рѣшился возразить Морицъ.

— Подай, подай, дитя мое! — нетерпѣливо повторила она; — или ты хочешь, чтобы оно попало на глаза отцу твоему?

Съ громкимъ плачемъ кинулся Морицъ къ ней; онъ понялъ эту послѣднюю услугу ея материнской любви...

Насталъ полдень. Проповѣдь въ церкви была окончена и отпущеніе дано всѣмъ, стекшимся отовсюду на поклоненіе мѣстному святому. Послѣ обѣдни двинулись къ дому „жида“, и домъ въ нѣсколько минутъ наполнился томившимися жаждою гостями...

Рандаръ съ самаго начала рѣшился отиѣнить пированіе; ради умирающей жены онъ не хотѣлъ впустить въ домъ рѣшительно никого. Но его сопротивленіе оказалось слишкомъ безсильнымъ въ борьбѣ съ толпой, возбужденной виномъ, религіознымъ чувствомъ и желаніемъ повеселиться. Ему оставалось только съ отчаяніемъ подчиниться неотвратимому. Ганнеле должна была оставить умирающую мать, чтобы пойти услуживать гостямъ. Рандаръ ходилъ между ними и упрашивалъ быть потише, но его увѣщанія пропадали безслѣдно въ общемъ оживленіи и шумѣ.

А тутъ еще вдобавовѣ явилась музыка. Рандаръ заказалъ ее уже за нѣсколько дней до того. Но теперь онъ не хотѣлъ позволить ей играть. Музыканты уже вошли въ комнату. Тогда сынъ деревенскаго судьи, дикій Павелъ, закричалъ: „играй, музыка!“ и бросилъ имъ нѣсколько серебряныхъ монетъ. Рандаръ разгнѣвался и въ свою очередь крикнулъ: „я не позволю!“ Но Павелъ повторилъ свое приказаніе и оттолкнулъ еврея въ сторону. Шумная труба оказалась первымъ инструментомъ, рѣшившимся заявить сопротивленіе; за нею робко начали подыгрывать скрипки, басы и кларнеты. Наконецъ разсѣянные звуки слились во едино, и дикій Павелъ открылъ балъ.

Съвозъ слезы и молитвы, съ которыми Морицъ стоялъ у постели матери, ни на минуту не отходя отъ нея, пробивались мрачныя проклятія. Онъ проклиналъ ремесло своего отца, не позволившее даже умереть спокойно его матери. Онъ съ ужасомъ видѣлъ ея агонію среди этихъ шумныхъ проявленій грубой чувственности...

А Ганнеле въ это время была вся поглощена мыслями о Гонзѣ. Она думала о двадцати гульденахъ, которые обѣщала ему, и о радости, каковую доставятъ ему эти деньги. Душу ея въ одно и тоже время наполняли веселье и печаль.

Къ вечеру деньги были въ ея рукахъ; то была часть выручки этого дня.

Ганнеле воспользовалась минутой, когда въ шинкѣ сдѣлалось особенно шумно. Пьяный Павелъ отнял даму у другого танцора, тотъ не хотѣлъ уступить. Тогда началась одна изъ тѣхъ свалокъ, которыя въ домѣ рандара давно уже вошли въ обыкновеніе. Она побѣжала въ садъ, гдѣ Гонза уже ждалъ ее, лежа на травѣ.

— Давно ты здѣсь? спросила она, задыхаясь.

— Я вѣдь зналъ, что ты прійдешь.

— Вотъ тебѣ деньги; тутъ всё до послѣдняго врейцера.

Она кинула ему кошелекъ, въ которомъ было двадцать гульденовъ. Щеки ея горѣли, рука дрожала.

— Ты мнѣ это даешь охотно? спросилъ онъ.

— Бери, бери и спрячь, торопливо отвѣчала она.

— А отецъ твой знаетъ?..

Тутъ Ганнеле вскрикнула и со стыдомъ закрыла лице руками. Не отвѣтивъ ни слова, она побѣжала обратно въ домъ.

Но свиданіе съ Гонзой помѣшало ей присутствовать при послѣднихъ минутахъ матери. Рандарша пожелала ее благословить—ея не оказалось. Когда она теперь вошла въ комнату, куда съвозъ звуки музыки и крики пьяныхъ доносились вопли отца и домашнихъ, матери ея уже не было въ живыхъ. „Набожныя женщины“ дѣлали приготовленія, положивъ покойницу на полъ.

Теперь рандаръ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы разогнать нирующихъ. Такъ какъ уже совершилось кровопролитіе вслѣдствіе того, что Павла ранили въ високъ осколкомъ стакана, то

уговорить толпу было не такъ трудно. Музыка смолкла; шинокъ мало по малу опустѣлъ.

Умершая могла теперь лежать спокойно.

ХІІ.

Дневникъ.

Рандарша уже нѣсколько лѣтъ покоится на Мюнхенгрецкомъ „доброумъ мѣстѣ“, рядомъ съ дѣтьми, переселившимися на тотъ свѣтъ раньше ея. Ея бѣлый памятникъ возвышается надъ всеми остальными, и каждый разъ, какъ Морицъ направлялся къ родинѣ, онъ былъ у него передъ глазами... И ни разу не могъ нѣжный сынъ удержаться отъ слезъ... Прекрасная легенда о матери Веньямина постоянно вспоминалась ему. — „Она не даромъ звалась Рахиль — думалъ онъ, — подобно гробницѣ супруги патриарха, и ея памятникъ стоитъ на дорогѣ, по которой идетъ сынъ ея! Она тоже любила меня, какъ своего Веньямина! Когда евреи въ первый разъ вышли изъ обѣтованной земли, плѣнные и обремененные цѣпями, Рахиль стояла передъ своею гробницею и съ плачемъ говорила имъ послѣднее прости. Дай Богъ, чтобъ тѣни моей матери никогда не возставала гнѣвно противъ меня, если-бы когда нибудь, мнѣ суждено было выйти изъ родины моей вѣры... Но нѣтъ, я останусь вѣренъ ея послѣднимъ словамъ!“

Въ домѣ рандара за это время все сильно измѣнилось. Духъ скорби лежалъ на немъ точно на развалинахъ. Прежняго веселья не было. Рандаръ сдѣлался молчаливымъ и раздражительнымъ. Правда, по пятницамъ онъ по прежнему выходилъ за ворота и подобно тому, какъ Авраамъ высматривалъ появленіе на дорогѣ ангеловъ, ждалъ, не покажутся ли его шнорреры. Но даже вечеромъ, когда суббота снова водворялась въ комнатѣ, не раздавался въ ней веселый смѣхъ былаго времени. Какія бы веселенькія штучки ни рассказывали шнорреры, какъ бы ни острили они—ребъ Шмულъ оставался серьезенъ. Даже къ своимъ поль-

кимъ друзьямъ онъ не относился уже съ прежнимъ участіемъ, и русское правительство, бывшее его смертельнымъ врагомъ, могло теперь, какъ онъ выражался, „стать вверхъ ногами“, или „сослать въ Сибирь всѣхъ евреевъ“—это до него нисколько не касалось.

— Этого дома совсѣмъ не узнаешь,—говорили шнорреры, уходя въ воскресенье,—ребъ Шмуля точно подмѣнилъ это нибудь.

Подобно тому, какъ старыми торговыми дорогами перестаютъ пользоваться послѣ открытія какой нибудь новой, лучшей—эти нищіе оставили домъ рандара и предпочитали пройти часа на два дальше, чтобы остановиться на шабашъ у какого нибудь другаго рандара. Даже бѣдняку непріятна трапева тамъ, гдѣ хозяинъ недоволенъ и печаленъ.

Въ этомъ оставленіи дома шноррерами была впрочемъ очень виновата Ганнеле. Она обращалась съ ними гордо и повелительно и какъ словожь, такъ и дѣломъ давала имъ чувствовать ихъ ничтожество. За то же и пользовалась она далеко въ окружности дурной славой; шнорреры говорили, что „въ ней нѣтъ ни малѣйшей жилки ея доброй мамы, да будетъ миръ ея праху!“ Еврей рѣдко прощаетъ своимъ единовѣрцамъ надменность и пренебреженіе.

Замѣтно измѣнилось также и матеріальноеположеніевъ этомъ домѣ. Ребъ Шмуль потерпѣлъ значительныя потери; прежнее прозвище „деревенскаго Ротшильда“ уже не совсѣмъ подходило къ нему. Въ связи съ этою пережѣною фортуны находилась и смерть стараго графа, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти рандарши внезапно скончался отъ апоплексическаго удара. Не осталось на землѣ и этого покровителя. Теперь, когда приходила четверть года, ребъ Шмуль уже не садился въ свою бричку, чтобы, какъ бывало, свезти арендныя деньги сіятельному пану. Теперь пришлось ему имѣть дѣло съ „уполномоченнымъ“, котораго молодой графъ прислалъ изъ Вѣны. Ребъ Шмуль на второй же день послѣ пріѣзда уполномоченнаго отправился въ замокъ, гдѣ новопривышій поеселился вмѣсто прежняго владѣльца. Уже это обстоятельство было непріятно рандару; еще болѣе разсердило его, когда уполномоченный, услышавъ его имя, которое до тѣхъ поръ встрѣчалось въ

этихъ стѣнахъ такъ благосклонно, взглянулъ на него бюрократически надменно и даже не пригласилъ его сѣсть.

— Вашъ собственный экипажъ? спросилъ онъ, случайно взглянувъ въ окно и увидѣвъ бричку.

Рандаръ отвѣчалъ утвердительно смиренной улыбкой.

— Прекрасно, сказалъ уполномоченный.

Тонъ, которымъ было произнесено это единственное слово, и жестъ, сопровождавшій его, не поддаются описанію.

Затѣмъ онъ повелъ на счетъ арендаторства вообще длинную и краснорѣчивую рѣчь, изъ которой ребъ Шмуль понялъ весьма мало, пока наконецъ ораторъ пришелъ къ заключенію, что въ прежнемъ видѣ дѣла оставаться не могутъ—и затѣмъ уже опредѣлительно объявилъ, что вносившаяся ребъ Шмулемъ арендная плата должна быть возвышена, если ребъ Шмуль желаетъ остаться, такъ какъ уже другой изъявилъ готовность принять новыя условія. Это заявленіе рандаръ понялъ отъ перваго до послѣдняго слова; оно было сказано совсѣмъ „по нѣмцки“. По окончаніи рѣчи, ребъ Шмуль, дрожа отъ внутренняго волненія, проговорилъ: „Что можетъ сдѣлать другой, то, панъ уполномоченный, сдѣлаетъ и Шмуль“—и откланялся.

Но на обратномъ пути онъ упрекалъ себя, что говорилъ съ уполномоченнымъ слишкомъ гордо; ему казалось, что поведи онъ себя смиреннѣе и выражайся „не такъ крупно“, визитъ его имѣлъ бы болѣе благопріятный результатъ. Онъ пришелъ даже къ выводу, что не явился онъ въ своемъ экипажѣ, уполномоченный и не подумалъ бы заговорить о возвышеніи арендной платы. Особенно огорчало его то, что чиновникъ заставилъ его стоять. „У самаго графа я вѣдь сиживалъ на диванѣ—горько жаловался онъ,—а тутъ какой нибудь чуть не писарихка недавній заставляеть стоять! Экія времена настали! Помилуй и спаси насъ Господи!“

Нѣсколько дней спустя, рандаръ снова отправился въ замокъ. На этотъ разъ онъ оставилъ бричку дома и пошелъ пѣшкомъ. Даже толстое золотое кольцо съ печатью, сорокъ лѣтъ не сходявшее у него съ

пальца, онъ снялъ, можетъ быть для того, чтобы блескъ металла не противорѣчилъ смиренному характеру просьбы, съ которыми онъ намѣревался обратиться къ уполномоченному. Морицъ, пріѣхавшій въ это время домой на каникулы по окончаніи четвертаго курса на медицинскомъ факультетѣ, пошелъ проводить отца до замка. По дорогѣ рандаръ сообщилъ ему, какое средство придумалъ онъ для того, чтобы склонить уполномоченнаго не возвышать арендной платы.

— А если онъ не возьметъ? спросилъ Морицъ, изумленный наивностью, съ которой старикъ объяснилъ свой планъ.

— Не возьметъ? возразилъ рандаръ совершенно спокойно, смѣясь съ полнымъ убѣжденіемъ;—небось, возьметъ все, что хочешь.

Они подошли къ замку. Морицъ остался за воротами, ребѣ Шмуль направился черезъ дворъ, смиренно согнувшись и безъ шапки, хотя солнце пекло очень сильно. Это, какъ бы подготовившееся униженіе отозвалось весьма болѣзненно въ душѣ молодого человѣка.

— Зачѣмъ такъ унижаться? — думалъ Морицъ, глядя вслѣдъ отцу;—зачѣмъ не дѣйствовать прямо и открыто? Кто же сообщилъ нашему народу тайну, что только согнутая спина и опущенные къ землѣ глаза могутъ умилостивить судей?..

Черезъ четверть часа ребѣ Шмуль вернулся. Лице его было взволновано и блѣдно, руки бессильно сложены за спиною. Онъ прошелъ мимо сына до той степени задумавшись, что не замѣтилъ его.

— Ну что же, отецъ? спросилъ Морицъ.

Ребѣ Шмуль осмотрѣлся кругомъ, желая убѣдиться, что уполномоченный далеко, и затѣмъ гнѣвно сказалъ:—Онъ не захотѣлъ взять ничего.

— Вотъ видишь!—воскликнулъ Морицъ почти радостно;—я говорилъ тебѣ, а ты не хотѣлъ вѣрить...

— Хорошъ ты, нечего сказать!—замѣтилъ рандаръ съ отгнѣвомъ горечи;—развѣ не видишь, что тутъ дѣло идетъ обо всемъ нашемъ достояніи?

— Неправда,—рѣзко возразилъ Морицъ;—развѣ ты *обязанъ*

продавать пиво и водку? Развѣ не можешь ты арендовать землю и жить этимъ? Твое теперешнее занятіе и есть главная причина дурныхъ отношеній между тобою и здѣшними крестьянами. Припомни-ка, когда у тебя подожгли амбаръ, какъ никто не хотѣлъ тушить его?

Ребѣ Шмуль пронизалъ сына взглядомъ и сказалъ: — Въ совѣтахъ я не нуждаюсь, въ твоихъ и подавно. Хуже совѣта мнѣ не могъ дать и самый злой врагъ мой. Не уйду я отсюда, шагу не сдѣлаю, хотя бы тутъ тысячи уполномоченныхъ на меня навалилось! Неужели ты думаешь, что кому нибудь удастся такъ легко сдвинуть меня съ этого мѣста, гдѣ я родился и воспитался, гдѣ жили и состарѣлись мой отецъ и мой дѣдъ?.. Только самый заклятый врагъ мой могъ дать мнѣ такой совѣтъ! Скорѣй я заплачу въдесятеро дороже за свою аренду...

Эта любовь къ родной почвѣ, это внезапное обнаруженіе таинственнаго чувства, корень котораго лежалъ въ землѣ, на которой родился рандаръ, привели сына его въ смущеніе, заставили его замолчать. Сердитые и раздраженные вернулись они оба домой.

Ганнеле была одинаковаго мнѣнія съ отцемъ. Она умоляла его не оставить своего теперешняго занятія, говорила, что здѣсь все такъ хорошо, что она и представить себѣ не можетъ, какъ это она уйдетъ изъ этого дома. Рыдая, порывисто кричала она: — Я не пойду отсюда, дѣлайте со мной, что хотите!

— Дурочка, да кто же это думаетъ уходить! — утѣшалъ ее рандаръ. — Твоему брату и уполномоченному очень бы этого хотѣлось. Но я ни за что не поддамся. Лучше заплачу сколько потребуютъ.

Ганнеле кинулась на шею отцу и цѣловала его. Морицъ грустно стоялъ въ сторонѣ; онъ чувствовалъ себя чужимъ между ими обоими.

Да будетъ намъ позволено здѣсь воспроизвести мысли, волновавшія нашего молодого друга, въ томъ видѣ, какъ онѣ вырывались изъ его души въ тѣ годы, которые мы оставили неописанными. Онъ озаглавилъ эти замѣтки:

„На память“.

Вчера вечеромъ я видѣлъ, какъ Ганнеле зажгла двѣ свѣчи. Но въ

то время, какъ первая прикоснулась ко второй и сообщила ей свой огонь, сама она погасла.

Неужели тоже самое представляютъ еврейство и христіанство?

Когда десять человѣкъ, между которыми нѣтъ ни одного моложе тринадцати лѣтъ сходятся вмѣстѣ, то они образуютъ общину. Одинъ изъ нихъ принимаетъ на себя обязанность провозгласить молитвы за всѣхъ. Но молитва возносится къ небу какъ будто разомъ отъ тысячи человѣкъ. Это—мудрое правило Талмуда, написанное подъ ивами вавилонскими.

Мнѣ иногда кажется, что всякая такъ называемая государственная религія имѣетъ право стоять съ мечомъ надъ другими вѣроисповѣданіями, притѣняемыми и гонимыми. Въ такой государственной религіи есть нѣчто великое и неопровержимое. Нашъ еврейскій народъ имѣлъ ее нѣкогда. Но въ чемъ состоитъ собственно ея сущность? Что поддерживаетъ ее и доставляетъ ей большинство приверженцевъ? Не ея догматы — они могутъ быть мрачны, несвободны и стѣснительны — но та полная свобода, которою она пользуется. Такая государственная религія, представляемая нами себѣ какъ осязательное тѣло, есть самое свободное, что только можно вообразить себѣ. Развѣ это не свобода, когда имѣешь право ставить на каждомъ перекресткѣ, на каждомъ полѣ, передъ каждымъ домомъ—свои кресты, иконы и статуи? Когда хоругви процессій пользуются правомъ всюду развѣваться, а священныя пѣсни—всюду гремѣть? Совершенно естественно, что религія, воль скоро государство возведло ее на тронъ, становится жестокою и нетерпимою относительно другой, рядомъ съ нею существующею. Она требуетъ свободы формы. Форма требуетъ простора и развитія. Религія, которой дозволено всюду водружать свое знамя, всюду стоять на собственной, неотъемлемо ей принадлежащей землѣ—даетъ своимъ приверженцамъ какъ бы застраховку! Между тысячами не найдется болѣе двухъ-трехъ чело-
вѣкъ, задумывающихся надъ духомъ и содержаніемъ того или дру-

того догмата; остальные желаютъ только, чтобъ имъ дозволили всюду изсѣкать изъ камня, облекать въ слова, изображать кистью и звонить въ колокола. Но и это—жизнь, потому-что это—свобода!

(Два дня спустя). Неужели ты не уничтожишь выше написанныхъ строкъ? Въ то время, когда ты писалъ ихъ, развѣ не смотрѣлъ на бумагѣ черезъ твое плечо ecclesia militans? Страшное слово!

Мнѣ рѣдко случалось встрѣтить въ гетто дѣтя — съ цвѣтами въ рукахъ. Неужели же въ самомъ дѣлѣ евреи лишены любви къ природѣ? Даже дѣти могутъ уже обходиться безъ цвѣтовъ!

Прекрасно, когда вечеромъ въ новый годъ отецъ семейства произноситъ благословеніе плоду, какъ первенцу земли. Прекрасенъ также праздниекъ кущи съ его зелеными бесѣдками, прекрасенъ праздниекъ шебуотъ, когда синагога украшаетъ себя въ честь десяти заповѣдей произведеніями луговъ и садовъ! Особенно пріятны мнѣ вы, дни кущей, духъ моего дѣтства витаешь среди васъ, какъ въ какомъ нибудь раю... „Юмъ Кипуръ“ прошелъ—этотъ длинный, мучительный день! Душа дала сама себѣ отпущеніе, безъ священника и вечерней трапезы; Богъ въ небѣ изорвалъ обвинительный актъ, и она можетъ снова ликовать въ радости и—въ грѣхѣ. Что же можетъ быть въ это время естественнѣе праздника кущей? Зеленъ цвѣтъ жизни, зелено услажденіе глазъ! Мракъ и скорбь Юмъ Кипура должны разсѣяться подъ веселыми и яркими красками кущей.

Я останусь при тебѣ, прекрасный праздниекъ! Какая веселая суета въ гетто! Крестьяне везутъ изъ лѣсовъ вѣтви и тростникъ... они хорошо знаютъ время, когда евреи собираются радоваться и веселиться! Какая толкотня, какой шумъ, какой торгъ изъ-за этихъ лѣсныхъ украшеній! Особенно правятся мнѣ дѣти. Они тоже необходимая принадлежность этого праздника. Съ вѣтвями на головѣ и подъ руками бѣгутъ мальчики и дѣвочки по улицамъ. Старые высокіе дома съ мно-

жествомъ живущихъ въ нихъ семей, кажется, помолодѣли и смѣются. Но вотъ воздвигаются кущи. Дѣти приносятъ давно изготовленное сокровище позолоченныхъ яблокъ, орѣховъ и бумажекъ и убираютъ ими стѣны. Въ эту пору бродячіе продавцы картинокъ торгуютъ лучше чѣмъ во всякое другое время. Ребята отдають свой послѣдній грошь, лишь бы добыть какую нибудь цвѣтную мазилку. Вотъ наложили вѣтви; между ними блещутъ звѣзды изъ мишуры, длинныя бумажныя цѣпи и разнорцвѣтные фонарики. Затѣмъ приходятъ отецъ или мать и смотрятъ на работу дѣтей—великолѣпныя украшенія по стѣнамъ и между вѣтвями. Иногда самъ отецъ беретъ еще топоръ и заканчиваетъ постройку. Это нравится мнѣ, отецъ! Рука, обыкновенно работающая зрпичею или перебираетъ заячы шеурки, не должна разучиться владѣть и топоромъ.

Кущи готовы. Ты можешь войти въ нихъ, духъ праздника!

Дѣйствительно ли праздникъ Кушей установленъ Моисеемъ для увѣковѣченія сороколѣтняго пребыванія въ пустынѣ? Или, зная духъ своего народа, который, благодаря занятіямъ этого послѣдняго выжитаніемъ кирпичи и высѣченіемъ камня, самъ сдѣлался твердъ и жестокъ какъ камень—Моисей хотѣлъ освѣжить этотъ духъ подъ зелеными вѣтвями кушей? Иначе для чего бы ему такимъ положительнымъ образомъ велѣть заниматься земледѣліемъ? *Принудительное* воздѣлываніе земли! Мнѣ страшно и подумать объ этомъ. Пророка это также приводило въ ужасъ. Ибо когда онъ сошелъ съ горы, лучезарно сіяя отъ даннаго ему Богомъ завѣта, онъ увидѣлъ свой народъ плясавшимъ вокругъ золотого тельца! Но изъ золота не дѣлаются плуги—отъ этого и стало страшно пророку; они думали, что его устрасилъ телець, онъ же пришелъ въ ужасъ отъ *золота!*

Къ атрибутамъ праздника кушей принадлежитъ еще лудевъ (пальмовая вѣтвь) и эсрогъ*. Въ гетто есть особенные торговцы — со-

* Такъ называемые райскія яблоки изъ Корфу.

бенно изъ служекъ синагоги и книгопродавцевъ — занимающіеся покупкой и продажей этихъ предметовъ. Малая Азія и юническіе острова — родина эсрога, и онъ благоухаетъ, какъ «Пѣснь Пѣсней» Соломона, которая тоже могла создаться только на востогѣ...

Нѣкогда все это имѣли мы на своей родинѣ, въ странѣ кедровъ ливанскихъ! Мы сами насаждали, сами собирали жатву. Жизнь природы роскошно цвѣла подъ прекраснымъ небомъ востока! Теперь намъ приходится все покупать — чужія руки срываютъ для насъ плоды...

Трогательна заботливость, съ которой относятся къ такому яблоку. На немъ не должно быть ни малѣйшаго пятнышка, иначе употребленіе его — грѣхъ. Богатые люди щеголяютъ этимъ сокровищемъ, они сохраняютъ прекрасный плодъ въ серебрянныхъ ящичкахъ, уложеннымъ на мягкомъ лну. При пѣніи великой Осанны въ синагогѣ лугавъ и эсрогъ поднимаютъ и опускаютъ, сопровождая это мистическими движеніями. И тутъ листья вѣтвей шелестятъ и колышутся точно въ лѣсу! А къ этому присоединяются царственно звучація слова Сіона! Весь востокъ говоритъ, благоухаетъ и шумитъ вокругъ насъ.

Не все ли равно, какой идеаль живетъ въ груди отдѣльнаго человека или цѣлой націи, — если только онъ благородно волнуется ея? И почему бы этимъ идеаломъ для еврея не быть Иерусалиму — голубому благоухающему цвѣтку, который онъ видитъ у себя надъ головою въ совершенно невѣдомой, никогда не достижимой красотѣ — видитъ сквозь всю грязь и гадость, окружающихъ его, съвозъ эти разрушенныя стѣны, эту отвратительную будничную жизнь. Почему бы самымъ мягкимъ нитямъ его мышленія, самымъ сокровеннымъ фибрамъ его душею жить въ благоуханіи этого цвѣтка? Отчего вы хотите отнять у него это *благоуханіе*?...

Если бы мой отецъ немного меньше дорожилъ „землею изъ Иерусалима“, развѣ изъ-за этого онъ былъ бы не такой хорошій деревенскій судья?

Суббота очевидно установлена для земледѣльца; я удивляюсь только, какъ она удержалась у насъ при занятіи совершенно противоположномъ—торговлѣ. Этотъ нѣмой отдыхъ безъ малѣйшаго движенія, эти бездѣйственные руки, которымъ не дозволено даже зажечь свѣчу, отлично гармонируютъ съ опрокинутымъ плугомъ и отдыхающей косой. Ты долженъ опочить отъ *труда*—говорить святое писаніе. Но именно торговля не есть трудъ. Торговля имѣетъ въ себѣ нѣчто безостановочно движущееся въ умственномъ отношеніи. Или, быть можетъ, шабашъ сдѣланъ у насъ такимъ пуритански нѣмымъ изъ боязни, что торговля не будетъ держать губы достаточно замкнутыми, и глазъ, видя предъ собой денежный мѣшокъ, пожалуй приважетъ рукъ схватиться за него!...

Англичане тоже соблюдаютъ день субботній съ небольшою строгостью. Именно у купцовъ онъ долженъ былъ выработаться въ такомъ видѣ.

Непозволительно тревожить ласточку, а тѣмъ менѣе—убивать ее. Когда разрушили Иерусалимъ, ласточки принесли воды и хотѣли потушить пожаръ храма. Въ субботу запрещено срывать цвѣты, даже нюхать только что сорванное... Въ число созданій, которымъ владѣлецъ ихъ долженъ давать отдыхъ въ субботу, включенъ и скотъ.

«Имѣй состраданіе ко всему живущему», часто говорятъ въ гетто дѣтямъ, когда они мучатъ пойманную мышъ или бѣдную лягушку. Живущій всегда пользуется правомъ существованія. Всюду дѣйствуютъ пощада и состраданіе, но не египетскія или индійскія. Щадятъ живое созданіе, а не божество или странствующую душу животного... Богъ великъ, но великъ и его пророкъ.

Вездѣ жизнь природы и служеніе природѣ—въ полномъ расцвѣтѣ, полномъ изобилии! Но общаго, цѣлаго нѣтъ больше въ нихъ. Каждый еврей отдѣльно носитъ въ себѣ это цѣлое, какъ развалины погибшаго великолѣпія. Все раздроблено, все разбито — религія, жизнь и

природа! Прости, Господи, тѣмъ, которые несутъ отвѣтственность за это!

Я не жалуюсь на обезображеніе и сокращеніе всѣхъ нашихъ естественнѣйшихъ правъ. У политики на душѣ много и другихъ грѣховъ. Но поземельную собственность ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы отнимать у насъ.

Естественную исторію, особенно ботанику, слѣдовало бы преподавать преимущественно передъ всѣми другими предметами въ каждой еврейской школѣ. Если мы не хотимъ играть съ живымъ цвѣткомъ, если не можемъ слѣдить за жизнью растений въ полѣ и въ саду, то по крайней мѣрѣ должны изучать ее изъ книгъ. Книга не всегда увядшій гербарій! На ея бумагахъ могутъ возникать листья, цвѣты и плоды.

Нашей религіи не достаетъ женственности. Строго говоря, женщины не пользуются въ ней никакимъ положеніемъ... Мириамъ, Дебора и Гудифъ должны бы стоять въ ней выше, опредѣленнѣе выступить на первый планъ... Меня всегда удивляло, какимъ это образомъ Моисей, который по своей матери и сестрѣ могъ составить себѣ такое высокое понятіе о женщинѣ, такъ мало принималъ во вниманіе вышеупомянутое обстоятельство. Ему слѣдовало установить священницъ, какъ установилъ онъ священниковъ и левитовъ. Этимъ устранилась бы та жесткость, которая только теперь начинаетъ умѣряться. Женщины повсюду умѣютъ смягчать, онѣ сдѣлали бы болѣе мягкимъ и этотъ жесткій матеріалъ. Въ теперешнемъ же видѣ еврейство—религія только для мужчинъ.

Перев. Петръ Вейнбергъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИСТОРИЯ ОДНОГО СЕМЕЙСТВА.

(Повѣсть).

(Продолженіе) *.

XV.

Малка въ это время ухаживала за сыномъ, перемѣняла ему компрессы, поправляла подушку, по временамъ ударяя себя по головѣ:

— Мой сынъ, мой свѣтъ!.. Голубчикъ мой!..

Горе сковало ее какъ въ тискахъ, и она не могла плакать.

У Моисея лицо почернѣло, грудь страшно распухла.

Вошли Сора, Залманъ, Фрейда и Яковъ.

— Ну что? спросила Сора со страхомъ и надеждой.

— Да сжалится милосердый Богъ! отвѣчала теща.

Фрейда и Яковъ подошли къ раненому и отступили съ ужасомъ.

— Моисей! Моше! тихо позвалъ его по имени Яковъ.

Не было отвѣта.

Залманъ подошелъ къ отцу.

— Тятя! Тятенька!.. что съ тобою, тятенька? Чего ты лежишь? Скажи!.. Что же ты, тятенька, молчишь?

Онъ громко расплакался.

Всѣ плакали.

Моисей открылъ красные какъ огонь глаза и чуть дыша произнесъ:

---

* См. „Восходъ“ 1884., кн. X.

Восходъ, кн. 11.

— Д-давить... вотъ... грудь... какъ... въ... тискахъ... Жарко...

— Не выпьешь ли чегонибудь? спросила Сора.

— Залманъ... поди... ко мнѣ...

— Тятенька!—плакалъ Залманъ, цѣлуя и ласкаясь къ отцу, — выздоровѣй... Мы вмѣстѣ пойдемъ домой... будемъ у себя дома. Тятенька! Миленкѣй!

Усиліе, которое больной сдѣлалъ, чтобы говорить, очень утомило его.

— Хочу... спать... оставь... сынъ мой...

Онъ закрылъ снова глаза.

Сидя у жесткаго ложа своего несчастнаго сына, Малка представила себѣ свое печальное вдовство.

Никто изъ дѣтей не пристроенъ. Недавно умеръ одинъ изъ ея сыновей, оставивъ на ея шеѣ четверо сиротъ. А здѣсь?.. неужели тоже сироты?! О, Боже!

А она такъ слаба, такъ безсильна трудиться!

Пролежавъ съ четверть часа спокойно, Моисей началъ безпокойно ворочаться, широко раскрывъ свои воспаленные глаза. Дыханіе ускорилося, превращаясь въ хрипѣніе; въ груди у него заговорило, запылило, глаза выкатились, изсохшія губы посинѣли, грудь высоко поднималась.

Онъ сталъ метаться сильнѣе.

— Воды!..

Ему подали, но онъ не взялъ.

Съ нимъ сдѣлались конвульсіи. Одна рука зашевелилась, глаза выкатились и налились кровью. Но потомъ движенія его стали слабѣе, глаза уменьшились и покрылись слизью, лицо искривилось, онъ заскрежеталъ зубами.

Сора поняла и стала биться головою объ стѣну.

— Ой, онъ умираетъ!.. Бѣгите ктонибудь за докторомъ!

Шмуель побѣжалъ.

Умирающій сталъ спокойнѣе, только въ груди все хрипѣло и глаза впади.

Вотъ нервно согнулась правая нога, лѣвая вдругъ вытянулась и опять стягивается. Онъ зашевелилъ губами, заскрипѣлъ зубами, двинулъ холодной мозолистой рукой—и затихъ.

Затихъ бѣднякъ! Не велика была твоя доля въ мірѣ! Не

про тебя сіяло солнце, не про тебя цвѣли сады, мчались желѣзные дороги, изобрѣтались чудныя вещи; не ты передавалъ свои мысли помощьюъ электричества; не твой слухъ услаждали Патти, Мазини. Сары-Бернары, Мейеръ-беры, Страусы!.. Быть можетъ, въ томъ мірѣ будешь ты избранникомъ, но здѣсь твой хлѣбъ былъ смоченъ слезами и кровью, приправленъ горемъ и обидами...

Такъ пусть же тебя, пасынокъ міра, смерть не пугаетъ: немного благъ она у тебя отниметъ!

— Докторъ не хочетъ идти! — вскричалъ, въбѣгая, Шмуель: — говорить, не можетъ помочь! Что дѣлать?

Всѣ вышли изъ оцѣпенѣнія.

— Ай, онъ умеръ!!!... крикнула Сора, бросилась къ дивану и потеряла сознание.

Яковъ привелъ нѣсколько человѣкъ, которые подошли поближе къ Моисею: у него чуть-чуть замѣтно зашевелится губа, вздрогнетъ нога.

— Умеръ, — прошептали они и произнесли ту страшную молитву, отъ которой морозъ пробѣгаетъ по членамъ и которая оканчивается словами: «Voruch daion hoemes!»*.

Малка рвала на себѣ волосы; Шмуель бился головою объ стѣну; Залманъ кричалъ: — Тятенька, миленькій тятенька! Фрейда приводила въ чувство Сору; остальные тихо плакали.

— Дитя мое! корона моей семьи! кричалъ Шмуель. Вѣдь это изъ-за него Моисей въ цвѣтѣ лѣтъ сходить въ могилу, это онъ далъ ему совѣтъ сдѣлаться землекопомъ.

Малка вспомнила, какъ она когда-то гнала молодыхъ изъ дому и тоже считала себя въ чемъ-то виноватой.

Шмерль Хлопъ, утирая слезы, думалъ:

— Еслибъ на меня не нашель недобрый часъ, еслибъ я не допустилъ его докопать уголь — жилъ бы онъ еще долго.

Почти всѣ считали себя отчасти виноватыми въ смерти несчастнаго работника. Только одинъ, который былъ дѣйствительно виновенъ, Лейба Беркинъ, преспокойно спалъ себѣ въ это время на мягкой шелковой, рѣзной кровати и видѣлъ золотые

* Да будетъ благословенъ Судья Праведный.

сны: ему грезилось, что онъ получилъ подрядъ, отъ котораго заработаетъ триста тысячъ. Онъ сквозь сонъ улыбнулся.

Моисея похоронили въ ту же ночь, изъ опасенія, чтобы трупъ не подвергли вскрытію. На похороны далъ Шмерль. Была темная ночь.

Темная ночь, темная жизнь, темная смерть!

XVI.

Прошло три дня.

Вечеръ.

Сора печально сидѣла на землѣ. Дѣти, какъ будто чѣмъ-то испуганныя, сидѣли по угламъ. Комната, которая и прежде не могла похвастаться свѣтомъ и убранствомъ, теперь поражала пустотой: видно было, что чего-то недостаетъ.

Вошли Шмуель, Шмерль и Исроель-Хаимъ, окинули взоромъ комнату и сѣли.

Нѣсколько минутъ царилъ тишина.

— Слушай, Сора, мы пришли... мы полагаемъ... надо добиться толку—началь Шмерль.

— Толку? въ чемъ?—спросила тупо Сора.

— А то, что ты не можешь такъ оставаться съ дѣтьми. Чѣмъ ты ихъ прокормишь?

Сора только еще ниже опустила голову вмѣсто отвѣта.

— Ну, такъ и говорить нечего, надо-же добиться какого-нибудь толка.

— Какія у меня для этого средства?

— Какъ какія? Дѣлишки твоего отца идутъ недурно: зарабатываетъ, слава Богу, понемногу. Ну вотъ мы и рѣшили, такъ какъ мы всѣ были съ твоимъ покойнымъ Моисеемъ друзьями, чтобъ твой отецъ взялъ къ себѣ твоего Залмана на воспитаніе: все же останется меньше ртовъ; дальше рѣшено, чтобы ты открыла какую ни на есть лавочку: отецъ даетъ 10 рублей, теща...

— О, много можетъ теща дать.

— Ну такъ я одолжу тебѣ рублей 10—15 на выплату. Но главное—я совсѣмъ забылъ тебѣ сказать въ этой суматохѣ —

главное, заходи къ Лейбѣ Беркину: во первыхъ онъ самъ велѣлъ мнѣ прислать тебя, а ты можешь и такъ зайти: не бойсѣ, на его подрядѣ случилось это несчастіе. Онъ не хворь... не бѣда если получишь отъ него рублей 100.

— Гм! сто рублей, — усмѣхнулась Сора, — и вы, ребѣ Шмерль, это говорите, какъ будто не знаете Лейбы.

— Что-же изъ того, что я его знаю? Знаешь, что его можно притянуть къ отвѣту? Ты это знаешь? Архитектъ три раза велѣлъ ему сдѣлать подпорки, а онъ не сдѣлалъ. Ты думаешь, что это сойдетъ ему съ рукъ? Небойсѣ, онъ испугается, если начнешь ему угрожать.

— Будто-бы Лейба не знаетъ, что я съ нимъ не пойду судиться?

— Такъ что-же, что знаетъ? Все-таки думаю, сотню рублей онъ долженъ дать.

— Дай Богъ, чтобы хоть 50,—сказалъ Шмуель.

— Ну 50 такъ 50—все-же деньги. Надо зайти. А мальчика ты берешь, Шмуель?

— Кто-же его возьметъ, если не я?

— Значить, рѣшено и подписано,—заклучилъ Шмерль семейный конгрессъ, вставая: — Ты берешь мальчика и даешь 10 рублей, я даю 15, а ты, Сора, какъ только всганешь съ поминокъ, отправишься тотчасъ-же къ Лейбѣ.

XVII.

Черезъ нѣсколько дней, когда кончились поминки, Сора собралась идти къ Лейбѣ.

— Дай Богъ ему хорошія чувства въ сердцѣ, чтобъ онъ даль побольше, — сказала Фрейда и подумала про себя: «она тогда и мнѣ сколько-нибудь дастъ».

— Дай-то Богъ! Аминь! отвѣчала Сора и вышла.

Фрейда вязала чулокъ и была не совсѣмъ въ духѣ. Яковъ уже давно какъ ушелъ изъ дому (они немножко пополемизировали) и не возвращается.

Вошла сосѣдка, Риве. Риве была мастерица на всѣ руки,

складъ всевозможныхъ профессій: поставщица прислуги, парщица въ банѣ, знахарка, плакальщица и что угодно.

— Съ добрымъ утромъ, Фрейденке!

— Съ добрымъ годомъ, Риве. Что у тебя слышать хорошаго? Садись.

— Да у меня особеннаго слышать нечего: богачкой я покамѣсть еще не сдѣлалась и собственнаго дома еще не выстроила.

— Она говоритъ о домахъ! Я спрашиваю о здоровьи. Надо благодарить Бога каждую минуту и каждую секунду, что жива и здорова и имѣешь къ тому-же какой ни на есть кусокъ хлѣба.

— Понимаю, Фрейденке, понимаю. Но что дѣлать, человѣкъ грѣшенъ: когда онъ здоровъ и имѣетъ хлѣбъ, то думаетъ, что такъ и должно быть, и ему хочется все больше и больше.

— Ой, ой, ой! Боже милосердый! Можетъ ли знать человѣкъ, что ему суждено! Онъ бѣгаетъ, озабоченъ: онъ зарабатываетъ, а тутъ, быть можетъ, ангель смерти уже стоитъ у него за спиной. Человѣкъ слѣпъ...

— Слепъ, Ривеле, слѣпъ. Чего тебѣ больше, вотъ Моисей— пусть онъ тамъ будетъ нашимъ заступникомъ!—подозрѣваль-ли двѣ недѣли назадъ, что будетъ теперь лежать въ гробу? Онъ торопился, чтобы поспѣть скорѣе на работу: онъ не работалъ 5 недѣль, былъ озабоченъ, а теперь?..—Фрейде развела руками.

— Да, Моисей!.. Отъ Бога отчета не требуютъ; кажется, зачѣмъ это Ему понадобился такой «шелковый» молодой человѣкъ, какаго по нынѣшнимъ временамъ во всемъ царствѣ поискать?..

— Да, Фрейденке, чуть не забыла спросить тебя! Я на дняхъ слышала на улицѣ, что за нѣсколько дней до смерти Моисей проговорился, что хотѣлъ-бы быть засыпаннымъ землей, чѣмъ такъ жить? Скажи, это правда?

— Она слышала! Кто-же рассказалъ всѣмъ, какъ не я? Я сама слышала собственными ушами — чтобы я такъ слышала все хорошее! — какъ онъ говорилъ Сорѣ (они что-то не ладили, не помню изъ-за чего): «лучше-бы умереть отъ горячки

или быть засыпаннымъ землею, чѣмъ такъ бѣдствовать. — По крайней мѣрѣ разомъ конецъ всему!»

— Это возможно, очень возможно, что онъ именно въ такой часъ проговорился...

— Ты думаешь—этого не случается?

— Ой, и какъ еще случается!

— А она гдѣ теперь?

— Пошла къ хозяину, у котораго Моисей работала, не дастъ-ли онъ ей чего.

— Знаешь, я встрѣтилась на улицѣ съ ея сестрой Муской, она говорила, чтобъ я зашла къ Сорѣ и постаралась найти ей мѣсто кормилицы.

— Ой душенька, голубушка! достань ей мѣсто! Пусть она по крайней мѣрѣ выйдетъ отъ меня! Говорю тебѣ, я уже выбилась изъ силъ: во 1-хъ я не могу даромъ держать ее въ квартирѣ, чѣмъ она будетъ платить? Далѣе у меня уже силъ нѣтъ смотрѣть на ея горе.

— На улицѣ говорятъ, что она просто умираетъ съ голоду.

— Эту недѣлю она еще кое-какъ прожила: отецъ далъ, Шмуель Хлопъ далъ, а теперь, со вчерашняго дня нѣтъ ни куска хлѣба въ домѣ. Она все надѣется на Лейбу. Но я при-даю этому мало значенія. Да, Ривеле, найди ей мѣсто.

— Тебѣ не нужно просить меня, я постараюсь объ этомъ немножко и для своей пользы: не даромъ я хлопочу. У меня ужъ на виду одно мѣсто, надо только сходить туда.

— Да, да, сходи. Смотри-же!

Маленькая пауза.

— Гдѣ это твой старикъ?

— Гдѣ ему быть? У него, слава Богу, есть мѣсто!—Фрейда вздохнула.

— Все еще пьеть? спросила, покачавъ головой Рива.

— Все называется пить! Ужасъ какъ! О, отецъ мой небесный!

— Слушай, Фрейделе—тихо начала Рива, осматриваясь кругомъ. Я бы дала тебѣ совѣтъ чѣмъ отучить его отъ водки, говорю тебѣ, драгоценный совѣтъ! Недавно это сдѣлала одна еврейка: мужъ ея пилъ, Боже упаси какъ пилъ, ужасъ какъ!

Выпивать три бутылки въ день! Такъ она употребила это лекарство—и какъ рукой сняло; дай Богъ всегда такъ! Хоть каплю! Хоть бы попробовалъ поднести когда къ губамъ! Ни-чего! Не можетъ даже запаха слышать. Онъ только слабъ, у него часто рвота, но это скоро пройдетъ.

— Милая, сердечная, дорогая! Вовѣкъ тебя не забуду. Сжался надо мною! Добудь мнѣ этого лекарства. Не пожалѣю никакихъ денегъ! Ты не знаешь, сколько у меня желчи накопилось и какъ сердце болитъ отъ его пьянства!

У Фрейды показались слезы на глазахъ.

— Ничего удивительнаго нѣтъ... Лекарство, слава Богу, ничего не стоитъ: это «чистилищная вода». Когда обмываютъ мертваго, то набираютъ стаканъ или больше этой воды что на «чистилищной доскѣ» и даютъ больному. Дашь это своему Якову съ чаемъ или съ другой водой—вспомнишь мое слово: если онъ черевъ недѣлю не перестанетъ пить, можешь меня ругать среди улицы.

— Но мнѣ что-то боязно: чистилищная вода...

— Ну вотъ, боязно! чего тебѣ бояться! Развѣ мертвецъ не былъ такой же человѣкъ, какъ и мы, живые? Развѣ эта вода отъ какой нибудь скотины?

— Ну пускай будетъ по твоему. Принеси только скорѣе.

— Хорошо! хорошо! только не рассказывай всѣмъ.

— Тебѣ еще просить нужно?..

Кумушки разстались.

Рива не солгала: Яковъ въ самомъ дѣлѣ пересталъ пить... не только водку, но и воду.

XVIII.

Не смѣлой рукой взялась Сора за ручку украшенной рѣзбою массивной двери съ разноцвѣтными стеклами наверху. Швейцаръ, который подобострастно бросается отворять дверь прилично одѣтымъ господамъ, какъ будто они и безъ него не могли бы этого сдѣлать, въ это время не былъ на своемъ посту, и Сора безпрепятственно вступила въ это жилище избранныхъ. Совѣстась топтать своими плохими башмаками

красивыя ступеньки, поднялась она по великолѣпной мраморной лѣстницѣ, которая согрѣвалась искусно сдѣланнымъ въ ней каминомъ. На площадкѣ стояли зеркало (такого большого Сора никогда даже и во снѣ не видала), уборный столикъ и другія туалетныя принадлежности, необходимыя для того, чтобы передъ входомъ къ владыкѣ дома привести въ порядокъ костюмъ, стряхнуть пушокъ, который осмѣлится сѣсть на него.

Сора не рѣшалась подойти поближе, потому что зеркало безцеремонно говорила: «Это что за рожа! Да ты откуда вьзалась среди насъ!»

Долго топталась Сора на одномъ мѣстѣ, тоскливо осматриваясь кругомъ и не зная, въ какую дверь толкнуться. На одной двери и была хотя прибита мѣдная дощечка съ надписью: «Левъ Борисовичъ Беркинъ», но наша героиня не знала русской грамоты. Куда ни шло, рѣшилась она постучать, не подозревая, что для порядочныхъ людей устроены вблизи звонокъ: и могла-ли она подозревать, что этой круглой мѣдной штучкой, находящейся въ углубленіи, можно зазвонить! Безстрастная массивная дверь оставалась неподвижной. Сора постучала въ другой разъ посильнѣе и съ сильно бьющимся сердцемъ ждала...

А въ залѣ въ это время семья Лейбы... виноватъ, Льва Борисовича, сидитъ у почтенныхъ размѣровъ самовара, который, пыхтитъ на серебряномъ подносѣ. Сидитъ тутъ самъ хозяинъ, его супруга—бочка сороковая (она была еще толще, но ѣздила за границу, гдѣ ей сбавили жиру), тамъ, подалше, дочка, 19-лѣтняя барышня, братецъ ея и, наконецъ, гостья, mademoiselle Ривлингъ.

Весь столъ былъ уставленъ всякаго рода печеньями, лососями, семгой, разнымъ мяснымъ, сыромъ и пр. и пр. Хозяинъ и семейство его всегда затруднялись въ выборѣ, а выбравъ уже, кушали безъ всякаго аппетита. Вообще на всѣхъ лицахъ было написано: «хорошо на свѣтѣ жить, да желудокъ не варить!»

— Папа,—сказала mademoiselle Беркинъ,—я получила сегодня письмо отъ моего Сашеньки (женихъ ея), пишетъ, какъ проводить время весело, представъ себѣ. у него нѣтъ ни минуты свободной!... Очень миленькое письмо... Знаешь, папа, чтѣ я

думаю сдѣлать: соберу всѣ письма Сашеньки и отдамъ ихъ въ переплеть.

Она сходила въ свою комнату, принесла оттуда огромную связку писемъ — нѣсколько сотъ штукъ, и начала перебирать ихъ.

— Папа, я уже обдумала форму переплета: въ серединѣ крупными золотыми буквами будетъ оттиснуто: *Lettres d'Alexandre Solamani à Amalie Berkin 1880—1882*. Углы золотые, потомъ серебряная пряжка. Я была уже у одного переплетчика: просить 12 рублей, но лучше отдать въ магазинъ Степанова; туда всѣ отдають: у него выходитъ всегда очень изящно. Степановъ меньше 15 не возьметъ.

— Все это одна глупость — замѣтилъ папаша, — но если тебѣ ужъ непремѣнно захотѣлось издержать деньги, то можешь за- казать и за 12 р., все равно переплеть.

— Ахъ, папа, какъ ты это разсуждаешь: развѣ можно сравнивать еврейскую работу съ христіанской!

— А вы слышали, *monsieur Berkin*, — заговорила гостья, — мы, сговорились дать спектакль въ пользу бѣдныхъ гимназистовъ.

— Глупая, смѣшная затѣя! Одна забава, по моему мнѣнію, и больше ничего, отрѣзалъ Лейба, т. е. *monsieur Berkin*.

Mademoiselle Ривлинъ чуть замѣтно надула губки.

— Забава, когда это дѣлается съ благотворительною цѣлью! Я не вижу въ этомъ ничего смѣшнаго и глупаго!

— Ахъ, вы меня не поняли! Развѣ я говорилъ, что глупо помогать недостаточнымъ гимназистамъ? я не совсѣмъ еще стараго покроя. Помогать бѣднымъ — это нашъ долгъ, особенно тѣмъ, которые хотять образоваться. Но мнѣ не нравится, что пожертвованія собираютъ помощью театра, что вы производите черезъ чуръ много шума. По моему, хочешь помочь — зайдеши къ тому, къ другому изъ своихъ людей и соберешь столько же, сколько собралъ бы помощью спектакля, и все это тихимъ манеромъ.

— Кто это захочетъ ходить по домамъ! — возразила, кокетливо разсердясь *mademoiselle* Ривлинъ. — Притомъ не всякому хочется жертвовать; въ театръ же всякій пойдетъ не столько ради благотворительной цѣли, сколько для своего удовольствія.

— А стоит ничего не должно? Помѣщеніе, костюмы, освѣщеніе?... Но можетъ быть, вамъ дороже всего блеснуть своей игрой—тогда другое дѣло.

— Да! я знаю свою роль отлично!—отвѣчала она весело. Хотите—я вамъ сыграю всю піесу?

Бочка сороковая засмѣялась.

— Боже мой! она уже готова сейчасъ отдать намъ все; но у насъ вѣдь нѣтъ билетовъ.

— Видите, — сказалъ Беркинъ, — въ такомъ случаѣ конечно это дѣло другое. Даже еслибъ дѣло и не касалось гимназистовъ....

— Ну вотъ!—сказала, шаловливо улыбувшись, Ривлинъ, — тогда бы я и за тысячи не согласилась играть! Наша обязанность, mon-sieur Berkin, заботиться о благѣ ближняго, побратски относиться къ меньшему брату...

Вдругъ послышался стукъ въ двери. Общество не обратило на это вниманія, но когда стукъ повторился, mademoiselle Беркинъ поднесла руку къ серебряному колокольчику на столѣ и, позвонивъ горничную, велѣла ей отворить. Дверь отворилась, и Сора, увидѣвъ за передней, почти передъ собой, блестящую залу, сдѣлала отъ неожиданности шагъ назадъ, не рѣшаясь войти, но видя, что горничная намѣревается уже захлопнуть передъ самымъ носомъ ея обѣтованную дверь, пробралась бокомъ въ переднюю и стала у входа.

Всѣ взоры устремились на нее.

— Здравствуйте, сказала бѣдная женщина.

— Здравствуйте, — отвѣчалъ Левъ Борисовичъ. — Что вамъ угодно?

— Я бы хотѣла... нельзя-ли... сказать вамъ нѣсколько словъ?

— Подождите тамъ немного. И онъ указалъ ей рукой къ кабинету, подумавъ про себя: «что это прислуга впускаетъ сюда всякихъ оборванцевъ!».

Сора направилась къ кабинету, но въ дверяхъ чуть не запуталась въ тяжелыхъ бархатныхъ портьерахъ: казалось, онѣ хотѣли ее задержать. Она стала посреди комнаты. Болонка съ дорогимъ ошейникомъ, наслаждавшаяся покоемъ въ мягкихъ

креслахъ, увидя незнакомку, соскочила на паркетъ и съ лаемъ бросились на Сору.

Сора боялась поскользнуться на вылощенномъ паркетѣ, и въ тоже время ей было неловко за собачку: какъ можно такъ безцеремонно нарушать тишину этой торжественной залы! Когда болонка возвратилась къ своей пріятной лѣнѣ, Сора стала несмѣло осматриваться кругомъ: «Боже мой! сколько неслыханныхъ вещей и фигурокъ на столѣ: все серебро, золото и бронза! А эти олени рога на стѣнѣ, обитой такими чудными обоями!.. Какія картины! слишкомъ красивы и живы: какъ-то неловко внимательно разсматривать ихъ... Какое зеркало, батюшки! гордо вытянулось во всю стѣну и безжалостно говоритъ Сорѣ: «у! какая ты!» Амуры тоже недовольны посѣтительницей: они сами хотя и наги, но считают неприличнымъ стоять возлѣ столь плохо одѣтой женщины и, чтобы отогнать ее, пускаютъ въ нее стрѣлы. Какія богатые кресла!.. Даже сѣсть на нихъ неловко! «Все это продолжалось менѣе минуты. Сора сейчасъ же возвратилась къ дѣйствительности и впилась глазами въ дверь, въ которую долженъ былъ войти Беркинъ. Онъ не замедлил явиться, опасаясь, чтобы эта оборванная еврейка чего нибудь не стянула, и, упершись руками въ столъ, уставилъ на нее свои стальные глаза, точно хотѣлъ сказать: «Говори!».

— Ребъ Лейбъ,—начала Сора дрожащимъ голосомъ,—я къ вамъ пришла... меня... мнѣ сказалъ Шмерль Хлопъ, что вы сказали... велѣли мнѣ прійти.

— А—а... это вы... жена землекопа, который былъ засыпанъ?

— Да, это я.

— Гм!.. такъ... садитесь пожалуйста! Почему вы не пришли тогда же... сейчасъ послѣ того, какъ я говорилъ? Я вѣдь велѣлъ Шмерлю въ тотъ же день прислать васъ.

Онъ эти слова высказалъ не потому, чтобы долженъ былъ ихъ высказывать, а просто потому, что ничего другаго не пришло ему на умъ, и онъ не желалъ даже получить отвѣта.

— Я сидѣла цѣлую недѣлю *шиве* (соблюдали трауръ по смерти мужа).

— А, да, шиве!.. Такъ что... что вы теперь дѣлаете? спросилъ Левъ Борисовичъ, хотя думалъ спросить: что вамъ отъ меня угодно?

— Что же мнѣ дѣлать? Умираю съ голоду.

— Гм!

Минутная пауза.

— Да, я велѣлъ ему прислать васъ. Я хочу вамъ, чтонибудь... чѣмънибудь помочь.

— Ребѣ Лейбъ! сжальтесь! Будьте отцомъ моихъ дѣтей, не допустите насъ умереть на улицѣ. Я съ тремя крошечными дѣтками осталась, какъ среди моря! Приходится хоть съ моста да въ воду. (Сора говорила уже, глотая слезы). Придется это сдѣлать, если вы намъ не поможете. На вашей работѣ вѣдь это случилось.

Лейбъ ея слова очень, очень не понравились: во первыхъ она возлагаетъ на него слишкомъ много надеждъ, вѣдь онъ рассчитываетъ дать ей трешницу, много—много пятерку... Во вторыхъ, какъ это она странно выражается: «это случилось на вашей работѣ»—выходить, какъ будто онъ, Левъ Борисовичъ, виновать!

— У меня это случилось!—сказалъ онъ съ улыбкой человека, на котораго взводить напраслину, но который однако не обижается этимъ.—Развѣ я тутъ виновать? Во первыхъ я твоего мужа никогда даже не зналъ, притомъ же это дѣло божье: вѣрно ему суждено было тамъ стоять когда упало,—другіе рабочіе вѣдь были тогда въ кабакѣ. Мнѣ это нравится: у меня случилось! А дома не могло бы это случиться, когда ему суждено? Но ужъ дѣло пропащее... Вотъ тебѣ пять рублей, больше я не могу тебѣ помочь: дай Богъ мнѣ зарабатывать каждый день столько, сколько я терплю убытковъ въ этомъ драгоценномъ подрядѣ.

Сора въ эту минуту походила на статую.

Лейба вынулъ изъ боковаго кармана толстый бумажникъ и, вытянувъ изъ кучи бумажекъ одну, положилъ ее на столъ и уже готовъ былъ уйти.

— Ребѣ Лейбъ, ребѣ Лейбъ!—воскликнула несчастная женщина, плача:—вся моя надежда сперва на Бога, потомъ на васъ.

Ребъ Лейбъ! не дайте намъ умереть съ голоду! Богъ награждать васъ сторицею!

— Такъ я вѣдь даю пять рублей. Сколько же тебѣ дать? Не понимаю!

— Что мнѣ пять рублей! Ихъ не хватитъ на веревку и саванъ для меня и дѣтей.

— Слушай, сестрица! Твоихъ расчетовъ я совѣмъ не обязанъ знать, повѣрь мнѣ, и причитывать тебѣ тутъ тоже нечего. Даю тебѣ пять рублей и не забывай, что я Шмерлю тоже далъ для тебя три рубля. Очень довольно съ меня! Если бы каждому бѣдняку пришлось давать по восьми рублей, то я бы скоро пришелъ босой къ Богу.

— Но не забудьте...

— Мнѣ нечего забывать и нечего помнить! Некогда мнѣ тутъ съ тобой стоять... Возьми эти пять рублей и ступай себѣ съ Богомъ. Я не виноватъ, что мужъ твой сидѣлъ въ канавѣ въ обѣденное время, когда всѣ сидѣли дома, и былъ убитъ. Надо беречься.

— Ребъ Лейбъ!.. не забывайте, ребъ Лейбъ, что мы всѣ подь Богомъ ходимъ, что никто съ Богомъ не заключалъ контрактовъ!..

— Это что такое?.. Иди себѣ съ Богомъ, ты пришла сюда давать мнѣ наставленія? Ступай, пока тебя не вывели!

Сора забыла въ эту минуту все, все: себя, дѣтей, должниковъ; она помнила одно, что ей нужно излить все накопившееся на душѣ. Вся горечь, накопившаяся безмѣрно за послѣднее время, переполнила сосудъ до краевъ и требовала выхода, требовала воздуху. Сорѣ стало не въ моготу, она должна была во что-бы то ни стало облегчить себя.

— Я прошу слишкомъ дорого? слишкомъ дорого за своего мужа, за своего кормильца, за отца моихъ дѣтей!.. Онъ правъ?.. Гоните меня, ребъ Лейбъ, гоните! О, Боже милосердый! я желаю вамъ и женѣ быть въ моемъ положеніи!.. Чтобъ ваши дѣти жили, какъ мои дѣти, и вы можете быть здоровы и видѣть это!.. Боже милосердый!.. пускай они испытаютъ хоть одну недѣлю моей теперешней горькой жизни!...

— В-в-в-о-о-нъ!! вонъ, стерва!! чтобы нога твоя не была въ этомъ домѣ!.. Ругаться, проклинать!.. Иванъ! сбрось сейчасъ эту мерзавку съ лѣстницы... чтобы она скатилась со всѣхъ ступенекъ,—слышишь?! чтобы ни одного зуба во рту не осталось у этой шлюхи!

Всѣ, сидѣвшіе въ залѣ, вбѣжали и смотрѣли съ изумленіемъ на эту сцену.

Сора выбѣжала, Иванъ за ней. Но притворивъ за собой дверь, камердинеръ остановился на верхней площадкѣ и прошепталъ:

— Разбойничье сердечко разбушевалося, разыгралось! Чтобы ему лопнуть!.. Вотъ злодѣй!

Сбѣжавъ съ лѣстницы, Сора кинулась бѣжать безъ оглядки.

— Что это? Что случилось? спросили бочка сороковая и дочка у разгнѣваннаго главы семейства.

— Ничего! отвѣтилъ онъ строго.

Семья не стала больше спрашивать, боясь его разозлить.

Левъ Борисовичъ долго расхаживалъ по комнатѣ. Вся эта исторія, эта буря ему не понравилась.

— Къ чему было ее гнать, заводить цѣлое дѣло! Ругалась,— вотъ важность, что какаянибудь паршивая жидовка ругается!.. Ахъ! напрасно я приказалъ сбросить ее съ лѣстницы... изъ этого можетъ завестись цѣлое дѣло. Враговъ у меня въ *городкѣ* довольно... сдѣлаютъ изъ этого чортъ знаетъ что!.. Ахъ ты чортъ!.. Дьяволь ее занесъ сюда и надоумилъ меня разгорячиться.

Сора пришла домой, какъ полоумная. Въ сердцѣ у нея что-то оборвалось. Нѣтъ болѣе надеждъ, нѣтъ болѣе Лейбы: пусто! Пятнадцать рублей, которые Шмерль Хлопъ обѣщала одолжить, она не получила: у него прошелъ первый пылъ сочувствія, и предстала слишкомъ ясно «своя рубашка». У Шмуеля тоже не было денегъ, только старшаго внука онъ взялъ къ себѣ. Что тутъ дѣлать? Неужели въ самомъ дѣлѣ броситься съ моста въ воду, или пойти по мрачной, тернистой, безконечной дорогѣ— изъ дому въ домъ, изъ лавки въ лавку! И съ дѣтьми!..

Прошла недѣля. Въ это время пришла Рива и предложила нашей Сорѣ мѣсто кормилицы.

Черезъ нѣсколько дней Сора выбралась изъ квартиры. Нѣтъ

болѣе хозяйки! Былъ домъ, былъ мужъ, было семейство, — а теперь все разбилось, распалось... придется идти служить, садиться за чужой столъ, коротать вѣкъ въ чужомъ углу...

Часть Вторая.

I.

Впродолженіе нѣсколькихъ недѣль послѣ того, какъ Сора вышла замужъ за Моисея, не было въ домѣ Шмуеля Лапатника порядка: во первыхъ отсутствовала хозяйка и домоуправительница, во вторыхъ, свадебныя издержки образовали порядочную дыру въ его хозяйствѣ. Изъ всѣхъ щелей, которыхъ въ домѣ было не мало, стала проглядывать нужда. Самыя необходимыя вещи продавались и закладывались. Къ счастью такой беспорядокъ продолжался недолго. Вторая дочь, Лея, взяла все въ свои руки, достала, кромѣ госпитальной, еще работу изъ острога и дома умалишенныхъ—тоже шитье рубашекъ, руководила младшими сестрами и наблюдала, чтобы отецъ неслишкомъ много обременялъ себя, — короче, она сдѣлалась хозяйкой въ полномъ смыслѣ слова. Въ 2—3 мѣсяца жизнь ихъ вошла въ обычную колею—нѣтъ, можно сказать, она потекла даже значительно лучше прежняго: въ домѣ было постоянно опрятно, прибрано, платья на всѣхъ чисты и починены. Лея работала съ утра до поздней ночи почти безъ перерыва, приучивъ и Хіену превращать время въ деньги; даже Муселе—еще дитя—не ходила совсѣмъ праздно.

— Безъ работы человекъ только существуетъ на свѣтѣ, а не живетъ; нашъ же братъ бѣднякъ не можетъ безъ нея и существовать,—говорила Лея.—Жизнь безъ труда все равно, что кушанье безъ соли, безъ хлѣба и безъ мяса.

Отецъ смотрѣлъ на дочь съ гордостью и былъ того мнѣнія, что «другой такой дѣвки, какъ моя Лея, не найти».

Лея по наружности, и по характеру представляла контрастъ съ Хіеной. Лея была высокаго роста, съ некрасивымъ, но гордымъ лицомъ, и съ большими умными глазами, которые смотрѣли прямо, точно говорили «попробуй только затронуть меня! Я хотя и бѣдная дѣвка, но сумѣло постоять за себя»; Хіена

была невысокая, блѣднолицая, но очень красивая: большой лобъ, ласкающіе глаза, слегка вздернутый носикъ и маленькій ротикъ. Лея работала молчаливо; Хіена любила подпѣвать за работой, обо всемъ говорила, всемъ интересовалась. Лея, выслушавъ какое нибудь дѣло, всесторонне познакомится съ нимъ и, хорошенько обдумавъ, выскажетъ рѣшительно свое мнѣніе; Хіена въ первую же минуту приходила въ восторгъ, но черезъ день или даже черезъ часъ охладѣвала и говорила уже другое. Лея, была ли она сыта или голодна, счастлива или страдала, никогда не измѣнялась въ лицѣ, только голова и сердце знали про ея обстоятельства; Хіена, веселая, работала ловко и скоро, но въ дурномъ настроеніи у нея опускались руки.

Муселе не была похожа ни на Лею, ни на Хіену: больная, золотушная, она всего пугалась, отъ всего плакала...

И такъ, Лея употребляла всѣ усилія, чтобы сдѣлать жизнь своихъ родныхъ сносною.

Но вдругъ случился переломъ, обстоятельства круто измѣнились. Муселе заболѣла не на шутку: пришлось расходиться на доктора, лекарства, на лучшую пищу, ухаживать за больной. Хіенѣ пришлось по 18 часовъ въ сутки шить, а Лея должна была стирать, дѣлать разныя закупки и заниматься Муселе и отцомъ, который въ послѣднее время сталъ тоже прихварывать. Вынужденная большую часть дня проводить дома, Лея потеряла «подрядъ», шитье рубашекъ, и осталась только работа изъ острога, выручка за которую хватала на одного человѣка, или и того меньше. Черезъ недѣлю все перевернулось вверхъ дномъ: не на что было купить хлѣба. А Муселе стала еще болѣе хирѣть и гасла съ каждымъ днемъ. А тутъ еще Сора приходитъ жаловаться на свою тяжкую долю.

— Доля моя, доля! Лучше бы мнѣ не родиться. Мнѣ какъ будто суждены только горе да бѣда: сперва въ дѣвкахъ дома, потомъ въ замужествѣ. Ну ужъ жизнь!

У Леи сжималось сердце, но на пустыя утѣшенія она не была способна. Она бросалась на кровать и крѣпко сжимала голову въ рукахъ. Плакать она не могла.

Хіена въ такія минуты подсаживалась къ сестрѣ и старалась успокоить ее своими поцалуями.

— Что пользы въ этихъ утѣшеніяхъ,—говорила Лея—можно, помочь какънибудь; надо дѣлать, а не ограничиваться разговорами, нельзя помочь—такъ лучше молчать.

— Слушай, я пойду служить,—обратилась разъ Хіена къ Леѣ;—буду по крайней мѣрѣ имѣть что ѣсть, и пожалуй, еще и для васъ что-нибудь останется... Что ты на это скажешь?

— Ты права,—отвѣтила Лея послѣ нѣкотораго раздумья.— Съ этой работой, что осталась, я сама ужъ справлюсь.

Черезъ нѣсколько дней Хіена дѣйствительно поступила на мѣсто за 25 р. въ годъ.

Шмуель, услышавъ слово «служить», чуть не заплакалъ.

— Служить!.. Зачѣмъ служить? Развѣ нельзя взяться за чтонибудь другое? Почему, еще непременно служить?

— Потому что ѣсть нечего,—отвѣчала Лея почти строго,—служить — значитъ заслужить, а заслуживать совсѣмъ не стыдно.

Лея осталась одна. Надо было имѣть ея силу и ея неутомимый духъ, чтобы не заболѣть. Она шла теперь по ночамъ, ибо днемъ не было времени. Голодъ не тетка, работаешь, когда даже не работается...

II.

Хіена была мягкаго характера. Несчастье ближняго было ея собственнымъ несчастьемъ; она готова была отдать голодному послѣдній кусокъ. Больно ей было видѣть положеніе своего семейства. Хіена была готова отдать свою душу, чтобы какъ-нибудь облегчить судьбу родныхъ. Пока она жила вмѣстѣ съ ними и страдала со всѣми наравнѣ, было не такъ жалко. Но теперь: она ѣсть 2 — 3 раза въ день, находится въ теплѣ, а отецъ, сестры живутъ на полтора рубля въ недѣлю (рубль зарабатывали они сами, а пятьдесятъ копѣекъ давала Хіена). Велика была радость доброй дѣвушки, когда какой-нибудь прїѣзжій гость оставлялъ ей на чай: черезъ двѣ минуты деньги уже были у отца.

Разъ она пришла къ отцу и нашла его склонившимся надъ столомъ съ тяжело опущенной головой. Старикъ цѣлый день ничего не ѣлъ. Муселе стонала въ постели. Леи не было

дома: она пошла собирать щепки для топки. Холодно, темно, неуютно.

Къ несчастью у Хіены перевелись деньги: гости какъ-то къ ея господамъ не заѣзжали, жалованье она забрала за мѣсяць впередъ.

— Ой, ой, ой, Боже милосердый! вздохнулъ Шмуель.

— Ёль что нибудь? дрожащимъ голосомъ спросила дочь.

— Ёль? А если и не ёль, что я теряю? Драгоценную жизнь, вольготную? Большой убытокъ, дочь моя, такая жизнь!.. Ой, ой!.. Вотъ она не ёла, и онъ указаль на Муселе.

— Я, я вамъ принесла,—поспѣшно проговорила Хіена, вынувъ изъ кармана кусокъ булки, кусочекъ мяса завернутый въ бумагу и кусочекъ сахару.—На, тятя.

Шмуель безстрастно посмотрѣлъ на эти лакомства и ничего не взялъ изъ рукъ дочери.

— Къ чему это? Что ты этимъ можешь? Еще одинъ день промучусь. Видно, такъ угодно Богу. Пускай ужъ такъ будетъ; противъ Божьей воли не пойдешь, дочь моя.

Онъ оперся головой на руки и не замѣчалъ двухъ слезинокъ, повиснувшихъ у него на глазахъ.

Слезы, душившія Хіену, вылились наружу ручьями.

— Т... такъ, что жъ... д... дѣлать?—спросила она, захлебываясь рыданіями.

— Ничего. Когда нибудь Богъ долженъ же сжалиться надо мною и послать мнѣ смерть. Не вѣчно же человекъ мучится. Леѣ и ей (онъ указаль на Муселе) много ли я помогаю тѣмъ, что живу?

Лице у старика искривилось отъ сердечной боли. Теперь Хіена смотрѣла уже на него сухими глазами, съ неестественнымъ томительнымъ спокойствіемъ, съ краской на лицѣ. Вдругъ она стремительно поднялась со скамьи, глаза у нея горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Она хотѣла нѣсколько разъ начать говорить, но ничего не сказала, точно ей что-то помѣшало или она не могла рѣшиться.

Муселе тихо застонала.

— Т... тятя!..—произнесла Хіена дребезжающимъ голосомъ,

какъ будто въ ознобъ—Тятя! я... Я тебѣ завтра... принесу... пять рублей!

Шмуель очнулся, точно пробужденный отъ сна, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дочь.

— Пять рублей?? пять рублей?! Что ты говоришь!.. Гдѣ ты возьмешь? Что ты хочешь дѣлать?

— Займу.., Займу... у знакомой дѣвушки.

— Какъ это одолжишь? Кто тебѣ станетъ ссужать?

— Какое тебѣ дѣло! Я имѣю... у кого... занять... взять... имѣю... принесу уже... прощайте!

И не дожидаясь отвѣта, дѣвушка выбѣжала.

Шмуель замеръ на своемъ мѣстѣ отъ удивленія. Она принесетъ пять рублей... Что тогда будетъ? Что съ этими деньгами сдѣлаютъ? Но принесетъ ли она?

Когда Лея возвратилась со цепками, старикъ рассказалъ ей объ этомъ неслыханномъ обѣщаніи.

— Пять рублей? Хіена?—удивленно замѣтила Лея.—У кого бы это она могла занять—не понимаю.

Она пожала плечами.

Если бъ она видѣла передъ этимъ сестру и слышала, какимъ голосомъ та обѣщала принести такую сумму денегъ, то поняла бы многое; но отецъ сказалъ ей только: «Хіена займетъ пять рублей»—и Лея придавала очень мало значенія этимъ надеждамъ.

— Я знаю Хіену: ей вѣрно показалось, что она можетъ занять. Ей отъ всего сердца хотѣлось бы достать, но гдѣ ей достать.

Ни завтра, ни послѣ завтра Хіена не приходила: она не была у отца цѣлую недѣлю и явилась только на восьмой день. Она такъ измѣнилась, что ее трудно было узнать: лице страдальческое, глаза смотрѣли лихорадочно, на лбу морщинки, голова тяжело свѣшивалась. „

Надо было быть въ положеніи Шмуеля, чтобы всего этого не замѣтить. Но Лея испугалась при видѣ сестры.

— Хіена! что это съ тобой? отчего тебя цѣлую недѣлю не было видно.

— Я была не совсѣмъ здорова, отвѣчала Хіена какъ будто не своимъ голосомъ.

Шмуель быстро повернулся къ ней: голосъ показался ему незнакомымъ.

— На тебѣ въ самомъ дѣлѣ лица нѣтъ.

Хіена не слыхала его словъ, быстро вынула изъ кармана новую пятирублевку и стала совать ее въ руку отцу.

— На, тятенька! На тебѣ эти пять рублей. На, возьми!

— Дочь моя!.. произнесъ Шмуель и заплакалъ.

Это было сигналомъ для Хіены; слезы, капавшія сперва по одиночкѣ, покатались наконецъ всѣ разомъ, полились дождемъ и оросили изсохшее личико молодой дѣвушки. Плечи у нея нервно вздрагивали. Дыханіе захватывало. Она ухватилась за сердце.

Страшно смотрѣть на голоднаго и холоднаго старика, который плачетъ, увидѣвъ кусокъ хлѣба; но не менѣе рѣжетъ сердце и подобный дѣвическій плачъ. Такъ можно только плакать по страстно любимомъ человѣкѣ, который умираетъ или ужъ умеръ.

Лея подошла къ сестрѣ и положила ей свою руку на плечо.

— Хіененка, гдѣ ты взяла эти пять рублей? Кто тебѣ одолжилъ? Говори же, сестрица.

Она говорила мягко, какъ съ больнымъ, хотя на душѣ была буря, а въ головѣ носились черныя мысли.

Хіена высвободилась изъ-подъ ея руки, точно кто нибудь прикоснулся къ наболѣвшему мѣсту.

— Отвяжись отъ меня! Не мучай меня, сестрица. Я вѣдь тебѣ говорила: я взяла, заняла, заработала! О—ой!..

И она ушла.

Съ полчаса Лея смотрѣла на дверь, въ которую вышла Хіена, потомъ покачавъ, головой, поднялась съ мѣста и, заломавъ руки, произнесла:

— Зачѣмъ я раньше не поняла!.. Пропала!..

Шмуель-же отправился къ Сорѣ рассказать о своемъ счастіи.

III.

— Надо за что нибудь взяться съ этими деньгами,—обратился Шмуель къ Леѣ.—Не проѣсть бы ихъ, сохрани Богъ!

Старый бѣднякъ получилъ аппетитъ къ жизни.

— Начну печь кухни,—отвѣчала Лея;—я это дѣло знаю, и намъ можно будетъ прожить.

Она стала печь пирожки и получала при этомъ порядочные барыши. Обстоятельства улучшились: бѣдное семейство могло снова ѣсть, придти въ себя и расправить члены, какъ будто послѣ тяжелой болѣзни.

Спустя нѣкоторое время и Муселе окрѣпла и начала носить по кабакамъ и лавкамъ кухни, которые пекла сестра.

Хіена часто посѣщала отца, и приносила ему нѣсколько разъ по рублю, по два. Она также оказывала денежную помощь и Сорѣ, была то безгранично весела, то безгранично печальна. Видя, какъ отецъ и сестры оживаютъ, она сама оживала.

На вопросъ отца: «гдѣ она беретъ деньги?» Хіена отвѣчала, что теперь часто пріѣзжаютъ къ нимъ гости и каждый разъ оставляютъ ей по рублю, по два. Лея-же она избѣгала, боялась смотрѣть на нее, говорить съ нею.

Долго думала Лея, какъ бы вызвать сестру на откровенность.

— Сегодня долженъ быть конецъ,—сказала сама себѣ Лея въ одно утро, въ которое она ожидала прихода Хіены. И обратилась къ отцу:

— Сходи провѣдать Сору. Какъ то она поживаетъ? Ея ужъ давно не было.

Муселе она тоже выпроводила изъ дому подъ благовиднымъ предлогомъ—собирать долги за кухни, и съ мучительнымъ нетерпѣніемъ стала ждать сестру.

Наконецъ та являлась. Нѣсколько минутъ царствовало молчаніе. Хіена, не найдя отца дома, поднялась съ мѣста, чтобы уйти. Лея посмотрѣла на нее, и въ этомъ взглядѣ было столько печали и любви, что Хіена невольно осталась.

— Хіена!—начала Лея мягкимъ голосомъ, отъ котораго сестра вздрогнула,—подожди немного, мнѣ нужно сказать тебѣ

нѣсколько словъ. Хіененка, сестрица, я бы желала съ тобой говорить, какъ мы когда-то говорили. Помнишь ли, какъ мы, въ дѣтствѣ, валяясь въ постели, чистосердечно разсказывали другъ другу все, все?.. Помнишь, какъ хорошо тогда было? Отчего же намъ, Хіенечка, и теперь не быть такими же?

Она взяла сестру за руку и смотрѣла на нее съ такой добротой.

— Неужели ты думала, что я могу тебя осуждать, когда ты спасла насъ отъ голода и возвратила къ жизни стараго отца! Я все это знаю,—такъ почему же ты считаешь меня такой злой и избѣгаешь меня, какъ будто бы я хотѣла тебя душить?.. Ты же знаешь, что нѣтъ ни одного человѣка, кого бы я такъ любила, какъ тебя...

Хіена бессильно опустила на скамью.

Она ожидала презрѣнія, а получила любовь. Лея сѣла рядомъ съ нею, одной рукой обняла ее за талію, другою разглаживала ея кудри.

— Сестра! Сестрица!—говорила, рыдая, Хіена съ понижшею головой.—Я люблю тебя еще больше, чѣмъ прежде... но мнѣ тяжело, горько. Мнѣ хотѣлось бы забыть обо всемъ, думать, что это былъ только сонъ.. Я боюсь задумываться надъ тѣмъ, что дѣлаю... Я бы хотѣла, я бы хотѣла... умереть! Былъ бы конецъ!

Хіена закрыла руками лице и, спрятавъ свою пылающую голову на колѣняхъ у сестры, горько плакала. Лея горячо прижала ее къ своему сильно бьющемуся сердцу.

— Что теперь дѣлается съ тобою?.. Все еще? тихо спросила Лея.

— Что прежде, то и теперь! И Хіена заскрежетала зубами.

— Слушай,—сказала Лея, послѣ нѣкотораго раздумья,—брось твое мѣсто! Живи у насъ! Печенье кухеновъ идетъ не дурно; ты заработаешь свой хлѣбъ. Ты здѣсь забудешь всѣ твои несчастія. Приди, послушайся меня, дорогая!

— Оставь, оставь, сестрица! Сжался, не говори со мной объ этомъ! Я этого не перенесу! Я не могу возвратиться къ отцу въ домъ, не могу! Оставь ужъ меня такъ... Я уже... погибла!

— Ну вотъ, погибла! Бываетъ много такихъ случаевъ, и все таки опять становишься человѣкомъ. Начни только жить иначе, и забудешь прошлое, какъ сонъ.

— Нѣтъ, ничего уже не поможетъ; я погибла. Я погибла потому что я... я... беременна!.. выговорила она наконецъ. Хорошо?! Хорошо ужъ, что ты знаешь?

И Хіена выбѣжала изъ дома. Она была въ эту минуту близка къ самоубійству.

Извѣстіе это нигдѣ не давало покоя Леѣ: пекла ли она кухни, садилась ли за скромный обѣдъ, ложилась ли въ постель,—проклятый вопросъ: «что дѣлать? какъ помочь сестрѣ?» повсюду грозно вставалъ передъ нею.

Взять роженицу къ себѣ — невозможно: во первыхъ Хіена сама не захочетъ опозорить отца, да Шмуель и не перенесъ-бы такого удара. Оставить Хіену у хозяйки тоже думать нечего. И что станется съ ребенкомъ?! Съ несчастьемъ матери?!

— Господи за что все это? За какія преступленія? въ отчаяніи восклицала Лея.

Псевдонимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУВИМЪ.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ ГЕНРИХА ЛАУБЕ.

I.

Возлѣ дороги сидѣлъ человекъ, по имени Моисей. Дорога эта вела изъ Триеста; но это не была большая дорога, а лишь узкая, проселочная, тянувшаяся параллельно большой дорогѣ, но нѣсколько выше ея. Она доходила только до виллы, расположенной на возвышенности, среди сада.

Моисей по временамъ оглядывался на виллу, но тамъ никого не было видно. Онъ, повидимому, былъ въ хорошемъ расположеніи духа, по крайней мѣрѣ онъ съѣдалъ съ большимъ аппетитомъ свой ужинъ, кусокъ черстваго хлѣба.

И дѣйствительно Моисей отличался веселымъ нравомъ, хотя по профессіи своей онъ былъ не кто иной, какъ бѣдный торговецъ, продававшій старое платье и иной хламъ. Узель, въ которомъ заключался скромный товаръ его, лежалъ подлѣ него на землѣ.

---

* Предлагаемый здѣсь читателю романъ, есть посмертное произведеніе скончавшагося нѣвѣстнымъ гѣтомъ Генриха Лаубе, занимавшаго одно изъ очень видныхъ мѣстъ въ нѣмецкой литературѣ. Какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ литературной партіи, известной подъ именемъ „молодой Германіи“, онъ съ большимъ успѣхомъ дебютировалъ въ 1837 г. романомъ „Молодая Европа“, за которымъ послѣдовало и много другихъ, болѣею частью съ политическимъ оттѣнкомъ, между которыми особенно замѣчательны: „Нѣмецкая Война“ (т. е. тридцатилѣтія). Лаубе оказалъ сверхъ того большія услуги нѣмецкой драматической литературѣ и нѣмецкой сценѣ; онъ написалъ нѣсколько очень хорошихъ пьесъ („Спруэнъ“, „Графъ Эссекъ“, „Злые Языки“ и др.), много прекрасныхъ статей по теоріи и исторіи драмы и былъ директоромъ двухъ главныхъ театровъ въ Вѣнѣ (Hoftheater и Stadtheater), которые, благодаря его стараніямъ и знанію, поднялись за это время на очень значительную высоту.

Уже вечерѣло и солнце готово было окунуться въ волны Адриатическаго моря, перекатывавшаго внизу свои изумрудно-зеленыя волны. Пурпурно-золотистый отблескъ солнца заливалъ высокую и кругую гору, поднимающуюся непосредственно за послѣдними домами Триеста. Дѣло происходило поздней весной и атмосфера была бы удушлива, еслибы съ моря не дулъ легкій вѣтерокъ.

Что же дѣлалъ этотъ еврей въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ не проходило ни души? А вотъ что онъ дѣлалъ: онъ представлялъ собою исключеніе изъ своихъ собратьевъ по ремеслу, будучи великимъ любителемъ природы. Быть можетъ, это происходило вслѣдствіе того, что онъ провелъ свое дѣтство среди сосѣднихъ горъ, пася козъ. Здѣсь онъ свыкся и сдружился съ природой и любилъ удаляться на ея лоно, когда въ душномъ Триестѣ становилось слишкомъ жарко.

— Нѣтъ, видно она сегодня не прійдетъ,—сказалъ онъ потихоньку про себя, еще разъ оглянувшись и не увидѣвъ никого передъ виллой.—Ага, вонъ Рувимъ, Рувимъ!—прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

Узкая, проселочная дорога, правда, упиралась въ виллу, но дальше за нею узкая тропинка вилась среди цвѣтущихъ изгородей на горы, и на ней-то въ эту минуту и появился молодой человѣкъ, по имени Рувимъ. Когда онъ приблизился къ саду и вышелъ на проселочную дорогу, на балконѣ виллы появилась женская фигура, которая затѣмъ спустилась въ садъ.

Моисей откинулся назадъ, Рувимъ остановился возлѣ окружающаго садъ забора, и оба они стали внимательно смотрѣть на молодую дѣвушку, — ибо эта женская фигура была молодая дѣвушка, и притомъ красавица. — Совершенно молоденькая! — прошепталъ Моисей; — ей лѣтъ шестнадцать, никакъ не болѣе шестнадцати! И какая стройная!

Она легкими шагами приблизилась къ кусту розановъ, сорвала одинъ цвѣтокъ, поднесла его къ своему правиль-

ному, греческому носику и стала смотрѣть на море, не замѣчая ни Рувима, ни Моисея.

— Она наслаждается вечеромъ, — прошепталъ Моисей. — Къ сожалѣнію, она вѣроятно скоро уйдетъ.

Дѣйствительно молодая дѣвушка медленно повернулась и направилась обратно къ виллѣ; подойдя къ балкону, она еще разъ оглянулась назадъ, бросила долгій взглядъ на темное море и затѣмъ исчезла въ дверяхъ виллы. Тогда и Рувимъ шапгалъ дальше и вскорѣ очутился передъ Моисеемъ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? — спросилъ онъ его, но тотчасъ же прибавилъ, какъ бы желая поправиться: — Вѣдь для васъ не представится здѣсь все равно никакого дѣла, Моисей.

— Отчего же вы не желаете говорить мнѣ «ты», какъ всѣ это дѣлаютъ, г. Рувимъ? — спросилъ Моисей.

— Потому что я не имѣю ни малѣйшаго права прибѣгать къ этому дружескому или пренебрежительному обороту.

— Ну, пускай онъ будетъ дружескимъ, и будемъ держаться его въ нашей бесѣдѣ, г. Рувимъ. Я прошу васъ.

— Просите?

— Да, я желалъ бы, чтобы вы относились ко мнѣ съ полною довѣрчивостью. Вы правитесь мнѣ, и я очень радъ тому, что вы видѣли эту даму. Какая красавица! Не правда-ли?

— А ты развѣ знаешь ее?

— Ее зовутъ донной Камиллой. Я иногда прихожу въ виллу къ лакею, любящему яркіе жилеты, и къ кухаркѣ, нуждающейся въ пестрыхъ фартукахъ. Донна-Камилла здѣсь только гоститъ. Она сама уроженка Анконы и навѣщаетъ въ виллѣ свою тетку, богатую и гордую госпожу Миллеръ, которая любитъ, чтобы ее называли не госпожей Миллеръ, а синьорой Молиторе, и относится къ намъ съ презрѣніемъ. Впрочемъ, она имѣетъ на то право.

— Почему?

— А потому что мы—еврей.—Что, вы сейчас только въ первый разъ увидѣли синьорину Камиллу?

— Да, въ первый разъ.

— Вотъ такъ была бы для васъ парочка, если бы и вы тоже... Я не мало видѣлъ на всемъ вѣбу красивыхъ женщинъ, но подобной красоты мнѣ не доводилось видѣть. Не такъ-ли?

— Да, и мнѣ не доводилось видѣть такой красавицы.

— Красавица, одно слово! Присядьте-ка сюда, на камень. Вы точно околдованы, я вижу это. Вы не можете отвести глазъ отъ того мѣста, гдѣ она стояла. Какъ будто ангелъ спустился съ неба по лѣстницѣ Иакова! Присядьте!

Рувимъ дѣйствительно былъ точно околдованный. При видѣ дѣвушки, онъ какъ будто улетѣлъ изъ міра сего. Онъ не слушалъ и не понималъ того, что болталъ его собесѣдникъ. Да и кто могъ бы ожидать найти въ этомъ торгашѣ-евреѣ цѣнителя красоты? А между тѣмъ онъ былъ имъ. Подобно тому, какъ онъ привыкъ расхваливать достоинства продаваемой имъ старой одежды, такъ онъ сталъ теперь, прицеливая языкомъ, восхвалять качества красавицы Камиллы: ея молодость, ея руки, ея волосы и, въ особенности, глаза ея.

— Ну ты, смотри у меня, не своди съ ума моего брата!—раздался вдругъ третій голосъ.

Этотъ голосъ принадлежалъ брату Рувима, Манассе. Онъ пришелъ изъ виллы и стоялъ возлѣ нихъ.

Рувимъ и Моисей сидѣли на двухъ каменныхъ плитахъ, поставленныхъ стоймя возлѣ дороги и предназначенныхъ вѣроятно къ перевозкѣ въ виллу. Манассе, потрепавъ шутя Моисея за его рыжую съ просѣдью бороду, громко разсмѣялся и сказалъ: — Ты, небось, восхищаешься красавицей-итальянкой. Ты, значитъ, неисправимъ, Моисей!

— Нѣтъ, никогда не исправлюсь, — отвѣтилъ Моисей, тоже разсмѣявшись.

— Бѣдный торгашъ-еврей, да къ тому же сѣдой, и туда же—влюбляться!—продолжалъ Манассе.

— А почему бы и нѣтъ?—спросилъ Моисей. — Никто

не можетъ запретить мнѣ этого, а мнѣ удовольствіе это доставляетъ. но хотя бы не ѣсть и не пить, лишь бы только видѣть красивыхъ дѣвушекъ.

— Тебя слѣдовало бы называть торгошаемъ-донъ-жуаномъ. Смотри, достанется тебѣ за это отъ раввина.

— За что же? Какое ему дѣло до этого? Вѣдь это же не мѣшаетъ мнѣ быть скромнымъ и благочестивымъ.

— А почему же ты не женился, если ты такъ влюбчивъ?

— Жениться? Да на комъ? Кто бы меня взялъ? Развѣ какая-нибудь вѣдьма? Ну, а на такой жениться я не желаю. Лучше ужъ оставаться старымъ холостякомъ, чѣмъ навязать себѣ такую обузу на шею. Слуга покорный! И къ чему мнѣ это? Вѣдь въ моемъ же распоряженіи находится вѣчно подновляющаяся молодежь, потому что я ничего и не требую кромѣ того, чтобы смотрѣть. Но вотъ на братца-то она, кажется, произвела нѣкоторое впечатлѣніе.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Я говорю объ этой молодой особѣ, о Камиллѣ.

— Значить я не ошибся, вы говорили объ ней.

— Т. е. не мы, а я, потому что вашъ братецъ не говорилъ о ней ни единого слова.

— Что это означаетъ, Рувимъ?

Рувимъ только махнулъ рукою, не произнеся ни слова, и продолжалъ смотрѣть на море, на которомъ заходящее солнце отражалось тысячей переливовъ.

— А ты видѣлъ Камиллу? Въ первый разъ? Какимъ образомъ ты попалъ сюда?—продолжалъ допрашивать Манассе.

Моисей отвѣтилъ за Рувима: — Онъ спустился съ горы, по тропинкѣ, увидѣлъ ее въ въ первый разъ — и вотъ онъ уже совершенно готовъ. Не такъ-ли, г. Рувимъ? Такъ всегда бываетъ! Долго-ли человѣку лишиться разсудка? Случается это въ секунду, а чтобы снова прійти въ себя часто нужна бываетъ недѣля. Прошло уже цѣлыхъ двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидѣлъ этого ангела,

и вотъ я съ тѣхъ поръ каждый вечеръ снова прихожу сюда въ надеждѣ вновь увидѣть его. Но, кажется, теперь, когда я увидѣлъ, какъ этотъ ангелъ вскружилъ голову нашему серьезному господину Рувиму, я выбью себѣ эту дурь изъ головы.

Манассе внимательно взглянулъ на своего брата, покачалъ головою и сказалъ наконецъ: — Вставай, Рувимъ! Пора домой! Уже наступаетъ ночь. Отецъ ждетъ насъ для чтенія талмуда, а ты знаешь, какъ онъ бываетъ недоволенъ, когда мы опаздываемъ. Что же касается той дѣвушки и всей виллы, то лучше проходи мимо нея, не оглядываясь: обитатели ея ненавидятъ насъ, евреевъ, и притомъ отъ всей души. Я знаю ихъ. Толстый аббатъ, пріѣхавшій съ молодой дѣвушкой изъ Анконы, поигрываетъ на биржѣ и я пріятномъ исполняю нѣкоторыя его порученія. Я только что былъ у него для того, чтобъ отдать ему отчетъ. Г-жа Миллеръ-Молиторе, войдя въ комнату, чуть не плюнула на меня.— Эй! Марчія! Куда?

Это послѣднее восклицаніе относилось въ проходившей мимо служанкѣ изъ виллы. Она пробормотала что-то по-словенски и оттолкнула Манассе, хотѣвшаго взять ее за подбородокъ.

— Покуда еще не стемнѣло, Марчія неприступна,— сказалъ Моисей.— Но я нахожу, что Манассе благоразумнѣе своего брата, влюбляясь въ простыхъ, а поэтому самому и въ болѣе доступныхъ женщинѣ.

— Ты, Моисей, просто болтушь,— замѣтилъ Манассе.— Пойдемъ, Рувимъ.— И съ этими словами онъ взялъ своего брата подъ руку. Рувимъ, еще разъ оглянувшись на виллу, послѣдовалъ за своимъ братомъ. Моисей остался одинъ сидѣть на камнѣ.

Этотъ Моисей былъ довольно странный малый. Красавцемъ его нельзя было назвать; да и кто потребовалъ бы этого отъ торговца-еврея. Лицо его съ юныхъ лѣтъ было изрыто оспой, въ послѣдствіи къ рябинамъ присоединились веснушки, и даже цѣлыя бурья пятна, покрывавшія значительную часть лица. Волоса его были рыжекраснаго цвѣта,

а люди съ подобными волосами отличаются обыкновенно нѣжностью и бѣлизною кожи, особенно чувствительной къ вліянію солнца. Но среди некрасиваго лица его блестя пара небольшихъ, но выразительныхъ, глазъ варе-зеленоватаго цвѣта, не вполне подходившаго къ ярко-рыжему цвѣту волосъ. Толстыя пухлыя губы тоже не въ состояніи были содѣйствовать увеличенію красоты его. Все, что было въ немъ хорошаго,—такъ это бѣлые, ровные зубы и стройный, красивый ростъ. Было ему уже лѣтъ за пятьдесятъ и волосы на головѣ и на бородѣ уже порядкомъ посѣдѣли.

Еще будучи мальчикомъ онъ убѣжалъ изъ сосѣднихъ горъ, гдѣ родители его имѣли крохотный клочекъ пахотной земли и небольшую избушку. Ему опротивѣли вozy, эти упрямѣйшія и непослушнѣйшія изъ всѣхъ животныхъ; къ тому же онъ узналъ изъ разсказовъ отца своего, что за голыми горами разстилается широкое море, берега котораго очень красивы, и что, ведя въ этомъ городѣ мелочную торговлю, легко можно разбогатѣть.

Его, впрочемъ, не столько привлекало богатство, сколько все красивое.

Добравшись во время своего бѣгства до вершины Опчинскихъ горъ, онъ задрожалъ, какъ осиновый листъ, при видѣ моря и разстлавшагося у ногъ его громаднаго города, и стремглавъ пустился бѣжать внизъ.

Для того, чтобы не умереть съ голоду, ему сначала приходилось прибѣгать къ прошенію милости, и въ домѣ отца Рувима и Манассе ему всегда давали по крейцеру. Поэтому онъ всегда особенно любилъ этотъ домъ и сблизился съ подроставшими мальчиками, Манассе и Рувимомъ. Вскорѣ, его еврейское происхожденіе помогло ему улучшить свое положеніе: дѣло въ томъ, что раввинъ замѣтилъ у него извѣстную бойкость ума и оставилъ его жить въ своемъ домѣ; гдѣ онъ имѣлъ возможность оказывать разныя маленькія услуги. Такимъ образомъ онъ попалъ и въ еврейскую школу и не замедлилъ отличиться тамъ своими успѣхами. Но мало-по-малу раввинъ сталъ находить его слишкомъ дерзкимъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ прогналъ его,

за то что молодой Моисей предлагалъ ему неумѣстные, по его мнѣнію, вопросы о религіи. Жена раввина подарила ему на прощаніе одинъ гульденъ и посовѣтовала ему купить на этотъ гульденъ нѣсколько штукъ стараго платья и завести торговлю ими; она подмѣтила въ немъ находчивость и предприимчивость и поэтому полагала его особенно способнымъ въ такого рода дѣятельности.

Она не ошиблась въ своей оцѣнкѣ и дѣла Моисея пошли недурно. При этомъ ему помогъ еще одинъ изъ собственныхъ ему талантовъ: будучи въ школѣ, онъ научился немного рисовать, и сталъ продолжать это занятіе, какъ только онъ могъ достать карандашъ и листъ бумаги. Сидя у гавани, онъ срисовывалъ корабли, и матросовъ, и отдаленное море. Въ немъ несомнѣнно была художественная жилка, и ему доставлялъ особенное удовольствіе видъ моря и горъ. Иногда ему удавалось продавать за нѣсколько крейцеровъ свои рисунки, въ особенности тѣ изъ нихъ, въ которыхъ моряки были изображены въ нѣсколько смѣшномъ и карикатурномъ видѣ.

Онъ сталъ продолжать свои занятія рисованіемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ на нихъ обратилъ вниманіе старикъ Фейтль. Фейтль былъ старый, ворчливый еврей, торговавшій книгами, по преимуществу старыми, обтрепанными книгами, въ небольшой угловой лавчонкѣ, или, вѣрнѣе сказать, тѣсной, пробитой въ стѣнѣ, дырѣ, въ шесть футовъ ширины и въ столько-же футовъ длины. Въ этой дырѣ старикъ Фейтль сидѣлъ въ теченіи сорока лѣтъ. Ему-то Моисей и предложилъ купить его карикатурныя изображенія моряковъ. — Что ты, съ ума сошелъ, что-ли? — отвѣтилъ ему Фейтль. — Кто-же купить такую пачкотню. Но вслѣдъ за тѣмъ между ними завязался разговоръ, во время котораго довольно сумрачный по обыкновенію своему Фейтль посмѣивался не разъ въ свою сѣдую бороду, слушая разглагольствованія своего юнаго единовѣрца. И затѣмъ Моисей сталъ заходить по временамъ къ старику и помогать ему при приведеніи въ порядокъ старыхъ книгъ на полкахъ; онъ также бѣгалъ на почту за одной вѣнской газетой,

выписываемой Фейтелемъ, и исполнялъ разныя другія его порученія. На пути изъ почтовой конторы до лавки онъ прочитывалъ газету и затѣмъ прочитывалъ ее вслухъ Фейтелю, который былъ слабъ глазами. Такимъ образомъ онъ все болѣе и болѣе сближался съ Фейтелемъ и мало по малу тотъ не могъ обойтись безъ него. Онъ перечитывалъ также старыя его книги и расхваливалъ ихъ покупателямъ; съ особеннымъ вниманіемъ прислушивался онъ къ тому, какъ Фейтль ругался.

Фейтль ругалъ все и всѣхъ, даже и евреевъ, за то, что они водились съ христіанами; онъ былъ фанатикъ - старовѣръ. Моисей не принадлежалъ къ числу набожныхъ евреевъ, но онъ былъ настолько благоразуменъ, что не высказывалъ своихъ мнѣній. Такимъ образомъ онъ дополнилъ свое образованіе и тщательно изучилъ талмудъ, котораго у Фейтеля было нѣсколько экземпляровъ. Талмудъ—это своего рода гимнастика евреевъ, и Моисей сталъ заниматься этою гимнастикой. Хотя его разносная торговля и отнимала довольно много времени, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ учиться, приучившись жить въ проголодь. Со временемъ Фейтль сталъ поручать ему для продажи разныя книги и брошюры, которыя Моисей разсовывалъ здѣсь и тамъ, получая небольшія деньги за комиссію. Кромѣ того онъ совершенствовался въ рисованіи каррикатуръ, находя въ лавчонкѣ достаточное количество нужныхъ для этого занятія доскутковъ бумаги. Онъ особенно охотно изображалъ въ каррикатурномъ видѣ заходившихъ въ лавку покупателей, въ великой утѣхѣ Фейтеля, нѣсколько злобнаго по природѣ. Изображалъ онъ преимущественно болѣе или менѣе извѣстныхъ въ Триестѣ личностей, и въ нѣкоторыхъ домахъ ему давали за его каррикатуры нѣсколько грошей или какую-нибудь штуку поношеннаго платья. Такимъ-то образомъ Моисей мало-по-малу выкарабкался въ люди, а такъ какъ Фейтль, бранясь и ворча, познакомилъ его съ биржевыми дѣлами, то Моисей сталъ скоро бродить вокругъ биржи и исполнять разныя мелкія порученія, которыя давали ему посѣтителю биржи. Получивъ такое порученіе, онъ тотчасъ

же пускался бѣжать и исполнять его быстро и аккуратно. Такимъ образомъ мелочная торговля сдѣлалась для него дѣломъ второстепеннымъ, такъ какъ онъ сталъ зарабатывать деньги и помимо ея. Но тѣмъ не менѣе онъ не бросалъ ея совершенно, такъ какъ она давала ему случай сталкиваться со многими людьми, а это ему нравилось.

Въ ту минуту, когда мы застали его сидящимъ, при захожденіи солнца, на камнѣ, возлѣ виллы, ему стувнуло уже за пятьдесятъ лѣтъ. Дѣятельность его замѣтно расширилась и онъ успѣлъ уже сколотить себѣ маленькій капиталецъ. Онъ зналъ весь городъ и ему знакомы были частныя дѣла всѣхъ его обывателей; но при этомъ онъ до сѣдыхъ волосъ остался другомъ природы и художникомъ въ душѣ, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе выражаться. Поэтому онъ остался сидѣть на камнѣ по удаленіи обоихъ братьевъ, и не сводилъ глазъ съ моря, на которомъ играли желтоватые и красноватые лучи заходящаго солнца. — Вотъ-бы нарисовать это! — сказалъ онъ самъ себѣ. Но вотъ солнце уже совершенно скрылось въ морской пучинѣ и на землю стали спускаться сумерки. Вдругъ надъ самымъ его ухомъ раздался громкій голосъ, спросившій его по итальянски:

— Что ты здѣсь дѣлаешь, жидъ? Чего подсматриваешь? Убирайся прочь!

И при этомъ надъ головой его засвистала трость. И голосъ, и трость, принадлежали молодому, изящно-одѣтому человѣку, размахивавшему послѣднею передъ самымъ носомъ Моисея.

— Извините меня, господинъ кавалеръ, — пробормоталъ Моисей, вскочивъ на ноги. — Я немного вздремнулъ.

Молодой человѣкъ направился къ виллѣ. Моисей посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Ему было не привыкать стать къ такому обращенію, но все-же рѣзкость этого господина, казалось, разсердила его. Онъ чувствовалъ какую-то злобу къ нему, такъ какъ ему казалось, что этотъ шалопаи, — такъ называлъ онъ его про себя, — имѣетъ виды на красавицу-Каммилу и желаетъ увести ее съ собою; а красивыя молодыя дѣвушки составляли, какъ мы видѣли выше, его слабую

сторону. Онъ съ юныхъ лѣтъ отличался влюбчивостью, а года въ этомъ отношеніи нисколько не повліяли на него. Но—увы! — во всю его жизнь ему не суждено было встрѣтить взаимности со стороны ни одной, сколько-нибудь красивой женщины. Поэтому онъ привыкъ довольствоваться однимъ только глѣзніемъ на нихъ.—«Можно привыкнуть и голодать»,—говоривалъ онъ.

Онъ уже въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль приходилъ сюда каждый вечеръ, въ надеждѣ увидѣть возлѣ вишны красивой молодую дѣвушку, и находилъ въ этомъ немалое удовольствіе. Ему удалось даже пробраться и въ самый домъ и подсунуть за крайне дешевую цѣну слугѣ красивую жилетку, а кухаркѣ—фаргукъ, для того чтобы имѣть случай возвратиться еще разъ въ домъ и еще разъ увидѣть проходящую мимо него Каммилу.

Онъ отлично сознавалъ, что *такой* цвѣтокъ расцвѣлъ не для него; но этотъ противный молодой человѣкъ, который только что взошелъ въ садъ, сдѣлалъ для него совершенно яснымъ то, что онъ не желалъ-бы, чтобы она принадлежала этому франтику и что онъ готовъ былъ бы бросить ему подъ ноги всевозможныя палки. — Да, — сказалъ онъ, помолчавъ немного, — вотъ если-бы пришелъ красивый, любезный человѣкъ, который былъ-бы пріятель и тебѣ! Да вотъ хоть-бы Рувимъ! Противъ этого я ничего-бы не имѣлъ. Я-бы даже обрадовался при видѣ такой парочки.

И онъ говорилъ правду: ему дѣйствительно доставляло удовольствіе соединять хорошихъ людей. Его поэтому иные даже называли «сводникомъ Мойсеемъ»; онъ зналъ это, но только посмѣивался про себя.

Однако, подумавъ малость о Рувимѣ и о Камиллѣ, онъ покачалъ головой и сказалъ самъ себѣ: «Нѣтъ, это невозможно, немисливо! Вѣдь Рувимъ — такой-же еврей, какъ и я, а въ этомъ домѣ не только ненавидятъ евреевъ, но и презираютъ ихъ, точно прокаженныхъ».

Съ этими мыслями,—тѣмъ временемъ совершенно стемнѣло,—онъ наконецъ направился въ городу,—нѣтъ, онъ

возвратился еще разъ къ виллѣ и осторожно проползъ къ верандѣ. Въ комнатахъ были зажжены лампы и онъ имѣлъ возможность видѣть то, что происходило внутри. И онъ дѣйствительно увидѣлъ Камиллу, передъ которою, почтительно наклонившись, стоялъ молодой человѣкъ. Видъ этотъ привелъ его въ такую злобу, что онъ, сдѣлавъ неосторожное движеніе, зашумѣлъ и ему поспѣшно пришлось бѣжать. Добравшись до проѣзжей дороги, онъ проговорилъ съ сердцемъ: — Нѣтъ, не видать ему ея! Что-бы попробовать Рувиму! — Ахъ, Моисей, Моисей, — заключилъ онъ печальнымъ голосомъ, — ты просто становишься дуракомъ.

II.

Тѣмъ временемъ оба брата, Рувимъ и Манассе, дошли уже до отцовскаго дома, который стоялъ въ узенькомъ городскомъ переулкѣ. Мѣняльная контора отца помѣщалась въ болѣе центральной части города, ближе ко морю. Человѣкъ онъ былъ солидный, зажиточный, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ молчаливый и мало-общительный. Какъ строго-правовѣрный еврей, онъ каждое утро отправлялся въ синагогу, затѣмъ занимался въ своей конторѣ, а по вечерамъ читалъ съ сыновьями свои талмуды.

Онъ занималъ съ женой своей нижній этажъ, состоявшій изъ большаго кабинета его, спальни и небольшой гостиной, въ которой госпожа Руеъ — жена его — принимала знакомыхъ своихъ евреевъ.

Самъ глава семейства — его звали Авраамъ-Шмуль — былъ невысокаго роста старикъ, лѣтъ шестидесяти отъ роду, съ рѣдкими, сѣдыми волосами на головѣ и съ большой, бѣлой бородой. Лицо его, рѣзкаго восточнаго типа, съ крючковатымъ носомъ, было обыкновенно довольно сумрачно, во всей его фигурѣ было что-то непривѣтливое; онъ, очевидно, былъ человѣкъ очень нервный.

Въ этотъ вечеръ онъ, по обыкновенію своему, сидѣлъ возлѣ круглаго стола посреди комнаты. На столѣ лежали

три книги и стоялъ, серебряный подсвѣчникъ съ тремя свѣчами.

Жена его сидѣла въ углу комнаты на большомъ креслѣ. Передъ нею стоялъ небольшой круглый столикъ, на которомъ тоже лежала книга и стояла красивая лампа. Но она не читала, а, откинувшись на спинку кресла, смотрѣла прямо передъ собою. Это была женщина невысокаго роста и еще красивая, не смотря на то, что ей было уже лѣтъ около пятидесяти, ползая, довольно блѣдная, съ черными глазами и волосами; на головѣ у нея надѣтъ былъ небольшой чепчикъ, который, вопреки еврейскимъ обычаямъ, недостаточно покрывалъ волоса. Ея полная, но красивая рука лежала на книгѣ, а лицо ея имѣло спокойное и довольное выраженіе.

Въ комнатѣ, облеенной темными обоями, нѣкоторое время царило глубокое молчаніе. Наконецъ Авраамъ проговорилъ недовольнымъ голосомъ:—Куда это опять запропастились ребята?

Онъ упорно продолжалъ называть взрослыхъ сыновей своихъ «ребятами», несмотря на то, что Рувиму было 24, а Манассе—23 года отъ роду.

— Вѣроятно, они скоро придутъ, — сказала жена — Рувимъ велѣлъ сегодня настроить фортепіано для пѣнія.

Дѣйствительно противъ нея, въ углу комнаты, стояло фортепіано. Авраамъ взглянулъ на него и пожалъ плечами. Онъ не понималъ и не любилъ музыки, но Руеб любила ее.

Въ это самое время въ комнату вошли сыновья и пожелали родителямъ добраго вечера. Манассе подошелъ къ отцу, а Рувимъ—къ матери, и поцѣловалъ ей руку, причѣмъ она ласково потрепала его по щекѣ.

— А уже звѣзды сіяютъ на небѣ, — сказалъ отецъ, какъ бы съ упрекомъ.

— Да, онѣ только что засіяли, — отвѣтилъ Манассе, и сѣлъ вмѣстѣ съ Рувимомъ за столъ. Каждый изъ нихъ раскрылъ свою книгу, талмудъ, послѣ того какъ отецъ указалъ имъ, на какой страницѣ раскрыть ее.

Старикъ прочелъ какое-то мѣсто изъ талмуда, очень медленно и сильно отчеканивая каждое слово. Затѣмъ онъ замолчалъ, положилъ руку на книгу и спросилъ:—Извѣстно вамъ это изреченіе?

— Да,—отвѣтили оба сына.

— Имѣете-ли что-нибудь спросить по поводу его, сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе?

— Нѣтъ, никакого. Все совершенно ясно для насъ,—отвѣтилъ Манассе.

— Ясно, это правда,—замѣтилъ Рувимъ.—Но вопросъ въ томъ, правильно-ли? Я имѣю сдѣлать возраженіе.

— Какое же это замѣчаніе?—спросилъ отецъ, и въ голосъ его слышалась досада.

Рувимъ высказалъ свое замѣчаніе, и между нимъ и отцомъ его начался споръ, во время котораго старикъ все болѣе и болѣе горячился, пока, наконецъ, Руеъ не облинула изъ глубины своего мужа.

— Ну, конечно, ты всегда стоишь за него,—проговорилъ старикъ, обернувшись въ ея сторону,—всегда. А между тѣмъ твой сынъ Рувимъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе удаляется отъ мыслей Сіона. Онъ уже давно склонялся въ сторону Самаріи, а теперь онъ уже недалеко отъ Голгофы.

— Послушай только, какъ онъ поетъ,—сказала Руеъ,—и ты долженъ будешь сознаться, что душа его все еще въ Сіонѣ. Спокой, Рувимъ.

Рувимъ подошелъ къ фортепіано, съ большою легкостью сыгралъ интрадукцію и заплъ съ большимъ выраженіемъ одну изъ синагогальныхъ пѣсенъ. У него былъ высокій, звучный и мягкій баритонъ. Даже на строгаго отца его пѣніе произвело впечатлѣніе и онъ наклонилъ голову на талмудъ. На него подѣйствовала особенно величественная мелодія. Руеъ неоднократно утирала себѣ глаза; одинъ только Манассе, казалось, оставался равнодушнымъ, такъ какъ онъ не былъ ни музыкантъ, ни религіозенъ, хотя онъ и держалъ обыкновенно сторону отца.

Окончивъ пѣніе, Рувимъ остался у фортепіано и сталъ

играть разныя фантазіи, то печальныя, то бурныя, но всегда оригинальныя. Впечатлѣніе, которое произвела на него Камилла, или, вѣрнѣе сказать, которое онъ испыталъ отъ нея,—совершенно овладѣло имъ. Матери даже послышалось въ этихъ звукахъ что-то необычайное, угрожающее, и она встала съ своего мѣста.

Наконецъ всталъ и старикъ Авраамъ, сдѣлавъ Рувиму жестъ рукою, чтобъ онъ замолчалъ, и сказалъ, обращаясь къ Манассѣ: — Забери книги и потуши свѣчи. — И послѣ того какъ Манассе потушилъ свѣчи, онъ ушелъ съ нимъ въ сосѣдную комнату.

Руѣ подошла къ Рувиму, продолжавшему играть, и положила ему на голову свою руку. Онъ сдѣлавъ паузу.

— Съ тобою случилось, вѣроятно, чтонибудь особенное, сынъ мой?—спросила она,

— Да, матушка. Я, кажется, пораженъ въ самое сердце, и я не знаю, радоваться-ли мнѣ тому или печалиться. Когда я вижу передъ собою отца, съ его книгой талмуда, я печалюсь, ибо тогда вся жизнь моя представляется мнѣ пустыней, озаренной палящими лучами солнца, безъ малѣйшаго признака тѣни, безъ капли воды для утоленія моей жажды. Когда же я смотрю на *нее*...

— Она дѣвушка?

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Изъ христіанокъ?

Онъ вторично кивнулъ.

— Это большое несчастье!

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебилъ онъ мать;—я никогда не былъ такъ счастливъ!

— Отправляйся-ка ты завтра утромъ къ Ревекѣ! Она любитъ тебя, она красива, богата.

— У насъ съ нею нѣтъ ничего общаго.

Во время этого разговора Манассе вернулся въ комнату и подошелъ къ брату. Но присутствіе его, казалось, нимало не стѣсняло бесѣдующихъ. Онъ былъ любимецъ отца, а не матери, и хотя, конечно, отецъ ничего не долженъ былъ знать обо всемъ этомъ дѣлѣ, однако ни Руѣ, ни Рувимъ

не находили нужнымъ молчать въ его присутствіи. Семейныя увѣя между ними были такъ тѣсны, что всѣ члены этого семейства были вполне увѣрены другъ въ другъ, и ни мать, ни братъ не допускали мысли о томъ, чтобы Манассе въ состояніи былъ передать отцу что-либо, что было бы способно повредить Рувиму.

Когда мать, продолжая начатый разговоръ, спросила:— кто же эта дѣвушка?—Манассе спокойно отвѣтилъ вмѣсто своего брата:—Та красивая, молодая итальянка, что живетъ за городомъ, у госпожи Молиторе.—Дѣло въ томъ, что онъ и передъ виллой, и во время обратнаго пути, имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться въ томъ, какое сильное впечатлѣніе произвела молодая дѣвушка на брата его. Затѣмъ онъ продолжалъ: — Зовутъ ее Камиллой, но фамиліи ея я не знаю. Она гоститъ у богатой тетки своей, госпожи Молиторе.

— Подождите, дѣти, подождите! Не проболтайте только отцу,—говорила Руэъ.— Ты такъ взволнованъ, Рувимъ! Нѣтъ, я никогда не видѣла тебя такимъ. Вѣдь ты обыкновенно бываешь такъ спокоенъ и разсудителенъ. Успокойся. Такое, быстро охватившее человѣка, волненіе обыкновенно скоро проходить. Оно и пройдетъ, какъ только ты выспишься. До свиданія, до завтра. А ты, Манассе, наблюдай за тѣмъ, чтобы онъ пораньше легъ спать и не говорилъ больше объ этомъ. Ступайте, ступайте!

И съ этими словами она потихоньку пододвинула Рувима въ его брату. Манассе взялъ его подъ руку и повелъ, какъ больного, въ верхній этажъ, гдѣ у каждаго изъ братьевъ была своя комната.

Оба брата нисколько не походили другъ на друга. Манассе былъ невысокъ ростомъ, худоцавъ, съ лицомъ рѣзкаго еврейскаго типа, съ большимъ, выгнутымъ носомъ, съ жесткими, черными, какъ смоль, волосами и черными же глазами, слегка косыми, съ слишкомъ длинными, сравнительно съ ростомъ толстыми руками. Рувимъ же былъ высокаго роста и строенъ, съ благородными чертами лица и красивыми, карими глазами.

Такъ же мало схожи были они и по характеру. Когда

Манассе привелъ брата въ его комнату,—до тѣхъ поръ оба они молчали,—онъ сказалъ, громко захохотавъ:—Что это ты строишь за вислую фізіономію? Красивая дѣвушка и красивый молодой человѣкъ — вѣдь это какъ нельзя болѣе подходитъ одно къ другому. Что дальше изъ этого выйдетъ—это другой вопросъ. Ты желаешь снова увидѣть ее, ты желаешь увидѣть ее одинъ?

— Манассе, пожалуйста...

— Знаю, знаю! Это какъ естественно. Что же, и завтра день, а мнѣ какъ разъ нужно доставить завтра этому жирному аббату нѣкоторую сумму денегъ, вѣдь онъ поигрываетъ на биржѣ. Разъ попавъ въ домъ, я посмотрю, что можно будетъ сдѣлать, постараюсь ориентироваться, насколько они-то позволяютъ, ибо они не очень-то охотно принимаютъ меня, такъ какъ я—еврей; но молодая дѣвушка не высказываетъ нерасположенія ко мнѣ. Кто знаетъ! Вѣдь ты не похожъ на меня, ты красивъ! Кто знаетъ! Имѣй только немного терпѣнія и ты, пожалуй, понравишься ей. Я знаю, что съ моей стороны было бы глупостью сводить тебя съ нею, но что дѣлать! И я, увидѣвъ красивую дѣвушку, начинаю творить глупости. Правда, я стараюсь избѣгать зватныхъ; но опять таки повторяю, ты не похожъ на меня и имѣешь болѣе вѣроятностей на успѣхъ. Итакъ, не робѣй! Да и Моисей намъ поможетъ; онъ знаетъ всякіе ходы и выходы. Я завтра утромъ переговорю съ нимъ. А пока спи; желаю тебѣ спокойной ночи и пріятныхъ сновидѣній. Да, если-бы я былъ похожъ на тебя, я бы видѣлъ постоянно самые прекрасные сны. Спокойной ночи!

III.

Дѣйствительно, на слѣдующее утро Манассе, даже не позавтракавъ, вышелъ изъ дома, чтобы по возможности помочь своему чудачу-брату. Проходя мимо двери Рувимовой комнаты, онъ потихоньку пріотворилъ ее и заглянулъ въ комнату. Рувимъ спалъ.

Какимъ же образомъ онъ собирался помочь ему? Онъ

самъ не зналъ этого хорошенько, но онъ зналъ, что въ Триестѣ есть человѣкъ, который можетъ помочь ему въ этомъ затруднительномъ дѣлѣ и что человѣка того зовутъ Моисей.

Манассе не зналъ, гдѣ проводить свои ночи Моисей, но онъ надѣялся узнать это отъ старика-Фейтеля. Къ нему-то онъ и направился, но, къ великой его досадѣ, книжная лавчонка была еще заперта. Но, въ предвидѣніи такого случая, разсудительный Моисей приклеилъ на входной двери клочекъ бумажки, на которомъ значилось: „Моисей почуетъ на заднемъ дворѣ, въ третьемъ этажѣ, направо“.

Лѣстница оказалась очень крутая и Манассе совсѣмъ запыхался, добравшись до низкой и узкой двери, на которой былъ приклеенъ другой клочекъ бумажки, съ надписью. „Моисей, исполняетъ разныя порученія“.

Онъ вошелъ, не постучавшись, въ крохотную комнату, съ небольшимъ окошечкомъ. Возлѣ этого окошечка стоялъ Моисей въ кожаныхъ панталонахъ—онъ сшилъ ихъ себѣ для прочности—и въ рубашкѣ, спитой хотя и изъ грубаго полотна, но чистой. Онъ кормилъ въ это время канарейку, и трудно было себѣ представить болѣе оригинальную жанровую картинку, когда онъ, обернувшись, показалъ свою рижую съ просѣдью бороду. Онъ усадилъ на Манассе свои маленькіе, лувавые глаза и спросилъ:—Господинъ Манассе пришелъ ко мнѣ, конечно, по поводу Рувима и красавицы Камиллы?

— А ты почему это знаешь?

— Да неужели же вы думаете, что я еще вчера не замѣтилъ всего этого? Посмотрите-ка, какой красивый видъ открывается изъ окна моего, поверхъ крышъ и дымовыхъ трубъ, на гору Карстъ, освѣщаемую утреннимъ солнцемъ. Не правда-ли, красиво? Ну, а если природа такъ красива для урода-Моисея, почему бы ей не быть красивой и для красавца Рувима? Присядьте пожалуйста вонъ на тотъ соломенный стулъ; онъ еще не прорванъ. А вотъ и другой,—видите, сколько у меня мебели,—на него я сяду. А теперь говорите. Я впрочемъ еще вчера, ложась спать, обдумалъ

то, что вы намѣрены сказать мнѣ теперь, а именно, какимъ бы образомъ намъ взять приступомъ эту виллу, безъ кровопролитія и смертоубійства. Вѣдь нельзя же намъ, въ самомъ дѣлѣ, убивать этого молодчика, хотя онъ и заслужилъ того. Но устранить его слѣдуетъ, и этимъ-то мы прежде всего и займемся.

Манассе не понялъ хорошенько всего, что тотъ болталъ, но все же сѣлъ и оглянулъ небольшую комнату, въ которой вся мебель состояла изъ двухъ стульевъ, кровати и стола, заваленнаго книгами, нотами, бумагой, конвертами, марками для писемъ, чернильницами и стальными перьями.

— О какомъ это молодчикѣ вы говорите?

— А вы развѣ не знаете его? Хорошо. Ну, а я такъ знаю его и говорю вамъ: покуда мы не удалимъ его съ виллы, намъ не удастся провести туда вашего брата. Вѣдь вы изъ за этого же пожаловали сюда?

— Да, братъ мой точно очумѣлъ.

— И не удивительно! И я находился въ такомъ же состояніи, когда въ первый разъ увидѣлъ эту дѣвушку. Впрочемъ не въ томъ дѣло. Мое дѣло—слѣдить за положеніемъ бурса, и къ тому же я давно уже отвыкъ отъ дурной привычки ревновать. Да и къ чему эта ревность? Только лишнее мученіе. Слуга покорный! Итакъ, я буду очень радъ, если мнѣ удастся свести эту красавицу съ такимъ молодчикомъ, какъ вашъ братъ. Вѣдь вашъ братъ—самый красивый изъ Триестскихъ молодыхъ евреевъ. Но въ томъ-то и дѣло,—ай-ай-ай—что онъ еврей. Однако ничего, мы все же постараемся сдѣлать все, что можно. Но для этого прежде всего слѣдуетъ удалить этого господина Нота—его зовутъ Нота. Ему Рувимъ, конечно, уже извѣстенъ, хотя бы изъ зависти; вѣдь онъ долженъ же былъ встрѣтиться съ нимъ и въ кофейняхъ, и въ другихъ мѣстахъ. А для итальянцевъ невыносима мысль, что какойнибудь еврей можетъ быть красивѣе ихъ. Если онъ увидитъ Рувима въ виллѣ, онъ непременно сейчасъ-же завопитъ:—Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это жидъ! Госпожа Молиторе, это настоящій жидъ! И тогда синьора закричитъ:—„Вонъ, вонъ его!“ Вѣдь она терпѣтъ

не можетъ нашего брата. Итакъ, номеръ первый, этого господина Нота слѣдуетъ удалить изъ Триеста. Заплатите мнѣ то, что стоитъ отправка трехъ писемъ по городской почтѣ,—и его сегодня же вечеромъ не будетъ уже въ Триестѣ. Хорошо! Ну, а дальше что? Тогда, не имѣя уже чего опасаться со стороны этого господина Нота, Рувимъ долженъ будетъ проникнуть въ виллу. Но какъ? Вы знаете—какъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— А я знаю. Какъ-то вечеромъ я проходилъ мимо дома вашего отца и остановился, услышавъ пѣніе. Боже великій, что это было за пѣніе! Куда нашему кантору до такого пѣнія! Вѣдь это пѣлъ господинъ Рувимъ, не такъ-ли?

— Да, онъ. Но что же изъ этого?

— А то, что вотъ вамъ и путь для того, чтобы ему обратиться въ виллу. Я долженъ вамъ сказать, что я убѣдиль старика Фейтеля выписывать ежемѣсячно изъ Вѣны новыя ноты; я ихъ потомъ продаю въ разность и онъ платитъ мнѣ пять процентовъ съ продажной цѣны. Увѣряю васъ, что я выручаю отъ этого гораздо больше, чѣмъ отъ продажи стараго платья. Особенно охотно покупаютъ ноты знатныя барыни, такъ какъ это теперь въ модѣ. А г-жа Камила только и бредитъ, что музыкой, пѣніемъ и новыми нотами. Мнѣ это сообщилъ по секрету ихъ слуга, и я уже два раза продавалъ имъ ноты за хорошія деньги. Ну, теперь поняли?

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ.

— Постойте, сейчасъ поймете совсѣмъ. Итакъ, я сегодня отнесу на виллу тетрадь новыхъ нотъ и велю попросить барышню выслушать отъ меня пару словъ. И я расскажу ей, что вчера прибылъ въ Триестъ и пѣлъ въ залѣ ратуши новый итальянскій пѣвецъ, который привелъ въ восторгъ всѣхъ, которые слышали его, причемъ голосъ его единогласно былъ признанъ феноменальнымъ. Я прибавлю, что онъ остается въ городѣ только нѣсколько дней, такъ какъ онъ спѣшитъ въ Вѣну, и что онъ намѣревается пѣть только въ частныхъ собраніяхъ; но такъ какъ онъ никого не знаетъ въ городѣ, то для него все равно, кто бы его

ни пригласилъ; желаетъ же онъ пѣть въ здѣшнихъ частныхъ кружкахъ для того, чтобы триестская публика нѣсколько ознакомилась съ нимъ, потому что онъ намѣревается, на обратномъ пути изъ Вѣны, участвовать въ нѣсколькихъ представленіяхъ на здѣшнихъ театрахъ.—И тогда она закричитъ:—«Тетушка, слышали?»—И тетушка закричитъ:—Да, слышала, и пусть онъ поетъ у насъ, непременно у насъ, только у насъ! — И я закричу: — Да, но только тогда нужно его пригласить сейчасъ же, иначе его пригласитъ жена городского головы. Дайте мнѣ вашу карточку, я улажу это дѣло, и онъ пріѣдетъ къ вамъ сегодня же вечеромъ, и будетъ пѣть. И Боже, Боже мой, какъ онъ поетъ! — И она дастъ мнѣ свою визитную карточку, и съ этой карточкой Рувимъ отправится къ ней сегодня вечеромъ, и увидитъ ее, и поговоритъ съ нею, и будетъ пѣть, и останется тамъ цѣлый вечеръ, и будетъ ухаживать за нею, и всѣ будутъ считать его феноменомъ. Ну, какова выдумка? Развѣ я не молодецъ?

— Да, хорошо если весь этотъ планъ удастся.

— Удастся, говорю вамъ. Только этого господина Нота слѣдуетъ удалить сегодня же. Я сейчасъ напишу письмо, по полученіи котораго онъ ускачетъ, не медля ни минуты, а письмо къ госпожѣ Молиторе, и еще одно, напишите вы для того, чтобы всѣ эти письма не были писаны однимъ почеркомъ, и мы живо отдадимъ всѣ эти три письма на городскую почту. Пожалуйте-ка 9 крейцеровъ на первоначальные расходы.

Манассе вынулъ свой кошелекъ и далъ ему монету въ 20 крейцеровъ. Моисей подбросилъ ее на ладони, прицѣлывнулъ языкомъ и сказалъ:—«Дэ, сейчасъ видно, что я стараюсь для вашего брата, а не для васъ».

Манассе понялъ намекъ и далъ ему гульденъ.

— Но только я просилъ бы васъ, — проговорилъ Моисей въ полъ-голоса, — чтобы на будущее время не было никакихъ посредниковъ и чтобы я могъ непосредственно сводиться съ господиномъ Рувимомъ.

— Хорошо, хорошо, конечно.

— А теперь придвиньте къ столу вашъ стулъ и напишите то, что я вамъ продиктую. Но только берите маленький листокъ бумаги, маленький; вѣдь мнѣ придется же еще дать и конвертъ, а все это стоитъ денегъ. Да не налегайте такъ на перо, оно отъ этого притупляется и стирается. Ну что, готово?

И онъ сталъ диктовать, а Манассе писалъ: — «Кавалера Нота, принадлежащаго къ «обществу неискупленной Италіи», ищетъ полиція. Во всѣхъ домахъ, въ которыхъ онъ бывалъ, произведены будутъ домовые обыски. *Другъ*».

— Хорошо! А теперь вотъ что мнѣ пришло на умъ. То, что я недавно придумалъ, не годится. Мнѣ, оборванному торгашу, г-жа Молиторе не дастъ своей карточки. За нею вы должны отправиться сами. Вѣдь вы же говорили вчера, что вы дѣлаете для аббата разныя дѣла на биржѣ. Не такъ-ли? Ну, такъ отправьтесь къ нему сегодня утромъ съ какимъ-нибудь вымышленнымъ биржевымъ извѣстіемъ, и при этомъ дѣлайте видъ, будто вы очень торопитесь, и скажите, что вамъ предстоитъ услышать замѣчательнаго опернаго пѣвца, который около полудня долженъ пѣть передъ театральнымъ комитетомъ, такъ какъ вамъ приходится передать ему нѣкоторую денежную сумму, и, при этомъ удобномъ случаѣ, вы услышите его пѣніе. Тогда г-жа Молиторе, услышавъ во второй разъ объ этомъ тенорѣ, — ахъ да, но по городской почтѣ письмо еще не дойдетъ до нея къ тому времени. Такъ вотъ что, вамъ придется послать письмо съ нарочнымъ для того, чтобъ оно было уже прочитано въ вашему приходу. Тогда они дадутъ вамъ свою карточку — и дѣло въ шляпѣ. А теперь мнѣ нужно поскорѣе написать письмо и бѣжать. — Ахъ, чуть было опять не надѣлалъ глупостей! Вѣдь и письма къ этому господину Нота нельзя посылать по городской почтѣ, такъ какъ письмо получилось бы уже по выходѣ его изъ дому, и не достигло бы цѣли, и вечеромъ онъ могъ бы очутиться на виллѣ. Этотъ негодяй живетъ въ гостинницѣ, на площади ратуши, и спитъ до одиннадцати часовъ. Поэтому нужно отдать письмо швейцару при гостинницѣ, наказавъ ему немедленно пере-

дать его господину Нота. Но я не могу этого сдѣлать, такъ какъ швейцаръ не обратитъ никакого вниманія на письмо, которое передамъ ему я. Это должны сдѣлать вы, проходя мимо гостинницы. А я напишу на конвертѣ письма: «очень спѣшное». Сидите, сидите. Я сейчасъ напишу.

И онъ написалъ:—«Уѣзжайте. Немедленно. Получены телеграммы, касающіяся общества „Iredenta“. Вамъ предстоитъ быть арестованнымъ сегодня же. *Товарищъ*».

Эту записку онъ вложилъ въ конвертъ, написалъ на послѣднемъ адресѣ «Кавалеру Нота», присовокупивъ слово: «очень спѣшное», вручилъ конвертъ Манассе и посовѣтовалъ ему поскорѣе приняться за исполненіе возложенныхъ на него порученій, со словами: — Въ часъ я буду въ комнатѣ у вашего брата. Тамъ переговоримъ о дальнѣйшемъ.

Манассе удалился, покачивая головою. Планъ показался ему нѣсколько рискованнымъ и онъ счелъ нужнымъ предварительно поговорить съ Рувимомъ. Вѣдь придумаетъ же такую штуку этотъ сорви-голова Моисей!

Моисей, оставшіяся все время въ нижнемъ бѣльѣ, сталъ теперь совершать свой скромный туалетъ и затѣмъ написалъ записку Камиллѣ слѣдующаго содержанія: Синьоръ Нота — человекъ легкомысленный, извѣстный соблазнитель дѣвушекъ; къ тому-же онъ не отличается честностью и завязъ въ долгахъ по-уши. Онъ имѣетъ въ виду только получить, съ помощью Камиллы, тетушкино наслѣдство. Подписано было письмо: «*Эльвира*». (Моисей былъ страстный любитель оперы и послѣднее имя было ему извѣстно изъ Донъ-Жуана). Онъ вложилъ письмо въ конвертъ и, наклеивая на него марку, проговорилъ про себя, ухмыльнувшись:— А вотъ, братъ, у тебя осталось денегъ и еще на двѣ марки. Нѣжно простившись со своей канарейкой, онъ вышелъ изъ дому, чтобы бросить письмо въ почтовый ящикъ, бормоча себѣ подъ носъ:—Изъ этой маленькой услуги влюбленному можетъ еще выйти хорошей гешефтъ. Къ тому-же это дастъ тебѣ случай не разъ повидаться съ нею. Но вотъ въ чемъ штука: положимъ, начало и будетъ удачное; а дальше чтѣ? Вѣдь

въ концѣ концовъ все-же обнаружится, что онъ — еврей. Ну такъ чтожь? Это уже не твое дѣло... Справедливый Боже!

IV.

Въ это утро Рувимъ проснулся поздно, такъ какъ онъ, отъ волненія, долго не могъ уснуть; во снѣ онъ видѣлъ осуществленіе всѣхъ своихъ самыхъ пламенныхъ и заветныхъ желаній.

До сихъ поръ это былъ человѣкъ спокойный, мыслящій человѣкъ, какъ выражалась его мать, да впрочемъ и не одна только мать его. О какихъ нибудь любовныхъ интригахъ и похожденияхъ не бывало и рѣчи. Онъ всегда съ удовольствіемъ смотрѣлъ на красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, но при этомъ въ душѣ его не возникало никакихъ желаній, хотя послѣднія были бы совершенно естественны, и даже, пожалуй, легко-осуществимы, такъ какъ онъ былъ красивый молодой человѣкъ, стройный, съ правильнымъ лицомъ, съ красивымъ разрѣзомъ темно-карыхъ глазъ, взглядъ которыхъ былъ ласковъ и пріятливъ. Темнорусые волосы и такая-же борода выгодно отгѣняли его блѣдное, съ тонкими чертами, лицо. Голосъ его былъ мягокъ и благозвученъ и, что было важнѣе всего, — онъ обладалъ мягкими и пріятными манерами. Если его можно было въ чемъ упрекнуть, то развѣ въ нѣкоторой излишней сдержанности.

Строго-правовѣрный отецъ ихъ Авраамъ не нашель, однако, несомнѣстимымъ съ этой правовѣрностью желаніе дать своимъ сыновьямъ серьезное научное образованіе, слѣдуя при этомъ еврейскому принципу: учиться, учиться, учиться какъ можно больше. Они оба посѣщали гимназію; Рувимъ окончилъ въ ней курсъ, Манассе вышелъ изъ предпослѣдняго класса. Рувиму удалось даже уговорить отца, чтобы тотъ дозволилъ ему посѣщать въ теченіи одного года университетскія лекціи въ Грацѣ; отецъ далъ ему это позволеніе, хотя и не особенно охотно. Возвратившись изъ Гуаца, Рувимъ сталъ заниматься въ банкирской конторѣ своего отца и чрезвычайно быстро освоился съ банкирскимъ

дѣломъ. Отецъ вообще былъ доволенъ имъ, хотя подъ-часъ и выражался, что Манассе степеннѣе и осторожнѣе и что Рувимъ заносится слишкомъ далеко. Последнее замѣчаніе относилось къ пристрастію Рувима къ биржѣ. Дѣйствительно Рувимъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за биржевыми дѣлами, старался войти въ сношенія съ биржевыми авторитетами, которые, въ свою очередь, благосклонно относились къ молодому человѣку. Особенно сблизился онъ съ нѣкимъ господиномъ Фармеромъ, считавшимся на биржѣ лицомъ нѣсколько таинственнымъ, но въ высшей степени свѣдущимъ. Онъ не былъ мѣстный уроженецъ, а прибылъ въ городъ изъ сѣверной Германіи, и въ началѣ занимался журналистикой, но только въ извѣстной степени. Онъ выступалъ по временамъ съ передовыми статьями по случаю крупныхъ вопросовъ, и статьи обращали на себя всеобщее вниманіе, и даже оказывали значительное вліяніе на биржу. Пользуясь его совѣтами, Рувимъ сталъ дѣлать на биржѣ небольшія покупки и продажи цѣнностей, и онъ производилъ это съ такимъ успѣхомъ, что вскорѣ сдѣлался обладателемъ небольшого, самостоятельнаго состоянія.

Вообще Рувимъ велъ жизнь довольно уединенную. Кромѣ Фармера, онъ водилъ знакомство только съ нѣкоторыми учителями высшихъ учебныхъ заведеній, и съ невысокаго роста старичкомъ, по имени Беллози, итальянцемъ, знакомымъ цѣлому городу, котораго въ шутку называли «веселымъ философомъ» и съ которымъ онъ постоянно встрѣчался въ театрѣ, т. е. въ оперѣ. Рувимъ, подобно большинству евреевъ, очень любилъ театръ; въ свободное отъ занятій своихъ по конторѣ время онъ особенно охотно занимался чтеніемъ драмъ и историческихъ сочиненій. Онъ хорошо знакомъ былъ съ классическими поэтами. Онъ старался также не запускать прирожденнымъ ему музыкальнымъ способностямъ. Но зато онъ былъ въ высшей степени неловокъ и застѣнчивъ въ обществѣ и поэтому предпочиталъ избѣгать новыхъ знакомствъ.

Таковъ былъ этотъ молодой человѣкъ, на котораго, какъ мы видѣли выше, случайно встрѣченная имъ молодая

дѣвушка произвела такое сильное впечатлѣніе, или, выражаясь по старомодному, сердце котораго было пронзено стрѣлою Купидона.

Преснувшись, онъ сѣлъ на своей кровати и сталъ сообщать все случившееся. Утреннее солнце ярко освѣщало освѣщало всю его комнату и сквозь солнечные лучи онъ увидѣлъ образъ Камиллы. Тогда онъ сразу-же вспомнилъ обо всемъ, случившемся наканунѣ, и воспоминаніе это заставило его улыбнуться. Онъ, еще не далѣе, какъ вчера, всталъ печальный, сегодня сіялъ счастьемъ. — Будь тамъ, что будетъ,—проговорилъ онъ про себя,—а тебѣ на долю выпало большое счастье. Съ тобой случилось тоже, что случилось съ Ромео, и если-бы все это для тебя, какъ и для Ромео окончилось смертью, то все-же это останется великимъ счастьемъ.

При этой мысли онъ вскочилъ и одѣлся. — Поскорѣй туда, увидѣть ее!—подумалъ онъ.

Но въ это время въ комнату вошла его мать. Она, не говоря ни слова, подошла къ нему, обняла и поцѣловала его и сказала:—Ну что, ты сегодня спокойнѣе, Рувимъ?

— Я совершенно спокоенъ, ибо я счастливъ.

— И ты ничего не станешь предпринимать?

— Нѣтъ, я буду предпринимать все, что можетъ приблизить меня къ божественной дѣвушкѣ.

— Но къ чему-же это поведетъ, Рувимъ? Вѣдь она—христіанка, а ты—еврей. Вѣдь при такихъ условіяхъ нельзя же и думать о прочномъ союзѣ.

— О прочномъ союзѣ? Да я и не думаю о немъ. За то, чтобы быть хоть одну минуту въ раю, можно съ радостью заплатить и жизнью своею!

— Рувимъ, что ты говоришь!

— Да впрочемъ, матушка, что тутъ толковать о далекомъ будущемъ, когда мы не видимъ передъ собою даже и начала? Она даже еще и не знаетъ меня, а полюбитъ-ли она меня когда-либо—про то вѣдаютъ боги.

— Конечно, она полюбитъ тебя. У тебя есть всѣ данныя, чтобы понравиться женщинамъ, и поэтому не подле-

жить сомнѣнію, что вопросъ о дальнѣйшей будущности не замедлитъ предстать передъ вами. Ну, а какъ-же разрѣшить его, когда съ одной стороны стоитъ еврей, а съ другой — христіанка. Вѣдь не отречешься же ты отъ вѣры отцовъ твоихъ, Рувимъ?

Рувимъ пристально взглянулъ на нее, но не произнесъ ни слова.

— Рувимъ!—сказала она,—ты этимъ свелъ-бы въ могилу отца твоего.

Молчаніе Рувима было вполне естественно. Онъ былъ человѣкъ, получившій общее образованіе, и вопросъ о религіи былъ для него скорѣе вопросомъ ума, чѣмъ вопросомъ сердца. Онъ еще не очень давно имѣлъ случай съ наслажденіемъ прочесть Лессингова „Натана“, и послѣ этого чтенія онъ сталъ еще равнодушнѣе относиться къ вопросу о различіи вѣроисповѣданій.

— Рувимъ!—всклинула мать, всплеснувъ руками,—ты молчишь?

Но Рувимъ, не отвѣчая ей, взглянулъ на дверь, которая въ эту минуту отворилась. Манассе вошелъ въ комнату.

— Ну, съ чѣмъ ты пришелъ?—спросилъ его Рувимъ.— Ты хорошій братъ. Я увѣренъ, что ты ходилъ по моему дѣлу. Какія извѣстія ты мнѣ принесъ?

— Да что, ничего путнаго. Тамъ Моисей что-то такое выдумалъ, но это никуда не годится: это можетъ вовлечь насъ въ непріятности съ полиціей. Я не согласенъ участвовать въ этой затѣѣ.

— Чтò-же такое онъ затѣялъ?

— А вотъ, въ первомъ часу онъ самъ пріѣдетъ сюда и ты отъ него узнаешь.

— Нѣтъ, такъ долго я не могу ждать; мнѣ не сидится въ комнатѣ. Прощай, матушка! Прочь облака, сіяй солнце! Прощайте!

И съ этими словами онъ выбѣжалъ изъ комнаты и направился къ виллѣ. Онъ былъ какъ въ чадѣ, самъ не отда-

вая себѣ хорошенько отчета о томъ, что онъ станетъ дѣлать, если увидитъ ее.

Но дѣйствительно-ли можно съ перваго взгляда влюбить въ дѣвушку, точно по мановенію волшебнаго жезла. Должно быть, можно. По крайней мѣрѣ Рувимъ ничего не видѣлъ и не слышалъ и ни о чемъ не хотѣлъ знать. Весь міръ для него сосредоточивался въ лицѣ этой дѣвушки, въ ея фигурѣ, въ ея движеніяхъ.

Всѣ окна виллы были завѣшены, не видно было ни души, виλλα показалась необитаемой. Онъ однако сталъ нетерпѣливо ждать, рассказывая передъ виллою взадъ и впередъ, точно часовой. Дорога была совершенно пустынна, да она и вела только къ виллѣ. Навонецъ послышались шаги, но Рувимъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія и даже не оглянулся. Но шедшій за нимъ человекъ остановился и когда Рувимъ повернулъ назадъ онъ увидѣлъ передъ собою Моисея.

— Однако, помилуйте, г. Рувимъ, что это вы дѣлаете! Если вы станете бѣгать здѣсь до тѣхъ поръ, пока раскроютъ окно и увидятъ васъ, вы разстроите весь нашъ планъ.

— Какой такой планъ?

Моисей разсказалъ ему, что было по-утру рѣшено между нимъ и Манассе, и, показавъ ему тетрадеку нотъ, которую онъ держалъ въ рукѣ, объяснилъ, что въ видахъ исполненія этого плана онъ и направляется теперь въ виλλу. Молодая дѣвушка, какъ онъ успѣлъ уже узнать, встаетъ обыкновенно рано и иногда прогуливается у подножія горы. Во время одной изъ такихъ прогулокъ онъ самъ увидѣлъ ее въ первый разъ.—Вонъ тамъ,—продолжалъ онъ,—по той тропинкѣ, по которой вы сами вчера спустились. Почему знать! Быть можетъ, она пойдетъ гулять и сегодня. Пройдитесь-ка въ ту сторону. Влюбленные бываютъ счастливыѣ, чѣмъ люди разсудительныѣ. Во всякомъ случаѣ я приѣду къ вамъ туда, чтобы сообщить о результатахъ моего посѣщенія виллы. Тамъ наверху растетъ яворъ, подъ которымъ стоитъ скамейка; на этой-то скамейкѣ вы и ждите меня. На небѣ показываются небольшія тучки и, быть можетъ, она

воспользуется прохладой для того, чтобы прогуляться. Но только уходите живо, живо! Вонъ поднимають оконную штору, а васъ не должны видѣть.

Однако Рувимъ не послушался совѣта Моисея и не торопился уходить, въ надеждѣ, что, быть можетъ, она сама покажется у окна. Но оказалось, что то была служанка, Марція. Тогда Рувимъ ушелъ, а Моисей поднялся по лѣстницѣ въ виллу и тотчасъ-же вступилъ въ бесѣду съ Марціей, толкуя ей о восхитительной головной косинѣ, которую онъ только что отыскалъ гдѣ-то, и отыскалъ специально для нея.

Рувимъ сталъ быстрыми шагами подниматься по узкой тропинкѣ; онъ какъ будто не шель, а летѣлъ на крыльяхъ надежды и счастья. Онъ ни минуту не сомнѣвался въ томъ, что Камилла сейчасъ предстанетъ предъ нимъ точно фея, ибо влюбленные, какъ извѣстно, глубоко убѣждены въ томъ, что весь міръ только для того и существуетъ, чтобъ изливать на нихъ всяческія благополучія.

Окружающая его природа съ своей стороны содѣйствовала поддержанію въ немъ радостнаго настроенія. Высокая гора, на вершинѣ своей лишенная растительности, такъ какъ свирѣпствующій въ тѣхъ мѣстностяхъ сѣверный вѣтеръ, называемый „бора“, препятствовалъ росту деревьевъ, у подножія своего была покрыта кустарникомъ и травой, испускавшими сладкое благоуханіе. А въ нѣкоторомъ отдаленіи виднѣлось море, съ его изумрудными, пѣнящимися волнами.

Онъ нашелъ и широкостылый яворъ, и скамейку подъ нимъ, и усѣлся на нее, въ ожиданіи грядущаго благополучія. Вѣдь не могло же случиться иначе, вѣдь Камилла, его солнце, его божество, должна была спуститься къ нему. Онъ даже не ощущалъ нетерпѣнія, а ждалъ спокойно, съ полной увѣренностью. А если она и не придетъ сегодня, философски утѣшалъ онъ самъ себя, она все же должна будетъ прийти завтра, ну послѣ завтра.

Но оказалось, что она пришла сегодня, дѣйствительно пришла. Моисею удалось всучить ей новую тетрадку нотъ. Держа передъ собою эту тетрадку, она разбирала ноты и

въ полголоса напѣвала романсъ, медленными шагами подвигаясь по узкой тропинкѣ, подобно богинѣ, которой нечего смотрѣть себѣ подъ ноги; ея легкое, лѣтнее платье, развѣваясь по вѣтру, легко могло позацѣпиться за кустъ, но не зацѣплялось. Дѣло въ томъ, что для богини все возможно, а въ томъ, что она была богиня, не могъ бы усомниться никто, кому довелось бы видѣть эту головку, обрамленную золотистыми кудрями и покрытую шляпкой изъ итальянской соломы. Большіе, темносиніе глаза ея, казалось, весело смѣялись, точно также, какъ и полуотертыи, небольшой ротикъ ея, изъ котораго носились звуки пѣсни, пригвашіе по воздуху точно цѣнящіяся волны. Она ничего не видѣла, кромѣ нотъ своихъ, ничего не слышала, кромѣ звуковъ напѣваемой ею пѣсни, и поэтому она замѣтила Рувима лишь тогда, когда очутилась въ двухъ шагахъ отъ него и когда онъ, вскочивъ со скамейки, загородилъ ей дорогу; онъ самъ, заглядѣвшись на море, не замѣтилъ ея приближенія.

— Извините, пожалуйста, сударыня, — обратился онъ къ ней.

— Ахъ нѣтъ, мнѣ слѣдуетъ извиниться передъ вами въ томъ, что я вамъ помѣшала, — проговорила она ломаннымъ, нѣмецкимъ языкомъ. — И при этихъ словахъ она пристально взглянула на него и, замѣтивъ, что онъ, залюбовавшись ею, молчить, она прибавила, улыбувшись: — во всемъ виноваты вотъ эти ноты, которыя я разучиваю. Я лишь съ трудомъ могу разобрать текстъ пѣсни, потому что онъ написанъ по-нѣмецки.

И она какъ будто машинально протянула къ нему листъ съ нотами. Онъ, также машинально, послушно заглянулъ въ листъ. Романсъ былъ ему знакомъ и онъ сталъ напѣвать его въ полголоса.

— Ахъ, и вы поете? — спросила она его.

— Да, я пою, и этотъ романсъ мнѣ знакомъ.

— Ну такъ, пожалуйста, пропойте его мнѣ. — И при этомъ наивная молодая дѣвушка усѣлась подлѣ него на скамейку и повторила на итальянскомъ языкѣ: — Пожалуйста, пожалуйста.

Рувимъ запѣлъ. Она слегка захопала въ ладоши и повторяла въ полголоса:—Браво, браво! Ахъ, какъ вы хорошо поете, очень хорошо!—И при этомъ она сняла свою соломенную шляпку и красивымъ движеніемъ головы откинула назадъ свои роскошные волосы.

Но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ она вдругъ воскликнула:—Однако уже поздно! До насъ добирается солнце. Благодарю васъ. Прощайте!—И, взявъ изъ его рукъ нотный листъ, она поднялась, снова надѣла на голову шляпку и пошла вверхъ по узкой тропинкѣ. Но прежде, чѣмъ она успѣла скрыться изъ виду, она еще разъ обернулась, кинула ему головою и затѣмъ опять углубилась въ чтеніе нотъ.

Рувимъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, не произнося ни слова. Онъ не осмѣлился послѣдовать за нею: любовь молодыхъ людей бываетъ скромна. Онъ стоялъ нѣкоторое время неподвижный, какъ статуя, пока онъ не почувствовалъ, что кто-то положилъ ему руку на плечо.

То былъ Моисей. Онъ широко осклабился и проговорилъ въ полголоса:—оставайтесь здѣсь. Она должна возвратиться, такъ какъ нѣтъ другой дороги, по которой она могла бы возвратиться домой. Но только, смотрите, если она будетъ спрашивать васъ о вашемъ имени, не обнаруживайте, кто вы такой. Для этихъ господъ всякій еврей—непремѣнно Шмуль, а вы этимъ испортили бы все дѣло. Вотъ, вотъ она! Меня она не должна видѣть. Я буду поджидать васъ въ переулочкѣ позади виллы.

И съ этими словами онъ, согнувшись, побѣжалъ по дорогѣ къ виллѣ. Камила не замѣтила его, такъ какъ все еще держала передъ собою нотные листы и напѣвала, на этотъ разъ почти громко.

Когда она приблизилась уже на нѣсколько шаговъ къ Рувиму, онъ хотѣлъ было посторониться, чтобы дать ей пройти, но зашнурлся о скамейку и едва не упалъ.—Ахъ, извините,—сказала она улыбувшись.—Вы все еще здѣсь! Еще разъ благодарю васъ. Я уже почти разучила романсъ. Очень хорошенькій! Прощайте!

Платье ея вознулось его колѣнъ; онъ задрожалъ, какъ основной листъ, но остался сидѣть на скамейкѣ, пока она не исчезла. Наконецъ онъ поднялся и послѣдовалъ за нею быстрыми шагами; но она успѣла уже скрыться въ виллѣ.

Онъ медленно прошелъ по дорогѣ мимо виллы. Онъ былъ какъ въ чадѣ и остановился какъ бы во снѣ, когда Моисей обратился къ нему съ вопросомъ: — ну, какъ бы намъ попасть въ виллу?

— Да, да,—повторилъ Рувимъ, не глядя на него, — какъ бы намъ попасть?

Старуха-тетка,—продолжалъ Моисей,—еще не вставала, когда я явился къ нимъ, и не приняла меня. Я успѣлъ только поговорить съ Камиллой, проходившей мимо меня, и когда я сообщилъ ей о проѣзжѣ итальянскомъ пѣвцѣ, котораго имъ слѣдовало бы пригласить къ себѣ, Камилла передала о томъ черезъ дверь своей теткѣ. Но та почему-то не захотѣла этого, и Камилла ушла. Но это ничего не значитъ: пусть только придетъ вашъ братъ Монассе и разскажетъ то же самое—и тогда это подѣйствуетъ.

Рувимъ не понялъ хорошенько, что онъ ему говорилъ, впрочемъ и не спрашивалъ, а продолжалъ идти молча рядомъ съ Моисеемъ.

Вамъ слѣдуетъ только выбрать себѣ какое-нибудь итальянское имя,—продолжалъ Моисей;—ради честности, быть можетъ, было бы лучше всего ограничиться простымъ переводомъ имени Шмуль. Шмуль, какъ извѣстно, происходитъ отъ Самуила; поэтому остановимся на этомъ имени: назовитесь „синьоръ Самуэли“. Ахъ ты, Воже мой! Вотъ идетъ синьоръ Нота! Неужели у него хватить наглости прійти проститься, прежде чѣмъ наострить лыжи? Вы не должны показываться ему на глаза, господинъ Рувимъ. Спрячьтесь-ка за эту калитку.

Рувимъ безпрекословно вошелъ въ указанную ему калитку.

— Опять ты здѣсь, жидъ! Ты, кажется, въ заправду

здѣсь шпионишь,—сказалъ г. Нота, поровнявшись съ Моисеемъ.—Чего ты здѣсь шляешься? Вѣдь здѣсь нѣтъ же никакихъ покупокъ для твоихъ лохмотьевъ! А кто это шель рядомъ съ тобою? Я успѣлъ разглядѣть только спину его. Что все это означаетъ? Кто это былъ?

— А это одинъ изъ служащихъ при полиціи. Онъ явился сюда по порученію намѣстника, и, увидавъ васъ, онъ спросилъ меня:—А что, развѣ Нота еще не уѣхалъ?

— Что? Что онъ спросилъ? Онъ спросилъ:—развѣ Нота еще не уѣхалъ?

Совѣсть синьора Нота была не чиста, и поэтому, сердито пробормотавъ:—убирайся къ чорту, жидъ, — онъ поспѣшно направился къ виллѣ.

Тогда Моисей вызвалъ Рувима съ того двора, въ которомъ онъ скрылся, и сказалъ ему:—Теперь пора повидаться съ вашимъ братомъ. Онъ ждетъ васъ въ вашей комнатѣ. Пойдемте къ нему.

Дорогою онъ объяснилъ Рувиму свой планъ, заключавшійся въ томъ, чтобы онъ, Рувимъ, въ тотъ же вечеръ проникъ въ виллу, подъ видомъ итальянскаго пѣвца, хотя бы подъ именемъ синьора Самуэли, и пропѣлъ тамъ нѣсколько арій. Слушая его слова, Рувимъ разсѣянно повторялъ:—Да, да, къ ней.—Его, казалось, не интересовали подробности составленнаго Моисеемъ плана. Когда они, невдалекѣ отъ дома Авраама, встрѣтили Манассе, Рувимъ поспѣшно спросилъ его:—ну что, ты все устроилъ?

Но тутъ Манассе сознался, что весь этотъ планъ показался ему рисованнымъ и что ничего не устроилъ.

— Какъ, вы не отправили и письма на имя г. Нота?—воскликнулъ Моисей.

— Нѣтъ, не отправилъ.

— Ну, такъ объ сегодняшнемъ вечерѣ нечего и думать. Г. Нота вышелъ уже изъ виллы и раньше полуночи не возвратится домой, а слѣдовательно и не получитъ письма, если бы мы даже и отправили его сейчасъ-же. А до тѣхъ поръ, пока онъ остается въ Триестѣ, г-ну Рувиму нельзя показаться въ виллѣ.

Рувимъ сталъ осыпать брата своего горькими упреками, вслѣдствіе которыхъ Манассе рѣшился сейчасъ-же отдать письмо въ гостинницѣ, а на слѣдующее утро отправиться въ виллу и добиться приглашенія итальянскаго пѣвца. Гнѣвъ бротьаго отъ природы Рувима даже испугалъ Манассе.

Перев. Э. К. Ватсонъ.

МОИСЕЙ МОНТЕФІОРЕ.

(По поводу его столѣтняго юбилея).

II.

Exegi monumentum aere perennis

Гораций

„In contemplating his long and well-ordered existence one is impressed not more by what he has done than by what he has seen and is“.

Times 24 окт. 1883 г.

Когда мы вдумываемся въ его долготѣнную и хорошо проведенную жизнь, насъ столько же поражаетъ то, что онъ видѣлъ и чѣмъ онъ сталъ, сколько то, что онъ сдѣлалъ. Такъ начинается бабушка англійской прессы обстоятельное свое описаніе жизни сэра Мозеса Монтефіоре—этого, если можно такъ выразиться, дѣдушки многихъ славныхъ дѣлъ. И дѣйствительно, какая громадная масса великихъ историческихъ фактовъ окружаетъ эту личность и какое множество изъ нихъ имѣетъ прямую или косвенную связь какъ съ характеромъ самой этой личности, такъ и съ направлениемъ ея дѣятельности! Человѣкъ—продуктъ обстоятельствъ; его дѣятельность—выраженіе ихъ духа. Среда, явную, неизгладимую печать которой носитъ личный и общественный характеръ сэра Мозеса, была хорошая и интересная сама по себѣ. Уже по одному этому она заслуживаетъ вниманія читателя. Тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда она представляетъ собою обстановку, подъ влияніемъ которой сложился характеръ и установилось міровоззрѣніе героя нашего біографическаго очерка. Подробное

исчисленіе хотя бы лишь самыхъ выдающихся фактовъ этой среды завели бы насъ слишкомъ далеко, такъ какъ для этого намъ пришлось бы повести читателя въ лабиринтъ историческихъ моментовъ конца прошлаго и всего настоящаго вѣка, слѣдовательно, цѣлаго столѣтія, столь богатаго крупными событиями, большинство которыхъ, если не по непосредственному своему воздѣйствію на природу сэра Мозеса и не по прямому участию своему въ опредѣленіи его судьбы, то посредственно, очень близко касалось его и часто обусловливало развитіе въ немъ тѣхъ или другихъ стремленій. Чтобы не утомить вниманіе читателя, ограничимся лишь самымъ бѣглымъ обзорѣмъ главныхъ историческихъ событій этого періода и освѣжимъ въ его памяти духъ интересующаго насъ времени.

Когда Мозесъ Монтефіоре родился, фактическое признаніе американской независимости было еще очень свѣжимъ преданіемъ; люди жили тогда подъ впечатлѣніемъ этого факта. А кому извѣстно, какъ велико было вліяніе превзошедшихъ всякое ожиданіе успѣховъ Франклина и Вашингтона на складъ общественной жизни тогдашняго общества въ Англіи, тотъ легко пойметъ и оцѣнитъ значеніе его для англійскаго еврейства, которое чутко относилось ко всякому вѣянію времени. Оно было хорошимъ для евреевъ предзнаменованіемъ: не даромъ видятъ въ этой побѣдѣ свободы надъ деспотизмомъ зарю успѣховъ анти-рабскаго движенія въ Англіи. При существованіи крѣпостничества, о признаніи за евреями человѣческихъ правъ и думать было нечего. Пока рабство считалось необходимымъ государственнымъ учрежденіемъ, пока народныя понятія о паріяхъ, какъ о неизбѣжномъ сословіи, санкціонировались законами страны и господствующими выводами науки, еврею нельзя было заикаться даже о тѣни эмансипаціи. Но совершившійся переворотъ въ отношеніяхъ между Соединенными Штатами Сѣверной Америки и Англіи оказалъ добрую услугу дѣлу анти-рабской партіи. Движеніе это сразу усиливается—и вотъ, при появленіи на свѣтъ Мозеса Монтефіоре, оно выдвигаетъ впередъ своего адвоката въ лицѣ энергичнаго Вильберфорса, знаменитаго главы англійской партіи анти-крѣпостничества: онъ становится членомъ парламента и начинаетъ славный походъ противъ раб-

ства вообще и торговли невольниками въ частности. Тутъ и для недалководидныхъ изъ евреевъ стало яснымъ великое значеніе этой борьбы въ пользу слабыхъ и угнетенныхъ и слѣд. въ ихъ собственную пользу. Оба эти явленія, не случайно между собою совпадавшія, а вытекавшія одно изъ другаго, значительно улучшивъ перспективу и для евреевъ, безспорно послужили вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятными условіями при образованіи характера будущаго общественнаго дѣятеля и филантропа.

М-ръ Питъ, которому минуло тогда всего только 25 лѣтъ, началъ проводить свою крайне реакціонную политику уже непосредственно, т. е. въ роли главы англійскаго министерства. Польша еще въ то время составляла одно государственное тѣло, но рокъ уже опредѣлилъ ея распаденіе. Британскія владѣнія въ Азіи еще на картахъ не обозначались. Когда Мозезъ Монтефиоре родился, потомки Альбіона только впервые стали ногой на почву Индіи, впослѣдствіи ставшей всецѣло ихъ собственной. Такіе и имъ подобныя историческіе факты и событія, сопровождавшіе появленіе на свѣтъ и первые годы сэра Мозеса, могутъ, пожалуй, казаться вовсе ничего общаго съ судьбой евреевъ вообще и съ участіемъ М. Монтефиоре въ частности неимѣющими; но для наблюдателя историческихъ причинъ и слѣдствій связующая цѣпь между такими явленіями и судьбой евреевъ легко и скоро становится очевидной. Появленіе Пита съ знаменемъ крайне реакціонной политики, не предвѣщая ничего хорошаго евреямъ, вызвало въ нихъ новыя опасенія, новый страхъ. За то успѣхи англичанъ въ Азіи наполняли сердца евреевъ новыми надеждами, которыя и оправдались. Суть въ томъ, что евреи почувствовали, что они въ состояніи быть тутъ полезными. И въ самомъ дѣлѣ, не смотря на то, что англичане, которыхъ часто именуютъ «рыжими жидами», почти не уступаютъ настоящимъ евреямъ ни въ предпріимчивости, ни въ энергіи—послѣдніе очень много помогали имъ устроиться въ новыхъ колоніяхъ, при новой обстановкѣ. Сила евреевъ заключалась въ данномъ случаѣ въ томъ, что помимо энергіи и предпріимчивости, они обладаютъ еще выносливостью и способностью къ акклиматизаціи, благодаря физическому и нравственному умѣнью легко приноравливаться къ обыча-

ямъ, правамъ и требованіямъ новаго положенія. Всего этого англичанину не достаетъ: свойственный его натурѣ консерватизмъ во всемъ, что касается комфорта повседневной жизни слишкомъ въ немъ силенъ, чтобы онъ легко могъ жертвовать имъ въ силу новыхъ обстоятельствъ.—Наконецъ, бесспорное вліяніе судьбы Польши на развитіе М. Монтефіоре въ «нѣжный періодъ» его жизни, еще болѣе очевидно. Рокочная переменна въ судьбѣ этой страны вызвала въ Англии сильное движеніе въ пользу жертвы. Были ли эти чувства искренни или нѣтъ—вопросъ для насъ не важный. Важно то, что это обстоятельство послужило поводомъ къ цѣлому ряду длинныхъ рѣчей въ защиту слабыхъ и угнетенныхъ народностей. А стоило только еврею замѣнить въ пламенныхъ этихъ рѣчахъ слово «полякъ» словомъ «еврей», чтобы онъ сразу могъ узрѣть въ такой симпатіи англичанъ къ обиженнымъ и оскорбленнымъ сѣмена будущаго благорасположенія и къ нему самому. Нечего говорить уже о такихъ мировыхъ событіяхъ, какъ французская революція, имѣвшая столь важныя послѣдствія для евреевъ не только Европы, но и всего свѣта. Географическій и политическій видъ земнаго шара быстро мѣнялъ тогда свою фязіономію, благодаря новымъ путешествіямъ и открытіямъ, а равно разнообразнымъ походамъ Наполеона I, Веллингтона, Блюхера и другихъ геніевъ военнаго искусства. Такъ городъ Сидней въ Австраліи, насчитывающій нынѣ 150,000 жителей и не существовалъ еще. Не могъ въ это время мальчикъ Монтефіоре мечтать о томъ, что когда нибудь въ Австраліи будетъ существовать городъ «Монтефіоре», названный такъ въ честь его славнаго имени за великія услуги, которыя оказалъ нашъ юбиляръ дѣлу пріобрѣтенія евреями Англии и ея колоній полнаго гражданства. Знаменитыя, напри- мѣръ, путешествія Блая и Лаперузы еще не были предприняты, словомъ — географическія понятія были въ то время совсѣмъ иными, чѣмъ теперь. Крайне интересная карьера Бонпарта и Веллингтона проходила передъ глазами маленькаго Моца въ болѣе наблюдательномъ возрастѣ его, когда жизненныя явленія дѣйствуютъ на людей прямо, а не черезъ посредство старшихъ, т. е. родителей и наставниковъ, ихъ окружающихъ.

За два дня до совершеннolтiя Монтефиоре, въ 1805 году, морякъ Нельсонъ, сдѣлавшійся вскорѣ однимъ изъ лучшихъ друзей молодого Мозеса, одержалъ знаменитую побѣду надъ французско-испанскимъ флотомъ при Трафалгарѣ. Когда сэру Мозесу минуло 32 года, побѣдоносныя державы подписывали знаменитые международные акты 1816 года. Въ это время Мозесъ Монтефиоре уже становится человѣкомъ съ именемъ и съ положеніемъ, передъ которымъ стали раскрываться двери лучшихъ домовъ тогдашняго англійскаго общества. Онъ уже успѣлъ познакомиться къ тому времени и съ гордой аристократіей Англiи и войти съ нѣкоторыми изъ представителей ея въ тѣсныя связи, а съ иными заключить и дружбу, что такъ трудно въ этой странѣ даже для буржуа - христіанина. Особенно близко подружился онъ съ семьей адмирала Нельсона, супруга котораго, леди Гамильтонъ, очень уважала его. Матеріальныя средства его, которыми онъ въ это время уже располагалъ въ довольно значительной степени, и общественныя связи дали ему доступъ въ большой свѣтъ и важную въ то время прерогативу—присутствовать на сходкахъ и обѣдахъ въ извѣстномъ салонѣ Бельали, гдѣ собирались тогда сливки интеллигенціи, преимущественно же приверженцы знаменитаго «реформеннаго билля». Впослѣдствіи, благодаря этому праву, сэръ Мозесъ получилъ возможность и лично участвовать въ этомъ важномъ дѣлѣ и способствовать его успѣхамъ.

Таковы были, въ общемъ, главнѣйшія событія, такъ или иначе вліявшія на развитіе характера Монтефиоре и таковы были факторы, благопріятствовавшіе вступленію его въ лоно дѣйствующаго общества Англiи, заключенію прочныхъ и тѣсныхъ связей со многими его членами, а вслѣдствіе этого—и къ прямому участию въ жизни «того общества. Всякому извѣстно, что нѣтъ возможности совершить что-либо крупное, все равно, на какомъ-бы то ни было поприщѣ, не заручившись заранѣе благосклоннымъ приемомъ сильныхъ міра сего, какими всегда и вездѣ бывають интеллигенція и аристократія: тѣсныя связи съ этимъ кругомъ людей много содѣйствовали успѣхамъ сэра Мозеса при его филантропической дѣятельности, такъ какъ въ то время деньги даже въ самой Англiи—этой странѣ купцовъ,

какъ ее называютъ французы — еще не играли той важной роли, какую онѣ теперь играютъ во всемъ свѣтѣ.

Вращаясь нѣкоторое время въ этой, новой тогда для еврея въ Англій средѣ, Мозесъ Монтефиоре имѣлъ возможность заблаговременно узнавать вѣянія времени, а главное, направление ихъ, — узнавать, такъ сказать «die Schwangerschaft der Zeit». Сердце его трепетало отъ радости при видѣ, какъ прогрессируетъ вопросъ объ эмансипаціи католиковъ, такъ сильно волновавшій тогда общественныя силы Англій; его прозорливый умъ ясно видѣлъ въ успѣхѣхъ этого дѣла начало избавленія и его единовѣрцевъ отъ искусственной неспособности ихъ къ участию въ гражданской и политической жизни окружающаго его народа. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ 29 лѣтъ послѣ того, какъ вопросъ этотъ рѣшенъ былъ при главномъ содѣйствіи О'Коннеля, интимнаго друга сэра Мозеса, въ 1829 г., въ пользу католиковъ, — ровно черезъ 29 лѣтъ евреи Англій, актомъ парламента объявлены были «эмансипированными» — полными гражданами Великобританіи. Слава его уже распространилась далеко, когда онъ былъ впервые лично вознагражденъ общественной признательностью, выразившейся въ народѣ фактомъ избранія его въ представители гражданскихъ интересовъ Лондона, а въ палатахъ депутатовъ — избраніемъ его въ шерифы Лондона. Въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія, когда Мозесъ Монтефиоре успѣлъ прожить первую половину своего вѣка, популярность его была вполнѣ уже обезпечена, и не только какъ филантропа, но и какъ человѣка, впервые доказавшаго англійскому міру, что еврейская религія не служитъ болѣе препятствіемъ къ занятію съ пользой общественнаго положенія, за что онъ и наслаждался въ продолженіе другаго полу-вѣка «универсальнымъ уваженіемъ, право на которое, какъ выражается англійская печать, приобрѣтено было имъ своей личной дѣятельностью».

Правда, во время благополучнаго рѣшенія еврейскаго вопроса въ Англій обнародованіемъ закона объ эмансипаціи евреевъ, соплеменники послѣднихъ во Франціи уже въ состояніи были праздновать юбилей пятидесятилѣтія своей эмансипаціи; также значительно улучшилось положеніе соплеменниковъ ихъ

въ Германіи и Австріи, гдѣ волненія конца сороковыхъ годовъ возымѣли свое дѣйствіе; однако въ общемъ еще много осталось работы для людей, какъ сэръ Мозесъ: не легка задача перевоспитанія рабовъ въ свободныхъ гражданъ! Но у Мозеса Монтефиоре хватало и духа и терпѣнія на это трудное дѣло устраненія наростовъ и болячекъ, во множествѣ покрывавшихъ еврейскій организмъ, вслѣдствіе ненормальной жизни ихъ въ теченіи многихъ вѣковъ преслѣдованія, гоненія и презрѣнія, а также хватало у него надежды какъ на исцѣленіе самаго еврейскаго организма отъ вѣковыхъ недуговъ, такъ и на успѣхъ въ дѣлѣ устраненія предрасудковъ, тяготѣвшихъ надъ нимъ извнѣ, т. е. со стороны не-евреевъ. А того и другого было много.

Въ общемъ уже упомянуто было выше, какъ велико было содѣйствіе Мозеса Монтефиоре успѣхамъ, достигнутымъ въ пятидесятихъ годахъ англійскимъ еврействомъ на политической аренѣ. Не лишнее сказать тутъ нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ именно заключается сущность этого содѣйствія. Вообще по натурѣ своей Монтефиоре политикомъ не былъ. Его участіе въ политикѣ оставалось чисто-пассивной даже въ самый горячій моментъ борьбы его изъ-за естественныхъ его соплеменниковъ въ Великобританіи, такъ какъ онъ непосредственно не дѣлалъ ничего такого, что обыкновенно составляетъ активную роль политическаго дѣятеля: онъ не говорилъ рѣчей, не писалъ брошюръ. За то косвенно онъ работалъ неутомимо, не жалѣя ни времени, ни денегъ, которыя онъ тогда почти всецѣло посвящалъ этому дѣлу и безъ которыхъ никакая политическая программа неосуществима. Многія изъ лучшихъ брошюръ и статей, появившихся въ то время въ защиту правъ евреевъ на англійскомъ языкѣ, не только напечатаны при его матеріальной помощи, но и составлены были по его инициативѣ. Благодаря его стараніямъ и деньгамъ, изслѣдованы были многіе источники и собрано было много матеріаловъ въ пользу политическаго и гражданскаго полноправія его единовѣрцевъ, а также созданы были многочисленные митинги въ столицѣ и въ провинціи, на которыхъ онъ иногда самъ предсѣдательствовалъ. Наибольшая доля пользы безспорно внесена была имъ въ это дѣло его нрав-

ственнымъ вліяніемъ, какъ личности необычайно популярной, личности, которую ставили въ образецъ какъ современнымъ такъ и будущимъ гражданамъ и гражданкамъ Великобританіи; объ немъ уже въ то время писали краткіе біографическіе очерки, предназначавшіеся для чтенія подростающему поколѣнію, и наконецъ картины и сцены изъ его жизни, а также и его портреты, выставлялись въ окнахъ самыхъ фешенебельныхъ магазиновъ. Надо было быть дѣйствительно очень популярнымъ человекомъ, особенно же еврею, чтобы еще при жизни стать героемъ разсказовъ для дѣтскихъ журналовъ и сюжетомъ для кисти художника. Въ одномъ изъ такихъ эскизовъ, помѣщенномъ въ то время въ „Chatterbox“ (журналъ, въ родѣ издаваемого у насъ «Задушевнаго Слова»), который существуетъ еще и понынѣ, Мозесу Монтефіоре придается значеніе «филантропа воспитательнаго свойства», такъ какъ многіе изъ его подвиговъ этого рода послужили въ послѣдствіи примѣромъ, достойнымъ подражанія и со стороны самихъ англичанъ. И въ самомъ дѣлѣ, многія изъ устроенныхъ англійскими евреями благотворительныхъ учрежденій, большинство которыхъ основано было при помощи сэра Мозеса, служили въ послѣдствіи образцами для христіанъ Англій при основаніи ими подобныхъ заведеній. Что же касается до сценъ и картинъ изъ его жизни и до портретовъ его самого, то то и другое писаны въ не менѣ лестномъ для него духѣ. Содержаніе первыхъ составляютъ преимущественно дальнія путешествія его съ леди Монтефіоре на востокъ; особенно же интересны сцены и картины, гдѣ изображается пребыванію этой четы въ Дамаскѣ. Изъ портретовъ его особенное вниманіе обращаетъ на себя одинъ, не помню кѣмъ написанный, съ надписью «The great philanthropist» великій филантропъ). Мозесъ Монтефіоре изображенъ чрезвычайно удачно. Выраженіе его лица дышетъ такой добротой, что и безъ словъ не трудно прочесть характеръ оригинала. Глядя на эту картину, невольно припоминаешь слова поэта:

„In the forehead and the eye
The picture of the mind does lie“.—

что значить: духъ человѣка отражается на его челѣ и въ его глазахъ,—и что въ данномъ случаѣ вполнѣ оказалось справедливымъ. Изъ этого можно видѣть, какъ велика была популярность Монтефиоре и слѣдовательно, какъ велико должно было быть вліяніе его личности на общественное мнѣніе англичанъ въ пользу евреевъ, когда дѣло шло о признаніи за ними нравственнаго совершеннотѣтія, объ окончательномъ рѣшеніи «еврейскаго вопроса» въ этой странѣ. Моисей Монтефиоре вправѣ поэтому считать себя однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ въ дѣлѣ приобрѣтенія полныхъ правъ евреями Англій, въ побѣдѣ справедливости надъ вѣковыми предрассудками и эгоизмомъ. Это и было главнымъ политическимъ актомъ его долготѣлейшей жизни. За то съ другой стороны, англійское еврейство, вполнѣ сознающее, какъ много оно обязано ему своимъ нынѣшнимъ положеніемъ въ свѣтѣ и вполнѣ признательное ему за это, вправѣ сказать, что оно безукоризненно исполнило всѣ возложенныя имъ на нихъ обязанности и совершенно оправдало его ожиданія, а также и довѣріе англичанъ, для которыхъ не нужно было тѣхъ великихъ переворотовъ и тѣхъ кровавыхъ сценъ революцій, благодаря которымъ измѣнилась участь обиженныхъ сыновъ Израиля въ другихъ странахъ.

Бросимъ мы тутъ кстатѣ, бѣглый взглядъ на исторію положенія евреевъ въ главныхъ странахъ Европы, этой матери современной цивилизаціи вселенной, духовной кормилицы человѣчества.

Не говоря уже о дальнихъ періодахъ исторіи нашего континента и оставляя въ сторонѣ восточныя, крѣпче коснѣющія въ невѣжествѣ части его,—на западѣ Европы еще недавно, когда нашъ юбиляръ былъ молодымъ человѣкомъ, «религіозную свободу»—такъ выражается «*Times*»—тѣнили многія безобразныя ограниченія: въ то время какъ *христиане еврейскаго происхожденія* (такъ приличіе именуеетъ крещенныхъ евреевъ), какъ напр. Барналь и Рикардо (извѣстный экономистъ) добились мѣстъ въ парламентѣ, или какъ напр. Самсонъ Гидеонъ, Соломонъ Медина, Менасса Лопесъ, Морисъ Ксименесъ и другіе достигали производства въ рыцарскій санъ,—въ то время какъ ренегатству открыты были всѣ стези къ почестямъ, благород-

ству (?) и славѣ — еврей, крѣпко державшійся своей вѣры, обязанъ былъ, какъ ни велико было его право въ силу его способностей и личнаго достоинства, подавлять въ себѣ всякую амбицію, всегда связанную съ сознаниемъ своего превосходства надъ менѣе его достойными, и отказываться отъ всякихъ попопозвоненій, при самыхъ даже благопріятныхъ случаяхъ, къ достиженію заслуженныхъ отличій». Еще менѣе утѣшительна исторія евреевъ за прежніе вѣка, какъ въ самой Англии, такъ и въ другихъ странахъ западной Европы.

Во второй половинѣ XI ст., вскорѣ послѣ вступленія на тронъ Вильгельма Завоевателя въ 1066 г., на островѣ Великобританіи число евреевъ оказалось довольно значительнымъ и довольно вліятельнымъ по матеріальному своему благосостоянію. Но будучи ограничены въ своихъ правахъ и будучи поэтому обязаны ограничивать свою дѣятельность денежными операціями, они вызвали противъ себя нерасположеніе остатковъ другихъ покоренныхъ народностей, которые, находясь въ полурабствѣ и въ презрѣніи въ глазахъ покорителей, обречены были, для улучшенія своего положенія, заниматься главнымъ образомъ торговлей и ссудой денегъ, за что и стали извѣстны подъ именемъ «кагорзинскихъ ростовщиковъ». Послѣдніе, видя въ евреяхъ опасныхъ конкурентовъ, легко въ состояніи были при помощи предразсудковъ и невѣжества народа съ одной стороны и подъ вліяніемъ существовавшихъ тогда религіозныхъ орденовъ съ другой—возбудить въ массѣ фанатическую ненависть къ болѣе выдававшимся, какъ своимъ образованіемъ, такъ и своимъ богатствомъ, членамъ англійскаго еврейства и вызвать успѣшную травлю на евреевъ вообще. Разжиганіе хищническихъ страстей въ черни было тѣмъ легче, что нѣкоторые изъ еврейскихъ тогдашнихъ финансистовъ могли спорить по силѣ своего кошелька съ крайне алчнымъ духовенствомъ, такъ заботливо стремившимся къ обогащенію монастырскихъ учреждений. Вновь зародившаяся въ то время страсть къ проповѣданію въ пользу крестовыхъ походовъ еще болѣе облегчила задачу тогдашнихъ антисемитовъ, которые въ религіозномъ сепаратизмѣ и въ грабежѣ имущества евреевъ узрѣли, казалось, единственное средство для спасенія христіанства. Израиль

Дизраели, дѣдъ покойнаго лорда Биконсфильда, описаль грустную исторію этого періода, заключившагося поголовнымъ изгнаніемъ всѣхъ евреевъ съ этого острова. Особенно грустенъ эпизодъ въ этомъ разсказѣ объ осадѣ евреевъ Іорка въ мрачномъ замкѣ на берегу рѣки Уза, гдѣ всѣ заморены были голодомъ. Послѣ этого изгнанія евреевъ изъ Англіи въ 1290 г., ихъ тамъ не было, какъ полагають историки, почти въ теченіи цѣлыхъ трехъ столѣтій. Только при Кромвеллѣ, въ XVII вѣкѣ, они вновь появляются тутъ небольшими группами, главнымъ образомъ изъ Голландіи, и при исходѣ его протектората получаютъ право безпрепятственно проживать въ Англіи, не смотря на протесты нѣкоторыхъ заинтересованныхъ корпорацій противъ такого разрѣшенія. Есть, однако, свидѣтельства о томъ, что и въ этотъ долгій промежутокъ времени, въ теченіе котораго евреямъ воспрещалось посѣщеніе Англіи, они отъ времени до времени появлялись тамъ, подобно испанскимъ своимъ соплеменникамъ, которые осмѣливались порою навѣщать свою родину послѣ изгнанія и въ большинствѣ случаевъ попадались въ руки страшно безпощадной инквизиціи. Это видно изъ того, что въ Лондонѣ, уже послѣ изгнанія евреевъ изъ Англіи, основано было специальное заведеніе «Convert's House», (пріютъ для призрѣнія выкращенныхъ евреевъ), судьба котораго оказалось очень интересной: сюда впоследствии перенесенъ былъ архивъ, главнымъ начальникомъ котораго состоялъ въ наше время еврей, недавно умершій знаменитый юристъ, сэръ Джорджъ Джессель. Также видно это изъ того, что при королевѣ Елизаветѣ, значить въ XVI ст., главнымъ лейбъ-медикомъ ея былъ еврей, жившій при дворѣ. Впрочемъ великіе міра сего часто дѣлають для себя исключенія изъ общихъ правилъ тамъ, гдѣ это полезно для нихъ, и специально выписываютъ нужные имъ экземпляры. Наконецъ, подпольное пребываніе евреевъ на запрещенной для нихъ почвѣ еще доказывается разнаго рода намеками на нихъ, встрѣчающимися въ лѣтописяхъ и дневникахъ того времени. И вотъ, хотя со времени Кромвеля евреи, благодаря ходатайству интимнаго друга его, Менаассы бенъ-Израиля, и получили право жительства въ Англіи, но они терпимы были лишь какъ иностранцы,

какъ временные обитатели (denizens), а не какъ граждане (citizens), что почти продолжалось до середины нашего вѣка. Ограниченіе или расширеніе ихъ правъ зависѣло отъ случайныхъ обстоятельствъ и отъ воли отдѣльныхъ личностей, ибо тогда англійскій народъ еще не стоялъ такъ высоко по своему развитію. Вопреки этому однако, уже при покровителѣ своемъ, Кромвелѣ, назначившемъ даже пожизненную пенсію другу своему М. бенъ-Израилю изъ казны, евреи успѣли устроить въ Лондонѣ синагогу и поставить ее на хорошую ногу, какъ видно изъ лестныхъ отзывовъ объ ней Пеписа и Эвелина, двухъ знаменитыхъ писателей того времени, посѣтившихъ эту синагогу. Въ это же время евреи Англій участвовали въ тогдашнихъ войнахъ не только въ качествѣ финансистовъ, но и въ качествѣ воиновъ. Такъ они дрались на англійскихъ корабляхъ при походахъ Мальбора и въ другихъ сраженіяхъ, предпринятыхъ въ интересахъ усыновившей ихъ новой страны. Въ этотъ же періодъ многіе изъ англійскихъ евреевъ стали эмигрировать въ Новый свѣтъ и нѣкоторые изъ нихъ выбрали себѣ тамъ военную карьеру, а одному изъ нихъ ввѣрено было даже начальство надъ филадельфіяцами при усмиреніи возстаній въ американскихъ колоніяхъ. Однако, въ то время какъ евреи съ одной стороны такъ успѣшно подвигались впередъ лично, т.-е. какъ матеріально, такъ и нравственно, — съ другой стороны надъ ними тяготѣли самыя позорныя ограниченія въ самой Англій и еще болѣе въ другихъ странахъ, какъ Франція, Германія, Италія и пр.

Еще въ 1754 г., всего за 30 лѣтъ до рожденія Мовеса Монтефіора, даже тѣ крайне скудныя права, какими они пользовались со времени Кромвеля, были значительно урѣзаны. Такъ называемый «пельгамскій актъ еврейской эмансипаціи» — законъ, выработанный м-ромъ Пельгамомъ на основаніи доставленныхъ Кромвелемъ евреямъ льготъ и проведенный имъ въ парламентъ, былъ въ 1754 г. отиѣненъ и его мѣсто занялъ притѣснительный актъ *De Judaismo*, оставшійся въ силѣ до 1846 г., почти цѣлый вѣкъ. Не лишне будетъ сдѣлать тутъ хотя бы лишь поверхностное сравненіе между этими двумя актами XVII и XVIII вв. По Пельгаму евреямъ позволялось имѣть

нѣкотораго рода недвижимую собственность, не говоря уже о правѣ приобрѣтенія общественной собственности въ родѣ земли для погоста, и пр. По закону же 1754 г., по статутамъ «De Judaismo», изданному лордомъ Гардвикомъ, евреевъ не только лишили всего этого, но даже отняли у нихъ возможность образованія, о чемъ они, очевидно, такъ заботились тогда. Это видно изъ того обстоятельства, что тогдашнее англійское законодательство съ лордомъ Гардвикомъ во главѣ сочло нужнымъ издать особый циркуляръ, которымъ запрещалось евреямъ дѣлать завѣщанія въ пользу существовавшихъ тогда заведеній для образованія евреевъ. Мотивировано было это запрещеніе тѣмъ, будто такимъ образомъ завѣщанныя имущества могутъ быть употребляемы съ предосудительной цѣлью, для суевѣрныхъ обрядностей. А когда однимъ евреемъ завѣщано было однажды его состояніе въ пользу кружка, учрежденнаго для изученія и чтенія столь популярной и столь обожаемой нынѣ всѣхъ англійскимъ народомъ, библии, то тотъ же Гардвикъ постановилъ употребить это имущество въ пользу одной капеллы, гдѣ усердно проповѣдывалось христіанство, а также въ пользу приюта для незаконнорожденныхъ приемышей (Foundling House). Этимъ закономъ еще руководствовался лордъ Эльдонъ въ 1818 г., исключивъ еврейскую дѣвушку изъ списка претендентокъ на пособіе отъ «благотворительнаго общества Гарпура», учрежденнаго въ Бедфордѣ для обученія бѣдныхъ полезнымъ ремесламъ. Это однако было послѣднее примѣненіе его *de facto*. Вообще въ силѣ оставался онъ до 1846 г. Хотя многіе изъ наиболѣе «безобразныхъ параграфовъ» его, какъ выражаются объ этомъ современные публицисты Англій, и не входили даже въ своды законовъ и, конечно, были забыты, однако, они могли быть пускаемы въ ходъ какъ еще не отмѣненные, и благодаря имъ же, евреевъ до 1832 г. не допускали имѣть свои собственные лавки. Даже въ 1833 г., когда Франсисъ Гольдсмидъ, окончивъ высшее учебное заведеніе, явился согласно англійскому обычаю къ высшимъ судебнымъ властямъ за санкціей на право практиковать въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго, поднялся нескончаемый споръ прежде, чѣмъ петиція молодаго человѣка была принята. Еще гораздо дольше

пришлось ждать англійскимъ евреямъ, пока главные университеты, какъ Оксфордъ и Кембриджъ, раскрыли передъ ними свои двери. Первый еврей, допущенный къ испытанію кембриджскимъ университетомъ въ 1837 г., хотя и выдержалъ конкурсный экзаменъ самымъ блестящимъ образомъ, не получилъ однако диплома, на основаніи котораго онъ имѣлъ бы право быть учителемъ математики. Только въ сороковыхъ годахъ дипломы стали выдаваться и евреямъ. Впослѣдствіи, а именно въ 1872 году, кембриджскій ареопагъ ученыхъ мужей поправилъ свою ошибку 1837 г., т.-е. отказъ м-ру Сильвестру—такъ зовутъ перваго еврейскаго претендента въ Англии на ученую степенъ—тѣмъ, что признанъ былъ за нимъ титулъ магистра. Оксфордскій университетъ избралъ въ 1879 г. Артура Когена, племянника сера Мозеса, университетскимъ совѣтникомъ, чѣмъ оказана была м-ру Когену великая честь. Наконецъ только въ 1881 г. уничтожены были окончательно остатки варварскихъ и полуварварскихъ мѣропріятій противъ несчастнаго племени Израиля. Мы подразумѣваемъ отмѣну закона объ исключеніи евреевъ изъ «Акта Натурализаціи», изданнаго ирландскимъ парламентомъ въ 1783 г., т. е. 100 лѣтъ тому назадъ, и нанесшаго ирландцамъ, страна которыхъ всегда нуждалась не въ однихъ лишь агрикультурныхъ средствахъ, а также и въ силахъ торгово-промышленнаго свойства, такой громадный ущербъ. Лишеніемъ евреевъ права натурализоваться въ Ирландіи и объясняется тотъ странный фактъ, что до 1881 г., когда законъ этотъ былъ формально отмѣненъ, въ этой части Великобританіи поселилось всего только 453 еврея.

Мозееу Монтефіоре евреи Великобританіи обязаны всѣми перемѣнами своего положенія къ лучшему, тѣмъ равенствомъ съ своими сосѣдями, какимъ они въ настоящее время спокойно пользуются въ этой странѣ. Также обязаны ему улучшеніемъ своего положенія и евреи другихъ странъ цивилизованной Европы въ весьма значительной, если не въ такой же, мѣрѣ, такъ какъ участь евреевъ среди другихъ націй запада была, пожалуй, еще хуже и такъ какъ влияние законодательства цивилизованной страны на сосѣднія съ нею государства неоспоримо.

Въ Англіи они, покрайней мѣрѣ, избавлены были отъ тѣхъ мелкихъ, но крайне непріятныхъ и унижительныхъ притѣсненій и придирокъ, какими обставлена была ихъ жизнь, напримѣръ, въ Германіи. Мелочные нѣмцы еще не успѣли проникнуться уваженіемъ къ евреямъ въ такой степени, чтобы идея, которая, завладѣвъ чувствами людей, воспитываетъ ихъ къ собиранію политическихъ плодовъ прогресса, была имъ понятна. Хотя Мендельсонъ и другъ его, Лессингъ, и сдѣлали многое—первый прекраснымъ примѣромъ своей чистой, образцово нравственной жизни, а второй безсмертной драмой «Натанъ Мудрый» — къ поднятію евреевъ въ глазахъ нѣмцевъ, однако, практическіе результаты еще не скоро оказались. Въ Германіи всякій моментъ въ жизни еврея, всякое движеніе его подлежали самымъ мелочнымъ ограниченіямъ и тѣмъ болѣе оскорбительнымъ, чѣмъ болѣе они касались внутренней частно-индивидуальной жизни его. Такъ, рожденіе, бракъ, похороны были обложены специальнымъ налогомъ; мѣсто жительства также имѣло свой налогъ; тоже пріѣздъ въ городъ или выѣздъ изъ него, т. е. при проходѣ черезъ городскія ворота или заставу, съ еврея взималась извѣстная плата. Всякое почетное занятіе возбуждалось еякою, обреченному жить въ тѣсныхъ гетто и «Judengasse». Даже во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ Ротшильды, безукоризненнымъ пользованіемъ своими колоссальными богатствами, вызывали болѣе благородныя чувства въ отношеніи къ своимъ единовѣрцамъ въ сердцахъ тѣхъ народовъ, въ странахъ которыхъ они, Ротшильды, поселились, и гдѣ имя Ротшильдовъ стало популярнымъ еще въ первые годы жизни нашего юбиляра—даже тамъ еще долго послѣ вѣнскаго конгресса и заявленія Меттернихомъ народной признательности Ротшильдомъ за ихъ великія услуги въ борьбѣ, какъ выражались тогда, съ врагомъ чело-вѣчества—нѣкая Гетманнъ, жена одною лютеранскаго банкира, нашла нужнымъ отказать отъ связей съ еврейскими конкурентами своего мужа, съ Ротшильдами, на томъ лишь основаніи, что, молъ, непристойно христіанину-банкиру водить знакомство съ евреемъ, хотя бы и товарищемъ по профессіи. Настолько еще густъ былъ мракъ предрасудковъ, застилавшій глаза даже болѣе образованныхъ кружковъ тогдашнихъ поколѣ-

ній, когда рѣчь касалась евреевъ; многіе и изъ этого класса людей еще не способны были разглядѣть бреши, пробитыя въ китайской стѣнѣ невѣжества острыми орудіями культуры.

Не болѣе завидна была доля евреевъ и во Франціи въ это время. Когда родился «герой нашего вѣка» Мозесъ Монтефиоре, эдиктъ Карла VI объ изгнаніи евреевъ изъ Франціи въ концѣ XIV ст. еще имѣлъ свое вліяніе на положеніе евреевъ въ этой странѣ. Только въ 1776 г. евреи впервые получили право жить въ Парижѣ. Право это приобрѣтено было ими въ лицѣ Перейры—еврея, основовавшего институтъ для обученія глухо-нѣмыхъ. Конечно, евреи и до этого времени жили въ Парижѣ, но точно на хлѣбахъ изъ милости, безъ санкціи закона; разрѣшеніе же, данное еврею Перейрѣ, было юридическимъ признаніемъ за ними этого права. Но особенно жестоко обращались съ евреями въ Эльзасъ-Лотарингіи. Въ этой обширной французской провинціи евреи подвержены были чрезвычайно тягостнымъ «droits de seigneur». Въ 1784 г. еще обложили евреевъ Франціи особымъ подушнымъ налогомъ, который впрочемъ вскорѣ былъ упраздненъ, такъ какъ духъ великой революціи окрѣпъ къ тому времени настолько, что голосъ ея все громче и громче сталъ раздаваться въ ухахъ людей и въ пользу евреевъ. Уже въ 1786 г. появилось памятная брошюра абата Грегуара въ защиту эмансипаціи евреевъ, написанная имъ въ отвѣтъ на приглашеніе высказаться по этому поводу, съ которымъ академія наукъ въ Майнцѣ обратилась къ ученымъ. Правда, и въ великомъ собраніи истинныхъ представителей французскаго народа, собранномъ послѣ первыхъ побѣдъ революціи, было не мало такихъ членовъ, въ головахъ которыхъ какъ-то чуднымъ образомъ улеглась мысль объ исключеніи охранителей декалога изъ участія въ «droits de l'homme». Но такая крайняя нелогичность не выдержала критики времени, и вотъ въ 1791 г., когда Мозесу Монтефиоре было семь лѣтъ, краснорѣчіе Мирабо обезпечило побѣду за евреями; принципы «свободы и равенства» одержали верхъ надъ узколобымъ холопствомъ. И побѣдоносныя арміи французской революціи распространяли принципы вѣротерпимости и въ Германіи, и въ Италіи, и даже въ Голландіи, гдѣ евреи не имѣли хотя причины жаловаться, ибо республиканцы-

голландцы рано поняли вредъ, причиняемый притѣсненіемъ какой либо части населенія странъ вообще, и громадную пользу, оказываемую имъ, предприимчивостью евреевъ въ частности, но послѣдніе все же чувствовали себя не дома. Голландецъ легко могъ хвастаться своимъ великодушіемъ по отношенію къ евреямъ, въ виду унизительныхъ и обременительныхъ мѣръ, какимъ они подвергались у другихъ народовъ. Успѣхи идей XVIII в. дали евреямъ Голландіи то нравственное удовлетвореніе, безъ котораго полное сознаніе своего человѣческаго достоинства не возможно, какъ бы, велико ни было матеріальное обезпеченіе. Всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ страданій и лишеній, нравственныхъ и экономическихъ, какими обставлено было житье-бытье евреевъ въ этомъ столѣтіи, и постепеннаго исчезновенія этихъ унизительныхъ мѣръ одной за другой—всего этого Мозесъ Монтефиоре былъ свидѣтелемъ, а порою соучастникомъ. Онъ, видѣвъ все это и многое испытавъ лично, дожилъ до того, что могъ воочию видѣть, какъ его единовѣрцы оказались вполне достойными довѣрія, выказаннаго имъ ихъ сосѣдями, какъ въ Англіи евреи въ лицѣ Сэра Джесселя, м-ра Бенджамена, лорда Биконсфильда и пр. вполне оправдали ожиданія филосемитовъ. Онъ видѣлъ, какъ евреи не менѣе блестящимъ образомъ отличались и въ другихъ странахъ на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности: Адольфъ Кремье во Франціи, Эдуардъ Ласкеръ въ Германіи и пр., не говоря уже о массѣ ученыхъ профессоровъ, писателей, художниковъ и пр. Да, Мозесъ Монтефиоре имѣетъ полнѣйшее основаніе быть довольнымъ людьми своего вѣка. «Мозеса Медельсона обыкновенно считаютъ отцомъ современной еврейской мысли, а Мозеса Монтефиоре, который родился за два года до смерти любезнаго (amiable) философа Берлина, слѣдуетъ считать представителемъ въ дѣлѣ примѣненія на практикѣ теорій своего предшественника: въ дѣлѣ, оказавшемся удачнымъ опытомъ въ принаравливаніи древней еврейской расы къ соучастію въ окружающей ее новой могучей жизни. Изрѣченіе: «отъ Моисея до Моисея не было подобнаго Моисею», придуманное первоначально по отношенію къ Моисею-Законодателю и Моисею Маймониду и распространенная затѣмъ и на Моисея Мендельсона, однаково примѣнимо и

къ Моисей Монтефиоре, который отмѣчаетъ собою столь же важную въ исторіи еврейскаго народа эру, какъ тотъ періодъ блестящей дѣятельности еврейскаго духа, когда сынъ Маймона, въ сообществѣ съ другими учеными своего племени и учеными мусульманами велъ тѣ обширные дебаты и занимался тѣми литературными работами, благодаря которымъ поддерживалось живое знаніе греческой философіи въ теченіи темныхъ вѣковъ христіанства». Цитату эту мы заимствовали цѣликомъ со столбцовъ «Times» за ноябрь 1883 г. И дѣйствительно, сэръ Мозесъ съ полной справедливостью можетъ считаться практическимъ осуществителемъ на дѣлѣ не только теорій берлинскаго философа Мозеса, но и гуманныхъ идей прошлаго вѣка вообще и филантропіи въ особенности.

Опять при этомъ невольно приходитъ на умъ весьма удачное замѣчаніе, сдѣланное однимъ изъ современныхъ еврейскихъ писателей, что «у всякаго народа свои евреи». И точно: возьмите ученыхъ, мечтательныхъ, глубокомысленныхъ нѣмцевъ, и увидите, что изъ среди ихъ евреевъ выходятъ философы, художники, поэты, ученые: Мендельсонъ—философъ и Мендельсонъ—композиторъ, Гейне, Ауэрбахъ и масса еврейскихъ профессоровъ; въ блестящей, увлекающейся Франціи вы находите Крэмье, Наке, знаменитаго художника Гирша, Галеви etc.; Англія же, страна практики и методическаго примѣненія разума въ обиходѣ жизни дала еврея—практика-филантропа и хорошихъ юристовъ. Оно весьма характеристично! Будемъ однако надѣяться, что переживаемый нынѣ русскими евреями моментъ окажется скоро-преходящимъ и не настолько историческимъ, чтобы при его вліяніи образовались выдающіеся характеры русскаго еврейства. Это было бы вдвойне печально: и для самихъ евреевъ и для русскихъ, ибо ничего хорошаго теперешня вѣянія антисемитизма не обѣщаютъ въ будущемъ.

Да, будемъ надѣяться! Ибо еврейскій вопросъ и въ Россіи долженъ же когда-нибудь быть рѣшенъ въ человѣческомъ духѣ, въ единственно возможномъ для этого смыслѣ. Эмансипація евреевъ, «теперь лишь вопросъ времени», какъ выражаются нѣмецкіе энциклопедисты, когда они излагаютъ исторію евреевъ и какъ мы можемъ прибавить словами Катона: «Самъ

terum senso, Carthaginem esse delendam»,—замѣняя здѣсь слово *Карфагенъ* соотвѣтствующимъ данному случаю словомъ «невѣжество» или вѣковые предрасудки противъ однихъ изъ членовъ великой семьи, называемой человѣческимъ родомъ.

Оставаясь подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ оптимистическихъ надеждъ на счетъ благополучнаго исхода исторіи евреевъ и будущаго всего человѣчества, приступимъ теперь къ описанію специальной дѣятельности сэра Мозеса, къ перечню предпріятій и успѣховъ юбиляра на поприщѣ филантропіи.

Щедро, почти въ совершенствѣ одаренный природой весьма благородными качествами сердца и ума и покровительствуемый къ тому своей доброй звѣздой во всѣхъ начинаніяхъ, сэръ Мозесъ успѣлъ во многомъ. Душа его представляла собою богатый источникъ лучшихъ въ человѣкѣ чувствъ дружбы и родства; по образу мыслей своихъ онъ былъ снисходителенъ къ заблудшимъ, прощалъ проступки слабыхъ и не каралъ, а исправлялъ грѣшныхъ. Условія жизни, окружавшія самый воспримчивый періодъ его возраста, благоприятствовали развитію въ немъ всѣхъ тѣхъ свойствъ души, которыя, пустивъ глубокіе корни, дали впоследствии, при болѣе зрѣломъ возрастѣ его, такіе прекрасные цвѣты добродѣтели. Оно понятно, что заступничество за участь «обиженныхъ и униженныхъ», которымъ онъ такъ прославился впоследствии, обращено были вначалѣ, главнымъ образомъ, въ сторону его собственныхъ единовѣрцевъ: ихъ лишенія были того свойства, что менѣе всего терпѣли отлагательства, ихъ нужды настоятельнѣе всего требовали удовлетворенія; а такъ какъ объ нихъ меньше всего заботились другіе, то, естественно, что онъ раньше всего заступился за нихъ. Не взирая одною на то, что его благотворительность началась «дома» т. е. у себя, для своихъ, въ средѣ евреевъ,—не смотря на это, онъ вскорѣ сталъ извѣстенъ внѣ своей среды многими благодѣяніями не-сектантскаго характера. Такъ всякій подписной листъ, исходившій изъ Меншенъ-Гауза—этого храма современной европейской благотворительности—заключаетъ въ себѣ имя Монтефиоре рядомъ съ приличной случаю суммой. Почти всякій секретарь официальныхъ и неофициальныхъ благотворительныхъ учрежденій знакомъ съ его тонкимъ почеркомъ въ итальян-

янскомъ стилѣ, съ его четкой, перою, неровной подписью. Особенно выдается въ этомъ отношеніи годъ его шерифства, 1837—1838. Онъ въ сообществѣ съ тогдашнимъ лордомъ-мэромъ Лондона, сэромъ г. Карролемъ, сдѣлалъ этотъ годъ памятнымъ для нуждающихся Сити какъ обширностью сборовъ въ пользу благотворительныхъ обществъ, такъ и отсутствіемъ смертныхъ казней, обыкновенная, годовичная цифра которыхъ около 20 для Англии: сэръ Мозесъ, при помощи одной очень высокопоставленной дамы, добился отмены единственнаго при его управленіи Лондономъ смертнаго приговора въ его области. Насколько мѣстная его благотворительность, практикуемая имъ въ сравнительно-тѣсномъ кругу своей резиденціи, особливо въ Рамсетъ, отличается отсутствіемъ всякаго духа сектантства, можно видѣть изъ того, что духовные всѣхъ вѣроисповѣданій, какъ люди болѣе близко знакомые съ нуждами бѣдной части населенія, состоятъ его постоянными «милостынедателями» (alms-givers), т. е. посредниками между нимъ и бѣдными. Въ этой мѣстности популярность еврея Мозеса Монтефиоре уже въ первые годы его жительства тамъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, стала повсюду извѣстной, и его имя прославлялось одинаково устами христіанъ и евреевъ. Одной изъ его обыденныхъ привычекъ было постоянное стремленіе улучшить положеніе духовныхъ какого-бы то ни было вѣроисповѣданія. Онъ непрерывно старался обеспечивать за ними хорошіе доходы. Также весьма охотно давалъ онъ крупныя пожертвованія на поддержку церквей и капелъ. Какъ человѣкъ глубоко религіозный, онъ въ обоихъ этихъ случаяхъ поступалъ логично и практично. Помогая духовнымъ, имѣющимъ больше всѣхъ другихъ слоевъ современнаго общества непосредственное вліяніе на массу и ея нравственность, онъ въ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія видѣлъ обезпеченіе большаго вѣса за ними въ глазахъ народа, такъ какъ онъ глубоко понималъ тѣсную зависимость нравственныхъ вліяній людей отъ ихъ матеріальнаго благосостоянія. Въ поддержкѣ же церковнаго престола онъ, по своему мнѣнію, увеличивалъ благое воздѣйствіе религіи на людей, за которой онъ вообще признаетъ громадную силу. Наконецъ, на вопросъ: какимъ образомъ можетъ такой строго-еврейскій орто-

докъ такъ относиться къ христіанству? — слѣдуетъ отвѣчать простымъ соображеніемъ, именно естественнымъ для строго-религіозной натуры, что все существующее есть твореніе Бога, а потому и христіанство съ его храмами и другими атрибутами угодно Ему; и такъ какъ христіанство имѣетъ свое вліяніе на такую массу человѣческихъ созданій, то слѣдовательно усиленіе хорошихъ средствъ христіанства есть доброе дѣло. Подобныя соображенія весьма логичны и вовсе не рѣдки среди набожныхъ евреевъ. Не всегда однако необходимы были подобныя мотивы для возбужденія въ сердцахъ Мозеса Монтефиоре чувства состраданія къ страждущимъ. Чуткое его сердце отзывалось на всякій стонъ, на всякій вздохъ человѣческой груди, кто бы и гдѣ бы ни былъ этотъ несчастный, взывающій о помощи. Слѣдующій примѣръ краснорѣчивѣе всего обрисовываетъ энергическій характеръ, внесенный имъ въ свою универсально-благотворительную дѣятельность. Въ Іюль 1860 г. на столбцахъ «Times», по обыкновенному, появился подробный отчетъ о парламентскихъ преніяхъ того времени. Мозесъ Монтефиоре, узнавъ изъ этихъ дебатовъ о бѣдствіи, постигшемъ христіанъ въ Сиріи, послѣ варварскихъ нападеній на нихъ друзовъ въ области горъ Левана, въ тотъ же день пріѣхавъ первымъ поѣздомъ изъ своей резиденціи въ Лондонъ (ему уже тогда было 76 лѣтъ отъ роду)—и прямо явился въ редакцію «Times» съ уже готовымъ для печати письменнымъ воззваніемъ въ пользу пострадавшихъ. Считаю умѣстнымъ передать тутъ содержаніе этого интереснаго письма отъ 10 іюля 1860 г.

«Милостивый Государь! Съ глубочайшимъ чувствомъ состраданія прочиталъ я въ вашей газетѣ отчеты о дебатахъ въ верхней палатѣ касательно несчастнаго положенія христіанскихъ обитателей Сиріи, недавно подвергавшихся жестокому нападенію со стороны туземцевъ и нынѣ, числомъ слишкомъ 20000 душъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, блуждающихъ по горамъ и обреченныхъ на самыя страшныя лишенія. Будучи коротко знакомъ съ природой этой страны и съ условіями жизни этого народа, я слишкомъ хорошо понимаю, какъ, къ крайнему моему сожалѣнію, велико должно быть количество бѣдствій, которое уже постигло ихъ и какое ихъ еще ожидаетъ.

«Я убѣжденъ, что частная благотворительность въ состояніи одѣлать кой-что для облегченія страшной участи злополучной массы, беззащитной, бездомной, разоренной. Мнѣ по опыту хорошо извѣстна благотворительность моихъ согражданъ, и смѣю думать, что публика съ радостью и безъ замедленія приступитъ къ участию въ основаніи фонда на помощь несчастнымъ страдалцамъ, суммы котораго, при благоразумномъ распредѣленіи, будутъ употребляемы по требованіямъ обстоятельствъ.

«Слѣдуетъ, по моему мнѣнію, въ виду этого, образовать небольшой, но энергичный, вліятельный комитетъ съ цѣлью собрать пожертвованія деньгами и предметами для распредѣленія ихъ при посредствѣ британскаго генеральнаго консула въ Бейрутѣ и британскихъ консуловъ по всей Сиріи.

«Ваше краснорѣчивое и разумное заступничество за сирійскихъ христіанъ, такъ энергично предпринятое недавно въ вашемъ органѣ, достаточно, надѣюсь, оправдываетъ мое обращеніе къ вамъ по этому дѣлу. Для предполагаемаго фонда при семьдесятъ имѣю присовокупить переводъ на 200 ф. ст.

Примите etc...

Мозесъ Монтефіоре».

Вслѣдъ за этимъ воззваніемъ, съ которымъ сэръ Мозесъ обратился къ англійскому обществу, пожертвованія стали стекаться со всѣхъ сторонъ, и въ короткое время собрано было 22,000 ф. ст.—слишкомъ 200,000 руб. чѣмъ, разумѣется, оказана была значительная матеріальная и нравственная помощь разореннымъ и гонимымъ христіанамъ Сиріи.

Другое доказательство безпристрастія филантропа Монтефіоре, отсутствія въ немъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ предразсудковъ, безспорно видно въ дѣлаемыхъ имъ ежегодно крупныхъ взносахъ въ кассу шерифскаго фонда, основаннаго для вспоможенія отпускаемымъ, по отбытіи ими срока наказанія, изъ тюремнаго заключенія. Въ кассу ньюгетскаго тюремнаго фонда онъ вноситъ количество фунтовъ стерлинговъ, равное числу его лѣтъ; такъ въ этомъ году онъ внесъ 99 ф. ст. Такихъ фактовъ масса; ихъ не перечесть. Но нельзя не упомянуть при этомъ о томъ, что онъ отличался именно тѣмъ цѣннымъ качествомъ истиннаго благо-

творителя, которое, порою, дороже самого благодѣянія. Известно, что во многихъ отношеніяхъ умѣнье оказывать помощь важнѣе, чѣмъ сама помощь. Монтефиоре же именно умѣлъ дѣлать это, какъ слѣдуетъ, ибо вѣжливое и искреннее обращеніе его въ подобныхъ случаяхъ вытекали прямо изъ его сердца, а не изъ соображенія ума, въ родѣ честолюбія и т. п. Вообще вѣжливость составляла одну изъ главныхъ чертъ его богато одаренной природы. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова—джентельменъ. Онъ, напримѣръ, проѣзжая изъ Рамсгета въ Лондонъ, или обратно, по дорогѣ, гдѣ онъ имѣетъ свой собственный куле всегда имѣлъ привычку предлагать вакантныя мѣста совершенно чужимъ личностямъ, когда замѣчалъ, что кто либо изъ нихъ испытываетъ неудобство вслѣдствіе тѣсноты; часто онъ, по пріѣздѣ въ Лондонъ. въ этотъ громаднѣйшій и нерѣдко опаснѣйшій для незнающихъ его лабиринта, предлагалъ свою карету къ услугамъ таковыхъ, а самъ, или пѣшкомъ или въ наемной каретѣ отправлялся къ мѣсту своего назначенія. Такія и имъ подобныя мелкія одолженія, оказываемыя ближнимъ, какъ они незначительны сами по себѣ, говорятъ въ пользу совершающей ихъ личности гораздо больше, чѣмъ громкія крупныя услуги, гдѣ нельзя сказать, чего не вѣдаетъ лѣвая рука, что творить правая, и въ обыденной жизни первыя очень часто стоятъ больше, чѣмъ послѣднія. Такая, такъ сказать, частная доброта весьма цѣнима въ человѣкѣ. Можно бы было рассказать цѣлое множество этого рода анекдотовъ изъ жизни Монтефиоре. Такъ разъ онъ получилъ письмо отъ совершенно ему незнакомаго лица, извѣщавшаго известнаго филантропа объ отчаянномъ рѣшеніи наложить на себя руку и просившаго его позаботиться о несчастной его семьѣ, и когда узналъ, что человѣкъ въ отчаяніи дѣйствительно привелъ въ исполненіе страшное рѣшеніе о самоубійствѣ — его на слѣдующій день утромъ нашли мертвымъ въ окрестностяхъ замка «East-Cliff'a» — тотчасъ постарался отыскать осиротѣвшее семейство, взялъ его подъ свое попеченіе и вскорѣ пристроилъ всѣхъ членовъ его: вдовѣ и малолѣтнимъ дѣтямъ назначилъ пенсію, а для старшаго сына купилъ право, какъ это практикуется въ Англіи, на постоянное мѣсто при одномъ изъ богоугодныхъ заведеній. Другой разъ,

напримѣръ, онъ, въ время своихъ путешествій, встрѣтилъ поражающаго его своимъ долготѣіемъ человѣка—и этого достаточно было, чтобы возбудить въ его добромъ сердцѣ не пустое любопытство, а искреннее желаніе узнать, обезпечено ли положеніе старца, лишеннаго, вслѣдствіе старости, возможности зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. И когда узналъ, что видитъ передъ собою бѣдняка безъ крова, то распорядился объ обезпеченіи хотя лишь кратковременной его будущности. Что онъ въ этихъ частныхъ случаяхъ благотворительности, какъ и въ общественныхъ не справлялся ни о расѣ, ни о политическомъ міровозрѣніи нуждающихся и говорить нечего. Если жъ все-таки львиная доля обильной жатвы на необозримыхъ поляхъ благотворныхъ посѣвовъ филантропа-Мозеса досталась, какъ уже замѣчено выше, его соплеменникамъ, то это происходитъ лишь отъ того, что послѣдніе en bloc чаще и болѣе другихъ нуждаются въ покровительствѣ и помощи, что ихъ нужды менѣе отлагательны, да о нихъ и меньше заботятся другіе. И преимуществомъ пользовались поэтому тѣ части этой злополучной націи, которыя въ данное время сильнѣе нуждались въ заступничествѣ, чѣмъ другія.

Вообще дѣло оказыванія услугъ ближнимъ—дѣло очень пріятное для всякаго почти человѣка, но въ натурѣ сэра Мозеса это составляло, какъ видно, необходимость: никакія жертвы, никакія даже лишенія не въ состояніи были остановить его на пути къ благотворительности. А жертвы и даже лишенія его на этомъ поприщѣ, были очень велики. Особенными трудностями и непріятностями полны были предпринимавшіяся имъ многочисленныя поѣздки въ отдаленныя страны, на дальній востокъ. Исключительно изъ благотворительныхъ видовъ онъ совершилъ не менѣе 13-ти путешествій, изъ которыхъ 7 имѣли своей цѣлью посѣщеніе Палестины—столь любимой имъ страны предковъ. Первую половину этихъ странствованій Монтефіоре совершилъ въ то время, когда средства сообщенія находились далеко не въ томъ состояніи, въ какомъ мы видимъ это теперь, благодаря позднѣйшимъ изобрѣтеніямъ науки и искусства и новѣйшимъ примѣненіямъ этихъ открытій на практикѣ. Также слѣдуетъ припомнить, что вто-

рая половина этихъ путешествій предпринята и совершена были имъ въ такомъ возрастѣ, когда люди и помоложе его рѣдко отваживаются на подобный шагъ даже по важнымъ личнымъ надобностямъ. Чтобы показать читателямъ, съ какими трудностями сопряжена была дальняя поѣздка въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нашего столѣтія, какія приходилось преодолевать препятствія и какія, наконецъ, предстояли опасности въ дорогѣ, полагаемъ умѣстнымъ передать здѣсь интересное описаніе условій и обстановки первой поѣздки четы Монтэфiore въ Палестину, находящееся въ путевомъ дневникѣ лэди Юдифъ, супруги сэра Мовеса, которая въ продолженіи своей жизни сопровождала его во всѣхъ его путешествіяхъ. Она рассказываетъ, что они двинулись въ путь въ началѣ мая и прибыли на мѣсто назначенія, въ Іерусалимъ, 18-го октября, значить, почти цѣлое полугодіе имъ пришлось быть въ дорогѣ, и столько же времени продолжалось обратное путешествіе. Они выѣхали изъ Лондона въ собственной дорожной каретѣ; послѣ 12-ти часовъ ѣзды прибыли въ Дувръ, гдѣ карету свою помѣстили на одномъ булонскомъ пароходѣ, а сами въ обществѣ нѣкоторыхъ друзей отправились на почтовыхъ дрогахъ по направленію въ Турнь. Для этого имъ пришлось проѣхать черезъ всю Францію и пробраться черезъ проходъ горы *Senis*. Рѣку По они прошли по мосту, составленному изъ лодокъ. Посѣтивъ мимоходомъ Миланъ и Болонью, наши путешественники успѣли къ 1-му іюня прибыть во Флоренцію, и тутъ мужчины въ первый разъ послѣ выѣзда изъ дому посѣтили въ этотъ день мѣстную синагогу. Здѣсь, гуляя по одной изъ окрестныхъ деревень, расположенныхъ въ чрезвычайно живописной мѣстности, на склонѣ горы Радикофани, Монтэфiore при встрѣчѣ съ мѣстнымъ духовнымъ главой, викаріемъ, далъ ему одинъ ливръ для «самаго старѣйшаго члена въ его приходѣ, для котораго, какъ говорили, небо служило кровомъ, а земля—ложемъ». Отсюда они поѣхали въ Неаполь и, простившись тутъ съ супругами Давидъ Соломонсъ, своими товарищами по дорогѣ, сѣли на италіанскій бригъ въ 176 тоннъ (небольшой корабль о двухъ мачтахъ), чтобы доѣхать до Мессины. Черезъ сицилійскія горы ихъ перенесли на носилкахъ;

затѣмъ они наняли сперанару, открытую сицилійскую лодку, за 50 ливровъ и на ней добрались отъ *Capo Passero* до Мальты. Состоя директоромъ товарищеской фабрики для обработки шелку, находящейся на этомъ островѣ, Монтефіоре рѣшилъ отдохнуть здѣсь нѣсколько дней. По осмотрѣ фабрики онъ устроилъ обѣдъ для всѣхъ рабочихъ въ знакъ своего довѣлья ими и имѣлъ при этомъ случай «видѣть столько радостныхъ лицъ подъ одной крышей, сколько рѣдко приходится видѣть сразу», какъ выражается г-жа Монтефіоре въ своихъ запискахъ; тутъ присутствовало конечно, въ полномъ своемъ составѣ, все мѣстное духовенство. Но вмѣстѣ съ радостями, какъ это обыкновенно встрѣчается въ жизни, наши путешественники столкнулись и съ неприятностями. Медленно, какъ видятъ читатели, подвигались они впередъ по пути къ своей цѣли. Съ отплытіемъ изъ Мальты, къ обыкновеннымъ путевымъ тягостямъ присоединяются еще рѣшительныя опасности отъ пиратовъ да и мѣстныхъ болѣзни, въ родѣ лихорадки и т. п. Такъ случилось, что леди Юдиенъ заболѣла лихорадкой вслѣдъ за веселымъ «обѣдомъ» и авторъ дневника очень обрадовался, узнавъ, что имѣется корабль, на которомъ возможно было продолжать путь прямо до Александріи. Не смотря на лихорадку, она рѣшилась пуститься лучше поскорѣе въ путь, чѣмъ оставаться дольше на оказавшемся не гостепріимнымъ для нея островѣ. На военномъ кораблѣ *Gapne*—они отплыли въ Александрію. Они при этомъ забрали въ свою собственную каюту трехъ грековъ и столько же бѣдныхъ гречанокъ, которыя оказались въ мальтской гавани и мужаья которыхъ заболѣли лихорадкой въ Миссолонги и лежали безпомощными. Насколько въ то время медленно ходили корабли, можно судить по тому, что Монтефіоре были въ восхищеніи, что ихъ корабль дѣлаетъ пять узловъ въ часъ. Въ Александрію они прибыли только 27 августа, будучи вплоть до этого города неотступно преслѣдуемы пиратами. Здѣсь м-ръ Монтефіоре заболѣлъ, правда, очень легко, но эта болѣзнь оставила глубокой по себѣ слѣдъ: съ этихъ поръ сэръ Мозесъ сталъ страдать отъ ревматизма, припадкамъ котораго онъ подвергается всякій разъ, какъ возвращается съ путешествія водою и который тогда завершается извѣстнаго рода нарывомъ

на шефъ, составляющимъ одно изъ обыкновенныхъ явленій въ Египтѣ. Изъ Александріи, они на небольшой египетской лодкѣ, Sangia, направились по Нилу прямо въ Каиръ. Тутъ Мозесъ Монтефиоре сдѣлалъ одно изъ тѣхъ многихъ знакомствъ, которыя впоследствии получили столь важное значеніе для участи страдающихъ его соплеменниковъ на востокѣ. Мы говоримъ объ интимной его дружбѣ съ Мегеметомъ-Али, который былъ въ то время занятъ устройствомъ различнѣйшихъ, самыхъ обширныхъ мануфактурныхъ и плантаторскихъ предпріятій, отнимавшихъ у него такъ много времени, что онъ, какъ увѣряетъ сэръ Мозесъ, спалъ не болѣе четырехъ часовъ въ сутки, который носился съ еще болѣе грандіозными планами и котораго ожидала въ будущемъ такая блестящая карьера, не взирая на то, что этотъ замѣчательный человекъ только на 45 году своей жизни научился читать и писать. Случайное свиданіе, положившее основаніе никогда съ тѣхъ поръ не прекратившемуся чувству взаимнаго уваженія между этими двумя замѣчательными личностями, не продолжалось долго. Мозесъ Монтефиоре, не смотря ни на усталость, ни даже на предстоявшія опасности, спѣшилъ въ Іерусалимъ. Предостереженія и просьбы м-ра Солъта, тогдашняго великобританскаго консула въ Александріи, всѣми силами старавшагося отклонить чету Монтефиоре отъ ея намѣренія ѣхать въ Палестину при условіяхъ, которыя легко могли сдѣлаться роковыми для путешественниковъ, не въ состояніи были поколебать рѣшимость послѣднихъ. Ничѣмъ неустрашимые путешественники, не взирая обыкновенную въ то время опасность—сдѣлаться плѣнниками и быть проданными, какъ невольники, при появленіи въ качествѣ европейцевъ на турецкую территорію, сѣли на корабль, который довезъ ихъ до Яффы; а отсюда, какъ уже упомянули выше, они 18 октября прибыли въ древнюю столицу іудейскаго народа — въ этотъ «падшій, опустошенный, мрачный городъ», какъ описываетъ его леди Монтефиоре, Тутъ то они думали найти нужный отдыхъ.

На дѣлѣ оказалось не то.

Здѣсь собственно, въ виду печальныхъ развалинъ, среди многочисленныхъ остатковъ прошлаго величія и, что еще важнѣе, минувшей самостоятельности израильскаго народа, тутъ,

въ разбитомъ сердцѣ избраннаго нѣкогда для лучшей доли народа Израиля—и начались настоящія страданія Монтефіоре, страданія, правда, не физическія... Но кто не знаетъ, что нравственныя страданія для извѣстныхъ натуръ гораздо сильнѣе, чѣмъ тѣлесныя! Чета Монтефіоре, принадлежа къ этой именно породѣ людей, не отличалась однако тѣмъ всеразслабляющимъ сантиментализмомъ, при которомъ стоны, слезы и жалобныя словоизверженія замѣняютъ дѣло, разрушаютъ энергію. Наоборотъ, предпринявъ эту первую свою поѣздку на дальній востокъ, въ этотъ центръ первичной цивилизаціи человѣческаго рода, въ этотъ начальный источникъ современной культуры и человѣческаго прогресса, куда такъ сильно что-то влечетъ многихъ людей нашей среды, предпринявъ ее главнымъ образомъ съ цѣлью пилигрима, Монтефіоре, лично встрѣтившись съ страдальческой участью своего народа, рѣшился съ того момента посвятить не только досугъ свой, какъ это было до сихъ поръ, а все свое время—исключительно служенію высшему для человѣка идеалу, дѣлу улучшенія доли униженныхъ и оскорбленныхъ, гонимыхъ и преслѣдуемыхъ. Можно съ увѣренностью сказать, что столкнусь сѣрь Мозесъ подобнымъ же случайнымъ образомъ съ народомъ не его вѣроисповѣданія, его рѣшеніе было бы такое же, какъ въ данномъ случаѣ, если бы народъ этотъ находился въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ онъ увидѣлъ свой собственный. Это видно изъ его глубокаго сочувствія къ христіанамъ въ Сиріи и вообще ко всѣмъ угнетеннымъ, какой бы націи и вѣры они ни были.

Этому своему твердому рѣшенію—насколько для человѣка возможно помочь долѣ несчастныхъ своихъ братьевъ—не измѣнилъ онъ ничѣмъ и понынѣ, не измѣнила этому и во всемъ вѣрная ему супруга, до конца своей, конечно, не достаточно долготѣйшей жизни: такіе люди всегда слишкомъ рано умираютъ.

Всѣ предпринимавшіяся ими съ этихъ поръ дальнія путешествія не имѣли иной цѣли, какъ помощь евреямъ. Мы тутъ поэтому опишемъ всѣ эти путешествія и цѣли, съ какими они были предприняты, и сдѣлаемъ это въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ они были совершены Мозесомъ Монтефіоре

совмѣстно съ супругой, пока она жила, и имъ однимъ послѣ ея смерти.

Но познакоимъ прежде читателей съ тѣмъ, что представили глазамъ путешественниковъ нашихъ запущенная столица падшаго царства евреевъ и положеніе въ немъ потомковъ вѣкогда самостоятельнаго народа. Все—и городъ и жители имѣли жалкій видъ обветшалаго храма и его жрецовъ. Всюду царствовала нищета, вездѣ грязь составляла преобладающій элементъ. Нравственное состояніе людей и вещей находилось въ еще большемъ запущеніи. Къ ужасной нищетѣ евреевъ присоединялись еще болѣе страшныя притѣсненія нравственнаго характера. Разказы, слышанные четою Монтефиоре, о безконечныхъ преслѣдованіяхъ и мученіяхъ, какимъ ежедневно, ежеминутно подвергались тамъ сыны Израиля, способны были возбудить чувства самаго горькаго возмущенія и въ натурахъ болѣе черствыхъ, чѣмъ тѣ, какими одарены были Монтефиоре. Каждый предметъ необходимости, каждое даже движеніе еврея облагались тогда особой пошлиной: изобрѣтательность, казалось, расточала всѣ свои силы на измышленіе новыхъ пытокъ этого рода, которымъ и безъ того не было конца. Такъ напримѣръ обладатель дома, къ которому прилегаеть городская стѣна и именно та часть, что называется «мѣстомъ плача», взималъ съ бѣднаго еврейскаго общества въ городѣ ихъ предковъ цѣлыхъ 300 ф. ст. за мизерную привилегію помолиться, поплакать у оставшагося слѣда ихъ прежняго великолѣпнаго храма, у мѣста, свидѣтельствующаго, что и они, евреи, были когда-то могущественны, самостоятельны... горькія, горькія воспоминанія прошлаго, когда настоящее такъ неутѣшительно!

Всѣ эти и имъ подобныя тягости обязанъ былъ переносить, какъ это впрочемъ обыкновенно бываетъ, людъ бѣдный, какимъ было все еврейское туземное населеніе. Самъ Моисей Монтефиоре удостоился даже очень радушнаго приѣма со стороны властей. Особенно любезенъ былъ губернаторъ — намѣстникъ Іерусалима, очень гостепріимно встрѣтившій чету Монтефиоре. Кстати замѣтимъ, что, какъ сообщилъ губернаторъ г-жѣ Монтефиоре, она была шестой лишь европейкой изъ обладавшихъ достаточной отвагой, чтобы посѣтить эту страну за истекшіе

27 лѣтъ этого столѣтія. И нужно было дѣйствительно много личной смѣлости, чтобы рѣшиться въ тѣ дни на такой шагъ. Въ то время не существовало еще извѣстной теперь всему міру фирмы «Кузь», подъ эгидой которой нынѣ ежегодно направляются громадныя партіи туристовъ во всѣ уголки земнаго шара. Монтефіоре также отговаривалъ свою жену какъ отъ этой, такъ и отъ послѣдующихъ дальнихъ поѣздокъ, но напрасно: вѣрная подруга его жизни хотѣла быть неразлучной спутницей его вездѣ и всегда.

На этотъ разъ они однако не долго оставались въ Іерусалимѣ. Оно и не было необходимо: горе ихъ угнетенныхъ и обиженныхъ соплеменниковъ было слишкомъ велико, чтобы нуждаться въ дальнѣйшемъ пребываніи ихъ для изученія всѣхъ его сторонъ. Пробывъ въ стѣнахъ священнаго града одну субботу, они, при напутствіяхъ и искреннѣйшихъ пожеланіяхъ тѣхъ многихъ, которымъ они успѣли оказать помощь даже въ такое короткое время, оставили этотъ мрачный городъ 21 октября. Масса народа сопровождала ихъ до городскихъ воротъ, а по ихъ отъѣздѣ всѣ равнины, числомъ 17, провели всю ночь въ главной синагогѣ Іерусалима въ горячихъ молитвахъ о благоденствіи облагодѣтельствовавшихъ ихъ паству супруговъ Монтефіоре. По дорогѣ на обратномъ пути домой, чета эта, какъ и ѣдучи сюда, не упускала случая помочь несчастнымъ, кто бы они ни были. Такъ, когда они вернулись въ Александрію, до ушей ихъ доносились раздирательные вопли несчастныхъ женщинъ, оплакивавшихъ на улицахъ этого города пораженіе при Наваринѣ и потерю своихъ мужей, а вмѣстѣ съ тѣмъ—единственныхъ своихъ кормильцевъ. Узнавъ причину, Монтефіоре поспѣшили облегчить горькую участь этихъ вдовъ по силѣ возможности. Дѣло было еще въ томъ, что капитанъ одного египетскаго судна, боясь за что-то строгой кары, рѣшился взорвать свой корабль, находившійся уже въ гавани. и погибъ вмѣстѣ со всѣми матросами въ виду цѣлой толпы народа, которая собралась на берегу моря въ ожиданіи встрѣтить своихъ дорогихъ родныхъ, возвращенныхъ съ поля брани и среди которой находились вышедшія на встрѣчу жены такъ неожиданно погибшихъ на взорванномъ кораблѣ матросовъ.

Изъ Александріи они опять отправились въ Мальту; тутъ они встрѣтили стараго своего друга, адмирала Кодрингтона, и отсюда въ шесть дней доставлены были на возившемъ королевскую почту корабль *Masliff* обратно въ Мессину, затѣмъ въ Неаполь, откуда тѣмъ же способомъ, какимъ прежде пробрались сюда изъ Англии, вернулись домой. Обратное путешествіе четы Монтефиоре оказалось однако значительно болѣе благоприятнымъ.

По возвращеніи своемъ на родину сэръ Мозесъ, хотя и не сразу, прервалъ всякія сношенія съ торговымъ міромъ—участіе его въ торговопромышленныхъ предпріятіяхъ становилось все болѣе и болѣе пассивнымъ; оно ограничивалось ролью, какъ называется въ Англии, «спящаго компаньона»,—но замѣтно сталъ постепенно удаляться отъ участія даже въ общественныхъ дѣлахъ, коль скоро эти послѣднія не имѣли тѣсной связи съ филантропіей, которая съ этихъ поръ, казалось, получила въ немъ значеніе призванія. Жажда одной этой отрасли человѣческой дѣятельности, овладѣвшая всѣми его помыслами и чувствами, становилась неутолимой. Всякое движеніе его возвышенной души направляемо было отнынѣ исключительно въ тѣ стороны человѣческой жизни, которыя требовали немедленнаго исправленія, и его собственная жизнь сдѣлалась тогда цѣлью, на которой дальнѣйшее примѣненіе имъ принциповъ человѣколюбія нанизывало одинъ за другимъ цѣлые ряды прекрасныхъ дѣлъ, переплетенныхъ между собою очень героическими, порою, поступками. При этомъ онъ вездѣ, всегда и во всемъ неотступно слѣдовалъ вѣрному правилу: «*If you wish a thing done—go, if not—send*», т. е, «если желаешь видѣть дѣло совершеннымъ, пойди самъ на работу; если нѣтъ — пошли другого». И ему удалось сдѣлать многое.

Л. Г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ТАЛМУДА.

„Скажи, незнакомецъ, чей голосъ дрожалъ
„Въ развалинѣхъ близъ Іордана?
„Не плачь ли отца надъ дѣтьми я слыхалъ?
„Иль грустные звуки тимпана?
„Иль, можетъ быть, шумъ іорданской струи,
„Какъ плачь, возбудили вдругъ чувства мои?“

Нѣтъ, старецъ, пустынна развалина та;
Тамъ струны, дрожа, не звучали,
Тамъ слышится скорбь, какъ молитва чиста
И глубже тяжелой печали;
То голосъ всеильный ты, старецъ, слыхалъ—
То стонъ безконечный изъ неба звучалъ.

И если съ горячей молитвой въ устахъ

Промолвить кто, благославляя:

אמן יהא שמיה רבא מברך
לעלם ולעלמי עלמיה:

Богъ плачетъ, какъ старецъ—изгнавшій дѣтей,
Найдя ихъ тѣла средъ жгучихъ стеней.

В. Жуковскій.

ТЕОРІЯ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА *.

Мысль объ эмансипациі евреевъ и о предоставленіи имъ тѣхъ же правъ въ государствѣ, какъ и прочимъ гражданамъ, — это мысль, принадлежащая лишь самоновѣйшему времени. Но тѣмъ не менѣе она, сама по себѣ, настолько справедлива, что менѣе чѣмъ въ столѣтіе и не смотря на застарѣлыя предразсудки, она приобрѣла право гражданства во всѣхъ умахъ, единственно въ силу того, что она — истина. Принципъ примѣненія равноправности къ евреямъ явился свѣтлымъ лучемъ въ темномъ царствѣ прежняго, бессмысленнаго законодательства о евреяхъ, и сразу же получилъ достовѣрность и очевидность аксіомы.

Поэтому было бы совершенно излишнимъ останавливаться на доказательствѣ очевидности этой аксіомы. Прежде этотъ вопросъ могъ еще подлежать обсужденію, нынѣ — онъ уже рѣшенъ. Дѣйствительно трудно было бы найти разумные доводы, которые могли бы оправдать примѣненіе исключительныхъ законовъ къ части гражданъ вообще, и къ евреямъ — въ частности. Принципъ всеобщаго братства людей, равноправности всѣхъ передъ закономъ — сдѣлался основой новѣйшаго государственнаго строя. Въ этогo принципа можетъ быть мѣсто только для произвола и несправедливости, а государство, не зиждящееся на справедливости, даже трудно и представить себѣ.

Слово „эмансипація“, получившее какъ бы право гражданства, собственно не совсѣмъ вѣрно передаетъ то, чего справедливость, чело- ловѣколюбіе, цивилизація требуютъ для евреевъ. „Мнѣ вообще не нра-

* Изъ книги „Reflexion sur les juifs“. Исидора Леба.

вится слово „эмансипація“, — сказалъ Деакъ въ венгерской палатѣ депутатовъ въ 1866 году; — мнѣ какъ-то становится стыдно, когда его употребляютъ: можно было бы подумать, будто евреи когда-то были рабами нашими. Евреямъ принадлежатъ такія же права, какъ и всѣмъ остальнымъ гражданамъ, и если мы предоставляемъ имъ таковыя, то мы повинемся не чувству симпатіи или антипатіи, а единственно лишь чувству справедливости“*.

„Если мы будемъ продолжать отказывать евреямъ въ человѣческихъ правахъ, — сказалъ Вольфгангъ Менцель, — то мы заслуживали бы того, чтобы на всегда лишиться нашихъ“**.

Да и дѣйствительно, какія можно было бы привести въ цивилизованномъ государствѣ мотивы для оправданія исключительныхъ законовъ относительно евреевъ?

Мотивы религіознаго свойства? Вѣроисповѣданіе, къ сожалѣнію, играетъ еще большую роль въ предубѣжденіи противъ евреевъ и въ нерасположеніи къ нимъ, замѣчаемыхъ еще въ нѣкоторыхъ странахъ Европы; оно въ состояніи даже оказать своего рода вліяніе на отношенія государственныхъ людей къ еврейскому вопросу; но нынѣ никто уже не осмѣлится сослаться на него для оправданія неравноправности евреевъ. Нынче врядъ-ли найдется правительство, которое рѣшилось бы преслѣдовать и притѣснять евреевъ изъ-за мотивовъ, бывшихъ въ ходу въ средніе вѣка, въ родѣ того, на примѣръ, что преступленія евреевъ, какъ народа, несмыслаемы, что Богъ желаетъ униженія ихъ, что это униженіе должно служить вѣчнымъ свидѣтельствомъ ихъ заблужденій и торжества христіанства. Мотивы эти, казавшіеся вполнѣ убѣдительными въ прежнія времена и которые совершенно серьезно приводились въ англійскомъ парламентѣ даже еще въ первую половину насто ящаго

* *Wertheimer*. „Jahrbuch für Israeliten“, 5627, Вѣна, 1867 г., стр. XIII.

** *Literaturblatt*. 1833, № 120. — Энциклопедія Эрша и Грубера, статья „Judenemancipation“, стр. 257, прим. 24.

столѣтія, нынѣ лишились уже всякаго кредита. Теологія окончательно изгнана изъ области политики*.

„Европейская цивилизація за послѣднее время“, — говоритъ Блуэнчи**, — „мало по малу освободилась отъ узъ, связывавшихъ права съ извѣстной религіей. Для современныхъ народовъ стало очевиднымъ, что религія — вопросъ внутренняго убѣжденія, которое не можетъ быть подчинено внѣшней силѣ. Они смотрятъ на правовые вопросы, какъ на внѣшнюю организацію, установленную людьми для извѣстныхъ цѣлей, ими же поддерживаемую и терпимую, и которая поэтому, при извѣстныхъ данныхъ, должна быть одинакова для всѣхъ. Вотъ почему новѣйшее право совершенно отрѣшается отъ вопроса о принадлежности такого-то къ такому-то вѣроисповѣданію и признается правомъ общимъ и равнымъ для всѣхъ обитателей извѣстнаго государства“.

Правда, что въ періодъ времени отъ 1820-го до 1850-го годовъ въ Германіи много говорили о какомъ-то „христіанскомъ государствѣ“ и что многіе, признавая необходимость эмансипаціи и равноправности евреевъ, желали въ то же время исключить ихъ изъ области политики, отъ высшихъ административныхъ, полицейскихъ и учебныхъ должностей, на томъ-де основаніи, что германское государство — „государство христіанское по преимуществу“. Но сторонникамъ этого ученія никогда не удалось опредѣлить точнѣе, что они разумѣли подъ этими словами. Интересныя пренія прусскаго сейма 1847-го года, къ которымъ мы еще разъ будемъ имѣть случай возвратиться, ясно доказали противорѣчія и несообразности, заключающіяся въ этихъ словахъ. Тогда сдѣлалось очевиднымъ, — что формула эта пуста и безсодержательна, и съ той поры перестали ее повторять.

Новѣйшее государство имѣетъ задачей разрѣшеніе извѣстнаго числа

* Лицамъ, находящимся еще на теологической точкѣ зрѣнія и которыя желали бы примѣнить эту точку зрѣнія къ области политики, во всякомъ случаѣ не мѣшало бы помнить, что христіанство родилось изъ Іудаизма и что Іисусъ былъ родомъ изъ Іудей.

** *Блуэнчи*. „Der Staat Rumänien und das Rechtsverhältniss der Juden in Rumänien“. Берлянь, 1879, стр. 10.

вопросъ матеріальнаго или духовнаго свойства, не имѣющихъ положительно ничего общаго съ религіей. Послѣдняя представляетъ собою вопросъ безусловно индивидуальный, вопросъ совѣсти, ни мало не касающійся законодателя. — Выраженіе: „правительство по преимуществу христіанское“, — говоритъ Маколей, — „настолько же разумно, какъ напр. кухня по преимуществу протестантская, или верховая ѣзда по преимуществу католическая. Правительство имѣетъ одну только задачу — блюсти за сохраненіемъ общественнаго мира, заставлять насъ разрѣшать наши споры полюбовно, а не съ помощью грубой силы, заставлять насъ удовлетворять наши нужды съ помощью труда, а не съ помощью грабежа. До религіозныхъ же убѣжденій гражданъ ему нѣтъ дѣла“*.

Правда, по отношенію къ евреямъ приводится то возраженіе, что они вездѣ и всегда остаются чужеземцами и что поэтому къ нимъ невозможно относиться, какъ къ туземцамъ.

Возраженіе это можетъ имѣть два смысла: или оно можетъ означать, что евреи принадлежатъ не къ одному племени съ народами, среди которыхъ они живутъ; — или же, оставляя въ сторонѣ вопросъ о племенномъ происхожденіи, какъ совершенно независимый отъ человѣческой воли, — что евреи охотно и добровольно всюду обособляются, образуютъ какъ бы государство въ государствѣ, замкнутую корпорацію, отличающуюся и физическими особенностями (по отношенію къ внѣшнему типу, мускульной силѣ и т. д.), и законодательствомъ, языкомъ, нравами; что наконецъ, они всюду смотрятъ на страну, которую они обитаютъ, лишь какъ на временное отечество, которое они во всякій данный моментъ готовы промѣнять на обѣтованную землю, — эту настоящую ихъ родину, къ которой постоянно обращены всѣ ихъ помыслы.

Первое изъ этихъ возраженій исходитъ изъ той идеи, что въ основѣ всякой національности лежитъ единство племеннаго происхожденія и что евреи, составляя совершенно обособленное племя, не могутъ войти

* Маколей. «Политическіе и философскіе этюды».

въ составъ другой націи. Но взглядъ этотъ не выдерживаетъ критики.

Безъ сомнѣнія, не легко найти точное и ясное опредѣленіе для слова или для понятія „нація“; но тѣмъ не менѣе всѣ ученые согласны между собою въ томъ, что единство націи отнюдь не вытекаетъ изъ единства племеннаго происхожденія. Нація—это извѣстная агломерация людей, связанныхъ тѣми же стремленіями, тѣми же историческими воспоминаніями, тѣми же видами на будущее, и у которыхъ всѣ эти ощущенія связываются съ общностью родины, реальной, а не идеальной, и имѣющей опредѣленное политическое существованіе *. „На основаніи извѣстныхъ теорій“.—говоритъ Топинаръ,—„для опредѣленія національности можетъ служить языкъ; но это этнографическое опредѣленіе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Абель Говелахъ очень удачно выразился, что это лишь „соціальное условіе“. Будучи результатомъ случайности склада историческихъ событій и географическихъ условій, національность зиждется на общности интересовъ, невзгодъ и славы; она скрѣпляется кровью, пролитою за общее дѣло; характеристическимъ признакомъ ея являются сердца, бьющіяся въ униссонъ съ одного конца извѣстной территоріи до другаго“ **.

Какую бы цѣну ни придавать различнымъ этимъ формуламъ, несомнѣнно одно — что племенное происхожденіе не входитъ необходимымъ факторомъ въ понятіе о націи. Есть племена, распадающіяся на нѣсколько отдѣльныхъ націй, какъ напр. славянское племя, а съ другой стороны нѣтъ такой націи, которая не была бы составлена изъ различныхъ племенъ. Не существуетъ ни одной націи совершенно чистаго и одинаго племеннаго происхожденія; въ мірѣ, или по меньшей мѣрѣ въ мірѣ цивилизованномъ, нѣтъ ни одинаго племени безусловно чистой крови ***. „Племена раздробились, разсѣялись, перемѣшались, скрестились

* Срав., напримѣръ, Морисъ Блокъ, „Dictionnaire general de politique“, 2-й т., Парижъ, 1874, стр. 374.

** Топинаръ. «Антропология», 3-е изданіе, Парижъ, 1879, стр. 10.

*** Тамъ же, стр. 458: «Жерди основательно утверждали, что уже не существуетъ чистыхъ расъ».

во всевозможныхъ пропорціяхъ, по всевозможнымъ направленіямъ, въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій. Говорятъ объ англо-германскомъ или о романскомъ, о просто германскомъ и просто англійскомъ, о славянскомъ племени, какъ будто всѣ эти эпитеты заключали въ себѣ что-либо другое, кромѣ политической клички, кромѣ случайной аггломерациі самыхъ разнородныхъ антропологическихъ элементовъ“*.

Даже во времена доисторическія происходило скрещиваніе племень; и эти, уже измѣненные племена, которыхъ застаеъ исторія, продолжали съ тѣхъ поръ скрещиваться и смѣшиваться до безконечности. Всѣ европейскіе народы образовались изъ амальгамы самыхъ разнообразныхъ племень, и наиболѣе способными даже вообще считаются тѣ народы, въ которыхъ слилось наиболѣе различныхъ племень, смѣшивая свойственныя каждому изъ нихъ въ отдѣльности качества или же исправляя, съ помощью интеллектуальнаго и моральнаго скрещиванія, природные недостатки. Такъ напр. французскій народъ состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ расъ: иберійцевъ, лигурійцевъ (аквитанцы, бургундцы), кельтовъ, германцевъ (кимвры, готы, бургундцы, лонгобарды, франки, саксы, норманны), латинянъ, эллиновъ и даже арабовъ**. Италія представляетъ собою амальгаму старинныхъ латинскихъ и греческихъ племень, съ которыми слились въ теченіи времени лигурійцы, кельты, германскія племена (лонгобарды, готы, кимвры, галаты) и арабы †. Въ Испаніи перемѣшались и слились римляне, иберійцы, лигурійцы, кельты, кимвры, галаты, германскія племена (вестъ-готы), арабы и берберійцы*†. Въ Англии мы находимъ иберійцевъ, лигурійцевъ, кельтовъ, кимвровъ и другія германскія племена, галловъ, норманновъ, бретонцевъ, ютовъ, англовъ, саксовъ, датчанъ и т.д.**†.

* Тамъ же, стр. 456.

** Ланьо. «Антропология Франціи», Парижъ, 1859, стр. 572—752. — *Топинаръ*, стр. 457—458.

† Ланьо, Тамъ же, стр. 596, 638, 691.

*† Тамъ же, и *Эли Реклю*: «Всеобщая географія южной Европы», Парижъ, 1876, стр. 650 до 652.

**† Тамъ же; *Эли Реклю*: «Сѣверо-западная Европа», стр. 353 и 354.

Смѣшанность и перепутанность племенъ, обитающихъ Австро-Венгрію, общезвѣстны. Германія въ значительной мѣрѣ населена кельтами, не принадлежащими къ германской расѣ; въ Мекленбургѣ и сѣверной Пруссіи много славянъ и финновъ; вообще нынѣшніе нѣмцы — племя смѣшанное по преимуществу *. „Въ Германіи, — говоритъ Тоцинаръ, — было бы еще труднѣе, чѣмъ во Франціи, найти чистый племенной типъ. Черезъ эту страну шло, съ востока на западъ, переселеніе народовъ, считая въ томъ числѣ и тѣхъ, которые обосновались наконецъ въ сѣверной и средней Франціи. И при этомъ ни доисторическій осадокъ, ни нахлынувшія впоследствии племена, не въ состояніи были слиться въ сколько-нибудь однородный типъ. Если они (нѣмцы) представляютъ собою федерацію народовъ, то они отнюдь не представляютъ антропологическаго племени“ **.

„Венгерцы или мадьяры“ — говоритъ тотъ же авторъ, — перемѣшались съ турками, казарами, болгарами и румынами. Лингвисты причисляютъ ихъ по языку къ финскому племени. Но разрѣзъ глазъ и выдающіяся скулы скорѣе указываютъ на монгольское происхожденіе ***. Въ Россіи, на сѣверѣ, и даже далѣе, въ средней полосѣ, встрѣчаются племена финскія, или по крайней мѣрѣ, смѣшанныя съ финскими; въ другихъ мѣстахъ племена несомнѣнно монгольскаго происхожденія; среди крестьянъ, сохранившихъ чаще первоначальный типъ, встрѣчаются фizioноміи, напоминающія курильскій или манджурскій типы *†. Вообще русскій народъ можно считать составленнымъ изъ славянъ, литовцевъ, германцевъ, монголовъ, финновъ, лопарей, угровъ, татаръ, не говоря уже объ евреяхъ †*, Вообще нѣтъ ни одного европейскаго народа совершенно чистаго племени. Такимъ образомъ возраженіе о пле-

* *Ланс*, Тамъ же, стр. 123.—Эли Реклю «L'Europe centrale», стр. 498.

** *Тоцинаръ*, „Anthropologie“, стр. 470.

*** Тамъ же, стр. 470.

*† Тамъ же, стр. 468, 480, 481, 522.

†* Эли Реклю „Europe scandinavie et russe», стр. 823.—Петермана „Mittheilungen“ т. 23-й, стр. 141—143.

менною различіи евреевъ лишается всякаго смысла и само собою падаетъ.

Этого мало. Ничто не доказываетъ, чтобы евреи, живущіе въ настоящее время въ большинствѣ европейскихъ государствъ, были потомками древнихъ, палестинскихъ евреевъ и исключительно семитическаго племени. Нѣкоторые этнографы обратили уже вниманіе на замѣтную разницу, существующую между извѣстными еврейскими типами, напр. между такъ называемыми испанскими и нѣмецкими евреями. Иные историки утверждаютъ, будто значительное число современныхъ, обитающихъ въ Европѣ, евреевъ суть потомки язычниковъ, перешедшихъ въ еврейскую вѣру въ первые вѣка христіанской эры. Въ особенности относительно многихъ русскихъ и нѣмецкихъ евреевъ можно предположить, что они происходятъ отъ тѣхъ знаменитыхъ хазаръ, племени татарскаго происхожденія, утвердившагося на нижнемъ теченіи Волги и у Каспійскаго побережья около 7-го или 8-го столѣтія, приняли іудейскую вѣру и впоследствии были порабощены Русью. Не настаивая на этомъ предположеніи и не придавая ему слишкомъ большаго значенія, мы скажемъ вмѣстѣ съ Ренаномъ: „Это племя (еврейское), въ которомъ многіе видятъ идеалъ племенной чистоты и обособленности, сохранившихся въ теченіе столѣтій благодаря запрещенію смѣшанныхъ браковъ, было однакоже сильно проникнуто посторонними примѣсями, подобными тѣмъ, которыя встрѣчаются и въ другихъ племенахъ. Значительныя массы людей не-еврейскаго происхожденія приняли іудаизмъ, такъ что значеніе этого послѣдняго слова въ этнографическомъ смыслѣ сдѣлалась очень сомнительнымъ“ *.

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый говоритъ: ** „Въ Галліи, безъ всякаго сомнѣнія, были еврей-переселенцы (семитическаго племени); но тамъ же было и множество людей, перешедшихъ въ іудаизмъ изъ другихъ исповѣданій и предки которыхъ никогда даже и не видѣли Пале-

* Ренанъ „Le judaisme comme race et comme religion“. Парижъ, 1883, стр. 24 и слѣд.

** Тамъ же, стр. 22—23.

стины. Вообще недѣзя не пожалѣть о томъ, что у насъ подъ рукою такъ мало данныхъ относительно происхожденія іудаизма во Франціи. Тогда бы, по всей вѣроятности, оказалась, что галльскій еврей эпохи Гантрана или Хильпериха въ большинствѣ случаевъ былъ никто иной, какъ чистокровный галль, исповѣдывавшій іудейскую вѣру. Но существуетъ историческій фактъ болѣе важный, болѣе близкій къ нашей эпохѣ и имѣющій, повидимому, серьезное историческое значеніе: мы разумѣемъ обращеніе хазаровъ. Развѣ еврей палестинскаго происхожденія могъ бы когда-нибудь назваться, напримѣръ, Тохтамышемъ (какъ называются евреи на іудейскихъ надписяхъ въ Крыму), вмѣсто того, чтобъ называться Авраамомъ, Леви или Іаковомъ? Очевидно—нѣтъ; очевидно, что этотъ Тохтамышъ былъ татаринъ или ногаецъ, перешедшій самъ или родившійся отъ перешедшаго въ іудейскую вѣру отца. Это обращеніе въ іудейство цѣлаго Хазарскаго царства имѣетъ важное значеніе для рѣшенія вопроса о происхожденіи евреевъ, обитающихъ на нижнемъ теченіи Дуная и въ южной Россіи. Въ этихъ мѣстностяхъ населеніе въ значительной мѣрѣ принадлежитъ къ іудейской религіи, а между тѣмъ въ этнографическомъ отношеніи въ немъ не найдется ничего или почти ничего еврейскаго“ *.

Можно было бы подняться еще выше для разрѣшенія вопроса о скрещиваніи еврейскихъ племенъ съ не-еврейскими. Язычники, обращенные когда-то въ іудаизмъ въ Сиріи, въ Пальмирѣ, въ Адиабелѣ, безъ сомнѣнія далеко не всѣ были семитическаго происхожденія. Римскіе и александрійскіе іудеи, болѣе многочисленныя, чѣмъ то обыкновенно полагаютъ, конечно вовсе не были такого происхожденія. Извѣстно, что, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанской эры въ Римѣ, да вѣроятно и въ другихъ мѣстностяхъ римской имперіи, производи-

---

* О хазарахъ-евреяхъ ср. *d'Hosson*: „Les peuples de Caucase“ (Парижъ 1828); *Вильемъ-де-Сенъ-Мартенъ* „Les Khazars“ (Парижъ, 1851); *Гаркави*: „Мнѣнія еврейскихъ писателей относительно хазаровъ. Петербургъ, 1874.—Его же статья въ „Russische Revue“, за 1876 г.—*П. Кассель* „Der Chazarische Königsbrief“, Берлинъ, 1877.

лась довольно дѣятельная еврейская пропаганда *. „Почти во всѣхъ странахъ извѣстнаго въ ту эпоху міра весьма *значительное число душъ* приблизилось къ іудаизму, и движеніе это мало по малу приняло необыкновенное развитіе. Давно уже—говоритъ Флавій,—многія лица сильно заинтересовались нашей (евреевъ) религіей, и нѣтъ ни одного города, какъ въ Эладѣ, такъ и въ странахъ варваровъ, нѣтъ ни одного народа, у котораго не вошло бы въ обычай празднованіе седьмага дня недѣли, какъ дня отдыха, у котораго не приняты были бы зажига-ніе свѣчей, соблюденіе поста и нѣкоторыя изъ нашихъ постановленій относительно яствъ. Они стараются также подражать существующему между нами согласію и нашему усердію къ ручному труду“ **... Итакъ вотъ уже въ нынѣшнихъ европейскихъ странахъ, начиная съ самыхъ древнихъ временъ, значительное число евреевъ не іудейскаго происхожденія!

Доказано, что среди проживающихъ въ Европѣ евреевъ замѣчаются два различные типа, указывающіе, безъ сомнѣнія, на различіе происхожденія: типъ испанскихъ и типъ нѣмецкихъ евреевъ. Среди персидскихъ евреевъ также наблюдаются два, не схожихъ между собою, типа, равнымъ образомъ указывающіе на различіе происхожденій***. Ни феллахи Эіюпіи—несомнѣнные іудеи, ни בני-Израили Остъ-Индіи, ни кочевыя еврейскія племена, разсѣянные на границѣ Борберійскихъ владѣній и Сахары, къ югу отъ Алжира, не происходятъ отъ семитической крови †*.

* Ср. Ренанъ «Исторія возникновенія христіанства, т V, стр. 227 и слѣд., 228 и слѣд.

** *Кюенигъ*, «Judaisme et Christianisme», въ „Revue des histories des religions“, 4 ч. т. VII, № 2. (Парижъ, 1883) стр. 208 и 209.

*** *Polack* «Persien», Лейпцигъ. 1865, I, стр. слѣд.

†* О феллахкахъ—ср. преимущественно *Филоксена Луццато* „Объ абиссинскихъ евреяхъ“ въ „Archives Israél“ за 1851 и 1854 гг.—*Ж. Галлеи* «Путешествіе по Абиссиніи», въ Сборникѣ „Общества Европейской Литературы“, серія II, т. II, Лондонъ, 1877—О בני-Израэлъ ср. Бенжаменъ „Cinq années de voyage en Orient“, Парижъ 1856. „Archives Israélites“, 1855, стр. 273—275.—О евреяхъ-земледѣльцахъ въ африканской пустынѣ см. „Univers Israélite“, II, 503.

Всюду іудейская кровь смѣшалась съ арійскою или какою-нибудь иною и значительно измѣнилась.

Возвращаясь къ нашимъ, западнымъ, странамъ, нельзя не обратить вниманія на то, что значительное количество арійской крови смѣшалось въ нихъ съ кровью еврейскою, въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, благодаря бракамъ между евреями и христіанами и обращенію въ іудейство невольниковъ. Извѣстно, что въ средніе вѣка процвѣтала торговля невольниками и что ею занимались столько же евреи, сколько и христіане. Одною изъ постоянныхъ заботъ соборовъ и папъ было то, чтобы невольники, находившіеся въ рукахъ евреевъ, не были обращаемы ими въ іудейство*; изъ этого очевидно, что обращенія подобнаго рода были многочисленны. Браки между евреями и христіанками, и наоборотъ, также были многочисленны, какъ то видно изъ соборныхъ постановленій**. Такимъ образомъ не было ни одного европейскаго народа, въ который не влилась бы еврейская кровь, иногда въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Кто можетъ опредѣлить, сколько евреевъ крестилось въ Германіи во время преслѣдованій, сопровождавшихъ первые крестовые походы, во время ужасныхъ сценъ, сопровождавшихъ моровую язву и въ сотнѣ другихъ случаевъ, когда евреямъ приходилось выбирать между крещеніемъ и смертью? Въ Испаніи вестъ-готскіе короли первыхъ вѣковъ, гонители евреевъ 1391 года и наконецъ инквизиція стремились къ тому, чтобы обращать евреевъ огнемъ и мечемъ. Ев-

* Ср. напр. постановленія соборовъ: въ Эльвирѣ (305 г.), въ Лоудикѣ (397 г.), въ Халькедонѣ (451 г.), въ Агдѣ (506 г.) Квернскаго (535), Реймсскаго (630 г.); буллу папы Григорія IX отъ 5-го марта 1233 г. Сравни также Барониусъ (т. XXI, стр. 91, годъ 1233). О переходѣ христіанъ въ іудейскую религію вообще ср. напр. постановленія Буржскаго собора 1276 г. (Барониусъ, т. XI, стр. 1026), буллу папы Николая IV, отъ 5-го сентября 1288 г. и очень любопытное посланіе того же папы къ епископамъ Арльскому, Эсскому и др. 1290 г. (Барониусъ, т. XXIII, стр. 92).

** Напримѣръ Толедскій соборъ 589 года (Labbe, т. V, стр. 1012), Толедскій же соборъ 633 года (тамъ же). Кодексъ Феодосія, въ главѣ „О іудеяхъ“, въ параграфѣ „Ne quis“, уже содержитъ въ себѣ запрещеніе относительно браковъ между евреями и христіанами. (Ср. Собраніе буллъ Бенедикта XIV, т. III, стр. 4).

рейская кровь обильно течетъ въ жилахъ испанскаго народа, и это фактъ до того общеизвѣстный, что одинъ кардиналъ составилъ списокъ испанскихъ дворянскихъ фамилій *, въ которомъ онъ доказывалъ, что самыя знатныя испанскія семейства—еврейскаго происхожденія. Такимъ образомъ оказывается, что еврейская кровь всячески смѣшивалась съ кровью другихъ племенъ; она то воспринимала въ себя, то разносила въ чужія жилы значительное количество чуждыхъ элементовъ. Нѣмецъ, нападающій нынѣ на еврея подъ тѣмъ предлогомъ, что они—люди различныхъ племенъ, ошибается вдвойнѣ: Во первыхъ, еврей, быть можетъ, происходитъ отъ арійца или отъ фѣна, перешедшаго въ иудейство; а противникъ его можетъ происходить отъ какаго-нибудь средневѣковаго еврея, жертвы тогдашняго атнисемитизма, и ничто не доказываетъ того, чтобы тотъ самый еврей, котораго онъ преслѣдуетъ своей ненавистью, не былъ ему родствененъ по крови и по происхожденію.

Да и въ чемъ же, наконецъ, заключается существенная разница между еврейскими племенемъ и арійскими племенами? Всѣ согласны съ тѣмъ, что еврейское или семитическое племя вообще близко подходитъ къ европейскимъ типамъ*. Тщетно старались иные научно описать еврейскій типъ,—это не удалось имъ***. Ренанъ отлично объяснилъ, почему у еврея изъ гетто встрѣчается совершенно особая фізіономія: это является результатомъ цѣлыхъ вѣковъ гоненій. Но послѣ эмансипаціи евреевъ эти характерныя черты фізіономіи начинаютъ исчезать, и ихъ теперь уже невозможно подмѣтить, напримѣръ у большинства французскихъ или итальянскихъ евреевъ. Эта фізіономія является въ естественной исторіи евреевъ чистою случайностью, которая легко исчезаетъ, не

* „El tizon de la nobleza espanola“, кардинала Францеско Мендоза, Барселона 1880.

** *Топпинаръ*, тамъ же, стр. 469.

*** Напримѣръ Топпинару не удалось провести эту характеристику, и онъ ограничивается описаніемъ семитическаго типа, сдѣланнаго Раудисономъ, на основаніи ассирійскихъ памятниковъ, а равно и на основаніи мнимыхъ особенностей еврейскаго характера. *Тамъ же*, стр. 477.

представляя собою типа. Евреи принадлежатъ къ тому же типу бѣлокожихъ, различные виды и разновидности которыхъ населяютъ наши страны. Между французскимъ или нѣмецкимъ евреемъ и французскимъ или нѣмецкимъ христіаниномъ разница, безъ сомнѣнія, гораздо меньше, — если только таковая существуетъ, — чѣмъ между французомъ и нѣмцемъ, нѣмцемъ и славяниномъ. Но еслибъ даже разница эта была и болѣе замѣтна, то изъ этого все же еще не слѣдовало бы, чтобы евреевъ нужно было гнать изъ какой нибудь страны или отказывать имъ въ политическихъ и гражданскихъ правахъ. Всѣ народы составлены изъ самыхъ разнородныхъ племенъ и еврейское племя можетъ найти себѣ среди нихъ законное мѣсто.

Мы коснемся ниже возраженій, основанныхъ на томъ, что евреи стремятся образовать изъ себя обособленную націю, изолированную по своимъ правамъ, своему языку, своимъ влеченіямъ, своему желанію возстановить іудейское царство въ Іерусалимѣ. Намъ не вѣрится въ то, чтобы всѣмъ этимъ увѣреніямъ придавалось какое-либо серьезное значеніе. Они по большей части ложны, частью же они основываются на фактахъ, являющихся результатами вѣковаго преслѣдованія и которые неизбѣжно должны будутъ исчезнуть вмѣстѣ съ народившей ихъ системой гоненій.

„Каждый разъ, — говоритъ Ренанъ, — когда вы помѣстите вмѣстѣ людей какого бы то ни было племени и заставите ихъ жить въ загонѣ и въ отчужденности, вы неизбѣжно достигнете тѣхъ же результатовъ. Положеніе протестантовъ въ такихъ странахъ, гдѣ они составляютъ меньшинство, во многомъ схоже съ положеніемъ евреевъ, такъ какъ протестанты въ теченіе продолжительнаго времени принуждены были жить въ отчужденіи отъ другихъ гражданъ и потому, что многое имъ запрещалось, точно такъ же, какъ и евреямъ. Такимъ образомъ возникаютъ тождества, не имѣющія ничего общаго съ племеннымъ происхожденіемъ, но являющіяся результатомъ извѣстной аналогіи въ положеніи. Клеветы, распускавшіяся въ извѣстныхъ, мало-образованныхъ слояхъ населенія, противъ протестантовъ и евреевъ, были тождествен-

ны. Занятія которыя должны предаваться секты, выключенныя изъ общей жизни, по необходимости являются одинаковыми. Особенная физиономія евреевъ и житейскія привычки ихъ являются скорѣе результатомъ соціальнаго гнета, тяготѣвшаго надъ ними въ теченіе вѣковъ, чѣмъ племеннаго отличія *.

Въ этомъ вопросѣ существуетъ одинъ, въ высшей степени важный, фактъ, а именно формальныя проявленія и заявленія евреевъ и согласныя съ этими заявленіями дѣла ихъ, обнаруживающіяся при всякихъ обстоятельствахъ. Гдѣ бы они ни жили—всюду они проявляютъ патриотизмъ, искренность и глубина котораго признаются всѣми, они относятся къ странѣ, которую они обитаютъ, и къ правителямъ ея съ преданностью, константированной всѣми и стоящей выше всякаго сомнѣнія. Во всѣхъ своихъ оффиціальныхъ или частныхъ заявленіяхъ они признаютъ, что во Франціи—они французы, въ Германіи—нѣмцы, въ Россіи—русскіе. И они доказываютъ это поведеніемъ своимъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время; каждый разъ, когда обитаемая ими страна нуждалась въ ихъ преданности, ихъ всегда находили готовыми жертвовать своей кровью и своимъ достояніемъ. Равнымъ образомъ они открыто заявляютъ о нежеланіи своемъ составлять особую секту, и еще менѣе государство въ государствѣ или народъ въ народѣ. Особня и нѣсколько болѣе тѣсныя узы, соединяющія живущихъ въ одной странѣ евреевъ, или даже евреевъ, живущихъ въ разныхъ странахъ, являются результатомъ внѣшняго гнета, предразсудковъ, устанавливающихъ между ними, даже противъ ихъ собственной воли, взаимную солидарность и дѣлающихъ всѣхъ отвѣтственными за вину отдѣльныхъ личностей, наконецъ необходимою защищаться сообща противъ общаго врага. Исторія послѣднихъ лѣтъ въ этомъ отношеніи особенно поучительна. Германская антисемитическая литература направлена не противъ того или другаго еврея, не противъ той или иной группы евреевъ, а противъ всѣхъ проживающихъ въ Германіи, и даже внѣ Германіи

*ъ, какъ племя“, стр. 26 и 28.

евреевъ. Извѣстное тисса-эсларское дѣло, — это теперь ни для кого не составляетъ уже секрета, — было тараномъ, направленнымъ противъ всего еврейства. Тѣ, которые громче всѣхъ вопятъ противъ дѣйствительной или мнимой солидарности всѣхъ евреевъ земнаго шара, болѣе всѣхъ содѣйствуютъ созданію этой солидарности. Евреи были бы достойны презрѣнія, еслибъ они не боролись общими силами противъ окружающихъ ихъ отовсюду предрасудковъ. Общественное мнѣніе не простило бы имъ, — и оно было бы совершенно право, — еслибъ они отступились отъ своихъ единовѣрцевъ въ мало-образованныхъ странахъ. Ихъ нѣсколько большей сплоченности, чѣмъ какая встрѣчается у другихъ народовъ, приданы были ужасающіе размѣры, сверхъестественная сила. Это союзъ чисто-оборонительный, онъ никому не угрожаетъ, онъ направленъ только противъ враговъ еврейства. То, что они дѣлаютъ другъ для друга — это то же самое, что дѣлаетъ всюду вѣроисповѣдное меньшинство, протестанты во Франціи, православные и армяно-католики въ Турціи. То, что они дѣлаютъ для единовѣрцевъ своихъ на Востоцѣ и въ Африкѣ, — это совершенно тоже самое, что дѣлаютъ европейскіе христіане для восточныхъ христіанъ, съ тою впрочемъ разницею, что за каждымъ турецкимъ райей стоитъ христіанское правительство, признаваемое естественнымъ его защитникомъ и покровителемъ, между тѣмъ какъ райя-еврей можетъ рассчитывать лишь на состраданіе своихъ европейскихъ единовѣрцевъ и на симпатію — иногда, впрочемъ, и не безплодную, дипломатіи. Православная Румынія никогда не осмѣлилась бы обращаться съ католиками такъ, какъ она обращалась съ евреями. Еслибы въ Марокко было, вмѣсто сто тысячъ райевъ-евреевъ, столько же райевъ-христіанъ, европейскія державы уже давно позаботились бы о предоставленіи имъ извѣстныхъ правъ. За отсутствіемъ болѣе дѣйствительной защитѣ, что же остается евреямъ, какъ не самимъ заботиться о своей защитѣ? Среди окружающихъ ихъ ненависти и предрасудковъ, чувство самосохраненія заставляетъ ихъ помогать другъ другу, взаимно поддерживать другъ друга, и внушаетъ имъ то особое чувство симпатіи, которое всегда ощущаешь по отношенію къ товарищу

по несчастію. Когда прекратятся предубѣжденія, отъ которыхъ такъ много приходится страдать евреямъ, эти особы, связывающія ихъ, узы сами собою ослабнуть, ибо они являются результатомъ лишь угнетеннаго ихъ положенія. Теперь же имъ приходится ихъ влечить за собою точно конецъ средневѣковой цѣпи.

Эти узы, сколько извѣстно, однако нимало не мѣшаютъ евреямъ принимать живое участіе во всѣхъ дѣлахъ и въ судьбѣ своихъ согражданъ-христіанъ. Они — истые сыны своей родины. Неужели-же они въ дѣйствительности держатъ себя, какъ люди, готовые хоть сейчасъ же покинуть свое отечество и переселиться въ Іерусалимъ. Не дѣйствуютъ ли они, напротивъ, во всѣхъ житейскихъ случаяхъ, какъ люди, не ожидающіе Мессіи и не имѣющіе ни малѣйшаго желанія покинуть ту страну, въ которой они живутъ? Они строятъ или покупаютъ дома, приобретаютъ земли и угоды тамъ, гдѣ имъ законъ не возбраняетъ того, входятъ въ долгосрочныя сдѣлки, составляютъ планы относительно будущаго своего и дѣтей своихъ, воздвигаютъ синагоги, больницы, основываютъ учрежденія, назначенныя на долговременное существованіе. Словомъ, между дѣйствіями христіанина, вѣрующаго въ то, что Мессія уже явился, и дѣйствіями правовѣрнаго еврея, еще ожидающаго пришествія Мессіи, нѣтъ ни малѣйшей разницы, которая могла бы вызвать внимательство государства. Впрочемъ, нужно замѣтить, что даже и въ нѣкоторыхъ христіанскихъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Англіи, существуютъ секты, равнымъ образомъ ожидающія пришествія Мессіи, и по всей вѣроятности найдется мало вѣрующихъ англичанъ, которые не вѣрили бы въ будущее наступленіе пятаго царства Данила, въ которое евреи не вѣрятъ. И неужели-же вслѣдствіе этой надежды или этого вѣрованія эти англичане могутъ считаться менѣе хорошими и менѣе полезными для государства гражданами, чѣмъ остальные ихъ соотечественники? Возникла-ли когда-либо мысль подчинить ихъ дѣйствію исключительныхъ законовъ? Трудно представить себѣ большую несправедливость, чѣмъ осужденіе или отверженіе цѣлой категоріи людей за то, что они носятъ съ какою-то, хотя бы и мечтою, относительно будуща-

го, въ которое они твердо вѣрятъ и которое ни малѣйшимъ образомъ не отражается на ихъ дѣятельности въ настоящемъ. Вѣра въ Мессію, даже для самыхъ глубоко-вѣрующихъ евреевъ, является лишь вѣрой чисто-теоретической, безъ малѣйшаго признака вѣры въ немедленное или даже близкое осуществленіе этой идеи. Мессіанская эра въ неизвѣстную и безконечно отдаленную эпоху откроется сама собою, причемъ еврей не можетъ, да даже и не долженъ ничего дѣлать для скорѣйшаго наступленія или осуществленія этой эры.

Впрочемъ, для большинства евреевъ Мессіанское ученіе, само по себѣ очень темное, является ученіемъ о Мессіи не какъ объ личности, а какъ объ идеѣ, понятіи, ученіемъ о спасеніи народовъ и людей при помощи всемірнаго братства и милосердія. Это та же идея о золотомъ вѣкѣ, которому древнее язычество давало мѣсто въ начальной эпохѣ по сотвореніи міра, а іудаизмъ, при, несомнѣнно, болѣе правильномъ взглядѣ, — въ отдаленной будущности, во тѣмъ грядущихъ вѣкахъ, въ видѣ самаго высокаго идеала и конечной цѣли усилій человѣчества.

Э. В.

ПѢСНИ ДНЯ.

IV *.

Ликують.

Ликують... Въ часъ, когда измученный народъ,
Какъ стадо въ тьмѣ ночной, почувавъ волчью стаю,
Смыкается, дрожить и нападенья ждеть,
Не зная, что начать, куда бѣжать, не зная;
Когда повсюду тишь, и жутко, и темно,
И нѣту пастыря и псы молчать давно—
Враги Израила поживу вѣрно чуютъ,
И бродятъ около, какъ волки, и ликують.

Ликують въ скорби часъ. Какъ будто-бы они
Не люди-братья намъ, а лишь лѣсные волки!
Пройдись по улицѣ, въ собранье загляни,
Послушай рѣчи ихъ, пойми кривые толки,
Подмѣтъ косою ихъ взглядъ, коль видятъ: ты—еврей,—
И встанетъ хладный страхъ въ больной душѣ твоей,
Уйти ты поспѣшишь, боясь насмѣшки грубой,
Боясь, что впрямъ они и пустятъ въ дѣло зубы...

* См. „Восходъ“ кн. IX.

Несчастные! Чего еще они хотятъ?
 Иль скудно кровь текла, иль тихо слезы лилась,
 Иль насъ не опьянилъ еще страданій ядъ,
 Котораго мы въ власть изъ ихъ же рукъ напились?
 Смотрите: мы безъ силъ простертые лежимъ,
 Мы грязью облиты, растерянно глядимъ,
 Ужъ голосъ нашъ дрожитъ, движенія невѣрны...
 Внимайте: смѣхъ кругомъ, хулы, потоки северны...

Довольно!.. Мало имъ—пощаду и любовь
 Къ позорному столбу безстыдно пригвоздивши,
 Клевещуть, лгутъ враги и строятъ козни вновь,
 Насмѣшкою слова, какъ стрѣлы, отравивши.
 И это—стыдъ и смѣхъ—носители креста,
 Народолюбцевъ рать, и мстителей Христа!
 О, божій громъ на васъ! Какъ можетъ небо видѣть,
 Чтобъ уставъ его могъ смертный такъ обидѣть!

О, Божій громъ на васъ, позоръ земли родной!
 Вы, овцы мудростью и кротостию зми,
 Вы мните-ли увлечь и правду за собой,
 Вы смѣете вѣцать отъ имени Россіи?..
 О, знайте: правды духъ стряхнетъ обмановъ сѣтъ,
 Чтобъ васъ въ нее словить, чтобъ васъ съ земли стереть!
 О, знайте-же, въ ряды великаго народа
 Введутъ насъ нѣкогда познавше и свобода!

Ликуйте вы пока! Измученный народъ,
 Какъ стадо въ ночи часъ, почувавъ волчью стаю,
 Смущается, дрожить и нападенья ждетъ,
 Не зная, что начать, куда бѣжать не зная...

Что вамъ до этого? Ликуйте: вѣдь темно,
 Нѣтъ пастыря, а псамъ молчать вѣдь внушено!
 Но, волки, помните: вослѣдъ за мракомъ ночи
 Не быть не можетъ дня: онъ ослѣпитъ вамъ очи!

V.

Звѣзды земныя.

Часто въ бурную ночь по простору небесъ
 Вѣтеръ тучи осеннія гонить,
 И трепещеть, и гнется безлиственный лѣсъ,
 И шумить, и бушуетъ, и стонетъ;
 И ломаются вѣтви, и съ тонкихъ вершинъ
 Прочь срываются старыя гнѣзда,
 А сквозь просвѣты тучъ, изъ бездонныхъ глубинъ,
 Смотрятъ внизъ безмятежныя звѣзды.
 Что для нихъ, созерцающихъ бездны временъ,
 Этотъ ропотъ, и гибель, и горе?
 Мимолетна, какъ мысль, и безслѣдна, какъ сонъ,
 Канетъ ночь эта въ вѣчности моря.

Я небесныхъ свѣтилъ обожаю покой
 Даже въ бурь разрушительныхъ время;
 Но снѣжно мнѣ и жалко въ нашъ вѣкъ рововой
 „Звѣздъ земныхъ“ безмятежное племя.
 Презираю я сытыхъ и знатныхъ господъ,
 Что взираютъ на горе народа
 Со своихъ вѣчно ясныхъ, покойныхъ высотъ,
 Не мѣняя обычнаго хода,—
 Этихъ мудрыхъ господъ, что въ чертогахъ живутъ,

Проповѣдуя нищимъ смиренье,
Этихъ „звѣздъ“, что, когда намъ улыбкой блеснутъ,
Ожидаютъ уже поклоненья...

О, мой братъ, мой гонимый, страдающій братъ,
Пусть и сорваны старья гнѣзда,
Пусть, какъ вихри, ликують враги и шипять—
Не молись на „земныя“ ты „звѣзды“!
Да, небесныхъ свѣтилъ чуденъ кроткій покой!
Въ часъ неистовствъ губительной бури,
Вѣчной жизни міровъ, дивной тайны святой,
Служать знаменьемъ звѣзды лазури;
Но „свѣтила земли“. О, ни взгляда на нихъ—
Иль опустишь въ отчаянны руки!
Знакъ безсилья и смерти—спокойствіе ихъ
Лишь удвоить терзанья и муки.

М. Абрамовичъ.

ГАЗЕТЧИКУ.

Полно, газетчикъ-чудакъ!
Разницы съ жидомъ въ васъ нѣту.
Жидъ отгрываетъ кабакъ,
Ты отгрываешь газету.

Жидъ отравляетъ виномъ,
Съ клятвами ты увѣряешь,
Самъ же газетнымъ враньемъ
По-просту міръ развращаешь.

Жидъ—лишь кабатчикъ-булакъ,
Ты-жъ развратитель собрата.
Что-же намъ лучше—кабакъ,
Или клоака разврата?

Х.

ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА.

АНГЛІЙСКІЕ МИССІОНЕРЫ. *

II.

Изъ всѣхъ англійскихъ миссіонерскихъ обществъ для евреевъ самое важное и богатое это, безспорно, «London Society for promoting christianity amongst the Jews» (Лондонское общество для распространенія христіанства среди евреевъ). Я о немъ поэтому прежде всего и обстоятельно поговорю, и, насколько это только возможно, безпристрастно.

Оно было основано 15-го февраля 1809 г., черезъ пять лѣтъ послѣ основанія «British and Foreign Bible Society», и въ періодѣ, когда набожные англичане особенно ревностно стали поддерживать и образовывать миссіонерскія общества. Много лѣтъ оно было единственное для исключительнаго обращенія евреевъ въ христіанство. Сначала оно было самостоятельное и независимое, но уже въ 1815 г. оно стало учрежденіемъ Church of England, т. е. официальной или, такъ сказать, ортодоксальной англійской церкви, такъ какъ, понятно, подобныя общества могутъ только существовать и дѣйствовать, благодаря денежнымъ пожертвованіямъ англійскихъ лордовъ и вообще богатыхъ людей, среди которыхъ чрезвычайно рѣдко встрѣчаются сектанты и диссиденты.

Но этимъ самымъ оно, само собою разумѣется, обязано было пропандировать и обращать, согласно доктринамъ и обрядамъ епископальнаго протестантизма. Оно неукоснительно такъ и миссіонерствуетъ, и его нужно считать составною частью Church of

---

* См. „Восходъ“ 1884, г. кн. 8.
Восходъ, кн. 11.

England, въ отличіе отъ пресвитеріанскаго миссіонерскаго общества, котораго мы коснемся въ другомъ письмѣ.

Въ настоящее время оно уже располагаетъ бюджетомъ въ 44,000 ф. ст., въ 440,000 рублей! И этотъ respectable бюджетъ съ каждымъ годомъ все возрастаетъ: такъ, въ 1880—81 г. онъ былъ: 34,137 ф. ст., въ 1881—82—37,055 ф. и въ 1882—83—38,782 ф. ст. Если такой значительный ростъ будетъ продолжаться впередъ—и нѣтъ основаній, чтобы этого не было—то лѣтъ черезъ 15—25 бюджетъ можетъ достигнуть *милліона руб.* Намъ, евреямъ, такъ слабо поддерживающимъ, при всей своей хваленной солидарности, свои самыя полезныя учрежденія и общества, есть тутъ, право, надъ чѣмъ призадуматься.

При такихъ средствахъ, неудивительно, что оно рассылаетъ своихъ миссіонеровъ по всему свѣту, въ Абиссинію, Персію, Индію, Китай и пр., имѣетъ свои школы и больницы въ разныхъ главныхъ пунктахъ еврейскаго населенія, издаетъ свой журналъ и массу религиозныхъ книгъ и вообще очень дѣятельно и рѣшительно работаетъ для проведенія своей цѣли. Успѣваетъ ли оно и насколько успѣваетъ—это вопросъ, на который я ниже постараюсь отвѣтить. Пока же разсмотримъ его дѣятельность и общее состояніе.

Благодаря прекрасному обычаю всякихъ англійскихъ обществъ публиковать годичные отчеты, — обычай, которому въ Россіи не особенно любятъ слѣдовать—мы можемъ очень точно и подробно узнать все это *. Англичане, если уже раскошеляются, то требуютъ строгой отчетности. Лишь бы подробный отчетъ былъ ему представленъ, и съ успѣхомъ или напрасно употребляются его деньги, но онъ доволенъ и, главное, продолжаетъ расплачиваться. London Society etc. очень регулярно и изобильно удовлетворяетъ этой потребности своихъ жертвователей. Въ отношеніи рапортовъ, по крайней мѣрѣ, недостатка и затрудненій нѣтъ: каждый глав-

---

* Существенное извлеченіе изъ отчетовъ публикуется въ ежемѣсячномъ журналѣ общества: „Jewish Intelligence“, который я просмотрѣлъ за послѣдніе пять лѣтъ. Онъ посвященъ исключительно дѣламъ общества, но въ немъ помѣщаются еще очень маленькія статьи и корреспонденціи, которыя, за рѣдкими исключеніями, крайне безсодержательны и скучны, представляя только наборъ библейскихъ текстовъ и снотворныхъ толкованій и разсужденій.

ный миссіонеръ центральнаго пункта посылаетъ таковой, на основаніи докладовъ своихъ помощниковъ, въ правленіе общества, которое публикуетъ ихъ въ «Jewish Intelligence» и затѣмъ къ іюню каждаго года, когда происходитъ общія собранія членовъ, составляетъ генеральный отчетъ.

По собственному признанію общества, наиболѣе важное его дѣло было распространеніе среди евреевъ ихъ собственныхъ св. писаній вмѣстѣ съ еврейскимъ переводомъ Новаго Завѣта. Въ 1809 г., говорится въ рапортѣ, библія на еврейскомъ языкѣ стоила гинею, теперь же еврей можетъ покупать ее въ миссіонерскихъ домахъ общества за полтора шиллинга. Съ 1823 г. распространены были 155,392 цѣлыхъ копій и 388,931 часть Ветхаго Завѣта; съ 1817 г. были розданы даромъ (проданное число просто ничтожно) 195,177 цѣлыхъ копій и частей Новаго Завѣта. За 1881—1882 г. изъ депо общества вышло: 5,513 библій, 3,087 евангелій, 29,852 миссіонерскихъ книгъ и брошюръ, 294,335 экземп. періодическихъ изданій и 59,910 собственныхъ брошюръ и воззваній общества *. За послѣдніе годы «British and Foreign Bible Society» взялось тоже за печатаніе и распространеніе св. писанія на еврейскомъ языкѣ и сильно помогаетъ въ этомъ отношеніи «London Society etc.», такъ какъ всѣ миссіонерскія общества протестантовъ поддерживаютъ другъ друга, хотя нерѣдко соперничаютъ и чѣмъ-нибудь отличаются въ толкованіи библіи.

Въ 1837 г. еврей-миссіонеры перевели на еврейскій языкъ молитвенникъ и церемоніаль Church of England. Вѣрно ли это или нѣтъ, но общество полагаетъ, что «этотъ переводъ много содѣйствовалъ освобожденію христіанства отъ обвиненія въ идолопоклонствѣ...» Можно только замѣтить, что евреи и прежде его появленія, о которомъ читатели, конечно, только теперь узнаютъ, не разсматривали христіанство, какъ зараженный идолопоклонствомъ. Молитвенникъ этотъ разошелся до сихъ поръ въ числѣ 20,044 экземпляровъ. Изъ миссіонерскихъ книгъ

---

* Отчетъ 1881—82 г. былъ первый, который мнѣ попался въ руки, и я, понятно, взялъ свои замѣтки изъ него. Отчеты слѣдующихъ лѣтъ немногими только разнятся, и я не хотѣлъ утруждать читателя и себя приведеніемъ излишнихъ цифръ.

болѣе другихъ, повидимому, расколится «Old Paths» д-ра M'Caul, сочиненіе, направленное противъ ученія талмуда и раввиновъ.

Въ общемъ же итогѣ, начиная съ 1809 г., распространено было 4,241,828 книгъ и брошюръ.

Другая часть дѣятельности «London Society etc.» и, по моему мнѣнію, самая важная и реальная, — это школьное дѣло, которое все болѣе расширяется. Общество уже имѣетъ свои собственныя школы въ Буваренитѣ, Константинополѣ, Дамаскѣ, Іерусалимѣ, Магадорѣ и Тунисѣ, не считая Лондона, гдѣ оно имѣетъ еще Hebrew College для приготовленія миссіонеровъ, и поддерживаетъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ школы другихъ обществъ. И всѣ онѣ очень хорошо устроены и обставлены: комнаты обширныя, свѣтлыя и чистыя, дѣти чисто и порядочно одѣты и вся вообще обстановка довольно гигиенична и въ прекрасномъ порядкѣ. Это, не безъ понятнаго сожалѣнія, свидѣтельствуетъ и извѣстный англійскій еврей, г. Sidney Montagu Samuel, въ своей «Jewish life in the East», и этого отрицать нельзя.

Преподаваніе же далеко не соответствуетъ внѣшней обстановкѣ. Оно прежде всего и болѣе всего религіозное, и хотя въ программу включено довольно много другихъ предметовъ: англійскій языкъ (обязательно), нѣмецкій, французскій, арабскій или испанскій языки (смотря по мѣстности и условіямъ), затѣмъ арифметика, географія, рисованіе и пр., но все это, понятно, должно оставаться на второмъ планѣ учителями, заботящимися преимущественно объ извѣстномъ толкованіи библейскихъ текстовъ и о душевномъ спасеніи своихъ многогрѣшныхъ питомцевъ. Почти все время уходитъ на пережевываніе текстовъ, и каждый урокъ начинается и кончается приличной случаю молитвой. Ученики въ концѣ концовъ не знаютъ и четвертой доли того, что они могли бы знать при свѣтскомъ преподаваніи. Но, само собою разумѣется, послѣднее немислимо въ миссіонерской школѣ, и господамъ миссіонерамъ, съ гордостью и самодовольствомъ указывающимъ постоянно на свои заслуги и успѣхи въ дѣлѣ образованія бѣдныхъ еврейскихъ дѣтей, можно только замѣтить, что знаніе библіи не есть еще образованіе и что, если оно, можетъ быть, полезно въ будущей жизни, то на нашей грѣшной землѣ уже куда лучше

оставлять это взрослымъ, головамъ которымъ, собственно, и доступны спекулятивныя тонкости и разныя абстрактности.

Но, принимая во вниманіе отсутствіе школъ на Востокѣ и бѣдность тамошнихъ евреевъ, съ подобнымъ плохимъ преподаваніемъ можно было бы помириться, еслибы вся эта школьная дѣятельность не служила наиболѣе важнымъ и рѣшительнымъ средствомъ для обращенія евреевъ въ христіанство. При приѣмѣ миссіонеры никогда не требуютъ крещенія питомца, они только ставятъ условіемъ, чтобы родители не сопротивлялись и не мѣшали, когда ихъ ребенокъ потомъ (по условію, мальчикъ 13-ти и дѣвочка 12-ти лѣтъ признаются самостоятельными) измѣнить свою религію) пожелаетъ принять христіанство. Бѣдный еврей, который тутъ избавляется отъ необходимости кормить своего ребенка, нерѣдко соглашается, а миссіонеры уже такъ ловко готовятъ и представляютъ, что обыкновенно питомцы не только крестятся, но становятся и вѣрующими христіанами. Большая часть учениковъ, однако,—это дѣти крещенныхъ евреевъ или, какъ они любятъ себя называть, Hebrew Christian.

Наибольшія и лучше устроенныя изъ этихъ школъ находятся въ Лондонѣ и Іерусалимѣ. Въ послѣднемъ городѣ общество имѣетъ двѣ школы, одну для мальчиковъ и другую для дѣвочекъ, Institution for Jewesses, основанный миссъ С. Соорег, и House of Industry, гдѣ обращенные имѣютъ возможность поучиться ремеслу *. Кроме этого, оно тамъ имѣетъ еще довольно большую и хорошо обставленную больницу, которая, по его собственному признанію, служитъ прекраснымъ средствомъ «обращенія». По моему мнѣнію, это должно быть еще болѣе дѣйствительное средство, чѣмъ школа, такъ какъ, понятно, еврейскій больной, при отсутствіи или недостаткѣ другихъ больницъ, не откажется отъ нея, какъ бы онъ набобженъ ни былъ, и очень чувствителенъ, какъ вообще больные, къ мягкому и хорошему уходу. Миссіонеры же, надобно отдать имъ честь, стараются даже удовлетворять требованіямъ пациен-

* Въ Палестинѣ, какъ извѣстно, имѣется довольно много школъ и учрежденій разныхъ миссіонеровъ. London Society etc. находится въ болѣе тѣсной связи со школою епископа Gobat'a въ Іерусалимѣ и съ институтами миссъ Walker-Arnott въ Яффѣ и миссъ Даксомъ въ Назаретѣ, чѣмъ вообще съ другими протестантскими учрежденіями.

товъ относительно кошерной пищи, держатъ все въ хорошемъ порядкѣ и требуютъ внимательнаго и добросовѣтнаго ухода за больными. Сами они между тѣмъ ведутъ бесѣды и вообще пропаганду, устно и письменно. На слабый и мягкій духъ больного, очень благодарнаго за хорошее обращеніе съ нимъ и уже этимъ настроеннаго въ пользу миссіонеровъ, эта проповѣдь несравненно сильнѣе вліяетъ, тѣмъ даже на очень слабую душу здороваго человѣка, и нѣкоторые по выходѣ изъ больницы прямо крестятся. Дѣйствуетъ ли тутъ, какъ въ другихъ случаяхъ вращенія, личный интересъ—это вопросъ, на который я въ своемъ мѣстѣ отвѣчу; здѣсь же я констатирую только факты.

О самой же важности и значеніи этой больницы для іерусалимскихъ евреевъ можно судить потому, что съ 1871—1881 гг. она ежегодно среднимъ числомъ принимала 558 больныхъ и давала 7352 совѣта и лекарства. За эти же 10 лѣтъ были прописаны 237,383 рецепта ея докторами.

Лондонскія же школы общества находятся въ центральномъ его зданіи, въ такъ называемой Palestine Place. Это мѣсто достойно specialнаго описанія. Оно лежитъ въ восточной части Лондона, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ музея Bethnal green, и построено двумя рядами красивыхъ и чистыхъ домовъ съ маленькими садиками передъ фасадами. Аллея, тянущаяся посреди этихъ рядовъ домовъ, заканчивается довольно большой капеллой (Chapel), по обѣимъ сторонамъ которой помѣщаются школы, одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ. За церковью и домами расположенъ небольшой садъ. Все это вмѣстѣ производитъ на зрителя очень пріятное впечатлѣніе и представляетъ сильный контрастъ съ довольно грязной и очень старой улицей (Cambridge Heath), съ которой входишь черезъ открытыя ворота. «Недурно же живетъ этимъ мешумодамъ!» невольно восклицаетъ еврей, какъ только онъ успѣваетъ осмотрѣться и вдохнуть свѣжій и чистый воздухъ этого страннаго «Палестинскаго мѣстечка»; «и какъ напрасно оригинальные англичане тратятъ свои деньги!» прибавимъ мы.

Palestine Place была построена въ 1813 г., и закладка зданія была совершена съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи 12000 зрителей. Въ числѣ послѣднихъ было довольно много лордовъ и членовъ парламента, затѣмъ лордъ-мэръ и шерифы Лондона и пр.

Самъ герцогъ Кентскій, отецъ королевы Викторіи, положилъ первый камень капеллы (онъ подписался еще на 100 гиней и сталъ членомъ и патрономъ London Society etc.) Лордъ же Erskine произнесъ при этомъ рѣчь, въ которой высказался, что обращеніе евреевъ въ христіанъ будетъ исполненіемъ пророчества, которое менѣе всего осуществлялось до сихъ поръ...

Общество же, на которое ради этого тратятъ такія огромныя суммы, уже никогда, во всякомъ случаѣ, не осуществитъ такого пророчества. Такъ какъ я уже заговорилъ о пророчествахъ, то, хотя я не имѣю никакихъ претензій на весьма выгодное въ наше грѣшное время званіе пророка, но я себѣ позволяю пророчествовать, что, какъ только богатые англійскіе оригиналы и старыя дѣвы рѣшатъ употреблять свои деньги на какое-нибудь полезное учрежденіе, нѣсколько «спасенныхъ» евреевъ, ставшихъ уже реверендами, уже не будутъ уютно и пріятно проводить свое время въ красивыхъ домахъ Palestine Place. Пока же, въ ожиданіи исполненія пророчества, они тамъ живутъ, и завидно хорошо и спокойно живутъ. Тамъ же находятся уже упомянутый Hebrew College для приготовленія и болѣе обширнаго обученія миссіонеровъ и Operative Jewish Converts' Institution подъ управленіемъ особаго и независимаго комитета.

Первое изъ этихъ учрежденій—это колледжъ на англійскій манеръ, въ которомъ обучается не болѣе пяти человѣкъ, выдающихся своими познаніями въ еврейской теологіи и вообще своими способностями. Попасть туда—это большая милость для новокрещеннаго. Общество крайне неохотно рѣшается давать ему высшее образованіе, составляющее, собственно, излишнюю роскошь для миссіонеровъ. Оно это дѣлаетъ въ исключительныхъ случаяхъ, и обыкновенно кто нибудь или нѣсколько изъ его членовъ поддерживаютъ на свой собственный счетъ этихъ студентовъ теологіи на основаніи рекомендацій и ходатайствъ извѣстныхъ пасторовъ. Въ цѣль и программу общества входитъ приготовленіе однихъ миссіонеровъ,—Hebrew College даетъ уже пасторское образованіе, которое притомъ стоитъ очень дорого въ Англіи. До послѣдняго времени окончившіе эту школу могли стать пасторами, они дѣлали это съ такою охотою и живостью, что общество теперь рѣшило измѣнить программу, чтобы удержатъ своихъ столь

дорого стоющихъ и неблагодарныхъ питомцевъ въ своей менѣ выгодной миссіи. Англійскіе пасторы получаютъ слишкомъ жирное жалованіе, чтобы еврей-миссіонеры, которые очень скоро проходятъ требуемый курсъ теологіи и пр., не стремились всѣми силами сдѣлаться таковыми, и, какъ оказывается, еврейскихъ пасторовъ имѣется теперь въ Англии *болѣе 100*. Однако, довольно незначительная часть этихъ послѣднихъ окончила Hebrew College, и очень многіе достигли желательнаго для нихъ пасторства, благодаря частной поддержкѣ покровителей, давшей имъ возможность обучаться въ чисто англійскомъ колледжѣ. Какъ ни крайне дорого такое обученіе (въ общей сложности каждый ученикъ стоитъ до 150 ф. ст. въ годъ), но извѣстные пасторы и миссіонеры общества постоянно находятъ среди англичанъ добротныхъ жертвователей для своихъ наиболѣе отличающихся «обращенныхъ», которымъ они хотятъ открыть болѣе широкую и видную карьеру.

Менѣ способные или счастливые остаются до извѣстнаго времени въ Operative Jewish Converts' Institution. Какъ и House of Industry въ Іерусалимѣ, этотъ институтъ служить главнымъ образомъ для наученія новообращенныхъ ремеслу. Надобно отдать справедливость обществу, оно серьезно заботится о томъ, чтобы они, окончательно оторванные отъ еврейства и своихъ прежнихъ связей, не очутились на слѣдующій же день послѣ крещенія въ безпомощномъ положеніи. Оно чувствуетъ, что оно обязано дать какое-нибудь социальное положеніе своимъ «спасеннымъ», и, дѣйствительно, болѣе или менѣе даетъ его. Въ институтѣ имѣются двѣ мастерскія: переплетная и типографская. Печатаются и переплетаются почти исключительно книги и изданія самаго общества, но какъ мы видѣли выше, ихъ достаточно много, чтобы дать постоянную работу гораздо большому числу людей, чѣмъ обыкновенно имѣется въ Jewish Converts' Institution (теперь ихъ около 15-ти и рѣдко бываетъ больше). Рабочіе сразу получаютъ извѣстную плату и по истеченіи довольно короткаго времени зарабатываютъ почти столько же, сколько настоящіе наборщики.

Изъ заработка питомца часть отсчитывается за содержаніе, часть оставляется до выхода обращеннаго изъ института (если онъ остается долгое время, то онъ можетъ получить такимъ об-

разомъ 25 ф. ст.) и всего шиллингъ-два выдаются ему каждую недѣлю на руки. Зарабатываетъ ли онъ свое содержаніе или нѣтъ, его одинаково кормятъ и одѣваютъ, и сравнительно очень хорошо. Зато его очень строго держатъ и зорко наблюдаютъ за нимъ, особенно за его религіозною ревностью. Заведеніе это, находящееся подъ управленіемъ крещеннаго пастора Брилля,—закрытое и напоминаетъ бурсу. Питомцы, когда не работаютъ, должны изучать и штудировать библію и англійскій языкъ и усердно молиться. Они были бы гораздо свободнѣе, если бы на нихъ не смотрѣли подозрительно въ виду того, что нерѣдко случаются побѣги и измѣны, т. е. обратные переходы въ еврейство, особенно, когда питомецъ уже достаточно научился ремеслу. Вообще же недоувѣряютъ видимому усердію этихъ ренегатовъ, что, впрочемъ, само по себѣ весьма попятно.

Наиболѣе знающіе и способные изъ нихъ приготовляются въ миссіонеры. Время обученія можетъ продолжаться не болѣе трехъ лѣтъ, но знающіе при вступленіи библію и еврейскій языкъ могутъ уже черезъ годъ стать миссіонерами. Ихъ обучаютъ и практически, назначая имъ извѣстныя занятія въ многочисленныхъ здѣсь миссіонерскихъ станціяхъ, на митингахъ, воскресныхъ и вечернихъ чтеніяхъ и пр. По окончаніи ихъ посылаютъ куда-нибудь въ помощники уже опытному миссіонеру, и они получаютъ тогда отъ 100—125 ф. ст. въ годъ. Словомъ, все тутъ устроено и организовано съ толкомъ и практическимъ умѣніемъ англичанъ.

Но чтобы попасть въ институтъ, желающій креститься долженъ предварительно пробыть нѣкоторое время въ такъ называемомъ Wanderers' Home подъ руководствомъ знаменитаго здѣсь доктора Штерна. Этотъ очень интересный «Домъ странниковъ» былъ основанъ только въ 1852 г. и поддерживается частными пожертвованіями, независимо отъ общества. Среди лондонскихъ евреевъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ Home, и очень уже извѣстенъ. Помѣщается онъ не въ Palestine Place, а въ частномъ домѣ, немного дальше, по той же улицѣ Cambridge Heath. Если я не слишкомъ ошибаюсь, то инициатива его основанія принадлежитъ д-ру Штерну, пользующемуся среди англичанъ большимъ уваженіемъ за его миссіонерскую преданность, особенно за его доказанную стойкость и христіанскую ревность въ Абиссиніи. Во

всякомъ случаѣ, онъ теперь является единственнымъ и повластнымъ его правителемъ и по своему личному усмотрѣнiю распорядается жертвуемыми на это крупными деньгами. Приѣмъ желающихъ и исключенiе провинившихся исключительно зависитъ отъ него, и «странники» никого другаго не знаютъ. Принимаетъ же онъ по рекомендаціи миссіонеровъ; по крайней мѣрѣ «странникъ» долженъ представлять собою нѣчто особенное, чтобы онъ тутъ дѣлалъ исключенiе.

Такимъ образомъ, желающій вступить въ Wanderers' House и затѣмъ въ Operative Jewish Converts' Institution долженъ предварительно познакомиться съ какимъ-нибудь миссіонеромъ, что не только очень легко, но и во многихъ отношенiяхъ удобно и выгодно. Послѣдніе имѣются въ Лондонѣ положительно на каждомъ шагу и всевозможными путями стараются вступать въ сношенiя и препирательства съ евреями. Смѣлость ихъ даже доходитъ до того, что они нерѣдко по субботамъ и воскресеньямъ проповѣдуютъ прямо на улицахъ и перекресткахъ еврейскаго квартала, вызывая слушателей на диспуты. Помимо своихъ спеціальныхъ мѣстъ пропаганды, Missionary Halls, они пользуются еще нѣкоторыми церквями, особенно для вечернихъ проповѣдей. При хорошей погодѣ миссіонеръ глагольствуетъ на дворѣ церкви. Красная церковь Whitechapel (прежде была бѣдой, но сгорѣла и теперь перестроена), давшая свое имя самому бѣдному кварталу Лондона, имѣетъ даже въ одномъ изъ своихъ вѣншихъ угловъ спеціальную кафедру, и прохожіе почти каждый субботній вечеръ имѣютъ несовсѣмъ прiятное удовольствiе слышать рѣзкіе крики какого-нибудь юркаго миссіонера, повторяющаго на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ свою стереотипную болтовню въ присутствiи нѣсколькихъ мальчишекъ и зѣвакъ, которые — увы! — постоянно мѣняются. Гласъ, вопiющій въ пустынѣ, можно было бы сказать, еслибы не постоянный грохотъ громаднаго города и шумъ шествующей безъ конца толпы людей за оградой церкви.

Въ Missionary Halls дѣло обстоитъ не лучше. Еслибы миссіонеры не давали иногда мелкихъ пособiй бѣднымъ евреямъ и не обучали бы даромъ англійскому языку, то они бы свободно могли скакать съ закрытыми глазами въ своихъ залахъ, не боясь никого и затронуть. Какъ только какой-нибудь еврей прiѣз-

жаеть въ Лондонъ, онъ почти немедленно можетъ услышать: «если хотите скоро и даромъ научиться англійскому языку, пойдите къ миссіонерамъ», и, за неимѣніемъ лучшаго, онъ обыкновенно слушается этого совѣта. Они же, разумѣется, съ вполнѣ охотой предлагаютъ свои услуги, но, разумѣется тоже, что англійскій языкъ для нихъ только второстепенная вещь, только предлогъ. Этими путемъ имъ удастся войти въ довольно близкія сношенія со своими учениками. Бѣдняковъ и инородцовъ, притомъ, не мало въ Лондонѣ, такъ что миссіонерамъ такъ или иначе удастся склонить на свою сторону кого-нибудь изъ этихъ посѣтителей.

Когда кто-нибудь изъ этихъ послѣднихъ выражаетъ желаніе креститься и научиться ремеслу, миссіонеръ его рекомендуетъ Штерну, который его принимаетъ въ Wanderers' Home. Туда же идутъ тѣмъ болѣе охотно, что отъ поступающихъ не требуютъ прежде всего крещенія и что, стало быть, онъ можетъ совсѣмъ уйти, когда его матеріальныя обстоятельства измѣнятся. Для бѣднаго же еврея, незнающаго никакого ремесла и неимѣющаго никакихъ другихъ занятій, быть въ Home, значить прежде всего: быть сытымъ, одѣтымъ и научиться сносному ремеслу—перспектива, какъ хотите, заманчивая. Д-ръ Штернъ первое время самъ учитъ библію своихъ «странниковъ». Каждый день утромъ онъ, можно безъ преувеличенія сказать, мелемедствуетъ. Обстановка школьной комнаты крайне простая: большой столъ съ разбросанными на немъ св. писаніями на еврейскомъ языкѣ, длинная скамья, нѣсколько стульевъ, карта Палестины и таблица библейскихъ географическихъ названій на стѣнахъ,—что мнѣ очень живо напомнило хедерь. Самъ Штернъ сидитъ въ центрѣ, окруженный своими рослыми и бородатными учениками, число которыхъ сильно мѣняется и не превышаетъ 10—15, и объясняетъ имъ преимущественно тѣ библейскіе тексты, которые миссіонеры излагаютъ въ видѣ пророчествъ объ Исусѣ Христѣ. Затѣмъ онъ задаетъ имъ уроки, спрашиваетъ, экзаменуетъ и вообще строго смотритъ, чтобы они не обманывали его и сидѣли бы въ Home съ библіей въ рукахъ.

Это религіозное обученіе и зубреніе — единственное ихъ обязательство—взамѣнъ полнаго содержанія, которое имъ даютъ до-

вольво неопредѣленное время. Обыкновенно остаются тамъ шесть мѣсяцевъ, послѣ чего происходитъ крещеніе. Нѣкоторые изъ «странниковъ» поступаютъ потомъ въ Operative Jewish Converts' Institution, другихъ же, менѣе способныхъ и знающихъ еврейскій языкъ, д-ръ Штервъ старается научить какому-нибудь легкому и обеспечивающему ремеслу. Онъ платитъ деньги за ихъ обученіе и потомъ находитъ имъ мѣсто (обыкновенно они становятся цирюльниками и парикмахерами, — ремесло легкое и довольно хорошо оплачиваемое въ Лондонѣ). Но большинство «странниковъ» оставляютъ Неме раньше крещенія, разсматривая свое далеко непріятное и веселое тамъ пребываніе, какъ временное и вынужденное отсутствіемъ всякихъ средствъ къ существованію, что, разумѣется, ихъ менѣе всего оправдываетъ. Развѣ четвертая часть поступающихъ въ Неме принимаетъ христіанство, но и очень многіе изъ послѣднихъ принимаютъ его номинально, украшая только списки крещенныхъ въ церкви Palestine Place.

Для многихъ евреевъ въ Лондонѣ переходъ въ христіанство составляетъ, притомъ, спеціальную торговлю.

Они, можетъ быть, чаще мѣняютъ религію, чѣмъ рубашки. Церквей и миссіонеровъ разныхъ сектъ здѣсь такъ много, что контроль, если не невозможенъ, то крайне труденъ. Несчастный еврей, которому очень плохо живется въ Лондонѣ, можетъ поэтому перебиваться нѣкоторое время, «спасаясь» то у одного, то у другаго миссіонера за пару желтыхъ и звонкихъ фунтовъ. Затѣмъ онъ преспокойно становится таимъ же грязнымъ субъектомъ и сквернымъ евреемъ, какимъ былъ на своей родинѣ или даже въ самомъ Лондонѣ *. Но все это, впрочемъ, общезвѣстно, о подробностяхъ же и частностяхъ, знакомыхъ здѣсь каждому еврею, нѣтъ особеннаго интереса распространяться, да и это далеко не пріятно.

Что же касается до London Society etc., то число крещенныхъ имъ въ Лондонѣ точно извѣстно, такъ какъ этотъ обрядъ всегда происходитъ въ церкви Palestine Place. Но прежде, чѣмъ перейти

* Одинъ содержатель еврейскаго ресторана передалъ мнѣ, что за послѣдніе полтора-два года навѣрно 50 изъ его посѣтителей крестились. „И знаете сколько между ними остаются христіанами? спросилъ онъ. Если вѣтъ, то это очень много, я это хорошо знаю“, смѣясь заключилъ онъ.

къ разсмотрѣнію результатовъ дѣятельности общества, я считаю нелишнимъ и небезынтереснымъ сказать нѣсколько словъ о самой церкви. По своей внѣшности она ничѣмъ не отличается отъ прочихъ англійскихъ церквей, если не считать нѣсколькихъ еврейскихъ надписей. На главномъ фасадѣ красуется еврейская надпись: $\text{לְמַעַן יִשְׂרָאֵל וְיִשְׂרָאֵלִים וְיִשְׂרָאֵלִים וְיִשְׂרָאֵלִים וְיִשְׂרָאֵלִים}$, а внутри, въ окнахъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ возлѣ каедрн—сверху: לֵךְ и ниже: десять заповѣдей, какъ въ синагогѣ. Богослуженіе происходитъ на англійскомъ языкѣ, и церковь посѣщается англичанами прихода и питомцами Wanderers' Home и Operative Jewish converts' Institution. По воскресеньямъ въ 3½ ч. по полудни, когда другія церкви остаются закрытыми до вечерней молитвы, можно слушать богослуженіе и на еврейскомъ языкѣ. Объявленіе на жаргонѣ возлѣ воротъ Palestine Place извѣщаетъ объ этомъ евреевъ-прохожихъ, но они или не обращаютъ на это вниманія или смѣясь проходятъ мимо. Я, однако, полюбозитствовалъ узнать, въ чемъ тутъ дѣло. Когда я пришелъ туда въ одно прекрасное время, привратникъ мнѣ немедленно преподнесъ книжку съ гимнами и уже упомянутый выше еврейскій переводъ англійскихъ молитвъ, который миссіонеры почему-то считаютъ очень дѣйствительнымъ средствомъ пропаганды. Это не болѣе, какъ наборъ разныхъ текстовъ изъ св. писанія (преимущественно изъ псалмовъ) въ соединеніи съ переводомъ специальныхъ молитвъ. Какъ въ молитвахъ, такъ и въ гимнахъ на каждой строчкѣ встрѣчаются: לֵךְ и וְשׂוֹבֵב .

Большая зала церкви была совершенно пуста, если не считать самого пастора (кажется, это былъ Бриль) съ типическою еврейскою наружностью, около 20 питомцевъ-странниковъ, обязанныхъ бывать на всѣхъ богослуженіяхъ этой церкви, и двухъ-трехъ старыхъ «мешумодимъ» или, какъ они себя величаютъ, Hebrew Christian. На хорахъ возлѣ органа было еще около 50 дѣтей изъ школъ общества въ качествѣ пѣвчихъ. Все это богослуженіе, отчасти напомнившее мнѣ хоральную синагогу, продолжалось около сорока минутъ; затѣмъ пасторъ проианесъ проповѣдь уже на англійскомъ языкѣ, при слушаніи которой я, по крайней мѣрѣ, не стѣсняясь зѣвалъ, хотя онъ все посматривалъ на меня, какъ на чужаго человѣка. Когда я по окончаніи вышелъ, ко мнѣ присталъ

миссіонеръ, но я отъ него коротко и живо отдѣлался, что, вообще говоря, очень не легко, такъ какъ они крайне назойливы.

Присутствовать при крещеніи миѣ еще не удалось, такъ какъ эта церемонія происходитъ обыкновенно въ извѣстные дни года. Болѣе всего крестятъ въ Юмъ-Жипуръ, но не для того, утверждаютъ миссіонеры, чтобы оправдать извѣстную еврейскую поговорку: *עושרי תשובה*, а для того, чтобы убѣдиться въ стойкости новообращеннаго. Но какъ бы тамъ впрочемъ ни было, они и въ этотъ день немного имѣютъ работы; въ остальное же время года они могли бы совсѣмъ сидѣть сложа руки, еслибы ихъ дѣятельность ограничивалась одной церемоніей крещенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, остается только просмотрѣть цифры отчета общества, которыя, къ крайнему сожалѣнію миссіонеровъ, не могутъ быть измѣнены и должны соответствовать дѣйствительному положенію дѣлъ, такъ какъ неуравновѣсности и всякія уклоненія отъ истины могутъ быть очень легко раскрыты англичанами и могутъ очень дорого стоить пасторамъ и миссіонерамъ. Другое дѣло, когда миссіонеру приходится заполнить пустоту своего отчета красными словами и вынесенными имъ впечатлѣніями: — тутъ контроль крайне труденъ, и составитель отчета о какой-нибудь миссіи въ Абиссиніи, Азіи и пр. можетъ поэтому фантазировать и сочинять, сколько ему угодно. Въ самомъ Лондонѣ поле фантазій и измышленія, конечно, куда тѣснѣе; но, вообще говоря, въ отчетахъ нужно провести очень рѣзкую границу между цифрами, или положительными данными, и словесными утвержденіями, описаніями и пр.:—первыя заслуживаютъ полного довѣрія, вторыя же крайне сомнительны, чтобы не сказать больше.

Обращаясь же къ результатамъ дѣятельности общества, мы только и встрѣчаемся со вторымъ родомъ свѣдѣній. Положительныя данныя почти отсутствуютъ; тѣ же, которыя имѣются въ общихъ отчетахъ, только краснорѣчиво говорятъ о почти полной безрезультатности усилій и денежныхъ жертвъ общества. Тотъ же общій рапортъ 1881—1882 гг., выдержки изъ котораго были приведены въ началѣ этого письма, рисуетъ намъ весьма печальную для общества картину миссіонерскихъ успѣховъ въ разныхъ пунктахъ земнаго шара. Лондонъ—крещено 18 взрослыхъ и 31 дитя; въ школахъ было 195 мальчиковъ и 370 дѣвочекъ. Амстердамъ—

ни одного крещенаго и красныя слова о пропагандѣ и пр. Гамбургъ—тоже; продажа библій дала 9 ф. 5 ш. Берлинъ—Dr. Кассель крестилъ 4 женщины и 1 мужчину; много дѣтей въ школахъ (сколько не сказано). Лейпцигъ—розданы книги. Бреславль—одинъ крещень. Франкфуртъ на М.—миссіонеръ ходилъ къ несчастнымъ русско-еврейскимъ эмигрантамъ, какъ это, впрочемъ, дѣлали миссіонеры другихъ мѣстъ (повидимому, они желали воспользоваться эмиграціей для своихъ цѣлей). Вѣна—красныя слова. Варшава—раздается много книгъ, и, по признанію самихъ миссіонеровъ, совершенно напрасно, такъ какъ евреи рвутъ ихъ и иногда дѣлаютъ изъ нихъ весьма неблагочестивое употребленіе.. Парижъ—розданы книги; Римъ—въ отчетѣ болѣе говорится о школѣ для дѣвочекъ, которымъ даютъ религиозное образованіе. Константинополь и Смирна—розданы книги. Иерусалимъ—крещень одинъ послѣ его выхода изъ больницы общества. Гамаданъ (Персія)—красныя слова посланнаго въ 1881 г. миссіонера Лотки (Lotka) *. Тунисъ—говорится въ отчетѣ, что школа общества успѣваетъ, не смотря на противодѣйствіе All. Isr. О другихъ миссіонерскихъ станціяхъ уже ровно ничего не говорится (всего ихъ—38; изъ нихъ 4—въ Англіи, 24—въ Европѣ; 3—въ Палестинѣ, 3—въ остальной Азіи и 4—въ Африкѣ), даже красными словами нельзя было ихъ почитать. Въ общемъ, за весь этотъ годъ крещено было 25 взрослыхъ и 31 дитя, что составитъ крайне ничтожное число, если мы увеличимъ его даже до 100, принимая во вниманіе тѣхъ скрытыхъ «христіанствующихъ евреевъ», которыхъ для своего утѣшенія выдумали миссіонеры. Продажа же библій и разныхъ религиозныхъ книгъ доставила обществу за этотъ годъ смѣшную сумму въ 132 ф. 14 ш.!

Не считая нѣкоторыхъ мелкихъ измѣненій относительно ре-

---

* Въ 1847 г. общество рѣшило послать миссію въ Персію. Сначала туда былъ отправленъ д-ръ Штернъ, затѣмъ—Брилъ и Эпштейнъ. Они раздавали св. писанія и хвалили свои успѣхи въ рапортахъ; но въ 1865 г. общество, которое очень дорого расплачивалось за эти мнимые успѣхи, рѣшило покончить съ этой миссіей. Въ 1881 г., однако, опять послали миссіонера, реверенда Лотку, который опять пишетъ о своихъ мнимыхъ успѣхахъ. Интересно только то, что нѣкоторые англичане жертвовали на открытіе познатутой миссіи по 100 и по 400 ф. ст.!

зультатовъ миссiи въ той или иной изъ 38 станцій общества, просмотрѣнные мною отчеты другихъ лѣтъ даютъ точно такіе же «блестящіе и утѣшительныхъ размѣровъ мыльные пузыри». Евреи въ Лондонѣ упорно утверждаютъ, что каждый изъ питомцевъ *Operative Jewish Converts' Institution* стоитъ обществу такую весьма внушительную и почтенную сумму, какъ 2000 ф. ст. Насколько это вѣрно, трудно, конечно, сказать; но во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что каждый крестящійся въ *Palestine Place* обходится ему крайне дорого. Объ этомъ можно съ увѣренностью судить потому, что въ церкви *Palestine Place*, служащей, какъ я уже выше замѣтилъ, единственнымъ мѣстомъ въ Лондонѣ для крещенія обращенныхъ *London Society*, всего 792 взрослыхъ и 801 дитя перешли въ лоно христіанства за періодъ 1813—1883 гг., что даетъ намъ среднимъ числомъ въ годъ около 23 крещенныхъ взрослыхъ и дѣтей! Если же мы вспомнимъ, что за эти 70 лѣтъ были потрачены миллионныя суммы, то утверженіе лондонскихъ евреевъ уже не покажется намъ насмѣшливой гиперболой.

Для ободренія жертвователей миссіонеры неопредѣленно утверждаютъ, что, молъ, много евреевъ крестятся ежегодно въ другихъ церквяхъ Лондона и Англіи, но, еслибы это было и такъ—принимая во вниманіе, что нѣкоторые евреи крестятся много разъ, мы можемъ допустить, что это отчасти вѣрно—то это уже дѣятельность другихъ обществъ, а не *London Society etc.*, имѣющаго въ своемъ распоряженіи 146 агентовъ (изъ нихъ 93 крещенныхъ еврея): пасторовъ, миссіонеровъ, учителей и пр.

Чувствуя сами, какъ печальны и смѣшны ихъ успѣхи, они очень много говорятъ о своемъ «посредственномъ» вліяніи на еврейство и о «секретныхъ христіанствующихъ евреяхъ», чтобы бросить пылъ въ глаза своимъ высокимъ патронамъ и президентамъ, особенно же столь ревностному лорду Шефтсбери. Иными словами, они прибѣгаютъ къ произвольнымъ вымысламъ, чтобы хоть сколько нибудь прикрасить мрачную дѣйствительность. Къ «посредственнымъ результатамъ» своей пустой миссіонерской дѣятельности они съ храбростью, достойной лучшаго, относятъ: паденіе многихъ древнихъ предразсудковъ и суевѣрій среди евреевъ; улучшеніе синагогальнаго богослуженія; знакомство съ Новымъ

Завѣтомъ; частое признаніе, что Иисусъ Христосъ былъ великій реформаторъ; интеллектуальное сознаніе, что ихъ (евреевъ) система недостаточна и что христіанство дополняетъ ее, и тому подобныя фразы. Но вънцомъ всѣхъ этихъ измышленій должно, безспорно, считать существованіе категоріи евреевъ «христіанствующихъ, секретныхъ вѣрующихъ (secret believers)», открытое изобрѣтательными миссіонерами. C'est un comble, сказалъ бы имъ французъ, мы же просто скажемъ имъ, что не даромъ же они носятъ на своихъ плечахъ испорченныя еврейскія головы...

Я. Ромбро.

Лондонъ.

Сентябрь, 1884 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Въ Вѣнѣ вышла недавно, подъ заглавіемъ «Geschichte meines Lebens», автобіографія извѣстнаго писателя Альфреда Мейснера, заключающая въ себѣ множество цѣнныхъ подробностей о разныхъ выдающихся личностяхъ Богеміи (гдѣ Мейснеръ провелъ значительную часть своего времени), Германіи и др. странъ. Между ними нашли мы двѣ-три странички, посвященныя человѣку, который по всей вѣроятности извѣстенъ весьма немногимъ изъ нашихъ читателей, но, судя по тому, что говоритъ о немъ Мейснеръ, и по другому, ниже приводимому свидѣтельству извѣстнаго критика Юліана Шмита, принадлежалъ къ весьма недюжиннымъ явленіямъ въ средѣ еврейской интеллигенціи. Это—Яковъ Кауфманъ, умершій въ Висбаденѣ 9-го сентября 1871 г. То, что сообщаютъ о немъ Мейснеръ и Шмидтъ, относится уже къ 1848 г.; предшествующихъ же этому времени біографическихъ подробностей о Кауфманѣ мы не имѣемъ, и напрасно искали его имя во всевозможныхъ «Conversations» лексиконахъ.

Мейснеръ встрѣтилъ Кауфмана не задолго до знаменательнаго 1848 г., въ Брюсселѣ, гдѣ тотъ занимался преподаваніемъ англійскаго языка въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

«Это былъ человѣкъ—разсказываетъ Мейснеръ—всегда стоявшій по своему достоинству неизмѣримо выше положенія, которое онъ занималъ, имени, которымъ онъ пользовался, оцѣнки, которая выпадала на его долю. Онъ родился въ Гитшинѣ, потомъ, не будучи въ состояніи вынести гнетъ Меттерниховской эпохи, переселился съ родины въ Лейпцигъ, который, какъ извѣстно, былъ нѣкоторое время Кобленцомъ австрійской эмиграціи. Онъ писалъ много прекрасныхъ стихотвореній, которыя однако стыдливо скры-

валъ и только въ хорошіе часы показывалъ своимъ интимѣйшимъ пріателямъ. Цѣльнаго сочиненія, даже маленькаго, онъ не написалъ; для этого его умъ былъ слишкомъ афористиченъ, слишкомъ эпиграматиченъ; онъ хотѣлъ выражать все какъ можно короче. Но въ своей филиграновой работѣ, маленькихъ картинкахъ, маленькихъ сатирахъ литературнаго и политическаго содержанія, полныхъ ума и грандіозности, онъ являлся настоящимъ мастеромъ.

«Еврейскій народъ, столь склонный къ матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ, богатъ въ тоже время натурами, ставящими матеріальную собственность ни во что и повидимому почти не думающихъ о самихъ себѣ, своихъ личныхъ интересахъ. Таковъ былъ конечно Барухъ Спиноза, таковъ Моисей Мендельсонъ, таковъ былъ и Яковъ Кауфманъ. Лишь бы имѣлъ онъ свою теплую комнату, перо и бумагу—и этотъ стоикъ благороднѣйшаго пошиба удовлетворялъ свои скромныя потребности и былъ счастливъ по своему. Кроткій, добрый, безпритязательный, онъ былъ совѣтникомъ и руководителемъ всѣхъ австрійцевъ, пріѣзжавшихъ въ Лейпцигъ, на сколько они были достойны его участія. Мягко и привѣтливо звучала его рѣчь, и на губахъ его почти всегда играла доброжелательная улыбка.

«Никакаго литературнаго честолюбія у него не было. Свою награду онъ находилъ въ своемъ трудѣ. Даже самыхъ удачныхъ своихъ статей онъ не подписывалъ, находя ихъ слишкомъ незначительными, между тѣмъ какъ его друзья находили въ нихъ родственныя Людвигу Верне духъ.

«Въ жизни онъ былъ юмористическій философъ или философствующій юристъ, неистощимый въ остроумныхъ выходкахъ. Если вы сидѣли въ «Англійской тавернѣ» или inomъ мѣстѣ за портеромъ и элемъ, и въ это время туда входилъ Яковъ Кауфманъ и снималъ старое пальто гіацинтоваго цвѣта, поспѣшно раскланиваясь на всѣ стороны—то можно было поручиться, что черезъ нѣсколько минутъ начнутъ хохотать, и публика услышитъ много остроумныхъ и забавныхъ вещей... Кауфманъ былъ causeur самаго рѣдкаго сорта, и иные формально приглашали къ себѣ гостей послушать, какъ онъ будетъ говорить... Скоро всѣ, сидѣвшіе за сосѣдними столиками, превращались въ слухъ. Его родина, оставшаяся далеко позади него и которую онъ едва-ли надѣялся снова увидѣть когда нибудь, не рѣдко являлась ему въ трогательно-карикатурнѣйшемъ свѣтѣ; на счетъ мадьярской глупости и славянскон хитрости было у него много удивительнѣйшихъ анекдотовъ, которые виѣстѣ съ тѣмъ служили ему и темами для философскихъ и культурно-историческихъ соображеній. Врядъ-ли кто нибудь

зналъ Австрію лучше Якова Кауфмана; его сужденія объ этомъ государствѣ, къ сожалѣнію, остаются въ силѣ и по сей день.

«Изъ всѣхъ европейскихъ странъ онъ болѣе всего любилъ Англію. Англійскія учрежденія составляли постоянный предметъ его похвалъ. Съ каждымъ стаканомъ онъ становился все болѣе и болѣе горячимъ англичаниномъ; къ концу не хотѣлъ уже онъ и говорить иначе, какъ по англійски. Безчисленное множество цитатъ изъ англійскихъ поэтовъ было извѣстно ему на память, и напѣвая пѣсенку о *fine old english gentleman*, отправлялся онъ изъ кофейни домой.

«Каждый день, какъ только вечерѣло, я оставлялъ свою комнату, и несмотря на вѣтеръ, дождь и темноту, спѣшилъ изъ предмѣстья въ *Café du Boulevard*, гдѣ каждый вечеръ на одномъ и томъ же крючкѣ висѣло глянцеватаго цвѣта пальто. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда сидѣлъ милый философъ, никогда въ одиночествѣ, всегда окруженный знакомыми. Всѣ они были его гости, которыхъ онъ потчивалъ своими разсказами...»

Въ автобіографіи Мейснера есть еще двѣ-три подробности, интересныя для еврейскихъ читателей; но прежде чѣмъ привести ихъ здѣсь, считаемъ не лишнимъ воспроизвести припомнившееся намъ по этому случаю вышеупомянутое воспоминаніе о Кауфманѣ Юліана Шмидта, которое было написано черезъ нѣсколько дней послѣ смерти скромнаго философа, т. е. въ 1871 г. напечатано въ Шмидтовскихъ «*Neue Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit*», и знакомить съ этой личностью больше, чѣмъ тѣ бѣгливыя строки, которыя посвятилъ Кауфману Мейснеръ.

Шмидтъ пишетъ:

«Я узналъ Кауфмана скоро послѣ февральской революціи. Куранда * выписалъ его въ то время изъ Брюсселя, гдѣ онъ преждалъ нѣсколько лѣтъ, въ Лейпцигъ и сдѣлалъ его участникомъ журнала «*Grenzboten*», въ которомъ онъ сотрудничалъ и до того. Эти прежнія работы остались мнѣ неизвѣстными; то, что онъ подъ чужимъ именемъ перевалъ изъ Диккенса и другихъ писателей, было вполне образцово. Вообще онъ былъ столько же тонкій, сколько и основательный знатокъ англійскаго и французскаго языковъ.

«Прежде чѣмъ пріѣхать въ февралѣ 1848 г. въ Лейпцигъ, онъ послалъ туда статью о французской революціи, которую я до сихъ поръ

---

* Недавно умершій извѣстный ораторъ въ австрійскомъ сеймѣ и рейхстагѣ—тоже еврей.

продолжаю считать значительнѣйшимъ изъ всего, написаннаго въ то время объ этомъ предметѣ...

«Скоро послѣ прибытія Кауфмана въ Лейпцигъ, Куранда отправился въ Вѣну, а оттуда во Франкфуртъ, въ Национальное Собраніе. Въ это время мы съ Кауфманомъ сообща редактировали «Grenzboten», и могу сказать, что дѣйствовали вполне добросовѣстно... Въ 1848 г. «Grenzboten» перешли въ собственность мою и Густава Фрейтага. Кауфманъ былъ намъ очень существеннымъ помощникомъ; въ журналѣ появился цѣлый рядъ прелестныхъ политическихъ статей съ ироническимъ характеромъ.

«Въ эти мѣсяцы мы видѣлись ежедневно, и по личнымъ разговорамъ съ Кауфманомъ, еще болѣе чѣмъ по его литературнымъ работамъ, я выучился цѣнить богатство и тонкость его ума.

«Густавъ Фрейтагъ представилъ въ Беригардѣ Эрентахѣ тонко развитаго еврея, который вслѣдствіе бессознательной реакціи противъ своей ближайшей обстановки, противной его эстетическому чувству, побуждается благороднѣйшими стремленіями выработать въ себѣ именно тѣ свойства, которыя составляютъ противоположность нѣкоторымъ характеристическимъ особенностямъ его націи. Этотъ Беригардъ есть типъ, обнимающій собою очень многіе, весьма противоположные другъ другу оттѣнки; къ одному изъ этихъ оттѣнковъ принадлежалъ Яковъ Кауфманъ.

«Главнѣйшимъ отличительнымъ свойствомъ его была скромность, какой я никогда не встрѣчалъ ни въ комъ другомъ. Это не слѣдуетъ понимать такъ, какъ будто онъ рѣшительно не зналъ цѣны себѣ. Если человѣкъ сдѣлалъ нѣсколько строго филологическихъ изслѣдованій въ новыхъ языкахъ по самой основательной методѣ, то какъ онъ можетъ оставаться въ сомнѣніи и нерѣшительности, когда противъ него возстаетъ явное невѣжество! Можетъ ли человѣкъ, комбинирующій быстро и рѣшительно, открывающій часто геніальнымъ взоромъ то, чѣмъ составляетъ суть предмета и ускользаетъ отъ другихъ — можетъ ли такой человѣкъ дать себя обмануть тривиальности или предрасудку! Притомъ, когда дѣло шло о серьезныхъ вопросахъ, Кауфманъ далеко не былъ робкимъ и сдержаннымъ. Мнѣ случилось однажды видѣть его спорящимъ такъ рѣзко и горячо, что можно было ожидать всякихъ крайностей... Но въ немъ постоянно жило сознаніе какого-то внутренняго несовершенства своего: самому заботиться о себѣ онъ находилъ невозможнымъ; онъ охотно и тѣсно примыкалъ къ другимъ, а ему никогда бы въ голову не пришло играть гдѣ бы то ни было первую роль даже самымъ обыкновеннымъ образомъ. Его милый характеръ,

его тонкое сочувствіе всему благородному и прекрасному прибрѣтало ему всюду, гдѣ бы онъ ни являлся, друзей и расположенныхъ людей, но онъ никогда не принималъ этого расположенія какъ нѣчто, понятное само собою, а всегда чувствовалъ себя обязаннымъ и благодарнымъ за него.

«Эта скромность простиралась и на его литературную дѣятельность и въ этомъ отношеніи имѣла нѣкоторое основаніе. Онъ мыслить тонко и отчасти гениально, но мыслить отрывками. Для «Атенеума» братьевъ Шлегелей онъ былъ бы важнымъ сотрудникомъ, но нашему времени уже было чуждо это направленіе, да и самъ онъ былъ слишкомъ скромнѣе, чтобы рѣшиться печатать отрывки. Приступая къ каждой изъ своихъ статей, онъ всегда имѣлъ твердое намѣреніе образовать одно художественно округленное цѣлое, и рѣдко сознавалъ онъ, что это ему вполне удалось. Мысли у него цѣплялись одна за другую, но не лились свободно, широко; въ его работахъ вы могли наслаждаться отдѣльными подробностями, но онѣ не увлекали, не сковывали васъ — а это для журналиста опасный недостатокъ.

«Когда Куранда въ концѣ этого года основалъ въ Вѣнѣ «Ostdeutsche Post», онъ призвалъ туда своего стараго друга. Но эта дѣятельность скоро утратила пріятность; осадное положеніе и злоупотребленія черно-желтаго правительства волновали въ Кауфманѣ всю кровь не столько своими политическими, сколько нравственными прегрѣшеніями; онъ не могъ писать иначе, какъ въ гнѣвѣ, а для осторожнаго редактора при осадномъ положеніи это не годилось. Нѣкоторыя изъ его сердитыхъ очерковъ нашли себѣ мѣсто въ «Grenzboten», пользовавшихся большою свободою; Густавъ Фрейтагъ въ послѣдствіи собралъ ихъ и, на сколько это было возможно, составилъ изъ нихъ одно цѣлое.

«Немного времени прошло—и въ Вѣнѣ даже друзья Кауфмана стали бояться за его безопасность и совѣтовали ему уѣхать. Тогда онъ вернулся къ намъ, и мы двое и Фрейтагъ прожили вмѣстѣ годъ, обильный удовольствіями и заботами. Но вотъ австрійское правительство обратилось къ саксонскому съ требованіемъ выдать Кауфмана: онъ высказалъ нѣсколько рискованныхъ мнѣній на счетъ самаго императора, и опасность была не малая.

«Мы тайно свезли его на ближайшую желѣзнодорожную станцію, и онъ сперва отправился въ Гамбургъ къ своему брату, потомъ въ Лондонъ, гдѣ Максъ Шлезингеръ какъ разъ въ это время основалъ свою

англійскую «Газетную Корреспонденцію», въ которой Кауфманъ и принялъ съ этого времени главное участіе.

«Теперь у него было обезпеченное скромное существованіе, былъ пріятный кругъ знакомыхъ, такъ какъ домъ Шлезингера былъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ хорошихъ людей изъ Германіи, и онъ, повидимому, вполне приирился со своею судьбою.. Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ его; но передъ моими глазами явственно носится его лице, съ добрыми, чистосердечными глазами, тонкими и умными очертаніемъ губъ, добродушною суетливостью и тихою задумчивостью, въ которую онъ впадалъ послѣ утомленія...»

Возвращаясь къ книгѣ Мейснера для того, чтобы остановиться на довольно забавномъ и интересномъ эпизодѣ, касающемся Гейне и его жены, известной Матильды. Мейснеръ, какъ извѣстно, былъ близкій человѣкъ въ домъ знаменитаго поэта, во время своего пребыванія въ Парижѣ. Вышеупомянутый эпизодъ относится къ 1849 г., т. е. къ той порѣ, когда болѣзнь Гейне уже достигла сильной степени развитія; въ это время къ его физическимъ страданіямъ присоединились многія моральныя непріятности и мученія, въ которыхъ не малую роль играли услуги такъ называемыхъ друзей поэта, Богъ вѣсть что говорившихъ и печатавшихъ о немъ, и нападенія его открытыхъ враговъ. На это жаловалась Матильда Мейснеру.

— Ахъ, ужъ эти нѣмцы!—говорила она ему; — они, правда, очень умны и остроумны... но такіе лукавые, такіе злые... Просто удивительно—то и дѣло подставляютъ ножку одинъ другому!.. Только Зейфертъ и составляетъ исключеніе между всѣми ими; онъ совсѣмъ инаго сорта человѣкъ — добрый, искренній!. Нѣтъ, я никогда не могла бы жить между нѣмцами—никогда, никогда!

Мейснеръ однажды возразилъ ей:

— По подложинѣ или даже цѣлой дюжинѣ литераторовъ, живущихъ здѣсь въ Парижѣ, нельзя же выводить заключеніе о характерѣ цѣлой націи. Особенное расположеніе къ остроумничанью, склонность къ сатирѣ не принадлежать къ отличительнымъ свойствамъ нѣмцевъ. Но я разъясню вамъ загадку, и вы тогда къ величайшему вашему удивленію увидите, что признавая превосходство Зейферта предъ всѣми остальными, вы неумышленно говорите нѣмцамъ большой комплиментъ. Дѣло въ томъ, что между всѣми тѣми, которыхъ вы имѣете въ виду, Зейфертъ — единственный настоящій германецъ... Остальные, пожалуй, тоже нѣмцы, но они

не германцы. Они... ну, да, евреи живутъ уже нѣсколько столѣтій съ нами и совершенно слились съ нашей націею въ гражданской и политической жизни... но... но въ нихъ все таки не могли не остаться особенности, отличающія ихъ отъ другихъ народовъ... и вотъ почему я говорю: тѣ, на которыхъ вы жалуетесь, конечно нѣмцы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и евреи...

— Какъ!—вскричала Матильда, совершенно цораженная;—они евреи? Евреи?.. Да, правда, Александръ Вейль еврей, онъ самъ сознался мнѣ, что хотѣлъ сдѣлаться раввиномъ... но остальные, всѣ остальные.. Есть тутъ, напримѣръ, Иетелесь... Иетелесь... вѣдь это фамилія нѣмецкая, совсѣмъ нѣмецкая?..

— Скажите скорѣе греческая, древнегреческая—возразилъ Мейснеръ,—но тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь утверждать, что нашъ другъ Иетелесь столь же мало древнегреческаго, сколько и древнегерманскаго происхожденія..

— Ну, положимъ. Но Аблесъ... Бамбергъ...

— Тоже самое.

— О, вѣтъ, вы ошибаетесь, всѣ они совсѣмъ не евреи. Въ этомъ вы меня никогда не убѣдите! Вы, пожалуй, станете еще доказывать, что Ковъ (Коганъ) еврей? Но Ковъ родственникъ моего Аври, а Аври вѣдь протестантъ!

— Я—разсказываетъ Мейснеръ, передавая этотъ разговоръ—я вдругъ замолчалъ. Подобно человѣку, который, идя по замерзшему озеру, вдругъ нежданно видитъ, что вода просачивается сквозь расщелину льда—я остановился. Самымъ случайнымъ образомъ узналъ я нѣчто повидимому невѣроятное—именно, что Гейне не сказалъ жевѣ о своемъ происхожденіи и что она, наивная какъ ребенокъ, ничего о томъ не знала. Его баллада объ испанцѣ—ненавистницѣ евреевъ, внезапно узнающей, что ея возлюбленный—сынъ «ученаго раввина Саррагоскаго», пролетѣла у меня въ головѣ.

— Вы правы,—отвѣчалъ я очень серьезно;—на счетъ Кона я ошибся.

— Ну, вотъ видите!—торжествовала Матильда;—Ковъ нисколько не еврей, а между тѣмъ у него такой же злой языкъ, какъ и у остальныхъ нѣмцевъ!.. Онъ, вѣроятно, и протестантъ, какъ Аври... потому что Аври... ха, ха, ха!.. Аври протестантъ, вѣрить въ Лютѣра!.. Когда я ему говорю, что Лютѣръ былъ отвратительный еретикъ, онъ ужасно злится и доказываетъ, что неправда, что этотъ Лютѣръ былъ великій человѣкъ, самый великій нѣмецъ, какой когда либо жилъ на свѣтѣ!.. Ахъ, ты Господи,

какъ это человѣкъ можетъ быть и умнымъ, и ученымъ, а говорить такія глупости! А вы, мосье, какаго мнѣнія на счетъ Лютѣра?

— Я считаю его не величайшимъ вѣщцемъ, но все таки очень великимъ человѣкомъ между христіанами...

— O mon Dieu, mon Dieu! Только и остается, что зажать уши и убѣжать!.. Прости вамъ Господи за такія грѣшныя рѣчи!..

Въ заключеніе приведемъ здѣсь разсказъ Мейснера, касающійся его трагедіи «Жена Урін»:

«Во время моего путешествія въ Шотландію я провелъ однажды цѣлый день на кораблѣ.

«Море было неспокойно, небо покрыто густыми тучами. Весь день я не видѣлъ ничего, кромѣ сѣраго моря, и только кое-когда различалъ на горизонтѣ корабль, борющийся съ вѣтромъ и волнами и наконецъ исчезавшій въ туманѣ.

«Чтобы однако почитать хоть что нибудь, я взялъ съ собою на палубу единственную книгу, найденную мною въ каютѣ. Это былъ Ветхій заветъ. Я раскрылъ его на исторіи царя Давида и сталъ читать... Исторія этого удивительнаго выскочки, который не брезгалъ никакими средствами, чтобы достигнуть престола, который то хитро эксплуатировалъ жрецескую партію, то попиралъ ее ногами, который сумѣлъ переработать слабую власть своихъ предшественниковъ въ прочный деспотизмъ, который, наконецъ, даже за гробомъ чинилъ судъ, чтобы обезпечить престолъ своему сыну и наслѣднику—эта исторія вдругъ воспламенила мою фантазію. Я рѣшился воспроизвести этотъ характеръ въ драмѣ.

«До сихъ поръ еще такой характеръ, какъ царя Давида, кажется мнѣ въ высшей степени интереснымъ для каждаго, смотрящаго на него безъ традиціонныхъ предразсудковъ и ужѣющаго, стережь съ этого образа всѣ наносныя краски, возстановить его въ настоящемъ и первобытномъ видѣ. Въ жизни этого человѣка Макиавель могъ бы почерпнуть доказательства для каждой главы своего сочиненія „Il Principe“. Давидъ вызывается въ своихъ ссвременникахъ удивленіе своею храбростію; симпатію—своею ловкою и лицемѣрною кротостію и неистощимъ въ приисканіи средствъ. Однажды достигнувъ господства, онъ отлично умѣетъ выставлять проявленія своей истительности волею неба. Подобно всѣмъ деспотамъ, онъ соединяетъ способность льстить инстинктамъ массы съ глубокимъ сознаниемъ того, что нужно именно сдѣлать въ данное время. Своими страстями онъ

управляетъ почти вполнѣ изъ темнаго тайника своей души. Въ преступленіяхъ своихъ кается онъ только тогда, когда они выходятъ наружу. Фундаментъ его натуры составляетъ смѣсь хитрости и смѣлости, національной горячности и холоднаго эгоизма; основная идея его жизни — закрѣпить престолъ за его родомъ. Эта проблема удается ему вполнѣ, потому что величіе и мощь Соломона суть исключительно плодъ его работы.

«Это конечно не ходячій, распространенный въ массѣ взглядъ на сына Ишая, и драма, выставившая его въ такомъ видѣ, должна была натурально встрѣтить возраженія и нападки. Но и мое воззрѣніе на еврейскій народъ тоже не согласовалось съ общепринятымъ воззрѣніемъ. Это былъ тотъ взглядъ, который я приобрѣлъ въ свое время во Франкфуртѣ, благодаря бесѣдамъ съ Фейербахомъ и Руге...

«Особенно заинтересовала меня эпизодъ Давида и Ури; онъ долженъ былъ возбуждительно подѣйствовать на писателя, который не боится ничего сильнаго и опаснаго. И развѣ не въ высшей степени изумителенъ этотъ случай—когда цѣломудріе жены играетъ такую важную роль, что вызываетъ цѣлое государственное событіе? Владыка государства обольстилъ жену своего популярнѣйшаго полководца во время его отсутствія, это повлекло за собою важныя послѣдствія, любовная интрига, вначалѣ стоявшая внѣ всякой политики, скоро переходитъ, благодаря общественному положенію любовника, въ ту сферу, гдѣ она начинаетъ потрясать весь государственный порядокъ. Не совершенно ли естественно, что ничѣмъ не стѣсняющійся властитель теперь старается прежде всего скрыть эту исторію? Вѣдь прелюбодѣй не привыкъ дѣлиться съ другимъ... Но здѣсь онъ наталкивается на душевное благородство, на идеализмъ жены, которая говоритъ: «Пусть будетъ со мною что будетъ! Я не присоединю втораго преступленія къ первому и сознаюсь во всемъ своему мужу, какъ только онъ вступитъ въ мою комнату...»

Давиду однако приходится бояться не только оскорбленнаго мужа, но и духовенства, которое желаетъ поддерживать теократическій характеръ государства и блюдетъ нравственный порядокъ въ племени Израила. Разоблаченіе прелюбодѣянія владыки государства, при помощи разгнѣваннаго народнаго инстинкта, должно привести къ побѣдѣ іерархіи. И тогда прелюбодѣй прибѣгаетъ къ радикальному средству — принести въ жертву мужа и насильственно удалить единственнаго человѣка, которому извѣстно его преступленіе. Но это послѣднее, вмѣсто того, чтобы исчезнуть, только удвоилось. Народная молва возстаетъ противъ виновнаго какъ непобѣди-

ная власть, она настойчиво говорить про это двойное преступленіе. Давидъ долженъ быть смущенъ и встревоженъ тѣмъ болѣе, что онъ былъ убѣжденъ въ тщательномъ сокрытіи своего преступнаго дѣла и что онъ никакъ не могъ думать, чтобы это дѣло могло повлечь за собою самыя тяжкія, самыя трагическія послѣдствія.

«Къ тревожному волненію, въ которое онъ повергнутъ, присоединяется то обстоятельство, что противъ него враждебно возстають народъ, охваченный нравственнымъ негодованіемъ, духовенство, полное іерархическихъ вождедѣній, войско, возмущенное коварнымъ убійствомъ самого популярнаго полководца, и что изъ рукъ его исторгается вся власть какъ разъ въ ту минуту, когда всѣ громы небесныя необходимы ему для его спасенія. Царица принуждена, какъ самая убогая женщина, явиться на скамьи подсудимыхъ, и предупреждаетъ приговоръ, сама произнося себѣ осужденіе, и царю приходится быть свидѣтелемъ этого! Его корона снимается съ его головы жреческою рукою; и та же рука съ умнымъ расчетомъ кладетъ ее на прежнее, теперь уже оскверненное, мѣсто.

«Давидъ, какъ лишенный воли, какъ будто во снѣ, позволяеть вражескимъ рукамъ распоряжаться на его головѣ. Онъ смотритъ на себя не какъ на преступника, но только какъ на лишеннаго власти человѣка... Поэтому, едва только удалось ему вновь вознестись на высоту, онъ выступаетъ передъ нами какъ человѣкъ, собирающій выпавшія было изъ его рукъ и разсыпавшіяся орудія власти, съ нѣмыми, но пламеннымъ рѣшеніемъ страшно отомстить за себя — и это опять таки не для того, чтобы наказать своихъ враговъ, но съ цѣлью провозгласить о возвращеніи къ нему утраченной на время власти и выставить испытанное имъ увиденіе преступленіемъ, свое же преступленіе — какою-то сказкою, небывающею.

«Дойдя до этого положенія, онъ, кажется, спрашиваетъ себя: Что со мною произошло? Не было ли все это только тяжелымъ сномъ?

«Этотъ-то эпизодъ изъ жизни Давида занялъ мою фантазію и такъ сильно возбудилъ мое творчество; это тѣсно замкнутое, на самомъ себѣ основанное дѣйствіе сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ моей пьесы. Я не напечаталъ ее сперва только для сцены, въ приспособленіи къ этой послѣдней, а прямо какъ книгу, потому что представленіе ея на сценѣ, особенно тогдашней, не могло быть дозволено.

«А между тѣмъ, недозволеннымъ въ пьесѣ являлось именно то, что я почти буквально заимствовалъ изъ Ветхаго Завѣта:

«И Давидъ сказалъ Уріи: Сойди внизъ въ твой домъ и умой свои ноги. И когда Урія вышелъ изъ царскаго дома, за нимъ послѣдовали подарки царя.

«И Урія легъ спать предъ дверью царскаго дома, гдѣ лежали всѣ слуги его господина, и не сошелъ внизъ, въ свой домъ.

«И когда объ этомъ донесли Давиду, Давидъ сказалъ ему: Отчего ты не сошелъ внизъ, въ домъ свой?

«И Урія отвѣчалъ: Кивоть и Израиль, и Иуда остаются въ шатрахъ, а мнѣ идти въ свой домъ, чтобы ѣсть, и пить, и возлежать подлѣ моей жены? Какъ живъ ты и жива душа твоя, я не сдѣлаю этого!

«И Давидъ пригласилъ его ѣсть и пить съ собою и напоилъ его пьянымъ. Но Урія пошелъ спать со слугами своего господина и не сошелъ внизъ въ домъ свой.

«И на утро Давидъ написалъ письмо къ Іоаву и отправилъ его черезъ Урію. (II кн. Царей, глава II).»

«Грубый и чувственный характеръ, который эта сцена имѣетъ въ этомъ изложеніи, слѣдовало по моему мнѣнію совершенно уничтожить, сообразно требованіямъ нашей,—болѣе высокой культуры. Моя Вирсавія явилась полною противоположностью Вирсавіи библейской. Эта послѣдняя—женщина слабая и соглашающаяся на придуманный Давидомъ исходъ; моя же Вирсавія—героиня. Она разстается со своимъ любовникомъ уже при первомъ намекѣ на этотъ исходъ и сознается мужу въ своемъ преступленіи, какъ только онъ появляется передъ нею. Вмѣсто того, чтобы быть его рабой, она дѣлаетъ его судьей ея преступленія.

«Такая постановка представлялась мнѣ полнымъ нравственнымъ искупленіемъ...

«Но она не оказалась таковымъ на самомъ дѣлѣ, и насколько пьеса доставляла мнѣ наслажденіе въ то время, когда я работалъ надъ нею, на столько же огорченія принесла она мнѣ потомъ. Большинство читателей испугалось, увидѣвъ такую личность, какою привыкли считать Давида, въ столь рѣзкомъ освѣщеніи, и признало умышленною профанаціею источника то, что было естественнымъ результатомъ драматической разработки матеріала. Небыло недостатка въ обвиненіяхъ съ религіозной и нравственной точки зрѣнія, и только нѣкоторые критики, напримѣръ, Юліанъ Шмидтъ, указывали, что я сдѣлалъ шагъ впередъ сравнительно съ моими прежними произведеніями. Адольфъ Штаръ, мой другъ Іосифъ Вауэръ и кенигсберг-

скій философ Розенкранцъ хвалили меня съ большими ограниченіями. Утѣшеніемъ для меня послужило письмо Гейне. Онъ писалъ:

«Что касается вашей трагедіи «Жена Урлі», то я прочелъ ее два раза и познакомился также съ приложенными къ ней критическими отзывами. Пьеса произвела на меня очень сильное впечатлѣніе, и я предсказываю вамъ прекрасную будущность на этомъ поприщѣ. Она написана смѣло и имѣетъ только одинъ недостатокъ,—что наноситъ сильный ударъ всей нѣмецкой сентиментальности... Ваша Вирсавія — прекрасный, чистый образъ, нарисованный цѣломудреннѣйшею кистью, и въ противоположность ей, ея возлюбленный—холодный тиранъ, полный эвергіи и присутствія духа, какииъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Въ третьемъ актѣ дѣйствительно переносишься въ пустыню; но наиболѣе удались вамъ по моему мнѣнію два послѣднихъ акта... «Объ ограниченности вашихъ рецензентовъ сказать нечего. Они не видятъ въ вашей пьесѣ патриархальнаго міра, который конечно не есть міръ библейскій въ старомъ смыслѣ этого слова...»

II.

Въ началѣ нынѣшняго года вышла въ высшей степени интересная „перениска“ покойнаго Бертольда Ауэрбаха съ его родственникомъ Яковомъ Ауэрбахомъ, снабженная пріятнѣйшими Шпилъгагена *. Значительная часть этихъ писемъ касается отношенія Ауэрбаха къ еврейству и такъ называемому «еврейскому вопросу», и мы въ непродолжительномъ времени познакомимъ нашихъ читателей съ ихъ содержаніемъ. Покажемъ же спѣшимъ привести сужденіе того же Юліана Шмидта, съ которымъ мы уже имѣли дѣло сегодня, объ этой части переписки Ауэрбаха, (замѣтимъ, что онъ разбираетъ вообще всю книгу)—сужденіе, съ которымъ мы не можемъ согласиться во многихъ пунктахъ, но которое отъ этого нисколько не утрачиваетъ своего интереса, тѣмъ болѣе, что высказано однимъ изъ очень выдающихся людей нѣмецкой интеллигенціи и близкимъ другомъ автора «перениски».

Вопроса объ отношенія Ауэрбаха къ еврейскому вопросу Шмидтъ ка-

* Berthold Auerbach. Briefe an seinem Freund Jakob Auerbach. Ein biographisches Denkmal. Mit Vorbemerkungen von Friedrich Spielhagen und dem Herausgeber. 2 B-de. Fr. a.M. 1884.

сается по поводу сужденія своего о шаткости его политических убѣжденій, рядомъ съ которою онъ ставитъ и шаткость—вѣрнѣе, скептическую нерѣшительность—относительно убѣжденій религіозныхъ. Сказавъ о ней вообще, Шмидтъ переходитъ къ занимающему насъ предмету.

„Быть можетъ,—разсуждаетъ онъ—именно тайное сознаніе этого внутренняго колебанія и было обстоятельствомъ, сдѣлавшимъ въ послѣднее время такъ называемый еврейскій вопросъ темнымъ пятномъ его жизни. Мы должны коснуться здѣсь этого вопроса, потому что между тѣмъ какъ противоположныя партіи старались перекричать одна другую, въ концѣ концовъ все-таки не уяснилось, о чемъ собственно шла рѣчь. Но его и вообще слѣдуетъ непременно коснуться, потому что попытка критически разложить предразсудокъ есть лучшее средство вырвать его изъ рукъ невѣжественной толпы. Привидѣніе исчезаетъ, чуть только на него пошли прямо и смѣло; предразсудокъ является въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, коль скоро его вскрыли анатомическимъ ножомъ; онъ продолжаетъ разрастаться, когда мы утаиваемъ его, чтобы не вызывать досады и раздраженія.

„Религіозный мотивъ долженъ быть непременно выдѣленъ изъ этого вопроса; его притянули сюда только искусственно, чтобы закрасить антипатіи другаго рода. Въ средніе вѣка преслѣдованіе евреевъ періодически возникало каждый разъ, когда чернь искусственно возбуждали къ фанатизму вообще; евреевъ убивали точно также какъ еретиковъ-христіанъ, потому что такъ ужъ искони велось, и потому что желали завладѣть ихъ сокровищами. Кто еще въ настоящее время возбуждаетъ чернь противъ ея еврейскихъ согражданъ по мнимымъ религіознымъ мотивамъ, долженъ по моему убѣжденію подлежать уголовному наказанію.

«Къ необходимымъ условіямъ государства нашего времени принадлежатъ еще то, чтобы всѣ граждане его пользовались полными гражданскими и государственными правами. И именно по соображенію о томъ, что полезно и необходимо для государства, а совсѣмъ не по особой симпатіи къ евреямъ, либерализмъ осуществилъ шагъ за шагомъ эмансипацію евреевъ, и ей не слѣдуетъ наносить ни малѣйшаго ущерба, ибо полная или частичная безправность одной части гражданъ всегда составляетъ болѣзнь всего государства вообще. Отымать у крещенныхъ евреевъ какое бы то ни было, малѣйшее изъ гражданскихъ правъ, никогда еще не рѣшалось никакое безуміе; точно также непозволительно посягать на права тѣхъ евреевъ, которые желаютъ сохранять религію своихъ предковъ—потому что въ еврейской

религія нѣтъ ничего, противорѣчащаго нашимъ юридическимъ понятіямъ. Христіанство не подвергается никакой опасности отъ того, что еврейскій культъ продолжаетъ существовать; опасность заключается скорѣе въ переходѣ евреевъ въ христіанство по внѣшнимъ причинамъ, безъ внутренняго побужденія. Но именно враги и преслѣдователи евреевъ не желаютъ конечно затруднять этотъ переходъ.

«Наконецъ разрѣшеніемъ гражданскаго брака евреямъ дана полнѣйшая возможность окончательно сливаться съ тою націею, среди которой они ведутъ свое государственное существованіе.

«И такъ эти пункты слѣдуетъ всегда оставлять внѣ спора, когда желаютъ прийти къ соглашенію на счетъ существующаго предрасудка. А что онъ существуетъ—это несомнѣнно, и у него есть свое историческое основаніе.

«Слушая тысячи упрековъ, дѣлаемыхъ евреямъ вообще, каждый отдѣльный еврей можетъ всегда сказать: до меня они не касаются! Но одно обвиненіе не можетъ онъ отстранить отъ себя, хотя оставаясь лично невиннымъ: обвиненіе въ принадлежности къ народу, въ которомъ уже три тысячелѣтія нераздѣльны раса и религія, который всегда признавалъ себя избраннымъ народомъ божіимъ, который не желалъ никакого смѣшенія съ другими народами, который продолжалъ упорствовать въ этой изолированности и тогда, когда его политическое существованіе прекратилось, когда онъ увидѣлъ себя въ необходимости разстаться по землѣ и устроиться среди другихъ народовъ, подъ покровительствомъ законовъ другихъ государствъ.

«Феноменъ, какому нѣтъ подобнаго во всей всемірной исторіи! Онъ свидѣтельствуетъ о необычайной генетической живучести. Но именно эта упрямая живучесть одного народа вызвала неудовольствіе другихъ. Евреи сохранили въ чистотѣ свою расу и именно потому удержали въ своемъ внѣшнемъ видѣ, движеніяхъ, манерѣ говорить, отчасти и въ характерѣ, извѣстныя особенности, кидающіяся въ глаза и отличающія ихъ отъ общей массы. Эта отличительность уничтожается все больше и больше по мѣрѣ того, какъ одна часть евреевъ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе примыкаетъ къ европейской цивилизаціи; но она продолжаетъ жить въ тѣхъ слояхъ народа, которые остались чужды этой цивилизаціи. Судьба многихъ образованныхъ евреевъ, поразительнѣйшимъ примѣромъ которыхъ въ этомъ случаѣ служить Ауэрбахъ, заключается именно въ томъ, что они

принимаютъ и на свой счетъ тѣ мнѣнія и упреки, которые высказываются относительно вышеупомянутыхъ низшихъ слоевъ.

«Къ причинамъ неудовольствія противъ евреевъ присоединилось еще то обстоятельство, что они почти исключительно занялись торговлею и главнымъ образомъ денежною. У народовъ земледѣльческихъ и воинственныхъ это занятіе не въ почетѣ: имѣть возможность занимать деньги—приятно, но отдавать ихъ, да еще съ большими процентами—не доставляетъ никакого удовольствія. Бывали и въ средніе вѣка евреи, предававшіеся либеральнымъ занятіямъ, но они представляли собою исключенія, и въ общественномъ мнѣніи еврейство и ростовщичество оставались понятіями синонимичными. Этотъ предрасудокъ перешелъ и въ новое время, когда евреи съ самымъ похвальнымъ рвеніемъ посвящаютъ свою дѣятельность искусству и наукѣ, государственной и военной службѣ; но онъ принялъ иную окраску: въ наше время говорятъ именно, что и въ этихъ новыхъ стремленіяхъ конечнымъ и скрытымъ мотивомъ все-таки остается старый торговый духъ.

«Это предрасудокъ, опровергаемый блестящими примѣрами: во всѣхъ этихъ сферахъ люди еврейскаго происхожденія дѣйствовали съ искреннею и глубокою любовью и самопожертвованіемъ и достигали очень утѣшительныхъ результатовъ. Но рядомъ съ этими людьми все еще продолжаетъ существовать масса, состоящая изъ торговыхъ людей, которые наблюдателю представляются въ двухъ главныхъ видахъ: во первыхъ мелкій торговецъ, переселившійся съ востока и непріятный своею навязчивостію; во вторыхъ попавшій въ бароны милліонеръ, который считаетъ своею обязанностію относительно своего новаго званія «какъ можно дальше отстранять отъ себя мѣщанскій элементъ». И вотъ, когда о подобныхъ проявленіяхъ начинаютъ говорить съ горечью, или выставляютъ ихъ съ комической стороны—образованный еврей, котораго эти упреки не касаются ни малѣйшимъ образомъ, чувствуетъ однако и себя обиженнымъ наравнѣ съ тѣми, на кого они обрушиваются. Съ этою нервною шекотливостію надо будетъ бороться весьма серьезно, когда вслѣдъ за устраненіемъ безпорядка возстановятся либеральныя отношенія.

«Самъ Ауэрбахъ въ своемъ разсказѣ «Поэтъ и Купецъ» изобразилъ извѣстнаго Ефраима Ку, не перестающаго говорить о «неизмѣримой еврейской скорби».—Онъ воображаетъ, что къ нему относятся взгляды и улыбки, которыя, быть можетъ, нисколько не имѣютъ его въ виду, и этотъ постоянный трепетъ при внутреннемъ сознаніи права на всякое благородное общеніе съ людьми губить всякую бодрость и энергію!..»—«Ты все

хочешь, — возражаетъ ему братъ его, — чтобы другіе забыли, что ты еврей, а самъ ни на минуту не забываешь этого! Посмотрись-ка въ зеркало, вѣдь ты боленъ».

«Но какиѣмъ образомъ Ефраимъ Ку дошелъ до того, что въ каждомъ взглядѣ не-еврея видитъ вѣчто презрительное, оскорбительное для себя? Это потому, что онъ какъ бы предвосхищаетъ ощущеніе другихъ; потому, что именно въ быстро стремящихся къ прогрессу еврейскихъ кругахъ нанолебѣ рѣзко чувствуется контрастъ между низменною и высшею жизнью. Ефраимъ смотритъ на своихъ неразумныхъ, грубыхъ одновѣрцевъ точно такими же глазами, какими, по его предположенію, смотрятъ на нихъ другіе; и ему въ высшей степени мучительно думать, что его ставятъ въ одну категорію съ этими людьми. Ему видятся презрительные взгляды, потому что онъ ожидаетъ ихъ, какъ совершенно естественные. Подобныя явленія будутъ всегда повторяться тамъ, гдѣ прыжки изъ тяжелаго, убогаго положенія въ положеніе повидимому блестящее слѣдуютъ одинъ за другимъ слѣшкомъ рѣзко и неожиданно.

«Рахиль Левинъ самымъ тяжелымъ трагизмомъ своей жизни считала то, что она была еврейка; но почему это? Самые выдающіеся люди любятъ ее, удивляются ей, восторгаются ею; ни одному не приходитъ въ голову видѣть въ ней еврейку или ставить ее ниже ради этого. Но сама она не можетъ освободиться отъ этого сознанія; она стыдится своего происхожденія, людей окружающихъ ее, она чувствуетъ «свое душевное благородство поруганнымъ» этими людьми! Ей, поднявшейся на чистѣйшую высоту европейской образованности, противны мелочныя интересы ея кружка. Это проявленіе нервного безпокойства достойно порицанія, но понятно, и кто вполне уяснить его себѣ, тотъ увидитъ и «еврейскій вопросъ» въ новомъ свѣтѣ.

«Посмотрись-ка въ зеркало, вѣдь ты боленъ!» Съ этимъ словомъ Ауэрбаху слѣдовало бы неоднократно обращаться къ самому себѣ, потому что его съ лихорадочною силою преслѣдуетъ мысль о возможности быть поставленнымъ въ одну категорію чуть не съ Шейлокомъ. Въ лучшихъ друзьяхъ своихъ онъ подозрѣваетъ тайную ненависть къ евреямъ: въ Гуцковѣ, въ Лаубе, въ Г. Фрейтагѣ, во мнѣ, тогда какъ мнѣ никогда и въ голову не приходило, что у Ауэрбаха есть что нибудь общее съ еврействомъ. Густавъ Фрейтагъ, выводя на сцену въ своемъ романѣ «Soll und Haben» Эренталя, Фейтла Ицига и др., старательно избѣгаетъ называть ихъ «евреями» и постоянно говорить только о «дѣльцахъ», что и

правильнѣе. Ошибочно называютъ биржевое занятіе «еврейскимъ», потому что вѣдь и христіане играютъ на биржѣ видную роль. Но они составляютъ крошечное меньшинство, а *a potiori ftt denominatio*. Развѣ Эренталь и Фейтель Ицигъ не истинные типы и не вполне заслуживаютъ изображенія?

«Подозрѣніе въ юдофобіи возникаетъ у Ауэрбаха, чуть только напирѣе подвергаютъ сомнѣнію спинозизмъ Лессинга. Однажды въ обществѣ одинъ образованный человѣкъ начинаетъ въ его присутствіи подражать еврейскому жаргону; Ауэрбахъ тотчасъ же убѣжденъ, что это надъ нимъ издѣваются, хотя въ его выговорѣ не было ровно ничего еврейскаго. Онъ считаетъ «нечеловѣчнымъ» (inhuman) насмѣхаться надъ еврейскимъ выговоромъ. А между тѣмъ въ немъ самомъ была развита до величайшей возможности способность пародировать верхне-саксонское нарѣчіе, и онъ часто заставлялъ надъ этимъ хохотать до слезъ. Если можно пародировать верхне-саксонскую рѣчь, отчего же нельзя дѣлать тоже съ польско-еврейскою? Чѣмъ еврей въ этомъ случаѣ лучше верхне-саксонцевъ?

«Кто-то утверждаетъ, что еврей нисколько не склонны и неспособны къ лиризму. Это мнѣніе опровергается уже псалмами; но если Ауэрбахъ и тутъ начинаетъ жаловаться на нечеловѣчность и духъ преслѣдованія, то скажите пожалуйста—что общаго между человѣчностью и эстетическимъ сужденіемъ?—Рихардъ Вагнеръ обвиняетъ Феликса Мендельсона и Мейербера въ томъ, что они дали музыкѣ фальшивое направленіе. Ауэрбахъ почти такого же мнѣнія, но такъ какъ Вагнеръ озаглавливаетъ свою брошюру «Еврейство въ музыкѣ», то Ауэрбахъ считаетъ безчестнымъ со стороны еврея—восторгаться музыкой Вагнера! Стало быть, взглядъ на достоинство художника долженъ сообразоваться съ отношеніемъ этого послѣдняго къ еврейскому вопросу? Если бы такое правило нашло у евреевъ общее распространеніе, то конечно было бы нелегко прійти къ окончательному соглашенію въ еврейскомъ вопросѣ...

«Ауэрбахъ избралъ Спинозу своимъ любимымъ философомъ; онъ неоднократно выставляетъ впередъ его принципы, что не слѣдуетъ ни хвалить, ни порицать происходящее на свѣтѣ, но должно принимать все это какъ необходимое. Эту доктрину Ауэрбахъ не примѣнялъ на практикѣ: съ еврейскимъ вопросомъ для него уничтожается вся міровая гармонія, связь всего существующаго во вселенной.

«И однако же онъ гордится Спинозой и видитъ въ немъ одно изъ величайшихъ украшеній еврейства. Съ нѣкоторымъ изумленіемъ упоминаетъ

онъ, что никто не нападалъ на еврейство такъ страстно, какъ это сдѣлалъ однажды Спиноза, и мягко порицаетъ его за это, объясняя, что мудрецъ увлекся въ этомъ случаѣ личнымъ негодованіемъ. Но не только личное негодованіе, не только обрушившееся на него гоненіе вызвало эти рѣзкія нападки; тутъ дѣйствовала ясно сознанныя противоположность принципа: Спиноза понялъ, что главное зло въ исторіи и образованіи его народа составляетъ крайнее преувеличеніе національнаго чувства, и съ этимъ кореннымъ недостаткомъ слѣдуетъ и теперь бороться образованнымъ евреямъ, если они желаютъ дойти до истинной гуманности, девизъ которой написать ими на своемъ знамени. Я не согласенъ съ мнѣніемъ Ауэрбаха, что еврейство со своею раввинскою образованностью, недостатки которой хорошо видитъ, представляетъ благопріятную почву для созданія такихъ образцовъ самоотреченія, какъ Спиноза или „Натавъ“; но тѣмъ больше чести для того, кто дѣйствительно достигаетъ цѣли.

«Ауэрбахъ цѣли не достигъ, но серьезно стремился къ ней, и я считаю нужнымъ заключить эти разсужденія указаніемъ того, чего ему не доставало. Онъ постоянно взываетъ къ человѣчности: цѣль прекрасная, но для содѣйствія прогрессу недостаточная; я предпочитаю справедливость. Мы желаемъ быть вполне справедливыми относительно евреевъ, мы желаемъ добросовѣстно бороться съ распространеннымъ противъ нихъ предразсудкомъ, — но мы требуемъ справедливости и для себя. Образованный еврей не долженъ выходить изъ себя, какъ скоро ему указываютъ на недостатки его народа; ему не слѣдуетъ выводить страстное увлеченіе въ бой противъ предразсудка и такимъ образомъ подстрекать чернь противъ черни; его обязанность напротивъ того — съ своей стороны содѣйствовать устраненію того, что призвано за дурное, и такимъ образомъ сдѣлать возможнымъ полное единеніе, которое зиждется не на непроизводительной снисходительности другъ къ другу, но на взаимной трезвой оцѣнкѣ. Это и есть надлежащая цѣль, къ которой стремился, хотя фальшивымъ путемъ, и Ауэрбахъ».

Таково мнѣніе Юліана Шмидта, по поводу котораго, повторяемъ, можно сказать не мало про и не мало contra и вполне оцѣнить которое читатель нашъ получитъ возможность тогда, когда мы познакомимъ его съ тѣми письмами Ауэрбаха, которыя собственно и вызвали эти замѣчанія. Не можемъ еще не отмѣтить въ статьѣ Шмидта очень курьезнаго мѣста, черезъ чуръ уже отызывающагося «жалкими словами». Говоря о томъ, что евреямъ не слѣ-

дуетъ принимать такъ близко къ сердцу нападки на нихъ, онъ восклицаетъ: «Насъ, нѣмцевъ, въ настоящую минуту травятъ и ненавидятъ въ десять разъ больше, чѣмъ евреевъ: французы и русскіе, венгерцы и румыны, чехи и поляки—все соперничаютъ между собою въ неистовствованіи противъ насъ. Мы терпѣливо выслушиваемъ эти нападенія и чувствуемъ себя не хуже отъ этого».

Не правда ли, сравненіе подходящее? Бѣдные нѣмцы!..

N. N.

РАЗЪЯСНЕНІЕ И ОСВѢЩЕНІЕ ПАЛЕ- СТИНСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

(Палестина. Сборникъ статей и свѣдѣній о еврейскихъ поселеніяхъ въ
Св. Землѣ. С.-Петербургъ, 1884).

Газеты уже давно возвѣстили появленіе „сборника“, заглавіе котораго мы выше выписали, и, признаться, мы не безъ нетерпѣнія ожидали его выхода въ свѣтъ, не безъ, нетерпѣнія потому, что думали найти въ немъ существенное разъясненіе такъ называемаго палестинскаго движенія, стимула и мотивовъ послѣдшаго. Мы думали найти въ немъ по крайней мѣрѣ что-нибудь такое, что можетъ претендовать на основательность, на убѣжденіе въ полезности, цѣлесообразности, годности и своевременности такъ называемой палестинской идеи. Словомъ, мы думали найти въ немъ хоть и противника, но воплѣкъ намъ *«gewachsenen»*, какъ говорятъ нѣмцы, и во всеоружіи защищающаго свое знамя. Но какое глубокое разочарованіе! Какой контрастъ всѣмъ нашимъ ожиданіямъ! Палестинскій сборникъ, изданный завзятыми „палестинофилами“, при участіи самыхъ выдающихся свѣтилъ палестинскаго движенія, для преславленія пресловутой палестинской идеи—знаете, какое производитъ впечатлѣніе? Онъ производитъ впечатлѣніе, какъ будто все въ немъ, отъ внутренняго содержанія до внѣшнихъ аксессуаровъ, все, все рѣшительно какъ бы нарочно подобрано для того, чтобы дискретировать эту „палестинскую“ идею, это палестинское движеніе. Этихъ сборникомъ палестинофилы оказали себѣ самимъ такую медвѣжью услугу, какую едва ли могъ оказать имъ самый злѣйшій врагъ ихъ.

— Конечно, много приговора мы и не могли ожидать отъ „Восхода“, отъ этого яраго (будто бы?) врага палестинской идеи — воскликнуть навѣрно палестинофилы, прочтя эти строки.

Но мы увидимъ, есть ли въ вышеприведенныхъ словахъ хоть малѣйшее преувеличеніе, и для этого мы прослѣдимъ все то, что въ „сборникѣ“ хоть сколько нибудь похоже на разъясненіе и обоснованіе палестинской идеи.

Мы поэтому не будемъ останавливаться ни на „пѣсни пилигрима“, ни на напутствіи г. Л. Пинскера, напутствіи, правда, очень тепломъ, но ничего, къ сожалѣнію, кромѣ опять таки очень теплыхъ фразъ, въ себѣ не заключающихъ. Да и мудро было бы сдѣлать что нибудь основательное на полторы страницъ! Г. Пинскеръ заявляетъ только, и должно сознаться, очень рискованно, будто „темная масса“, на вопросъ: куда дѣваться? — „не обинуясь, отвѣчаетъ — переселиться въ Палестину“... Но помимо того, что это заявленіе, какъ мы уже сказали, очень рискованное, невольно рождается вопросъ: съ какихъ это поръ „темная масса“ должна считаться призванною руководить нашею жизнью, отрывательницей идеаловъ и прототипомъ и образцомъ, которымъ должны слѣдовать люди разсудительные и интеллигентные? На этотъ вопросъ почтенный авторъ не отвѣчаетъ, но съ тѣмъ большимъ пафосомъ заключаетъ объ свое напутствіе: „На нашъ взглядъ народный инстинктъ не ошибается. За „идеаломъ“ слышенъ настойчивый реальный вопль: „дайте намъ добыть сухой хлѣбъ въ потѣ нашего лица на святой землѣ нашихъ праотцевъ!“ Но отчего и почему этотъ вопль, если вообще такой вопль дѣйствительно раздается, должно считать *реальнымъ*—это г. Пинскеръ не объясняетъ. Это дѣлаетъ слѣдующій за нимъ авторъ, когда-то ярый „обруситель“, а нынѣ ярый „палестинецъ“, извѣстный г. Л. О. Леванда, безъ сомнѣнія самый выдающійся изъ адептовъ палестинской идеи.

Статья г. Леванды собственно и есть *Schwerpunkt* всего палестинскаго сборника. Отъ-то, г. Леванда, главнымъ образомъ и является тутъ въ роли разъяснителя и обоснователя палестинской идеи. Самое названіе его статьи—«Сущность такъ называемаго палестинскаго движенія», указываетъ на эту его роль, и съ этой статьей намъ, главнымъ образомъ, и придется имѣть дѣло.

Г. Леванда, несомнѣнно, очень умный человѣкъ и хорошо знаетъ положеніе евреевъ. Поэтому все то, что онъ говоритъ объ этомъ положеніи вполне основательно и справедливо, и мы сами даже готовы подписаться подъ этимъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ стилистическихъ *licentia poetica*, въ родѣ „еврей de facto и еврей лишь de jure“, или „это не его вина, а преступленіе тѣхъ условій“, и т. п. Мы, поэтому, не можемъ

себѣ отказать въ удовольствіи привести слѣдующее прекрасное мѣсто изъ его статьи, въ которомъ онъ возстаетъ противъ обвиненія евреевъ въ уклоненіи отъ физическаго и производительнаго труда.

«Мы не можемъ—говорить г. Леванда—и не должны пройти молчаніемъ обвиненія, выдвигаемаго противъ насъ въ томъ, что мы, евреи, потому-де играемъ якобы роль паразитовъ въ экономической жизни народомъ, что мы *труда* не любимъ, боимся его, или презираемъ его, или же вообще неспособны къ нему, благодаря нашимъ племеннымъ особенностямъ, осудившимъ насъ споконъ и до окончанія вѣковъ на жизнь трутней, дармоедовъ, паразитовъ и т. д.

«Противъ этого-то, крайне обиднаго для насъ тезиса—продолжаетъ г. Леванда—мы должны протестовать всѣми силами души нашей и всѣми фибрами физическаго существа нашего, потому что онъ — ложь въ самомъ основаніи своемъ. Нѣтъ, можетъ быть, на свѣтѣ болѣе трудолюбиваго и болѣе трудящагося народа, чѣмъ евреи. Всю жизнь свою, до гробовой доски, еврей, каково бы ни было его общественное положеніе, проводитъ въ неустанномъ трудѣ, въ чемъ бы сей ни выражался, мало заботясь или совсѣмъ забывая объ отдыхѣ, почти вовсе не согласующемся съ его юркой, лихорадочной, неутомимо хлопотливой натурой. Если же его неутомимо-хлопотливая дѣятельность равняется нерѣдко безплодной и даже потѣшной дѣятельности бѣлжи въ колесѣ, то это не его вина, а преступленіе тѣхъ условий, которыя осуждаютъ его на такую унизительную для чело-вѣческаго достоинства работу. По рѣзвости своей природы, рѣшительно неспособной къ лѣни, покою, неподвижности, онъ въ потѣ лица и выбиваясь изъ силъ вращаетъ бѣличье колесо — за недоступностью для него вращать болѣе производительные для общества аппараты. Въ этомъ и весь трагизмъ его нелѣпаго положенія, что, способный и охочій трудиться съ пользой для себя и другихъ, онъ долженъ довольствоваться суррогатомъ труда, такъ какъ почти всѣ дороги къ труду настоящему, производительному, для него загорожены или въ высшей степени затруднены,—что, однако-же, по какой-то странной логикѣ, виѣняется въ непростительную вину ему, а не кому либо другому.»

Вотъ подъ этими-то вполне основательными и прочувствованными строками, мы готовы подписаться обѣими руками. Но...

Но г. Леванда уже такъ созданъ, что онъ можетъ рассуждать умно и здраво лишь о тѣхъ предметахъ, которые онъ лично видѣлъ и наблюдалъ. Это впрочемъ характерная черта и его беллетристическихъ произве-

деней. Высокодаровитый беллетристъ-этнографъ, мастеръ своего дѣла, когда онъ рисуетъ картины, имъ самимъ видѣнныя, когда онъ пишетъ имъ самимъ пережитыя „Очерки прошлаго“, становится совершенно безталаннымъ, когда даетъ волю своей фантази и ударяется въ область романа. Тоже самое случилось съ нимъ и теперь. Когда онъ рисуетъ данное положеніе вещей, то, что онъ самъ видѣлъ и наблюдалъ, онъ реаленъ и разсудителенъ, но коль скоро онъ выходитъ за область имъ видѣннаго и хочетъ быть пророкомъ будущаго, онъ не узнаваемъ: у него подъ ногами внезапно исчезаетъ почва, его совершенно оставляетъ логика, и онъ говоритъ совершенно невозможныя несообразности. Но обратимся къ сущности его статьи.

Г. Леванда взялся „освѣтить“, какъ онъ самъ выражается, „загадочное палестинское движеніе“ и, къ немалому нашему изумленію, видитъ самый основательный мотивъ этого „движенія“—въ чемъ бы вы думали?—въ его *практичности*. (А мы то, глупенькіе, представьте себѣ, до сихъ поръ думали, что палестинская идея—это именно „идеаль“, доступный лишь избраннымъ, и потому собственно намъ, простымъ, погрязшимъ въ прозѣ, смертнымъ, и непонятный,—идеаль, который даже можно осквернить и загрязнить, если смѣшать ее со словомъ „практика“). И вотъ г. Леванда, въ виду именно этой „практичности“ палестинскаго движенія не хочетъ останавливаться на „теоріяхъ“, которыми, по его мнѣнію, даже и не представлялось бы „особенной трудности“, объяснить это загадочное явленіе. Такихъ теорій у г. Леванды даже цѣлыхъ двѣ: одна *мистическая*, а другая *реальная* или *раціональная*—и вотъ что онъ говоритъ о нихъ:

„Для подкрѣпленія первой, можно было бы, съ „книгой книгъ“ въ рукахъ, процитировать не мало пассажей изъ Исайи и другихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, предсказывавшихъ будущія судьбы еврейскаго народа, пассажей, толкуемыхъ нашими агадистами и каббалистами въ желательномъ для мистической доктрины смыслѣ—и вы сразу не только поняли бы смыслъ поражающаго васъ загадочнаго явленія, но легко предусмотрѣли бы и конечный результатъ его. Что же касается второй теоріи, такъ называемой реальной или раціональной, то стоило бы только указать вамъ на нѣкоторыя страницы изъ новѣйшей исторіи народовъ (напр. на возрожденіе эллиновъ и освобожденіе славянъ и румынъ), чтобы вы перестали удивляться, недоумѣвать, такъ какъ вы тогда находили бы, что поражающее васъ явленіе—въ порядкѣ вещей, исторически и логически необходимо.“

Но г. Леванда не хочетъ останавливаться на этихъ теоріяхъ, и хорошо дѣлаетъ, потому что фальшь ихъ обнаруживается при первомъ при-

косновеніи къ нимъ. Что касается первой теоріи, мистической, то надо же сообразить, что если уже быть мистикомъ и проповѣдывать ее съ агадой и кабалой въ рукахъ, то слѣдуетъ уже идти до конца и держаться именно этой мистической теоріи, по которой возвращеніе въ Палестину совершится лишь съ приходомъ Мессіи. А такъ какъ этого Мессіи пока еще нѣтъ, — если не предположить, что развѣ самъ г. Леванда на бѣломъ ослѣ будетъ предводительствовать вставшими изъ гроба, — то о такомъ возвращеніи пока, значить, еще нечего и думать... Реальная или же рациональная теорія г. Леванды до того лишена реальности и рациональности, что объ ней едва ли даже стоитъ упоминать. Въ самомъ дѣлѣ, нужно совершенно не понимать реального міра и смысла извѣстныхъ явленій, чтобы возрожденіе эллиновъ и освобожденіе славянъ и румынъ, никогда не оставлявшихъ своей земли, всегда составлявшихъ одно нераздѣльное національное цѣлое съ однимъ разговорнымъ языкомъ, поставить на одну доску съ евреями, уже 2000 лѣтъ разсѣянными по всему міру, не имѣющими одинаковаго языка и столь разнствующимися между собою, смотра по мѣсту жительства.

Но не болѣе, если еще не шенѣ, удачна попытка г. Леванда объяснить палестинское движеніе ея практичностью. Г. Леванда говоритъ, что еврейскій народъ, въ виду предъявленнаго ему другими народами „хлѣбнаго ультиматума“, рѣшился во что бы то ни стало взяться за производство хлѣба. „И мы не успокоимся — говоритъ онъ между прочимъ — до тѣхъ поръ, пока не наводнимъ всѣхъ рынковъ хлѣбомъ нашимъ“. И такъ, вы всѣ, русскіе хлѣбопашцы, вы, воздѣлыватели «житницы Европы», и вы, американскіе фермеры, посылающіе свой хлѣбъ черезъ море-океанъ, вы всѣ побросайте ваши плуги и бороны, потому-де, что вскорѣ не будетъ никакого сбыта вашимъ произведеніямъ. Одни евреи своимъ хлѣбомъ накормятъ всѣхъ «до сыта», наводнятъ имъ всѣ рынки, и все это съ одного ключка палестинской земли... Изумительная практичность! Ужъ по одной этой фразѣ можно судить, каковаго качества «практика» г. Леванды. Но найдемъ далѣе.

Для того, чтобы производить хлѣбъ, основательно рассказываетъ далѣе г. Леванда, необходимо поле, а такъ какъ здѣсь по близости или въ сосѣдствѣ этого поля нѣтъ, то еврейскій народъ отыскиваетъ это поле за тридевять земель, «такъ какъ для него безразлично, гдѣ ни трудиться, лишь бы не существовало условій, мѣшающихъ ему трудиться и спокойно наслаждаться плодами рукъ своихъ...» «Вотъ въ чемъ — продолжаетъ г. Леванда — сущность, смыслъ и цѣль замѣчаемаго въ послѣднее время въ на-

шемъ народѣ необыкновеннаго движенія» и затѣмъ уже переходить къ объясненію того, почему «эта идея, это движеніе связано преимущественно съ Палестиной», совершенно впрочемъ забывая при этомъ, что въ то время, какъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ въ Америку переселилось слишкомъ 20000 русскихъ евреевъ, въ Палестину ихъ не уѣхало и десятой части этого числа. Но когда человѣкъ фантазируетъ, то онъ реальныхъ цифръ въ расчетъ не принимаетъ.

Но почему же именно, по мнѣнію г. Леванда, рѣчь идетъ только о Палестинѣ? А вотъ почему:

„Помыслы и взоры пробуждающагося къ новой жизни народа нашего обращены теперь преимущественно на востокъ очень просто потому—говоритъ г. Леванда—что на западѣ онъ обжегся, западъ измѣнилъ ему, не оправдалъ его ожиданій или, говоря точнѣе, оттолкнулъ его отъ себя обѣими руками. Чѣмъ больше онъ живетъ, тѣмъ больше онъ убѣждается, что возмущающаяся до облаковъ стѣна, отдѣляющая его отъ западныхъ народовъ и племенъ, не падетъ ни отъ какихъ іерихонскихъ трубъ, ни отъ какихъ гедеонскихъ факеловъ.

„Западные народы—продолжаетъ онъ—никогда не признавали, никогда, какъ видно, и не признаютъ его себѣ равнымъ, почему всегда считали и вѣчно считают его будуще *чужимъ*, лишнимъ, пришельцемъ, гостемъ, притомъ еще непрошеннымъ, нежелательнымъ.“

Разъ увлекшись своей фантастическою практичностью, г. Леванда, какъ видно, и память свою куда-то забросалъ, забылъ совершенно исторію послѣдняго столѣтія, да и способность зрѣнія потерялъ, такъ какъ онъ очевидно не видитъ, что и теперь еще происходитъ передъ его глазами. Неужели г. Леванда совершенно забылъ, что самый принципъ равенства евреевъ не на востокѣ возникъ, а на западѣ, неужели онъ совершенно не знаетъ о существованіи тѣхъ, именно *западныхъ*, государствъ, гдѣ евреевъ не считают ни не равными, ни чужими и пришлецами? Неужели г. Леванда настолько близорукъ, что не замѣчаетъ той, такъ сказать, географической особенности въ положеніи евреевъ, что чѣмъ западнѣе лежатъ извѣстная страна, тѣмъ менѣе можетъ быть тамъ рѣчи о неравенствѣ и чуждости еврейскаго племени, тѣмъ совершеннѣе тамъ цивилизація и тѣмъ полнѣе тамъ эманципація, ассимиляція и вообще все то, что г. Левандѣ угодно называть «театральной декорацией»? Неужели г. Леванда не замѣтилъ, напротивъ того, той характеристичной черты въ положеніи евреевъ, что чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ оно ухудшается, и

что наконецъ новѣйшая реакція, выразившаяся въ гнусномъ антисемитизмѣ, становилась именно сильнѣе и интенсивнѣе, по мѣрѣ приближенія къ востоку и юговостоку. Надо быть совершенно слѣпымъ или роковымъ образомъ ослѣпленнымъ, чтобы этого не видѣть и не замѣчать. Это простиительно недоучившимся, увлекающимся юношамъ, которые не привыкли еще вдумываться въ смыслъ извѣстныхъ явленій и въ добавокъ понятія не имѣющимъ о характерѣ еврейства и его исторіи, юношамъ, изъ которыхъ преимущественно и состоятъ вся, такъ называемая, интеллигентная фаланга адептовъ палестинскаго движенія, — а не такому старому и опытному публицисту, какъ г. Леванда. Но въ своемъ роковомъ ослѣпленіи г. Леванда всего этого не видитъ и не замѣчаетъ и, рассказывая далѣе, что евреи теперь надумались „считаться съ фактомъ своей чуждости на западѣ“, что якобы „западъ безусловно отталкиваетъ“ ихъ, и что имъ, поэтому, нужно «искать счастья на діаметрально противоположной западу сторонѣ», восклицаетъ:

„Вознаѣриваясь начать новую жизнь, жизнь *труда* въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова, онъ не можетъ основывать его на шаткой, постоянно колеблющейся подъ его ногами почвѣ, съ которой каждую минуту могутъ согнать его по праву сильнаго или въ силу безответной антипатіи къ нему. Не можетъ потому, что въ противномъ случаѣ, его мозольнѣйшій трудъ будетъ опять похожъ на сизифову работу съ присвоенными этой работѣ правами и преимуществами, равными нулю“.

Совершенно вѣрно. Еврейскій народъ, дѣйствительно, не долженъ основывать свой трудъ «на шаткой, постоянно колеблющейся подъ его ногами почвѣ, съ которой каждую минуту могутъ согнать его по праву сильнаго». Все это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію и мы, по поводу этого восклицанія г. Леванды, готовы кликнуть ему:

Ваша рѣчь—есть истина святая,
Ничего умнѣй я не слыжалъ!..

Слѣдовательно, теперь вопросъ только въ томъ, гдѣ найти такую траву, которая не была бы *шаткой, колеблющейся подъ его ногами почвой*.

«Такая страна существуетъ—восклицаетъ г. Леванда—страна эта — *Востокъ*».

Уму непостижимо, до какой степени доходить иногда ослѣпленіе фанатиковъ и фантастовъ. *Востокъ*—извольте видѣть — это страна, гдѣ подъ ногами еврея не будетъ, «шаткой, постоянной колеблющейся почвы»,

съ которой «не могутъ согнать его по праву сильнаго». Г. Леванда! Да откуда вы это пріѣхали? Не съ того ли свѣта? Именно съ того свѣта, должно быть! Ибо, если онъ жилъ бы тутъ же съ нами, въ нашей юдоли плача, — мы уже не говоримъ о томъ, что еслибъ онъ увидалъ хоть сколько-нибудь обнять своимъ взоромъ политическое положеніе востока вообще, а слѣдилъ бы хоть только въ послѣдніе два года за излюбленнымъ палестинскимъ движеніемъ, — то онъ не говорилъ бы такихъ невозможныхъ вещей. Востокъ — этотъ вѣчный очагъ всякаго политическаго броженія, всевозможныхъ политическихъ интригъ, Палестина — клочекъ земли, гдѣ султанскіе чиновники и султанскіе фирманы то допускаютъ, то изгоняютъ несчастныхъ еврейскихъ эмигрантовъ — вотъ неизблемая почва, откуда не могутъ согнать еврея, гдѣ вѣтъ права сильнаго! Да побойтесь вы Бога, г. Леванда, и здраваго смысла. Побойтесь, наконецъ, исторіи и фактовъ!..

И все это, видите-ли, называется еще не фантомомъ, а *практичностью*!..

Но, очевидно, тутъ и самъ г. Леванда почувствовалъ, что его *практичность* нѣсколько, даже очень сильно, подхрамываетъ, и онъ ловко уклоняется въ сторону и натагиваетъ другую струнку, уже болѣе похожую на идеальную, и говорить:

«Его (еврея) происхожденія отсюда, къ счастью, никто пока не оспариваетъ, потому что такое оспариваніе ни для кого не представляетъ пока никакой выгоды. Стало быть, есть же на земномъ шарѣ хоть одна страна, въ которой онъ можетъ жить въ качествѣ аборигена, кореннаго, а не чужаго, пришельца. А изъ восточныхъ территорій какой уголокъ можетъ имѣть для него большую притягательную силу, чѣмъ его старая родина *Палестина*, земля обѣтованная, съ которою связаны всѣ лучшія воспоминанія и традиціи его великаго и славнаго прошлаго, котораго онъ не можетъ забыть и по сей день?.. Тамъ стояла его колыбель, онъ тамъ выросъ, возмужалъ, совершенствовался, работалъ и выработалъ тѣ великіе духовные и нравственные принципы, которыми всѣ культурные народы обоихъ полушарій руководствуются и до днесь, находя ихъ непреложными и вѣчными. Она, земля эта, была много вѣковъ его физическимъ, а по сіе время не перестаетъ быть его духовнымъ отечествомъ, съ которымъ ни на одну минуту не прерывалась его духовная связь, не смотря на то, что онъ уже 18 вѣковъ живетъ вдали отъ него. Весьма естественно, что подъ какими вѣшними условіями и при какихъ обстоятельствахъ ему ни приходилось бы существовать на своей старой родинѣ, онъ, по крайней мѣрѣ,

будетъ чувствовать себя *дома*, у себя, на родномъ пепелищѣ,—а на родномъ пепелищѣ и работамъ и охотѣе и прилежѣе; для роднаго пепелища ничего не жаль: никакихъ трудовъ, никакихъ лишеній, потому что оно—свое, родное, неотъемлемое, неоспоримое»...

Но что изъ всего этого слѣдуетъ? Изъ всего этого развѣ слѣдуетъ только то, что евреи могутъ отправляться въ Палестину, могутъ тамъ подвергаться всякимъ лишеніямъ, могутъ тамъ страдать и изнемогать въ борьбѣ съ обстоятельствами или дѣлаться жертвами миссіонеровъ, какъ показывали примѣры послѣднихъ двухъ лѣтъ; но чтобы они тамъ приобрѣли неизбѣжную подъ ногами почву, изъ всего этого отнюдь не слѣдуетъ. Всѣми этими вашими красивыми, пожалуй, даже прочувствованными, даже вѣрными словами вы однако нисколько не уничтожите силы сильнаго. Развѣ кулачное право на востокѣ, въ Палестинѣ, гдѣ теперь, какъ вы сами говорите, „слышно предсмертное христіаніе умирающаго подъ ножомъ дикаря“, имѣетъ меньшее обаяніе, чѣмъ на западѣ? Вы возстааете противъ всякихъ теорій, противъ теорій прогресса, цивилизаціи, ассимиляціи и т. д., а сами бросаете на вѣсы опять таки теорію же—теорію еврейскаго происхожденія съ востока! Но развѣ эта теорія болѣе основательна, справедлива и убѣдительна, чѣмъ теорія равенства людей между собою? Развѣ, наконецъ, теорія признанія человѣческихъ правъ за народомъ, который, какъ вы сами говорите, «выработалъ тѣ великіе духовные и нравственные принципы, которыми всѣ культурные народы обонхъ полушарій руководствуется и до днесь, находя ихъ непреложными и вѣчными»—не неизмѣримо выше теорій происхожденія евреевъ съ востока? А между тѣмъ ее попираютъ же ногами. Почему же вы душаете, что теорія происхожденія съ востока должна непременно быть признаной? Развѣ она менѣе подвержена вліянію права сильнаго и необузданному клику: «*Vae victis!*»? И въ добавокъ еще, гдѣ она должна быть признана: въ странѣ, гдѣ испоконъ вѣку происходятъ вѣчные раздоры, споры и интриги изъ-за извѣстныхъ ключей; на мѣстѣ, которое всякій называетъ «своимъ», на которое всякій предъявляетъ «свое» право, а въ случаѣ надобности можетъ и готовъ выставить извѣстное количество штыковъ и пушекъ для поддержанія этого права!..

Ну, скажите по совѣсти, не фантомъ-ли, не сумасбродство-ли это?..

Нѣтъ, почтенный собратъ. Прискорбно, но надо признаться, что право сильнаго не обращаетъ вниманія ни на тѣ, ни на другія теоріи, какого бы свойства онѣ не были бы. Вся разница только въ томъ, что чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ это право больше обуздывается и регулируется тѣми

достояніями культуры и прогресса, которыя вы называете декорациями, а чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ она, такъ сказать, первобытнѣе и необузданнѣе, потому что тутъ и этихъ декораций нѣтъ. И потому мнѣ всего евреи могутъ искать и найти невыблемую почву на востокъ...

Сдѣлавъ экскурсію въ область теорій, г. Леванда снова возвращается на «практическую» территорію—къ почвѣ, климату и географическому положенію Палестины, которые еврейскій народъ со своими способностями можетъ утилизировать, и онъ долженъ сдѣлать Палестину тѣмъ источникомъ, откуда, какъ раньше выразился г. Леванда, онъ наводнитъ всѣ рынки своимъ хлѣбомъ. Пока же вотъ какъ г. Леванда описываетъ состояніе Палестины:

«Страна, за немногими исключеніями, лежитъ теперь пустыремъ. Бывшая въ рукахъ евреевъ землю, текущую молокомъ и медомъ, она въ рукахъ завоевателя превратилась въ мерзость запустѣнія. Нѣкогда цвѣтушіе и густо населенные-города представляютъ теперь собою груды развалинъ. Дороги непроходимы, рѣки засорены, виноградники запущены, поля необработаны. Гдѣ кипѣла жизнь, тамъ царствуетъ гробовая тишина и смерть отъ миазмовъ и испареній. Гдѣ раздавалась звонкая пѣснь отъ избытка жизнерадостнаго чувства, тамъ слышно предсмертное хрипѣнье умирающаго подъ ножомъ дикаря, не знающаго другаго источника существованія, кромѣ грабежа и разбоя»...

Таково нынѣшнее состояніе Палестины по описанію г. Леванды, а по корреспонденціямъ изъ разныхъ пунктовъ Палестины, помѣщеннымъ въ томъ же сборникѣ, оно оказывается и того хуже. Спрашивается, сообразилъ ли «практическій» г. Леванда — что нужно для того, чтобы превратить эту «мерзость запустѣнія» въ «житницу народовъ», какою онъ воображаетъ себѣ въ будущемъ эту страну? Сообразилъ ли онъ, что тутъ, кромѣ тѣхъ невѣдомыхъ силъ, которыя должны обуздать дикаря, «не знающаго другаго источника существованія, кромѣ грабежа и разбоя», нужны еще—не милліоны, а цѣлые милліарды, и что какииъ бы массовымъ, широкимъ и стремительнымъ онъ ни представлялъ «палестинское движеніе», оно въ концѣ концовъ, съ практической точки зрѣнія, въ виду имъ самимъ рисуемаго положенія Палестины, не болѣе, какъ игра въ оловянные солдатики?

Теперь вообразимъ на минуту, что совершилось какое-то необъяснимое чудо; что невозможное стало вдругъ возможнымъ; что «восточный вопросъ» уже улаженъ къ общему удовлетворенію всѣхъ заинтересованныхъ въ немъ азіатскихъ и европейскихъ державъ; что всѣ недоразумѣнія, интриги, со-

перничанье и осложненія, постоянно вызываемыя этимъ вопросомъ, какъ бы во маговенію волшебнаго жезла, исчезли; что нашлись тѣ силы и миллиардные капиталы, которые нужны для того, чтобы превратить «мерзость заустѣнія», въ «житницу народовъ» и страну «грабежа и разбоя» въ мирный идиллическій уголокъ, что эта страна, нынѣ свѣдаемая «некультурностью и азіятской стагнаціей», превратилась въ оживленный центръ всевозможныхъ благъ. (Удивляться, впрочемъ слѣдуетъ, почему г. Левандѣ понадобилась на востокѣ та самая культура, которая для него на западѣ — не болѣе какъ пустая декорация). Положимъ, что все это уже совершилось, что осуществились даже до мельчайшихъ подробностей, всѣ, рѣшительно всѣ его благочестивые проекты, даже тѣ изъ нихъ, которые кажутся г. Левандѣ, «не слишкомъ рогатыми парадоксами», и что на самомъ дѣлѣ уже «основанная въ Сиріи или Палестинѣ мирная земледѣльческая колонія бердичевскихъ евреевъ, одною рукою нагружая въ Бейрутѣ, Сень-Жанѣ д'Акрѣ или Яффѣ корабли съ мѣстными сельскими произведеніями, (эти сельскія произведенія, должно быть, пойдутъ въ Россію, которая въ нихъ всѣхъ болѣе нуждается — не такъ ли г. Леванда?) будутъ другою — разгружать корабли съ русскими мануфактурными товарами, присланными ихъ соплеменниками изъ Россіи». Предположимъ далѣе, что Россія вполнѣ сознаетъ, что то, «въ чемъ не совѣмъ успѣла вооруженная армія, въ томъ усѣетъ — мирная колонія бердичевскихъ евреевъ», и поэтому ставетъ всѣми силами покровительствовать этимъ бердичевскимъ колонистамъ. Но вѣдь самъ же г. Леванда, подлинными словами котораго мы все время говорили, самъ же этотъ г. Леванда заявляетъ, что уже теперь англичане, эти «дальновидные политики и коммерсанты», начинаютъ зорко слѣдить за палестинскимъ движеніемъ и уже почували, «гдѣ зимуютъ раки». «Отъ отношенія къ этому движенію русскаго правительства и русскаго общества — говорить далѣе г. Леванда — будетъ зависѣть, чтобы результатами пользовалась Англія или Россія». Но подумаль-ли г. Леванда о томъ, что станется съ еврейскими колонистами, если вдругъ и Россія и Англія захотятъ воспользоваться результатами этого движенія? Вѣдь это тѣмъ болѣе возможно, что по словамъ самого же г. Леванды, «вооруженная армія (Россія) не совѣмъ успѣла» еще достигнуть той цѣли, къ которой она стремится, а «дальновидные политики, коммерсанты и практики — англичане», уже теперь почували, гдѣ раки зимуютъ и уже теперь живо интересуются и слѣдятъ за этимъ движеніемъ. Что будетъ, если и Россія и Англія захотятъ быть *покровителями* еврейскихъ колонистовъ? Не оцутятся-ли эти колонисты въ

тожь же положеніи, въ какомъ, по разсказу К. Э. Францова, очутились барновскіе евреи, когда староста тлустскій и староста старо-барновскій захотѣли, каждый, во что бы то ни стало, быть ихъ покровителями?...

Если г. Леванда не полѣнится поискать, то онъ безъ особенной трудности найдетъ въ исторіи не одинъ примѣръ, къ чему ведетъ такого рода покровительство...

И такъ—вотъ тотъ конечный результатъ, который былъ бы достигнутъ осуществленіемъ «практическихъ» проектовъ самаго выдающагося застрѣльщика палестинскаго движенія, самаго яраго растолкователя палестинской идеи—именно, чтобы еврейскія палестинскія колоніи сдѣлались яблокомъ раздора между двумя могущественными, соперничающими между собою державами... Если ужъ оторваться отъ настоящаго и глядѣть въ грядущее, то отчего же уже не глядѣть до той точки, до которой нашъ уктивный взоръ можетъ достигнуть?...

А тутъ еще не надо забыть, что для того, чтобы всѣ благочестивыя желанія г. Леванды дѣйствительно осуществились, необходимо все-таки, чтобы совершилось какое-нибудь чудо, въ содѣланіи котораго должны участвовать не однѣ только земныя, но непремѣнно и сверхъестественныя силы...

И это все называется «практическимъ», и во имя такихъ-то «практическихъ» проектовъ кричать, шумять, агитируютъ, отрываютъ людей и цѣлыя семьи отъ ихъ занятій и посылаютъ ихъ на мученія и голодную смерть! И какихъ людей? Самыхъ нужныхъ, нашу образующуюся молодежь, нашу надежду и опору въ будущемъ?.. Нѣтъ, гг. палестинцы, не хорошее дѣло вы дѣлаете, а смертный грѣхъ совершаете вы по отношенію къ еврейскому народу, рисуя ему разные неосуществимые фантомы и отрывая его такимъ образомъ отъ реальной дѣйствительности...

Мы шагъ за шагомъ прослѣдили статью г. Леванды, т. е. ту статью, которая имѣетъ значеніе «profession de foi» палестинцевъ—надѣемся, что г. Леванда не можетъ пожаловаться на насъ, что мы привели изъ его статьи слишкомъ мало цитатъ и выписокъ—и показали какъ хрупки, и какъ шатки всѣ доводы и планы самаго выдающагося изъ адептовъ палестинской идеи. Стоитъ-ли, спрашивается, послѣ этого еще останавливаться на такихъ ученическихъ и подъ часъ уже чрезъ чуръ безграмотныхъ упражненіяхъ, каковы статьи гг. Флексера и др., помѣщенныхъ въ разбираемомъ нами «Сборникѣ», которыя даже и самымъ ярымъ палестинцамъ показались слишкомъ ужъ ничтожными? Положительно не стоитъ. Тѣмъ не менѣе, если когда нибудь будетъ досугъ и охота посмѣяться, то займемся и ими... А пока, право, не до смѣху...

А. Л.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на 1885 годъ.
(ГОДЪ ТРЕТІЙ).

„ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Журналъ произведеній русской и иностранной беллетристики
СЪ ОДЪЛОМЪ

„СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

куда входятъ статьи по литературѣ, наукѣ, искусствамъ и общественной жизни въ Россіи и за границей.

Въ первомъ отдѣлѣ журнала, которій до сихъ поръ былъ посвященъ произведеніямъ беллетристики только иностранной, съ будущаго года, согласно расширенной программѣ, будутъ помѣщаться отъ времени до времени, въ случаѣ появленія чего нибудь выдающагося, и произведенія русскихъ беллетристовъ. Что касается до отдѣла переводнаго, то въ него по прежнему будутъ входить, въ переводѣ лучшихъ русскихъ писателей, произведенія какъ прошедшаго времени, сдѣлавшіяся уже „классическими“, такъ и тѣ изъ новыхъ, которыя въ возможной степени удовлетворяютъ требованіямъ художественности. Отдѣлъ „Современное Обзоріе“ тоже расширенъ, сдѣлавшись органомъ интересовъ не только заграничныхъ, какъ было до сихъ поръ, но и русскихъ.

Сверхъ того, при каждой книгѣ будетъ прилагаться портретъ одного изъ выдающихся дѣятелей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, на поприщѣ литературы, науки и искусства.

За время существованія журнала „Изящная Литература“ * въ немъ помѣщены девятнадцать полныхъ романовъ, пятьдесятъ повѣстей и рассказовъ, восемь драматическихъ произведеній и рядъ стихотвореній—Бальзака, Эберса, Гальдоса, Доде, Жоржъ-Занда, Мопассана, Сенкевича, Бюссона, Мериме, Анценгрубера, Келланда, Коппе, Стендала, Аларкона, Гейзе, Зола, Ежа, Эркмана-Шатриана, Ибсена, Сервантеса, Дидро, Снффта, Тролоппа, Шандорфа, Шилльгагена, М. Твайна, Гольдони и др. — въ переводѣ Ф. Достоевскаго, А. Плещеева, А. Островскаго, В. Крестовскаго (псевдонимъ), Д. Григоровича, П. Боборыкина, П. Вейнберга, Д. Михайловскаго, Э. Ватсона, Д. Корончевскаго и др. Въ отдѣлѣ „Современное Обзоріе“—рядъ статей, этюдовъ, новостей и т. п.—Сверхъ того въ особомъ приложеніи были даны въ нынѣшнемъ году: 1) „Макбетъ“ Шекспира, пер. А. Соколовскаго и 2) „Исторія нѣмецкой пѣсни“, соч. Шюре, пер. подъ ред. П. Вейнберга.

Журналъ „Изящная Литература“ будетъ по прежнему выходить ежемесячно, послѣ 20 числа, книгами отъ 20 до 25 листовъ. Подписная цѣна остается та же: въ годъ безъ доставки въ Петербургъ 8 р., съ доставкою тамъ же 9 р., съ пересылкой 10 р. Допускается подписка и съ разсрочкою.
Редакторъ Петръ Вейнбергъ.

* До выхода октябрьской книги.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г.

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ
И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ,

„ЭХО“

существующую пятый годъ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ № 61.

Изъ большнхъ ежедневныхъ газетъ—газета „Эхо“ самая дешерега; тогда какъ годовая цѣна другихъ равняется 17 р., газета „Эхо“ стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 руб., разниа громадная. (Допускается расрочка платежа: для служащихъ — по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не-служащихъ — чрезъ Главную Контору Редакціи „ЭХО“. уплачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р., а въ началѣ августа 2 руб.).

Не смотря на это, какъ могли убѣдиться наши читатели, редакція въ теченіи 1884 года употребила всевозможныя мѣры къ тому, чтобы сдѣлать содержаніе газеты полнымъ и интереснымъ, чтобы дать своимъ читателямъ возможно болѣе матеріала, не менѣе того, что даютъ другія большія газеты.

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, явившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ наступающемъ 1885 году*, сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ, въ числѣ которыхъ мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЪ, на ОТДѢЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ и ВЕЛЛЕТРИСТИКУ.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакція газеты „Эхо“ уже имѣетъ въ настоящее время во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи *корреспондентовъ*, лично извѣстныхъ редакціи и на добросовѣстное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

„ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, (ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить по четвергамъ, въ размѣрѣ отъ 1 до 2 печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ.

1. Статьи по вѣстнымъ вопросамъ, вытекающимъ изъ теории права и судопроизводства.—II. Перечень, изложение и обсужденіе важнѣйшихъ распоряженій и узаконеній правительства.—III. Судебная хроника: а) отчеты о засѣданіяхъ въ судахъ, преимущественно Кавказскаго края, и б) особенно интересныя рѣшенія Кавказскихъ гражданскихъ судовъ по вопросамъ права и судопроизводства, вызваннымъ мѣстными особенностями края.—IV. Корреспонденціи юридическаго обозрѣнія.—V. Краткіе отчеты о новыхъ книгахъ юридическаго содержанія (Обзоръ юридической печати и библиографія).—VI. Смісь (разныя извѣстія). Случаи изъ судебной жизни и практики.—VII. Тезисы текстуральное изложение кассационныхъ рѣшеній: а) деп. праменговъ сената и б) Тифлисской судебной палаты.—VIII. Извлечение изъ приговоровъ о важнѣйшихъ назначеніяхъ по вѣдомству юстиціи.—IX. Судебный указатель. Резолюціи Тифлисской судебной палаты по дѣламъ апелляционнымъ и кассационнымъ.—X. Объявленія—казенныя и частныя.

Выполняя, по возможности, свои прошлогоднія обѣщанія предъ читателями, редакція „Юрид. Обзор.“ постарается придать своему журналу въ будущемъ году еще большій интересъ, при содѣйствіи многихъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Кромѣ статей общаго юридическаго характера по вопросамъ гражданского и уголовного права, межевымъ, нотаріальнымъ, судебно-военнымъ и пр., а также о внутренней жизни казенныхъ судовъ и о вопросахъ дня, въ 1885 г. будутъ помѣщены: грузинскіе законы царя Вахтанга, съ необходимыми предисловіемъ и примѣчаніями, и продолженіе изслѣдованія законовъ: армянскихъ—по Мхитару Гошу, еврейскихъ—по Маймониду, мусульманскихъ, собственно Кавказскихъ народностей; ихъ адаты и пр.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Редакція и администрація журнала (для приема подписки, объявленій и розничной продажи)—Тифлисъ, Соколовская ул., д. кн. Мелікова.

Подписная цѣна на журналъ съ доставкой и пересылкою: на годъ—10 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 3 мѣс.—3 р. 20 к.; на 1 мѣс.—1 р. 25 к.

Разсрочка въ платеніи денегъ допускается—для годовыхъ подписчиковъ: при подпискѣ 4 р., въ мартѣ и апрѣлѣ по 8 руб., и для полугодовыхъ: при подпискѣ 3 р., и черезъ два мѣсяца еще 3 р.

Для гг. студентовъ—годовая плата 8 р.; полугодовая 5 р.

Желавшіе приобрести журналъ за прежніе года, уплачиваютъ за 1881 г.—8 р. 20 к. и за всѣ послѣдующіе по 10 р. за годовую экземпляръ.

При перемѣнѣ адреса вносятъ 40 коп.

За объявленія, казенныя и частныя—строка петита 10 коп., ¹/₂ страницы 3 р. 25 к., цѣлая страница 6 р. 50 коп.

Подписка и объявленія принимаются также въ Москвѣ и Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ И. П. Анисимова

При доставленіи въ редакцію «Юрид. Обзор.» экземпляра юридическаго сочиненія, о немъ будетъ данъ отчетъ и сдѣлана публикація.

Подписчики «Юрид. Об.» имѣютъ право на полученіе, чрезъ редакцію, свѣдѣній о положеніи ихъ дѣлъ въ Тиф. судеб. учрежденіи.—въ текстъ журнала безвозмездно, а письменныя и телеграфныя—по соглашенію съ ред. журнала.

Редакторъ-Издатель С. Френкель.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1885.—ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ—1885.

Редакторъ-Издатель П. Н. Полевой.

Въ 1885 году, годовые подписчики „Живописнаго Обозрѣнія“ получать:

- I. 52 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ номера, каждый не менѣе двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстѣ.
- II. 12 ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.
- III. 12 ежемѣсячныхъ номеровъ «Иаринскихъ модъ».
- IV. Бесплатную премію—художественно исполненную олеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра;—подробности въ № 1). Желающіе получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ пересылка ихъ *страховыми посылками*—прочно упакованными и зашитыми въ холстъ, на полной отвѣтственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ—80 к. и трехъ—1 руб.—Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого добавочнаго взноса, премія будетъ отправлена обыкновеннымъ бандерольнымъ способомъ, но, въ случаѣ промахи или порчи ея въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой отвѣтственности.

ПО Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А .

Съ доставкою и пересылкою	Безъ доставки и пересылки.
За годъ . . . . . 8 р. — к.	За годъ . . . . . 6 р. 60 к.
За полгода . . . . . 4 р. 50 к.	За полгода . . . . . 4 р. — к.

Подписка загранично: за годъ—12 руб., за полгода—6 руб.

Адресъ конторы редакъи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе слѣдующіе литераторы: Н. А. Ахшарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Бѣковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій, (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, П. А. Вишневатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, И. Ф. Горбуновъ, Г. С. Достунисъ (профессоръ), Л. Звонаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ, (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (писевдонимъ), А. В. Кругловъ и И. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митуричъ, Д. Л. Михаловскій, С. Я. Надсонъ, Д. Н. Островскій, Н. И. Плясовъ, Е. П. Пономаревъ, Л. Рускинъ, А. Соновникъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северинъ, Л. X. Симонова, К. И. Соборный (севдонимъ), С. Н. Терпигоровъ (Сергѣй Атава), П. Тройницкій, М. К. Цобрикова, Д. Чертиновъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. И. Шимшонко, В. Ю. Юрьевъ, А. Н. Яхонтовъ и многіе другіе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ.

„МИНУТА“

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА.

Какъ и въ прежніе годы, «МИНУТА» будетъ выходить ежедневно листами большого формата (послѣ праздничныхъ полулистовъ).

Цѣна на газету остается
прежня:

	Въ Петерб. съ дост.	Въ провинцію съ пер.
Годъ	8 р. — в.	9 р.
Полгода	4 „ 75 „	5 „
Три мѣсяца	2 „ 60 „	3 „
Одинъ мѣсяць — „	90 „	1 „

Цѣна за границу въ годъ 15 руб.,
за полгода 8 руб.

ПРЕМІЯ. Подписчики (годовые, не разсроченные) на газету «МИНУТА», желающіе выписывать оба наши изданія, т. е. «МИНУТУ» и «КОЛОСЬЯ», пользуются уступкою въ *два рубля* и платятъ: городскіе, вмѣсто 16, *четырнадцать*, а иногородные, вмѣсто 17, *пятнадцать рублей*.

Подписка принимается въ конторѣ газеты «МИНУТА» и журнала «КОЛОСЬЯ», въ С.-Петербургѣ, уг. Б. Итальянской и В. Садовой, д. Крафта.

Редакторъ-Издатель И. А. Баталинъ.

„КОЛОСЬЯ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

(выходитъ безъ предварительной
цензуры отъ 20 до 30 листовъ
въ мѣсяцъ).

Журналъ „КОЛОСЬЯ“ въ будущемъ году, сохранивъ свой прежній характеръ и видѣніе, будетъ увеличенъ въ объемѣ до размѣровъ большихъ журналовъ;

Цѣна на журналъ «Колосья»
слѣдующая:

На годъ (съ пересылкою и
доставкою) . . . . . 8 руб.
На полгода . . . . . 5 „

Отъ конторы. Принимая во вниманіе желаніе многихъ новыхъ подписчиковъ имѣть въ своей домашней библіотекѣ журналъ съ самаго его основанія, редакция рѣшилась отпечатать второе изданіе 12 книгъ перваго (1884) года, которыя и будутъ высланы подписчикамъ немедленно по полученіи подписныхъ денегъ, причемъ за эти 12 книгъ назначается плата, значительно уменьшенная, а именно 3 руб. Льгота эта допускается только для годовыхъ подписчиковъ, прилагающихъ ТРИ рубля къ годовой платѣ 8 р. (всего 11 руб.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1885 ГОДЪ

НА БОЛЬШОЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ.			Съ пересылкою въ города.		
На 12 мѣс. 8 р. 50 к.	На 6 мѣс. 4 р. 50 к.	На 12 мѣс. 9 р. — к.	На 6 мѣс. 5 р. — к.		
» 11 » 8 » — »	» 5 » 3 » 90 »	» 11 » 8 » 50 »	» 5 » 4 » 60 »		
» 10 » 7 » 50 »	» 4 » 3 » 25 »	» 10 » 8 » — »	» 4 » 3 » 70 »		
» 9 » 6 » 75 »	» 3 » 2 » 50 »	» 9 » 7 » 40 »	» 3 » 2 » 75 »		
» 8 » 6 » — »	» 2 » 1 » 90 »	» 8 » 6 » 70 »	» 2 » 2 » — »		
» 7 » 5 » 25 »	» 1 » 1 » — »	» 7 » 5 » 90 »	» 1 » 1 » 10 »		

За границу: на 12 м. 18 р., на 6 м. 10 р., на 3 м. 5 р. 50 к., на 1 м. 2 р. 20 к.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина; въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербургa и другихъ городовъ и въ Парижѣ — *Rue Clément, 4, Adam* и въ комиссіонерной конторѣ *Agence Slave, Place de l'Opéra № 4-a*.

Гг. иногородніе благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

Редакторъ-Печатель Н. П. ЛАНИНЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1885 г.

НА

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

Большую газету общественной жизни, политики, финансовъ и торговли
VII ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Газета будетъ издаваться и въ будущемъ году по извѣстной уже читателямъ программѣ большой политической и общественной газеты съ специальными биржевыми, финансовыми и торгово-товарными отдѣлами, которымъ удѣляется отъ $\frac{1}{2}$ до половинной части мѣста въ изданіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

Въ Россіи.	За границею.
На 1 годъ . . . . . 14 руб.	На 1 годъ . . . . . 22 руб.
» $\frac{1}{2}$ года . . . . . 8 »	» $\frac{1}{2}$ года . . . . . 13 »
» 3 мѣс. . . . . 5 »	» 3 мѣс. . . . . 8 »
» 1 мѣс. . . . . 2 »	» 1 мѣс. . . . . 3 »

Письма и деньги адресуются: въ С.-Петербургъ, въ контору газеты «Биржевыя Вѣдомости», уголъ Гороховой и Вольшой Морской, д. № 11.

Въ Москвѣ подписка принимается въ отдѣленіи конторы «Биржевыя Вѣдомостей», при книжномъ магазинѣ Мамонова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМАГО ЕВРЕЙСТВА. Статья третья. Экстернуса	3
II. ДѢТИ РАНДАРА. Повѣсть Комперта. (Продолженіе). Перев. Петра Вейнберга	32
III. ИСТОРИЯ ОДНОГО СЕМЕЙСТВА. Повѣсть. Часть первая, гл. XV—XVIII; часть вторая, гл. I—III. Псевдонима	65
IV. РУВИМЪ. Современный романъ. Генриха Лаубе. Перев. Э. К. Ватсона.	97
V. МОИСЕЙ МОНТЕФИОРЕ. (По поводу его столѣтняго юбилея). Л. Г.	123
VI. ИЗЪ ТАЛМУДА. Стихотвореніе. В. Жуковского	154
VII. ТЕОРІЯ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА. (Изъ книги «Réflexion sur les Juifs»). Э. В.	155
VIII. ПѢСНИ ДНЯ. Стихотвореніе. М. С. Абрамовича.	172
IX. ГАЗЕТЧИКУ. Стихотвореніе. X.	176

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

X. ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА. Англійскіе миссіонеры. Я. Б. Ромбро.	1
XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: Литературныя замѣтки. N. N.	18
XII. РАЗЪЯСНЕНІЕ И ОСВѢЩЕНІЕ ПАЛЕСТИНСКАГО ДВИЖЕНІЯ. (Палестина. Сборникъ статей и свѣдѣній о еврейскихъ поселеніяхъ въ Св. землѣ). А. Л.	37
XIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Предназначавшійся для этой книги біографическій очеркъ С. М. Абрамовича, по поводу 25 лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, за недостаткомъ мѣста отложенъ до слѣд. книги.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Декабрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1884.

ПАМЯТИ ДРУГА.

Вечерняя заря спокойно догорала;
Унылымъ шопотомъ былъ полонъ дальній лёсъ,
И блѣдная луна печально выплывала

На тихій, темный сводъ небесъ...

Я вспомнилъ блѣдный ликъ страдающаго друга.

Подъ гнетомъ долгаго, упорнаго недуга
Онъ быстро угасалъ; но ни одной слезой,
Невольнымъ ропотомъ иль жалобой случайной
Не выдавалъ онъ той тоски и муки тайной,
Что закипали въ немъ губительной грозой.

И лишь въ предсмертный часъ, поворно допивая

Последнихъ мукъ последнюю струю,

Онъ подозвалъ меня и, горестно рыдая,

Повѣдалъ исповѣдь свою...

* *

«...На шумномъ-ли пиру, межъ добрыми друзьями,
На ясной-ли зарѣ, надъ синими струями

Спокойно дремлющей рѣки,

Въ тяжелые-ль часы безсонницы угрюмой,
Когда, бродя одинъ съ своей завѣтной думой,

Слагалъ я пѣснь печали и тоски,
 И въ тѣ отрадныя и свѣтлыя мгновенья
 Безмолвной радости и сладкаго забвенья
 Подъ лаской женщины любимой и родной,—
 Вездѣ все тотъ же духъ, угрюмый, блѣдный, строгій,
 Стоялъ упорно предо мной,
 И я внималъ ему съ мучительной тревогой
 Въ душѣ усталой и больной:
 — Порывы юности, горячей, прихотливой,
 Къ таинственнымъ вратамъ обители святой,
 Созданія мечты и грезы горделивой—
 А рядомъ — образъ Правды роковой...
 Идетъ онъ за тобой съ какой-то злобой жадной
 Черезъ тихій, свѣтлый рай души,
 И ваять подъ его стопою безпощадной
 Цвѣты завѣтные твои;
 И ваяетъ молодость съ убитыми мечтами;
 Развѣнчанная жизнь—безъ цѣли, безъ конца;
 Скупой, тяжелый трудъ съ бессонными ночами,
 Съ надеждой пахаря, безъ радостей жнеца;
 На жизненномъ пиру — обглоданныя кости;
 У двери Славы — жалкіе гроши;
 Да старость дряхлая съ осадкомъ жгучей злости
 На днѣ измученной души...
 И конченъ долгій путь; безъ слезъ, безъ состраданья,
 Наложить смерть свою холодную печать...
 Что-жъ другу доброму промолвить на прощанье?

Что сыну завѣщать?! . . . . .

. . . . .

И если тамъ, за роковою гранью
 Земныхъ тревогъ и радости земной,
 Предстанетъ предъ тобой съ карающею дланью
 Судья всеильный, грозный и нѣмой, —
 Какимъ отчаяньемъ, какою болью жгучей
 Должна исполниться душа твоя въ тотъ мигъ!
 И не воспрянешь-ли, свободный и могучій,
 Не бросишь-ли ему отважный, громкій крикъ:
 „Зачѣмъ послалъ меня ты въ этотъ мѣръ презрѣнный?
 Кто право далъ тебѣ судить?
 Не ты-ли предо мной держалъ свой стягъ священный,
 Не ты-ль училъ меня любить!
 Въ часы глубокаго и свѣтлаго раздумья —
 Не ты-ли слабый мозгъ до боли, до безумья,
 Томилъ огнемъ чарующей мечты,
 Являя мнѣ тотъ мѣръ, свѣтлѣй, прекраснѣй рай,
 Что пышно расцвѣталъ отъ края и до края
 Въ лучахъ любви, добра и красоты?
 Я видѣлъ тамъ судью: въ порывѣ мести властной
 Онъ не срывалъ съ очей повязки безпристрастной,
 Онъ не бросалъ изъ ружья вѣсовъ добра и зла;
 Завѣтный мечъ его, карающій, но правый,
 Служилъ не дикою, безумною забавой,
 Не злобой рѣчь его исполнена была...
 Я видѣлъ славнаго учителя-пророка:
 На буйныхъ торжищахъ разврата и порока

Господнимъ громомъ гласъ его звучалъ;
Онъ шелъ на встрѣчу зла, измѣны, лицемѣрья;
Во тьмѣ невѣденья, во мракѣ суетвѣрья

Онъ свѣточъ правды зажигалъ...

Я видѣлъ женщину: въ душѣ остервѣвѣлой
Улыбкой кроткою и ласкою несмѣлой

Она гасила пылъ проснувшейся вражды...

Я видѣлъ тамъ отца: онъ рѣчью миротворной
Смиралъ въ душѣ дѣтей, довѣрчиво-покорной,

Безумный бредъ опасной клеветы...

Когда-жъ мечты туманъ летучій испарялся,

И миръ, какъ есть, являлся предо мной, —

Какою мукою и болью наполнялся

Мой умъ осиротѣлый и больной!...

Я тщетно потрясалъ тяжелыми цѣпями,

Напрасно угрожалъ, напрасно я молилъ —

Слѣпой орель съ разбитыми крылами,

Ладья безъ весель и вѣтриль...

Въ безсильи устремлялъ я къ небу взоръ молящій —

Я звалъ тебя! Я ждалъ: свержающій, разящій,

Изъ пасти огненной отверзтыкъ черныхъ тучъ,

Подобной глубинѣ чудовищнаго зѣва,

Ударилъ ты бичемъ карающаго гнѣва,

Ты будешь грозенъ и могучъ!..

Но ты молчалъ!.. Молчалъ, богъ гнѣва и возмездья!

За тихій сводъ небесъ, за мирныя созвѣзды,

Въ бездонномъ хаосѣ безчисленныхъ мировъ,

Сокрытый отъ меня услужливою тучей,

Ты робко прятался, скупясь на гнѣвъ кипучій,
 Жалѣя молній и громовъ...
 Зачѣмъ-же ты не явился? Зачѣмъ... или, быть можетъ,
 Безсмертный, всеблагой, всеильный!—ты не могъ?...
 Тотъ червь отчаянья, чтò мозгъ мой жадно гложеть,
 Заползъ и въ той лазоревый чертогъ?
 Перуны, чтò металл ты мощнымъ, гнѣвнымъ взоромъ,
 Погасли, замерли въ безсиліи нѣмомъ, —
 Ослабли, порвались тѣ струны, по которымъ
 Ты гордо ударялъ властительнымъ перстомъ?...
 Зачѣмъ же ты меня послалъ въ тотъ міръ презрѣнный?
 Зачѣмъ, зачѣмъ училъ меня любить?!...

.....
 Я вспомнилъ блѣдный ликъ, послѣдній стонъ недуга,
 Холодный взоръ, уста съ угрозою нѣмой!
 Въ душѣ моей звучалъ прощальный голосъ друга,
 Туманный умъ кипѣлъ безумною мечтой, —
 А надо мной заря спешиво догорала,
 Безсвязнымъ шопотомъ былъ полонъ сонный лѣсъ,
 И блѣдная луна безмолвно вышывала
 На тихій, темный сводъ небесъ...

С. Фругъ.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМАГО ЕВРЕЙСТВА.

Статья третья *.

VI.

Когда рѣчь заходитъ о правовой эмансипаціи евреевъ, противники послѣдней всегда выдвигаютъ противъ нихъ цѣлый арсеналъ стараго заржавѣлаго оружія, такъ сильно притупившагося отъ долгаго употребленія, что оно теперь можетъ только на время оглушить, но не опасно ранить. Но бываютъ времена, когда большинство людей такъ плохо вооружено умственно, такъ угнетено духомъ, что ихъ легко запугать даже холостыми зарядами и дѣтскими погремушками. Въ такое время, дѣлать нечего, приходится считаться и съ такого рода противниками, — и не столько для того, чтобы противъ нихъ защищаться, сколько для того, чтобы показать всю фальшивость и недобросовѣстность ихъ «военныхъ» приемовъ.

Обвиненій, сыплющихся на евреевъ, не оберешься. Но есть между этими обвиненіями нѣкоторыя, чаще всего повторяемыя, даже въ официальныхъ актахъ. Они не разъ опровергались защитниками евреевъ, и мы не станемъ здѣсь повторять эти апологетическіе доводы, ставшіе уже общими мѣстами. Мы только намѣрены здѣсь сдѣлать краткія общія возраженія и указать на тѣ существенныя стороны защиты, на которыя до сихъ поръ обращено было, можетъ быть, слишкомъ мало вниманія.

* См. «Восходъ» 1884, кн. XI.

Разсматривая сущность приписываемых евреямъ недостатковъ и классифицируя ихъ по группамъ, мы приходимъ къ заключенію, что недостатки эти, по своему происхожденію, бываютъ двухъ родовъ: а) недостатки, составляющіе прямыя послѣдствія нынѣшняго неравноправнаго положенія евреевъ и необходимо должныя исчезнуть съ уничтоженіемъ этого праваго неравенства; б) недостатки и социальныя аномалии, являющіеся результатомъ отдаленныхъ историческихъ причинъ и могущіе, подъ вліяніемъ гражданской эмансипаціи и другихъ факторовъ (на которые укажемъ ниже), постепенно сглаживаться и въ послѣдствіи исчезнуть. Къ первой изъ этихъ группъ относятся преимущественно недостатки общественно-экономическіе, ко второй—религіозныя и бытовые. Говоримъ: *преимущественно*, ибо рѣзкое разграниченіе между этими двумя группами провести невозможно; вопервыхъ потому, что при известной ступени развитія евреевъ, духовныя и социальныя факторы очень тѣсно связаны между собою и вліяніе того или другаго на гражданскую жизнь евреевъ весьма трудно опредѣлить; во вторыхъ потому, что сама историческая эволюція еврейскаго народа складывалась подъ постояннымъ вліяніемъ гражданскаго рабства и праваго неравенства;— и въ этомъ пунктѣ лежитъ точка сліянія двухъ упомянутыхъ группъ. Не смотря на это, наша классификація тѣмъ не менѣе имѣетъ весьма важное практическое значеніе, какъ выяснено будетъ въ слѣдующихъ строкахъ.

Раздѣлимъ главныя обвиненія, направленные противъ евреевъ, по ихъ непосредственному содержанію. Они сводятся къ слѣдующимъ: 1) обвиненіе евреевъ въ ненормальной и вредной экономической дѣятельности, въ такъ называемой «эксплуатаціи»; 2) обвиненіе въ недостаточномъ патріотизмѣ; 3) обвиненіе въ обходѣ законовъ и, въ частности; 4) въ уклоненіи отъ исполненія воинской повинности; 5) обвиненіе въ религіозномъ фанатизмѣ и бытовой замкнутости.

На разсмотрѣніи перваго изъ этихъ обвиненій мы не будемъ долго останавливаться: подробный анализъ этого, безспорно самаго важнаго, обвиненія сдѣланъ уже нами во второй главѣ этой статьи (Восходъ, 1884, Январь, стр. 87—97), при опредѣ-

леніи еврейскаго вопроса. Здѣсь поэтому намъ остается только примѣнить результаты этого анализа къ занимающему насъ теперь пункту. Въ упомянутомъ анализѣ мы разложили обвинительный тезисъ о вредности экономической дѣятельности евреевъ на два частныхъ положенія: а) экономическая дѣятельность евреевъ вредна *государству*, и б) эта дѣятельность вредна *коренному населенію*. Основательно перваго изъ этихъ положеній, мы доказали, что оно безусловно ложно, такъ какъ государству, т. е. цѣлому экономическому строю государства, экономическая дѣятельность евреевъ, посредническая или производительная, не можетъ нанести ущерба по той простой причинѣ, что общая сумма богатствъ и выгодъ, доставляемыхъ государству разработкою тѣхъ или другихъ отраслей промышленности, нисколько не зависитъ отъ того, разрабатываютъ ли эту отрасль «коренные» русскіе, евреи, нѣмцы или татары; величина этой суммы зависитъ лишь отъ степени энергіи лицъ, занимающихся данною отраслью промышленности,—а въ энергіи и промышленныхъ способностяхъ евреямъ никто никогда не отказывалъ. Что же касается избитаго довода о вредности евреевъ коренному населенію, т. е. той части населенія, съ которымъ они приходятъ въ соприкосновеніе,—то этотъ доводъ сводится въ сущности къ тому (да онъ такъ и формулируется), что евреи обыкновенно «захватываютъ» въ свои руки почти всю торговлю и ремесла того края, гдѣ они живутъ, и христіане не могутъ съ ними конкурировать. Еслибъ даже допустить, что эти сѣтованія основательны до известной степени, то все-таки никто не станетъ утверждать, что евреи «захватываютъ» въ свои руки промышленность какими-нибудь противузаконными способами, ибо въ такомъ случаѣ тѣ, коимъ евреи стоятъ поперекъ дороги, могли бы бороться съ ними силою существующихъ общихъ законовъ и не имѣли бы надобности призывать на ихъ головы кары особыхъ законовъ. Если же евреи въ «чертѣ осѣдлости» сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ главныя отрасли промышленности, то это происходитъ исключительно отъ практическаго ума и промышленныхъ способностей евреевъ, которыхъ не имѣется въ той же степени у ихъ конкурентовъ-христіанъ; но въ такомъ случаѣ, какое же основаніе имѣютъ

последніе сѣтовать? Въдѣ законодательство не можетъ и не должно карать энергію и торговыя способности однихъ для того, чтобы облегчить средства конкуренціи другимъ, лишеннымъ этихъ способностей. Въдѣ еврей не задается цѣлью во что-бы то ни стало вытѣснить христіанина изъ рынка; онъ, пользуясь своими способностями, борется за свое матеріальное существованіе, не мѣшая другимъ, болѣе или менѣе его способнымъ, бороться за свое; если же эти «другіе» оказываются недостаточно умѣлыми въ этой борьбѣ, то въ этомъ не евреевъ вина, а виноваты тутъ, съ одной стороны, неподготовленность этихъ „другихъ“ къ борьбѣ за существованіе, а съ другой—ограниченность предѣловъ рынка, вызывающая сильную конкуренцію.

Мы конечно не настолько односторонни, чтобы отрицать существованіе аномалій въ экономической дѣятельности евреевъ. Аномаліи эти существуютъ, и онѣ-то дають извѣстное фактическое основаніе упомянутому обвиненію противъ евреевъ. Но прежде чѣмъ обвинять и требовать карательныхъ мѣръ въ видѣ правовыхъ ограниченій, нужно тщательно разобрать *corpus delicti*, нужно фактически выяснить, что аномаліи, существующія въ экономической жизни евреевъ, свойственны только последнимъ и, слѣдовательно, могутъ быть искоренены не общими, а особыми законами. Спросимъ же себя на самомъ дѣлѣ: въ чемъ заключаются вредныя стороны экономической дѣятельности евреевъ? А вотъ въ чемъ: въ *торгашествѣ* или мелкомъ посредничествѣ, въ *ростовщичествѣ* и въ *кабачничествѣ*. Всѣ эти занятія, хотя и не запрещены закономъ, но несомнѣнно предосудительны въ нравственномъ отношеніи, экономически вредны и нежелательны. Евреевъ обвиняютъ въ особенной склонности къ этого рода занятіямъ. Посмотримъ, насколько такое обвиненіе основательно и насколько цѣлесообразны карательныя мѣры, требуемыя обвинителями.

Во-первыхъ: торгашество или мелкое торговое посредничество. Промышленное посредничество въ *нормальныхъ* предѣлахъ есть важный и необходимый экономической факторъ, имѣющей цѣлью: перемѣщеніе продуктовъ отъ производителей къ потребителямъ и временное ихъ сохраненіе. Но посредничество ста-

новится вреднымъ, лишь только выходить изъ нормальныхъ предѣловъ, т.-е. если число посредниковъ больше, чѣмъ сколько необходимо для требуемаго перемѣщенія продуктовъ страны изъ однѣхъ рукъ въ другія. «Излишекъ посредническихъ рукъ—говорили мы выше—вреденъ какъ потому, что отъ него безъ нужды дорожаютъ продукты, переходящіе лишнія посредническія инстанціи, такъ и потому, что эти руки могли-бы съ большей пользой служить производству и увеличивать богатство страны». Среди евреевъ, въ чертѣ ихъ осѣдлости, торгашество и лавочничество дѣйствительно развиты въ безобразныхъ размѣрахъ. Но что же толкаетъ этихъ людей въ омутъ торгашества, обезпечивающаго обыкновенно лишь самое жалкое, нищенское существованіе? Разумѣется, отсутствіе или недостаточность другихъ источниковъ для пропитанія. Чѣмъ же вызвано послѣднее? Двумя причинами: ограниченіемъ евреевъ въ правѣ жительства и ограниченіемъ ихъ правъ на занятіе нѣкоторыми промыслами. Еврейская масса сдавлена въ сравнительно узкой «чертѣ», тѣснится на сравнительно маломъ рынкѣ, гдѣ, вслѣдствіе излишка посредническихъ рукъ, возникаютъ торгашество и факторство. Стремленію же евреевъ къ занятію торговымъ посредничествомъ способствуетъ ограниченіе ихъ имущественныхъ правъ (правъ землевладѣнія и земледѣлія и т. п.). Отъ взаимодѣйствія этихъ факторовъ и происходитъ та экономическая аномалія, которая называется торгашествомъ. Уничтоженіе «черты осѣдлости» разрѣдило-бы посредническій элементъ среди евреевъ и направило-бы излишекъ этого элемента на болѣе производительныя и болѣе выгодныя занятія; тоже самое сдѣлала-бы отмѣна запрещеній о покупкѣ земли евреями въ самой «чертѣ». Въ худшемъ случаѣ, разрѣшеніе черты осѣдлости перемѣстило-бы излишекъ торговыхъ посредниковъ изъ «черты еврейской осѣдлости» въ такіе пункты, гдѣ торговое посредничество еще весьма мало развито и гдѣ услуги евреевъ могли бы оказаться и нужными и полезными: такими пунктами мы считаемъ наши сѣверныя, восточныя и юговосточныя губерніи, гдѣ евреи могли-бы сдѣлать очень многое для развитія торговли и промышленности, находящихся тамъ въ зачаточномъ состояніи.

Къ вреднымъ сторонамъ экономической дѣятельности евреевъ относятся также ростовщичество и шинкарство. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что эти двѣ аномаліи развиты не только среди евреевъ, но и въ Великороссіи, гдѣ евреевъ нѣтъ. Относительно торговли горячими напитками, статистически доказано, что въ великорусскихъ губерніяхъ эта торговля развита больше, нежели въ «чертѣ еврейской осѣдлости», да и пьянство тамъ сильнѣе распространено чѣмъ въ послѣдней. Что же касается ростовщичества, то и оно сильно развито въ мѣстахъ, лежащихъ внѣ черты осѣдлости евреевъ, и представителями этого низкаго промысла являются преимущественно тѣ же цѣловальники, которые столь усердно опаиваютъ своихъ братьевъ—христіанъ. Въ русскомъ, коренномъ «кулакѣ» или «мирейдѣ» чаще всего совмѣщаются кабатчикъ и ростовщикъ. Но еслибы мы даже допустили, что ростовщичество среди евреевъ больше развито, чѣмъ въ другихъ сферахъ, то и это вполнѣ объяснялось бы настоящимъ правовымъ положеніемъ еврейской массы. Ростовщичество, или мелкая и недобросовѣстная торговля деньгами возникаетъ необходимо при двухъ главныхъ условіяхъ: нуждѣ въ мелкомъ кредитѣ и сравнительной выгодности торговли деньгами. Послѣдняя же оказывается выгоднѣе другихъ видовъ торговли при слѣдующихъ случаяхъ: если производительный трудъ, какъ ремесла и др., не удовлетворяетъ минимума потребностей занимающихся имъ; если прибыль отъ торговли продуктами (лавочничества) доведена до минимума; если въ обращеніи находятся масса мелкихъ разрозненныхъ капиталовъ, не находящихъ себѣ помѣщенія иначе, какъ въ мелкой процентной ссудѣ. Всѣ эти условія неоспоримо существуютъ въ чертѣ осѣдлости евреевъ, и въ общемъ мотивируются скученностью еврейскаго населенія и ограниченностью въ выборѣ занятій.—Какъ-бы то ни было, но если государство признаетъ, что питейная торговля и ростовщичество составляютъ зло, то оно должно будетъ признать также, что это зло общее, а не свойственное однимъ только евреямъ. И если правительство задается благою цѣлью бороться противъ этого зла, если оно проникается стремленіемъ къ нравственному облагороженію народа,—то оно должно будетъ съ неменьшею энергіею бороться противъ русскаго

кабачничества и ростовщичества, чѣмъ противъ еврейскаго, и бороться придется ему *одинаковыми* мѣрами, какъ противъ одного, такъ и противъ другого. Слѣдовательно, не можетъ быть вопроса о специально-еврейскомъ ростовщичествѣ, или специально-еврейскомъ шинкарствѣ, но можетъ быть вопросъ о ростовщичествѣ вообще и о шинкарствѣ вообще. Если такъ, то вопросъ объ искорененіи этихъ вредныхъ формъ экономической дѣятельности не имѣетъ ничего общаго съ еврейскимъ вопросомъ, а есть составная часть общерусскаго экономического вопроса. А слѣдовательно нѣтъ никакого основанія выставлать правовыя ограниченія евреевъ средствами для борьбы со зломъ, которое удручаетъ весь русскій народъ и которое требуетъ *общихъ* мѣръ противодѣйствія.

И такъ, если подъ «еврейскою эксплуатаціей» подразумѣвать сравнительное преобладаніе евреевъ на торговомъ рынкѣ «черты осѣдлости», то это едва-ли можетъ быть вмѣнено евреямъ въ вину, такъ какъ преобладаніе достигнуто евреями не противузаконными средствами, а вполне законными и похвальными качествами: энергіей и промышленной ловкостью, обнаруживаемыми при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Если же подъ «эксплуатаціей» подразумѣвать предосудительныя занятія торгашествомъ, ростовщичествомъ, которыми предаются евреи, — то первое изъ этихъ занятій, т. е. торгашество или мелкое посредничество, вызванное скопленіемъ огромнаго излишка посредническихъ рукъ въ «чертѣ», можетъ быть значительно или совершенно парализовано уничтоженіемъ «черты осѣдлости», вслѣдствіе чего излишекъ посредническаго элемента направился-бы на болѣе полезныя и выгодныя занятія, или же перемѣстился-бы въ такіе пункты, гдѣ его посредническія услуги нужны и полезны; другія же два занятія, шинкарство и ростовщичество, составляютъ не специально-еврейское, а общерусское экономическое зло и, какъ таковое, не имѣютъ ничего общаго съ еврейскимъ вопросомъ, т. е. съ вопросомъ объ уравненіи евреевъ въ гражданскихъ правахъ съ кореннымъ населеніемъ, съ которымъ оно совершенно уравнено во всѣхъ гражданскихъ обязанностяхъ. Слѣдовательно, обвинять евреевъ въ какой то *особой* эксплуатаціи и на

этомъ основаніи поддерживать ограниченіе принадлежащихъ имъ, какъ подданнымъ, гражданскихъ правъ,—нѣтъ ни малѣйшихъ разумныхъ основаній. Наоборотъ, если какая нибудь общая экономическая аномалія и проявляется въ еврейской средѣ болѣе, чѣмъ въ христіанской, то это проистекаетъ отъ искусственнаго замыканія и отчужденія евреевъ, тѣснящихся внутри узкой «черты»,—и, съ уничтоженіемъ послѣдней, эта аномалія могла-бы быть ослаблена или совершенно искоренена.

Перейдемъ теперь ко второму обвиненію. Евреевъ обвиняютъ въ недостаткѣ патріотизма, въ недостаточной любви къ ихъ отечеству — Россіи, и этимъ пытаются оправдывать неравноправное ихъ положеніе въ государствѣ. Говорятъ, что еврей не имѣетъ отечества, что онъ исповѣдуетъ принципъ «ubi bene, ibi patria», а потому и на него слѣдуетъ смотрѣть вездѣ какъ на чужестранца. Нѣтъ ничего безосновательнѣе и нелѣпнѣе этихъ обвиненій. Въ рассужденіяхъ обвинителей проглядываетъ такой явный логическій *hysteron proteron* (принятіе слѣдствія за причину и причины за слѣдствіе), что только слѣпая ненависть или недобросовѣстность не могутъ этого замѣтить. Не недостатокъ патріотизма оправдываетъ гражданское неравенство евреевъ, но это неравенство поддерживаетъ и питаетъ патріотической индифферентизмъ. Для доказательства этого, всѣ историческіе факты къ нашимъ услугамъ. Намъ, конечно, нечего обращаться за примѣрами къ среднимъ вѣкамъ: въ то время христіанскіе «сыны отечества» почитали-бы для себя оскорбительнымъ, еслибы нехристь дерзнулъ заявить о своей любви къ «ихъ» отечеству; религія тогда рѣшала все; еврей-патріота или воина (еслибы таковой могъ являться въ то время) оттолкнули бы съ презрѣніемъ; еврей, любящій свое «христіанское» отечество и остающійся въ еврействѣ,—такое понятіе не могло умѣститься въ умѣ средневѣковаго человѣка. Въ еврействѣ видѣли паріевъ общества, ихъ не считали даже способными питать какія нибудь возвышенныя чувства, да и вообще ихъ чувствами не интересовались внѣ религіозной сферы. Отвергнутые и оттолкнутые, евреи замкнулись въ себя и, за неимѣніемъ дѣйствительнаго отечества, создали себѣ отечество идеальное и питались патріотизмомъ духовнымъ, созерцатель-

нымъ: они возвели мессіанскій культъ въ основной религіозный догматъ... Но вотъ наступило новое время: французская революція положила конецъ гражданскому рабству евреевъ въ нѣкоторыхъ странахъ; наше столѣтіе довершило великое дѣло эмансипаціи евреевъ во всѣхъ другихъ странахъ западной Европы, — и теперь ни одинъ добросовѣстный антисемитъ (насколько въ антисемитѣ можетъ быть добросовѣстность) не посмѣетъ бросить въ лицо западноевропейскимъ евреямъ упрекъ въ отсутствіи патріотизма. Вся исторія нашего столѣтія блестяще доказываетъ, что не было ни одного патріотическаго движенія въ новѣйшее время, въ которомъ-бы евреи не принимали дѣятельнаго участія. Невозможно, конечно, исчислить, сколько евреевъ воиновъ обагрили своею кровью поля брани новѣйшей Европы, сколько евреевъ самоотверженно шли на смерть ради блага тѣхъ странъ, которыя ихъ усыновили; называть же еврейскія имена великихъ государственныхъ людей и народныхъ вождей, которые въ новѣйшее время служатъ гордостью и украшеніемъ тѣхъ странъ, которымъ они посвятили всю свою жизнь и весь свой геній, — едва-ли тутъ есть надобность. Никто не станетъ оспаривать, что между патріотическими чувствами нѣмецкаго и французскаго еврея лежитъ такая же пропасть, какъ между чувствами нѣмца и француза изъ христіанъ. Да зачѣмъ далеко ходить за примѣрами? Наблюдательный глазъ могъ-бы отыскать подобныя явленія и у насъ. Въ 70-хъ годахъ, когда обрусеніе евреевъ и сліяніе были лозунгомъ дня, уровень патріотизма среди еврейской молодежи былъ такъ высокъ, что многіе молодые люди изъ евреевъ пополняли собою ряды волонтеровъ, шедшихъ въ Сербію и Черногорію, а еще больше къ этому стремились, да не могли попасть; еврейскія образованныя дѣвушки мечтали о роли сестеръ милосердія и, вѣроятно, многія осуществили свои мечты во время послѣдней турецкой войны. А сколько еврейскихъ воиновъ пало подъ Плевною, на Шипкѣ, сражаясь за славу Россіи!.. Правда, въ невѣжественной еврейской массѣ, вся духовная жизнь которой сосредоточена въ религіи, патріотическія чувства плохо развиты (даже въ русской темной массѣ патріотизмъ только въ исключительные моменты выходитъ изъ со-

стоянія пассивности); но что же поддерживает невѣжество и заменутость этой массы, если не исключительные законы, если не низкое гражданское положеніе евреевъ? Въ интеллигентныхъ слояхъ русскаго еврейства уровень патріотизма былъ всегда очень высокъ, несмотря на то, что гнетъ ограничительныхъ законовъ давилъ еврейскую интеллигенцію также, какъ и темную массу, и даже первую сильнѣе, чѣмъ послѣднюю, такъ какъ еврейская интеллигенція всегда испытывала, кромѣ матеріальныхъ, и нравственныя страданія отъ гражданского неравенства. У всѣхъ еще свѣжо въ памяти, какой горячій откликъ нашелъ себѣ въ еврейской интеллигенціи 70-хъ годовъ лозунгъ обрусенія и ассимиляціи!.. Къ несчастью, въ данную минуту мы можемъ говорить объ этомъ великомъ патріотическомъ движеніи евреевъ лишь въ прошедшемъ времени. Ужасныя событія послѣднихъ лѣтъ — нужно-ли скрывать? — сильно понизили уровень патріотизма даже среди интеллигентныхъ евреевъ. Да и кто могъ-бы устоять противъ такого удара?... Мы теперь замѣчаемъ среди евреевъ реакцію благодѣтельнымъ стремленіямъ 70-хъ годовъ. «Мессіянскія времена настали» — набожно твердить темная еврейская масса, пораженная погромнымъ движеніемъ; а многіе изъ образованныхъ евреевъ и вваправду задались какими-то химерическими мессіянскими стремленіями. Мы не думаемъ, чтобы это такъ называемое палестинофильское движеніе могло пустить глубокіе корни въ русскомъ еврействѣ и считаемъ его движеніемъ эфемернымъ, но лишь постольку, поскольку дикое антиеврейское движеніе послѣднихъ лѣтъ окажется эфемернымъ... Какъ бы то ни было, но послѣднее обстоятельство можетъ только служить прекраснымъ «доказательствомъ отъ протввнаго» нашему положенію. Замѣчаемый теперь отливъ патріотическихъ стремленій среди евреевъ есть только правильное послѣдствие прилива враждебныхъ къ евреямъ чувствъ и тенденцій, знаменующаго наше время. Русское общество еще очень мало сдѣлало съ своей стороны для того, чтобы патріотическія стремленія могли себѣ найти благоприятную почву среди евреевъ, и событія послѣднихъ лѣтъ могли многое повернуть въ прямо противоположную сторону. Но правительство еще можетъ преду-

предить и пресѣчь дальнѣйшее развитіе этого зла. Гражданская эмансипація русскихъ евреевъ могла-бы поднять уровень патриотизма среди нихъ до чрезвычайной высоты. Евреи вовсе не исповѣдуютъ принципа: «ubi bene, ibi patria»: они считаютъ своимъ отечествомъ не ту сторону, гдѣ имъ матеріально хорошо живется, но ту, гдѣ на нихъ смотрятъ, какъ на равныхъ и полноправныхъ гражданъ, гдѣ они не страдаютъ нравственно. Уровень патриотизма среди евреевъ прямо пропорціоналенъ степени ихъ гражданской эмансипаціи и правоваго равенства въ данной странѣ. Жаловаться же на недостаточный патриотизмъ евреевъ и въ силу этого требовать усиленія правоваго неравенства ихъ — значитъ требовать именно усиленія и упроченія того явленія, на которое жалуются, которое признаютъ вреднымъ. А вѣдь такую колоссальную нехѣдность совершаютъ тѣ, которые мотивируютъ исключительные законы о евреяхъ недостаткомъ въ послѣднихъ патриотизма и любви къ Россіи.

Третье обвиненіе гласитъ, что евреи составляютъ вредный государственный элементъ, такъ какъ въ ихъ средѣ болѣе всего развито стремленіе къ обходу государственныхъ законовъ; надѣлать же ихъ большими правами, чѣмъ тѣ, которыя они теперь имѣютъ, значитъ дать имъ въ руки опасное орудіе для усиленія своихъ злоупотребленій. Опредѣлимъ точнѣе обвинительный тезисъ. Въ чемъ состоитъ «обходъ законовъ» евреями? Подразумѣвается ли подъ этимъ, что евреи болѣе всѣхъ другихъ склонны къ нарушенію *общегосударственныхъ*, уголовныхъ и гражданскихъ законовъ? Такое утвержденіе было бы ложно и недобросовѣстно. Евреи выдѣляютъ изъ себя самый ничтожный процентъ уголовныхъ преступниковъ — это составляетъ почти аксіому новѣйшей статистики. Что же касается общегражданскихъ преступленій, то нигдѣ не доказано, чтобы евреи въ нихъ участвовали больше, чѣмъ другіе классы русскаго общества *. Слѣдовательно, сами обвинители евреевъ должны бу-

* Единственное общее преступленіе, въ которомъ чаще всего упрекаютъ евреевъ, состоитъ въ контрабандномъ промислѣ. Но еслибы даже я было справедливо, что евреи выдѣляютъ изъ своей среды *большой* процентъ контрабандистовъ, то кто же докажетъ, что евреи даютъ процентъ *больше* того, который могли бы дать другіе на ихъ мѣстѣ? Никогда не нужно забывать, что контрабанда—

дуть ограничить свое обвиненіе извѣстными условіями и формулировать его слѣдующимъ образомъ: евреи чаще всего обнаруживаютъ склонность къ нарушенію законовъ, ограничивающихъ ихъ гражданскія права. Здѣсь уже сравненіе невозможно: нельзя говорить о *большей* преступности евреевъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ евреи — единственный объектъ особыхъ ограничительныхъ законовъ; послѣдніе нисколько не касаются христіанъ, которымъ поэтому нѣтъ надобности ихъ обходить, — такъ что нельзя знать, что бы сдѣлали христіане, еслибъ извѣстный ихъ классъ былъ въ положеніи евреевъ. Если же среди евреевъ, которые *вообще* не обнаруживаютъ болышей склонности къ правонарушеніямъ, чѣмъ другіе классы общества, замѣчается преобладаніе такой склонности именно по отношенію къ установленнымъ, специально для нихъ, ограничительнымъ законамъ, то ясно, что причина здѣсь кроется не въ еврействѣ, а въ характерѣ тѣхъ законовъ, обходить которые они какъ-то особенно стараются. Дѣйствительно, характеръ исключительныхъ о евреяхъ законовъ таковъ, что совершеніе дѣяній, возбраняемыхъ этими законами, само по себѣ и по общимъ законамъ не составляетъ преступленія, да и въ сознаніи евреевъ, совершающихъ эти дѣянія, не можетъ складываться мысль, что они дѣлаютъ дурное дѣло, ибо они видятъ, что другіе одинаковаго съ ними положенія индивидуумы совершаютъ это безпрепятственно и на законномъ основаніи. Когда человѣкъ совершаетъ дѣяніе, явно клонящееся къ нарушенію правъ другого человѣка, то можно еще приписывать такой актъ злой

преступленіе мѣстное, пограничное. Евреи — исконные и преобладающіе жители всей нашей западной окраины, пограничная линія которой есть главный ввозный пунктъ Россіи. Какъ въ болотѣ черти, такъ и на пограничныхъ пунктахъ водятся контрабандисты. Будь на мѣстѣ евреевъ преобладающимъ населеніемъ — коренные русскіе, контрабанда, можетъ быть, не только бы не уменьшилась, но даже увеличилась бы, такъ какъ для этого промисла требуется много значительной физической силы и отважности, которыя у евреевъ рѣже встрѣчаются, чѣмъ у другихъ. Чтобы установить *процентное отношеніе* евреевъ-контрабандистовъ, нужно вычислить процентное отношеніе евреевъ *пограничныхъ* къ христіанамъ пограничнымъ же, — а тогда выводъ можетъ оказаться и въ пользу евреевъ.

волѣ совершателя, который не могъ не видѣть вредныхъ послѣдствій своего дѣянiя; но можно ли приписать злой волѣ или закоренѣлой преступности, если человѣкъ совершаетъ дѣянiе, очевидно безвредное, но, по причинамъ независящимъ отъ него, возбраняемое почему-то именно этому человѣку? Если еврей прїѣзжаетъ по своимъ дѣламъ въ какой-нибудь великорусскiй городъ, то онъ не совершаетъ никакого преступленiя, никому не причиняетъ вреда, а себѣ и своей семьѣ можетъ быть приносить пользу,—но онъ совершаетъ нарушенiе закона, лишаящаго его, какъ еврея, права свободнаго передвиженiя по Россiи. Это нарушенiе проистекаетъ не отъ преступности еврея (ибо онъ совершаетъ законное дѣянiе), а отъ неправомѣрности закона. Здѣсь именно законъ *создаетъ* преступленiе. Еврей идетъ себѣ своей дорогою, не нарушая ничьихъ правъ, но на *его* дорогѣ наставлено столько перегородокъ, набросано столько камней преткновенiя, что, при извѣстной стремительности движенiя, онъ не можетъ не опрокидывать ихъ. Среднiй еврей ищетъ честно зарабатывать свой хлѣбъ; но здѣсь ему запрещено жителство, тамъ возбраняется покупать недвижимость, въ третьемъ мѣстѣ ему запрещаютъ торговлю, и такъ далѣе до безконечности. Приходится нерѣдко выбирать между перспективою голода и бѣдности и совершенiемъ такого поступка, который не заключаетъ въ себѣ безусловно ничего предсудительнаго по чистой совѣсти его совершителя, но который послѣднему, по причинамъ не отъ него зависящимъ, возбраняется. Если, имѣя передъ собою такую альтернативу, онъ выбираетъ второй изъ этихъ путей, можно ли его считать преступникомъ или безчестнымъ человѣкомъ, склоннымъ къ дурному? Пусть гг. юдофобы *по совѣсти* отвѣтятъ на этотъ вопросъ... По нашему же мнѣнiю (которое съ нами безъ сомнѣнiя раздѣляютъ всѣ благоразумные люди), одна уже необходимость частаго обхожденiя евреями исключительныхъ о нихъ законовъ, одна эта необходимость, глубоко жизненная и естественная, свидѣтельствуетъ о нецѣлесообразности и непримѣнимостъ ихъ жизни этихъ отжившихъ законовъ. Если законы до такой степени противоположны невиннымъ личнымъ интересамъ миллионовъ гражданъ и ихъ *неоспоримо*-честнымъ, безвреднымъ стремленiямъ, то такiе

законы противорѣчатъ и разуму, и жизни, и совѣсти; если эти законы, по характеру своему, на каждомъ шагу сталкиваются съ *нормальными* интересами жизни, то они уже eo ipso ненормальны и непрактичны,—и отиѣненіе ихъ составляетъ вопіющую необходимость. Уничтожьте причину — уничтожится и слѣдствіе.

Однимъ изъ наиболѣе популярныхъ обвиненій, направленныхъ противъ русскихъ евреевъ, является «уклоненіе евреевъ отъ исполненія воинской повинности». Это обвиненіе не разъ повторено и въ оффиціальныхъ актахъ, и оно даже вызвало сравнительное усиленіе строгостей по взиманію съ евреевъ этой повинности. Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что уклоненіе отъ воинской повинности есть одинъ изъ видовъ гражданской неблагонадежности. Но вопросъ въ томъ, насколько это обвиненіе справедливо по отношенію къ евреямъ. Не станемъ здѣсь разбирать фактическую сторону обвиненія; не будемъ указывать на доводы новѣйшей публицистики по еврейскому вопросу, гдѣ статистически доказывается, что обвиненіе въ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности до-нельзя преувеличено, что цифра ежегоднаго недобора съ евреевъ не точна, вслѣдствіе большаго сравнительно процента призываемыхъ къ военной службѣ изъ евреевъ (евреевъ въ Россіи 3½ милліона а процентъ призывныхъ, требуемыхъ съ нихъ, соответствуетъ 5-ти-милліонному еврейскому населенію), вслѣдствіе крайней путаницы въ призывныхъ спискахъ, и въ самомъ порядкѣ отбыванія воинской повинности. Допустимъ, что стремленіе къ уклоненію отъ военной службы дѣйствительно развито среди евреевъ въ болѣе-й степени, нежели среди другихъ классовъ населенія. Но если всякое преступленіе допускаетъ возможность существованія извѣстныхъ «смягчающихъ обстоятельствъ» и защитѣ предоставляется право указывать на подобныя обстоятельства, которыя, при извѣстной степени интенсивности, могутъ даже вызвать оправдательный приговоръ обвиняемому въ этомъ преступленіи,—то да позволено будетъ и защитнику евреевъ воспользоваться въ данномъ случаѣ правомъ указывать на «смягчающія обстоятельства». Эти смягчающія обстоятельства сводятся къ двумъ главнымъ: а) ограниченіе правъ

на выслугу военнослужащихъ евреевъ, и б) ограничительные законы о евреяхъ вообще, вызывающіе крайнюю отчужденность послѣднихъ отъ общепатріотическихъ интересовъ. Еврей, поступающій рядовымъ въ военную службу, не можетъ даже надѣяться выслужиться въ чинъ офицера; будь онъ хоть семи пядей во лбу, старайся изо всѣхъ силъ, — офицерства онъ все таки не добьется и всегда будетъ влачить жалкое существованіе въ «нижнихъ чинахъ». Если справедливо изрѣченіе, приписываемое Наполеону I-му, что «плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ», — то еврей, не смѣющіе даже надѣяться быть офицерами, подавно должны были бы быть плохими солдатами и, вслѣдствіе этого, плохими охотниками поступать въ солдаты. Но главная причина нерасположенія евреевъ къ военной службѣ заключается въ отношеніяхъ правительства къ евреямъ, выразившихся въ цѣломъ рядѣ стѣснительныхъ законодательныхъ мѣръ. Трудно на самомъ дѣлѣ заставлять людей жертвовать лучшими годами своей жизни и нерѣдко даже самую жизнь ради блага того *отечества*, которое, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, обходится съ ними вовсе не какъ отечество и третируетъ ихъ нерѣдко хуже иностранцевъ. (Прусскіе нѣмцы, напримѣръ, если они христіане, имѣютъ право повсемѣтнаго жительства въ Россіи, а *русскіе* евреи лишены этого права; а между тѣмъ, первыхъ не призываютъ въ Россіи къ военной службѣ, а послѣднихъ призываютъ). Подобное явленіе замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Босняки и герцеговинцы, напримѣръ, почти ежегодно съ оружіемъ въ рукахъ сопротивляются австрійскимъ эмиссарамъ, посылаемымъ къ нимъ для взиманія установленнаго съ нихъ числа рекрутъ; тоже дѣлаютъ и нѣкоторые другіе инородцы въ различныхъ странахъ. Въ Россіи же правовое положеніе евреевъ еще ниже положенія проживающихъ въ ней магометанскихъ и даже языческихъ инородцевъ. Надо еще замѣтить, что въ основѣ нерасположенія евреевъ къ военной службѣ лежатъ еще нѣкоторыя другія весьма важныя причины, какъ: исторически-родовая отвычка отъ воинской жизни, отвычка, которую восемнадцативѣковый періодъ (со времени паденія Іудей) могъ превратить въ наслѣдственное нерасположеніе къ войнѣ; тотъ

фактъ, что русскихъ евреевъ относительно недавно начали вербовать въ военную службу (съ 1827 г.); относительно физическая слабость евреевъ; наконецъ, то обстоятельство, что ужасный кантонистскій режимъ Николаевскаго царствованія неизменно запугалъ евреевъ и внушилъ имъ такой страхъ къ военной службѣ, что въ темной еврейской массѣ до сихъ поръ нерѣдко отождествляютъ военную службу съ каторгой. Всѣ эти причины однако такого рода, что со временемъ, при болѣе дружелюбномъ отношеніи къ евреямъ правительства, онѣ могли бы исчезнуть, и вмѣстѣ съ ними—нерасположеніе евреевъ къ военной службѣ. Что въ ограниченной степени это достигнуто нѣсколькими мягкими мѣрами прошлаго царствованія, доказываетъ тотъ фактъ, что размѣры уклоненія отъ воинской повинности изъ года въ годъ уменьшаются среди евреевъ, и въ настоящее время рекрутскій наборъ нигдѣ не вызываетъ между евреями того ужаса, который онъ возбуждалъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Но къ сожалѣнію, и въ настоящее время не устранены главныя причины, нерасполагающія евреевъ къ воинской службѣ: неравноправность евреевъ и низкое гражданское ихъ положеніе въ государствѣ. Можно ли требовать отъ людей, съ которыми обходятся какъ съ пасынками отечества, такой же преданности послѣднему, какъ отъ людей, признаваемыхъ «сынами» отечества? Можно ли отъ массы людей, которыхъ правовыя ограниченія разоряютъ матеріально и оскорбляютъ нравственно, требовать искренней готовности посвящать себя служенію странѣ, создавшей для нихъ всѣ эти унижительныя ограниченія? Пусть кто нибудь станетъ на минуту на точку зрѣнія русскаго еврея, пусть войдетъ въ его положеніе, вникнетъ въ его внутренній міръ,—и тогда, если онъ найдетъ его виновнымъ, пусть публично броситъ камень осужденія въ русскихъ евреевъ! Нѣтъ, всякій безпристрастный судья признаетъ, что если обвиненіе евреевъ въ уклоненіи отъ воинской повинности и имѣетъ основаніе, то унижительное гражданское положеніе евреевъ можетъ служить могучимъ смягчающимъ обстоятельствомъ для обвиняемыхъ. Нужно устранить подобныя обстоятельства—и послѣдствія ихъ исчезнутъ. Государство, уравнившее евреевъ во всѣхъ гражданскихъ обязанностяхъ съ корен-

нымъ населеніемъ, должно уравнить ихъ также и во всѣхъ гражданскихъ *правахъ*,—и тогда оно сможетъ и должно будетъ требовать отъ евреевъ такого же строгаго исполненія своихъ обязанностей, какъ и отъ всѣхъ остальныхъ классовъ населенія. Пока же этого не будетъ, евреи не перестанутъ во вредъ себѣ и государству пользоваться своимъ неравноправнымъ положеніемъ, какъ «смягчающимъ обстоятельствомъ» при уклоненіи отъ исполненія своихъ гражданскихъ обязанностей.

И такъ, всѣ разобранныя нами обвиненія такого рода, что недостатки, въ которыхъ обвинители упрекаютъ евреевъ, суть или непосредственныя послѣдствія нынѣшняго неравноправнаго положенія русскихъ евреевъ, или же, происходя отъ болѣе отдаленныхъ причинъ, теперь пытаются и поддерживаются именно этимъ ненормальнымъ правовымъ положеніемъ евреевъ. Въ обоихъ случаяхъ, отъ правительства зависить устранить эти социальныя аномаліи: уравниемъ евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ оно-бы могло поднять и нравственно-гражданскій и экономическій ихъ уровень, пониженный только гражданскимъ ихъ неравенствомъ. Но евреевъ обвиняютъ еще въ такихъ недостаткахъ, которые, будучи продуктомъ печальной исторической жизни еврейскаго народа, могутъ быть искоренены отчасти усиліями лучшихъ людей этого народа, а въ данномъ случаѣ—совокупными усиліями всей русско-еврейской интеллигенціи. Къ этому пункту мы теперь и переходимъ.

Вслѣдствіе многихъ и весьма сложныхъ историческихъ причинъ, о которыхъ распространяться неумѣстно, ходъ религіознаго и духовнаго развитія еврейскаго народа, въ теченіе всего діаспорическаго періода, представляетъ сплошную аномалію съ точки зрѣнія современнаго мыслящаго человѣка, но онъ совершенно естествененъ при томъ положеніи, которое во все это время занимали евреи въ политическомъ и социальномъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ какъ еврейскій народъ лишился своего отечества и своей политической самостоятельности, съ тѣхъ поръ какъ онъ разсѣялся среди чуждыхъ народовъ, — онъ имѣлъ лишь одно отечество—религію, одну родину—родину духа. Отчуждаемый и презираемый всѣми, онъ тѣшилъ завѣтною мыслью, что онъ

все-таки—единственный богоизбранный народъ, что онъ одинъ обладаетъ религіею истинной и Богомъ завѣщанною. Эту драгоценность свою онъ старался всячески оберегать и ограждать, и она его поддерживала въ такой длинный періодъ, въ который многіе другіе народы, находясь въ такомъ же положеніи, уже давно бы исчезли съ лица земли и со страницъ исторіи. Въ теченіи семнадцати вѣковъ, религія была единственною духовною и нравственною пищею еврейскаго народа, единственнымъ предметомъ изученія его духовныхъ представителей. Изучая религію, они непрерывно развивали ее и пополняли новыми обязательными законоположеніями. А такъ какъ подобнаго рода развитію доступна не догматическая, а только внѣшне-обрядовая сторона религіи, то эта именно сторона и достигла колоссальныхъ размѣровъ. Изъ всѣхъ положеній Моисеева ученія выводились ими, путемъ казуистическаго метода, новыя положенія; изъ этихъ—еще другія, и такъ далѣе въ геометрической прогрессіи. Всѣ эти выведенныя положенія почитались, какъ и ихъ основы, равно обязательными. Складомъ этихъ положеній служить Талмудъ и вся средневѣковая раввинская литература; въ кодификаціонномъ же порядкѣ, положенія эти изложены (и отчасти приумножены) въ «Шулхонъ-Орухъ»,—огромномъ четырехтомномъ кодексѣ, заключающемъ въ себѣ исчисленіе всѣхъ религіозныхъ и житейскихъ обязанностей евреевъ. Непосредственнымъ творцомъ новыхъ религіозныхъ законоположеній былъ, конечно, не весь еврейскій народъ, а только его духовные представители и вожди, за которыми онъ слѣпо слѣдовалъ, такъ какъ такой порядокъ вещей вполне соответствовалъ его тогдашней замкнутой жизни. Для духовныхъ же вождей евреевъ, религіозное законодательство, твореніе новыхъ обязательныхъ обрядовъ и разныхъ запрещеній имѣло не только практическую цѣль—установленіе массы обязательныхъ законовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ служило и само себѣ цѣлью, какъ единственный предметъ теоретическаго изученія и умственныхъ упражненій, доступный тогда пытливымъ еврейскимъ умамъ. Результатомъ этого страннаго процесса религіознаго законодательства было то, что еврейство очутилось оцѣпленнымъ со всѣхъ сторонъ огромнымъ кордономъ, огромною цѣпью изъ религіозныхъ обрядовъ, законовъ, запрещеній,

вторгающихся во всѣ сферы умственной, нравственной, общественной и мелочно-индивидуальной жизни. Вся аномалія такого порядка вещей сдѣлалась очевидной, когда вѣянія новаго времени стали провѣтривать и затхлое еврейское гетто. Когда въ западной Европѣ, обуреваемой освободительными движеніями, іудаизмъ принялъ другое направленіе, онъ въ Польшѣ и Россіи оставался все въ томъ же положеніи. Здѣсь къ раввинизму присоединился нелѣпый хасидизмъ съ своей мистикой, цади-ками-шарлатанами и сталъ угнетать и деморализовать еврейскую массу. Это — печальная, потрясающая исторія, да, къ несчастью, это и не отошло еще въ область исторіи!... Если исключительные законы о евреяхъ поддерживаютъ замкнутость и отчужденность послѣднихъ извнѣ, то этотъ религиозный режимъ поддерживаетъ ихъ извнутри. Еврейскій обскурантизмъ и правовое неравенство идутъ рука-объ-руку. Въ «Восходѣ» уже впрочемъ довольно обстоятельно говорилось объ этомъ, и мы можемъ только еще разъ повторить здѣсь, что еврейскій интеллигентный человѣкъ долженъ бороться одновременно и за внутреннюю, духовную эмансипацію русскихъ евреевъ, и за внѣшнюю, правовую. Только внѣшнія улучшенія въ гражданскомъ быту евреевъ (въ чемъ обязанность правительства), въ связи съ непрерывной внутренней реформой религіозно-духовнаго быта еврейской массы (что составляетъ дѣло самихъ евреевъ, или болѣе сознательныхъ ихъ представителей), — только такая двойная работа извнутри и снаружи можетъ рѣшительно продвинуть впередъ дѣло русскихъ евреевъ и сдѣлать ихъ гражданское положеніе такимъ же нормальнымъ, какимъ сдѣлалось положеніе евреевъ во Франціи и другихъ передовыхъ странахъ Европы. Этого, конечно, нельзя сдѣлать въ одинъ годъ; на это потребуются долгіе годы и усилія нѣсколькихъ поколѣній. Но когда дѣло идетъ о гражданскомъ и духовномъ перерожденіи цѣлаго народа, — о времени не можетъ быть и рѣчи.

Есть еще одно чрезвычайно важное дѣло, исполненіе котораго лежитъ на обязанности правительства и лучшихъ представителей еврейства (когда и первое, и вторые дойдутъ до сознанія своихъ обязанностей): это — преобразование традиціоннаго порядка воспитанія еврейскаго юношества. Этотъ вредный по-

рядомъ воспитанія, кромѣ своей непедагогичности, служить однимъ изъ главныхъ столповъ, поддерживающихъ религиозное невѣжество и умственный мракъ въ еврейской массѣ. Такъ называемое «хедерное» обученіе, руководимое невѣжественными учителями—«меламедами», считается у евреевъ строго-обязательнымъ для всякаго еврейскаго юноши. Десятки тысячъ еврейскихъ дѣтей воспитываются до 13—15 лѣтъ исключительно на талмудѣ, и когда они потомъ выходятъ въ жизнь, то вносить въ нее головы, наполненныя схоластическимъ хламомъ, руки, ни къ чему неспособныя,—и, не зная, что съ собою дѣлать, они увеличиваютъ собою тотъ огромный контингентъ еврейскихъ торговцевъ и мелкихъ посредниковъ, который и безъ того составляетъ язву «черты осѣдлости».—Когда правительство энергично примется за урегулированіе положенія евреевъ, однимъ изъ первыхъ его дѣлъ должно быть преобразованіе «хедернаго» порядка воспитанія. Разумѣется, для успѣшности такого шага, правительству необходимо постоянное и дружное содѣйствіе интеллигентныхъ представителей еврейства. Отъ этого шага зависитъ участь ближайшихъ поколѣній русскихъ евреевъ — и онъ слишкомъ важенъ, чтобы его игнорировали.

VII.

Мы заключаемъ теперь нашу статью. Всестороннимъ теоретическимъ разсмотрѣніемъ еврейскаго вопроса мы, можетъ быть, нѣсколько освѣтили этотъ сложный и запутанный вопросъ. Мы обобщили и сжато систематизировали все, что идеи справедливости и пользы могутъ сказать въ защиту гражданскихъ правъ евреевъ. Мы доказали, что правовая эмансипація евреевъ есть не только актъ справедливости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и актъ пользы и величайшей необходимости. Наряду съ гражданской эмансипаціей евреевъ, которую должно предпринять правительство, должна идти внутреннее преобразованіе, подъ руководствомъ наиболѣе трезвыхъ и интеллигентныхъ представителей русскаго еврейства. Къ этому должна присоединиться реформа воспитанія. *Только отъ совместныхъ и дружныхъ усилій правительства и евреевъ зависитъ окончательное рѣшеніе еврейскаго вопроса.* Прин-

ципь раздѣленія труда въ этомъ дѣлѣ имѣеть неизмѣримую важность. Еврейскій вопросъ въ Россіи есть не только вопросъ экономическій и общественный; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ религіозный, духовный, вопросъ о нравственномъ возрожденіи евреевъ. По скольку это вопросъ экономическій и государственный—онъ можетъ и долженъ быть рѣшенъ правительствомъ; поскольку это вопросъ духовно-культурный—его могутъ и должны рѣшить сами евреи. Согласно этому, сумма дѣятельности и силъ, направленныхъ къ рѣшенію еврейскаго вопроса и къ урегулированію положенія евреевъ въ Россіи, должна распредѣлиться по слѣдующимъ тремъ направленіямъ:

А. Преобразованія, зависящія отъ инициативы одного правительства: Уравненіе евреевъ во всѣхъ гражданскихъ правахъ съ прочимъ населеніемъ и отмѣненіе всѣхъ исключительныхъ о евреяхъ законовъ.

В. Реформы, зависящія отъ инициативы однихъ евреевъ, или болѣе просвѣщенной ихъ части: это—реформы религіозно-бытовой и духовной жизни евреевъ.

Но тутъ необходимо замѣтить, что безъ гражданской эмансипаціи евреевъ невозможно и немислимо это внутреннее ихъ преобразованіе.

С. Реформы, зависящія отъ соединенныхъ усилій правительства и евреевъ: Это—преобразованіе нынѣ существующаго у евреевъ порядка воспитанія.

Всѣ эти разностороннія усилія должны быть направлены къ одной великой цѣли: къ гражданскому, культурному и духовному перерожденію русскихъ евреевъ.

Экстернусъ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СЕМЕЙСТВА.

(Повѣсть).

(Окончаніе *).

IV.

Быль жаркій июльскій день. Шмуель, сидя за столомъ, чинилъ что-то и въ то же время рассказывалъ Муселе, работавшей за другимъ столомъ, сказку о томъ, какъ раввинъ проклятьемъ превратилъ сына въ лягушку за то, что тотъ не совершалъ омовенія рукъ за обѣдомъ, и какъ въ концѣ концовъ цадикъ, съ помощью заклинанія, возвратилъ раввинскому сыну человеческій образъ.

Муселе слушала внимательно и каждый разъ перебивала отца:

— Ой, какая жалость! Я теперь буду бояться лягушки: а можетъ это *имелъ* **.

Лея, утомленная за ночь отъ печенья кухенювъ, спала. Въ домѣ было веселіе и красивіе, чѣмъ прежде. Это доказывало, что семья уже больше не голодаетъ.

Шмуель окончилъ свою сказку слѣдующими словами: Понимаешь ли, что значитъ въ недобрый часъ чѣмъ-нибудь проговориться? Раввинъ проговорился, но и цадикъ былъ не кропатель.

Онъ нагнулся надъ работой. Муселе задумалась. Вдругъ

---

* См. «Восходъ», 1884, кн. XI.

** Превращеніе, т. е. человѣкъ, превращенный въ неразумную тварь.

быстро отворилась дверь и вбѣжала, запыхавшись, барышня лѣтъ пятнадцать.

— Здѣсь живетъ... портной... Лапотникъ? отецъ Хіены?

— Здѣсь! отвѣтили отецъ и дочь съ удивленіемъ.

— Пойдемте къ намъ... Дочь ваша, Хіена, служитъ у насъ. Ей что-то дурно. Она говорила, что не нужно идти, но я пошла. Я едва могла допроситься, гдѣ вы живете...

Старикъ больше не слушалъ ея и стоялъ уже у двери:

— Что съ ней? Гдѣ она? Гдѣ вы живете? Доченька, дорогая, укажи мнѣ! Ахъ, несчастье!.. Пойдемъ!.. Да!.. Мусенька, разбуди Лею, скажи, чтобы пришла!.. Побѣжимъ!.. Ой!

И старикъ выбѣжалъ на улицу.

Муселе смутно поняла, что съ Хіеной что-то не ладно. Лея все задумывается, Хіена печальна... Но что съ ними дѣлается, Богъ знаетъ.

Она разбудила Лею, которая, молча, выслушала ея рассказъ и вскорѣ ушла съ тревогой въ душѣ.

V.

Въ большой очень опрятной кухнѣ лежала на кровати Хіена; лице ея говорило, какія муки она испытываетъ. Стиснувъ зубы, страдалица не издавала звука, только по временамъ изъ груди ея вырывались протяжные тяжелые вздохи.

Хозяйка и ея теща стояли у постели и смотрѣли на Хіену не то съ испугомъ, не то съ удивленіемъ.

— Отчего бы это съ ней приключилось?—недоумѣвала хозяйка:—кажется, вчера еще она была совсѣмъ здорова, только немножко разсѣяна, но эту разсѣянность я замѣчала въ ней уже давно.

— Это у нея съ дурнаго глаза,—замѣтила теща:—благодаря Бога, она здѣсь потолстѣла и похорошѣла, какъ сосна. Шутка-ли! вѣдь она толстѣетъ изо дня въ день. Какая грудь!.. Ее сглазили! Надо было бы заговорить. Пошли кого-нибудь за Янкелемъ Хлойнесъ: онъ заговариваетъ—какъ рукой сниметъ.

— Нѣтъ,—покачавъ головой, сказала хозяйка, мнѣ кажется, тутъ нѣтъ дурнаго глаза. Посмотрите, какая она синяя. Она,

должно быть, ужъ не первый день чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровой. Но вѣдь она какая-то дикая, развѣ она скажетъ! Надо послать за докторомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно! съ испугомъ сказала больная.— Не нужно доктора! Сейчасъ пройдетъ! Это ничего! можете идти въ лавку. Рохель права: надо въ самомъ дѣлѣ заговорить.

Въ молодой дѣвушкѣ, не смотря на боли, пробудилось страстное желаніе жить; ей не хотѣлось, чтобы ея господа, любившіе ее, узнали ея страшное положеніе, ея стыдъ. Всѣ силы души вертѣлись вокругъ задачи: какъ бы сдѣлать, чтобы хозяйка съ тещей ушли отъ нея и чтобы она могла какъ-нибудь уйти отъ нихъ. Куда уйти? Куда-нибудь, чтобы они не знали, не замѣтили. Хоть бы остаться въ полѣ, лишь бы не у нихъ.

— Ну вотъ! будто я не знаю, что такое дурной глазъ! — сказала самодовольно Рохель;—когда твой Ице, а мой сынъ, былъ еще хедерный мальчикъ, приходилось каждую минуту заговаривать ему дурной глазъ. Какъ только онъ приходилъ изъ хедера, я могла узнать по его личику, сглазили ли его или нѣтъ. Такъ я тутъ не пойму? Ясно какъ день, что дѣвку сглазили. А то, что она синяя, такъ это очень просто: ты думаешь, что дурной глазъ пустякъ? Въ «Цсена Уреена» сказано, что 99 процентовъ умираютъ отъ...

— Но за ея отцомъ, какъ бы то ни было, надо послать,— перебила ее невѣстка и обратилась къ дочери. — Сходи, Шейнеле, въ Пикъ, спроси тамъ Шмуеля Лапотника.

— Хозяюшка, голубушка, не надо! онъ больной, пережугается. Вѣрьте мнѣ, это пройдетъ! Сжальтесь,—плакала Хіена, но ее не послушали.

Вскорѣ явился Шмуель, блѣдный, испуганный.

— Что это?! Гдѣ она?

— Вотъ, вотъ ребъ Шмуель! Это вы вѣрно ея отецъ? Ей съ утра стало дурно. Богъ ее знаетъ, что съ ней!.. Вотъ, какъ видите, лежитъ она такъ пластомъ весь день, не беретъ ничего въ ротъ...

— Хіененка! Что съ тобой? Скажи, доченька! — обратился встревоженный старикъ къ дочери.

— Начего, тятя, ничего, дай Богъ мнѣ такъ здоровья! Чего

ты такъ испугался: у меня немного болить голова, больше ничего. Мало что они говорятъ, это ужъ такіе люди. Не бойся, скоро пройдетъ, сказала Хіена и хотѣла улыбнуться, но отъ боли не могла.

— Что ты говоришь, дочь моя! Смотри, на тебѣ лица нѣтъ. О, мое горе великое!.. Ахъ, хозяйюшка, сжальтесь, пошлите кого-нибудь за докторомъ. Богъ вамъ за это заплатитъ.

— Послано, послано, вамъ не къ чему просить. Хіена, могу вамъ сказать, мнѣ очень дорога, потому что она честное дитя.

Хіену отъ этой похвалы рѣзнуло какъ ножемъ по сердцу.

— Къ чему вы послали?—проговорила она съ горечью.

— Потому что нужно, потому что ты упрямая,—улыбнувшись отвѣчала хозяйка.

Вошла Лея и быстро осмотрѣла мѣстность, поле битвы. Раненная повеселѣла, увидѣвъ любимое лицо. Шмуель молча указалъ новопривывшей на Хіену.

— Надо взять извозчика и ѣхать домой, — сказала Лея, — ради нихъ (она указала на хозяйку). Это большое беспокойство.

— Какіе пустяки! Мы не разбойники! Мы ее отпустимъ домой! Какъ бы не такъ! развѣ она не человѣкъ? Вести больную! Не бойся, мы уже послали за докторомъ.

— За докторомъ!—съ испугомъ сказала Лея,—лишнее, лишнее! Возьму извозчика.

Вошелъ домашній докторъ хозяевъ: старой поклонился, молодой подалъ руку. Обмѣнявшись съ ними нѣсколькими общепринятыми фразами, онъ осмотрѣлъ больную и съ удивленіемъ повернулся къ окружающимъ.

— Что, господинъ докторъ?—спросила хозяйка.

— Пожалуйте на минуту, мнѣ нужно кое-что сообщить вамъ.

Они вошли въ другую комнату.

— Слушайте, дѣвушка беременна.

— Беременна!!

— Да, беременна,—не перебивайте меня,—вотъ ея болѣзнь, понимаете? Поэтому или пошлите за акушеркой, или же отправьте ее въ госпиталь.

Хозяйка простояла нѣсколько минутъ въ оцѣпенѣніи. Ей не

хотѣлось вѣрить, что эта скромная, благородная дѣвушка—развратница.

Прійдя въ себя, она возвратилась въ кухню.

— Ну что? Что онъ вамъ говорилъ? — вскричалъ Шмуель, увидѣвъ разстроенное лицо хозяйки.

Въ эту минуту вошла поспѣшно Лея.

— Ну, я привела извозчика. Ёдемъ.

— Лея, — перебила ее хозяйка, — мнѣ нужно сказать тебѣ нѣсколько словъ. — И, отвѣдя ее въ сторону, тихо сказала: Знай, если только ты этого не знала раньше меня, что Хіена беременна. Смотри, чтобъ она сейчасъ, сію же минуту, была вывезена изъ этого дома. Вези ее въ больницу или куда хочешь. И чтобъ это оставалось въ тайнѣ: для васъ это небольшая честь, да и для меня небольшое удовольствіе, чтобъ изъ моего дома дѣвушекъ возили родить... (А что, если въ самомъ дѣлѣ стъ кого-нибудь изъ моихъ? закралось подозрѣніе въ ея голову). Понимаешь: сейчасъ!.. Однако отъ Хіенки я бы скорѣе ожидала всякой другой напасти, только не мамзера! А!

Лея не проронила въ отвѣтъ ни звука, и какъ только хозяйка кончила, она подошла твердыми шагами къ постели лежавшей безъ чувствъ сестры, молча взяла ее на руки и вынесла изъ дому.

Шмуель не понималъ, что тутъ такое дѣлается, но когда Хіены уже не было въ комнатѣ, онъ какъ бы пробудился отъ тяжелаго сна и спросилъ:

— Что это? сжальтесь, скажите, что съ моей дочерью, съ моей зѣницей ока?

— Что съ твоей зѣницей ока? — отвѣчала съ гнѣвомъ хозяйка. — Лучше бы ты похоронилъ ее ребенкомъ, чѣмъ воспитать развратной! Твоя дочь скоро разрѣшится отъ бремени— это была ея «болѣзнь», ея «слабость». Вотъ какъ она бѣгала къ бѣдному тятѣ и къ больной сестрѣ! Лучше бы она сломала шею, прежде чѣмъ поступила ко мнѣ.

Восковое лицо Шмуеля еще болѣе пожелтѣло. Онъ ухватился за стѣну, чтобъ не упасть.

— Моя дочь!.. Моя Хіененька!.. говорилъ старикъ какъ во снѣ, но вдругъ вскочилъ:

— Лжете! Лжете, злодѣи, разбойники! Вы хотите сдѣлать несчастной мою дочь—этого не будетъ! Лжете! Моя дочь честная!.. честная; я это присягну на Священномъ Писаніи! Лжете, разбойники—вы сами развратные!

Онъ выскочилъ изъ дому и пустился бѣжать, не зная куда.

Лея въ это время ѣхала съ Хіеной по улицамъ, держа сестру почти на рукахъ. Прохожіе останавливались смотрѣть, но Лею это мало интересовало.

Она не боялась потерять свою репутацію; она знала одно: надо спасти Хіену.

Въ тотъ же день Хіена родила въ больницѣ дитя, которое, вслѣдствіе тревогъ и преждевременныхъ родовъ, оказалось мертворожденнымъ.

Шмуель два часа бѣгалъ по улицамъ. Дома дочерей, не было, гдѣ же онѣ могли быть?

Но потомъ онъ узналъ это отъ извозчика, который ихъ везъ. Старикъ побѣжалъ къ больницѣ.

— Ку-да?—протянулъ сторожъ.

— Моя дочь! Моя дочь здѣсь. Пусти! Сейчасъ пришла... объ дочери.

— А-а-а! это твои дочери.. Гм!

— Пусти!

— Нельзя. Твоя дочь родила, и тебя нельзя туда пускать. Но вторую дочь я могу вызвать, сжалился сторожъ, видя, что Шмуель измѣнился въ лицѣ—и вызвалъ Лею.

— Такъ она, Хіена, дочь моя, въ самомъ дѣлѣ распутная! Такъ они были правы? Моя Хіененька родила таки мамзера!.. О, Боже милосердный! за что Ты меня наказываешь?—кричалъ онъ, ударяясь головой объ стѣну.—Ай, ай, моя дочь, моя дочь!

Онъ бы упалъ, еслибъ Лея не поддержала его. Она взяла его подъ руки и отвела домой.

— Мамзеръ! Мамзеръ! Омрачила мнѣ глаза, моя дочь... бредилъ старикъ.

Муселе Лея рассказала всю правду и, разумѣется, защищала Хіену.

Скоро весь Пикеръ зналъ уже новость: одни говорили, что она родила мамзера у хозяйки въ домѣ, и ее и мамзера увели

черезъ полицію въ госпиталь; другіе рассказывали, что она покончила съ мамзеромъ и теперь содержится въ больницѣ до выздоровленія, а потомъ ее посадятъ въ тюрьму. Никто ни однимъ словомъ не выразилъ участія къ Хіенѣ, хотя тремя днями раньше всѣ были ея лучшими друзьями.

— Вотъ тебѣ и тихоня! Скорѣе можно было ожидать, что ее похоронятъ, говорила одна еврейка.

— Въ тихомъ омутѣ черти водятся, отвѣчала другая.

— Я слышала,—замѣтила третья,—что ея сестра, вотъ что всѣмъ управляетъ, Лея, везла ее на рукахъ въ госпиталь.

— Кому же и везти,—рѣшила первая: — вѣрно Лея такъ же хороша, какъ и она.

— Ой, было бы красиво, еслибъ Лея тоже сломала шею! Ея спѣсь просто невыносима.

— И сломить! Помянешь мое слово! Она еще имѣетъ время наплодить пару дюжинокъ.

— Вотъ тебѣ и «мои доченьки пусть долго живутъ», какъ Шмуель говоритъ.

— Нѣтъ, Шмуеля, напротивъ, жаль: онъ честный еврей. Онъ не заслужилъ этого стыда и позора.

Лея не поникла головой подъ градомъ насмѣшекъ, презрѣнія и злобы.

Она попрежнему смотрѣла всѣмъ прямо въ глаза; но съ Шмуелемъ было совсѣмъ иначе. Въ первый день онъ бѣгалъ по комнатѣ, какъ безумный, рвалъ на себѣ волосы, плакалъ и проклиналъ. Лея молчала, но на другой день, когда онъ немного успокоился, заговорила. Говорила весь день, доказывая отцу, что Хіену нельзя еще такъ строго судить, объяснила ради чего Хіена «это» сдѣлала и т. д. Молодая дѣвушка говорила страстно, со всей силой убѣжденія.

Шмуель сталъ другими глазами смотрѣть на этотъ «случай». Муселе тоже повеселѣла.

Но все-таки старикъ не смѣлъ поднимать голову, показываться на улицу, встрѣчаться со знакомымъ, даже боялся сморгнуть въ окошко, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ его.

Сора, услыхавъ о поворномъ событіи, прибѣжала къ отцу.

— Тятя, что это я слышала на улицѣ? Что это съ Хіеной? спросила она тихо съ испугомъ.

Шмуель, виѣсто отвѣта, расплакался.

— Ея воспитаніе! сказала Сора гнѣвно, взглянувъ на Лею. Лея молчала.

— Я всегда говорила, что она не хорошо кончитъ. И изъ-за кого?—только изъ-за нея. Вотъ и радуйся теперь, Леинька! Оповорила хорошо нашу семью!. Ты не огорчаешься, я вижу! Но мнѣ, мнѣ вѣдь нельзя будетъ изъ-за этой паскуды на улицу показаться, всюду будутъ мнѣ колоть глаза моей прекрасной сестрицей, лучше бы ей не родиться. Намъ нельзя будетъ пойти въ синагогу.

— Такъ чѣмъ виновата Лея? тихо спросилъ Шмуель.

— Чѣмъ она виновата?! Вѣдь это ея драгоценная воспитанница! Она вѣдь ее наставляла! она ее развратила!

Лея, смотрѣвшая до сихъ поръ на Сору сверкающими отъ гнѣва глазами, вышла изъ терпѣнія.

— Молчать! закричала она сильнымъ голосомъ.

— Молчать? Что такое? Я, кажется, не твоя служанка, чтобы ты на меня кричала! Гм! она кричитъ на меня! Ты также хороша, какъ и Хіена. Тоже пойдешь по ея дороженькѣ.

Лея смолчала бы, такъ какъ видѣла, что горе говорить устами ея сестры, но боялась, чтобы отецъ, котораго она расположила въ пользу Хіены, не сталъ опять враждебенъ къ поскользнувшейся дочери.

— Молчи, прошу тебя: ты не должна говорить о Хіенѣ, когда не знаешь, какой она человѣкъ, когда ни о чемъ не знаешь.

— Ни о чемъ не знаю! Весь городъ звонить, а я ни о чемъ не знаю—какъ тебѣ это нравится, тятя? За то ты, Леинька, вѣрно хорошо знаешь. Ты вѣрно ужъ давно объ этомъ знала. Можетъ быть, была даже совѣтницей?

— Или перестань, или ступай домой! — крикнула Лея. — Подметку Хіены я не промѣняю на твою голову! Она въ тысячу разъ лучше и честнѣе тебя!

— Пусть отсохнутъ у меня ноги, если я зайду въ этотъ

домъ, пока она здѣсь будетъ! окончила старшая сестра и вы-
бѣжала изъ дома.

Шмуель только тяжело вздыхалъ во время этой сцены.

VI.

Лея посѣтила Хіену на другой день послѣ родовъ.

Хіена лежала и куда-то задумчиво смотрѣла.

Лея тихо положила ей руку на плечо и наклонилась надъ
нею.

— Какъ ты себя чувствуешь, сестрица?

Хіена нѣсколько минутъ безмолвно смотрѣла на Лею, но
вдругъ, обхвативъ обѣими руками ея голову, крѣпко-крѣпко
прижала ее къ сердцу.

— Сестрица! милая, золотая сестрица!.. душенька!..

Остальное она ужъ не высказала, а выплакала.

— Успокойся, успокойся!..

— Что... отецъ? Какъ онъ поживаетъ? спросила Хіена че-
резъ нѣсколько минутъ.

— Отецъ здоровъ и думаетъ о тебѣ тоже, что и я.

Хіена еще сильнѣе заплакала и нѣсколько разъ поцѣловала
сестру.

Сердечные поцѣлуи странно звучали подъ высокими казен-
ными сводами.

Десять дней пролежала Хіена въ больницѣ и десять разъ
посѣтила ее Лея, облегчая ей сердце своими теплыми словами
и снова оживляя въ немъ надежды на лучшее будущее. Лея
понимала, что теперь, именно теперь, можно возвратить сестру
съ пути, на который она-было ступила; надо только дать ей
понять, что возвратъ возможенъ, что мысль, которою другія
въ ея положеніи руководятся: «ахъ, мнѣ ужъ нечего терять,
теперь все равно!» — фальшива и бесплодна, что съ такой
мыслью можно только утопиться. Надо жить. Хіена не такая
тяжкая грѣшница, какою считаетъ ее свѣтъ.

Повеселѣвшее лицо сестры, просвѣтленный взглядъ ея бар-
хатныхъ глазъ, окрѣпшій голосъ—все это показывало, что по-

сѣянныя Леей зерна упали въ добрую почву, что Хіена наконецъ обновилась.

Рѣшено было, что Хіена куда-нибудь уѣдетъ. Лея ужъ не боялась за нее.

У Леи было рублей десять, скопленныхъ отъ печенья кухоновъ: съ этими деньгами Хіена поѣдетъ въ Харьковъ, гдѣ жила ихъ знакомая, и поступить въ услуженье.

Шмуель успокоился, началъ выходить на улицу, говорить съ людьми (правда, съ опущенной головой), посѣщать си-нагогу.

Передъ отъѣздомъ въ Харьковъ, Хіена зашла къ отцу, Шмуель сидѣлъ за столомъ. Какъ не похоже было это посѣщеніе на прежнія! Когда-то она входила въ домъ весело, особенно когда приносила деньжонки, весело поздороваается и начнетъ говорить, рассказывать и щебетать какъ птичка. Отецъ тоже повеселѣетъ... А теперь! теперь она съ тупымъ страхомъ переступаетъ когда-то гостепріимный порогъ, тихо, дрожащимъ голосомъ произноситъ: «добрый вечеръ» и останавливается среди комнаты, съ камнемъ на сердцѣ.

Шмуель какъ-то оробѣлъ, не зналъ, что говорить, какъ начать, какъ обходиться съ ней. Гдѣ-то въ глубинѣ души у него уже зашевелилась радость при видѣ дочери, зашевелились прощеніе и любовь.

— Тятя... я уѣзжаю... простись со мною...

Шмуель заплакалъ и отвернулся къ стѣнѣ.

Настала тяжелая минутная тишина.

— Чего ты плачешь?—угрюмо замѣтила ему Лея.—Хіена должна уѣхать въ Харьковъ, а ты долженъ проститься съ ней и забыть все, что до сихъ поръ было, потому что больше ужъ этого не будетъ, я это знаю навѣрно... Ну, поцѣлуйтесь, и дѣлу конецъ.

И взявъ Хіену за руку, она подвела ее къ отцу. Хіена обхватила руками голову отца и осыпала ее поцѣлуями.

— Тятенька! прости меня!

Шмуель совсѣмъ ослабѣлъ. Гнѣва его не осталось и слѣда, и онъ сталъ упрашивать дочь не уѣзжать.

— Этого нельзя,—сказала Лея,—Хіена должна ѣхать, а то Пикерскія Генты будутъ слишкомъ много заниматься ею. Въ тотъ же день Хіена уѣхала.

VI.

Шмуелю между тѣмъ страшно надоѣла иголка.

— Вотъ не могу, не могу,—говорилъ онъ, — какъ только возьму въ руки иголку, и примусь ставить заплаты—охватываетъ меня такая тоска смертная, что вотъ-вотъ, кажется, умру. Самая худшая каторжная работа, кажется, лучше, чѣмъ ставить эти проклятыя заплаты.

Но ничего не дѣлать и жить на заработки Леи было противно натурѣ старика. И вотъ въ одинъ прекрасный лѣтній день, когда все въ природѣ ликовало, пташки пѣли и бабочки порхали и т. д., и т. д.—Шмуель лапотникъ сдѣлался Шмуелемъ носильщикомъ. Онъ вышелъ съ веревкой на рынокъ и ждалъ, не потребуется-ли отнести что-нибудь въ лавку или на вокзалъ.

И дѣйствительно ему повезло: три раза прошелъ онъ порядочное разстояніе, нагибаясь подъ тяжелой ношей и смотря всю дорогу въ землю, и заработалъ три пятачка. Эти первые три пятачка вышли ему, какъ говорится, бокомъ. Всю ночь прометался онъ на своемъ жесткомъ ложѣ: спина, привыкшая къ прежнему сорокалѣтнему порядку, теперь отчаянно протестовала противъ такого радикальнаго нововведенія, но потомъ постепенно пріучилась и осваивалась съ новымъ образомъ жизни. Черезъ мѣсяць Шмуель сталъ уже дѣйствительнымъ носильщикомъ-плебеємъ*.

---

* Носильщиковъ можно раздѣлять на четыре категоріи: *Носильщики хозяйскіе*: каждый крупный лавочникъ держитъ одного или нѣсколькихъ носильщиковъ. *Носильщики-избранники, молодые таланты*: они рѣзко выдѣляются изъ толпы своей силою, десяти пудовой тяжестью вращаются какъ палкой, неутомимо работаютъ и зарабатываютъ, только съ теченіемъ времени таланты начинаютъ меркнуть и жаловаться: «не тѣ ужъ годы», «не та сила». *Носильщики-плебеи*: обыкновенные смертные, съ тяжелой ношей, особенно зимою, долго возятся и борятся, прежде чѣмъ ее одолѣютъ. *Носильщики-парии*: самые слабые, подбираютъ впроху, передающія отъ избранниковъ и плебеевъ.

VIII.

Леѣ минуго двадцать лѣтъ.

Шмуель занятъ былъ тревожными думами о ея судьбѣ, т. е. о ея замужествѣ.

— Теперь я вотъ что сдѣлаю,—строилъ планы Шмуель,—домишко продамъ и выдамъ замужь Лею. Тѣ нѣсколько рублей, что останется, оставлю для Муселе, а самъ найду гдѣ-нибудь уголь и всегда заработаю свой хлѣбъ: много-ли мнѣ, старику, нужно? Муска пойдетъ служить, за нее нечего бояться: она тихая, набожная дѣвка, хотя и не особенно умная, но ничего себѣ. За Муску нечего бояться: она, Боть дастъ, будетъ честная.

Разъ Лея ушла со двора и возвратившись домой, подошла прямо къ отцу, съ слѣдующими словами:

— Тятя, мнѣ предлагаютъ въ женихи одного часовщика, не здѣшняго. Я видѣла его много разъ, говорила съ нимъ и узнала его покороче. Онъ мнѣ нравится. Быть можетъ, надняхъ будетъ у насъ обрученіе. Приданого онъ у меня не просить.

Съ часовщикомъ Лея познакомилась у своей подруги. Разъ онъ разсказалъ кое-что изъ своей біографіи:

— Семейство наше было большое. Чтобы освободиться хоть отъ одного лишняго рта, меня отдали къ часовому мастеру на четыре года, на хозяйскихъ харчахъ. Почему къ часовому мастеру, а не къ сапожнику, или къ кузнецу, я не знаю. Никакого особеннаго призванія къ часовому мастерству я не чувствовалъ. Да объ этомъ и не справлялись. Подвернись сапожникъ, кузнецъ, портной — меня точно также отдали-бы къ сапожнику, кузнецу, портному. Такимъ образомъ я оказался закрѣпощеннымъ на четыре года въ чужомъ семействѣ, хозяинъ употреблялъ меня для посылки, подмастерье—для собственныхъ надобностей, хозяйка заставляла въ базарные дни носить за нею корзину съ закупками, а каждый божій день выносить лохань, дѣтскія пеленки, чистить картофель и тому подобное; у дѣтокъ я исполнялъ должность камердинера, няньки и всего что угодно, — однимъ словомъ, я имѣлъ надъ собою десять

генераль-губернаторовъ. Въ такихъ разнообразныхъ должностяхъ прослужилъ я три года и могъ считать себя мастеромъ на всѣ руки, хотя за то не имѣлъ рѣшительно никакого понятія о часовомъ мастерствѣ. Только къ концу четвертаго года сталъ я заниматься дѣломъ и пробилъ у своего хозяина еще два года, уже въ качествѣ подмастерья; потомъ, по рекомендаціи, перешелъ къ одному изъ аристократическихъ часовщиковъ, молодому франтоватому господину, окончившему гимназію. Здѣсь я проработалъ неутомимо года три; хозяинъ былъ мною доволенъ; но когда я объявилъ, что моего двухрублеваго жалованья (у моего хозяина я получалъ столь и два рубля въ мѣсяцъ) не хватаетъ на самое необходимое, безъ чего и жить нельзя, и просилъ маленькой прибавки, — онъ возмутился. Какъ! Я недоволенъ честью работать въ магазинѣ у человѣка образованнаго и порядочнаго!.. Долго мучился я въ нерѣшимости, не зная, что дѣлать. Бросить образованнаго хозяина и ѣхать въ Р.? Здѣсь полунищенское существованіе и полужизнѣ, а тамъ, на чужбинѣ, можетъ быть придется голодать и быть въ положеніи человѣка, который упалъ въ море и не знаетъ, есть ли вблизи спасительный ботъ. Правда, въ Р. я имѣю богатыхъ родственниковъ, но они неособенно жаловали бѣдныхъ членовъ своей семьи.

«Наконецъ я поборолъ свою боязнь и нерѣшительность и очутился въ Р. Нѣмцы евреевъ не принимаютъ, пришлось работать у своихъ, которые немногимъ отличались отъ моего перваго хозяина. Но теперь уже руки у меня не были такъ связаны, и вотъ, заложивъ нѣкоторыя вещи, сталъ я заниматься по ночамъ нѣмецкимъ языкомъ — брать уроки у одного студента. Я ходилъ какъ можно осторожнѣе по мостовой, чтобы не такъ скоро истоптать свои, сомнительной прочности сапоги, ѣлъ какъ можно меньше, и то хлѣбъ съ селедкой — за то набрался такой массы новыхъ и важныхъ свѣдѣній въ часовомъ дѣлѣ, что прославился въ своемъ муравейникѣ. Тогда-то, считая себя ужъ не такимъ страшнымъ «партачемъ», рѣшился я постучаться въ храмы нѣмецкаго мастерства. Нѣмцы говорили со мной сначала вѣжливо, но потомъ лица у нихъ омрачались, и они срѣзывали:

— Вы изъ евреевъ?

— Да.

— О, евреевъ мы не принимаемъ!..

«Постучался къ своему собрату, содержателю лучшаго магазина въ городѣ, Трегеру:

— У меня работаютъ одни христіане.

«Быль я еще прежде знакомъ со старикомъ нѣмцемъ, тоже часовымъ мастеромъ, который давалъ мнѣ иногда спѣшную работу на домъ. Онъ обѣщаль переговорить съ Трегеромъ.

— Правда,—говорилъ онъ Трегеру, евреи — Pfuscher'ы, но гдѣ они могли научиться какъ слѣдуетъ и усовершенствоваться въ работѣ, когда ихъ гонять и чужіе, и свои, и тѣснить со всѣхъ сторонъ. Христіанинъ говоритъ: «убирайся! Ты еврей—слѣдовательно Pfuscher». Еврей повторяетъ: «убирайся! Ты еврей—слѣдовательно Pfuscher». Боже мой! не всѣ же евреи Pfuscher'ы и не всѣ Pfuscher'ы евреи! Das ist ein Skandal!.. Но за этого молодаго человѣка я ручаюсь.

«Трегеру стало совѣстно—и онъ велѣлъ мнѣ прийти. Я пришелъ, поработалъ. Трегеръ былъ доволенъ, принялъ меня и назначилъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ жалованья».

Нѣсколько такихъ разговоровъ по душѣ сблизили молодыхъ людей.

— Слушайте, Лея, вы мнѣ нравитесь, какъ дѣвушка умная и добрая. Мнѣ нужно жениться, и я былъ-бы счастливъ, еслибъ вы согласились раздѣлить со мною мой кусокъ хлѣба. Не могу поручиться заранѣе, что онъ всегда будетъ сладокъ, но любовь къ вамъ дастъ мнѣ силы взять отъ жизни все, что для меня возможно... Скажите откровенно, нравлюсь, или, лучше сказать, понравлюсь ли я вамъ?

Лея молчала нѣсколько секундъ, потомъ, съ свѣтящимися отъ радости глазами, отвѣчала:

— Да.

Выборъ этотъ показался Шмуелю довольно фантастическимъ: Помилуйте! безъ свата... да еще нездѣшній...

— Какъ это?.. совсѣмъ такъ?..

— Совсѣмъ такъ и есть, отвѣчала улыбаясь, она. — Если хочешь, я попрошу его завтра зайти.

На завтра, въ ожиданіи будущаго зятя, Шмуель предложилъ невѣстѣ «прибрать», «одолжить у сосѣдей», «поставить на столъ», но Лея возразила:

— Ничего не надо, тятя, пускай въ домѣ будетъ, какъ обыкновенно. Нравлюсь я ему—домъ долженъ тутъ играть небольшую роль, не нравлюсь—никакой домъ не поможетъ.

Черезъ нѣсколько времени пришелъ женихъ, Іосифъ Абрамовъ, одѣтый по европейски. При его входѣ Шмуель поднялся съ мѣста и хотѣлъ снять передъ паномъ шапку, но дочь предупредила недоразумѣніе. Старикъ сѣлъ опять на свое мѣсто и видимо былъ не въ своей тарелкѣ. Но гость завелъ разговоръ, сталъ рассказывать свои свѣжія впечатлѣнія изъ р—ской жизни —и всѣ оживились.

Потомъ коснулись дѣла: Абрамовъ приличія ради попросилъ согласія старика на бракъ, готовый, въ случаѣ отказа, обойтись и безъ него, такъ какъ считалъ согласіе невѣсты выше всего.

Шмуель оторопѣлъ, началъ что-то и не докончилъ, наконецъ объявилъ, что завтра пришлетъ шадхена, что безъ шадхена нельзя, какъ-то неприлично... У отцовъ такъ водилось, и проч.

— Какъ видно, у васъ въ N, нельзя обойтись безъ сватовъ, улыбаясь, сказалъ женихъ.—Ну, хорошо, свать, такъ свать.

Послѣ ухода Іосифа, Шмуель сталъ плачевнымъ тономъ упрасивать Лею отказаться отъ этой партіи, которая можетъ опозорить ихъ фамилію и омрачить его послѣдніе годы. Имѣть затемъ нѣмчика, съ подстриженной бородой—Боже мой!.. Какая нужда?.. Онъ, Шмуель, найдетъ ей жениха, который будетъ въ десять разъ лучше нѣмчика.

— Такого, какъ Моисей? Не дай Богъ!.. И почему ты, тятя, называешь моего жениха нѣмчикомъ! Потому что онъ говоритъ полунѣмецкимъ языкомъ? Что же тутъ худого? Вѣдь нѣмецкій языкъ научилъ его зарабатывать хлѣбъ и вывалъ въ люди... Что-же касается его подстриженной бородки, то она никому не вредитъ: не въ длинной-же бородѣ скрываются честность и способности. Я тебѣ, тятя, очень благодарна за твои заботы, но лучше предоставь мнѣ уже самой позаботиться

о себѣ и сдѣлать выборъ: не тѣбѣ придется съ мужемъ вѣкъ прожить, а мнѣ.

Дѣлать нечего. Шмуель далъ свое «да», но съ условіемъ, чтобы Іосифъ не стригъ бороды и соблюдалъ еврейскіе обряды.

Черезъ недѣлю было обрученіе, а черезъ три мѣсяца и свадьба, безъ музыкантовъ, безъ трезвона. Были только свои да близкіе, мирно бесѣдовали, поужинали—и конченъ балъ.

Такое нововведеніе возбудило въ Пикерѣ цѣлую бурю. Общество ругалось, общество было убѣждено, что Лея выходитъ за нееврея, что Шмуель этого не перенесетъ, что Лея послѣ свадьбы непременно выкрестится, что изъ-за нея умираютъ дѣти, что она въ тысячу разъ хуже Хіенки, что еслибы ея мать встала изъ гроба, то, посмотрѣвъ на дочку, легла бы опять... Но всѣ эти ужасныя вещи мало пугали Лею, которая вскорѣ выѣхала съ мужемъ въ Р.

Сора сначала тоже негодовала на союзъ съ нѣмчикомъ, но когда Лея пришла звать ее на свадьбу, т. е. явилась съ повинной, тогда она смягчилась, и сестры разстались друзьями.

Шмуель продалъ свою избушку за тридцать рублей, т. е. собственно не избушку, которая годилась развѣ на дрова, и то гнилыя, а землю, и нанялъ для себя и внука уголь за рубль въ мѣсяць. Муселе поступила въ услуженіе за пятнадцать рублей въ годъ, въ томъ же домѣ, и варила также для отца и племянника.

IX.

Хіена, по приѣздѣ въ Харьковъ, тоже поступила на мѣсто, которое занимала съ честью. Хозяйка полюбила ее: «еще такой дѣвочки поискать».

Черезъ два года она ужъ сама стала хозяйкой. Въ томъ-же домѣ, гдѣ она служила, жила старуха, къ которой пріѣхалъ племянникъ, запасной рядовой, хорошій заготовщикъ. Молодые люди часто встрѣчались и познакомились. Незлобивый, веселый нравъ дѣвушки понравился бывшему воину: онъ попросилъ тетку быть свахой.

— Мнѣ нужна простая дѣвушка, которая могла бы быть

хозяйкой, сварить обѣдъ, выкормить дитя, если Богъ благословитъ имъ, поменьше бы занималась нарядами и глупостями, и при этомъ была бы похожа на человѣка,—сказалъ онъ Хіенъ.— Ты такая дѣвушка и я надѣюсь на Бога, что будешь жить со мною хорошо.

Три ночи не спала Хіена: то посѣщали ее надежды, то налетали черныя сомнѣнія и тяжелыя воспоминанія. Только кухонныя стѣны и темная ночь знали, какъ судорожно металась молодая дѣвушка на своемъ ложѣ, какъ мучительно краснѣло ея измѣнявшееся личико.

Наконецъ на четвертый день врожденная честность и желаніе твердой ногой вступить въ супружеско-материнскій храмъ отстранили стыдливость, и Хіена, выждавъ время, рассказала своему обожателю отъ начала до конца исторію своего паденія, не выбросивъ изъ нея ни одного словечка.

Заготовщикъ выслушалъ внимательно, потомъ обнялъ свою невѣсту.

— Ты честное дитя!.. Слушай, другъ мой: былъ я недавно на войнѣ.. Что такое война — боюсь тебѣ рассказывать: боюсь наполнить твою дѣвическую душу горечью и отравой... Боже мой! Боже мой! какіе ужасы тамъ совершались!.. И я долженъ былъ дѣлать тоже, что всѣ дѣлали,—такъ мнѣ-ли судить тебя!..

Послѣ свадьбы молодые посѣтили Н.

Хіена купила отцу новыя субботнія платья, а Соръ, съ которой также помирилась, оказала денежное пособіе, и уѣхала. Передъ отъѣздомъ она просила отца жить вмѣстѣ съ ними, но тотъ отказался:

— Лея тоже просила меня, но пока я еще могу стоять на ногахъ—буду себѣ зарабатывать хлѣбъ. Вотъ когда ужъ буду не въ состояніи, тогда...

Онъ не договорилъ и только махнулъ рукой.

Х.

Шмуель былъ ужъ четвертый годъ носильщикомъ; у него на губахъ уже являлась та льстивая улыбка, отъ которой у

человѣка, не исковерканнаго жизнью, застываетъ кровь въ жилахъ. Эта самая улыбка была когда-то у корчмарей, когда ясновельможные паны таскали ихъ за бороду. Шмуель долженъ былъ лстить, чтобы его брали предпочтительнѣе предъ другими. Даже этотъ тяжелый лошадиный кусокъ хлѣба приходится выпрашивать!..

Съ внукомъ своимъ Шмуель сначала обращался хорошо, называлъ его «сыномъ», «сироткой». Залманъ съ своей стороны называлъ его «дѣдушкой», «дорогимъ». Никакихъ друзей у Залмана не было; лучшимъ его другомъ былъ дѣдушка. Къ товарищамъ по талмудъ-торѣ онъ не чувствовалъ особеннаго расположенія; лучший товарищ можетъ донести на него меламеду, который высѣчетъ его. А дѣдъ еще ни разу не билъ его. Дѣду онъ рассказываетъ все, что учить, всѣ свои дѣтскіе интересы, съ нимъ дѣлится своими радостями и тревоженіями.

Но спустя нѣкотораго времени отношенія эти совершенно измѣнились.

Разъ Залманъ заснулъ.

— Вставай, — будиль его дѣдъ, — вставай, молись: уже полдень!

Мальчику не хотѣлось слѣзать съ теплой печки.

— Гой, вставай же!

— Вотъ... вотъ... сейчасъ—говорить Залманъ сквозь сонъ.

— Скорѣй же! мнѣ пора на рынокъ, а тебѣ если позволить такъ спать—такъ ты проспишь до вечера. Вставай: время идти въ талмудъ-тору.

— Встаю, встаю!—плачется заспанный Залманъ.

Проходитъ нѣсколько минутъ.

— Смотри, Хритонъ (мужикъ) еще не всталъ, онъ ждетъ, чтобы я ушелъ, потомъ онъ можетъ себѣ спокойно спать. Но у меня ты этого не добьешься. Встанешь или нѣтъ?

Шмуель лѣзетъ на печь и тащить внука внизъ силой.

— Кажется, молитва не трудна, напротивъ, молись очень приятно!—ворчитъ старикъ.—А ему это все равно, что землю копать. Отчего я встаю рано? Отчего меня не надо будить на молитву?

Шмуель при этомъ забывалъ, что Залману десять лѣтъ, а ему шестьдесятъ.

Залманъ все больше отдаляется отъ дѣда: любовь къ нему охладѣваетъ.

— Подожди, я ему отомщу, ужъ никогда не стану его слушаться,—думаетъ мальчикъ, когда Шмуель кричитъ на него.

Разъ Залманъ всталъ поздно, умылся, сказалъ «брохе» (первую молитву) и черезъ нѣсколько минутъ взялся за хлѣбъ.

— Ша, чего ты такъ хватаешься за хлѣбъ? Ты еще не молился,—сказалъ Шмуель.

— Я съѣмъ кусочекъ хлѣба, потомъ помолюсь: страшно ѣсть хочется.

— Что? прежде поѣсть? Нѣтъ, братецъ, ты у меня не будешь ѣсть, пока не помолишься. Ишь какія новости заводить!

— Ну, такъ не буду молиться!

— Нѣтъ, будешь! у меня эти фокусы не помогутъ.

По цѣлымъ часамъ продолжаютъ такія стычки. Шмуель выходитъ изъ терпѣнія и прибѣгаетъ къ ругани, а потомъ и къ побоямъ... Мусе всегда при этомъ принимала сторону отца.

Но иной разъ ей станеть жалко мальчика, и она даетъ ему, что остается отъ хозяйскаго стола. Когда кто-нибудь обижаетъ Залмана, дѣдъ и тетка, хотя бы они и были сердиты на него, заступаются за ребенка:

— Зачѣмъ ты его трогаешь? Развѣ ты ему отецъ? Нашелся тоже хозяинъ! Ему и безъ тебя довольно.

Съ другой стороны, попробуй кто-нибудь обидѣть Шмуеля или Мусе, Залманъ станеть за нихъ горой.

Когда старикъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи, онъ начиналъ рассказывать внуку сказки о цадикахъ, чертяхъ, ламедьвовникахъ, о Мессіи бенъ-Иосифѣ, который заклилъ облако и леталъ на немъ, и т. п. чудеса. Залманъ не двигался съ мѣста и внимательно слушалъ, потомъ принимался цѣловать старика.

Но все-таки все чаще и чаще стали повторяться сцены въ родѣ слѣдующей:

— Пойдешь сегодня въ талмудъ-тору, или мнѣ придется напоминать тебѣ сто разъ?—говорить Шмуель.

— Не пойду. Я вѣдь вамъ говорилъ, что не пойду. На дворѣ морозъ, а у меня сапогъ нѣтъ.

— А бѣгать безъ сапогъ можешь? Тутъ тебѣ не холодно?

— Ну вотъ, бѣгать! Гдѣ это я бѣгаю? Я понимаю, вы хотите, чтобъ я простудился и умеръ.

— Да, да, хотѣлъ бы, чтобъ ты умеръ. Чего ты на меня налегъ? отправляйся къ своей мамѣ! Чего ты хочешь отъ меня? Два года покормилъ тебя—довольно съ меня.

— Ага! отправиться къ мамѣ! А вы на что меня взяли? Не должны были брать! А взяли—такъ должны держать.

— Долженъ? Развѣ я твой отецъ, что долженъ? Два года продержалъ тебя. Я думалъ сдѣлать тебя человѣкомъ—стоитъ поработать: будешь хотъ кадеша имѣть; но если ты не хочешь быть евреемъ—то сломай шею, провались сквозь землю.

И диспутъ этотъ кончался обыкновенно побоями.

— Ну, скажи самъ.—вмѣнивалась было Мусе мягкимъ голосомъ,—зачѣмъ ты отнимаешь у тяти здоровье? Ты вѣдь видишь, что весь день онъ работаетъ изъ послѣднихъ силъ, а когда приходитъ домой полубольной, разбитый отъ тяжелыхъ работъ, такъ ты еще не даешь ему покоя и грызешь ему сердце.

— Вотъ вы никогда не ходили въ талмудъ-тору, а попробуйте ходить—такъ узнаете. Приходишь въ талмудъ-тору. Старый холерникъ, меламедъ, уже сейчасъ бурчить, хотя его не трогаютъ. Сѣчетъ насъ каждую минуту, и сѣчетъ не съ злобой, а наслаждается во время сѣченія, точно ѣсть конфекту. Принесешь въ хедеръ игрушку — онъ ее заброситъ или присвоить... За что это? Какое ему дѣло? Вѣдь это моя игрушка! Ну и учить онъ также не учить: или сидитъ и спитъ, или чешетъ ногу. Хлѣбъ, что даютъ для мальчиковъ, беретъ онъ тоже себѣ, а насъ бьетъ, когда просимъ. Такъ для чего же я пойду въ хедеръ! Чтобы тамъ меня ребе билъ особенно, а здѣсь дѣдъ особенно? Старый песь всѣхъ дѣтей бьетъ!..

— Ахъ ты мешумедъ! Онъ называетъ его псомъ!—кричитъ Шмуель. — Ты не стоишь его пятки: онъ еврей, который сидитъ и учить по цѣлымъ днямъ тору — а этотъ мамзеръ зоветъ его псомъ!

— Да, да, песь, песь! За что онъ насъ бьетъ? Чего онъ хочетъ отъ насъ?

— Такихъ мамзеровъ, какъ ты, надо законать живыми.

— Ну не пойду въ хедеръ—и баста!

— Нѣтъ, ты у меня пойдешь! Лопнешь, а пойдешь!

— Отдайте меня къ ремесленнику!

— Къ ремесленнику! Жуликъ, ты вѣдь не умѣешь еще молиться! Къ ремесленнику!.. Мамзеръ!

— Чтобъ я такъ слышала «шейферъ шель мешіахъ» (месіанскую трубу), какъ не пойду въ талмудъ-тору! И конечно! Шмуель выходилъ изъ себя.

— Вотъ тебѣ не пойдешь! Вотъ тебѣ «шейферъ шель мешіахъ!»

Началась обычная сцена увѣщеванія.

— Нѣтъ, нѣтъ, можете меня убить—а не пойду!

— Ну, такъ не будешь у меня въ домѣ. Гвѣя я не хочу воспримывать. Вонъ!

— Я въ васъ не нуждаюсь! Я и безъ васъ обойдусь! кричалъ мальчикъ въ ярости.

— Ну, ну, отчего же нѣтъ? Ты совершенно правъ! Мнѣ тогда не нужно будетъ столько трудиться. Ступай, ступай себѣ съ Богомъ!

И съ этими словами дѣдъ вытолкалъ внука за дверь.

X.

Залманъ пошелъ къ одному изъ своихъ товарищей по хедеру. Они вмѣстѣ ходили нѣсколько разъ по домамъ, вмѣстѣ пробовали красть яблоки съ возовъ. На дорогѣ у него въ головѣ соврѣлся такой проектъ:

— Днемъ я буду съ нимъ ходить по домамъ, а ночевать буду на улицѣ, гдѣ нибудь возлѣ лавки, теперь не холодно.

Два дня побирался онъ, на третій — ему надоѣло. Яблоки вкусны, но бродяжничество совсѣмъ не улыбалось ему. Ночлегъ тоже не отличался удобствомъ. Голодъ его мучилъ. Онъ укралъ было нѣсколько яблокъ, но потерпѣлъ неудачу: его схватили и хорошенъко ввдули.

Куда идти? Къ дѣду? Но между ними лежитъ такая пропасть. Къ матери? но она уѣхала въ Харьковъ, къ Хіенѣ въ гости. Онъ прошился и поголодалъ еще одинъ день и вечеромъ возвратился къ дѣду.

— А, а! пришелъ! Видали этотъ товаръ? Ну, почему ты не нашелъ себѣ другого мѣста? Ты вѣдь во мнѣ не нуждаешься! встрѣтилъ его Шмуель.

Какъ ни сердить былъ голосъ старика, но въ немъ все-таки звучала радостная нотка. Слава Богу, наконецъ-то вчужеъ возвратился! Залманъ стоялъ съ опущенной головой и молчалъ, но въ сердцѣ у него кипѣла злоба.

— Ну, теперь ужъ пойдешь въ хедерь, или все еще нѣтъ?

— Пойду, отвѣчалъ Залманъ тихо.

— Вотъ такъ и говори! Ты славный мальчишъ. Учись прилежно, молись. Дурачекъ! Тебѣ же лучше будетъ.

Залманъ молчалъ.

Нѣсколько дней прошло мирно, но потомъ опять началась старая исторія и продолжалась все въ болѣе и болѣе остромъ тонѣ.

Разъ, поссорившись съ дѣдомъ и провалявшись нѣсколько дней въ городѣ, Залманъ не зналъ, что предпринять. Возвратиться къ дѣду? Ни за что на свѣтѣ! Тотъ такъ жестоко отколотилъ его, что струна родства въ сердцѣ мальчика совсѣмъ оборвалась и въ немъ кипѣла лишь злоба разбитаго дѣтства.

А пока мучить голодь. Что дѣлать?.. Никто не протягиваетъ ему руки помощи — онъ самъ протянетъ руку. Но не для милостыни!..

Онъ подошелъ къ столику, на которомъ продавались калачи, и проворно стянулъ одинъ изъ нихъ.

Часа черезъ четыре закотѣлось еще. Но у столика уже караулила хозяйка и смотрѣла въ оба.

Онъ подошелъ къ погребку, гдѣ продавались желѣзо, веревки и другая мелочь.

— Покажите мнѣ веревки отъ сахару, обратился онъ къ лавочнику, зная, что веревки находятся внизу.

Лавочникъ спустился внизъ, а Залманъ послѣшно съва-
замокъ и спряталъ за пазуху, но въ попыткахъ сбросить

еще нѣсколько замковъ, которые со звономъ и полетѣли на землю. Лавочникъ обернулся, посмотрѣлъ навверхъ и, замѣтивъ, что Залманъ суетъ что-то за пазуху, однимъ прыжкомъ очутился возлѣ него.

— Покажи-ка, мальчикъ, что ты тамъ прячешь?

И вытаскилъ у него изъ за пазухи замокъ.

— Я... хотѣлъ... купить... Сколько?...

Лавочникъ далъ ему пощечину:

— Вотъ тебѣ цѣна. Вотъ тебѣ еще!. Ахъ ты крыса эдакая! Такой мальчишка — и учится уже воровать! А!

Залманъ, блѣдный и ошеломленный, рвался у него изъ рукъ.

— Что онъ дерется! Чего вы отъ меня хотите?—плакался онъ. — Я посмотрѣлъ замокъ, а онъ говорить, что я хотѣлъ его украсть! Пустите!

— Пустить тебя? Подожди немножечко, имѣй терпѣніе, говоришь, не торопясь, мучитель.

Собиралась толпа.

— Что здѣсь такое?

Лавочникъ рассказалъ.

— Нѣтъ, — защищался Залманъ, — я хотѣлъ только посмотреть замокъ, а онъ ужъ привязался, что я хочу его украсть.

— А, это онъ! Я его знаю, этого мальчишку. Я нѣсколько разъ замѣчалъ, какъ онъ терся возлѣ столиковъ.

— Надо его отвести въ часть, чтобы тамъ содрали съ него шкуру. Пускай знаетъ, какъ воровать!

У Залмана мурашки по тѣлу забѣгали.

— Эхъ, отпустите его! Жаль, ребенокъ! заступились нѣкоторые.

— Мнѣ замокъ не дорогъ, сказалъ лавочникъ:—но такой мальчикъ, если его отпустить совсѣмъ такъ, станетъ въ самомъ дѣлѣ воромъ. Теперь онъ еще учится — такъ надо его отучить. Для него это будетъ благодѣяніе: если ему всыпать — у него пропадетъ охота впередъ воровать.

— Я не воровалъ! плакался Залманъ, которому «благодѣяніе» лавочника очень мало нравилось.

— Вотъ мы это сейчасъ увидимъ, — вмѣшался другой лавоч-

никъ, толстопузый.—Онъ говорить, что хотѣлъ купить веревки и замокъ. Посмотримъ: есть у него деньги—отпустимъ, нѣтъ—въ часть! Что вы на это скажете? обратился толстякъ къ публикѣ съ самодовольной усмѣшкой.

— Онъ правъ! общите его!

Праздный и скучающій торговый людъ радъ былъ всякому развлеченію и игралъ съ Залманомъ, какъ кошка съ мышью.

Обыскали и никакихъ денегъ не нашли.

— Ну, гдѣ же твои деньги? смѣялся толстякъ.

Залманъ началъ плакать и умолять, чтобъ его на этотъ разъ отпустили—и онъ никогда уже болѣе не будетъ воровать, но мольбы и клятвы ему не помогли. Правда, за прощеніе высказалось большинство голосовъ, но лавочникъ съ своимъ «благодѣяніемъ» оказывалъ сильное давленіе на умы; притомъ же вблизи случился полицейскій.

Залманъ былъ впихнутъ въ темную и очутился въ обществѣ отставныхъ проституттокъ, пьяницъ и безпаспортныхъ. Онъ ихъ не видѣлъ, но различалъ по отрывочному разговору и хриплымъ звукамъ, которыми они выражали свои ощущенія. Онъ ихъ также чувствовалъ: ноги одного упирались ему въ лицо; другой легъ на него; третій сдвинулъ ему колѣна; четвертому попалась въ плѣчь его правая рука. Тѣснота, голодь, вонь, мракъ кругомъ и мракъ въ душѣ, бессонница — все это навалилось на бѣднаго мальчика и придавило его такъ, что онъ не могъ ни охнуть, ни вдохнуть. Шесть нечистыхъ силъ, шесть злодѣевъ на одного ребенка!...

На завтра Залманъ попалъ въ полицію, а изъ полиціи черезъ нѣсколько дней выпущенъ на свободу, сильно разбитый и развинченный.

Одна мысль буравила ему голову: отплатить лавочнику за его «благодѣяніе».

— Онъ будетъ меня помнить! Я когда нибудь попаду ему камнемъ въ голову. А воровать имъ на зло не перестану. Теперь ужъ буду воровать осторожнѣе, чтобы не попасться такъ глупо.

И онъ усовершенствовался и завелъ знакомства. Онъ дол-

женъ былъ усовершенствоваться, потому что другая наука была ему недоступна.

ХІІІ.

Сора поселилась на жительство въ Харьковѣ съ Давидомъ и Ривенькой и открыла тамъ лавочку рублей въ двѣсти.

Гдѣ она взяла столько денегъ?

Иосифъ Абрамовъ завелъ съ Лейбой Беркинымъ процессъ. Дѣло переходило изъ одной судебной инстанціи въ другую и протянулось два года. Господа Беркины не дремали: сильно хлопотали, нанимали адвокатовъ, подавали аппеляціи и кассациіи, протянули еще годъ; но въ концѣ концовъ судъ присудилъ Беркина къ двухсотъ рублевому штрафу въ пользу Соры.

О Залманѣ Сора мало думала: вѣдь мальчикъ воспитывается у ея отца, который безъ сомнѣнія сдѣлаетъ изъ него человѣка. Воспитать же ея отецъ четырехъ дочерей, и всѣ четыре не хуже другихъ.

Такова исторія семейства Шмуеля-Лапотника, впоследствии Шмуеля-Носильщика.

Псевдонимъ.

РУВИМЪ.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ ГЕНРИХА ЛАУБЕ.

V.

Когда Моисей встрѣтилъ кавалера Нота, послѣдній дѣйствительно отправлялся на виллу Молиторе, т. е. собственно не на виллу, а на дорожку, ведущую къ горѣ за виллой. И онъ узналъ, что Камила любила гулять по утрамъ по этой дорожкѣ и это обстоятельство заставило его подняться раньше изъ постели. Любилъ-ли онъ Камиллу? Этого собственно нельзя было сказать, но она нравилась ему и онъ не прочь былъ жениться на ней, тѣмъ болѣе что она была единственной наслѣдницей богатой тетки своей, госпожи Молиторе. Сестра госпожи Молиторе была замужемъ за полковникомъ Теодоро и Камила была единственною ихъ дочерью. Мать Камиллы умерла вскорѣ послѣ ея рожденія и полковникъ, оставшись вдовцомъ, охотно отправилъ дочь свою въ Триестъ, къ теткѣ ея, обѣщавшей назначить Камиллу единственною своею наслѣдницей. Аббатъ взялся доставить ее туда, зная, что у госпожи Молиторе можно хорошо поѣсть и сославшись на денежныя дѣла въ Туринѣ. Полковникъ охотно принялъ это предложеніе.

Кавалеръ Нота, жившій въ Анконѣ, не замедлилъ послѣдовать за аббатомъ и за Камиллой, въ надеждѣ добиться съ помощью тетки руки Камиллы. Происходилъ онъ изъ хорошаго семейства, и поэтому тетка благосклонно смотрѣла

* См. „Восходъ“, кн. XI.

на его домогательства, не смотря на то, что онъ успѣлъ уже прожить все свое отцовское состояніе и жить одними только долгами. Это былъ красивый человѣкъ, съ правильными, романскими чертами лица, обрамленнаго шелковистыми черными волосами и такою же бородой. Будучи живаго темперамента, хорошо владѣя словомъ, легко впадалъ въ патетическій тонъ, какъ только вопросъ касался политики; онъ разыгрывалъ въ Триестѣ роль пламеннаго итальянскаго патриота, находившаго вполне естественнымъ, что Триестъ долженъ принадлежать Италіи. Въ непродолжительное время онъ сдѣлался однимъ изъ видныхъ дѣятелей партіи такъ называемой „неискупленной Италіи“, стремившейся къ воссоединенію Триеста съ Италіей и дѣлавшей это довольно открыто, такъ какъ австрійское правительство относилось къ этой агитаціи какъ-то снисходительно, и даже вяло.

До сихъ поръ Камилла относилась къ нему довольно равнодушно и не обращала вниманія на его разглагольствованія. Она вообще была скромнаго, мягкаго и молчаливаго характера. Выше всего она ставила музыку, а такъ какъ Франческо-ди-Нота обладалъ красивымъ басомъ, то они часто проводили время вмѣстѣ, причемъ онъ пѣлъ, а она аккомпанировала ему на фортепіано. Но тѣмъ не менѣе настоящаго сближенія между ними не происходило, и онъ поставилъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало добиться его. Тетка также желала этого сближенія.

Онъ и рѣшился повести аттану именно въ этотъ день. До свѣдѣнія его дошло, что правительство наконецъ таки рѣшилось приняться за политическихъ агитаторовъ, и это могло повести къ арестованію его, или же, по меньшей мѣрѣ, вынудить его бѣжать. Поэтому онъ счелъ нужнымъ, ни мало не медля, опредѣлить отношенія свои къ Камиллѣ.

Съ такими намѣреніями онъ шелъ мимо виллы, по тропинкѣ, которая вела на гору. Пройдя сотню, другую шаговъ, онъ повстрѣчался съ аббатомъ Сальво, какъ будто ожидавшимъ его и вытиравшимъ потъ съ лица. Небольшой, толстенный человѣчекъ только что сдѣлалъ попытку прогуляться, но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ: ходьба

по неровной почвѣ очень утомила его, и онъ повернулъ назадъ, съ досадою кого-то и что-то ругая въ такихъ выражаніяхъ, которыя какъ будто-бы и не пристали духовному лицу.

— Что васъ привело въ такое расположеніе духа! — спросилъ его Нота.

— А то, — отвѣтилъ онъ по-итальянски, — что докторъ мой — осель. Онъ требуетъ, чтобъ я каждый день гулялъ по крайней мѣрѣ часъ на свѣжемъ воздухѣ, иначе я слишкомъ растолстѣю и у меня разовьется удущье.

— Ну, такъ что-же! Быть можетъ онъ и правъ.

— Правъ, какъ-же? Одышка-то еще либо будетъ, либо нѣтъ, а бѣготня эта страшно утомляетъ меня уже безъ всякаго сомнѣнія. — А что, вы придете къ намъ завтракать.

— А развѣ Камилла уже вернулась домой?

— Вернулась. Она вздумала завтракать на балконѣ и поручила мнѣ позаботиться о томъ, чтобы въ завтраку были свѣжія устрицы и свѣжая-же морская рыба.

Дѣйствительно, они застали Камиллу уже дома. Одинъ слуга спускалъ маркизы надъ балкономъ, между тѣмъ какъ другой накрывалъ столъ.

— А вы сегодня еще не гуляли? — спросилъ сивьоръ Нота Камиллу.

— Какъ-же, гуляла, и при этомъ со мною еще случилось приключеніе, — отвѣтила она.

— Какое приключеніе? — спросили въ одинъ голосъ Нота и г-жа Молиторе, полвившаяся на балконѣ.

— Имѣйте терпѣніе. Сперва присядьте. Джіованне, подайте г-ну аббату устрицы. Видно, что онъ сильно проголодался.

— Вѣрно, вѣрно, милая барышня, — подтвердилъ аббатъ.

Приготовая для него устрицы, которыя онъ жадно глоталъ, она стала весело рассказывать, какъ она встрѣтила на горѣ, подъ пламановымъ деревомъ, въ то самое время, когда она разучивала новый романсъ, какаго-то молодого

человѣка, который, узнавъ, что она лишь съ трудомъ разбираетъ романсъ, тотчасъ-же разобралъ ноты и пропѣлъ романсъ.

— Какъ, Камилла! — воскликнула хозяйка дома, — да вѣдь ты-же не знаешь этого человѣка!

— Да, но я тотчасъ-же замѣтила, что у него чудный голосъ и что онъ поетъ отлично, даже лучше кавалера Нота. Послѣ завтрака мы споемъ съ вами этотъ романсъ, синьоръ Франческо.

— Чортъ побери! тутъ что-то да не ладно! — воскликнулъ Нота. — Я сегодня встрѣтилъ недалеко отъ виллы этого торгаша-еврея.

— Что это можетъ значить? — сказала и г-жа Молиторе. — Сегодня утромъ, когда я была еще въ постели, я слышала черезъ дверь голосъ этого еврея.

— Да, онъ былъ здѣсь, и отъ него-то я и получила этотъ романсъ.

— Такъ и есть! — воскликнулъ Нота; — встрѣчу эту устроилъ тотъ негодяй!

— Слышишь-ли Камилла?

— Ну вотъ еще! Синьору Франческо всюду мерещатся кошеники и пшюны. Молодой человѣкъ тотъ сидѣлъ такъ спокойно, что даже не замѣтилъ моего приближенія. Это я заставила его заговорить и пропѣть. Ахъ, тетунька, еслибы ты слышала, какъ онъ поетъ! Да и вы также г. аббатъ! У васъ такой тонкій слухъ. Узнайте, синьоръ Франческо, кто это былъ и приведите его къ намъ.

— Этого еще не доставало! — съ неудовольствіемъ проговорилъ Нота. Недоволенъ онъ былъ тѣмъ, что это порученіе должно было помѣшать ему повести предположенный „приступъ“, который долженъ былъ послѣдовать въ то время, когда они останутся одни возлѣ пѣянино. Камилла очень хорошо понимала это, но ей доставляло удовольствіе подразнить его.

Послѣ завтрака, онъ однако-же, замѣтивъ, что у нихъ еще останется достаточно времени, чтобы заняться музыкой,

предложили Камиллѣ возвратиться въ комнату и сѣсть за пианино.

Вилла была выстроена квадратомъ и была очень помѣстительна. Въ числѣ другихъ комнатъ, въ ней была музыкальная зала, посреди которой стояло превосходное пианино. Эта комната служила также гостиной и была со вкусомъ меблирована. Диваны и кресла изъ свѣтлаго дерева составляли красивый контрастъ съ темными обоями и такого же темно-красной обивкой мебели. Въ простѣвкахъ стояли громадные зеркала, и единственное широкое окно въ комнатѣ было заставлено комнатными растеніями, доходившими почти до потолка. Вслѣдствіе этого даже и среди дня въ комнатѣ царилъ пріятный полумракъ.

Камилла тотчасъ-же усѣлась за пианино, проговорила:— „прошу садиться“ и сыграла романсъ. Послѣ того она встала и пригласила Ноту разобрать и разучить романсъ. „А тѣмъ временемъ“,—прибавила она,—я пойду въ садъ и буду ждать, пока вы меня позовете.

— Ахъ нѣтъ, останьтесь здѣсь,—проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ. — Я имѣю сообщить вамъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ этотъ романсъ!

— А для меня теперь самое важное—услышать этотъ романсъ,—отвѣтила она и вышла изъ комнаты.

На балконѣ, за столомъ, аббатъ мирно задремалъ, а тетя, съ выраженіемъ досады на лицѣ, глядѣла на море. Она обыкновенно бывала не въ духѣ, что происходило, быть можетъ, вслѣдствіе болѣзненности ея, которая мѣшала ей собирать вокругъ себя большое общество, причемъ она имѣла-бы случай похвастаться своимъ богатствомъ. Она была богата, но богатство это ей ни къ чему не служило. Она съ ужасомъ замѣчала, какъ ея и безъ того худенькая и маленькая фигурка, съ каждымъ днемъ становилась все болѣе и болѣе худой, какъ лицо ея покрывалось морщинами, а волосы сѣдѣли. Даже говорить много ей было тяжело, такъ какъ она, подобно сестрѣ своей, страдала легкими. Сидя на балконѣ въ своемъ широкомъ, ярко-красномъ капотѣ, еще болѣе оттѣнявшемъ блѣдность ея лица, она

обратилась въ проходившей мимо ея Камиллѣ съ вопросомъ:—Зачѣмъ ты опять ушла отъ кавалера?

— Чтобы не мѣшать ему въ его музыкальныхъ занятіяхъ.

— Ты negliжируешь имъ, а, между тѣмъ, это настоящій кавалеръ, и къ тому-же красавецъ.

— Да, но мнѣ не нравится рѣзкій тонъ его разговоровъ.

— Что-же, онъ имѣетъ право говорить рѣзкимъ тономъ; вѣдь онъ въ полномъ смыслѣ слова—аристократъ. Словомъ, это вполне подходящая для тебя партія; я назначу тебя наслѣдницей моей только въ томъ случаѣ, если ты сдѣлаешь приличную партію. Быть можетъ, мнѣ уже скоро придется подумать объ этомъ, ибо я чувствую себя очень слабою.

— Перестаньте, тетуська! Къ чему вы это говорите! Вѣдь ваше здоровье замѣтно поправляется.

И съ этими словами она обняла и поцѣловала свою тетку, которой это было, повидимому, не неприятно. Она стала убѣждать Камиллу болѣе ласковымъ тономъ, чтобы она привѣтливѣе относилась къ такому красивому молодому человѣку. При этомъ она до того увлеклась и заговорила такъ громко, что аббатъ проснулся и спросилъ:—Что это, пришелъ Шмуль, мой биржевой факторъ?

— Нѣтъ, А знаете-ли что, г. аббатъ; такому благочестивому человѣку, какъ вы, какъ будто не пристало вести дѣла съ жидомъ.

— Совершенно вѣрно.

— Вѣдь они всѣ—обманщики.

— Да, да, они—исчадія ада.

— Ада?—спросила Камилла съ выраженіемъ испуга и сомнѣнія.

— Ну, конечно-же,—подтвердила г-жа Молиторе. Она выдавала себя за ярую католичку, считая это однимъ изъ признаковъ аристократизма, хоть собственно она принадлежала къ протестанской религіи. Затѣмъ она прибавила, обращаясь къ аббату:—Такъ какъ-же это, отецъ мой?

— А вотъ видите-ли, — проговорилъ аббатъ, — никто не способенъ такъ на биржевыя дѣла, какъ эти евреи. Меня просто удивленіе беретъ при видѣ того, какъ быстро этотъ Шмуль высчитаетъ вамъ проценты до послѣдней полушки.

Въ это время синьоръ Нота овликнулъ изъ гостиной Камиллу.

— Ага, г-нъ кавалеръ разучилъ романсъ, — проговорилъ Камилла, смѣясь, и вошла въ комнаты.

— Это прескучный романсъ, — сказалъ онъ, когда Камилла вошла въ комнату и стала съ неудовольствіемъ отбарабанивать интродукцію; затѣмъ онъ сталъ напѣвать его, очевидно нарочно фальшиво.

— Да вѣдь вы поете невѣрно, — воскликнула Камилла; — вотъ какъ нужно пѣть. — И она сама пропѣла это мѣсто.

— Э, да все равно! — небрежно проговорилъ онъ. — Вещь эта мнѣ положительно не нравится; она написана въ архи-нѣмецкомъ вкусѣ, а нашему брату это не по нутру. Бросимте эту нѣмецкую канитель; садитесь-ка лучше подлѣ меня.

И при этомъ онъ указалъ Камиллѣ на стоявшее подлѣ піанино кресло, и приступилъ къ задуманному имъ приступу, т. е. къ фразистому объясненію въ любви.

Но молодая дѣвушка не раздѣляла расположенія тетки своей къ синьору Нота; не смотря на молодость свою, она обладала достаточно самостоятельнымъ характеромъ. Когда онъ кончилъ свое объясненіе, она громко расхохоталась и сказала: — Э, да вы разучили это гораздо лучше, чѣмъ романсъ. Мнѣ такъ и кажется, что я слышу искуснаго актера.

Въ эту самую минуту въ комнату вошелъ слуга и подалъ ей письмо, со словами: „По городской почтѣ“.

— Письмо? Ко мнѣ! Это отлично! А то я совсѣмъ не получаю писемъ; никто не удостоиваетъ меня своей корреспонденціи.

Она поднялась съ мѣста, вскрыла пакетъ и стала чи-

тать письмо. Читатель, конечно, догадался, что то было письмо Моисея по поводу кавалера Нота.

Прочитавъ письмо, она взглянула на все еще сидѣвшаго на томъ-же мѣстѣ съ недовольной миной кавалера и сказала: — Нѣтъ, мнѣ нужно показать это письмо теткѣ.

Она вышла на балконъ и застала тетку свою за чтеніемъ втораго письма Моисея, въ которомъ онъ изображалъ синьора Ноту въ качествѣ ирредентиста и человѣка опаснаго въ политическомъ отношеніи.

То, что онъ принадлежалъ къ партіи „Iredenta“, уже давно было извѣстно ей и нисколько ее не удивляло, напротивъ, она даже ставила ему это въ заслугу. Хотя она, по рожденію своему, и была нѣмка, однако всѣ ея симпатіи лежали на сторонѣ Италіи; мало того — она готова была повинуть родную мать свою, для того чтобы служить дѣлу чуждаго ей народа. Впрочемъ и г-жа Мюллеръ-Молиторе сама принадлежала къ этой-же категоріи людей: въ домѣ ея говорили только по-итальянски, хотя она сама могла говорить только ломаннымъ итальянскимъ языкомъ, и все итальянское казалось ей прекраснымъ, даже и „общество ирредентистовъ“. Она находила вполнѣ достойными сочувствія этихъ итальянскихъ заговорщиковъ, стремящихся къ отдѣленію Триента и всего Адриатическаго побережья отъ Австріи. Поэтому она, прочитавъ полученное ею письмо, ограничилась презрительнымъ восклицаніемъ и протянула руку въ письмо, которое подавала ей Камилла.

Прочитавъ его, она вскочила съ кресла и вскрикнула: — Все это ничто иное какъ нѣмецкія интриги, нѣмецкая клевета, анонимная подлость! Оставь меня одну! — Абатъ уже ушелъ, и она крикнула вслѣдъ уходящей Камиллѣ: — Скажи г. кавалеру, что я прошу его придти ко мнѣ!

— Сейчасъ, — отвѣтила Камилла, и просовокупила съ шаловливою серьезностью: — «А вѣдь онъ поетъ фальшиво». — Тетка сдѣлала недовольный жестъ и направилась въ домъ въ свою комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ Нота появился въ ея богато-

убранномъ будуарѣ, блестящемъ позолотой и шелкомъ. Она сидѣла на диванѣ и жестомъ пригласила его сѣсть подлѣ нея; затѣмъ она передала ему оба письма.

— Какая новость! — воскликнулъ онъ, пробѣжавъ ихъ.

— А все-таки вамъ не слѣдуетъ пренебрегать этими предостереженіями. Правительство, кажется, не на шутку принялось за розыскиваніе неприятныхъ ему личностей, и вамъ все равно, рано или поздно, придется удалиться. Поговоримте поэтому о будущемъ. Вы домогаетесь руки моей племянницы?

— Да, сударыня, это пламеннѣйшее мое желаніе.

— И вы при этомъ рассчитываете на приданое, которое получить отъ меня Камилла?

— О, сударыня!

— Къ чему это «О!» Вы принадлежите къ старому дворянскому роду, но у васъ нѣтъ состоянія, я же желаю для племянницы моей приличной партіи, такъ какъ и ея семейство, Теодоросы, принадлежатъ къ старинному дворянству: предокъ ея, знаменитый философъ Теодоросъ, былъ вызванъ изъ Греціи ко двору императора Марка Аврелія и осыпанъ почестями. Итакъ вы видите, что происхожденіе семейства ея едва-ли не древнѣе вашего. Къ тому же со временемъ Камилла сдѣлается моей наслѣдницей. Значитъ она — прекрасная партія, а я — согласна на вашъ бракъ.

Онъ съ жаромъ поцѣловалъ исхудалую руку ея.

— Теперь весь вопросъ въ томъ — столковались-ли вы съ Камиллой?

— Она еще колеблется, но...

— Но она еще очень молода и сама хорошенько не знаетъ, чего желаетъ. Наше дѣло — подумать за нее. Въ дворянскихъ семействахъ принято, чтобы глава семейства рѣшалъ судьбу всѣхъ его членовъ. Въ данномъ же случаѣ главой семейства являюсь я, такъ какъ отецъ ея поручилъ мнѣ заботу о ея судьбѣ, и мое рѣшеніе принято. Между нами будь сказано, молодой другъ мой, вамъ слѣдовало бы еще нѣсколько привалечь на музыку, ибо ребенокъ этотъ

просто помѣшался на пѣніи; она будетъ гораздо ласковѣе съ вами, если вы будете пѣть безошибочно.

Итакъ... да, что такое я хотѣла сказать?

— Вы сказали, что рѣшеніе ваше принято.

— Совершенно вѣрно. Итакъ я согласна на вашу союзу и прежде всего я желаю формально обручить васъ. Привезите завтра утромъ съ собою вашего нотариуса; моего я также приглашу. Мы тотъ-часъ же составимъ проектъ брачнаго контракта и торжественно обручимъ васъ.

Послѣ этихъ словъ съ нею сдѣлался сильный припадокъ кашля и она жестомъ пригласила кавалера, снова кинувшагося цаловать ея руку, оставить ее одну. Не помня себя отъ радости, счастливый женихъ вышелъ изъ комнаты.

VI.

«Сегодня не выгорѣло, но завтра мы уже навѣрное отдѣляемся отъ этаго Нота. Нужно только чтобы онъ получилъ письмо, въ которомъ придется измѣнить число».

Съ такими словами Моисей обратился къ обоимъ братьямъ, стоя передъ домомъ ихъ. Послѣ того они всѣ трое вошли въ домъ и направились въ комнату Манассе. Последній вопросительно взглянулъ на Рувима, который лаконически отвѣтилъ ему: «Пиши!» Рувимъ былъ повидимому спокоенъ, твердо рѣшившись одобрять все, что могло сблизить его съ Камиллой.

Манасе сталъ писать, все еще измѣняя изъ предосторожности свой почеркъ, измѣнивъ и содержаніе письма въ томъ смыслѣ, что синьору Нота предстоитъ быть арестованнымъ на слѣдующій день.—«А необходимо это измѣненіе потому,—пояснялъ Моисей,—что этотъ франтъ лишь поздно вечеромъ возвращается домой. А такъ какъ у господина Манассе не хватаетъ мужества на то, чтобы собственноручно передать это письмо швейцару гостинницы, то мнѣ приходится раскошелиться и отправить письмо съ посыльнымъ, Самъ же я буду издали слѣдить за посыльнымъ, что-

бы удостовѣриться въ томъ, что письмо дѣйствительно будетъ отдано».

Слово «раскошелиться» заставило Рувима тутъ же вручить Моисею ассигнацію въ пять гульденовъ.

— Ну, а дальше что?—продолжалъ Моисей,—я полагаю, что покуда не слѣдуетъ даже и показываться въ виллѣ. Пусть аббатъ подождетъ до завтра съ своими биржевыми дѣлами. А завтра пусть Манассе отправляется въ виллу и расскажетъ тамъ уже не объ итальянскомъ пѣвцѣ, остановившемся въ городской гостинницѣ, а о здѣшнемъ итальянцѣ, триестскомъ уроженцѣ, который сегодня вечеромъ всхитительно пѣлъ въ одномъ частномъ обществѣ и освѣдомлялся о какомъ-то аббатѣ Сальви, о которомъ ему говорили, какъ объ одномъ изъ лучшихъ знатоковъ музыки; поэтому-де онъ не раньше будетъ считать себя виртуозомъ, какъ его услышитъ и похвалитъ этотъ аббатъ.

На этомъ и порѣшили. Рувимъ довольно легко помирился съ этой отсрочкой. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ говорилъ съ Камиллой, въ немъ укрѣпилась увѣренность, что она ему все, что въ ней для него сосредоточивается весь міръ, и эта увѣренность придавала ему веселости и спокойствія. Онъ считалъ излишнимъ распространяться объ этомъ въ разговорахъ съ братомъ и съ озабоченной относительно него матерью, и на тревожные разпросы послѣдней отвѣчалъ, улыбаясь: «Тревогамъ и безпокойству теперь уже нѣтъ мѣста въ моей душѣ. Я спокоенъ. Не нарушайте спокойствія моего ненужными разпросами».

Передъ наступленіемъ времени для чтенія талмуда, онъ сидѣлъ въ гостиной за фортепіано и разыгрывалъ на немъ разныя фантазіи. Когда въ комнату вошла его мать онъ, взглянувъ на нее, сказалъ:—музыка—это самое лучшее утѣшеніе. Я взялъ на прокатъ фортепіано, которое я намѣренъ поставить въ моей комнатѣ, а если оно окажется хорошимъ, я и куплю его.

Мать взглянула на него съ удивленіемъ. Ею удивило не желаніе его купить рояль, ибо она знала, что Рувимъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ самостоятельныя дѣла

на биржѣ, и притомъ довольно успѣшно, что вообще онъ былъ весьма практичный молодой человѣкъ; но онъ въ этотъ вечеръ показался ей какимъ-то особенно взволнованнымъ и страннымъ.

Когда пришелъ отецъ, онъ покорно усѣлся за столъ и не дѣлалъ никакихъ замѣчаній по поводу очереднаго изреченія талмуда. А между тѣмъ это было именно такого рода изреченіе, которое особенно легко могло бы вызвать замѣчанія, и потому старикъ Авраамъ съ удивленіемъ поднялъ глаза отъ книги, видя, что Рувимъ молчитъ. Затѣмъ, окончивъ чтеніе талмуда и поднимаясь съ своего мѣста, Авраамъ покачалъ головою и какъ бы вопросительно поглядѣлъ на своего старшаго сына; продолжая покачивать головою, онъ вышелъ изъ комнаты, въ то время какъ Рувимъ подошелъ къ фортепіано и запѣлъ псалмы. Онъ въ этотъ вечеръ пѣлъ съ большимъ чувствомъ, чѣмъ когда-либо, и мать настояла, чтобъ онъ прекратилъ пѣніе, находя, что онъ разстраиваетъ свои нервы.

Вмѣсто того, чтобы подняться въ свою комнату, онъ вышелъ изъ дому и снова направился къ виллѣ, которая притягивала его также, какъ магнитъ желѣзо. Онъ не рассчитывалъ увидѣть ее въ этотъ часъ, но ему хотѣлось быть вблизи нея. Онъ, не смотря на дождь, сталъ расхаживать по дорожкѣ передъ виллой. Домой онъ возвратился промокшій, но веселый.

На слѣдующее утро онъ не успѣлъ еще встать, какъ принесли заказанное имъ фортепіано. Онъ велѣлъ поставить его посреди комнаты и настроить его; а когда носильщики и настройщикъ ушли, онъ всталъ изъ постели и принялся играть. Вскорѣ пришелъ Манассе и объявилъ, что только что у него былъ Моисей съ извѣстіемъ, что письмо синьору Нотѣ передано по назначенію, но что онъ прочтетъ его вѣроятно только около полудня, потому что имѣетъ привычку долго спать. Поэтому сегодня еще слѣдовало остерегаться этого итальянца. Объ эту же пору Манассе собирался пойти къ аббату и объявить ему, что одинъ замѣчательный пѣ-

вещь желаетъ пѣтъ въ его присутствіи. Онъ просилъ брата подождать его возвращенія, на что тотъ и согласился.

Однако онъ не сдержалъ своего обѣщанія, а, одѣвшись, подошелъ къ полѣю, на которой лежали ноты и выбралъ изъ нихъ одну тетрадку. Сложивъ ее и засунувъ въ боковой карманъ, онъ пошелъ по направленію,—да по какому же направленію можетъ идти влюбленный, какъ не по направленію къ жилищу его возлюбленной, единственной его дѣли.

Дождь превратился, но такъ какъ солнце скрывалось за тучами, то онъ вывелъ изъ этого заключеніе, что Камила воспользуется благопріятной погодой для прогулки по горной тропинкѣ. Онъ поднялся на-верхъ и усѣлся на вчерашнемъ своемъ мѣстѣ, на скамейкѣ подъ платановымъ деревомъ. Онъ твердо рѣшился ждать и ждать, хотя бы пришлось прождать до солнечнаго заката. Скучать было для него немислимо, такъ какъ мысль о возлюбленной занимала все его существованіе, и онъ не отчаявался бы, если бы Камила даже совсѣмъ не пришла бы.

Повидимому его ожиданія дѣйствительно казались напрасными. Ей въ это утро было не до прогулокъ. Наканунѣ вечеромъ тетя ея призвала ее въ свою комнату и сообщила ей, что на завтра назначена помолвка ея съ вальеромъ Нота.

— Какъ же это такъ?—воскликнула Камила. — Вѣдь для этого требуется еще и согласіе отца!

— Отецъ твой согласенъ,—объявила тетя.

— Это мнѣ неизвѣстно. Необходимо списаться съ нимъ,—возразила Камила.

Она говорила совершенно спокойно, но твердо. Несмотря на свою молодость, она обладала необыкновенною стойкостью и не любила подчиняться чужимъ внушеніямъ и вліяніямъ.

Тетя объявила, что считаетъ отправку письма въ Анкону совершенно излишнимъ, такъ какъ ей одной, тетѣ Камиллы, предстоитъ забота о ея будущности, но Камила стояла на своемъ. Тогда тетя очень разсердилась и воскликнула: «Неблагодарное созданіе! Ты видишь, какъ я

больна, а еще сердись меня! Но тѣмъ не менѣе я не перестаю заботиться о твоей участи. Завѣщаніе мое уже составлено и завтра, въ случаѣ заключенія контракта оно окончательно обезпечитъ твою будущность. Подумай хорошенько и будь завтра умница. Ты еще слишкомъ мало знаешь свѣтъ и нуждаешься еще въ руководствѣ. Вѣдь ты же никого не любишь? Къ чему же въ такомъ случаѣ проволочки?

Съ этими словами тетка отпустила ее и Камилла ушла отъ нея въ задумчивости. Она, въ первый разъ въ жизни, провела безпокойную ночь и встала со словами: — «Нѣтъ, я его не люблю». И затѣмъ она сѣла къ письменному столу и написала отцу своему, что она не желаетъ сдѣлаться женою этого человѣка.

Запечатавъ письмо и написавъ адресъ, она подошла къ окну, чтобы посмотрѣть, идетъ-ли еще дождь, а такъ какъ дождь прекратился, то она, желая нѣсколько разсѣяться, рѣшилась выйти погулять, и она пошла по обычной своей дорожкѣ.

Рувимъ, замѣтивъ ея приближеніе, пошелъ къ ней на встрѣчу, привѣтствуя ее по итальянски: онъ убѣдился накануне въ томъ, что она не совсѣмъ свободно говоритъ по нѣмцки, а самъ онъ отлично владѣлъ итальянскимъ языкомъ. Ее, повидимому, нѣсколько не удивило его присутствіе, и она, улыбаясь, спросила его—о, въ какое восхищеніе привела его эта улыбка!—нѣтъ-ли у него какого-нибудь новенькаго романа?

— Какъ же, есть, и притомъ таковой, который вамъ, безъ сомнѣнія, понравится.

— Мнѣ? почему же?

— Потому что въ немъ восхваляется ваша родина, Италия, и слова къ нему написаны однимъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ. И онъ опять посторонился, чтобы дать ей пройти къ скамейкѣ; на этотъ разъ онъ отступилъ назадъ не по направленію къ скамейкѣ, а по направленію къ обрыву, и спотынулся. Она вскрикнула и протянула руку, чтобы удер-

жать его. Онъ весь задрожалъ отъ счастья. Затѣмъ она прошла нѣсколько шаговъ впередъ и усѣлась на скамейку.

— Ну, заговорила она, — дайте-ка послушать вашъ новый романсъ.

— Онъ не такъ простъ, какъ вчерашній, и къ тому же для него необходимъ аккомпаниментъ, — сказалъ онъ, вынимая нотный листъ и садясь возлѣ нея.

— Хорошо, пропойте-ка!

Онъ пропѣлъ въ полъ-голоса извѣстный романсъ:

«Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ зрѣетъ померанецъ,

«Гдѣ золотитъ лимонъ заря живой румянецъ?»

— Италія! — воскликнула она, и прибавила по окончаніи куплета: — «Однако, музыка не итальянская».

— Я вамъ уже сказалъ, что здѣсь нуженъ аккомпаниментъ. Жаль, что нѣтъ фортепіано.

— Но у насъ на виллѣ прекрасный роэль, и г. аббатъ былъ бы такъ радъ...

— Какой аббатъ? Аббатъ Сальви?

— Да. А вы развѣ знакомы съ нимъ?

— Нѣтъ, не знакомъ, но я былъ бы очень радъ познакомиться. Говорятъ, что онъ — отличный музыкантъ.

— Да у него очень хорошій слухъ и онъ недурно играетъ на віолончели. Какъ разъ въ то время, когда я ушла, онъ игралъ въ гостиной. Пойдемте скорѣй, быть можетъ мы его еще застанемъ.

Еще бы не воспользоваться, такимъ предложеніемъ красивой дѣвушки! Камилла быстрыми шагами направилась въ виллѣ, а онъ шелъ за нею. Вскорѣ они очутились въ гостиной. Дорогою они почти вовсе не разговаривали, только Камилла нѣсколько разъ воскликнула, смѣясь: — «Ахъ какъ будетъ доволенъ аббатъ, услышавъ пѣніе по-нѣмецки!» Рувимъ же все время молчалъ, опасаясь, какъ бы какое-нибудь необдуманное его замѣчаніе не заставило Камиллу остановиться.

Они дѣйствительно застали аббатика сидящимъ возлѣ фортепіано и наигрывающимъ на своемъ віолончели, почти такъ-

же большомъ, какъ и онъ самъ. Приходъ ихъ не заставилъ его прекратить игру свою; онъ выводилъ какое-то чувствительное адажіо, помахивая въ тактъ своей головкой. Только окончивъ свое адажіо, онъ поднялъ голову къ верху и посмотрѣлъ на вошедшихъ разсѣяннмъ взоромъ.

— Нашъ вчерашній пѣвецъ, достопочтенный отецъ, — сказала Камилла. — Оказывается, что онъ горячій почитатель великаго музыканта, аббата Сальви. Онъ непремѣнно желалъ услышать вашу игру и затѣмъ пропѣтъ нѣмецкій романсъ, въ которомъ прославляется наша Италія.

— Но прежде всего онъ позволяетъ себѣ просить васъ, — вставилъ свое слово Рувимъ, — повторить это восхитительно исполненное адажіо.

— Очень охотно, — сказалъ аббатъ и снова заигралъ свое адажіо, по-прежнему помахивая головой.

Камилла и Рувимъ точно стговорившись, рассыпались въ похвалахъ и громко апплодировали, когда онъ кончилъ, и аббату даже не пришло на умъ спросить — кто этотъ незнакомецъ? Ему не было до того ни малѣйшаго дѣла: онъ упивался звуками своего инструмента.

— А теперь, — воскликнула Камилла, — теперь послушайте новый романсъ, а затѣмъ мы исполнимъ всѣ вмѣстѣ ваше послѣднее тріо для фортепіано, віолончели и голоса, которое лежитъ вонъ тамъ, на полкѣ. До сихъ поръ мы не могли исполнить, такъ какъ Нота поетъ фальшиво.

— Отлично, отлично! Итаеъ сперва романсъ, а затѣмъ мое тріо.

Рувимъ положилъ ноты на пюпитръ рояля, сѣмпровизировалъ интродуекцію и сталъ играть тесть. Камилла стояла слѣва отъ него, аббатъ вмѣстѣ съ своимъ віолончелемъ, пододвинулся справа. Затѣмъ Рувимъ запѣлъ: «Ты знаешь ли тотъ край» и т. д. Этотъ невѣдомый и желанный край въ настоящее время представляла для него Камилла, и поэтому онъ пѣлъ съ такимъ выраженіемъ, которое произвело сильное впечатлѣніе на обоихъ слушателей, хотя аббатъ не понималъ изъ текста ничего, кромѣ словъ «миртъ» и «померанецъ», которыя онъ не переставалъ повторять въ полъ-голоса. По

окончаніи перваго куплета онъ воскликнулъ: «Странно, странно! Совсѣмъ не похоже на нашу музыку, а все же музыкально»!

— Продолжайте, продолжайте!—шопотомъ проговорила Камилла, очевидно сильно взволнованная. Она понимала слова, которыя, независимо отъ музыки, очевидно производили на нее сильное впечатлѣніе. При словахъ:

Портреты маѣ въ глаза такъ пристально глядятъ;
«Что сталося съ тобой, бѣдняжка?»—говорять,

она схватилась за сердце и большіе, красивые глаза ея наполнились слезами.

Когда онъ кончилъ пѣть, всѣ нѣкоторое время молчали. Онъ взглянулъ на нее влюбленными взорами и ея, полные слезъ, глаза какъ бы отвѣчали на вопросъ его. Затѣмъ она одобрительно кивнула ему головой и наконецъ проговорила:— «Восхитительно! Совершенно не похоже на наши пѣсни, а между тѣмъ такъ и хватаетъ за душу».

— Да, странно,—проговорилъ аббатъ.— Но теперь...

— Да, да, отецъ мой, теперь примемся за ваше тріо.

Она принесла ноты и разложила ихъ передъ Рувимомъ.— «Я прошу только нѣсколькихъ минутъ для прочтенія нотъ,»—сказалъ онъ, а она замѣтила:— «понятно.»— Аббатъ снова повернулъ свой стулъ въ прежнемъ направленіи, настроилъ свой віолончель, пропѣлъ въ полъ-голоса какую-то мелодію и затѣмъ кивнулъ головою въ сторону Рувима, какъ бы желая связать Камиллѣ:— «Спасибо тебѣ за то, что ты привела ко мнѣ этого исполнителя моего сочиненія».

Рувимъ сталъ потихоньку наигрывать на клавишахъ мелодію, впрочемъ очень легкую, нѣсколько разъ спросилъ, тутъ-ли долженъ вступить голосъ, и, по полученіи необходимыхъ разъясненій отъ аббата, взялъ сильный аккордъ, восклицая: «віолончель». Аббатъ заводилъ смычкомъ.

Благодаря прирожденнымъ музыкальнымъ способностямъ Рувима, пѣніе и фортепіанный аккомпанементъ шли гладко, безъ запинки, а такъ какъ и аббатъ постоянно выступалъ во время съ своею віолончелью, то исполненіе прошло очень

недурно. Камила захлопала руками, крича: «браво, браво!», а аббатъ, чуть не плача отъ радости, кинулся Рувиму на шею.

Въ эту самую минуту въ комнату вошелъ слуга и объявилъ, что г-жа Молиторе, которая чувствуетъ себя нездоровой и слегла въ постель, просить г. аббата и синьорину Камиллу немедленно прійти къ ней. При этомъ онъ пояснилъ, что получено письмо отъ г. кавалера Нота и что, по всей вѣроятности, это-то обстоятельство побудило ее пригласить къ себѣ господъ.

Аббатъ и Камила успѣли исполнить желаніе г-жи Молиторе. Уходя, аббатъ сказалъ, обращаясь къ Рувиму:— «Вѣдь вы завтра опять пожалуйте къ намъ для совмѣстнаго исполненія тріо? Не такъ ли»? Понятно, что Рувимъ успѣшилъ отвѣтить утвердительно. Камила же, подавая ему руку, проговорила:— «Итакъ до свиданія».

Они до того спѣшили исполнить желаніе старухи, что вышли изъ гостиной ранѣе Рувима. При этомъ они не закрыли за собою дверь, и медленно направлявшійся къ выходу Рувимъ въ удивленіи остановился на дорогѣ, увидѣвъ въ прихожей своего брата Манассе, который поклонился аббату, вынимая изъ кармана какія-то бумаги. Но аббатъ, проходя мимо него, проговорилъ:— «Подождите, милѣйшій, подождите, я сейчасъ возвращусь. Вотъ-то великій талантъ»,— прибавилъ онъ, указывая на Рувима.

Манассе, не менѣе удивленный, чѣмъ Рувимъ, при видѣ своего брата, не настолько, однако, растерялся, чтобы забыть условленное имя, и переспросилъ:— вѣроятно синьоръ Самуэли?

— Да, да,— отвѣтилъ аббатъ на ходу;— я сейчасъ возвращусь.

Камилла, поднимавшаяся вмѣстѣ съ нимъ по лѣстницѣ, услышала имя «Самуэли» и сказала, сдѣлавъ ему привѣтливый жестъ рукою:— «Итакъ, синьоръ Самуэль, завтра, объ эту же пору».

Манассе, разинувъ ротъ, глядѣлъ на Рувима и наконецъ шепотомъ спросилъ его:— «Какимъ образомъ ты попалъ сю-

да? — Рувимъ шепотомъ же объяснилъ ему, какъ это случилось, и прибавилъ: — «Не распространяйся объ итальянскомъ пѣвцѣ, какъ предложилъ Моисей. Только если аббать будетъ спрашивать, отвѣчай, что это богатый диллетантъ».

Въ это время съ лѣстницы спустился лакей, чтобъ объявить Манассе, что аббать просить его на верхъ, въ свою комнату, а Рувимъ вышелъ изъ дому.

VII.

Когда аббать и Камилла вошли въ комнату г-жи Моли-торе, она сидѣла на своей кровати. Она держала въ рукѣ какое-то письмо и бранила австрійское правительство, не скупясь на выраженія.

— Наши глупыя власти, — обратилась она къ вошедшимъ, хотятъ сегодня же вечеромъ арестовать кавалера, какъ онъ самъ мнѣ пишетъ. Поэтому ему необходимо тотчасъ же уѣзжать и онъ не можетъ прибыть сюда для обрученія. Вѣроятно, онъ не успѣлъ еще уѣхать. Велите сейчасъ же запрягать, г. аббать и поѣзжайте въ Городскую гостинницу. Если вы его еще застанете, — теперь нѣтъ еще и 12 часовъ, — то привезите его сюда вмѣстѣ съ его поклажей. Онъ можетъ прожить совершенно безопасно у насъ въ мезонинѣ, хотя бы до завтрашняго дня. Пожалуйста, г. аббать, сдѣлайте это для вашего соотечественника.

Аббать сильно перетрусилъ, — онъ вообще былъ не изъ храбраго десятка, — и запинаясь, объявилъ, что онъ, будучи самъ иностранецъ, не можетъ идти наперекоръ мѣстному правительству.

— Ну, такъ садитесь скорѣе вонъ тамъ, за мой письменный столъ, и напишите ему то, что я вамъ сказала.

Онъ повиновался хотя и неохотно, соображая, что его почеркъ легко могъ бы быть узнавъ. Но тѣмъ не менѣе онъ написалъ то, что она продиктовала ему.

А теперь, — продолжала она, — поѣзжайте въ городъ и отдайте письмо швейцару гостинницы съ тѣмъ, чтобъ онъ немедленно вручилъ его кавалеру, и дайте ему побольше на чай.

— Нѣтъ, и это не годится: это могло бы обратить на себя вниманіе.

— Такъ какъ же быть, г. аббатъ.

— Нашель, нашель! Тамъ внизу ждетъ меня мой биржевой факторъ. Это молодой парень, съ прыткими ногами. Я поручу ему отнести письмо.

— Ну, и отлично. Такъ скорѣе же!

Аббатъ спустился къ Манассе и попросилъ его отложить биржевое дѣло до слѣдующаго дня. — «Вѣдь оно находится въ хорошемъ положеніи?»

— Въ отличномъ.

— Въ такомъ случаѣ не ходите на биржу: а отдайте скорѣе это письмо швейцару Городской гостинницы, Манассе взглянулъ на адресъ, тотчасъ же вспомнилъ о Моисеѣ, взялъ письмо и поспѣшно удалился.

Онъ засталъ Моисея въ книжной лавочкѣ Фейтля, — самъ Фейтль углубился въ разсматриваніе своего каталога, — разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, и попросилъ его совѣта.

— Что дѣлать? Да ничего, — отвѣтилъ Моисей смѣясь. — Развѣ что прочесть письмо.

— Ну вотъ! Развѣ это возможно! Вѣдь я же отвѣчаю за аккуратную доставку его.

— Какое тамъ доставка! Вѣдь этаго шалопа-кавалера давно уже и слѣдъ простылъ.

— Почему знать? А когда я завтра приѣду на виллу, меня спросятъ относительно письма. И если тогда Рувимъ...

— Потихе, Фейтль слушаетъ, — прервалъ его Моисей, и, выйдя съ нимъ на улицу, сказалъ съ досадой:

— Охота вамъ была распространяться о Рувимѣ и о виллѣ въ присутствіи этого стараго ханжи Фейтля! Что же касается вашихъ возраженій, то позвольте вамъ сказать, что все это вздоръ. Говорятъ вамъ, что этотъ Нота уѣхалъ. Ну хотите, я сейчасъ пойду къ швейцару, и если тотъ подтвердитъ, что кавалеръ уѣхалъ, то вамъ, понятно, нельзя будетъ отдать письма и вы завтра отнесете его обратно на виллу. Такъ идемте же!

Дорогою Манассе разсказалъ Моисею, что онъ засталъ Рувима на виллѣ, и притомъ въ видѣ желаннаго гостя.

— Да, любовь—это пречудная вещь! воскликнулъ Моисей.—Для человѣка влюбленнаго смазливое личико дороже милліона гульденовъ, хотя бы въ самыхъ настоящихъ ассигнаціяхъ. И тогда на нашего брата и на наши совѣты не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, какъ бы послѣдніе ни были благоразумны. Любовь слѣпа и знать не хочетъ никакихъ совѣтовъ. Просто хотъ съ голода умирай! Постоите, постоите! Швейцаръ стоитъ у подъезда. Отстаньте немного. Не нужно, чтобъ онъ видѣлъ насъ вмѣстѣ.

Онъ ждалъ, что тотъ отвѣтитъ ему:—«онъ уже уѣхалъ»,—но вмѣсто того швейцаръ отвѣтилъ ему недовольнымъ тономъ.

— Въ одиннадцатомъ номерѣ.

Моисей не ожидалъ такого отвѣта, и, растерявшись, онъ сразу не нашелся, что сказать и какъ поступить, такъ что, наконецъ, швейцаръ самъ окликнулъ его словами:—«Ну, такъ что же, жидъ?»

Тутъ только Моисей пришелъ въ себя и сказалъ:—«я сейчасъ пойду къ нему».—Но вмѣсто того, чтобъ войти въ гостинницу, онъ поспѣшно пошелъ дальше, а Манассе послѣдовалъ за нимъ. Когда Моисей сообщилъ ему отвѣтъ швейцара, Манассе сказалъ:—«Если онъ еще не уѣхалъ, то мнѣ слѣдуетъ отдать ему письмо».

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ было Моисей; но Манассе, съ добросовѣстностью дѣловаго человѣка, дѣйствительно повернулъ назадъ и передалъ швейцару письмо для врученія его по принадлежности. Швейцаръ принялъ его, не говоря ни слова, и ушелъ въ гостинницу.

Перейдя на другую сторону оживленной площади, для того чтобы снова не попасться на глаза швейцару, Моисей старался не терять изъ виду удалявшагося Манассе и догналъ его лишь невадалежъ отъ дома Шмуля.

— А знаете-ли, что я этому не вѣрю, не вѣрю! громко заговорилъ онъ.

— А я вѣрю, и намъ слѣдуетъ предупредить Рувима.

Они застали Рувима, сидѣвшимъ въ своей комнатѣ за письменнымъ столомъ и писавшимъ что-то въ своемъ дневникѣ, который онъ завелъ себѣ наканунѣ, хотя самъ же онъ до сихъ поръ постоянно смѣялся надъ обычаемъ вести дневники. Теперь онъ заносилъ въ дневникъ всѣ ощущенія, испытанныя имъ при видѣ Камиллы, всякое, произнесенное ею, слово, всякую улыбку, всякое опусканіе или подниманіе глазъ. И все это сопровождалось самымъ подробнымъ описаніемъ ея наружности: ея, рассыпавшихся кудрями, золотистыхъ волосъ, ея большихъ глазъ съ длинными рѣсницами, ея точно выточенный, правильный носъ, ея небольшой, улыбающейся ротъ, съ ослѣпительно-бѣлыми зубами, ямочки на ея розовыхъ щекахъ и на правильномъ подбородкѣ, появлявшіяся, когда она смѣялась, ея стройный станъ, ея красивую ручку, ея мягкія движенія. И описанія всѣхъ красотъ ея онъ, никогда не писавшій стиховъ, перемежалъ стихами своего собственнаго сочиненія.

Онъ едва поднялъ голову, когда въ его комнату вошли Манассе и Моисей и объявили ему, что кавалеръ не уѣхалъ и что, значить, завтра ему нельзя отправляться на виллу. Въмѣсто всякаго отвѣта, Рувимъ всталъ, подошелъ къ фортепіано и заигралъ какой-то торжественный маршъ. Онъ былъ какъ будто не отъ міра сего, ничего не слышалъ и не видѣлъ, ни о чемъ не думалъ, кромѣ о любви своей.

Моисей сталъ съ досады размахивать руками и проговорилъ раздраженнымъ тономъ:—«Да поймите же, господинъ Рувимъ, что все пошло прахомъ, что все кончено, если этотъ Нота застанетъ васъ на виллѣ. Онъ не преминетъ воскликнуть:—«Да вѣдь это жидъ! Какимъ образомъ попалъ сюда жидъ?»— И всѣ остальные тотчасъ же примутся ему вторить:—«Вонъ жидъ!» А Камилла, прійдя въ ужасъ отъ мысли, что она фамиллярно обращалась съ жидомъ, схватится за четки и станетъ замаливать великое свое прегрѣшеніе. Вѣдь вести съ жидомъ общеніе — это грѣхъ, г. Рувимъ.

Рувимъ игралъ все громче и громче свой торжественный маршъ.

Моисей и Манассе молчали въ смущеніи. и первый сказалъ на ухо послѣднему: — «Вотъ что значитъ быть влюбленнымъ! Нашъ братъ перестаетъ уже быть человѣкомъ; на него смотреть, какъ на животное. пойдете-ка, г. Манассе. Намъ слѣдуетъ позаботиться о немъ; онъ самъ не въ состояніи этого сдѣлать».

Они вышли изъ комнаты и условились, что Манассе на слѣдующее утро выйдетъ изъ дому пораньше, когда Рувимъ еще не встанетъ, чтобы вывѣдать у аббата, полученъ-ли былъ отвѣтъ на письмо и находится-ли Нота еще въ Триестѣ. Если онъ еще не уѣхалъ, то ничего больше не останется, какъ связать Рувима по рукамъ и по ногамъ. — «Но только отправляйтесь пораньше, г. Манассе, — заключилъ Моисей свои наставленія; — вѣдь братецъ вашъ въ состояніи побѣждать до солнечнаго восхода».

Такъ оно дѣйствительно и случилось. Когда Манассе на слѣдующее утро, часовъ въ девять, вошелъ въ комнату своего брата, въ ней уже никого не было: Рувимъ успѣлъ уже уйти.

Бѣдняжка Манассе! Для него всѣ эти романическія затѣи были дѣломъ совершенно чуждымъ и непонятнымъ и внушали ему немалую тревогу; а между тѣмъ любовь къ брату все же побуждала его принимать участіе во всемъ этомъ дѣлѣ. Онъ побѣждалъ къ Моисею, котораго онъ опять засталъ въ лавкѣ Фейтля. — «Рувимъ уже ушелъ!» — воскликнулъ онъ. — «Что теперь дѣлать!»

— Я уже говорилъ вамъ, чтобы вы не болтали въ присутствіи Фейтля», — проговорилъ тотъ и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Что теперь дѣлать? — повторилъ Манассе.

— А большо ничего, какъ, несмотря на ранній часъ, отправляться къ аббату и узнать отъ него, находится-ли кавалеръ еще въ Триестѣ. Идемте!

И они пошли къ виллѣ. Манассе вошелъ въ домъ, а Моисей остался дожидаться его на камнѣ.

По прошествіи минутъ 15-ти Манассе вышелъ изъ виллы. — „Ну?“ — Манассе пожалъ плечами. Оказалось, что аббатъ не обратилъ никакого вниманія на намеки Манассе;

а вѣдь, казалось, намеки эти были весьма прозрачны: онъ объяснилъ аббату, что передалъ письмо швейцару гостиницы и что тотъ его принялъ; «значить», — смѣло прибавилъ Манассе, — г. кавалеръ еще не уѣхалъ». Аббатъ не обратилъ вниманія на этотъ полувопросъ, а только сказалъ: «Благодарю за исполненіе порученія», и перешелъ къ биржевымъ дѣламъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Значить, намъ по-прежнему ничего неизвѣстно! А что, братецъ вашъ былъ тамъ?

— Не думаю. По-крайней мѣрѣ въ гостиной все было тихо.

— А, вотъ и онъ самъ!

Рувимъ спускался по тропинкѣ изъ-подъ платановаго дерева, гдѣ онъ просидѣлъ, погруженный въ мечты свои, съ самаго разсвѣта, не то что поджидая Камиллу, а просто мечтая о ней, восхищаясь прекраснымъ утромъ вблизи ея и глядя на горы и на море. Никогда еще онъ такъ не восхищался красотами природы, какъ теперь, когда сердце его было преисполнено невыразимаго блаженства.

Онъ спокойно выслушалъ сдѣланное ему сообщеніе, что ему не слѣдуетъ входить въ виллу, такъ какъ относительно кавалера ничего положительнаго неизвѣстно. — «Не слѣдуетъ упускать ни единого часа», — возразилъ онъ, — «въ теченіе котораго можно пользоваться счастьемъ, хотя бы и угрожала опасность. Счастіе — несомнѣнно, опасность — только возможна». — И, сказавъ это, онъ вошелъ въ виллу.

Почесавъ себѣ въ рыжевато-сѣдыхъ волосахъ, Моисей сказалъ: — «Теперь намъ ничего болше не остается, какъ подождать здѣсь кавалера, и, если онъ покажется, такъ или иначе не допустить его въ виллу, или же, по меньшей мѣрѣ, своевременно вызвать оттуда Рувима. Тамъ мы ужъ посмотримъ, какъ это сдѣлать. Нешто сказать, что на виллѣ появилась чума, а вы поскорѣ побѣжите туда за братомъ вашимъ. Да, да, нелегкую задачу задалъ намъ г. Рувимъ! Но что же дѣлать! Вотъ скамейка: присядемъте-ка на нее и поговоримъ хоть о томъ, слѣдуетъ-ли ожидать на

сегодняшній день повышенія или паденія кредитныхъ облигацій.

— Конечно, онѣ поднимутся, — сказалъ Манассе.— «Нѣтъ, упадутъ» — утверждалъ Моисей, садясь на скамейку?

Тѣмъ временемъ Рувимъ увѣреннымъ шагомъ лунатика вошелъ въ виллу и сказалъ слугѣ:— «Г. аббатъ пригласилъ меня прійти къ нему сегодня. Доложите ему, что я жду его въ гостиной.»

— И, войдя въ гостиную, онъ усѣлся за фортепiano и снова заигралъ свой торжественной маршъ. Услышавъ приближающіеся шаги, онъ немедленно перешелъ въ адажіо концерта для віолончели. Онъ узналъ шаги аббата и желалъ доставить ему этимъ удовольствіе.

— Bravo, bravissimo!—воскликнулъ тотъ радостнымъ голосомъ, и прибавилъ, обращаясь къ слугѣ: — «Позовите сейчасъ синьорину Камиллу. Скажите, что пришелъ синьоръ Самуэли и чтобъ она принесла мои ноты».

— Я написалъ новое «каприціо», — продолжалъ онъ, обратившись къ Рувиму, — «которое мы сейчасъ же и разъиграемъ. Синьорина Камилла разучиваетъ теперь свою партію для голоса».

И затѣмъ онъ сталъ объяснять Рувиму, слушавшему его съ большимъ вниманіемъ, характеръ всего новѣйшаго музыкальнаго произведенія, пока въ комнату не вошла Камилла.

— Очень любезно съ вашей стороны, синьоръ Самуэли, что вы пришли такъ рано, — сказала она, улыбаясь, и подала Рувиму руку. Онъ пожалъ ее, но не поцѣловалъ, полагая, что это показалось бы черезъ-чуръ фамиллярнымъ для такого недавняго знакомства. Къ тому же на него неприятно подѣйствовали слова «синьоръ Самуэли»: ему неприятна была всякая ложь, въ виду столь истиннаго чувства.

Они тотчасъ же принялись за музыку, но ихъ скоро прервали: въ комнату влетѣла г-жа Молиторе въ довольно полномъ неглиже, держа въ поднятой рукѣ какую-то бумагу.

— Напастъ за напастью!—воскликнула она.—На, Ка-

мила, прочти эту телеграмму изъ Анконы! Отецъ твой упалъ съ лошади и сильно расшибся.

Камилла вскрикнула, дрожа всѣмъ тѣломъ прочла телеграмму, выронила ее изъ рукъ, и, разразившись рыданіями направилась къ выходу, восклицая:—«Къ нему! Скорѣе къ нему!»

— Я такъ и думала, — сказала г-жа Молиторе.—Она безъ ума любитъ своего отца. А теперь, г. аббатъ, теперь... Но тутъ только она замѣтила Рувима, отошедшаго въ сторону, оглянула его съ головы до ногъ и рѣзко спросила, снова обращаясь къ аббату:—«Кто этотъ господинъ?»

— Синьоръ Самуэли, замѣчательный пѣвецъ.

— Ааа! Вотъ что, г. аббатъ: вѣдь нельзя же отпустить молодую дѣвушку одну. Вы должны проводить ее. Да и собирайтесь скорѣе, потому что она не захочетъ ждать. Сборъ ея недолги.

— Скорѣе ящикъ для моего віолончеля!—крикнулъ аббатъ стоявшему въ дверяхъ лакею.

— Да оставьте же инструментъ здѣсь. Вѣдь вы скоро вернетесь.

— Нѣтъ, никогда я съ нимъ не разстанусь, никогда!—воскликнулъ аббатъ, уходя изъ гостиной съ віолончелью. Г-жа Молиторе, не обращая больше никакого вниманія на Рувима, послѣдовала за нимъ, спросивъ по дорогѣ слугу:—«Когда отходить ближайшій поѣздъ въ Венецію?»

— Кажется, въ двѣнадцатомъ часу,—отвѣтилъ лакей.

Рѣшеніе Рувима было принято столь же быстро, какъ и рѣшеніе Камиллы, и онъ вслѣдъ за г-жей Молиторе вышелъ изъ комнаты, а затѣмъ и изъ виллы.

Манассе и Моисей, вскочивъ со скамейки, бинулись къ нему на встрѣчу и спросили съ озабоченнымъ видомъ:—«Что онъ былъ тамъ?» — «Нѣтъ, — отвѣтилъ Рувимъ не останавливаясь;—но мы сейчасъ ѣдемъ.»

— Ёдете? Куда?

— Въ Анкону. Моисей, когда отходить скорый поѣздъ въ Венецію?

— Въ половинѣ двѣнадцатаго.

- А теперь который часъ?
 — Ровно' десять.
 — Ну, значить еще успѣю. Идемъ скорѣй!

VIII.

Моисей тотчасъ же вывелъ заключеніе: „Если кавалера Ноты нѣтъ въ Триестѣ, то онъ долженъ быть въ Анконѣ, въ своемъ родномъ городѣ, и г. Рувимъ его тамъ встрѣтитъ“.

— Я не ѣду въ Анкону, а только до Анконы. Приведи извозчика къ нашему дому. Я беру съ собою только небольшой сакъ-воляжъ и буду ждать извозчика.

Такъ все и случилось, и въ одиннадцать часовъ Рувимъ былъ уже на дебаркадерѣ. Манассе поѣхалъ провожать его, хотя отъ удивленія не могъ выговорить ни слова. Она ѣдетъ въ Анкону, — вотъ все, что онъ успѣлъ узнать отъ своего брата. Кромѣ того Рувимъ поручилъ ему сказать его родителямъ, что онъ по важному дѣлу уѣхалъ въ Венецію и вѣроятно завтра же вернется.

Въ это время отворили кассу. Онъ взялъ билетъ перваго класса и занялъ наблюдательный постъ близъ кассы, въ ожиданіи прибытія Камиллы и аббата. Дѣйствительно они не замедлили прибыть въ сопровожденіи слуги, возившагося съ ихъ багажемъ. Сначала она и не замѣтила Рувима; но когда онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ ней, она воскликнула: „Какъ, и вы здѣсь? Вы тоже ѣдете?“

— Да, г. аббатъ самъ человѣкъ безпомощный и не можетъ служить вамъ защитникомъ.

— Значить, вы желаете...

— Я желаю быть вашимъ покровителемъ въ дорогѣ. Къ тому же у меня есть дѣло по сосѣдству съ Анконою. — Что вы, что вы, г. аббатъ, — обратился онъ къ патеру, взявшему только что въ кассѣ два билета втораго класса. — Развѣ молодой особѣ прилично ѣздить во второмъ классѣ!

И съ этими словами онъ взялъ изъ рукъ аббата оба билета втораго класса и обмѣнялъ ихъ въ кассѣ на билеты

перваго класса, заплативъ изъ своего кармана разницу. Аббать, казалось, не обратилъ на послѣднее обстоятельство никакого вниманія. Такъ какъ уже раздался первый звонокъ, то онъ подаль Камиллѣ руку, чтобы проводить ее въ вагонъ; а слуга взялъ у Рувима билеты, чтобы сдать сундуки и виолончель.

Рувимъ послѣдовалъ за ними, подовалъ къ себѣ кондуктора, всунулъ ему въ руки деньги и велѣлъ отпереть отдѣльное купе, приглашая аббата и Камиллу войти въ него. Камилла все время молчала, такъ какъ по всей вѣроятности, всѣ ея мысли были заняты исключительно болѣзнью нѣжно-любимаго ею отца ея. Она рано лишилась матери и отецъ ея, заслуженный воинъ, былъ для нея дороже всего на свѣтѣ. Поглощенная помыслами о немъ и еще мало знакомая съ свѣтомъ и съ жизнью, она находила участіе въ ней Рувима совершенно естественнымъ. Она видѣла въ послѣднемъ ничто иное, какъ внимательнаго и любезнаго знакомаго, помогла маленькому и толстенькому аббату взобраться къ купе и сама послѣдовала за нимъ. Въ это время подошелъ слуга съ билетами и съ багажной квитанціей, раздался послѣдній звонокъ, Рувимъ тоже вошелъ въ купе и поѣздъ тронулся.

Манассе, который все еще не могъ прійти въ себя, посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ въ полъ-голоса:— „Непонятно“.

— Напротивъ, очень понятно, — сказалъ стоявшій подлѣ него Моисей. Вотъ только мнѣ не везетъ. Чего мнѣ было бѣжать сюда? Чего я здѣсь не видѣлъ? А вѣдь у меня есть и свои дѣла“.

Трое путешественниковъ сидѣли рядомъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они вошли: въ одномъ углу аббать, по срединѣ Камилла, встревоженная и опечаленная, уставила глаза въ одну точку, а Рувимъ не спускалъ съ нея своихъ глазъ, не желая однако мѣшать ей своими разговорами.

Такимъ образомъ они проѣхали нѣсколько станцій, пока наконецъ не доѣхали до станціи, гдѣ назначена была по

рописанію болѣе продолжительная остановка для объѣда. Почти всѣ пассажиры вышли изъ вагоновъ и кондукторъ отворилъ дверь и ихъ купѣ. Тогда Рувимъ, наконецъ, рѣшился обратиться къ ней со словами:— „Вы должно быть, проголодались, сударыня. Пройдемтесь въ буфетъ“. — И, выйдя изъ вагона, онъ подаль ей руку; она послѣдовала за нимъ въ залу и стала ѣсть.

— А аббатъ!—вдругъ воскликнула она.

— Онъ спитъ; нечего его будить. Я принесу ему въ вагонъ что-нибудь поѣсть.

Она улыбнулась. Рувимъ велѣлъ завернуть въ бумагу говядины, хлѣба и фруктовъ, и они направились обратно въ купѣ. Но только теперь Рувимъ вошелъ первымъ, для того, какъ онъ говорилъ, чтобы разбудить аббата и накормить его. Такимъ образомъ Камиллѣ пришлось сидѣть на угловомъ мѣстѣ, причемъ ее отдѣлялъ отъ аббата Рувимъ, который продолжалъ угощать своего спутника до тѣхъ поръ, пока тотъ снова откинулся на спинку дивана и заснулъ.

— Опять уснулъ, — сказалъ Рувимъ въ полъ-голоса. — Сейчасъ видно, что у него нѣтъ никакихъ заботъ. Да и вамъ бы слѣдовало перестать тревожиться. Вѣдь отецъ вашъ навѣрное выздоровѣетъ.

— Ахъ, дай-то Богъ! Онъ такъ добръ и такъ любитъ меня. Вѣдь онъ у меня одинъ на свѣтѣ.

— Отчего же одинъ? Нисколько не одинъ, — сказалъ Рувимъ шопотомъ.

Она взглянула на него вопрошающимъ взоромъ. Но разъ выйдя изъ своей молчаливости, она стала отвѣчать на расспросы Рувима объ отцѣ и о семейныхъ обстоятельствахъ ея. Она объяснила, что отецъ ея—послѣдній отпрыскъ стариннаго рода, ведущаго свое происхожденіе еще отъ временъ римской имперіи. Изъ Греціи явился къ императору Марку Аврелію нѣкто Теодоросъ, человекъ очень умный, сдѣлавшійся совѣтникомъ императора, получавшій отъ него богатая милости и назначенный между прочимъ римскимъ сановникомъ. Фамилію Теодоросъ онъ перемѣнилъ на Теодори, но богатства вскорѣ исчезли. Сама она, какъ не разъ

говаривалъ ея отецъ, настоящая Теодорось, ибо у ней сохранились греческіе лобъ и носъ. Быть можетъ, всѣ члены ея семейства потому такіе вѣрующіе христіане, прибавила она, что апостолъ Павелъ былъ ихъ соотечественникъ.

Эти слова тяжело подѣйствовали на Рувима.

— Но такъ какъ,—продолжала она,— семейство наше обѣднѣло, то отецъ мой и послалъ меня въ Триестъ, къ теткѣ моей со стороны матери, назначившей меня своей наслѣдницей. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ отецъ мой, прощаясь со мной.—А ваши отецъ и мать живы?

— Да,—отвѣтилъ онъ,— но, вѣрнѣе сказать, у меня одна только мать.

— Какъ же это такъ?

— Отецъ мой придерживается чуждыхъ, мнѣ взглядовъ.

На ея просьбу разъяснить ей эти, не вполне понятныя для нея, слова, онъ сталъ рассказывать ей о ходѣ своего умственнаго развитія, о томъ, какъ онъ съ отрочества воспитывался на новѣйшихъ идеалахъ. Онъ много объ этомъ распространялся и говорилъ съ жаромъ, присовокупивъ, что отцу его, выросшему въ совершенно иныхъ понятіяхъ, не нравились эти его современные взгляды. При этомъ онъ тщательно избѣгалъ словъ: „религія“ и „вѣроисповѣданіе“, и охотно свелъ, отвѣчая на вопросъ Камиллы, разговоръ на книги и на поэтовъ. Она созналась, что въ этомъ мало смысливъ и просила его нѣсколько просвѣтить ее. Что могло быть желательнѣе для Рувима! Онъ сталъ говорить все съ большимъ и большимъ жаромъ, а она, слушая его, забыла о своемъ горѣ и забывала его вопросами. Онъ рисовалъ передъ нею жизнь мыслящаго и стремящагося къ чему-то высшему челоуѣка и счастье такого челоуѣка, если онъ встрѣтитъ женщину, которая понимаетъ его, которая расположена къ нему, которая его... слова „любовь“ онъ впрочемъ не произносилъ, ни теперь, ни во все остальное время поѣздки, хотя аббатъ продолжалъ безпробудно спать.

Потому ли онъ не произносилъ его, что онъ боялся испугать этимъ Камиллу, что онъ боялся получить отказъ отъ робкой, боязливой дѣвушки? Нѣтъ! Его чувство было такъ

искренне и глубоко, что онъ полагалъ, что ему нечего торопиться, въ расчетъ, что взаимность, если только она существуетъ, скажется сама собой.

Такимъ образомъ они доѣхали, среди непрерывныхъ вопросовъ съ ея стороны, среди длинныхъ разсказовъ о своей жизни и своихъ умственныхъ занятіяхъ—съ его стороны, до послѣдней станціи передъ Анконой, и здѣсь ему пришлось разстаться. Для этого не нужно было предостереженія дальновиднаго Моисея относительно кавалера Нота. Онъ самъ отлично понималъ, что такъ какъ Нота не разъ видѣлъ его въ Триестѣ и зналъ, кто онъ, и такъ какъ Нота вообще очень презрительно относился къ евреямъ, то онъ не преминетъ, увидѣвъ его возлѣ Камиллы, объяснить ей, что онъ—еврей. Рувимъ ни мало не сомнѣвался въ томъ, что г-жа Молиторе не замедлила сообщить въ Анкону по телеграфу объ отъѣздѣ Камиллы и что, по всей вѣроятности, онъ будетъ ожидать на дебаркадерѣ прибытія поѣзда, для того чтобы встрѣтить Камиллу.

Такъ оно дѣйствительно и случилось. Нота наканунѣ съ тѣмъ же скорымъ поѣздомъ выѣхалъ въ Анкону, и для г-жи Молиторе это было ясно, такъ какъ онъ не отвѣтилъ на ея письмо. Поэтому она по телеграфу сообщила ему объ отъѣздѣ Камиллы, приглашая его встрѣтить ее на дебаркадерѣ.

Поэтому Рувимъ обратился въ Камиллѣ со словами:— „Сударыня, черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ въ Анконѣ, и мнѣ приходится проститься съ вами“.

— Уже въ Анконѣ! Ахъ, Боже мой, я такъ забодталась съ вами, что даже совсѣмъ забыла о бѣдномъ отцѣ моемъ!

— Вы, я въ томъ увѣренъ, найдете его въ лучшемъ положеніи, чѣмъ предполагаете.

— А вы, развѣ вы не желаете проводить насъ до его квартиры?

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Вѣдь я только помѣшаю.

— Нисколько! Онъ будетъ вамъ очень благодаренъ за оказанное мнѣ покровительство. Онъ такъ добръ.

— Мнѣ, въ сожалѣнію, нужно спѣшить обратно въ Триестъ.

— Значить, вы только ради меня...

— Я былъ бы весьма счастливъ, если бы вы извѣстили меня телеграммой о положеніи вашего отца.

— Очень охотно. А какъ адресовать телеграмму? Синьору Самуэли... а дальше?

— Больше ничего не нужно. Адресъ мой извѣстенъ въ почтамтѣ и на телеграфѣ. Я упоминаю и о почтѣ, надѣясь, что въ послѣдствіи подарите меня нѣсколькими строками относительно состоянія здоровья вашего отца и о томъ, когда вы снова вернетесь къ вашей тетушкѣ?

— Хорошо, хорошо! Вернусь же я вѣроятно по выздоровленіи моего отца. Тогда снова будемъ пѣть.

Въ это время раздался звонокъ—они вѣзжали въ Анконскій дебаркадеръ.

— А вотъ и Нота!—воскликнула она.—Онъ сообщить мнѣ извѣстія объ отцѣ моемъ!

И, какъ только отворилась дверца купэ, она выпрыгнула изъ него и бросилась къ Нотѣ, который стоялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ихъ купэ и всматривался въ выходящихъ. Онъ не успѣлъ еще замѣтить ее, какъ до него долетѣлъ ея голосъ:—„А что, отецъ живъ?“

Онъ обернулся къ ней и отвѣтилъ довольно неосторожно:—„Да, пока еще живъ“.

— Пока! О, Пресвятая Дѣва! Скорѣй, скорѣй къ нему!—И она бросилась вонъ изъ дебаркадера. Онъ хотѣлъ было послѣдовать за нею, но она закричала ему:—„Нѣтъ, нѣтъ! Помогите аббату“.

Тѣмъ временемъ Рувимъ разбудилъ аббата и всунулъ ему въ руку багажную квитанцію. Затѣмъ, съ сакъ-вожемъ своимъ въ рукѣ, онъ живо выскочилъ изъ купэ, посмотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся Камиллѣ и мелькомъ взглянулъ на Ноту, который, повинувшись Камиллѣ, остановился, хотя и не безъ явной досады.

Рувимъ не могъ удержаться отъ желанія позвать ей еще разъ на прощаніе руку, и, рискуя тѣмъ, что Нота его уви-

дѣть, онъ быстро направился въ ту сторону, въ которую пошла Камилла. Ему пришлось пройти, такъ сказать, подъ носомъ у кавалера. Замѣтилъ ли тотъ его? Повидимому нѣтъ, такъ какъ все его вниманіе было поглощено аббатомъ, который непремѣнно желалъ сейчасъ же получить изъ багажа свой віолончель, между тѣмъ какъ Нота говорилъ съ досадою:— „Да не убѣжить же онъ отъ васъ!“

Камилла уже садилась въ карету, когда Рувимъ показался на подъѣздѣ. Она увидѣла его, протянула къ нему руку и сказала: — „Ахъ, какъ у меня бьется сердце! Онъ сказалъ „пока“, противный! Я буду вамъ телеграфировать, писать! Кучеръ, трогай! Къ полковнику Теодори!“.

Карета тронулась, она еще разъ ласково кивнула ему головой, но Рувимъ замѣтилъ, что по щекамъ ея текли слезы. Онъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ и проговорилъ въ полъ-голоса: „Ангель“. Голосъ аббата, громко продолжавшаго требовать своего віолончеля, вывелъ его изъ задумчивости, и чтобы не встрѣтиться съ нимъ и съ Нотой, онъ повернулъ въ сторону. Но тутъ его постигла неудача: онъ пошелъ какъ разъ по направленію къ багажной залѣ, и вдругъ столкнулся чуть не носомъ къ носу съ кавалеромъ Нота, поджидавшаго аббата и его инструмента.

Нота обратился къ аббату и спросилъ громкимъ голосомъ:— „А что нужно здѣсь этому триестскому жиду?“ — Но аббатъ такъ былъ поглощенъ своимъ инструментомъ, что ничего на это не отвѣтилъ.

Перев. Э. К. Ватсонъ.

ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА.

А. Музыка Евреевъ древнихъ временъ до Рождества Христова.

(Продолженіе) *.

VI.

Время царствованія Соломона и прочихъ царей.

Какъ ни велико было значеніе музыки въ глазахъ народа во время Давида, но въ царствованіе Соломона, вступившаго на престолъ въ 1020 г. до Р. Х., она приобрѣла еще большую популярность своимъ великолѣпіемъ. Первымъ дѣломъ, которымъ онъ ознаменовалъ свое царствованіе, было—окончаніе храма, начатаго его отцомъ. Для постройки этого зданія Давидъ собралъ неслѣтныя сокровища серебромъ, золотомъ, всякими драгоценностями и строительнымъ матеріаломъ; къ этимъ богатствамъ Соломонъ присоединилъ еще новыя отъ себя и, употребивъ на ихъ распредѣленіе свои знанія, мудрость и власть, онъ достигъ того, что воздвигнутый имъ храмъ, по своей красотѣ и великолѣпію, превзошелъ всякія ожиданія и не могъ быть сравненъ ни съ какими другими домоу молитвы. Молва о мудрости Соломона распространяется по всему востоку; чужіе князья ищутъ его расположенія, заключаютъ съ нимъ союзы, или даже приходятъ просто для того только, чтобы познакомиться съ его личностью, чтобы увидѣть его, услышать его остроумныя замѣчанія, изреченія, предложить ему разрѣшеніе какихъ нибудь серьезныхъ вопросовъ или головоломныхъ задачъ и загадокъ; самый знакомый для насъ примѣръ такого именно обращенія къ мудрости этого царя являетъ собою царица Савская. Коммерческія пред-

* См. „Восходъ“, кн. IX.

пріятія Соломона въ далекихъ странахъ удаются ему какъ нельзя лучше. Стягивая къ себѣ отовсюду сокровища, онъ просилъ сосѣднихъ владыкъ доставлять ему все, что только у нихъ имѣлось хорошаго; такъ Хирамъ, царь тирскій, по его просьбѣ присылалъ ему кедры для постройки, изъ страны Офиръ привозились въ изобиліи индійскія драгоценности, царица Савская, кромѣ золота и серебра, привезла съ собою особенныя, чрезвычайно тонкія и пріятныя благовонія; золота оказалось такая масса, что серебро совершенно потеряло свою цѣнность. Тронъ царя является чудомъ міра по своему богатству и великолѣбію, царскіе сады не имѣютъ себѣ подобныхъ.

Царствованіе Соломона было самое мирное; занятый постоянно у себя дома, онъ старался не вести войнъ и внутреннимъ покоемъ дать возможность народу культивировать науки и искусства. Онъ вполне достигъ желаемого; успѣхи въ развитіи оказались очень значительныя, тѣмъ болѣе, что самъ царь, богато одаренный отъ природы замѣчательнымъ умомъ, поэтическимъ чувствомъ и музыкальными способностями, разносторонне вліялъ на это развитіе и по мѣрѣ возможности старался его увеличить.

Необыкновенно торжественное и блестяще обставленное празднество освященія храма (II кн. Паралипоменонъ, гл. V, ст. 12 и 13) было событіемъ, имѣвшимъ особенно важное значеніе для исторіи еврейской музыки. Громадный составъ пѣвцовъ и музыкантовъ, опредѣленный Давидомъ для музыки въ храмѣ, былъ умноженъ въ значительной степени Соломономъ; количество приготовленныхъ къ употребленію для этого случая музыкальныхъ инструментовъ просто невѣроятно. По описаніямъ Іосифа Флавія, было заготовлено 40000 арфъ, столько же сестръ, сдѣланныхъ изъ золота, и 20,000 серебряныхъ мозаическихъ трубъ; для участвующихъ пѣвцовъ левитовъ было сдѣлано на этотъ случай 20,000 праздничныхъ одеждъ. Если предположить, что все это ужасное количество пѣвцовъ и инструменталистовъ могло бы пѣть и играть вмѣстѣ или даже раздѣляясь на нѣсколько хоровъ, то дѣйствіе этой музыки было бы такъ безконечно громадно, что врядъ ли бы слушателямъ представилась какая нибудь возможность выдержать ее безъ поврежденія слуховыхъ органовъ. Какимъ ничтожнымъ въ сравненіи съ только что описаннымъ торжествомъ должно намъ показаться Атенейское музыкальное празднество, данное Птоломеемъ Филадельфомъ въ Александріи, или наше новое празднество въ Лондонѣ въ честь покойнаго Генделя! Представляя себѣ музыку, происходящую отъ 480,000 человѣкъ музыкантовъ, т. е. 200,000 пѣвцовъ.

40,000 арфистовъ, 40,000 систристовъ и 200,000 трубачей, едва-ли возможно допустить, чтобы она представляла собой сложную, музыкально-развитую мелодію, напротивъ, скорѣе всего надо думать, что это было прототипомъ нашихъ самыхъ простыхъ хораловъ.

Кромѣ храмовой музыки, Соломонъ имѣлъ еще свою собственную придворную капеллу, не состоявшую ни въ какой связи съ левитами; онъ самъ рассказываетъ объ этомъ въ своемъ Екклезіастѣ: «Собралъ себѣ серебра и золота и драгоценностей отъ царей и областей, завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и услажденія сыновъ человѣческихъ—разныя музыкальныя орудія». (Екклезіастъ, гл. II, ст. 8). Соломонъ былъ первымъ царемъ древности, послѣ котораго осталось подлинное указаніе о существованіи придворной пѣвческой капеллы; по всей вѣроятности, возникновеніе ея произошло точно такимъ же образомъ какъ и нашихъ новѣйшихъ. Сначала музыка употреблялась исключительно въ храмѣ, такъ что, какъ и нынѣ, такъ и народъ, слышалъ ее только при богослужбной церемоніи и при торжественныхъ собраніяхъ; такой обычай существовалъ до Давида. Нѣчто въ этомъ же родѣ произошло послѣ Р. Х. у древнихъ христіанъ, которые свои тайныя богослуженія непремѣнно сопровождали пѣніемъ. Принятая догадка за достовѣрное, можно утверждать, что при Давидѣ уже музыка перешла изъ храма во дворецъ; то же видно и у христіанъ въ средніе вѣка; ихъ музыка распространилась настолько, что изъ часовенъ и другихъ домовъ молитвы она проникла въ жилища королей и другихъ вогушественныхъ вельможъ. Насколько Соломонъ имѣлъ неотъемлемое право считаться первымъ царемъ древности, который имѣлъ свою придворную музыку, на столько же между христіанскими владыками имѣетъ это право лонгобардскій король Лутпрандъ, который, если вѣрить Павлу Діакону, первый перемѣстилъ капеллу въ свой домъ изъ отдѣльной часовни. Исторія такихъ капеллъ важна въ томъ отношеніи, что имѣла громадное вліяніе на распространеніе и усовершенствованіе музыки.

Поэтическое произведеніе Соломона, дошедшее до насъ, извѣстно подъ названіемъ «Пѣсни Пѣсней»; оно было написано по случаю его свадьбы съ дочерью египетскаго фараона Вафра и было исполнено капеллою при ихъ вѣнчаніи. По увѣреніямъ Марпурга, Соломонъ обладалъ сильнымъ, хорошимъ голосомъ и былъ однимъ изъ лучшихъ пѣвцовъ своего времени, но имѣніе это голосовно: ни библія, ни другія книги ничего не упоминаютъ о Соломонѣ, какъ о пѣвцѣ. Многіе церковные писатели высказали свои предположенія, что «Пѣсь Пѣсней» исполнялась при сопровожденіи

инструментальной музыки; эти догадки не лишены основанія въ виду того, что Соломонъ, имѣя въ своемъ распоряженіи капеллу, по всей вѣроятности не довольствовался только церковными пѣнiami, а заставлялъ своихъ музыкантовъ воспроизводить и такую музыку, которая выражала бы чувства и ощущенія, соответствующія данному моменту. По содержанію «Пѣснь Пѣсней», въ которой, подъ аллегорическимъ видомъ пастуха и пастушки, Соломонъ представляетъ себя и свою невѣсту, можетъ быть отнесена къ отдѣлу пасторалей; по формѣ и духу она похожа на подобное же произведеніе индійцевъ, на Гитаговинду, сочиненную Ядева. Что касается музыкальнаго вида «Пѣсни Пѣсней», т. е. пѣнія текста и аккомпанимента инструментовъ, то не слѣдуетъ полагать, что оно было похоже на наше пѣніе-соло съ гармоническимъ аккомпаниментомъ; это было нѣчто среднее между речитативомъ и обыкновеннымъ разговоромъ, какое-то очень неопредѣленное раскатываніе голосомъ. Не смотря на то, что этотъ способъ пѣнія былъ долгое время предметомъ серьезныхъ изысканій и изученій, мы все-таки не имѣемъ возможности ясно его себѣ представить, но, во всякомъ случаѣ, не думаемъ, чтобы такой родъ музыки былъ сколько нибудь красивъ или даже хотя только сношенъ для нашего развитаго уха.

По смерти Соломона престолъ наследовалъ сынъ его Ровоамъ, который съ самаго начала повелъ дѣло правленія такъ дурно, что десять коленъ отпали отъ него и выбрали себѣ царемъ Иеровоама. Царство еврейское раздѣлилось на двѣ отдѣльныя части, Израиль и Иуду. Наступилъ рядъ бѣдствій и несчастій, внутреннія междоусобія и внѣшнія безпокойства. Такое печальное положеніе цѣлаго народа отразилось, конечно, и на искусствѣ; только что получивши хорошее направленіе и сдѣлавши большіе успѣхи, оно должно было прекратить свое развитіе и, постепенно приходя въ упадокъ, близилось къ полному уничтоженію. Храмовая музыка Давида и Соломона постепенно начала исчезать; идолопоклонство, чувственный культъ Астарты, противъ котораго такъ усиленно ратовали пророки, ворвался и сталъ быстро распространяться между евреями.

Отъ смерти Соломона до Седекіи, послѣдняго царя Іудейскаго, въ общій нѣтъ ни одной замѣтки, дающей свѣдѣнія о движеніи впередъ музыкальнаго дѣла за большой періодъ времени, почти въ 400 лѣтъ; напротивъ, книги пророковъ свидѣтельствуютъ о полномъ регрессѣ музыки. Она утратила свое первоначальное возвышенное, чисто религиозное направленіе, утратила свое благородство и достоинство, сдѣлалась аксессуаромъ оргіахъ и ивршестввахъ, и стала забавою при дворахъ царей, которые

почти всё были испорчены, безнравственны, лѣнны и извѣжены. Пророкъ Исаія, который отличался правдивостью и рѣзкостью въ своихъ проповѣдяхъ, имѣя близкое сношеніе съ царями и придворными, много говоритъ объ упадкѣ нравовъ какъ при дворахъ, такъ и въ общей массѣ (кн. прор. Исаія, гл. V, ст. 11, 12). Пророкъ Амосъ, жившій почти въ то же время, тоже описываетъ эту необузданный, позорный образъ жизни современныхъ ему владыкъ и великихъ страны. (Амосъ, гл. VI, ст. 4, 5. Сравн. Исаія, гл. XXIV, ст. 7, 8, 9. Іеремія, гл. VII, ст. 34, Іезакииль, гл. XXVI ст. 13). Всѣ названные пророки, громя всеобщую порочность въ своихъ поученіяхъ, предсказывали полную потерю музыки, какъ наказаніе и кару за грѣхи.

Окончательное паденіе храмовой музыки евреевъ случилось при царѣ Ахазѣ, царствовавшемъ въ Іудеѣ отъ 743—730 до Р. Х.; онъ осквернилъ храмъ и ввелъ служеніе идолу. Сынъ и преемникъ его Езекиа (730—699), совершенно противоположно своему отцу, старался очистить храмъ, возстановить служеніе единому Богу, реставрировать храмовую музыку и возвратиться къ прежнимъ порядкамъ; кромѣ этого онъ возвратилъ левитамъ ихъ должности и доходы, которые были отняты у нихъ при царѣ Ахазѣ (II кн. Паралипоменонъ, XXIX, ст. 25, 26, 27, 28 и 30). Не такое возвращеніе къ обычаямъ праотцевъ продолжалось недолго; когда же послѣ Езекиа на престолъ вступилъ Манассія, идолопоклонство распространилось еще съ большою силою, тѣмъ при Ахазѣ. Незадолго до своей смерти Манассія пришелъ въ себя и сталъ всѣми силами стараться исправить сдѣланное зло, но уже было поздно, и старанія его не дали желанныхъ результатовъ; испорченность нравовъ достигла чудовищныхъ размѣровъ; отклоненіе отъ истинной вѣры и ея обрядовъ зашло такъ далеко, что всё предпринятая имъ мѣры ни къ чему не повели. Паденіе религіи, гражданскаго благосостоянія, нравовъ; также знаній и искусствъ еврейскаго народа постепенно шло впередъ и уже не могло быть остановлено нѣсколькими послѣдующими хорошими царствованіями, пока наконецъ не явился Навуходоносоръ (около 600 до Р. Х.), который завоевалъ и разрушилъ Іерусалимъ, взявъ въ плѣнъ царя Зедекію, а съ нимъ и большую часть еврейскаго народа, отправилъ ихъ въ Вавилонъ и тѣмъ положилъ коонецъ царству Іудейскому.

Весьма понятно, что при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ о развитіи музыки не могло быть и рѣчи. Псаломъ CXXXVII очень трогательно жалуется на это обстоятельство: 1) «При рѣкахъ Вавилона, тамъ

сидѣли мы и плакали, когда вспоминали о Сионѣ». 2) «На вербахъ посреди его мы повѣсили наши арфы». 3) «Тамъ плѣннвшіе насъ требовали отъ насъ словъ пѣсней, и притѣснители наши—веселія: пропойте намъ изъ пѣсней Сионскихъ». 4) «Какъ намъ пѣть пѣснь Господню на чужой землѣ?»—Однако различныя извѣстія объ этой печальной эпохѣ заставляютъ предполагать, что вавилонская неволя не уничтожила въ евреяхъ любви къ музыкѣ: напротивъ, въ ней они находили утѣшеніе своей скорби и печали. Не нужно забывать, что халдейцы сами были большими поклонниками музыки *, и что уже это одно должно было сильно повліять на сохраненіе ея у плѣнниковъ. Пророкъ Эзра рассказываетъ, что при послѣдующемъ освобожденіи евреевъ изъ плѣна персидскимъ царемъ Киромъ, они привели съ собой въ Иерусалимъ хоръ, состоявшій изъ 200—245 пѣвцовъ (кн. Эдры, гл. II, ст. 41, 64 и 65); слѣдовательно, во время своей неволи, т. е. въ продолженіи 70 лѣтъ (кн. Іереміи, XXIV, 10) они не оставались безъ музыки и своихъ умершихъ хористовъ и музыкантовъ имѣли возможность замѣнять новыми **.

Послѣ возвращенія народа, храмъ іерусалимскій былъ реставрированъ, даже отстроены заново, и Давидово богослуженіе возобновилось опять; но это возстановленіе было только внѣшнее, такъ какъ уже никакія усилія и заботы не могли помочь народу достигъ своего древняго величія и блеска. Изъ послѣдующихъ правителей, кромѣ Іуды Маккавея, никто не показываетъ особеннаго старанія повліять въ хорошую сторону на народъ. Такъшло дѣло до 11 іюля 70 года, когда ежедневное жертвоприношеніе въ іерусалимскомъ храмѣ прекратилось. 17 августа того же года самый храмъ былъ взятъ, ограбленъ и сожженъ; древнее богослуженіе кончилось, послѣдній остатокъ давидовой храмовой музыки исчезъ безвозвратно. Иерусалимъ палъ и

* Изъ книги пророка Даніила видно, что халдейцы, также какъ и израильтяне, употребляли музыку при своемъ богослуженіи. Когда Навуходносоръ повелѣлъ поклоняться золотому идолу, было сказано: «Когда услышите звуки трубъ и роговъ, арфъ, псалтирей, свирѣлей и разныхъ инструментовъ, то должны будете упасть ницъ».

** Пфейферъ (о муз. др. евр.) находитъ, что число возвратившихся изъ плѣна пѣвцовъ и пѣвицъ, по отношенію въ общей массѣ народа, такъ же велико, какъ и во время Давида. Тогда было 1.300,000 народа, и 4,000 постоянныхъ пѣвцовъ (II кн. Царствъ, XXIV, 6), а у 42,330 возвратившихся изъ неволи было 200—245 пѣвцовъ (кн. Эдры, II, 64). Отношеніе это доказываетъ, что даже и во время рабства евреи занимались музыкой и не давали ей прекратиться.

Иудейское царство сдѣлалось провинціей римской имперіи, а народъ разсѣялся по всему земному шару.

Послѣ покоренія римлянами Иудейскаго царства, первымъ прокураторомъ въ новой провинціи былъ Иродъ. Ему приписывается Флавіемъ Иосифомъ устройство въ Иерусалимѣ театра по римскому образцу; но Иродъ съ своимъ нововведеніемъ успѣха не имѣлъ и вызвалъ нитъ крѣпкую злобу и неудовольствіе евреевъ, такъ какъ театральныя представленія во всемъ противорѣчили понятіямъ и вкусамъ народа; талмудисты иначе не упоминаютъ о немъ, какъ съ презрѣніемъ и пренебреженіемъ. Иосифъ Флавій тоже высказывается противъ Ирода: «Онъ преступилъ отцовскіе обычаи и чуждыми модами испортилъ тѣ порядки, которые освящены преданіемъ и должны были бы быть для него святыми и неприкосновенными. Черезъ это народъ все болѣе отдалялся отъ хорошихъ нравовъ и склонялся ко всему дурному» *. Роль музыки при такихъ спектакляхъ была немаловажна, тѣмъ болѣе, что Иродъ заботился о красотѣ ея; онъ собиралъ, гдѣ только могъ, наилучшихъ музыкантовъ, заставлялъ ихъ играть и пѣть **, устраивалъ для нихъ состязанія и старался поднять музыку по возможности выше. Но эта музыка не имѣла уже національнаго еврейскаго оттѣнка, ея чисто народный характеръ все болѣе и болѣе исчезаетъ подъ вліяніемъ постороннихъ влѣвовъ. Въ нынѣшнее время, слушая въ синагогахъ богослужебную музыку, мы можемъ замѣтить въ ней отсутствіе еврейскаго элемента, общій колоритъ исполняемыхъ музыкальныхъ номеровъ неизбѣжно заимствуется и носитъ характеръ народа и мѣстности, гдѣ эти синагоги существуютъ.

Мы уже говорили, что важнѣйшее примѣненіе музыки древнихъ евреевъ было при богослуженіи, но такое высокое назначеніе и важная роль музыки не исключали ея употребленія при торжествахъ, пирахъ и другихъ веселыхъ сборищахъ; она затѣмъ оказывалась необходимою и при печальныхъ и скорбныхъ событіяхъ.

Мы уже приводили много фактовъ, подтверждающихъ предположеніе объ употребленіи музыки у евреевъ внѣ храма: Лаваль, дѣлающій выговоръ Іакову за то, что послѣдній не доставилъ ему возможности проводить себя съ музыкой, исторія дочери Іефоя, хвалебныя пѣсни израильскихъ женщинъ Давиду послѣ побѣды надъ Голиафомъ, траурная пѣсня Іереміи и всего хора на смерть Іосіа, наконецъ, капеллы Давида и Соло-

* Antiquit. Judaic. Lib. XV, c. 8.

** Тамъ же.

мона—все это вѣскія доказательства умѣнья широко пользоваться музыкою. У Сираха также находимъ подтвержденіе этого. Онъ говоритъ: «Какъ рубинъ въ чистомъ золотѣ свѣтитъ, такъ и пѣсни украшаютъ пиршество. Какъ смарагдъ идетъ къ прекрасному золоту, такъ и пѣсни идутъ къ хорошему вину». (Гл. XXXII, ст. 7—9). Существуетъ еще извѣстіе, что у евреевъ практиковался похвальный обычай, послѣ трапезъ пѣть хорошъ благодарственные псалмы и хвалебныя пѣсни, слѣдовательно, до времени своего упадка, этотъ народъ старался музыкою украсить и облагородить свои пиры, сдѣлать изъ нихъ дѣйствительно общественные, радостные праздники, а не оргіи и беззавѣтные кутежи.

Упомянутая о траурной пѣсни Іереміи на смерть Іосіа (II кн. Паралипоменонъ, гл. XXXV, ст. 25), нельзя обойти молчаніемъ такія же пѣсни Давида, которыя онъ сочинилъ на смерть Саула и Ионаана и которыя, благодаря Самуилу, въ цѣлости сохранились для потомства (II кн. Цар., гл. I, ст. 17, 19—27). Въ этой же главѣ, стихи 11 и 12, Самуилъ сообщаетъ о тогдашнемъ способѣ выраженія скорби живыхъ объ умершихъ. Похоронные обряды состояли въ слѣдующемъ: 1) постъ съ утра до вечера 2) публичный плачь, вопли, рыданія и причитыванія, 3) восхваленіе покойнаго, 4) жалобныя и траурныя пѣсни. Для плача и причитыванія приглашались особенные люди, специалисты, искусные въ своемъ дѣлѣ (кн. пр. Іереміи, гл. IX, ст. 17); обязанностию же пѣвцовъ, которыхъ тоже нанимали для участія въ печальной процессіи, было—пѣвіе грустныхъ и жалобныхъ пѣсенъ, чтобы заставить всѣхъ присутствовавшихъ скорбѣть и плакать. Кромѣ такихъ пѣсней Давида и Іереміи, существуетъ пѣснь такого же рода, сочиненная однимъ раввиномъ, замѣчательно красивая, но очень короткая: „Печалься о печальщикахъ, а не о мертвыхъ, потому что онъ въ покоѣ, а мы въ слезахъ“. (Bag. Abbin. arr. Hott. in Goodw. Bib. VI, cap. V, not. 12). Сравн.: Die allgemeine Welt-historie. Band III, Seite 183). Что касается употребленія преимущественно одного какого нибудь рода инструментовъ при похоронахъ, библейскія книги Ветхаго Завета не говорятъ ничего, но нѣкоторое понятіе объ этомъ предметѣ можно извлечь изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ. У евреевъ, какъ у грековъ и финиціянъ, флейта считалась чисто элегическимъ инструментомъ; ее находили наиболѣе способною къ передачѣ печали, горя и страданій, поэтому флейтѣ при похоронахъ было отведено почетное мѣсто (Еванг. Маттея, гл. IX, ст. 23). Маймонидъ, въ своихъ комментаріяхъ къ «Мишнаѣ», гл. IV, рассказываетъ, что вдовецъ, хотя

бы самый бѣдный, при погребеніи своей усопшей жены, долженъ былъ по обычаю наигрывать не менѣе двухъ флейтъ и одной плакальщицы. Евреи состоятельные могли увеличивать это число музыкантовъ и плакальщицъ соответственно желаніямъ и обстоятельствамъ. Замѣчательно, однако, совпаденіе, что флейты также обязательно употреблялись при свадьбахъ; въ талмудѣ даже есть пословица: „Флейта служить или невѣстѣ или мертвому“ При странствованіи къ святымъ мѣстамъ пилигримы обыкновенно требовали, чтобы шествіе ихъ сопровождалось игрою на флейтѣ; ея вѣжные звуки смягчали сердце, способствовали покаянію и искреннему раскаянію и пробуждали всякія религіозныя чувства.

Весьма многіе думаютъ, что трубный праздникъ, основанный Моисеемъ, есть на самомъ дѣлѣ торжество по случаю окончанія жатвы. Соответствіе времени года, въ которое онъ праздновался, поддерживать это мнѣніе. Собственно говоря, почему бы евреямъ не праздновать собранія хлѣба, когда извѣстно, что собраніе винограда чествовалось музыкою и пѣніемъ? Прор. Іеремія говоритъ ясно: „Радость и веселіе отнято отъ корня и отъ земли Моава. Я положу конецъ вину въ течилахъ; не будутъ больше топтать въ нихъ съ пѣснями; крикъ брани будетъ, а не крикъ радости“ (гл. XLVIII, ст. 33). То же самое говоритъ и прор. Ісаія: „Исчезло съ плодоносной земли веселіе и ликованіе и въ виноградникахъ не поютъ, не ликуютъ; виноградарь не толчетъ винограда въ точилахъ; я прекратилъ ликованіе“. (гл. XVI, ст. 10). Тотъ фактъ, что у мавритянъ, ближайшихъ сосѣдей евреевъ, былъ праздникъ жатвы, много говоритъ за существованіе такого праздника и у нихъ, тѣмъ болѣе, что, исключая непосредственно религіозные обряды, у этихъ народовъ было много общихъ, одинаковыхъ по способу выполненія, обычаевъ. Нѣкоторые толкователи и ученые прямо заявляютъ, что псалмы 8-й, 80-й и 83-й были Давидомъ предназначены для пѣнія именно при такихъ праздникахъ жатвы. (*Essai sur la mus.*, vol. I, pag. 15).

VII.

Символизмъ въ музыкѣ.

Уже съ древнѣйшей эпохи, въ дѣлѣ музыки всѣхъ восточныхъ народовъ замѣчена одна общая черта: это склонность усматривать связь музыки съ различными космическими явленіями и находить соотношенія между музыкальными тонами и всевозможными предметами, повидимому низшими

образомъ къ нимъ не касающимися. Евреи, египтяне, индусы, арабы, также греки и даже китайцы—всѣ безъ исключенія придавали музыкѣ особенное символическое значеніе, но, само собою разумѣется, каждый народъ это дѣлалъ сообразно съ своими наклонностями и общимъ характеромъ своей культуры.

Египтяне утверждали, что каждая струна лиры должна служить символомъ особаго времени года, а каждый тонъ ихъ музыки—символомъ особой планеты, а такъ какъ они насчитывали только семь планетъ, то можно думать, что они обладали диатоническою гаммой, состоящей изъ семи тоновъ. Каждый тонъ, соответствующій планетѣ, имѣлъ тоже свой день въ недѣлѣ на основаніи египетской „*semaine planetaire*“, планетной недѣли. Свой любимый инструментъ, наблю, они считали символомъ добра и даже принимали его изображеніе за іероглифическій знакъ, обозначающій добро.

У индусовъ музыка имѣла происхожденіе божественное; по ихъ мнѣнію, какъ тоны музыки, такъ и инструменты не были изобрѣтены человекомъ, а даны божествами для улады человѣчества; съ своей стороны, эти божества также любили наслаждаться музыкою, и у нихъ были цыли геніевъ музыки и танцевъ (гандарвы и ансапаразы), которые исполняли передъ ними разныя музыкально-драматическія пьесы. Пылкое воображеніе индуса помогало ему вѣрить, что музыкѣ все было подчинено: и человекъ, и животное, и неодушевленная природа; если музыкантъ пѣлъ особенно страстную мелодію, то онъ подвергался опасности сгорѣть отъ пламени, заключающагося въ звукахъ; если была засуха, музыкою можно было вызвать дождь; однимъ словомъ, индусы твердо вѣровали, что музыка была надѣлена сверхъестественною силою и могла производить всякаго рода чудесныя явленія.

Арабы, народъ тоже надѣленный богатою фантазіею, раздѣляли мнѣніе индусовъ относительно чудодѣйственныхъ свойствъ музыки. Приведемъ изреченіе одного арабскаго мудреца: „Душа, приведенная музыкою въ восторгъ, стремится въ созерцанію высшихъ существъ, къ общенію съ чистѣйшимъ міромъ, такъ что даже духи, омраченные грѣховностью плоти, готовятся ея къ слитію съ свѣтлыми небожителями, стоящими у трона Всевышняго“.

Древніе греки тоже находили символическое соотношеніе между явленіями природы и музыкою; но послѣдующіе ученые, въ числѣ которыхъ мы видимъ Пифагора, Аристоксена, Платона, Аристотеля и др., дали этой

символистскѣ философическое значеніе. Изъ связи музыки съ небесными тѣлами Пифагоръ разработалъ ученіе о „гармоніи сферъ“, которое не переставало до сихъ поръ занимать умы философовъ, теософовъ и поэтовъ, и заставляло ихъ изучать серьезно его догматы или увлекаться его фантастическою стороною.

Греки особенно цѣнили въ своей музыкѣ свойство обуздывать страсти; такъ Аристоксемъ говоритъ, что музыка при пирѣхъ должна употребляться потому, что она служитъ противодѣйствіемъ неумѣренному употребленію одурманивающихъ напитковъ. Пифагоръ же рассказываетъ, что одинъ юноша, обураванный ревностью, хотѣлъ поджечь домъ своей возлюбленной, но услышавъ мелодію строгаго, возвышеннаго лада, онъ отозвался совершенно и конечно не привелъ своего намѣренія въ исполненіе.

Символическое значеніе музыки у китайцевъ было совершенно иного направленія, чѣмъ у всѣхъ вышеназванныхъ народовъ. Китайцы—люди, у которыхъ разумъ преобладаетъ надъ фантазіей, слѣдовательно, и музыка у нихъ развивалась болѣе теоретически, чѣмъ практически. Каждый тонъ китайской гаммы имѣлъ свой соотвѣтствующій физическій предметъ; такимъ образомъ первая нота гаммы означала «царя», вторая—«министра», третья—«послушный народъ», четвертая—«государственные дѣла», пятая—«совокупность всѣхъ существующихъ вещей»; кромя того, эти же пять основныхъ тоновъ также изображали: огонь, дерево, металлы и землю; двѣ ноты, добавленныя впоследствии къ китайской гаммѣ, означали «посредника» и «вождя». Чѣмъ нотивировали китайцы такое, болѣе чѣмъ странное соотвѣтствіе звуковъ и предметовъ—догадаться трудно, но несомнѣнно, что это всего болѣе зависить отъ отсутствія воображенія.

Вотъ приблизительный очеркъ символизма въ музыкѣ народовъ востока вообще; что же касается до самихъ евреевъ, то они были тоже въ высшей степени склонны ко всему таинственному и мистическому. Помимо того, что они, согласно имѣніямъ многихъ сосѣдей, тоже находили нѣкотораго рода единство между музыкою и космическими явленіями, они видѣли такое же единство между ею и всякими предметами, добродѣтелями и другими душевными качествами.

Пикъ де Мирандоль (въ *Apros. cap. de Magia naturali et Cabala*) говоритъ много объ этомъ предметѣ; ему слѣдуетъ и Мар. Мерсенне (de *Hebr. in Comment. in Genes*). Для примѣра приводимъ какъ рѣдкость изъ сочиненія Мерсенне сопоставленіе отношеній между кинноромъ Давида и другими естественными вещами. По имѣнію символистовъ на киннорѣ

Давида было 10 струнъ, которыя могли издавать 15 тоновъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1	тонъ	Esse (существовать).	Existentia (существованію).
2	>	Vivere (жить)	Vita (жизнь).
3	>	Sentire (чувствовать)	Sensus (чувство).
4	>	Ratiocinari (размышленіе)	Ratio (разумъ).
5	>	Intelligere (понимать).	Intellectus (понятій).
6	>	Anima beata (блаженная душа)	Elementa (элементы).
7	>	Angeli (ангелы)	Vegetabilia (растительность).
8	>	Arcangeli (архангелы).	Animalia (животныя).
9	>	Principatus (начало)	Concupiscendi vis (сила желанія).
10	>	Virtutes (добродѣтели).	Vitalis facultas (жизненная возможность).
11	>	Potestates (могущества)	Impulsiva virtus (побужденная добродѣтель).
12	>	Denominationes (наименованія)	Vis naturalis (естественная сила).
13	>	Throni (тронъ)	Corpus (тѣло).
14	>	Cherubim (херувимы)	Ignis (огонь).
15	>	Seraphim i mobile (серафимъ и движеніе)	Aqua (вода).

Если символисты находятъ, что есть связь между тонами леры и названными предметами, то, чтобы быть послѣдовательными, нѣтъ слѣдуетъ принять за правду и то, что во всей природѣ нѣтъ ничего такого, что какииъ нибудь образомъ не было бы въ соединеніи съ музыкальными тонами.

М. Лабунская.

ДѢТИ РАНДАРА.

ПОВѢСТЬ КОМПЕРТА.

(Окончаніе *).

XIII.

Г а н н е л е.

Крестьянина Вацлава давно уже выпустили изъ тюрьмы. Долго-временное сидѣнье въ ней превратило совсѣмъ въ старика этого, еще недавно столь сильнаго и бодрого человѣка. Рандаръ испугался, когда въ первый разъ снова увидѣлъ его. У Вацлава были сѣдые волосы и та привычка волочить за собой ногу, которую арестанты сохраняютъ еще долго послѣ своего освобожденія. Въ кроткомъ сердцѣ ребѣ Шмуля зашевелилось глубокое состраданіе: Вацлавъ по его мнѣнію достаточно поплатился за свою вину.

Морицъ не могъ простить такъ скоро. У него продолжали стоять предъ глазами сгорѣвшій амбаръ и умершая мать.

За годъ до того и Гонза вернулся изъ семинаріи. Морицъ находился еще въ Прагѣ, готовясь къ выпускнымъ экзаменамъ; прошло достаточно времени прежде, чѣмъ онъ вернулся сюда.

Почти немедленно послѣ того, какъ Гонза получилъ санъ священника, пасторъ въ сосѣдней деревнѣ умеръ, и ему удалось получить мѣсто покойнаго. Теперь онъ чаще пріѣзжалъ навѣщать своихъ родителей, къ которымъ снова вернулось нѣкоторое благосостояніе. Старый

* См: «Восходъ», кн. XI.

Вацлавъ совсѣмъ пересталъ пить; сынъ дѣйствительно сдѣлался для него благословеніемъ.

Думать, что нашъ рандаръ не радовался отъ всей души этой пере-
мѣнѣ—значить, совсѣмъ не знать его.

Къ числу отличительныхъ свойствъ еврея принадлежить то, что онъ смотритъ на «доброе дитя» и въ тоже время на «удавшееся», какъ на лучшее и великолѣпнѣйшее достояніе родителей. Такъ какъ и его собственный міръ ограниченъ предѣлами семьи, то онъ высоко цѣнитъ это благословеніе неба и въ другихъ.

Точно также и въ настоящемъ случаѣ: изъ-за блеска, окружавшаго сына Вацлава, ребъ Шмуль совсѣмъ и навсегда забылъ проступокъ отца. Онъ былъ внѣ себя отъ радости, когда однажды молодой капланъ неожиданно явился къ нему съ визитомъ. Ганнеле было приказано подать все, что только было наиболѣе вкуснаго и лакомаго въ домѣ, и она полетѣла исполнять приказаніе такъ, какъ будто предстояло угостить бога въ человѣческомъ образѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она едва дышала отъ волненія и съ измѣническимъ румянцемъ на лицѣ, поставила передъ гостемъ тарелку съ виномъ и хорошо знакомымъ ему субботнимъ хлѣбомъ. Молодой священникъ улыбнулся, когда отломилъ кусочекъ «бархесу»:

— Помните вы еще, барышня—сказалъ онъ,—кто всегда жадно ждалъ появленія этого хлѣба.

— Не будете говорить объ этомъ, ваше преподобіе, шопотомъ отвѣтила она.

Молодой священникъ сталъ съ этихъ поръ чаще приходить въ домъ рандара. Онъ встрѣчалъ здѣсь постоянно одинаковый приемъ; Ганнеле въ эти дни была весела и рѣзва, шутила и смѣялась съ крестьянами; если же въ это время появлялся шнорреръ, плохо приходилось ему отъ нея.

Таинственная загадка этой дѣвушки приходила къ разрѣшенію...

Частыя посѣщенія священника не бросались, впрочемъ, въ глаза никому. Вѣдь «господа служащіе» не рѣдко удостоивали отвѣдывать

вина и лакомствъ «деревенскаго Ротшильда!». Притомъ же молодой капланъ навѣщалъ еврея — а положеніе евреевъ въ нашемъ отечествѣ такъ своеобразно, что никому и въ голову не приходило, чтобы его преподобіе могъ являться къ рандару за чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ стакана хорошаго вина и ломтика субботняго хлѣба.

Капланъ началъ приходить и тогда, когда ребъ Шмуля не бывало дома; мало того — повидимому какой-то тайный вѣстникъ каждый разъ увѣдомлялъ его объ отсутствіи хозяина. Тихо входилъ онъ въ комнату и останавливался предъ сильно покрасѣвшей дѣвушкой. Въ первый разъ, какъ онъ засталъ Ганнеле одну, она какъ будто испугалась, что отца не было дома; но потомъ обрадовалась, что могла поговорить со священникомъ наединѣ. Во все время незначительной бесѣды оба они часто взглядывали на дверь — не идетъ ли рандаръ, и при малѣйшемъ шумѣ Ганнеле вздрогивала, а капланъ вскакивалъ съ мѣста, чтобы уйти.

Ганнеле давно уже слѣдовало быть замужемъ. Рандару предлагалось уже не мало «хорошихъ партій», но старая безпечность и здѣсь одерживала у него верхъ, вопреки настоятельной необходимости. Ганнеле всегда находила возраженія, между которыми главнѣйшее было то, что отецъ не можетъ обойтись безъ нея въ торговлѣ. Такимъ образомъ дожила она до двадцати четырехъ лѣтъ, и ребъ Шмуль самъ сталъ понимать, что дочери предстоитъ опасность сдѣлаться старой дѣвой. Но вотъ однажды явился изъ Бунцлау человекъ, въ которомъ Ганнеле тотчасъ же признала шадхена (свата). Цѣлый часъ сидѣлъ Шмуль запершись съ нимъ въ комнатѣ, и очень тихо разговаривали они о весьма важномъ повидимому предмету. Въ это время Ганнеле ходила въ страхѣ и волненіи, она знала, что этотъ визитъ имѣетъ отношеніе къ ней, и наконецъ не могла воздержаться, чтобы не приложить ухо къ двери. Вотъ что она услышала.

— Вы не можете и желать себѣ лучше партіи, — говорилъ шадхенъ; — во всей Богеміи будутъ завидовать вашей дочери.

— Но если она совсѣмъ не желаетъ его? возразилъ ребъ Шмуль.

— Пусть она только взглянетъ на него, — сказалъ шадхенъ; Ганнеле почти видѣла его хриплый смѣхъ; — писанный красавецъ!

— Ну, пожалуй! сказалъ рандаръ послѣ длинной паузы.

— И такъ, мазельтовъ (желаю счастья); велите же вашей дочери приготовиться. На кущи онъ пожелуетъ къ вамъ въ гости.

Ганнеле, шатаясь, отошла отъ двери; теперь она знала, что дѣло шло о ней. Съ заплаканными глазами ходила она весь день по дому. Шадхенъ остался обѣдать и обмѣнивался съ рандаромъ скрытною улыбкой. глядя на печальное лице дѣвушки, которая и не дотрогивалась до кушанья. Они принимали за дѣвственную стыдливость то, что было только нѣмымъ взрывомъ задѣтой за самую живую струну сердечной склонности.

Послѣ обѣда шадхенъ уѣхалъ. Рандаръ проводилъ его за деревню, а возвратившись, съ улыбкой сказалъ Ганнеле:

— Знаешь, кто пріѣдетъ къ намъ на сувкотъ? (праздникъ кущей).

— А мнѣ какое до этого дѣло.

— Будетъ дѣло, отвѣчалъ ребъ Шмуль, посмотрѣвъ на дочь съ странной улыбкой, и ушелъ. Ганнеле осталась въ комнатѣ и продолжала плакать.

Какъ разъ въ этотъ день пришелъ капланъ; онъ засталъ дѣвушку въ этомъ печальномъ настроеніи. Онъ спросилъ о причинѣ, она отвѣчала слезами.

— Неужели я сталъ для васъ чужой? — шопотомъ проговорилъ священникъ и съ участіемъ наклонился къ обдьяжѣ; — вы вѣрно забыли о двадцати гульденахъ.

Ганнеле быстро отшатнулась отъ него.

— Этихъ денегъ, — сказала она, — мнѣ не слѣдовало давать вашему преподобію... то былъ большой грѣхъ съ моей стороны... Оттого и моя мать умерла въ ту же самую минуту...

— Хочешь получить деньги обратно?

— Нѣтъ.

— Отчего же нѣтъ?

— Я тогда подарила вамъ ихъ.

— Столько денегъ не дарятъ никому безъ всякаго намѣренія... особенно вы...

Ганнеле ничего не отвѣтила на это замѣчаніе; священникъ же продолжалъ говорить, и голосъ его становился все задушевнѣе и страстнѣе:

— И ты называешь грѣхомъ, глупенькая дѣвочка, то, что было изліаніемъ чистаго, невиннаго сердца? Почему же я именно тогда сказалъ тебѣ о своей нуждѣ? И почему ни на минуту не задумалась ты облегчить ее? Ты называешь это грѣхомъ? То было состраданіе, и Богъ надѣляетъ этимъ драгоценнымъ даромъ сердецъ того, кого считаетъ достойнымъ. Ты сжалилась надъ несчастнымъ... правда, Ганнеле?

Съ скрещенными какъ для молитвы руками сидѣла Ганнеле передъ капланомъ. Его слова падали на нее какъ золотой дождь. Она не смѣла ни поднять глаза, ни вздохнуть. Теперь наконецъ разрѣшилась тайна всей ея жизни; тайна эта лежала на губахъ того человѣка, который въ настоящую минуту говорить съ нею... Покровъ слетѣлъ, все обнаружилось...

Капканъ взялъ ее за подбородокъ, поднялъ пылавшее румянцемъ лице дѣвушки и сталъ смотрѣть ей въ глаза. Правую руку свою онъ положилъ на ея голову.

— Видишь ли дѣвушка, — сказалъ онъ — нашъ Спаситель получилъ въ даръ отъ Бога самое безграничное милосердіе; оттого Онъ и сидитъ въ небѣ рядомъ съ Богомъ и называется Его многолюбивымъ сыномъ. Твое состраданіе ко мнѣ было тоже истинно христіанское. Поэтому и твоя душа получить полное спасеніе, и я долженъ помочь тебѣ въ этомъ, иначе на мнѣ останется вина въ томъ, что я укралъ у неба душу.

Священникъ думалъ, что онъ говорить совершенно вразумительно и ясно; но Ганнеле все таки не поняла его. Онъ говорилъ еще много о вѣчномъ спасеніи и божественномъ милосердіи, которое ведетъ къ этому спасенію; онъ говорилъ съ чувствомъ и волненіемъ. Тутъ слышались

шаги рандара, и столь знаменательный разговоръ долженъ былъ окон-
читься.

Мы не можемъ показать здѣсь тѣ страницы изъ жизни Гонзы, ко-
торныя опредѣляютъ и объясняютъ его теперешнее поведеніе. Вурный
ходъ нашего разсказа заставляетъ насъ спѣшить. Не и безъ этихъ не-
достающихъ страницъ можно найти объясненіе. Есть книги, которыхъ
начало, середина и конецъ всегда составляютъ одно цѣлое, такъ что мо-
жете начинать читать на какомъ хотите мѣстѣ.

Только ночью, томясь отъ безсонницы, поняла Ганнеле сказанныя
ей въ этотъ день слова Гонзы. Поодинокѣ и отрывочно звучали они
въ ея ушахъ. Теперь смѣлъ его рѣчи сталъ совершенно ясенъ для нея:
ей слѣдовало сдѣлаться христіанкой, креститься! А въ пяти шагахъ
отъ нея лежалъ такъ безмятежно и столь твердый въ своей вѣрѣ ея
отецъ!

Посѣщенія священника стали теперь повторяться; онъ сдѣлался
почти ежедневнымъ гостемъ въ домѣ рандара. Каждый визитъ его вно-
силъ каплю новой вѣры въ открытую душу дѣвушки. Подъ дорогой, по
которой шла прежняя вѣра ея, образовывалась все болѣе и болѣе глу-
бокая пропасть, и Гонза могъ предвидѣть минуту, когда она обру-
шится туда...

Собственно трудно сказать, какимъ именно образомъ молодой свя-
щенникъ мало по малу достигъ своей цѣли. Главный аргументъ его со-
стоялъ въ томъ, что она всегда была въ душѣ христіанкой. Въ догма-
тическихъ пунктахъ она не оказывала ему никакого сопротивленія.
Гонзѣ надо было только найти способъ разорвать узы, которыя связы-
вали ее съ отцовскимъ домомъ. Тутъ приходилось ему уничтожать нить
за нитью, тутъ душа дѣвушки сочилась кровью подъ его руками. Часто
долженъ былъ онъ сознаваться себѣ, что большаго, очень большаго
труда стоить сдвинуть „еврейскую душу“ съ ея точки зрѣнія, даже
если она не стоитъ на этой почвѣ совсѣмъ твердою ногой...

Ганнеле точно впадала въ лунатизмъ. Она не обращала никакого
вниманія на торговлю въ шинелѣ, потому что капканъ сдѣлалъ нена-

вистною для нея эту профессію. Но ребѣ Шмуль приписалъ это заботамъ по случаю предстоявшей свадьбы и самъ нисколько не тревожился. Каплана огорчало это состояніе Ганнеле; но онъ считалъ его необходимымъ, будучи увѣренъ, что изъ него выйдетъ цвѣтокъ истиннаго спасенія...

Между тѣмъ снова наступилъ праздникъ новаго года. Духъ этихъ дней виталъ въ этомъ домѣ по прежнему. На несчастье Ганнеле священникъ не заходилъ къ нимъ какъ разъ въ это время; иначе онъ конечно встрѣтилъ бы сопротивленіе, даже, можетъ быть, сильный отпоръ. Какъ это ни странно, но даже печенье и стряпня, приготовленія къ празднику втягивали дѣвушку въ кругъ ея старой вѣры. Вынимая изъ сундука праздничное платье отца, она оросила его слезами. Только черезъ день послѣ праздника явился Гонза; онъ нашелъ снова согласную на все слушательницу; въ домѣ опять господствовала будничная жизнь!.. А между тѣмъ приближалось и время пріѣзда жениха для „смотрины“. Ганнеле становилось все страшнѣе и страшнѣе; до праздника кушій оставалось всего двѣ недѣли. Когда ее никто не видѣлъ, она въ отчаяніи ломала руки; иногда уходила она далеко за деревню, до того мѣста, гдѣ бѣлый памятникъ ея матери возвышался на мюнхенгрецкомъ „доброму мѣстѣ“. Но никакого облегченія, никакого утѣшенія не чувствовала она здѣсь, повѣряя плакучимъ ивамъ свое нѣмое страданіе. Богъ оставилъ ее — но она хотѣла воспринять въ себя новаго. Какъ одинъ волчець цѣпляется за другой, составляя такимъ образомомъ цѣпь колючекъ и терній, такъ здѣсь соединялись въ одинъ узелъ Богъ, возлюбленный и страхъ. Развязать этотъ узелъ могло только одно рѣшеніе.

XIV.

Юмъ-Кипуръ.

Пріѣздъ брата изъ Праги, гдѣ онъ счастливо выдержалъ окончательный экзаменъ, ничего не измѣнилъ въ положеніи Ганнеле. Теперь

сдѣлалось двумя глазами больше въ домѣ, и она едва смѣла прямо смотрѣть своими собственными.

Въ шумномъ водоворотѣ жизни нерѣдко случается, что важное событіе проходит незамѣченнымъ, между тѣмъ какъ незначительное несетя по волнамъ современности словно гордый корабль, производя такой шумъ, что берега дрожатъ. Но и въ тихомъ и смиренномъ домѣ встрѣчается такое же явленіе. Такимъ образомъ новый „докторъ“ не вызвалъ особеннаго волненія: къ этому были уже слишкомъ давно подготовлены. Вотъ, если бы рандарша была еще жива! Она бы увидѣла доблестно осуществленными прекрасныя грезы ея существованія! Рандаръ радовался только, что Морицъ наконецъ „готовъ“ и что четырнадцать лѣтъ, стоившія столько денегъ, наконецъ миновали.

— Чѣмъ же ты думаешь теперь заняться? спросилъ онъ сына тотчасъ же послѣ его пріѣзда.

— Леченіемъ, отвѣчалъ, улыбаясь, Морицъ.

— Но гдѣ?

— Этого я еще не знаю. Поважѣть несомнѣнно только то, что я докторъ.

— Неужели же, — возражалъ, горячася, рандаръ — наука только къ тому и приводитъ, что послѣ четырнадцати лѣтъ ученья не знаешь, за что приняться? Нашъ праотецъ Яковъ, прослуживъ четырнадцать лѣтъ, зналъ по крайней мѣрѣ, что его ожидаетъ послѣ этого? Въ деревнѣ впрочемъ ты не останешься ни въ какомъ случаѣ!

— Почему же это?

— Потому, что я не хочу, и столько денегъ за это время я выдалъ не для того, чтобы ты въ концѣ концовъ сталъ лечить мужика Павла или Вацлава за пару яицъ или корзинку картофеля. Этого я ни за что не потерплю!

Морицъ замолчалъ. При первомъ входѣ въ домъ — оппозиція старыхъ предрасудковъ!

Бануя „Юнгъ-Кипура“ наступилъ; въ домѣ дѣлались разнообразныя приготовленія. Это день, подчиняющій своей власти всякій умъ,

всякое сердце; его не отгонишь отъ себя никакою шуткой, никакою насмѣшкой. Подобно колоколу въ сказкѣ, который гнался за ребенкомъ. послѣ того какъ тотъ не захотѣлъ пойти на званье, призывавшій его въ церковь—этотъ день всюду слѣдуетъ за человекомъ, и когда встрѣчаетъ родственную душу, то зоветъ ее къ тишинѣ и созерцанью. И Морицъ подчинился этому впечатлѣнью.

Онъ могъ замѣтить, какъ Юмъ-Кипуръ приближался мало по малу; предвѣстниковъ появилось достаточно. Въ этомъ и состоитъ своеобразность еврейскихъ праздниковъ, что большая часть ихъ являются въ сопровожденіи кануна праздника и дня, слѣдующаго за нимъ. Сперва приготовленіе, потомъ веселье или скорбь, наконецъ отдыхъ.

Рано утромъ, послѣ молитвы ребъ Шмуль сказалъ Ганнеле:

— Теперь позаботься-ка, чтобъ обѣдъ былъ готовъ въ время. Юмъ-Кипуръ вѣдь шутить не любитъ; онъ и великана повалить, коли дѣлать ему наперекоръ.

Ганнеле исполнила всѣ приказанія отца; она полетѣла въ кухню и велѣла старой Ханне поторопиться. Послѣ этого вынула изъ сундука саванъ рандара, который ребъ Шмуль долженъ былъ носить на себѣ въ синагогѣ сегодня вечеромъ и завтра днемъ. Замѣтивъ, что на одномъ рукавѣ отпоролась кружева, она взяла иголку съ ниткой и привела все въ исправность. Во время шитья горячія слезы капали на полотно!

Черезъ часъ послѣ того принесли пѣтуха и куриць, и начался обрядъ битья „капоресъ“.

Всѣ домашніе, за исключеніемъ христіанской прислуги, были созваны въ большую комнату. Тутъ должно было символически совершиться искупленіе всѣхъ грѣховъ, отъ которыхъ предстояло освободиться на слѣдующій день посредствомъ молитвы и самобичеванія. Когда всѣ собрались, рандаръ сперва внимательно осмотрѣлъ, не достаетъ ли когонибудь; потомъ взялъ молитвенникъ и началъ громко читать относящуюся къ этому обряду молитву. Когда онъ дошелъ до того мѣста ея, въ которомъ какъ бы сбрасываешь свои грѣхи на животное, которое держишь въ рукахъ, рандаръ схватилъ пѣтуха и три раза сильно уда-

рилъ его по головѣ, при чемъ произнесъ молитвенную формулу: «Этотъ пѣтухъ умираетъ во искупленіе моихъ грѣховъ.» Тоже самое продѣлали остальные домашніе одинъ за другимъ, сообразно положенью и достоинству каждаго. Старая Ханне не умѣла читать „ивре“ (по еврейски), и потому за нее сказалъ молитву другой. Она сперва провела своимъ фартухомъ по лицу, какъ бы съ цѣлью придать себѣ святости; но долговременный навыкъ научилъ ее, въ какомъ мѣстѣ молитвы ей слѣдовало ударить курицу по головѣ. По окончаніи церемоніи, пѣтуховъ и курицъ связали по ногамъ и отправили къ рѣзнику въ гетто.

Всѣ собирались разойтись по своимъ занятіямъ, когда внезапно растворилась дверь, и на порогъ нерѣшительно остановился человекъ въ запыленномъ польскомъ костюмѣ.

— Въ время ли я поспѣлъ къ битью капорестъ? спросилъ онъ, глядя съ улыбкой на рандара.

Ребъ Шмуль долго всматривался въ лицо нищаго, который былъ никто иной, какъ нашъ Мендель Вильна. Наконецъ онъ воскликнулъ въ радостномъ волненіи:

— Умири я, если это не Мендель Вильна!

— Ну, въ такомъ случаѣ вы безъ сомнѣнія проживете еще сто лѣтъ, потому что это дѣйствительно я, сказалъ старшій другъ дома, пожимаая руку рандара въ отвѣтъ на его искреннее „шалемъ аলেখемъ“. Морицъ тоже привѣтствовалъ нищаго, но Гантеле, какъ только узнала гостя, тотчасъ же боязливо выбѣжала изъ комнаты.

Для Менделя Вильны тоже привнесли пѣтуха; онъ совершилъ обрядъ съ тѣми же словами.

— Ну что жъ, ребъ Мендель,—спросилъ рандаръ черезъ нѣсколько времени, когда нищій снялъ съ себя свой багажъ,—не находите ли вы, что достаточно уже постранствовали по свѣту? Я полагаю, что вы теперь уже толстый и богатый человекъ.

— Отъ странствованій не толстѣешь и не богатѣешь, ребъ Шмуль, возразилъ нищій съ мрачной улыбкой.

— Такъ для чего же вы это дѣлаете?—горячо замѣтилъ рандаръ.

— Дома у васъ есть жена и дѣти, и вы можете прокорчиться. Съ хождениемъ по свѣту вы ничего не добьетесь; вы ужь не ребенокъ, ребѣ Мендель, и когда человекъ постарѣлъ и посѣдѣлъ, ему слѣдуетъ прохаживаться съ палочкой по теплой комнатѣ, а не по большой дорогѣ.

— Ребѣ Шмуль!—громко воскликнулъ нищій, поднимаясь съ своего мѣста, — Господь, который всемогущъ и знаетъ сердце человека, свидѣтель мнѣ, что я странствую по свѣту не изъ-за прибыли и денегъ. Вы правы, ребѣ Шмуль: я могъ бы спокойно жить на старости. Но я шнореръ, которому люди даютъ ради Бога кусокъ хлѣба и который никогда не знаетъ, гдѣ онъ проведетъ сегодняшнюю ночь. Да развѣ ради этого веду я такую жизнь? Деньги—деньги, и жена и дѣти—люди; я веду такую жизнь ради Иерусалима!

— Онъ все еще не бросилъ стараго дурачества! сказалъ рандаръ, пожавъ плечами, и вышелъ изъ комнаты.

Морицъ безмолвно сидѣлъ противъ огорченнаго старика; онъ жалѣлъ этого страннаго мечтателя, который уже столько лѣтъ всюду терпѣлъ крушеніе со своею, доведенною до помѣшательства, идеею.

— Не сердитесь на отца, ребѣ Мендель, — тихо сказалъ онъ, — за его рѣзкія слова. Онъ все таки очень расположенъ къ вамъ.

— Да развѣ я этого не знаю—сказалъ нищій со слезами; — Господи, Господи! За что посылаешь ты мнѣ такія вещи отъ тѣхъ людей, которыхъ я люблю, какъ мою жизнь!

Тутъ онъ вдругъ замолчалъ и схватилъ свой дорожный посохъ, стоявшій около его стула; но черезъ минуту снова выпустилъ его изъ рукъ.

— Не будь Юмъ Кипуръ за порогомъ, — глухо сказалъ онъ про себя—клянусь головою, я ни минуты дольше не остался бы въ этомъ домѣ. Ребѣ Шмуль сдѣлался теперь тоже моимъ заклятымъ врагомъ. Развѣ я не дуракъ въ его глазахъ? Развѣ онъ не назвалъ меня дуракомъ?

— Такъ называютъ насъ всѣ, не понимающіе нашей идеи, — зашѣтилъ Морицъ. — Сперва она поражаетъ ихъ, они внимательно при-

слушиваются къ ней, потому находятъ ее смѣнною. Что вы удивляетесь и скорбите, если между этого рода людьми ни одинъ не хочетъ сдѣлать исключенья для васъ? Вѣдь и я тоже не соглашусь принести ни одного камешка для постройки Иерусалима, и поэтому выкиньте и вы изъ головы мысль сдѣлаться когда нибудь строителемъ!

— Нѣтъ, нѣтъ!—закричалъ нищій, снова схвативъ палку и порывисто прижимая ее къ себѣ:—я не откажусь отъ этой мысли! Кто въ состоянїи вырвать ее изъ моей груди? Богъ одинъ въ состоянїи,—но не вы и не вашъ отецъ!

— И развѣ онъ не правъ, говоря... хотѣлъ сказать Морицъ съ улыбкой, но остановился, увидѣвъ, что шнореръ упалъ на стулъ съ громкими рыданїями. Молодому человѣку едва удалось успокоить его.

Въ теченїе дня онъ сообщилъ Морицу, что предложенїе, сдѣланное имъ Ротшильдъ, еще не имѣло никакого результата, но что безъ сомнѣнїя Ротшильдъ скоро придетъ за нимъ, и тогда великое дѣло пойдетъ впередъ быстро!

Между тѣмъ дообѣденное время почти прошло; сегодня сѣли за столъ раньше обыкновеннаго, потому что не дальше какъ черезъ три часа должна была состояться послѣдняя трапеза передъ великимъ постомъ. За столомъ только и говорили, что о Юмъ-Кипуръ, всякому изъ собесѣдниковъ онъ представлялся подъ инымъ видомъ. Одинъ замѣтилъ: „Хоть бы скорѣе ужъ онъ окончился!“ Но молодой парень, служившій при корчмѣ, возразилъ: „И стоитъ ли такъ кричать и волноваться изъ-за одного дня поста!“—при чемъ однако пропустилъ въ себя такую здоровенную порцію, что ребъ Шмуль со смѣхомъ воскликнулъ:—Оттого-то вѣрно ты и дѣлаешь себѣ такой обильный запасъ!

Вообще къ „длинному дню“ готовились очень весело, въ домѣ господствовали шутка и смѣхъ, а между тѣмъ постъ и покаянїе были въ нѣсколькихъ шагахъ...

Около пяти часовъ подали ѣсть въ послѣднїй разъ; теперь были истреблены какъ бы въ видѣ жертвенныхъ животныхъ тѣ пѣтухи и курицы, которые послужили утромъ для обряда „капоресъ“. За этою тра-

пезою настроеніе было уже гораздо серьезнѣе; всѣ торопились, чтобы во-время поспѣть въ мюнхенгрецкую синагогу. Передъ уходомъ ребѣ Шмуль настоятельно поручилъ Ганнеле хорошенько смотрѣть за домомъ, чтобы ничего не пропало, и въ то же время прилежно молиться; для этого онъ указалъ ей въ молитвенникѣ молитвы, относящіяся къ нынѣшнему дню и къ завтрашнему. Послѣ этого Ганнеле по старому обычаю попросила у него прощенья во всемъ, въ чемъ она провинилась передъ нимъ, и по непонятной причинѣ сильно расплакалась, когда поцѣловала у него руку.

— Ну, ну, — сказала рандаръ, — не плачь такъ крѣпко! Если будешь усердно молиться, скоро получишь хорошаго мужа!

Наконецъ всѣ ушли. Ганнеле осталась въ домѣ одна-одинешенька; она затворила всѣ двери, заперла и шинокъ, потому что вѣдь сегодня нельзя было впустить ни одного посѣтителя. Безмолвіе смерти легло на жилище рандара. Ганнеле взяла молитвенникъ и начала читать указанныя отцемъ вечернія молитвы. Прежде чѣмъ лечь спать, она еще сбѣгала къ Вацлавшѣ и попросила ее прійти погасить свѣчи, такъ какъ „она сама не имѣла права сегодня прикасаться ни къ какому свѣту“. Странная загадка души! Она носила въ себѣ клятвopреступленіе и измѣну религіи своихъ отцевъ, и въ то же время не смѣла нарушить незначительное постановленіе этой же религіи!

Рандаръ и Морицъ вмѣстѣ со всѣми остальными домашними провели ночь въ гетто, такъ какъ богослуженіе продолжалось до десяти часовъ. Они должны были вернуться только на слѣдующій день вечеромъ.

Когда Ганнеле, поздно вставъ на слѣдующее утро, увидѣла себя въ такомъ одиночествѣ, на нее напалъ страхъ. Она поспѣшно одѣлась и приступила къ молитвѣ. Но сегодня она уже забыла, какія молитвы отецъ указалъ ей наканунѣ. Это привело ее въ смущеніе; ей казалось, что если она станетъ читать не ту молитву, чтѣ слѣдуетъ — это не будетъ имѣть никакого значенія! Поэтому она предпочла вовсе не молиться. Такимъ образомъ осталась она въ праздности, и воспоми-

наніе быстро и услужливо воскресило передъ нею все, что могло отвратить ее отъ Бога и молитвы!

Лучезарнымъ солнечнымъ свѣтомъ стоялъ теперь капланъ передъ ея душою! Она жаждала его; ей такъ хотѣлось снова услышать его голосъ, снова увидѣть его лице! Смутно зашевелилась въ ней мысль — какъ въ настоящую минуту все благопріятствовало ухodu ея изъ отцовскаго дома! Тогда она будетъ свободна отъ всего... и что сказалъ бы Гонза, если бы она вдругъ пришла къ нему, такая послушная его словамъ?..

Каждую минуту ждала она, что вотъ-вотъ онъ появится. Оно вѣдь должно такъ быть, потому что она сегодня одна! Въ этомъ томленіи по немъ все въ этомъ человѣкѣ представлялось ей самою чистою истиной. Она понимала его только теперь, она хотѣла принадлежать ему...

Около полудня пошла она къ родителямъ Гонзы, чтобы подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ справиться, пріѣхалъ ли уже г. капланъ. Она застала ихъ за обѣдомъ; теперь, должно быть, имъ жилось хорошо, потому что на столѣ стояло мясо. Вацлавша очень удивилась, что „барышня“ пришла къ ней сегодня, въ этотъ „долгій“ день; Ганнеле же объяснила, что ей было страшно оставаться одной въ пустомъ домѣ. Старикъ Вацлавъ, замѣтивъ, что она кинула взглядъ на лежавшее на блюдѣ мясо, сказалъ:

— Что, барышня, вамъ вѣрно чудно видѣть у насъ это блюдо?

— Нисколько, отвѣчала она въ смущеніи.

— И все это, — замѣтила Вацлавша, — мы получаемъ отъ нашего высокопреподобнаго сына! Пошли ему Господь счастье и благословенье!.. Нашъ Гонза сошелъ на землю свыше, оттого Господь и любитъ такъ его!

Ганнеле вернулась домой. Гонза, добрый, прекрасный сынъ, стоялъ передъ нею лучезарнымъ ангеломъ неба.

Мгновенно совершилась теперь въ Ганнеле та внутренняя работа,

которая уничтожала ея Бога, ея религію и ея будущность. Она попала власти неодолимой судьбы.

Прежде всего она взяла молитвенникъ, еще лежавшій раскрытымъ на столѣ, и кинула его на полъ. Затѣмъ быстро открыла одинъ сундукъ и выдернула оттуда нѣсколько платьевъ; изъ другаго вынула она бѣлье. Все это она увязала въ большой платокъ, мелкія же вещи послѣшно попрятала по карманамъ. Скрипъ дверей на петляхъ, мертвая тишина во всемъ домѣ пугали ее. Она хотѣла уже выйти, но вдругъ вспомнила, что при ней нѣтъ денегъ. Снова взяла она ключи и открыла письменный столъ отца. Серебряныя монеты сверкнули ей въ глаза, она взяла ихъ и не испугалась. Но въ карманѣ уже не оказалось мѣста для денегъ. Прилежно стала она искать въ ящикахъ чего нибудь, куда бы спрятать ихъ. Тутъ попался ей на глаза мѣшочекъ съ землею изъ Іерусалима, лежавшій тутъ уже два года. Ганнеле не задумалась: быстро развязала сурокъ, и драгоценное содержимое высыпалось на полъ. Въ опорожненный мѣшочекъ она наложила денегъ. Только теперь охватилъ ее весь ужасъ совершеннаго ею поступка, она оставила двери и ящики широко раскрытыми и выбѣжала изъ дому.

Одинъ изъ тѣхъ странныхъ просвѣтовъ, которые являются въ человѣческой душѣ въ подобномъ настроеніи, заставилъ ее на минуту остановиться въ сѣняхъ и задуматься. Вацлавша какъ разъ въ это время очутилась передъ ихъ домомъ. Ганнеле, задыхаясь, перебѣжала къ ней черезъ улицу:

— Присмотрите за домомъ. Вацлавша... А когда мои придутъ домой и спросятъ обо мнѣ... скажите имъ, что я ушла къ вашему Гонзѣ... и никогда больше не вернусь...

Не сказавъ больше ни слова, она снова вбѣжала въ домъ, тамъ взяла свой узелъ и кинулась по дорогѣ къ полямъ.

Вацлавша съ изумленіемъ смотрѣла ей влѣдъ.

XV.

Заключеніе.

Когда на слѣдующій вечеръ мужчины, усталые и голодные, вернулись въ деревню, шедшему впереди ихъ рандару уже издали винулось въ глаза, что въ большой комнатѣ шинка не было видно огня.

— Она вѣрно въ кухнѣ и готовить, высказала предположеніе одинъ изъ прислуги.

Ребъ Шмуль порадовался въ душѣ осторожности Ганнеле, что она не оставляла свѣчи въ комнатѣ, когда тамъ никого не было. Среди разговоровъ на разные темы и шутливыхъ вопросовъ на счетъ того, кто лучше всѣхъ перенесъ постъ, дошли до дома. Рандаръ и на этотъ разъ, какъ всегда послѣ поста, не забылъ рекомендовать всѣмъ быть умѣренными въ ѣдѣ, такъ какъ иначе Іомъ Кипуръ сдѣлается отравой для желудка, а не благодѣяніемъ для души. Морицъ, какъ докторъ, долженъ былъ подтвердить это. Всѣ единогласно обѣщали послѣдовать совѣту; но въ душѣ выразили ребъ Шмулю мятежное сопротивление.

Передъ ихъ воротами, въ ночномъ сумракѣ, старая Вацлавша продолжала стоять, охраняя домъ рандара. И сама она была теперь мрачный духъ ночи, которому стоило теперь произнести волшебное слово, чтобы превратить все это жилище въ юдоль скорби и бѣдствія. Мужчины привѣтствовали ее и прошли мимо. Вацлавша подвинулась ближе.

Въ снѣгахъ тоже было темно, въ кухнѣ не горѣлъ огонь. Рандаръ все еще не ощущалъ ни малѣйшаго недобраго предчувствія.

— Неужели же она не знаетъ, — задавалъ онъ самому себѣ вопросъ, — что уже можно зажечь огонь? Держу пари, что отъ голода она заснула.

Ощупью прошли они въ темнотѣ по просторнымъ комнатамъ. Въ отвѣтъ на многократный зовъ не послышалось ни одного звука, ни

одного шага. Тотъ безмолвный страхъ, который подготавливаетъ къ чему-то чудовищному, напалъ на всѣхъ.

— Господи!—воскликнулъ рандаръ, — надѣюсь, что съ Ганнеле не случилось ничего дурнаго?

Мальчикъ изъ прислуги отправился въ кухню за спичками; онъ вернулся съ огнемъ. Тутъ открылось странное зрѣлище. Ящики и сундуки были открыты, на полу валялось разбросанное платье, повсюду безпорядокъ, священный молитвенникъ тоже на полу.

— Похоже на то, — замѣтилъ слуга, — какъ будто здѣсь, сохрани насъ Боже, были воры..

— Кто говоритъ это? крикнулъ рандаръ и порывисто схватилъ слугу за руку. Но въ это же время онъ самъ окинулъ глазами комнату и замѣтилъ безпорядокъ. Изъ письменнаго стола были вынуты деньги, маленькіе ящики его стояли открыты.

— Да, тутъ вѣрно были воры! сказалъ онъ въ полголоса, какъ будто боясь еще найти подтвержденіе своему мнѣнію. Тѣмъ энергичнѣе предлаживали они теперь звать Ганнеле; ее искали со свѣчами во всемъ домѣ, обшарили всѣ углы и все еще не могли напасть на настоящій слѣдъ.

Между тѣмъ ребѣ Шмуль внимательнѣе осмотрѣлъ ящики въ письменномъ столѣ. Унесенными оказались всего нѣсколько гульденовъ; болѣе крупныя деньги и драгоценности остались не тронутыми. Такъ онъ дошелъ до ящика, въ которомъ сохранялась земля изъ Иерусалима; вдругъ раздался его крикъ; — Земли, земли нѣтъ! это не могъ сдѣлать воръ!

Крикъ заставилъ Вацлавшу подвинуться еще ближе; теперь она стояла на порогѣ комнаты.

— Вотъ кто долженъ знать, гдѣ Ганнеле! крикнулъ слуга и втащилъ старуху на середину комнаты.

Вацлавша прямо и просто передала порученіе Ганнеле.

— Боже милосердный!—воскликнулъ рандаръ, — она пошла креститься!

И въ эту минуту жизнь Ганнеле встала передъ глазами въѣхъ словно освѣщенное фавелями пространство; особенно Морицъ увидѣлъ ее въплоть явственно, со всеми ея очертаніями и ея интрижами. Еще весь дрожа отъ волненія, онъ сказалъ:—Это не можетъ быть! Ганнеле не могла забыться до такой степени!

—Земля,—земля! кричалъ несчастный отецъ;—она хотѣла огорчить меня, я не переживу этого!

И долго послѣ этого стоялъ онъ, ломая руки, съ почти окаменѣвшимъ лицомъ. Такъ какъ въ подобныя минуты душа не даетъ себѣ яснаго отчета ни въ одномъ изъ своихъ ощущеній и часто останавливается только на незначительнѣйшей сторонѣ своего горя, то ребѣ Шмуль повторялъ только: „земля, земля!“ Онъ не могъ даже плакать.

—И какъ разъ въ святой Юнгъ-Кипуръ! бормоталъ Мендель Вильна.

Морицъ успѣшилъ высказать мнѣніе, что поступокъ Ганнеле еще не могъ быть доведенъ до конца, такъ какъ по закону требовалось сперва испросить согласіе отца, и Ганнеле еще не совершеннолѣтняя. Эти слова не остались незамѣченными рандаромъ, и онъ быстро рѣшился.

— Дай мнѣ мою палку, — сказалъ онъ почти спокойнo Морицу, — я самъ отправлюсь за нею.

Онъ застегнулъ сюртукъ и протянулъ руку за палкой, которую Морицъ еще не подалъ ему.

— Пусти меня, — возразилъ сынъ, — я ворочу ее прежде.

Рандаръ бѣшено толкнулъ его.

— Палку, — крикнулъ онъ; — она не выйдетъ живою изъ моихъ рукъ! Убью ее, подлую! она вогнала меня въ гробъ!

Морицу, сообразившему, въ какихъ ужасныхъ послѣдствіяхъ привело бы свиданіе отца съ дочерью, стоило невѣроятныхъ усилій успокоить его. Мендель Вильна и слуга тоже удерживали и упрасивали старика, такъ что онъ наконецъ уступилъ, ослабѣвъ собственно болѣе физически, чѣмъ душевно.

— И я отправлюсь съ вами, сказалъ Мендель.

Слуга пошелъ въ конюшню запретъ лошадей. Это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

Они поѣхали среди глубокой темноты, поэтому лошади двигались медленно. Слуга правившій ими, нѣсколько разъ сбивался съ дороги Мѣсяць и звѣзды свѣтили очень тускло; время тянулось безконечно долго.

Никто не говорилъ ни слова. Поздно ночью вѣхали они въ деревню. Морицъ былъ въ странномъ волненіи; точно ему предстояло совершить какое нибудь неслыхано-ужасное дѣло. Все его дѣтство проходило теперь передъ его глазами; вѣдь онъ — думалось ему — испилъ изъ чаши опыта больше своей сестры, а между тѣмъ не онъ, а она сошла съ пути старой вѣрн. Но тутъ же онъ говорилъ себѣ, что не пережитый опытъ побудилъ дѣвушку рѣшиться на такой страшный шагъ. Эти мысли привели его почти въ уныніе, онъ не зналъ, какъ ему вести себя съ сестрой. Такая бездна образовалась въ одинъ день между ними и самыми близкими къ нему людьми!

Передъ постоялымъ дворомъ они остановились. Морицъ оставилъ здѣсь слугу съ лошадьми, основательно сообразивъ, что неблагоприятно ѣхать до самаго дома священника, и пошелъ съ Менделемъ пѣшкомъ. Церковь съ священническимъ жилищемъ помѣщается на самомъ концѣ деревни; тамъ еще горѣлъ огонь.

Дойдя сюда, Морицъ остановился въ нерѣшительности. Все бремя предстоявшаго ему дѣла разомъ обрушилось на него. Такъ близко отъ цѣли овладѣли имъ сомнѣніе и уныніе.

— Ну что же, идемъ мы или нѣтъ? — спросилъ Мендель. — Но я долженъ сказать, что не будъ вашъ отецъ, намъ бы слѣдовало оставить ее здѣсь... Потому что какой намъ изъ нея прокъ? Вѣдь еврейкою она уже не будетъ. Кто разъ ушелъ изъ еврейскаго дома, больше въ него не вернется. Кто не хочетъ оставаться евреемъ, пусть себѣ уходитъ совсѣмъ; Богу не нужны такіе дезертиры!

— Ну, это у васъ таже исторія, что съ постройкой Иерусалима! сердито замѣтилъ Морицъ.

И онъ такъ сильно стукнулъ обѣими руками въ дверь, что весь домъ задрожалъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ сѣняхъ появился огонь, и ключница отодвинула тяжелый засовъ. Увидѣвъ обѣихъ посетителей, она нисколько не испугалась; повидимому она была приготовлена къ ихъ приходу.

— Чего вамъ? спросила она.

— Я хочу поговорить съ г. капланомъ.

— Его преподобіе уже почиваетъ, — нерѣшительно сказала ключница; — приходите завтра.

— Нѣтъ, — закричалъ онъ, — я долженъ говорить съ нимъ сейчасъ.

Ключница, испуганная его бѣшенными жестами, испустила пронзительный крикъ, но въ эту минуту дверь въ комнату отворилась, и оттуда вышелъ самъ капланъ въ священническомъ одѣяніи. Онъ еще не ложился — это было видно.

Нѣсколько минутъ оба стояли другъ противъ друга; не говоря ни слова. Затѣмъ капланъ сказалъ почти беззвучно:

— Я знаю, зачѣмъ вы пріѣхали.

— За мою сестрой.

Священникъ попросилъ Морица и Вильну войти въ комнату. Ганнеле тамъ не было.

— Она больше не вернется къ вамъ, — сказалъ онъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица, — она сама заявила мнѣ это.

— Поэтому я хочу переговорить съ нею самою.

— Она явственно и безусловно выразила мнѣ свое рѣшеніе перейти въ католическую вѣру. Противъ этого не можетъ возражать ни одинъ человѣкъ.

— Смѣшное притязаніе! — крикнулъ дрожавшій всѣмъ тѣломъ Морицъ, — желать вырвать душу, какъ дерево, когда оно прикрѣплено еще къ землѣ всѣми своими корнями!.. Моя сестра еще не совершеннѣйшая.

— И вы думаете, — виѣшался нищій, — что переимѣнить свою религію также легко, какъ перевернуть руку?

— Это ея добрая воля.

— У нея нѣтъ никакой воли, — твердо возразилъ Мориць, — и отецъ не позволитъ этого. Я обращаю ваше вниманіе на существующій законъ.

— И это говоришь ты? Ты говоришь о законахъ? Они для насъ не имѣютъ значенія!

— Да.

— Она не вернется больше, — сказалъ капланъ, — и мнѣ очень странно, что именно ты требуешь ее обратно. Тебѣ вѣдь слѣдовало бы знать, что она обращается къ чистой, прекрасной вѣрѣ. И такъ какъ это совершается въ ней по добровольному побужденію, то надо скорѣе завидовать ей, чѣмъ порицать ее. Ты тоже не мало измѣнился, Мориць!

— Только не въ моихъ убѣжденіяхъ... Впрочемъ, не напоминайте мнѣ о томъ времени, когда мы были на ты. Моя сестра должна вернуться домой.

Тутъ въ Гонзѣ разразилась долго сдерживавшаяся злоба.

— Хоть бы вы всѣ пришли сюда, — рѣзко крикнулъ онъ, — я не выдамъ ея!

Въ эту минуту ключница вошла и шепнула что-то на уху священнику. Онъ повидимому очень смутился и поспѣшно направился къ двери; но на порогѣ встрѣтился съ Ганнеле.

— Правда ли, дѣвушка, — вскричалъ онъ и хотѣлъ взять ее за руку, — что ты желаешь вернуться домой?

Но Ганнеле высвободила свою руку и стояла теперь посреди́нѣ между капланомъ и Морицемъ.

При видѣ ея, гнѣвъ и негодованіе Морица исчезли. Громко плача, кинулся онъ къ ней:

— Неужели ты хочешь глубоко огорчить отца, Ганнеле? Вѣдь

онъ всегда такъ любилъ тебя, гораздо больше, чѣмъ меня! Что станеть онъ дѣлать, когда его дорогое дитя такъ поступаетъ съ нимъ?

Капанъ закусилъ губы. У Менделя Вильны выступили въ глазахъ слезы. И онъ тоже обратился къ дѣвушкамъ съ увѣщаньемъ:

— Когда настанеть воскресеніе мертвыхъ, то на небѣ сойдутся всѣ тѣ, которые при жизни составляли одну семью! Отецъ и мать будутъ радоваться на своихъ дѣтей... но гдѣ же будешь тогда ты, Ганнеле? Гдѣ будутъ лежать твои кости? Кто признаеть тебя? Не признаеть ни твой отецъ, ни твоя мать—къ кому же пойдешь ты?

Тяжелое безжолвіе охватило комнату послѣ этихъ словъ. Но въ Ганнеле внутренняя борьба уже окончилась.

— Не говорите ничего больше, — произнесла она твердымъ голосомъ; — я ѣду. Пусть отецъ дѣлаетъ со мной, что хочетъ.

— Поѣзжай, — съ горечью сказалъ капанъ; — ты всегда была такая же фальшивая, какъ и всѣ вы! — И онъ вышелъ въ другую комнату, сильно захлопнувъ за собою дверь.

Когда они были уже на улицѣ, ключница выбросила за окно принесенный Ганнеле узелъ съ вещами.

— Ступай себѣ, проклятая жидовка! ядовито крикнула она ей въ слѣдъ.

И такимъ образомъ Морицъ повезъ сестру домой. Она въ слезахъ лежала у него на кофѣнахъ. Слуга сильно погонялъ лошадей, и онѣ мчались почти также быстро, какъ мысли въ головѣ Морица. Въ полночь они были уже дома.

Когда рандаръ снова увидѣлъ передъ собой раскаявшуюся дочь, онъ не произнесъ ни слова, нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на нее и потомъ отвернулся. Морица испугало это молчаніе; оно не предвѣщало ему ничего хорошаго. Онъ предпочелъ бы бурные упреки и обвиненія. Это настроеніе отца представилось ему почти непонятнымъ.

И предчувствіе не обмануло Морица. Бѣгство Ганнеле подрубило въ корень жизненное дерево рандара. На слѣдующее утро онъ уже не могъ встать съ постели, и когда Мендель Вильна собрался снова въ дорогу,

онъ слабымъ голосомъ попросилъ его не уходить, подождать, пока онъ умретъ. Никакія увѣщанія не могли выбить эту мысль изъ головы; онъ упорно стоялъ на томъ, что больше ему не подняться. Долгіи посты въ Юмъ-Кипуръ и немедленно затѣмъ послѣдовавшее душевное потрясеніе подтачивали его жизнь. Онъ лежалъ, постоянно повернувшись къ стѣнѣ, рѣдко говорилъ, и только изрѣдка вырывались у него глубоко запавшіе къ нему въ душу звуки: „Земля земля!“

На суккоть не явился для „смотригъ“ никакой женихъ, но въ домѣ лежалъ трупъ; рандаръ скончался на второй день праздника кущей.

Мендель Вильна, распростиившись теперь навсегда, сказалъ, уходя:

— Послѣ всего, что я до сихъ поръ видѣлъ и слышалъ, все таки слѣдовало бы построить Іерусалимъ. Я только теперь и примусь настоящимъ образомъ за это дѣло...

Морицъ практикуетъ въ одномъ изъ смиренныхъ гетто Богеміи. Онъ излечиваетъ больныя тѣла и души. Его сестра Ганнеле—живое тому доказательство. Она никогда не выйдетъ замужъ. Ей, уже сдѣлавшей нѣсколько шаговъ на „чуждыхъ путяхъ“, возможно ли забыть, кто былъ нѣкогда товарищемъ ея дѣтства?..

Перев. Петръ Вейнбергъ.

ИЗЪ БИБЛЕЙСНИХЪ МОТИВОВЪ.

НЕОПАЛИМАЯ КУЩЕЛЬ.

Я по пустынь шель. Вечерній небосклонъ
    Мерцаль румянцемъ предзакатнымъ,
А воздухъ голубой былъ влажно напоенъ
    Цвѣтовъ куреньемъ ароматнымъ.

Въ лиловой полумглѣ неровной цѣпью горъ
    Вдали дремалъ Синай маститый...
И вдругъ замѣтилъ я сверкающій костеръ,
    Багровымъ заревомъ облитый.

То пышный кустъ горѣлъ—горѣлъ и не сгоралъ,
    И въ кушинѣ неопалимой
Могучій голосъ мнѣ отважно прозвучалъ:
    „Ко мнѣ, ко мнѣ, неустрашимый!“

Я подошелъ къ нему несмѣлою стопой
    И, словно огненное знамя,
Слѣпя мои глаза, взметнулось предо мной
    Костра сверкающее пламя.

И снова голосъ я услышалъ изъ огня,
Звучалъ онъ, полный вдохновенья:
„Я—Богъ нетлѣнный твой; послушайся Меня,
Дай бѣдной родинѣ спасенье!

Ты слышишь плачь и стонъ—то ропщеть твой народъ
Подъ тяжкимъ игомъ Фараона.
Есть путь передъ тобой—веди его впередъ,—
Тебѣ я буду оборона.

„Я покажу тебѣ обѣтованный край,
Край вѣчной правды и святости!..
Есть рѣчь въ твоихъ устахъ—иди и вразумляй!
Есть сердце—будь вождемъ отнынѣ!“

Таинственный глаголь торжественно звучалъ,
Исполненъ божьего завѣта,
А пышный кустъ горѣлъ, горѣлъ и не сгоралъ,
Вокругъ роня искры свѣта...

Константинъ Фофановъ.

МОИСЕЙ МОНТЕФИОРЕ.

(По поводу его столѣтняго юбилея).

(Окончаніе *).

Первымъ его дѣломъ, какъ только онъ успѣлъ оправиться отъ самой опасной болѣзни въ его жизни, — о рѣдко излечимой *cysticercus cellulosaе*, постигшей его вскорѣ по возвращеніи въ 1833 г.,—было образованіе оказавшаго впоследствии столь много великихъ услугъ евреямъ въ ихъ борьбѣ изъза приобрѣтенія человѣческихъ правъ и еще понынѣ существующаго «Еврейскаго комитета депутатовъ», главнымъ президентомъ котораго онъ и былъ избранъ въ 1835 г., когда этотъ союзъ британскихъ евреевъ былъ признанъ обществомъ и правительствомъ полезнымъ учрежденіемъ.

Какъ ни старался Мозесъ Монтефиоре сохранить всѣ свои силы и способности для избраннаго имъ нынѣ поприща, онъ былъ однако оторванъ на время отъ своихъ филантропическихъ предпріятій фактомъ избранія его въ 1837 г. въ шерифы Лондона. Какъ ни велика сама по себѣ такая честь въ глазахъ британца, одной ея было бы однако недостаточно, чтобы соблазнить его неподкупную ничѣмъ натуру и отклонить его отъ начатыхъ работъ по части улучшенія судьбы его восточныхъ единовѣрцевъ, если-бы онъ не видѣлъ въ этомъ довѣріи къ нему англійскаго народа зародыша и даже залогъ будущаго равноправія британскихъ евреевъ. Но какъ только онъ, по истеченіи срока—однаго года—общественной его службы, въ состо-

* См. «Восходъ», кн. XI.

янія былъ сложить съ себя почетныя обязанности по этой должности, то, не долго собираясь, вновь пустился въ дальній путь на востокъ. Леди Іудифъ Монтефіоре и на этотъ разъ сопровождала любимаго своего супруга въ святую землю, хотя сезонъ былъ далеко не самый привлекательный для путешествій: вторая поѣздка на востокъ четы Монтефіоре предпринята была въ 1838 г. Дорога была та же, по которой они въ первый разъ совершили свою поѣзду, и она уже была имъ знакома. Во время этой вторичной поѣздки сэръ Мозесъ имѣлъ случай проѣздомъ черезъ Римъ видѣть одну изъ самыхъ интересныхъ церемоній католической вѣры, а именно торжественное благословеніе пальмъ папой; затѣмъ чета обошла всѣ семь синагогъ въ этомъ городѣ и, оставшись въ одной изъ нихъ, чтобы помолиться, они тутъ встрѣтились съ д-ромъ Л. Лева, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ восточныхъ языковъ и древностей, который совершилъ въ этотъ день богослуженіе. Сэръ Мозесъ такъ подружился съ д-ромъ Лева, что послѣдній съ тѣхъ поръ жилъ почти неотлучно при немъ, постоянно и всюду странствовалъ съ нимъ вмѣстѣ и принималъ живое участіе въ его планахъ и ихъ осуществленіи. Въ Мальтѣ Монтефіоре встрѣтились съ Кембриджскимъ принцемъ, Георгомъ, нынѣ главнымъ фельдмаршаломъ Великобританіи и здѣсь узнали о свирѣпствовавшей въ это время въ Іерусалимѣ страшной чумѣ. Сэръ Мозесъ сталъ тогда упрашивать жену остаться и позволить ему одному продолжать путь, но его просьбы остались напрасными, его супруга и слышать не хотѣла о томъ, чтобы ей остаться тутъ, тогда какъ онъ подвергается такой опасности. «Этому, такъ пишетъ въ своемъ дневникѣ Леди Іудифъ, я рѣшительно сопротивлялась и принедрія мнѣ въ эту минуту на память слова Руфи:—не упрощай меня отстать отъ тебя, или перестать слѣдовать за тобою, ибо куда ты пойдешь, туда и я пойду, гдѣ ты будешь отдыхать, тамъ и я буду отдыхать—поощряли мой духъ и снабдили мое сердце наиболѣе желанными выраженіями въ этомъ случаѣ». И они вмѣстѣ отправились дальше. По дорогѣ они проѣхали Вейрутъ и отсюда повезли съ собою палатки, подъ которыми возможно бы было отдохнуть по пути въ Палестину, такъ какъ не одну ночь приходилось имъ спать подъ откры-

тымъ небомъ. Часто имъ надо было имѣть при себѣ специально нанятыхъ ими европейцевъ, которые, съ пистолетами въ рукахъ охраняя ихъ безопасность, обязаны были проводить безъ сна цѣлыя ночи на пролетъ. Велики были неприятности и опасности дороги, за то какъ велика была радость бѣдныхъ обитателей Иерусалима при видѣ уже знакомыхъ имъ добрыхъ физиономій супруговъ Монтефиоре! Цѣлыми толпами они выходили имъ навстрѣчу, и какой радостью сияли у всѣхъ лица—точно они видѣли въ Монтефиоре своего избавителя! И въ самомъ дѣлѣ, торжественный входъ Монтефиоре въ святой городъ (иерусалимскій губернаторъ, съ цѣлью оказать почетъ другу знаменитаго египтянина, Мегемета-Али, въ то время нзмѣстника всей Сиріи, устроилъ длинное шествіе изъ цѣлыхъ рядовъ турецкихъ солдатъ) предвѣщала евреямъ много хорошаго.

Эта поѣздка Монтефиоре въ Палестину имѣла уже определенную цѣль, а именно приобрѣтеніе земли для палестинскихъ колоній и средствъ для приученія еврейской молодежи къ земледѣлію. Цѣль очень благая. Сэръ Мозесъ остался тутъ достаточное время, чтобы устроить задуманное имъ дѣло. По зрѣломъ совѣщаніи съ мѣстными раввинами, обыкновенно хорошо знакомыми со средствами и нуждами своей паствы, о наиболѣе подходящемъ для этого участкѣ земли, онъ обратился къ своему другу, Мегемету-Али, и получилъ отъ него разрѣшеніе для евреевъ приобрѣтать и обрабатывать землю. Тѣмъ временемъ наступилъ еврейскій праздникъ «седьмицы» онъ провелъ этотъ праздникъ въ древней столицѣ Іудеи, при чемъ очень щедро раздавалъ милостыню.

Дѣло было само по себѣ трудное и медленно подвигалось впередъ. Оно становилось еще труднѣе въ силу того, что турецкій султанъ, сдѣлавъ годъ спустя сильную попытку вернуть себѣ обратно Сирію изъ рукъ египтянъ, превратилъ всю эту страну въ поле брани,—а ни въ чемъ нѣтъ такого антагонизма, какъ между войной и земледѣліемъ. Ожидавшіеся вначалѣ успѣхи этого предпріятія Монтефиоре вскорѣ стали казаться вовсе недосяжимыми, вслѣдствіе неудачъ египтянъ—последніе потерѣли поражение въ Бейрутѣ, затѣмъ бомбардирована была Акра и

Сирія перешла во владѣніе турокъ. Новое дѣло евреевъ сильно пострадало.

Третья поѣздка въ Палестину предпринята была знаменитой четой въ 1849 г., въ сопровожденіи поковника Гаулера, извѣстнаго палестинифила, много занимавшагося изслѣдованіями древней Іудеи. Имѣя въ виду при этомъ поправить главнымъ образомъ дѣла колонистовъ, сэръ Мозесъ на этотъ разъ устремилъ свое вниманіе на поднятіе уровня образованія своихъ единовѣрцевъ въ этой запущенной во всѣхъ отношеніяхъ странѣ. Онъ, будучи всегда очень усерднымъ поборникомъ знаній, успѣлъ въ этотъ промежутокъ времени убѣдиться въ необходимости перевоспитанія евреевъ въ духѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ времени. Жена его, также очень цѣнившая знанія, оказывала ему большую помощь въ этомъ важномъ дѣлѣ и они, общими силами стали стараться о распространеніи просвѣщенія между своими соплеменниками и соплеменницами: необходимость почти одинаковаго образованія для обоихъ половъ была признана ими обоими съ самаго начала. Учрежденіе школъ и обезпеченіе за ними успѣшнаго развитія стало съ этихъ поръ занимать Монтефіоре не менѣе, чѣмъ дѣло колонизаціи, такъ какъ они сознавали зависимость успѣховъ послѣдняго отъ перваго. Во время ихъ пребыванія въ Іерусалимѣ на этотъ разъ ими сдѣлано было все, что было въ ихъ силахъ сдѣлать на этомъ поприщѣ.

Рядомъ съ заботами о перевоспитаніи восточныхъ евреевъ въ духѣ европейской цивилизаціи, чета наша въ теченіи третьяго пребыванія своего въ Палестинѣ стала ясно сознавать необходимость въ устройствѣ обязательныхъ въ правильно, по нашимъ современнымъ понятіямъ, организованномъ обществѣ учреждений, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «богоугодныхъ заведеній», какъ госпитали, приютскіе и сиротскіе дома и пр. Монтефіоре и стали энергично заниматься осуществленіемъ на практикѣ работъ, считавшихся ими необходимыми; они дѣятельно принялись преимущественно за закладку больницъ, ночлежныхъ и нѣкоторыхъ другихъ институтовъ призрѣнія для безпомощныхъ. Начатыя ими на этотъ разъ работы по устройству этаго рода заведеній были закончены въ теченіи послѣдующихъ посѣщеній

этой страны сѣромъ Мозесомъ. Насколько всё эти и имъ подобныя труды Монтефіоре оказались плодотворными, какъ блестящи были результаты благородной и, по успѣхамъ своимъ, весьма благотворной дѣятельности его въ этой странѣ, читатели увидятъ впослѣдствіи, когда, описывая седьмую поѣздку сэра Мозеса въ обѣтованную землю—это послѣднее посѣщеніе имъ Палестины,—мы будемъ имѣть случай коснуться всего этого подробно, такъ какъ самъ старецъ обозрѣваетъ при этомъ случаѣ все обширное поле своей дѣятельности въ Палестинѣ за періодъ времени почти въ полстолѣтіе—отъ 1827 г. по 1875 г.

Изъ всѣхъ совершенныхъ четою Монтефіоре путешествій, самымъ труднымъ оказалось по счету четвертое, предпринятое ими въ 1855 г. Великое несчастіе постигло обитателей Іерусалима и его окрестностей—голодь, причиненный разгорѣвшейся въ 1853 г. войною между Россіей и Турціей. Къ этому прибавилась еще крайне суровая зима 1854 г.: снѣгъ въ нѣсколько аршинъ вышиною покрывалъ поля, холмы и дороги, и скользкія тропинки по горамъ стали непроходимыми для верблюдовъ, такъ что ни пища, ни топливо не могли доходить до города. Въ довершеніе всей страшной бѣды, мѣстные власти тѣмъ настоятельнѣе требовали отъ іерусалимскихъ евреевъ контрибуцій, взимавшихся съ нихъ въ формѣ подарковъ, чѣмъ выше становилась необходимость въ деньгахъ, столь важныхъ въ военное время. А между тѣмъ та же война мѣшала этимъ евреямъ получать обыкновенно высылаемыя имъ ихъ заграничными соотечественниками пожертвованія въ Палестину, специально для этого собираемыя. Многіе погибали. Главный раввинъ Іерусалима лично отважился на путешествіе по Европѣ, съ цѣлью добиться вспомошествованія для голодающей его паствы, но умеръ въ дорогѣ, въ Александріи. Положеніе было отчаянное. Но чуткое сердце М. Монтефіоре стало лихорадочно биться, и Англія приступила къ облегченію по возможности этого великого горя, такъ неожиданно обрушившагося на десятки тысячъ людей. Сэръ Мозесъ и шефъ-раввинъ Великобританіи, д-ръ Адлеръ, обнародовали воззваніе, и первый вскорѣ собралъ 20,000 ф. ст. слишкомъ. По распредѣленіи этой суммы на удовлетвореніе мнѣе всего терпящихъ отлагательства потребностей іерусалим-

скихъ евреевъ, с. Мозесъ и леди Іудифъ сами отправились въ Іерусалимъ. Ихъ сопровождали родственники ихъ м-ръ и м-рессъ Гедалла. Сэръ Мозесъ увезъ съ собою крупный капиталъ, значительно увеличенный завѣщанною ему однимъ нью-орлеанскимъ евреемъ, нѣкимъ Іудой Туро, суммѣ въ 50,000 долларовъ, съ непремѣннымъ условіемъ употребить эти деньги въ пользу евреевъ святой земли. Имѣя въ виду воспользоваться этой суммой наилучшимъ для палестинскихъ евреевъ образомъ, Мозесъ Монтефіоре проѣздомъ черезъ Константинополь получилъ изъ рукъ султана фирманъ, добывъ его при посредствѣ лорда Стафорда Радклифа и которымъ признавалось за с. Мозесомъ право пріобрѣтенія въ Палестинѣ земли въ собственность. Будучи на территоріи Палестины, Монтефіоре, какъ только заботы его о снабженіи голодныхъ провіантомъ въ достаточномъ количествѣ были удовлетворены, принялся за постройку вѣтряной мельницы и пріюта для нищихъ на купленныхъ въ силу этого фирмана участкахъ земли. Помимо этого, не смотря на громадную сложность трудовъ по части предотвращенія голодныхъ массъ отъ гибели, сэръ Мозесъ успѣлъ сдѣлать еще кой-что, не прямо относящееся къ устраненію голода,—осуществить кой-что изъ задуманныхъ имъ плановъ вообще. Такъ у него хватило времени открыть двѣ школы—одну для дѣвушекъ и одну общую, для обученія и мальчиковъ и дѣвушекъ полезнымъ ремесламъ, т. е. професіональную. И наконецъ, онъ приступилъ къ дѣлу упорядоченія города въ гигиеническомъ отношеніи. Первымъ шагомъ его въ этомъ направленіи было передвиженіе еще испоконъ вѣка существовавшей въ еврейскомъ кварталѣ и составлявшей точно неотъемлемую принадлежность его, бойни, въ которой накопилось, какъ говорятъ, еще со временъ калифа Омара, много дряни, распространявшей отравное зловоніе и нерѣдко служившей источникомъ заразъ и даже эпидемическихъ болѣзней. По распоряженію Монтефіоре вредное это учрежденіе переведено было далеко за городъ. На обратномъ пути въ Европу сэръ Мозесъ съ супругой посѣтилъ Сафетъ и Тиверію, гдѣ они остановились на время и основали въ обоихъ этихъ мѣстахъ земледѣльческія колоніи, готовые планы которыхъ наши путешественники привезли съ собою.

Крайне интересную черту характера въ личности странствующаго филантропа составляетъ практичный его образъ дѣйствій: каждый разъ во время пребыванія его въ Палестинѣ какая-нибудь новая мысль зарождалась въ его головѣ, но онъ не сразу приступалъ къ ея осуществленію, а дѣлалъ это при слѣдующемъ посѣщеніи этой страны. Промежутки времени между двумя посѣщеніями Палестины посвящались, такъ сказать, оплодотворенію этой новой идеи, которая, требуя досуга для созрѣванія, поспѣвала вмѣстѣ съ проектами къ ея осуществленію: досугъ сэра Мозеса наполнялся заботами по разработкѣ новыхъ плановъ и по приисканію достаточныхъ средствъ. Такъ было и на этотъ разъ: заготовивъ планъ объ устройствѣ земледѣльческихъ коловій въ упомянутыхъ мѣстностяхъ, онъ, помимо другихъ занятій, привелъ въ исполненіе и это свое намѣреніе. Съ другой стороны, убѣдившись въ необходимости санитарныхъ мѣръ для предохраненія дорогаго его сердцу города отъ губельныхъ послѣдствій нечистоплотности, этой вѣрнѣйшей спутницы нищеты, онъ задался цѣлью упорядочить какъ самъ городъ, такъ и образъ жизни его обитателей. Его планы, касательно санитарныхъ улучшеній, были очень обширны. Перенесеніе бойни, по его настояніямъ, за городъ, было первымъ его опытомъ въ цѣломъ ряду многихъ реформъ этого рода. Желаніе его поскорѣе произвести необходимо нужныя для этого преобразованія было такъ сильно, предметъ этотъ такъ глубоко занималъ его, что онъ не долго отдыхалъ дома, хотя труды послѣдней поѣздки были очень обременительны, и черезъ два года уже снова пустился въ дальній путь, предпринимая такимъ образомъ пятую свою поѣздку въ святую землю.

Это было въ 1857 г. Имѣя въ своемъ распоряженіи и проекты и средства, сэръ Мозесъ начинаетъ энергично очищать городъ искорененіемъ всѣхъ источниковъ вредныхъ испареній. Завершивъ дѣло по непосредственной очисткѣ улицъ, площадей и даже дворовъ, онъ съ замѣчательной послѣдовательностью, свойственной кажется, однимъ лишь, практичнымъ англичанамъ, беретъ за положительную сторону санитарнаго дѣла и въ этой сложной работѣ постепенно переходитъ отъ необходимаго, какъ мощеніе улицъ, проведеніе каналовъ и постройка

мостовъ, къ удобному, какъ устройство бульваровъ и разведе-
ніе садовъ, и наконецъ отъ удобствъ къ роскоши, въ родѣ
цвѣтниковъ и прочихъ требованій этого рода со стороны бо-
лѣе утонченнаго вкуса современнаго общества, и къ украше-
ніямъ вообще. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи заслуживаютъ
особаго вниманія устройство синагогъ, приведеніе въ порядокъ
кладбищъ и снабженіе могилъ надгробными камнями. Древній
городъ былъ, по его инициативѣ, обновленъ; онъ получилъ со-
временную и болѣе изящную фізіономію. Главнѣе же всего то,
что жители его нынѣ стали дышать болѣе чистымъ воздухомъ,
что такъ важно для жизни человѣка.

Въ шестой разъ Мозесъ Монтефіоре посѣтилъ Палестину
въ 1866 г. И тутъ-то онъ имѣлъ случай убѣдиться въ важности
и благотворности его дѣятельности по санитарной части. Іеруса-
лимъ опять застигнутъ былъ велимъ несчастіемъ, именно холе-
рой. Хотя сэръ Мозесъ на этотъ разъ имѣлъ въ виду лишь про-
извести генеральную инспекцію всего уже сдѣланнаго имъ —
однако, руки его оказались полны работы, такъ какъ къ холерѣ
присоединилась не менѣе страшная бѣда, а именно мѣстная
проказа, которая стала свирѣпствовать съ особенной силой.
Работы оказалось вслѣдствіе этого очень много, а онъ былъ
уже на этотъ разъ одинъ—вѣрной подруги его жизни уже не
было въ живыхъ и она ужъ болѣе не раздѣляла его заботъ. Къ
счастью, его сопровождалъ племянникъ его, м-ръ Зебагъ, съ
супругою. И онъ, съ тѣхъ поръ одинокій, казалось, старался
утопить свое горе, залить его волнами самоотверженія въ дѣлѣ
оказыванія помощи страждущимъ. Люди гибли массами, но его
энергія не знала границъ. Сознавая значеніе воды во время
холеры, онъ позаботился прежде всего о снабженіи города хоро-
шею, чистою водою, въ чемъ жители нуждались и въ здоровыя
времена. Очищены были старые источники, между которыми
главный считается существующимъ еще со времени царя Со-
ломона; устроено было много новыхъ. Только такая крѣпкая
натура могла устоять противъ грозныхъ опасностей, только
такой бодрый и храбрый духъ, способенъ былъ неустранимо
вращаться среди самыхъ стихійныхъ орудій смерти — только.

сэръ Мозесъ въ состояніи былъ перенести такую лихорадочную дѣятельность.

Наконецъ, въ 1875 г., будучи 91-лѣтнимъ старцемъ сэръ Мозесъ совершилъ седьмую и послѣднюю поѣздку въ Палестину. Это было послѣдней его поѣздкой вообще, и она, какъ первая, совершенная имъ въ 1827 г., предпринята была изъ одного желанія видѣть бывшее отечество его предковъ. Такой старикъ уже не въ силахъ много работать и это путешествіе имѣло своей цѣлью уже не пользу, а, такъ сказать, наслажденіе. И сэръ Мозесъ не обманулся. Его вообще рѣдко обманывала и разочаровывала жизнь: онъ вездѣ и во всемъ былъ настолько счастливъ, что самъ лично пожиналъ плоды посѣянныхъ имъ добрыхъ сѣмянъ. Это свое путешествіе сэръ Мозесъ самъ описалъ подъ заглавіемъ. «*Сорокадневное странствованіе по святой землѣ*». Изъ этого интереснаго дневника мы узнаемъ тѣ великія перемѣны къ лучшему на почвѣ Палестины, какими страна эта обязана исключительно его автору. Начинаетъ онъ свое описаніе съ того, какъ онъ прибылъ въ Яффу и каковы были его впечатлѣнія. Онъ находитъ, въ заведенномъ имъ въ Яффѣ саду, болѣе 900 прекрасныхъ деревьевъ и образцовый порядокъ, но все таки ощущается недостатокъ спеціального садовник-француза или англичанина. Есть и теплица, европейскіе овощи и фрукты — для снабженія рынка въ Портъ-Саидѣ. Искусственное орошеніе сада также въ порядкѣ. По возможности, всякая изъ новыхъ работъ исполняется теперь въ его присутствіи. Цѣлою толпою людей наполняется бассейнъ свѣжей водой, для потребленія города, и рабочіе эти никто иные, какъ нищіе города, личнымъ трудомъ оплачивающіе обществу за свое содержаніе. Сердце филантропа, конечно, безпредѣльно радуется всему этому. Рассказывая затѣмъ о радушномъ приѣмѣ его со стороны вице-консула, м-ра Амзалака, отецъ котораго былъ главнымъ помощникомъ и совѣтникомъ его при распредѣленіи милостыни въ 1838 г., Монтефіоре, будучи не мало пораженъ успѣхами женскаго образованія, примѣръ котораго онъ видѣлъ въ прекрасно воспитанной дочери хозяина, пользуется этимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу воспитанія палестинскихъ женщинъ вообще. «Полагаю, что вы согласитесь

съ моимъ мнѣніемъ, не имѣющимъ впрочемъ никакихъ претензій, на непогрѣшимость, что когда дщери Сіона умѣютъ читать и писать и знаютъ ариметику, когда онѣ, зная хорошо языкъ своей родины, обладаютъ также знаніемъ одного или двухъ изъ европейскихъ языковъ, помимо древне-еврейскаго и пониманія св. писанія и молитвъ, и еще къ тому умѣютъ шить и вообще вести домашнее хозяйство, то ихъ воспитаніе можетъ считаться законченнымъ». Насколько онъ, однако, высоко цѣнилъ и другія знанія въ женщинахъ, или искусство вообще, можно видѣть изъ сочиненія м-ра Сидни Самуэля, «Жизнь евреевъ на востокѣ». Замѣтивъ въ дочери м-ра Амзалака хорошей музыкальный талантъ, сэръ Мозесъ тотчасъ по возвращеніи въ Европу, выслалъ по ея адресу великолѣпный, рояль и цѣлую кипу разнообразѣйшихъ нотъ. Не довольствуясь этимъ, онъ ежегодно съ тѣхъ поръ продолжаетъ снабжать ее къ еврейскому празднику *Пуримъ* новѣйшими и лучшими изданіями по музыкѣ.

Послѣ чрезвычайно живописнаго описанія путешествія изъ Яффы въ Іерусалимъ, совершеннаго при яркомъ свѣтѣ луны, верхомъ на лошадяхъ,, по очень скалистой дорогѣ, не безъ приключеній, сэръ Мозесъ съ наслажденіемъ распространяется объ улучшеніяхъ Іерусалима и его окрестностей. Самое интересное изъ встрѣтившихся ему на пути приключеній было слѣдующее: путешественники, завидѣвъ издали полнымъ галопомъ приближающуюся къ нимъ кавалькаду всадниковъ, сочли послѣднихъ за бедуиновъ и уже приняли было угрожающую позу людей, готовыхъ защищать себя до послѣдней капли крови, какъ вдругъ узнали въ этихъ страшныхъ врагахъ, которымъ они готовились продать дорогою цѣною свою жизнь, мирныхъ представителей духовенства іерусалимскаго еврейскаго общества, раввиновъ, спѣшившихъ освѣдомиться о времени прибытія дорогаго гостя въ священный городъ, дабы устроить ему достойную его встрѣчу. Тутъ всадники повернули, конечно, обратно и съ желаннымъ гостемъ во главѣ помчались въ нетерпѣливо ожидавшій ихъ Іерусалимъ. Только было восхищеніе с. Мозеса при видѣ его собственной процессіи, построенной имъ много лѣтъ тому назадъ недалеко отъ Іерусалима, и найденной имъ теперь въ хорошемъ состоя-

ни. Еще болѣе радовалось его доброе сердце, когда онъ замѣтилъ, что его примѣръ нашелъ подражателей въ лицѣ двухъ грековъ, построившихъ двѣ такія же вѣтряныя мельницы въ сосѣдствѣ съ прежней, которыхъ они извлекають хорошіе доходы. Что касается до самаго Іерусалима, то радости и восхищенію, переполнявшимъ его душу, не было конца при воспоминаніяхъ о томъ, чѣмъ городъ былъ 50 лѣтъ тому назадъ и чѣмъ онъ сталъ теперь: глазамъ благодѣтеля представился новый Іерусалимъ, со многими зданіями и учрежденіями, какихъ не слишкомъ много и въ самой Европѣ. Какая перемѣна! Тамъ, гдѣ недавно еврей едва смѣлъ поднять голову, теперь цѣлыя массы ихъ привѣтствуютъ его съ сіяющими отъ радости лицами: теперь въ стѣнахъ этого священнаго града болѣе 11-ти тысячъ евреевъ, и какъ онъ восхищенъ, находя въ ихъ средѣ такое множество искусныхъ ремесленниковъ и дѣльныхъ рабочихъ, между которыми оказываются и русскіе евреи, украшенные медалями за храбрость и удостоивавшіеся даже личной благодарности отъ самого царя! Теперь этотъ городъ насчитываетъ 28 синагогъ, въ средѣ посѣтителей которыхъ, какъ въ знакъ вѣчнаго мира, возлѣ русскаго, на примѣръ, еврея тутъ и тамъ рядомъ стоитъ турецкій офицеръ и вмѣстѣ совершаютъ молитву; онъ вездѣ видѣлъ тамъ подобныя залогіи общаго между всѣми согласія и примиренія. Но больше всего радовали его успѣхи внутренней цивилизаціи объектовъ его попеченія, успѣхи, достигнутые ими въ дѣлѣ пріобрѣтенія знанія, распространенія просвѣщенія среди евреевъ Палестины. Самые тщательные отчеты постоянно доставлялись сѣру Мозесу чрезъ его секретаря, д-ра Лева, о состояніи всѣхъ школъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, основанныхъ имъ самимъ или при его соучастіи въ этой странѣ. Хотя онъ всякій разъ внимательно разсматривалъ всѣ эти отчеты, а также отчеты другихъ общественныхъ заведеній, однако, будучи на мѣстѣ и желая лично удостовѣриться во всемъ, онъ неоднократно вступалъ въ продолжительныя бесѣды по этому предмету не только съ начальствомъ и преподавателями, но и съ самими воспитанниками, и совѣщался съ ними о дальнѣйшихъ уллучшеніяхъ.

Устные, какъ и письменные, доклады оказались одинаково поощрительными.

Это прощальное посѣщеніе Палестины сэромъ Мозесомъ Монтефиоре было довольно продолжительное. Популярность его въ этой странѣ, уже давнымъ-давно вышедшая далеко за относительно тѣсный кругъ евреевъ и ихъ гетто, на этотъ разъ приняла форму всеобщаго почти поклоненія. Къ нему являлись депутаціи отъ всѣхъ слоевъ разношерстнаго по національности и религіи общества. Тутъ были и представители существующихъ среди нѣмецкой конгрегаціи въ Іерусалимѣ 16-ти благотворительныхъ обществъ и 3-хъ строительныхъ, т. е. союзовъ по постройкѣ дешевыхъ квартиръ, съ подробными рапортами объ ихъ состояніи, и депутація съ докладомъ объ учрежденной тамъ дешевой кухмистерской и о больницѣ Ротшильда и т. д. То къ нему являлись на аудіенцію армянскіе священники, для выраженія ему искренней признательности всей Арменіи и своего патріарха за его заступничество въ пользу интересовъ Малой Азіи; то ему объявляютъ о приходѣ делегата изъ Аравіи Счастливой, съ полномочіемъ исходатайствовать при его посредствѣ у турецкаго султана покровительства тамошнимъ евреямъ. Наконецъ, для завершения всей этой радостной картины, ему представляются двое редакторовъ двухъ публикуемыхъ въ Іерусалимѣ газетъ, и онъ въ ихъ лицѣ дѣлаетъ близкое знакомство съ представителями мѣстной журналистики, горячимъ поборникомъ которой онъ состоялъ всегда, такъ какъ онъ, какъ извѣстно, придаетъ очень много значенія печати и ея органамъ. Радость великаго старца, испытывающаго рѣдко выпадающія на долю человѣка наслажденія — видѣть и вкушать плоды трудовъ цѣлаго полувѣка, и окруженнаго всѣми знаками вниманія, была, къ сожалѣнію, нарушена очень прискорбнымъ образомъ, а именно появленіемъ страшнаго гостя-холеры. Безбоязненный филантропъ и не думалъ удалиться изъ мѣста опасности; наоборотъ, онъ самымъ энергичнымъ образомъ принялся за борьбу съ этимъ бичемъ. Онъ прежде всего лично обревизовалъ весь городъ, распорядился о немедленной дезинфекціи многихъ домовъ, при чемъ почти всѣ жилища бѣдныхъ были выбѣлены, улицы очищены и соръ вынесенъ далеко за го-

родской валъ; самихъ жителей онъ настоятельно увѣщевалъ воздержаться отъ всякаго рода излишествъ и соблюдать безукоризненную чистоту.

Остановившись въ Яфѳѣ на обратномъ своемъ пути на родину, с. Мозесъ уже нашелъ любимый имъ садъ обработаннымъ во французскомъ стилѣ: уже успѣли пригласить французса-садовника, специально изъ желанія угодить общему любимцу—Монтефіоре и устроить ему пріятный скурпризь.

Въ Европу сэръ Мозесъ вернулся очень довольный. И вотъ совѣтъ, который онъ послѣ этого даетъ своимъ европейскимъ соплеменникамъ: «Стройте свои дома въ Иерусалимѣ, Сафетѣ, Тиверіи и Хевронѣ», говорить онъ словами Библии и *«тогда, прибавляетъ онъ, если предпріятіе это утѣнитися устьхомъ, то легко можно будетъ приобрести землю, и найдутся многіе, которые съ охотой возьмутся за земледѣліе»*.

Во всѣхъ почти безъ исключенія англійскихъ органахъ прессы находимъ такой отзывъ, по поводу пребыванія и дѣятельности Монтефіоре въ Палестинѣ:

Семь разъ посѣтилъ Мозесъ Монтефіоре святую почву Палестины, гдѣ соплеменники его толпами окружали его, цѣлуютъ его платя, и гдѣ цѣлые города высыпали на встрѣчу ему на разстояніи многихъ миль. Въ его честь сочинено было цѣлое множество одъ на древне-еврейскомъ языкѣ и прочитана масса специальныхъ проповѣдей. Привѣты эти продолжались по всей дорогѣ къ святой землѣ и обратно и, точно эхо хвалебныхъ гимновъ, переносились отъ одного города до другаго. Проповѣдь, сказанная по этому случаю въ 1855 г. Субботомъ Тревесомъ въ Триестѣ, въ которой нашъ столѣтній юбилляръ называется проповѣдникомъ *«raggiante volto del moderno Mose, cinto dall'aureola delle sue rare virtù»*,— и еврейская ода г. Альмандзи, сочиненная по этому же случаю и заключающаяся словами: *«He was a sovran in Ieshurun»*, составляютъ замѣчательныя произведенія человеческого духа, воодушевленнаго глубокой признательностью. И не удивительно. Сэръ Мозесъ сдѣлалъ для бывшаго отечества его предковъ очень, очень многое: онъ построилъ въ Палестинѣ госпитали и богадѣльни; положилъ основанія земледѣлію; развелъ сады; про-

чищаль источники воды,—этого необходимѣйшаго изъ элементовъ, по справедливому мнѣнію человѣколюбиваго философа Фейербаха, для существованія людей, для содержанія какъ тѣла такъ и духа въ чистотѣ и свѣжести,—проводилъ каналы, и наконецъ воздвигаль храмы науки и искусства, а также устраиваль синагоги для живыхъ и приличныя гробницы для мертвыхъ. Полвѣка посвящаль онъ себя этой трудной задачѣ. И какія трудности предстояли ему по пути! Началь онъ свои поѣздки въ страну своихъ отцовъ, при крайне затруднительныхъ условіяхъ путешествія, въ 1827 г. и законилъ ихъ въ глубокой старости, на 91 году отъ роду, въ 1875 году. Первая поѣздка, безспорно, вызвана была обыкновенными мотивами туристовъ, тѣмъ болѣе, что оба супруга, и сэръ и леди Монтефиоре были натуры энергичныя, подвижныя и очень любившія путешествовать. Но религія ихъ, привлекая ихъ къ синагогамъ и располагая къ посѣщеніямъ жилищъ въ еврейскихъ кварталахъ города, имѣла слѣдствіемъ близкое знакомство ихъ съ крайне жалкимъ положеніемъ вещей и часто душу раздирающею нищетою ихъ единовѣрцевъ. И мягкія, впечатлительныя натуры этой счастливой четы, предрасположенной къ дѣланію добра, вынесли неизгладимое сознаніе необходимости помочь этому горю и отнынѣ рѣшили посвятить всѣ свои средства, таланты и время, словомъ все, чѣмъ одарила ихъ природа, поднятію благосостоянія своихъ менѣе счастливыхъ единовѣрцевъ. Въ то время не было никакихъ другихъ обществъ для облегченія участи этихъ несчастныхъ, кромѣ единственнаго союза такъ называемыхъ «конверсіонистовъ», т. е. миссіонеровъ, помощь которыхъ оплачивалась дорогой цѣной—перемѣной вѣры; въ то время еще не существовало ни Board of Jewish Deputies, ни Alliance Israélite, ни Anglo-Jewish Association, всѣ они были основаны, благодаря лишь усерднымъ стараніямъ сэра Мозеса—первое учрежденіе въ 1836 г. второе—въ 1860 и третье въ 1871 г. Не взирая поэтому ни на-что, добрая чета всякій разъ, когда обстоятельства этаго требовали, мчалась на дальній востокъ: всякое новое бѣдствіе, обрушивавшееся на голову злополучныхъ остатковъ древняго рода, нѣкогда со славой царствовавшаго въ обѣтованной землѣ, влекло ихъ на мѣсто дѣйствія, гдѣ то

голодъ отъ неурожая, то голодъ отъ войны, то землетрясеніе, то моровая язва, то холера, то какое-либо другое несчастье постигало бѣдныхъ обитателей запущенной страны. Храбро игнорируя опасности заразы и подобныя напасти, чета Монтефиоре съ удовольствіемъ платила немовѣрно высокія, баснословныя цѣны за средства сообщенія, такъ какъ имъ часто приходилось нанимать корабли спеціально для своей поѣздки, и за защиту отъ страшныхъ въ то время левантскихъ пиратовъ, такъ какъ они часто нуждались въ спеціальномъ конвоѣ изъ-за этого. Но все было для нихъ пустякомъ, когда до ушей ихъ доносился сердце раздирающій вопль о защитѣ несчастныхъ, заброшенныхъ израилтянъ».

Такъ отзываются англичане о дѣятельности Монтефиоре въ Палестинѣ. Пусть однако читатели не подумаютъ, что одна эта цѣль поглощала все вниманіе Монтефиоре. Промежутки между однимъ путешествіемъ въ Палестину и другимъ наполнялись не менѣе благодѣтельными поступками и дѣлами самоотверженія, которымъ между прочимъ посвящены были и прочія шесть странствій въ дальнія страны.

Причина, заставившая неутомимаго сэра Мозеса предпринять первое изъ промежуточныхъ путешествій, опять таки на дальній востокъ, была очень серьезная: «красный призракъ» — это страшное обвиненіе евреевъ въ употребленіи человѣческой крови—появился вдругъ на востокѣ. Это было весною 1840 г. Еще свѣжее прошлое, пережитое нашими соплеменниками въ Венгріи, показывало намъ недавно, какъ легко находить эта, негѣпая клевета вѣру въ средѣ невѣжественныхъ массъ, и какъ легко съ другой стороны доказать отсутствіе и тѣни основательности ея суду безпристрастныхъ изслѣдователей. На островѣ Родосѣ исчезъ греческій мальчикъ; вслѣдъ затѣмъ въ Дамаскѣ пропалъ монахъ, со своимъ слугою. Полнять былъ крикъ, впервые пущенный, по всей вѣроятности, дѣйствительными убійцами въ Дамаскѣ, что пропавшіе похищены и умерщвлены евреями съ цѣлью смѣшенія ихъ крови съ пасхальными опрѣсноками. Было тогда въ интересахъ правителей Франціи, великій народъ которой обращался весьма добросовѣстно съ туземными евреями—мнимымъ заступничествомъ своимъ за

католиковъ противъ несчастныхъ обвиняемыхъ Дамаска, выиграть въ глазахъ первыхъ и тѣмъ придать Франціи значеніе защитницы ихъ на востокѣ. Легкомысленное поощреніе французскимъ консуломъ вымысловъ тогдашнихъ антисемитовъ внимательнымъ выслушиваніемъ ихъ безобразныхъ обвиненій противъ злосчастныхъ евреевъ увеличило опасность положенія послѣднихъ. Узнавъ, что французскій авторитетъ брошенъ на вѣсы въ ущербъ евреямъ, Мозесъ Монтефиоре, ни минуты не медля, созвалъ конференцію для совѣщаній и опредѣленія плана дѣйствій, въ своей собственной резиденціи, въ Parklane. Вслѣдъ за этой конференціей, какъ первый результатъ ея, состоялся митингъ въ Меншёнъ-Гаузѣ подъ предсѣдательствомъ лорда мэра, на которомъ дѣятельное участіе приняли самыя выдающіяся тогда личности на поприщѣ политики и науки: тамъ были между прочимъ знаменитый поэтъ Кампбелъ и не менѣе знаменитый государственный чело­вѣкъ, Даніель О'Коннель, самый горячій борецъ въ дѣлѣ защиты интересовъ католиковъ въ Англіи. Какая иронія! Тутъ чело­вѣкъ, посвящающій всё свои силы и способности, всю свою жизнь служенію интересамъ католицизма, энергично выступаетъ въ защиту евреевъ, въ то время, какъ тамъ, тоже въ виду интересовъ католицизма, горячіе поборники послѣдняго такъ жестоко преслѣдуютъ евреевъ! Нѣтъ впрочемъ въ этомъ ничего удивительнаго: англійскими католиками тогда руководили свѣтлые принципы эмансипаціи и гуманизма, а сирійско-французскими — мрачные принципы эгоизма и невѣжества. На этомъ митингѣ приняты были резолюціи о «невѣроятности дамасскихъ обвиненій въ глазахъ англійской публики», а также рѣшеніе — ходатайствовать передъ правительствомъ о покровительствѣ невинно преслѣдуемымъ. Тогдашній премьеръ, лордъ Пальмерстонъ, обѣщавъ представившейся ему по этому поводу депутаціи помощь со стороны сенъ-джемскаго кабинета. Сэръ Мозесъ, нѣсколько успокоенный, отправился въ качествѣ делегата отъ своихъ едино­вѣрцевъ, на мѣсто разбирательства дѣла, просить справедливаго суда для обвиняемыхъ евреевъ. Изъ Лондона онъ выѣхалъ 7 іюля и по дорогѣ въ Египетъ — (до Александріи его сопровождалъ Адольфъ Кремье, въ то время вице-президентъ ев-

рейской консисторіи и вскорѣ затѣмъ кандидатъ на главу республиканскаго совѣта министровъ)—онъ узналъ радостную вѣсть объ оправданіи подсудимыхъ по родосскому дѣлу, разбиравшемуся въ Константинополѣ. Осталось только дамасское дѣло. Но трудности этой задачи были велики и еще продолжали возрастать вслѣдствіе политическихъ комбинацій: не смотря на то, что сэру Мозесу удалось заручиться сочувствіемъ всѣхъ рѣшительно консуловъ въ Александріи съ полковникомъ Годжесомъ во главѣ, тамошній французскій посоль однако на отрѣзъ отказалъ ему въ своемъ сочувствіи, хотя онъ составлялъ въ этомъ случаѣ единственное исключеніе. Въ виду же того, что Франція принадлежала тогда гегемонія въ Египтѣ, который возлагалъ на нее надежды относительно помощи противъ султана, исключеніе это имѣло громадную важность. И дѣло затягивалось. А между тѣмъ трое изъ злополучныхъ обвиняемыхъ успѣли умереть въ заключеніи отъ пытокъ, и еще девять томилась, не зная, что ихъ ждетъ въ будущемъ. Добиться гласнаго суда оказалось невозможнымъ. Но наконецъ заключенные были освобождены, причемъ изъ Каира послѣдовалъ циркуляръ, предписывавшій мѣстному губернатору защищать евреевъ отъ преслѣдованій, и Мегеметь Али открыто объявилъ, что онъ не вѣритъ въ такіа обвиненія. Благодаря однако отсутствію публичнаго суда, клевета эта разсѣвалась очень медленно. Еще много лѣтъ спустя, сэръ Мозесъ Монтефіоре, будучи въ Дамаскѣ при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, нашель въ одной изъ тамошнихъ римско-католическихъ церквей камень имени монаха Педро Томасо съ надписью, будто онъ былъ убитъ евреями. Камень этотъ продолжалъ говорить свою ложную сказку еще долгое время, а именно до 1860 г., когда при одномъ изъ нападеній мусульманъ на христіанъ упомянутая церковь со всѣми ея памятниками была разрушена и уничтожена огнемъ.

Сэръ Мозесъ, добившись въ Александріи полнаго разъясненія дѣла касательно тяжко обвиняемыхъ въ Дамаскѣ, не довольствовался однимъ этимъ, а также и оправданіемъ несчастныхъ. Видя необходимость въ окончательномъ устраненіи возможности повторенія подобныхъ несчастій въ будущемъ, онъ тотчасъ же отправился для этой цѣли въ Константинополь къ

самому султану. И такъ какъ послѣдній не былъ въ то время особенно расположенъ къ Франціи, то сэру Монтефиоре удалось достигнуть своей цѣли вполне; а что еще важнѣе, достигнутые имъ блестящіе результаты оказались благотворными на весьма продолжительное время. Дѣло въ томъ, что Монтефиоре удалось добыть фирманъ, врученный ему 12 ноября 1840 г. Решидомъ-пашей и подписанный тогдашнимъ главою Порты, Абдуломъ-Меджидомъ. Въ этомъ важномъ документѣ подробно разсматриваются всѣ основы стараго предразсудка противъ евреевъ и съ послѣдовательной обстоятельностью опровергается всякая изъ нихъ, причемъ обстоятельно обсуждается библійскій законъ, запрещающій евреямъ употребленіе даже крови животныхъ, и тѣмъ болѣе неосновательнымъ признается обвиненіе ихъ въ пользованіи человѣческой кровью; наконецъ, въ видѣ заключенія приводится оправданіе родосскихъ евреевъ. Сверхъ того повелитель правовѣрныхъ объявилъ при этомъ случаѣ равенство евреевъ со всѣми прочими его подданными передъ закономъ и, издавъ приказъ объ одинаковой для нихъ съ послѣдними защитѣ и покровительствѣ со стороны властей, запрещаетъ всякаго рода притѣсненія ихъ въ ихъ религиозныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Этотъ фирманъ отъ 12 рамазана 1256 г., по магометанскому лѣтосчисленію, оказывалъ впоследствии великія услуги для предотвращенія въ различныхъ частяхъ оттоманской имперіи грозныхъ бѣдствій, отъ времени до времени собиравшихся обрушиться на евреевъ.

Улаженіе дамасскаго дѣла не даромъ считается однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дѣлъ, совершенныхъ Монтефиоре. Этотъ славный успѣхъ памятенъ въ сердцѣ не однихъ лишь его соплеменниковъ, но и европейскихъ народовъ, которые тогда выразили ему свою благодарность самымъ торжественнымъ образомъ, а со стороны англичанъ онъ удостоился за это пожалованія «рыцарствомъ» (*knighted*).

Какъ подумаешь, что въ самомъ дѣлѣ приходится соглашаться съ нѣкоторыми писателями, утверждающими, что есть еще многое у народовъ Азіи и Африки, чему съ пользой могли бы поучиться народы Европы! Тутъ теперь повторяется то же, что происходило тамъ сорокъ лѣтъ тому назадъ: надъ евреями

разразилась бѣда, вызванная предрасудкомъ, будто ими употребляется человѣческая кровь. И хвастающіе своимъ абсолютнымъ превосходствомъ надъ азіатцами-варварами цивилизованные европейцы не умѣютъ сладить съ этимъ грязнымъ продуктомъ невѣжества. Да, порою умъ за разумъ заходитъ и у насъ, высокообразованныхъ европейцевъ. И тамъ, гдѣ ларчикъ просто открывается, мы начинаемъ придумывать хитрые, новые способы къ его раскрытію и въ концѣ концовъ наивно теряемся въ искусныхъ, но излишнихъ и непрактичныхъ манипуляціяхъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Падшіе египтяне и невѣжественные турки сразу приступили къ рѣшенію въ сущности нисколько не трудной задачи, именуемой «еврейскимъ вопросомъ». Видя, что въ отношеніи одной части населенія пускаются въ ходъ ложные и вредные предрасудки, могущіе впоследствии вредить и остальнымъ частямъ населенія и непременно должныя тормозить правильное теченіе государственной жизни вообще, власть и въ Турціи и въ Египтѣ взяли за искорененіе этого зла простымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ благоразумнымъ образомъ: сначала доказала неосновательность предрасудковъ, потомъ запретила злоупотребленіе ими и наконецъ объявила полную равноправность евреевъ наравнѣ со всѣми прочими гражданами страны, чѣмъ и положенъ былъ навсегда конецъ всѣмъ толкамъ и попыткамъ въ ущербъ евреямъ. Насколько, по меньшей мѣрѣ, наивны мѣры, предпринимаемыя нынѣ для достиженія, какъ говорятъ, той же цѣли нѣкоторыми народами Европы—намъ доказывать нечего. Это слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ, на глазахъ у которыхъ совершается теперь жалкая возня съ москвой, причѣмъ слона-то не замѣчаютъ или, вѣрнѣе, и замѣтитъ не хотятъ.

Изъ чувства ли стыда передъ азіатскими и африканскими варварами, или изъ другихъ мотивовъ, но одно время въ Европѣ старались доказать, будто упомянутый фирманъ былъ купленъ саромъ Мозесомъ за деньги. Но послѣдній, какъ онъ самъ неоднократно съ удовольствіемъ рассказывалъ это, при всякомъ случаѣ съ особеннымъ жаромъ и энергіей опровергалъ эту ложь. И когда, во время какихъ-то переговоровъ съ умнымъ кардиналомъ Антонелли, послѣдній съ нѣкоторой ироніей спраши-

валъ его: «сколько ротшильдскаго золота уплачено было за этотъ документъ?»—сэръ Мозесъ, съ презрѣніемъ отвѣчая на эту инсинуацію, воскликнулъ: «меньше, чѣмъ я далъ вашему лакею за то, что онъ повѣсилъ вашъ плащъ въ моей передней». Нечего говорить, что воспоминаніе о драгоцѣнномъ фирманѣ составляетъ одно изъ самыхъ сладкихъ въ богатой жизни столѣтняго филантропа.

Сэру Мозезу не суждено было долго покоиться на лаврахъ заслуженной имъ славы. Въ то время, какъ онъ вернулся изъ Сиріи съ триумфами столь важной побѣды, въ самой Англіи еврейскіе умы находились въ весьма возбужденномъ состояніи: волны движенія реформатскаго духа грозили крушеніемъ британскому еврейству. Мозесъ Монтефиоре, придерживаясь глубоко въ немъ вкоренившихся ортодоксальныхъ воззрѣній и противодействуя поэтому успѣхамъ реформистской партіи, предводительствуемой Гольдсмидами и нѣкоторыми членами его собственной фамиліи, но желая предотвратить опасный, особливо въ молодомъ обществѣ расколъ мнѣній, вынужденъ былъ на весьма сложную дѣятельность. И въ самомъ дѣлѣ, эти годы были самыми оживленными въ его жизни. Сэръ Мозесъ въ сущности и не былъ упорнымъ противникомъ реформаціи вообще; слишкомъ замѣтную черту въ его дѣятельности по отношенію къ отставшимъ своимъ соплеменникамъ въ Палестинѣ и Польшѣ составляли его старанія поднять уровень умственнаго ихъ развитія, его стремленіе въ пользу общаго прогресса, горячимъ приверженцемъ котораго онъ былъ безпрестанно. Его домашній консерватизмъ опирался именно на то, чтобы *не дѣлать нѣстныхъ, опрометчивыхъ шаговъ даже по направленію впередъ*. Вотъ почему онъ такъ сильно боролся противъ радикализма или, вѣрнѣе, умѣренности ради, противъ новыхъ принциповъ въ религіи его единовѣрцевъ. Постоянно поощряя постепенный прогрессъ, онъ требовалъ уваженія къ существующему порядку вещей; быстрыхъ же, внезапныхъ перемѣнъ онъ опасался и смѣло осуждалъ ихъ. А такъ какъ выработанная англійскими евреями въ 1841 г. программа религиозныхъ реформъ казалась ему результатомъ желанія слишкомъ внезапной перемѣны общей фізіономіи еврейской

религіи, то онъ и расходился со многими изъ лучшихъ представителей тогдашняго еврейства, преданныхъ новымъ идеямъ.

Какъ только дѣло это нѣсколько уладилось, — побѣда осталась за партіей реформы, но умѣренной, — Монтефиоре отправился въ Россію. Покореніе Литвы и Польши имѣло послѣдствіемъ присоединеніе къ Россіи трехъ милліоновъ евреевъ. Горячо желая управлять однородной массой, русское правительство нѣсколько поспѣшно взялось за дѣло ассимиляціи евреевъ съ русскими. Въ своемъ стремленіи русифицировать первыхъ, оно небрежно относилось къ дѣйствительно обезпечивающимъ успѣхъ средствамъ, какъ вѣротерпимость и равноправіе, а прибѣгало къ болѣе насильственнымъ мѣрамъ, налагая обязанности, не соотвѣтствующія правамъ, привлекая въ большомъ количествѣ еврейскихъ дѣтей въ ряды арміи и т. п. Когда же, вслѣдствіе строгаго примѣненія тяжелыхъ предписаній по новому набору, пограничные евреи стали бѣжать въ Австрію, Пруссію и въ придубайскія владѣнія, императоръ издалъ въ 1845 году указъ, которымъ приказано было евреямъ переселиться съ ихъ семействами изъ всей пограничной полосы въ 50 верстъ шириною во внутрь Россіи. Это распоряженіе, оказавшееся вскорѣ непрактичнымъ вслѣдствіе дурнаго вліянія на торговлю и промышленность и подвергнувшееся поэтому сначала сокращеніямъ, а затѣмъ и полной отмѣненію, но весьма тяжко отозвавшееся на судьбѣ русскихъ евреевъ, и послужило поводомъ къ первому путешествію сэра Мозеса въ нашу страну. Онъ, вмѣстѣ съ супругой, пренебрегая страхомъ передъ русской зимой, въ мартѣ 1846 г. пустился въ путь на сѣверъ и болѣе мѣсяца находился въ дорогѣ. Кромѣ холода имъ приходилось выносить и многія непріятности. За то ожидалъ ихъ радушный приѣмъ русскаго царя. Всѣ непріятности и лишенія окупилась впечатлѣніями, вынесенными ими отъ этой поѣздки. «Его величество, — такъ пишетъ сэръ Мозесъ къ одному другу въ Лондонѣ, — сказалъ мнѣ, что я могу быть увѣреннымъ въ его стараніяхъ и въ стараніяхъ его министровъ, искренно стремящихся къ улучшенію быта моихъ единовѣрцевъ въ его имперіи, и что этотъ предметъ много занимаетъ его вниманіе въ настоящее время. Его величество также выразилъ мнѣ свое желаніе, чтобы я посѣ-

тиль наиболее густо населенные евреями города для ознакомленія съ ихъ желаніями и потребностями. Царь, бесѣдуя со мною, коснулся также централизаціи евреевъ въ нѣкоторыхъ слишкомъ населенныхъ губерніяхъ и удостоилъ меня при этомъ сообщеніемъ плана, составленнаго имъ для исправленія этого зла, а именно путемъ расселенія ихъ,—что, какъ намъ извѣстно, приводилось дѣлать, къ сожалѣнію, въ слишкомъ скупыхъ размѣрахъ. Царь также замѣтилъ, что въ его арміи имѣется около 100,000 израильтянъ, которыхъ онъ называетъ «истинными Макавеями» и которые *de jure* имѣютъ право дослужиться до офицерскихъ чиновъ; и хотя между ними нѣтъ еще достигшихъ такихъ званій, однако, какъ выразился императоръ, онъ надѣется, что въ скоромъ времени, многіе изъ нихъ добьются военныхъ чиновъ...» При этомъ царь совѣтовалъ сэру Мозесу повліять настоятельнымъ образомъ на своихъ единовѣрцевъ въ дѣлѣ устраненія привычекъ, составляющихъ естественный результатъ той изолированности, въ которой евреи вынужденнымъ образомъ жили столь долгое время. Рассказывая, что когда сэръ Мозесъ при прощаніи съ царемъ выразился: «Государь, я предоставляю своихъ единовѣрцевъ на ваше попеченіе», то царь въ отвѣтъ на это отвѣтилъ ставшими съ тѣхъ поръ весьма популярными по своей находчивости словами: «они будутъ пользоваться ими, если будутъ походить на васъ». Несправедливости, которымъ такъ часто подвергались евреи въ Россіи, едва ли однако въ состояніи были породить расу по прототипу Мозеса Монтефиоре.

Мозесъ Монтефиоре вернулся въ Англію съ добрыми надеждами на будущее въ положеніи русскаго еврейства, которыя онъ почерпнулъ въ словахъ императора Николая. Вообще въ это время евреи переживали одинъ изъ тѣхъ моментовъ своего существованія, которые слѣдуетъ назвать моментами затишья, когда евреевъ не настолько бьютъ, чтобы крики и стоны ихъ заглушали собою всѣ прочіе вопросы дня; и потому Монтефиоре занялся внутренними дѣлами евреевъ. Предметъ его главныхъ заботъ составляло дѣло воспитанія и образованія евреевъ, такъ какъ онъ предвидѣлъ въ то время скорое появленіе еврейскаго вопроса на сценѣ общественной жизни Англіи, а также и въ-

роятность рѣшенія его въ благопріятномъ для евреевъ смыслѣ. Цѣля образованіе очень высоко вообще, онъ въ данномъ случаѣ видѣлъ въ этомъ одну изъ необходимѣйшихъ нуждъ его еврейскихъ соотчичей, одно изъ наиболѣе важныхъ средствъ для подготовки ихъ къ разумному пользованію предстоявшихъ имъ новыхъ правъ. Въ то же время онъ также много занимался дѣлами филантропіи на родинѣ, гдѣ главныя еврейскія благотворительныя общества учреждены были въ сороковыхъ годахъ. Кромѣ того, онъ очень много работалъ тогда въ дѣлѣ упорядоченія еврейскихъ законовъ о бракѣ и разводѣ, т. е. въ дѣлѣ приведенія ихъ въ нѣкоторую гармонию съ общими законами Англій—вопросъ, который въ то время стоялъ на очереди въ англійскомъ парламентѣ.

Цѣль Монтефіоре заключалась тутъ въ томъ, чтобы добиться съ одной стороны устраненія нѣкоторыхъ стѣсненій, тяготѣвшихъ надъ евреями въ формѣ различныхъ ограниченій при совершеніи брака или развода, а съ другой—обезпеченія за ними ясныхъ и опредѣленныхъ постановленій, въ силу которыхъ они могли бы поступать въ этомъ отношеніи настолько согласно съ предписаніями ихъ религіи, насколько это сообразно съ общимъ духомъ англійскаго законодательства, т. е. не препятствовать имъ оставаться вѣрными своей религіи тамъ, гдѣ исполненія ея требованій не идутъ въ разрѣзъ съ требованіями нравственности вообще. Онъ и достигъ всего этого, какъ это видно изъ изданнаго въ концѣ сороковыхъ годовъ новаго брачнаго закона для всей страны. Участіемъ сэра Мозеса въ дѣлѣ урегулированія бракоразводныхъ законовъ и начинается главный моментъ политической жизни его, обнявшій собою періодъ времени почти въ десять лѣтъ и завершившійся въ концѣ пятидесятихъ годовъ важнымъ парламентскимъ актомъ о полномъ гражданскомъ и политическомъ равноправіи евреевъ Англій.

Слѣдующая затѣмъ поѣздка, предпринятая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія изъ пятаго посѣщенія Палестины въ 1857 г., и имѣвшая своей цѣлью Римъ, совершена была въ 1858 г. Поводомъ послужила надѣлавшая въ свое время столько шуму исторія съ мальчикомъ Мортара. Монтефіоре, успѣвшій сдѣлать столь много на своемъ вѣку, имѣлъ право ожидать, что

его заступничество за несчастных родителей насильно крепленного и отнятого у них дитяти будет принято во внимание, тѣмъ болѣе, что справедливость была на сторонѣ обиженных родителей. Но увы! хитрые іезуиты слишкомъ сильно овладѣли умами правителей тогдашняго Рима и надежды почтеннаго семидесятичетырехлѣтнаго старца Мозеса не оправдались. Его миссія кончилась ничѣмъ: ибо извѣстный латинскій каламбуръ: *si cum Jesuitis, non cum Jesu itis*—никогда не могъ быть болѣе кстати примѣнимъ къ римскимъ властямъ духовнымъ и свѣтскимъ, какъ въ это время. Ех-либеральный папа Пій IX, уже успѣлъ сдѣлаться къ тому времени крупнымъ лицемѣромъ и подпалъ вліянію іезуитовъ. Словомъ, первенствующая сфера тогдашняго Рима черпала свои силы, авторитетность и вдохновеніе не въ томъ христіанскомъ духѣ, по ученію котораго защитой и покровительствомъ должны пользоваться всѣ слабые и обиженные—и серъ Мозесъ потерпѣлъ полнѣйшее фiasco. Это однако единственное путешествіе, совершенное имъ напрасно.

Зато гораздо болѣе благодарными оказывались труды его въ теченіе слѣдующаго затѣмъ года на поприщѣ облегченія участи его единовѣрцевъ іоническихъ острововъ. Вступивъ въ 1859 г. по ихъ поводу въ переписку съ м-ромъ Гладстономъ, состоявшимъ тогда начальникомъ этого края со стороны англійской короны, серъ Мозесъ, отъ имени цѣлой депутаціи, обращается къ нему съ просьбой о возможномъ упорядоченіи политическаго и соціальнаго положенія евреевъ на этихъ островахъ. М-ръ Гладстонъ, который въ то время собирался оставить постъ начальника края, поручилъ это дѣло своему преемнику, сэру Литону, при чемъ отъ себя лично просилъ его о скорѣйшемъ разрѣшеніи затронутого вопроса. Касаясь въ своемъ отвѣтѣ Монтефиоре положенія іоническихъ евреевъ вообще, нынѣшній премьеръ англійскаго министерства, между прочимъ, писалъ слѣдующее: «На сколько я имѣлъ случай лично видѣть положеніе вещей касательно гражданскихъ правъ евреевъ на іоническихъ островахъ, оно незавидно; отношенія къ нимъ со стороны другихъ «завистливы» (*jealous*) и вообще враждебны. Но я, на основаніи личныхъ наблюденій, успѣлъ вмѣстѣ съ

тѣмъ убѣдиться въ томъ, что власти въ состояніи, при первомъ удобномъ случаѣ, произвести весьма значительныя перемѣны въ пользу евреевъ, *что я и рекомендую моему преемнику имѣть въ виду*. Увѣренность государственнаго мужа оказалась основательной; его надежды вскорѣ сбылись на дѣлѣ, и его помощь м-ру Монтефіоре стала приносить плоды—и плоды очень благотворныя.

Какъ видитъ читатель, нынѣшній глава англійскаго кабинета, довольно холодно относящійся въ настоящее время къ участи евреевъ, не всегда былъ таковъ. Стоитъ впрочемъ только взглянуть въ парламентскіе отчеты за пятидесятыя годы, чтобы убѣдиться въ безукоризненности его отношеній. специально къ вопросу о полной эмансипаціи великобританскихъ евреевъ и въ благородствѣ его взглядовъ на евреевъ вообще. Его рѣчи въ пользу евреевъ не оставляютъ желать ничего больше. Онъ своимъ краснорѣчіемъ съ одной стороны и влияніемъ своихъ благородныхъ чувствъ съ другой, очень много способствовалъ блестящимъ результатамъ, достигнутымъ тогда англійскимъ еврействомъ. Нынѣшнія его отношенія къ евреямъ суть чисто внѣшнія, формальныя, и ихъ слѣдуетъ приписать исключительно *чисто-партийнымъ цѣлямъ*: ни поведеніе англійскихъ евреевъ, вполне оправдавшихъ довѣріе къ нимъ англійскаго народа, ни увеличеніе власти самаго Гладстона, которая такъ часто кружитъ головы слабыхъ натуръ, неповинны въ этой перемѣнѣ «всликаго старца» (the great old man), какъ фамиллярно называютъ его въ Англии. Причины его охлажденія или, точнѣе выражаясь, причины его воздержанія отъ открытыхъ заявленій порицанія современному антисемитизму и той слабости и легкомыслію, съ какими власть имущіе относятся къ дѣлу искорененія ядовитой змѣи, закравшейся за пазуху нѣкоторой части современнаго общества, лежатъ исключительно въ соображеніяхъ партийнаго свойства и суть слѣдствія политическихъ расчетовъ съ нѣкоторой, правда, примѣсю личнаго раздраженія. Вообще г. Гладстонъ—натура цѣльная и постоянная. Онъ способенъ мѣнять свои принципы, но не измѣнять имъ. Это значитъ—мѣнять средства, но не цѣль. Известно, что онъ въ молодости былъ однимъ изъ

самыхъ ярыхъ поборниковъ торизма. Онъ въ этомъ качествѣ и выступилъ на политическую арену и дебюты его въ консервативнѣ увѣнчались значительными успѣхами, потому что, какъ человекъ искренній, онъ всецѣло отдался служенію консерватизму, видя въ его средствахъ лучшее спасеніе для общества. Крайности встрѣчаются. Въ политикѣ это выражается тѣмъ, что два антагониста преслѣдуютъ порою, одну и ту же цѣль. Цѣль м-ра Гладстона была—широкая помощь слабымъ; она и осталась такой. Но средства онъ перемѣнилъ. Убѣдившись на практикѣ въ негодности теорій консерваторовъ онъ переходитъ въ лагерь виговъ. Отношенія его къ евреямъ по существу остаются тѣ же. Есть даже основаніе думать, что еврейскій вопросъ на островѣ Джонъ Булля, застигнувшій м-ра Гладстона въ рядахъ консерваторовъ—противниковъ еврейской эмансипаціи—и сошедшій навсегда со сцены по переходѣ этого государственнаго мужа въ лагерь либераловъ—друзей еврейской эмансипаціи—косвенно вліялъ на эту метаморфозу, ибо онъ еще со скамьи, отведенной въ парламентѣ торіямъ, ратовалъ въ пользу евреевъ, вопреки общему настроенію усыновившей его партіи, и такимъ образомъ единственный разъ въ своей жизни протянулъ руку вѣчному противнику своему, м-ру Дизраэли, записному въ тѣ дни радикалу, также заступавшемуся за обиженныхъ единовѣрцевъ его предковъ и также перешедшему впослѣдствіи въ противоположный лагерь англійскихъ политическихъ дѣятелей. Капризная игра судьбы! Точно рокомъ предназначено было, чтобы Гладстонъ и Дизраэли вѣчно боролись, мѣняясь ролями, исключая при всемъ этомъ лишь отношеніе ихъ обоихъ къ евреямъ. Повторяемъ, взгляды м-ра Гладстона на евреевъ ничуть не измѣнились. Если все-жъ-таки нельзя отрицать въ немъ нѣкотораго равнодушія къ нынѣ продѣлываемымъ надъ евреями безобразіямъ, если пламенный защитникъ болгарскихъ жертвъ все-таки хранить упорное молчаніе въ виду жестокостей баши-бузуковъ-антисемитовъ, то это происходитъ, чего опять-таки нельзя отрицать, отчасти по винѣ самихъ англійскихъ евреевъ: блестящее остроуміе лорда Биконсфильда слишкомъ увлекло ихъ; они подъ его обаяніемъ нѣсколько повліяли въ ущербъ либерализму тѣмъ, что они, какъ

это было въ Шеффилдѣ, года три тому назадъ, при перебаллотировкѣ кандидатовъ въ члены парламента подали свои голоса въ пользу консерваторовъ, и такимъ образомъ побѣда на этомъ полѣ осталась за приверженцами Биконсфильда. Это обстоятельство очень огорчило м-ра Гладстона, тѣмъ болѣе, что округъ этотъ издавна выставялъ либерала представителемъ своихъ интересовъ въ парламентѣ. Это подало тогда поводъ къ тому, что у м-ра Гладстона вырвались слова обвиненія евреевъ въ «неблагодарности, такъ какъ они при господствѣ консервативныхъ ученій никогда бы не добились тѣхъ человѣческихъ правъ, какія приобрѣтены ими при помощи либераловъ». Упрекъ отчасти заслуженный, но безпристрастіе признательности въ политикѣ не требуетъ. Къ тому же и сами англичане сильно очарованы были дипломатіей и политикой Биконсфильда. И м-ръ Гладстонъ, навѣрное, вскорѣ взялъ бы свои слова обратно, если бы его раздражительности, вообще свойственной человѣку въ его лѣтахъ, не давали, отъ поры до времени, новой пицци, если бы баронъ Вормсъ, будучи однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ нынѣшней оппозиціонной партіи въ англійскомъ парламентѣ и, стало быть, чаще всякаго другаго консервативнаго члена ломая копыя съ президентомъ либеральнаго кабинета, не былъ евреемъ. При теперешнемъ же состояніи вещей, частыя пререканія и словесныя стычки между Вормсомъ и премьеромъ только возобновляютъ въ головѣ послѣдняго непріятныя воспоминанія о пораженіи въ Шеффилдѣ, благодаря евреямъ, о пораженіи, служившемъ началомъ относительнаго охлажденія Гладстона къ евреямъ. Англійскіе евреи хорошо понимаютъ это и, еще болѣе, охотно прощаютъ заслуженному мужу эту слабость старости и даже часто выражаютъ свое недовольство слишкомъ, порою, рѣзкими требованіями барона Вормса. Еще болѣе признателенъ сэръ Мозесъ м-ру Гладстону за его дѣла въ пользу евреевъ. Старцы вообще живутъ медленнѣе и для нихъ воспоминанія прошлаго имѣютъ болшую прелесть и даже свѣжесть, къ тому же онъ жилъ и чувствовалъ во время великой борьбы англійскихъ евреевъ съ игомъ вѣковыхъ ограниченій, его сердце лихорадочно билось при взвѣшиваніи всѣхъ *pro* и *contra*, что нынѣшнее поколѣніе англійскихъ евреевъ знаетъ больше

по рассказамъ, чѣмъ по опыту, а потому сердце Монтефиоре преисполнено и понынѣ глубокимъ чувствомъ благодарности къ м-ру Гладстону. Портреты супруговъ Гладстонъ украшаютъ его кабинетъ и висятъ на самомъ почетномъ мѣстѣ въ очагѣ англичанина—надъ каминомъ. Сэръ Мозесъ, когда разговоръ касается м-ра Гладстона, даже тономъ своего голоса обнаруживаетъ свое глубокое почтеніе передъ этимъ человѣкомъ. Такъ онъ однажды—это было недавно—сидѣлъ въ своей комнатѣ, окна которой выходятъ на море, и бесѣдовалъ съ однимъ посѣтителемъ. Послѣдній, сидя у окна, замѣтилъ, какъ въ это время мимо проѣхали на яхтѣ оригиналы упомянутыхъ портретовъ—м-ръ и м-риссъ Гладстонъ—и тутъ сказалъ объ этомъ сэру Монтефиоре, на что старецъ съ глубокимъ волненіемъ въ голосѣ, тепло произнесъ: «благослови ихъ Господь, они добрые, добрые люди!»

На Ионическихъ островахъ, какъ и во всѣхъ греческихъ владѣніяхъ, вообще положеніе евреевъ, благодаря стараніямъ сэра Мозеса, м-ра Гладстона и его намѣстника, сэра Строкса, быстро измѣнилось къ лучшему. Это произошло въ 1861 году. По свойственной англичанамъ практичности, тогдашній начальникъ края, желая внушить мѣстному населенію лучшія понятія о туземныхъ евреяхъ, развить въ немъ уваженіе къ нимъ, какъ къ людямъ, безъ чего лучшее обращеніе съ евреями осталось бы *pia desideria*, не довольствовался однимъ авторитетомъ власти, т. е. изданіемъ новаго закона. Зная вліяніе религіи на массу, онъ и прибѣгъ къ ея источнику. По его инициативѣ митрополитъ Афанасій въ Корфу, вслѣдъ за свѣтскимъ указомъ, объявлявшимъ евреевъ равноправными, разослалъ повсюду и своего рода церковную буллу, въ которой духовный глава всей Греціи очень обстоятельно разъясняетъ своей паствѣ, что суровое обращеніе съ евреями находится въ прямомъ противорѣчьи съ истиннымъ смысломъ и духомъ христіанскаго ученія. Это совмѣстное дѣйствіе свѣтской и духовной властей въ пользу обиженныхъ оказалось вполне достаточнымъ, чтобы «ревнивые и даже враждебные» въ отношеніяхъ къ евреямъ греки не только открыли вскорѣ *modus vivendi* для сноснаго, толерантнаго существованія вмѣстѣ, что значитъ лишь примиреніе съ неизбежнымъ зломъ и, стало быть, примиреніе лишь временное, — но и твер-

дую почву для полного сближенія и слиянія, политически и социальна, прочно установившагося тогда и ничѣмъ ненарушеннаго по сіе время: добрая воля и разумъ скоро вытѣснили предубѣжденія—эти плоды невѣжества.

Уладивъ это благое дѣло безъ личнаго пребыванія на мѣстѣ дѣйствій, сэръ Мозесъ, едва успѣвъ пережить самую печальную пору своей жизни — годъ траура по безпредѣльно имъ любимой супругѣ, умершей въ 1862 г., и все еще оплакивая потерю свою, уже опять въ дорогѣ. На этотъ разъ, въ 1863 г., поѣздка его посвящена была участи мароккскихъ евреевъ. Ему уже тогда было 79 лѣтъ. И хотя онъ въ общемъ обладалъ еще хорошимъ здоровьемъ, однако замѣтны были глубокіе слѣды недавней потери, чувствительно подкопавшей его организмъ. Онъ былъ настолько слабъ физически, что не способенъ былъ ѣздить верхомъ, и его носили черезъ обширную пустыню, покрытую жгучимъ пескомъ на *chaise à porteur* или въ паланкинѣ. За то тѣмъ сильнѣе казался онъ нравственно. Его нервы точно чужды были всякой слабости и духъ его не зналъ утомленія — дѣятельность его духа, казалось, дѣлалась тѣмъ энергичнѣй, чѣмъ слабѣе становилось его тѣло. Цѣли своей онъ достигъ безъ особенныхъ напряженій: мароккскій султанъ далъ ему обѣщаніе покровительствовать евреямъ своей страны и вскорѣ дѣйствительно издалъ эдиктъ въ этомъ смыслѣ. И хотя хартия эта часто нарушалась въ Марокко, однако она и нынѣ служитъ важной гарантіей относительнаго обезпеченія евреевъ противъ нападеній туземцевъ—нападеній, которыя до того времени проходили безнаказанно; она служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніемъ для заявленія протеста въ случаяхъ новыхъ или вообще жестокихъ притѣсненій и ограниченій евреевъ. Эдиктъ этотъ, какъ залогъ и какъ точка опоры, оказалъ много услугъ мароккскимъ евреямъ, какъ благопріятный законъ вообще, но еще болѣе, быть можетъ, той обстановкой, при которой изданъ былъ этотъ законъ, потому что мавры тогда впервые увидѣли въ лицѣ сэра Мозеса—еврея, которому выказывалось одинаковое уваженіе и со стороны англичанъ, и со стороны ихъ собственнаго владыки, и такимъ образомъ фактически убѣдились въ томъ, что и еврей ужъ вовсе не такое презрѣнное

существо, какимъ они привыкли его считать. И въ самомъ дѣлѣ, мавры были крайне поражены, будучи свидѣтелями появленія одного изъ «презрѣнныхъ» на англійскомъ военномъ суднѣ, особенно при видѣ почета, съ какимъ англійскіе офицеры сопровождали израильянина въ столицу Марокко, и встрѣчи, какой израильянинъ удостоился со стороны двора. Такіе факты долго живутъ въ памяти народа и остаются факторами продолжительнаго, если не окончательнаго примиренія между евреями и неевреями.

Читателямъ извѣстно уже, какія работы наполняли время филантропа между возвращеніемъ его изъ Марокко и поѣздкой въ Палестину въ 1866 г. Въ слѣдующемъ затѣмъ 1867 году, на 83 году своей жизни, онъ отправился въ Румынію, на долю евреевъ которой выпала такая тяжелая участь. Какъ велико было раздраженіе противъ несчастныхъ сыновъ Израиля, можно видѣть изъ того, что самому Монтефиоре въ Бухарестѣ грозили убійствомъ изъ-за угла. Это однако не утратило старца, привыкшаго уже ко всякаго рода угрозамъ и опасностямъ, съ которыми постоянно связана была его дѣятельность на аренѣ борьбы изъ-за беззащитно-преслѣдуемыхъ. Онъ хотя и добился нѣкоторыхъ фактическихъ облегченій и обѣщаній на еще лучшее въ будущемъ, но въ общемъ успѣхи его не могли считаться великими. Вообще, какъ это ни странно, ему удавалось гораздо больше на востокѣ, гдѣ онъ имѣлъ дѣло только съ здравымъ, не хитрымъ разсудкомъ, не просвѣщенныхъ, за то и не испорченныхъ полуобразованіемъ людей и ихъ владыкъ, чѣмъ на западѣ, гдѣ тѣ и другіе, благодаря цивилизаціи, гораздо лукавѣе мудрствуютъ и съ помощью затѣйливой казуистики затемняютъ самыя простыя вещи.

Спустя четыре года ему предстояла поѣздка въ Персію. Состояніе его здоровья помѣшало ему совершить это путешествіе, но не помѣшало сдѣлать все возможное, оставаясь дома. Въ 1871 г. въ Персіи былъ страшный голодъ. Особенно страдали отъ него евреи, и вотъ Мозесъ Монтефиоре созываетъ специальное собраніе депутатовъ еврейскаго комитета для обсужденія способовъ вспоможенія голодающимъ персидскимъ евреямъ. Дѣлается подписка, и въ короткое время собрана поч-

тенная сума въ 17,971 ф. ст. (около 180 тысячъ рублей). Деньги эти вручены были м-ру Алисону, британскому послу въ Тегеранѣ, для распредѣленія ихъ между евреями Персіи. Это было только началомъ цѣлаго ряда подобныхъ же сборовъ пожертвованій въ пользу евреевъ этой бѣдной страны.

Черезъ годъ послѣ этого, въ 1872 г., будучи 88 лѣтъ отъ роду, сэръ Мозезъ рѣшается на вторичную свою поѣздку въ Россію по случаю двухсотлѣтняго юбилея Петра Великаго, Собственноручно поднеся покойному императору, Александру II поздравительный адресъ, старецъ удостоился очень любезнаго приѣма въ Петербургѣ. Когда покойный императоръ узналъ о прибытіи Мозеса Монтефиоре, онъ находился въ лагерѣ, въ окрестностяхъ столицы, гдѣ производились лѣтніе маневры войскъ. Царь, чтобы избавить почтеннаго гостя отъ излишней трудности, съ которой сопряжена была бы для старца поѣздка въ лагерь, самъ нарочно пріѣхалъ въ Зимній дворецъ. Уже одна эта предупредительность очень обрадовала благодарнаго старца. Еще болѣе пріятны были впечатлѣнія, какія вообще производило на него пребываніе его въ Россіи. Покойный государь долго бесѣдовалъ съ нимъ на англійскомъ языкѣ. При этомъ разговорѣ царь коснулся между прочимъ аудіенціи сэра Мозеса у отца, императора Николая, въ 1846 г., и возобновивъ его обѣщанія, присоединилъ къ нимъ и свои собственныя увѣренія въ благосклонномъ расположеніи къ единовѣрцамъ старца. Факты на каждомъ шагѣ показывали сэру Монтефиоре, что царскія слова не были лишъ выраженіями вѣжливости. Перемѣны къ лучшему въ положеніи русскихъ евреевъ, которыя произошли въ теченіи двадцатипятилѣтняго періода, простиравшагося между первымъ и вторымъ посѣщеніями Россіи сэромъ Мозесомъ, были громадны. «Я встрѣчалъ, пишетъ онъ, евреевъ, носившихъ знаки отличія, какію они получили собственноручно отъ императора за храбрость или другія гражданскія доблести; я лично бесѣдовалъ съ еврейскими купцами, обладающими европейскимъ образованіемъ, а также и съ писателями и даже редакторами нѣкоторыхъ періодическихъ изданій на русскомъ языкѣ; встрѣчалъ я также художниковъ и весьма искусныхъ ремесленниковъ, а въ средѣ еврей-

скихъ простолюдиновъ нашелъ многихъ, которые служили въ арміи. И всѣ они, люди всѣхъ этихъ сословій и званій, одинаково выражали довольство своимъ положеніемъ, какъ еврей». Не менѣе былъ онъ очарованъ и чисто внѣшнимъ преобразованиемъ ихъ. «Еврей, пишетъ онъ далѣе, одѣваются теперь, какъ одѣваются люди приличныхъ классовъ въ Англии, Франціи или Германіи». Особенно доволенъ онъ успѣхами своихъ соплеменниковъ на поприщѣ просвѣщенія и съ радостью отмѣчаетъ онъ факты, что «школы ихъ переполнены учащимися и что они выдаются своими предпріятіями во всѣхъ честныхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности». Не смѣтруя на преданность его ортодоксальнымъ принципамъ въ еврейской религіи, онъ искренно радуется реформамъ, введеннымъ русскими его единовѣрцами даже въ этой области: «съ удовольствіемъ здѣсь вижу я, говоритъ онъ далѣе, синагоги, гдѣ проповѣди читаются на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ». Радостямъ старца не было конца. Одно пріятное удивленіе смѣнялось рядомъ другихъ такихъ же, а порою, еще болѣе пріятныхъ. Страстно любя еврейскую литературу, а главное древне-еврейскій языкъ, онъ съ неописанною радостью разсматриваетъ прекрасные атласы и карты, сдѣланные необычайно искусно, съ подробнѣйшимъ обозначеніемъ городовъ, деревень, горъ, рѣкъ и озеръ, линій желѣзныхъ дорогъ etc. и все это на древне-еврейскомъ языкѣ; съ такимъ же удовольствіемъ разсматривалъ онъ множество различныхъ воспитательныхъ книгъ, т. е. учебниковъ по исторіи, географіи, грамматикѣ, естественной исторіи, физикѣ, химіи и пр. напечатанныхъ на древне-еврейскомъ же языкѣ, съ цѣлью дать возможность образованія въ современномъ духѣ тѣмъ изъ евреевъ, которые, по незнанію русскаго или какого либо другаго европейскаго языка, лишены средствъ къ пріобрѣтенію обыкновенныхъ свѣтскихъ знаній. Всѣхъ почти сочиненій и картъ онъ забралъ съ собою по одному экземпляру и увезъ на родину, въ Англию, какъ самые лестные знаки вниманія и памяти о Россіи и о русскихъ евреяхъ, которые ему доставлены были этими продуктами успѣховъ, достигнутыхъ не безъ его содѣйствія.

Къ прискорбію, Моисеу Монтефиоре пришлось впоследствии

значительно разочароваться въ своихъ упованіяхъ на свѣтлое будущее для евреевъ Россіи. Онъ дожилъ до одного изъ тѣхъ моментовъ въ исторіи человѣчества, когда, совершая свой зигзагообразный путь къ совершенству, оно внезапно оказывается на углу, напоминающемъ одну изъ самыхъ темныхъ и мрачныхъ эпохъ варварства. Человѣческій прогрессъ, точно сознательно желая показать намъ свою цѣнность, отъ поры до времени, какъ бы для вящаго контраста въ свою пользу, позволяетъ просковозиться тому или другому вѣянію духа самаго густаго невѣжества черезъ покровъ цивилизаціи и тѣмъ напоминаетъ намъ о своемъ значеніи для насъ, пороку, такъ легкомысленно забывчивыхъ. Тяжело было для сэра Мозеса видѣть регрессъ въ положеніи русскихъ евреевъ, когда друзья его, тщателью старавшіеся изъ состраданія къ почти столѣтнему старцу, — ибо знали, какъ глубоко это затронетъ его сердце, — скрыть отъ него перемѣну къ худшему въ обращеніи съ евреями Россіи, уже не были болѣе въ состояніи сдѣлать это. Тяжела и грустна была его обязанность снова взяться за дѣло матеріальной помощи жертвамъ направленнаго противъ евреевъ гнѣва толпы и небрежности властей въ дѣлѣ погромовъ. За то какъ несказанно обрадовался онъ, когда сталъ замѣчать въ Россіи лучи пробуждающагося у властей сознанія того позора который связанъ съ словами «еврейскіе погромы»!

Со времени его послѣдняго посвѣщенія Россіи, жизнь его, по своей дѣятельности, стала отличатся менѣе бурнымъ характеромъ. Испытывая значительныя затрудненія, вслѣдствіе глубокой старости, въ продолженіи дѣятельности прежнему, онъ постепенно сталъ удаляться отъ роли активнаго дѣятеля. И это было тѣмъ легче, что времена настали относительно тихія, и общія впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ послѣднихъ странствій по дальнимъ странамъ, были успокоительнаго характера. Такимъ образомъ онъ въ 1874 г. отказался отъ чести предсѣдателя въ комитетѣ еврейскихъ депутатовъ, въ качествѣ чего состоялъ со времени существованія этого союза. Онъ и при этомъ случаѣ, хотя пассивно, совершилъ очень крупное благодѣяніе. Мы подразумѣваемъ упомянутый выше отказъ его отъ предложенія, сдѣланнаго ему въ это время его товарищами,

которые, собравъ крупную сумму въ 12000 ф. ст. съ цѣлью увѣковѣчить его имя, хотѣли воздвигнуть ему какой-нибудь памятникъ, за возвышенность его характера и важность его общественныхъ услугъ. Мозесъ Монтефиоре посовѣтовалъ друзьямъ своимъ употребить эти деньги на улучшение быта евреевъ святой земли, а именно основать фондъ для образованія строительнаго общества, которое поставило бы своей задачей снабженіе палестинскихъ евреевъ хорошими жилищами, въ чемъ чувствовался такой большой недостатокъ, требовавшій немедленнаго исправленія, какъ онъ замѣтилъ это во время шестаго своего пребыванія въ Палестинѣ. Съ этого момента совѣтъ опытнаго старца вызвалъ движеніе въ этомъ направленіи среди евреевъ не только Лондона и Рамсгета, но также и Америки, Австраліи, Италіи и другихъ странъ. Въ этой идеѣ они увидѣли лучшей способъ празднованія памяти именитаго *столѣтняго гуманиста*.

Въ 1875 г. послѣдовала, какъ извѣстно, прощальная поѣздка старца въ Палестину. Это было послѣднимъ общественнымъ актомъ въ длинномъ ряду прекрасныхъ поступковъ на полѣ служенія ближнимъ. Съ тѣхъ поръ, будучи уже человѣкомъ, переживающимъ десятое десятилѣтіе, что естественно должно ограничить участіе въ общественныхъ дѣлахъ, онъ очень рѣдко бываетъ въ обществѣ. Онъ однако глубоко интересуется и по сіе время всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ свѣтѣ, и, живя почти безвыѣдно въ своей резиденціи въ Рамсгетѣ, въ особенныхъ случаяхъ все таки является въ свѣтѣ. Такъ, въ 1878 г., изъ уваженія съ одной стороны къ патріотическому энтузіазму, овладѣвшему тогда умами всѣхъ англичанъ по поводу удачъ, достигнутыхъ представителемъ ихъ интересовъ на берлинскомъ конгрессѣ, а съ другой—къ самому герою торжествъ, лорду Биконсфилду, такъ успѣшно исполнившему возложенную на него народомъ государственную миссію и теперь возвращавшемуся въ лоно своей великой и признательной родины,—сэръ Мозесъ специально поѣхалъ въ Лондонъ къ нему на встрѣчу. Живо сохранилась въ памяти англійскаго народа дѣйствительно необычайно трогательная сцена, происходившая на дебаркадерѣ гарингъ-кросскаго вокзала, когда лордъ Генри Ленноксъ

подвелъ старца-филантропа къ нѣскольکو лишь моложе его старцу-дипломату. Присутствовавшіе при этой встрѣчѣ обѣихъ этихъ личностей, столь различныхъ по своимъ характерамъ и роду дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь высоко цѣнимыхъ согражданами ихъ за ихъ услуги отечеству, съ воодушевленіемъ разсказываютъ объ этомъ. Другой разъ Мозесъ Монтефіоре выдавался среди гостей, созданныхъ по какому-то поводу, года три, четыре тому назадъ, принцомъ Уэльскимъ въ обширномъ саду мальборосскаго замка. Уваженіе, коимъ пользовался старецъ въ этомъ кругу самыхъ именитыхъ людей Англіи, видно было изъ общаго вниманія, съ которымъ относились къ нему гости и самъ наслѣдній принцъ. Наконецъ, носились даже одно время слухи, будто сэръ Мозесъ, не взирая на опасную въ его годы дальнюю поѣздку, собирався лично присутствовать при коронаціи императора Александра III, такъ какъ онъ льстилъ себя надеждою, что такой самоотверженный поступокъ съ его стороны возымѣетъ, быть можетъ, благотворное вліяніе на судьбы русскихъ евреевъ. Но настоянія его друзей съ его докторомъ во главѣ, а главное, высказанныя ими мнѣнія, что его соображенія въ этомъ случаѣ — не совсѣмъ убѣдительнаго свойства, отклонили старца отъ задуманнаго имъ шага. И онъ ограничился тѣмъ, что пославъ письменное поздравленіе царю, гдѣ не преминулъ, разумѣется, молить о царской милости къ своимъ братьямъ. Въ это же время онъ обратился ко всѣмъ рѣшительно депутатамъ венгерской палаты съ разъяснительной запиской о нелѣпости обвиненія судимыхъ въ Нирегитазѣ евреевъ по тисса-эсларскому дѣлу, къ которой приложилъ копію съ фирмана 1840 г., гдѣ такъ обстоятельно разсматривается и такъ убѣдительно опровергается всякое основаніе тяготящаго надъ евреями страшнаго обвиненія въ употребленіи человѣческой крови. Сэръ Мозесъ Монтефіоре, со времени сдѣланнаго имъ визита принцу Уэльскому, нигдѣ болѣе не показывался; а послѣднимъ его публичнымъ актомъ, завершившимъ собою блестящій кругъ высокихъ услугъ, какія оказывалъ этотъ неутомимый «другъ человѣка», этотъ типъ чистѣйшаго гуманиста на поприщѣ служенія высшему идеалу, было обращеніе его

къ представителямъ венгерскаго народа съ основательной просьбой:—«быть справедливыми къ угнетаемой части населенія этой страны, къ евреямъ».

Полагаемъ поэтому умѣстнымъ, закончить на этомъ мѣстѣ нашъ очеркъ о славной жизни этой личности, сказавъ въ заключеніе лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ этотъ старецъ проводитъ дни свои въ настоящее время.

Вообще онъ почти во всемъ придерживается старыхъ своихъ привычекъ, исключая лишь привычки курить, отъ которой онъ счумѣлъ отучиться, будучи еще человѣкомъ среднихъ лѣтъ. Многія изъ этихъ привычекъ, естественно, кажутся крайне странными въ глазахъ современнаго поколѣнія. Такъ онъ все еще носитъ рубашки съ кружевами и прочими подобнаго рода вычурными украшеніями и съдлиннымъ стоячимъ «седанскимъ» воротникомъ, доходящимъ до ушей и закрывающимъ почти весь подбородокъ. До 1862 г. онъ постоянно носилъ голубой фракъ съ золотыми пуговицами, обыкновенный въ его молодости костюмъ джентельмена, но составлявшій въ шестидесятихъ годахъ очень странный, если не смѣшной, анахронизмъ; ничто въдѣ не кажется столь смѣшнымъ, какъ запоздалые остатки измѣнчивой моды. Встаетъ онъ теперь нѣсколько позже обыкновеннаго, въ 11 часовъ утра, и ложится спать около 9 вечера. Въ хорошую погоду онъ выѣзжаетъ покататься по излюбленнымъ имъ мѣстамъ, при чемъ часто любитъ проѣзжать мимо синагоги. Хотя онъ въ дальнихъ путешествіяхъ своихъ всегда имѣлъ при себѣ собственнаго врача, такъ какъ не всегда могъ полагаться на основательность медиковъ на востокѣ, однако дома онъ почти исключительно довѣряется опытной своей сидѣлкѣ, м-триссѣ Мюллеръ, которая очень умѣло ухаживаетъ за нимъ. Питается онъ теперь главнымъ образомъ молокомъ, изрѣдка супомъ и только для перемѣны, иногда, хлѣбомъ съ масломъ; другимъ главнымъ предметомъ для поддержки его существованія служитъ старый портвейнъ, котораго онъ выпиваетъ въ день два, три стакана. Завтракаетъ онъ въ постели и тотчасъ послѣ завтрака приступаетъ къ обширной и оживленной корреспонденціи, которую продолжаетъ вести при помощи двухъ постоянныхъ секретарей, одного англичанина и одного иностранца, на древ-

не-еврейскомъ и современныхъ языкахъ. Ему перечитываютъ письма и телеграммы, и тутъ же онъ дѣлаетъ распоряженія касательно отвѣтовъ, въ чемъ онъ замѣчательно аккуратенъ. Съ особенной грустью замѣчаетъ онъ, какъ рѣдѣютъ ряды его друзей и товарищей. Особенно чувствительной оказалась для него потеря стараго его сосѣда, Тайта, архіепископа кентерберійскаго, и онъ еще по сіе время съ грустью вспоминаетъ о смерти этого прелата, бывшаго его давнимъ другомъ и отличавшагося дѣйствительно рѣдкимъ умомъ и свѣтлой душой. Сэръ Мозесъ однако не тратитъ времени на оплакиваніе умершихъ. Это не въ его натурѣ, которая по сути своей мало измѣнилась. Онъ и тѣломъ и духомъ представляетъ собою типъ изъ ряда вонъ выдающагося человѣка. Рѣдкая память, логичность мышленія, связность рѣчи въ бесѣдахъ сохранились въ немъ въ прежней силѣ, остались нетронутыми временемъ; онъ обладаетъ еще въ совершенствѣ зрѣніемъ и слухомъ, духъ его не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ свойственной этому возрасту сонливости или утомленности, рѣчь его отличается плавностью и цѣльностью; и стоя на порогѣ *своего столѣтія* онъ не ходитъ съ согбенной отъ старости спиной, хотя ростомъ онъ высокъ—6 футовъ и 8 дюмовъ, почти 2 аршина и 14 дюймовъ т. е. почти ростомъ съ Петра Великаго. Онъ не только легко узнаетъ всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей, но помнитъ и имена всякаго изъ нихъ; но, какъ самъ признается, путается иногда въ сложныхъ генеалогіяхъ потомковъ его старинныхъ пріятелей и товарищей, которые посѣщаютъ его отъ поры до времени, чтобы лично засвидѣтельствовать ему свое глубокое почтеніе. Посѣщаютъ его многіе, и онъ всѣхъ одинаково охотно принимаетъ въ промежутокъ времени между завтракомъ и обѣдомъ въ своемъ кабинетѣ. Болѣе интимные друзья и родные имѣютъ доступъ въ его спальню, окна которой выходятъ на море. Тутъ онъ часто рассказываетъ имъ съ удивительнымъ воодушевленіемъ и подробностью интересныя исторіи сдѣланнаго, видѣннаго и слышаннаго имъ въ теченіи долгодѣтней своей жизни, и замѣчательна при этомъ точность сообщаемыхъ имъ фактовъ: онъ, въ часто повторяемыхъ имъ рассказахъ и анекдотахъ, ни-

когда не измѣняетъ и не забываетъ даже мелочей. Онъ очень вѣжливъ и обходительно ласковъ со всѣми; онъ одинъ изъ тѣхъ, которые умѣютъ всякому сказать что нибудь пріятное. Говоря объ отсутствующихъ или покойныхъ, онъ никогда не проронитъ дурного слова, все равно—идеть ли рѣчь о человѣкѣ симпатичномъ для него или нѣтъ. Но онъ умѣетъ пользоваться ироніей; такъ онъ недавно, когда рѣчь зашла объ Антонелли, который, какъ извѣстно, былъ человѣкъ тщедушный,—ничего, конечно, не говоря объ немъ дурнаго, назвалъ его «fine fellow», что значитъ: умный малый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и худой, такъ какъ *fine* значитъ *тонкій* въ тѣлесномъ или духовномъ отношеніи. Особенно любимой темой для разговоровъ служатъ для него положеніе его соплеменниковъ и значеніе прессы. Онъ съ особеннымъ оживленіемъ распространяется объ улучшеніяхъ въ участи первыхъ, поэтому съ глубокимъ чувствомъ уваженія и благодарности относится ко всѣмъ тѣмъ, которые тѣмъ-либо способствовали успѣхамъ этихъ стремленій въ пользу евреевъ, а въ томъ числѣ къ органамъ печати. Также съ удовольствіемъ останавливается онъ на тѣхъ, которые ему лично содѣйствовали въ этой работѣ. Его бесѣды однако далеко не ограничиваются одними этими сюжетами, хотя онъ и обладаетъ громаднымъ и разнообразнымъ запасомъ ихъ. Смотри по собесѣднику онъ мѣняетъ тему разговоровъ: въ кругу старыхъ друзей онъ охотно переносится въ прошлое и предается пріятнымъ воспоминаніямъ о немъ, въ обществѣ молодыхъ людей онъ, наоборотъ, касается болѣе предметовъ настоящаго и при случаѣ останавливается на выгодахъ имѣть хорошую подругу жизни и о неосновательности многихъ, видящихъ свое счастье въ посвященіи своего вниманія накопленію земныхъ благъ, «ибо, какъ выражается онъ, счастье людей не въ златѣ, а въ сердцѣ». Иногда онъ проводитъ часъ—другой въ своей собственной библиотекѣ, прилежащей къ его кабинету и отдѣланной въ чисто готическомъ вкусѣ. Тутъ имѣется масса цѣнныхъ книгъ и множество прекрасныхъ произведеній живописи и скульптуры, и между ними портреты и бюсты друзей. Его собственный портретъ, который, какъ извѣстно, представляетъ прекрасное произведеніе искусства и который на-

рисованъ былъ по заказу нѣкоторыхъ изъ его друзей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, м-ромъ Ричардсономъ, ректоромъ академіи художествъ въ Англии, висить въ его спальнѣ. Портретъ этотъ вышелъ замѣчательно удачнымъ: вѣрный типъ идеальной доброжелательности. И дѣйствительно нельзя себя представить ничего болѣе добраго и достойнаго, какъ выраженіе его лица съ свѣтающимися добротой изъ подъ четырехугольной черной яромки глазами и съ легкой краской на щекахъ, обрамленныхъ сѣдыми бакенбардами, краской, свойственной лишь лицамъ тѣхъ старцевъ, которые молодые годы своей жизни проводили разумно, безъ ущерба для души и тѣла. Не менѣе удачна и обстановка, въ которой представленъ сэръ Мозесъ Монтефіоре: радушный приемъ посѣтителя въ моментъ дружескаго рукопожатія, когда сэръ Мозесъ, привѣтствуя гостя, собирается вступить въ откровенный задушевный разговоръ съ послѣднимъ. И весь успѣхъ художника заключается, въ сущности, въ томъ, что онъ въ портретѣ этомъ даетъ вѣрную копию замѣчательнаго оригинала, о дѣйствіяхъ котораго, наполнившихъ собою такой длинный періодъ времени, мы могли дать тутъ лишь самый слабый отчетъ, о духѣ котораго, воодушевлявшемъ эти дѣйствія, можно, надѣемся, составить себѣ хоть нѣкоторое понятіе. «Не многимъ смертнымъ суждено имѣть за собою столѣтнее существованіе—*vivendo vincere soeculum*, еще менѣе число тѣхъ, которые имѣютъ право обозрѣвать весь долгій періодъ своей жизни съ такимъ безукоризненнымъ наслажденіемъ, какимъ полонъ этотъ истинный образецъ всего лучшаго въ человѣкѣ, какъ этотъ *vir bonus*.» Такъ выражается м-ръ Сидней въ своемъ біографическомъ очеркѣ о Мозесѣ Монтефіоре, и этимъ заключимъ и мы нашъ очеркъ объ этомъ рѣдкомъ экземплярѣ даже въ средѣ лучшей породы людей.

Л. Г.

ПѢСНИ ДНЯ.

* *
*

Съ насмѣшкой смотрять на меня
Мои россійскіе собраты,
Когда томимый злобой дня
„Жидамъ“ выдаюся я въ объятя;
Когда-жъ Россію вновь поетъ
Моя страдальческая муза,
Гнушаясь стараго союза,
Кричатъ: „Онъ лжетъ, коварно лжетъ“.

Ну, что-же?—Смѣйтесь надо мною!
Но знайте, милые друзья,
Пока еврей гонимъ судьбою,
Его печаль—печаль моя;
Пока его клеймятъ презрѣньемъ
Не правды гласъ, а ложь и тьма,
Съ себя не сброшу я клейма
Во дни тревогъ, во дни гоненій...

Но нѣтъ, не лгу я, коль отчизнѣ
Я посвящаю стихъ порой —

Я безъ грѣха и укорины
Люблю тебя, мой край родной:
Съ тобой я кровью породился,
Въ тебѣ позналъ опасность битвъ,
И горечь слезъ, и жаръ молитвъ;
Въ тебѣ умру, въ тебѣ родился...

И люди есть въ моей странѣ
Чтобы понять—хочу я вѣрить —
Какой достался искусь мнѣ,
И мнѣ не нужно лицемѣрить.
О! Тѣ, что въ ближнемъ свято чтутъ
Превыше рода—человѣка,
Въ рядахъ бойцевъ за славу вѣка
Мнѣ мѣсто братское дадутъ!..

М. Абрамовичъ.

ПРАЗДНИКЪ ЖАРГОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

СОЛОМОНЪ МОИСЕЕВИЧЪ АБРАМОВИЧЪ И ЕГО 25-ТИЛѢТНЯЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Въ виду наступленія двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности Соломона Моисеевича Абрамовича, я хочу подѣлиться съ читателями „Восхода“ нѣкоторыми отрывочными свѣдѣніями изъ жизни почтеннаго юбиляра и сдѣлать краткій обзоръ его сочиненій. Быть можетъ, читатель найдетъ въ этомъ кое-что интересное или поучительное.

О жизни и воспитаніи нашего писателя можно написать весьма объемистую книгу, но въ журнальной статьѣ мы можемъ передать лишь одни выдающіеся моменты.

Познакомился я съ С. М. еще въ ранней молодости. Не разъ, въ интимныхъ бесѣдахъ, мы передавали другъ другу все наше прошлое съ мельчайшими подробностями, и эти рассказы С. М. служатъ мнѣ теперь вѣрнымъ источникомъ для его характеристики. Надѣюсь, что мой почтенный другъ не посѣтуетъ на меня за мою нескромность, такъ какъ со своимъ незапятнаннымъ именемъ онъ смѣло можетъ предстать на судъ публики...

Вся жизнь Абрамовича составляетъ рядъ случайностей, за которыми онъ постоянно цѣплялся, пока не вышелъ на торную дорогу, которая, впрочемъ, и теперь не усыяна розами. Она представляетъ собою миниатюрную копию трагической исторіи всего нашего обездоленнаго племени, которое не чувствуетъ твердой почвы подъ ногами и несется по волѣ вѣтра, точно потерпѣвшій крушеніе путешественникъ въ арктическихъ странахъ на морскихъ льдинахъ безъ плана и цѣли—а искомаго берега все нѣтъ, да нѣтъ!.. Попадаетъ онъ по временамъ на громадную льдину, на которой отдыхаетъ нѣсколько отъ перетерпѣнныхъ бурь и урагановъ; но вотъ

небо вновь заволакивается тучами, вѣтеръ усиливается и превращается въ ураганъ, льдина кряхтитъ подъ ногами испуганнаго народа, еще минута—и она разсѣлась... Небо проясняется, морскія волны утихаютъ, вновь приближается на спасеніе громадная глыба, но это, увы, опять не твердая почва, а плавающий ледъ, подъ которымъ зіяютъ холодныя морскія пучины!..

Обыденное, первоначальное воспитаніе еврейскихъ дѣтей не представляеть собою ничего интереснаго. Каждый еврей, воспитывавшійся по методу добраго стараго времени, хорошо помнитъ всю неприглядную обстановку своего хедера, гдѣ онъ короталъ невеселые дни своего дѣтства и юношескаго возраста. Каждый еврей хорошо помнитъ своего грознаго, вѣчно сердитаго, никогда не улыбающагося и ничѣмъ недовольнаго меламеда. Кто изъ евреевъ прежняго времени, будучи въ хедерѣ, не проклиналъ въ душѣ страшную меламедскую ферулу и вѣчное, безцѣльное корпѣніе надъ фолиантами, смыслъ которыхъ труднѣе было раскусить, чѣмъ скорлупу кокосоваго орѣха? Соломонъ Моисеевичъ, родившійся въ 1835 г., въ м. Копылѣ, воспитывался сначала точно также какъ и всѣ прочіе его сверстники; но хедеръ, куда онъ попалъ, все-таки выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ, а потому остановимся нѣсколько на этомъ хедерѣ, откуда будущій писатель вынесъ свои первыя дѣтскія впечатлѣнія. Отецъ Абрамовича считался въ м. Копылѣ однимъ изъ лучшихъ талмудистовъ и за свою еврейскую ученость не только пользовался уваженіемъ и почетомъ въ бетъ-мидрашѣ, но считался первымъ авторитетомъ въ мѣстечкѣ: къ нему обращались за совѣтами не только касательно разрѣшенія трудныхъ мѣстъ талмуда, но и въ трудныхъ житейскихъ обстоятельствахъ. Какъ человекъ зажиточный, старикъ Абрамовичъ желалъ, чтобы сынъ его, обнаружившій съ самаго ранняго дѣтства свои недюжинныя способности, находился въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ его сверстники при изученіи св. Торы (подъ которой подразумевалось конечно не только книги св. писанія, но и талмудъ и вся громадная раввинистическая литература), т. е. онъ желалъ, чтобы его сынъ занимался больше, чѣмъ обыкновенно занимаются дѣти, и чтобы вообще драгоценное время не пропадало даромъ для ребенка. Въ это время въ м. Копылѣ находился, въ качествѣ меламеда, нѣкій Іосе Рубенъ, который извѣстенъ былъ, какъ замѣчательный гебраистъ и талмудистъ, но въ тоже время какъ оригиналь особаго рода. И дѣйствительно, какъ было ему не слыть оригиналомъ, когда онъ, ученый талмудистъ, прекрасно понималъ столярное ремесло, искусно рѣзалъ по дереву и камнямъ, да кроилъ

того имѣлъ еще понятіе о живописи? Рѣзная работа на кивотѣ въ и. Копыль принадлежить ему; большая часть эпитафій, вырѣзанныхъ на каменныхъ плитахъ, разсѣянныхъ по копыльскому кладбищу, произведены имъ-же; печати на стали и мѣди—опять произведенія его рукъ и даже рисунки для вышиванія онъ собственноручно изготовлялъ для всего прекраснаго пола и. Копыля. Онъ же опять росписывалъ разными священными эмблемами и вычурными надписями всѣ стѣны большой синагоги, а въ случаѣ какой либо невѣдомой болѣзни, единственно онъ умѣлъ выписывать разныя заклинанія и средства на миндаляхъ и бобахъ. Этотъ самоучка-художникъ, какъ имъ неоднократно передавалъ С. М., былъ человѣкъ прекрасной души и обладалъ хорошимъ даромъ преподаванія. Не смотря на такое множество профессій, онъ однако всегда почти терпѣлъ крайнюю нужду и мелемедство въ концѣ концовъ служило ему главнымъ подспорьемъ въ жизни. Къ этому-то мелемеду-оригиналу опредѣлили на выучку нашего даровитаго мальчика. Хотя мелемедъ добросовѣстно исполнялъ свою обязанность и не отвлекалъ вниманія ребенка своими посторонними занятіями, но послѣднія все-таки будили пытливость въ любознательномъ мальчикѣ и тянули его къ чему-то другому, ему невѣстному, въ какую-то мечтательную даль, долженствующую быть гдѣ-то за предѣлами талмуда и его комментариевъ. На воображеніе мечтательнаго мальчика дѣйствовали еще двѣ другія оригинальныя личности, близкіе знакомые его мелемеда, которыхъ онъ имѣлъ случай наблюдать весьма часто. Одинъ изъ этихъ оригиналовъ, принадлежа къ мѣстной ученой еврейской аристократіи, разорвалъ всѣ связи съ нею и, противъ всѣхъ традицій, замѣнилъ талмудъ столярнымъ ремесломъ, которое кормило его безбѣдно, и какини-то никому невѣдомыми путями научился играть на скрипкѣ, съ которой постоянно возился въ часы досуга и потѣшалъ своей незатѣливой музыкой всѣхъ дѣтей и. Копыля. Между дѣтьми этотъ столяръ-артистъ былъ совершенный ребенокъ—гулялъ и игралъ съ ними, и только среди дѣтей онъ находилъ истинное удовольствіе и чувствовалъ себя хорошо. Соломонъ Моисеевичъ прикинулъ къ этому чудаку всей своей невинной дѣтской душой и съ жадностью прислушивался къ его веселенькимъ пѣсенкамъ, а также къ его фантастическимъ рассказамъ о сѣдой старинѣ. Другой оригиналъ былъ совершенно противоположный типъ—реальность и вольнодумецъ. Заванія и самая важность его не соответствовали понятіямъ тогдашнихъ копыльцевъ. По ремеслу—фельдшеръ, онъ всегда носилъ нѣмецкое платье, брилъ бороду и вообще жилъ свободнѣе другихъ, пренебрегая нѣкоторыя обрядами и обы-

чаями, освященными вѣками. Хотя копыльцы смотрѣли на него, какъ на отщепенца, однакожь никто не осмѣливался выступить противъ него, такъ какъ онъ былъ единственнымъ представителемъ необходимой всѣмъ и каждому медицины и, кромѣ того, онъ, при всемъ своемъ свободомыслии, все-таки обладалъ весьма солидными талмудическими познаніями и собственноручно написалъ на пергаментѣ, необыкновенно-красивымъ почеркомъ квадратнаго шрифта, свитокъ св. писанія, который передалъ въ даръ копыльской синагогѣ. Этотъ ученый фельдшеръ, диспутируя весьма часто съ меламедомъ Рубенсомъ объ ученыхъ матеріяхъ, заключающихся въ талмудѣ, привлекалъ къ себѣ все вниманіе понятливаго мальчика и кудаль, быть можетъ, такимъ образомъ, въ юный, неокрѣпшій мозгъ первыя сѣмена анализа.

До одиннадцати лѣтъ С. М. пробылъ подъ непосредственнымъ руководствомъ меламеда, и за это время онъ основательно изучилъ все св. писаніе съ халдейскимъ переводомъ и приобрѣлъ большой запасъ знаній въ талмудѣ. Молва о необыкновенныхъ познаніяхъ и способностяхъ малютки разнеслась далеко за предѣлы мѣстечка, и всѣ, познакомившіеся съ нимъ, сулили ему раввинскую кафедру въ какойнибудь многочисленной еврейской общинѣ. Съ одиннадцати лѣтъ отецъ самъ принялъ на себя дальѣйшее приготовленіе сына къ его будущему призванію. Занятія, само собой разумѣется, состояли исключительно въ основательномъ изученіи талмуда, со всѣми его многочисленными комментаріями и всей раввинской литературы. Ученіе подъ руководствомъ отца не имѣло никакихъ опредѣленныхъ часовъ, ни опредѣленной системы. Случалось, что нашъ юнецъ три, четыре дня подрядъ ничему не учился, а такъ слонялся изъ угла въ уголъ; но бывало, что отецъ будитъ своего любимаго сына въ четыре часа утра и занимается съ нимъ нѣсколько часовъ безъ отдыха, до изнеможенія силъ. По временамъ учитель и ученикъ углублялись въ самые хитросплетенные казуистическіе вопросы по юриспруденціи или другой отрасли, а иногда учитель развлекалъ утомленный мозгъ своего ученика чудесными рассказами изъ еврейскаго быта, или талмудическими легендами.

Успѣхи С. М. въ св. писаніи и талмудѣ были поразительны, такъ что въ 14-лѣтнемъ возрастѣ онъ уже считался *харифомъ* и смѣло выступалъ на поле брани, на которомъ весьма часто, съ удивительною иѣткостью, поражалъ закаленныхъ въ казуистикѣ бойцовъ. Кромѣ талмуда, онъ зналъ въ совершенствѣ всю библію и писалъ на языкѣ древнихъ пророковъ также легко, какъ иные сѣдовласые ученые на своемъ разговорномъ языкѣ. Не выходя изъ предѣловъ античнаго міра, заключающагося въ библіи и

талмудѣ, и не имѣя никакого рѣшительно понятія о какойнибудь европейской словесности, С. М. инстинктивно рвался на литературное поприще, и въ томъ молодомъ возрастѣ, когда другихъ мальчиковъ занимаютъ разныя дѣтскія шалости, онъ писалъ уже на древнееврейскомъ языкѣ нѣчто въ родѣ драмы, обличительнаго характера, а также разныя стихотворенія, въ которыхъ восхвалялъ окружавшую его природу. Эта драма, о которой скажемъ еще нѣсколько словъ ниже, не имѣющая конечно никакого литературнаго достоинства, служитъ намъ однако доказательствомъ, что еще въ самомъ раннемъ возрастѣ у С. М. пробудились писательскія силы, которыя потомъ развились въ могучій потокъ.

Дни этого молодого талмудиста текли хотя крайне однообразно, но довольно безмятежно, такъ какъ всѣ незатѣйливыя требованія, которыя можетъ предъявлять четырнадцатилѣтній копыльскій юноша, не выдавшій ничего кромѣ отцовскаго дома, бетъ-мидраша, да окружавшихъ мѣстечко гѣсовъ и нивъ, всегда были удовлетворены. Но въ томъ именно возрастѣ, когда ни физическая, ни нравственная сила ребенка еще не достаточно укрѣплены, онъ лишился единственнаго своего руководителя, наставника и защитника — отца, умершаго на 41 году жизни, и съ перваго же времени своего сиротства онъ сталъ лицомъ къ лицу съ крайнею нуждою, какая только можетъ выпасть на долю еврейскаго сироты. Мать его, женщина добродушная, но крайне слабая и простая, оставшаяся послѣ смерти мужа съ порядочнымъ количествомъ дѣтей, не могла взяться за обычныя занятія своего мужа. Немногочисленное имущество, унаслѣдованное ею, стало быстро исчезать. Съ каждымъ мѣсяцемъ обстоятельства все ухудшались, и чтобы облегчить несчастную долю горестной вдовы, ближайшіе родственники рѣшили прежде всего стравить старшаго сына въ Слуцкую іешиву, дабы мальчикъ, во-первыхъ, не шатался безъ дѣла и во-вторыхъ, не сидѣлъ бы у матери на шеѣ, такъ какъ въ іешивѣ, какъ извѣстно, всѣ *бахуры* имѣютъ полное право голодать вдоволь на общественный счетъ и ходить босые и нагіе на счетъ еврейской благотворительности. Эпизоды изъ его жизни въ еврейской бурсѣ крайне занимательны. Но С. М. самъ навѣрно познакомить современемъ читателей съ этой стороной еврейской жизни. Изъ-подъ его мастерскаго пера выйдетъ, безъ сомнѣнія, нѣчто болѣе цѣльное и художественное, чѣмъ изъ нашихъ, уже вторыхъ рукъ.

Какъ только пристроили С. М. въ іешивѣ, вдова Абрамовича по настояніямъ тѣхъ же родственниковъ вступила во второй бракъ и со всѣми

своими дѣтьми переселилась въ недалекій отъ мѣстечка хуторокъ, гдѣ второй мужъ ея арендовалъ мукомольную мельницу. Въ и. Копылѣ осталась только старшая, замужняя сестра С. М., да тетка его со стороны матери. Съ судьбою послѣдней тѣсно связана судьба самаго С. М. Мужъ ея занимался торговлею. Во время пребыванія С. М. въ Слупкѣ, дѣла его дяди пришли въ упадокъ и кончились вражески. Хотя его нельзя было назвать злостнымъ банкротомъ, и пассивъ его былъ меньше пассива Струзберга или кровштадскаго бавка, но для тогдашняго нецивилизованнаго времени и и. Копыля пріостановка платежей въ тысячу или полторы тысячи рублей была достаточна для того, чтобы вселопить всѣхъ, и этотъ несчастный дядя долженъ былъ тайкомъ повинуть родное пепелище, и бѣжать туда, гдѣ никто не слыхалъ о его позорѣ.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ іешибѣ, С. М. возвратился въ и. Копылъ и тотчасъ же былъ приглашенъ вотчиномъ къ нему на мельницу. Хуторъ, въ которомъ пришлось теперь жить С. М., имѣлъ чрезвычайно живописный видъ. Онъ раскинутъ былъ на небольшой, но чистой рѣкѣ и окруженъ громаднымъ лѣсомъ. На самой рѣкѣ стояла мельница и отъ нея вели узкія тропинки въ чашу лѣса. По этимъ живописнымъ, полнымъ поэзіи мѣстамъ весьма часто бродилъ нашъ молодой ученый, и здѣсь-то впервые въ немъ пробуждается поэтический талантъ. Здѣсь, на 17-мъ году жизни, онъ пишетъ первые восторженные гимны природѣ, подражая въ языкѣ, образахъ и способѣ выраженія псалмопѣвцу Давиду. Стихотворенія эти, не появившіяся никогда въ печати, носятъ на себѣ навѣнный дѣтскій характеръ, но по этому дѣтскому лепету уже видно, что имѣешь передъ собою талантъ, который при благоприятныхъ обстоятельствахъ смѣлымъ полетомъ подымется ввысь. Деревенская жизнь имѣла много привлекательнаго для поэтической натуры С. М., но окружающая среда не соответствовала его восторженной душѣ; сухіе, грошевые расчеты съ мельниками и кліентами дяди отталкивали его отъ деревни, и беть-медрашъ въ и. Копылѣ, да бесѣды съ тамошними учеными казались ему гораздо привлекательнѣе, чѣмъ сытная, по крайне будничная жизнь въ домѣ вотчина. Онъ вновь, поэтому, поворачивается въ Копылъ и вновь принимается, въ беть-медрашѣ, за изученіе еврейскихъ богословскихъ книгъ.

Въ это время прибылъ въ и. Копылъ долгое время отсутствовавшій тамошній житель, нѣкій Авремелъ Хромой. Этотъ путешественникъ по далекимъ и невѣдомымъ странамъ, съ перваго дня своего возвращенія на родину, обратилъ на себя вниманіе всѣхъ копыльцевъ. Каждому хотѣлось

узнать, въ какихъ именно мѣстахъ онъ побывалъ, какія диковинныя вещи онъ тамъ видѣлъ и какъ вообще живетъ тамъ еврейскому люду. Красно-рѣчивый Авремелъ самыми яркими красками описывалъ злѣчайнѣе мѣста Во-лыни *. По его словамъ, на Волыни вовсе нѣтъ бѣдныхъ евреевъ. Каждый хозяинъ имѣетъ своихъ коровъ и козъ; каждая хата—полная чаша всякаго добра; бѣлый хлѣбъ подается не только по субботнимъ днямъ на *патоге* **, какъ это бываетъ на Литвѣ, но его ѣдятъ круглый годъ, и даже по буднямъ этихъ хлѣбомъ надѣляютъ тамъ нищихъ, а послѣднѣе живутъ не хуже литовскихъ зажиточныхъ хозяевъ. Онъ самъ, напри-мѣръ, встрѣчался съ нищими изъ Литвы, у которыхъ сумки наполнены были бѣлымъ хлѣбомъ и отборными кусками наилучшей *коды*. «А знаете ли вы *шалма-зельники*, *** что такое *кода*?—прибавлялъ онъ съ одному ему свойственному усмѣшкой;—это жиръ, добываемый изъ хвостовъ тамошнихъ барановъ. Тамошнѣе бараны, продолжалъ онъ, не то, что наши, они тащатъ за собою хвосты, вѣсомъ въ полъ пуда и болѣе, на колесахъ. Тамъ-то край,—окончивалъ онъ всегда свой рассказъ съ глубокимъ вздохомъ,—тамъ только жить да поживать!..

Отъ рассказовъ Авремеля слюнки текли у копыльцевъ и многіе, благода-ря неурожайнымъ годамъ, рѣшились эмигрировать въ Волынь. Но мас-совое эмиграционное движеніе, какъ увидимъ, вовсе не входило въ расчетъ Авремеля. Осмотрѣвшись немного въ мѣстечкѣ, онъ сталъ часто бесѣдо-вать съ теткой С. М. и доказывать ей, что нѣтъ никакого резона нѣ по-пытаться разыскать безъ вѣсти пропавшаго мужа, который, какъ онъ мимоходомъ слышалъ, находится гдѣ-то въ г. О, да кстати забрать съ собою также и молодого племянника, которого можно пристроить тамъ, на Во-лыни, наилучшимъ образомъ, такъ какъ волынскіе евреи еще и молитвъ порядочно не понимаютъ и рады радеховъки, когда добываютъ кого нибудь изъ литовцевъ, способнаго занимать мѣсто учителя или *неемона* (управ-ляющаго, бухгалтера). Вѣдь не хорошо молодому бахуру баловаться да вѣчно корпѣть надъ талмудомъ, пора ему подумать о цѣли!... Соломонъ Моисеевичъ, хотя и смутно понималъ, что хромой бѣсъ не даромъ разво-дить турысы на колесахъ, но стремленіе къ чему-то новому, ему еще не-вѣдомому и не испытанному, желаніе вырваться изъ душной атмосферы,

* На Литвѣ, особенно въ маленькихъ мѣстечкахъ, подъ названіемъ «Волынъ» подразумеваются весь югозападный и Новоросійскій край и Бессарабія.

** Патоге—первый кусокъ хлѣба, слѣдаемый послѣ омовенія рукъ и бла-гословенія надъ хлѣбомъ.

*** Неудачники.

въ которой онъ провѣлъ свое дѣтство и юность, жажда къ приобрѣтенію познаній, о которыхъ онъ имѣлъ самое сбивчивое понятіе, превозмогли всѣ страхи, какіе могъ внушить Авремель, и онъ тоже сталъ еще уговаривать тетку, что нѣтъ необходимо отправиться на поиски ея мужа въ сочную Волинь, гдѣ животныя лучше питаются, чѣмъ на Литвѣ люди.

Авремель, какъ бывалый и выдавшій виды, былъ по мнѣнію всѣхъ опытныхъ людей Копыля, самымъ лучшимъ путеводителемъ въ невѣдомыхъ странахъ. Къ тому же онъ обладалъ собственнымъ возкомъ на четырехъ некованныхъ и скрипучихъ колесахъ, да старой подслѣповатой кляченкой съ вылинявшими гривой и хвостомъ. Условился Авремель доставить тетку С. М. въ гор. О. безъ всякой платы впередъ, такъ какъ за проѣздъ обязанъ заплатить ея мужъ, за племянника же онъ потребуетъ условленной платы на томъ мѣстѣ, гдѣ успѣетъ его пристроить.

Сборы были недолгіе. Наши эмигранты, справивши паску, пустились немедленно въ путь. Простившись съ родными, нашъ молодой С. М., какъ нѣкогда холмогорскій мужичекъ за архангельскимъ обозомъ, поплелся за возкомъ Авремеля Хромого. Горько плакала сестра при прощаніи съ любимымъ братомъ, которому всегда сулили блестящую будущность, и снабдивъ его цѣлымъ караваномъ чернаго хлѣба, да нѣсколькими мѣдяками, выпустила его изъ своихъ объятій съ горячими благословленіями.—Съ этимъ незатѣйливымъ запасомъ, безъ всякой поклажи, безъ всякихъ рекомендацій или указаній на какихъ либо знакомыхъ, С. М. эмигрировалъ въ страну, текущую млекою и медомъ, въ полной надеждѣ, что какія нибудь кашки и ему въ ротъ попадутъ.

Но съ перваго же дня путешествія нашъ юный эмигрантъ почувствовалъ, въ какія лапы онъ попалъ. На самомъ возкѣ помѣшалась только его тетка съ ея малымъ ребенкомъ, самъ же Авремель и С. М. должны были идти пѣшкомъ возкѣ возка. Съ такимъ непривычнымъ и не совсемъ комфортабельнымъ способомъ передвиженія можно было бы еще мириться, еслибы предстоящій путь былъ прямъ да сухъ; но дѣло было весною, мѣстами стояла невылазная грязь, и несчастный возокъ, не смотря на свою относительную легкость, все таки по временамъ глубоко погружался въ липкую, глинистую почву, и бѣдной клячкѣ не по силамъ было каждый разъ вытаскивать его. Возница въ такихъ случаяхъ самъ помогалъ лошади и понуждалъ своего спутника, чтобы и онъ не стоялъ, сложа руки. «Не думай,—кричалъ Авремель при такихъ казусахъ,—что я тебя взялъ въ дорогу, чтобы быть паничемъ; нѣтъ братъ, ты помогай, не то, какъ

ношу бороду и пейсы, брошу тебя въ первомъ же лѣсу или болотѣ, нянчиться съ тобою я вовсе не намеренъ». Послѣ нѣсколькихъ такихъ энергическихъ наставленій, С. М. понялъ, что самое лучшее изъ всѣхъ золь — слушаться своего путеводаителя до тѣхъ поръ, пока случай освободитъ его изъ его рукъ. Когда случалось, что возокъ застрянетъ, С. М., ужь безъ всякихъ напоминаній, подставлялъ свои исхудалыя плечики. Конечная цѣль всей поѣздки, какъ извѣстно, былъ городъ О, лежащій въ одной изъ далекихъ областей россійской имперіи, но Авремель туда вовсе не торопился. Авремель желалъ продлить свое путешествіе какъ можно больше и побывать въ возможно большемъ количествѣ городовъ и мѣстечекъ, обитаемыхъ его единовѣрцами. Въ каждомъ городѣ или болѣе значительномъ мѣстечкѣ Авремель располагался на отдыхъ и, отправившись къ мѣстнымъ раввинамъ, разяснялъ имъ, въ самыхъ краснорѣчивыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ, что онъ ѣдетъ съ несчастною *агуною* * для отысканія мужа. Раввины выдавали ему на руки рекомендательныя письма къ милосердымъ сынамъ Израиля, и послѣдніе надѣляли его мѣдными пятаками для спасенія дщери еврейской *изъ окозъ агуна*. Покончивъ со сборами въ одномъ городѣ, Авремель отправлялся въ другой, гдѣ съизнова разыгрывалъ ту-же комедію. О собранныхъ деньгахъ онъ, конечно, благоразумно умалчивалъ, увѣряя свою спутницу, что запасется отъ раввиновъ письменными документами, которые крайне необходимы. Сомнѣваться въ географическихъ и топографическихъ познаніяхъ Авремеля Хромага небыло никакого основанія, однаковъ онъ въ своемъ путешествіи не держался прямой, слѣдовательно кратчайшей линіи, а дѣлалъ такіе зигзаги, которые могли бы поставить въ тупикъ самаго опытнаго балагулу, и посѣщала такіе мѣстечки и поселки, которые, безъ всякаго ущерба для главной цѣли, могли быть обойдены и пропущены. О желудкахъ своихъ пассажировъ онъ мало заботился; о квартирахъ и ночлегахъ тоже нечего было беспокоиться: по прибытіи въ какую нибудь оскѣдность евреевъ, онъ немедленно командировалъ своего молодого спутника въ бетъ-мидрашъ, гдѣ тотъ вдоволь могъ углубиться въ предвидрости талмуда, тетку же съ ребенкомъ пошѣщала кое какъ въ обтянутой холстомъ тележкѣ, а самъ по цѣлымъ днямъ бѣгалъ изъ дома въ дождь, все хлопоча о несчастной агуни;

* Женщина, у которой мужъ пропалъ безъ вѣсти. Такая женщина не имѣетъ права вступить во второй бракъ, сколько бы времени мужъ, безъ вѣсти пропавшій, не отсутствовалъ.

на ночь же примазывался къ какой нибудь скамейкѣ въ одномъ изъ молитвенныхъ домовъ, которые и до снѣхъ поръ служатъ всѣмъ горемыканъ-евреямъ постоянными дворами...

Это памятное путешествіе въ компаніи Авремеля Хромого доставляло, въ послѣдствіи, даровитому народному писателю много матеріала для его разсказовъ изъ еврейскаго быта. Въ этихъ разсказахъ, полныхъ юмора и незлобиваго сарказма, дышащихъ правдою и необыкновенною наблюдательностью, встрѣчаются мѣста и сцены, выхваченныя прямо изъ жизни, такъ какъ онъ нигдѣ случая близко изучать народную жизнь со всѣми ея радостями и скорбями, безъ всякихъ прикрасъ и замаскированныхъ.

Около полутора мѣсяца тащился нашъ Авремель съ свонки пассажирами, пока пріѣхалъ въ населенный евреями городъ Л. волынской губерніи. Здѣсь онъ долженъ былъ простоять нѣсколько дней, такъ какъ пріѣздъ туда совпадалъ съ кануномъ праздника *швуаъ* (пятидесятницы), продолжающагося два дня. Заѣхавъ, на предмѣстьѣ, въ какой-то полуразвалившійся домъ, не то кабакчкы, и не то харчевню, онъ, по обыкновенію, отправилъ С. М. въ бетъ-мидрашъ въ полной надеждѣ, что тутъ именно обратятъ на него должное вниманіе, и тутъ именно удастся сбыть его съ рукъ за довольно порядочный кушъ. Надежды дѣйствительно не обманули прозорливаго Авремеля. На второй день праздника, явившійся въ бетъ-мидрашъ на молитву, онъ услышалъ, что всѣ почти прихожане только и толкуютъ о молодомъ ученомъ литовцѣ, и каждый изъ знати этого прихода желаетъ имѣть такого дорогаго ореха (гостя) при своемъ праздничномъ столѣ. Молодежь просто прильнула къ нему и цѣлою толпою окружала его, слушая его объясненія текстовъ св. пис. и талмуда. Евреи до настоящаго дня сохранили ту характеристическую черту, что ученость (разумѣется талмудическая) находится у нихъ въ большемъ почетѣ. Еще и теперь не рѣдкость, что богатѣйшій купецъ беретъ въ мужья для своей весьма красивой и умной дочери какаго нибудь бѣднаго ученаго талмудиста, съ виду неуклюжаго, неповоротливаго и не имѣющаго никакого понятія о свѣтскихъ наукахъ и приличіяхъ. Такой ученый талмудистъ можетъ быть не по вкусу дочери, это въ расчетъ не принимается, такъ какъ нѣжные родители не имѣютъ новоюдыной привычки справляться со вкусомъ своего любимаго дѣтца. Авремель Хромой, зная хорошо характеръ своихъ единовѣрцевъ, рассчитывалъ, почти безошибочно, что въ такомъ городѣ, какъ Л., найдутся охотники на привезенный имъ товаръ, и онъ, разумѣется, какъ свать, покровитель и опекуны, не уступитъ его

дешево. Расчетъ Авремеля оказался вѣрнымъ. Какъ только онъ вступилъ въ бетъ-мидрашъ, его окружили со всѣхъ сторонъ съ разспросами о происхожденіи, лѣтахъ, занятіяхъ и мѣстожительствѣ молодаго ученаго. Удовлетворивъ любопытству обращающихся къ нему и выставивъ все въ наилучшемъ свѣтѣ, онъ немедленно вступилъ въ переговоры. Переговоры эти продолжались и за стѣнами бетъ-мидраша, и каждый день Авремель по нѣскольку разъ забѣгалъ въ бетъ-мидрашъ на самое короткое время и съ особенной любезностью докладывалъ С. М., что Богъ поможетъ и въ скоромъ времени его пристроитъ, какъ онъ того самъ не ожидалъ, если, разумѣется, онъ, Авремель, будетъ пользоваться полнымъ довѣріемъ. Пропустивъ все мимо ушей, С. М. все-таки ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, какое счастье сулитъ ему его нѣжный опекунъ и путеводитель. Между тѣмъ время проходило довольно весело среди л-ской молодежи. Въ то время л-ская молодежь хотѣла основать благотворительное общество для вспоможенія бѣднымъ. Пользуясь пребываніемъ С. М. въ ихъ средѣ, молодежь эта обратилась къ нему съ просьбою о составленіи устава для будущаго общества. Онъ охотно взялъ на себя этотъ трудъ, и уставъ, написанный прекраснымъ еврейскимъ слогомъ и красивымъ почеркомъ, привелъ всѣхъ въ восхищеніе. Такимъ образомъ въ г. Л., быть можетъ, остался первый самостоятельный трудъ будущаго еврейскаго писателя.

На третія или четвертыя сутки послѣ праздника, Авремель какъ бомба влетѣлъ въ бетъ-мидрашъ и объявилъ на ухо С. М., что онъ, С. М., уже просватанъ за прекрасную дочь какого-то мѣстнаго богача, и всѣ ждутъ его прихода. Авремель не жалѣлъ красокъ для описанія богатства будущаго тестя и красоты невѣсты. „Ты просто будешь кататься какъ сыръ въ маслѣ“, закончилъ онъ свою рѣчь, и взявъ его за рукавъ, хотѣлъ, почти насильно, потащить его въ домъ невѣсты. Недовѣріе къ Авремелю Храмому, мысль о томъ, что онъ оставилъ родину не для женитьбы, а для другихъ цѣлей, дали С. М. твердую рѣшимость энергически сопротивляться предложенію, и выслушавъ болтовню Авремеля, онъ категорически заявилъ ему, что не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія вступить въ бракъ и просить его на будущее время оставить всякія заботы о его женитьбѣ. Увидѣвъ, что изъ рукъ его ускользаетъ такой лакомый кусокъ, Авремель сталъ угрожать, что броситъ его на произволъ судьбы, что вѣчно съ нимъ возиться не станетъ и т. д. Убѣдившись однако, что и угрозы не помогаютъ, Авремель, скрѣпя сердце, вновь запретъ свою лошадку, чтобы потащиться по мѣстамъ осѣдлости евреевъ для эксплуатаціи ихъ хоть въ пользу *ауны*.

Долго тащились они по юго-западному краю. По дорогѣ были еще двѣ-три неудачныя попытки со стороны Авремеля сбить свой товаръ, наконецъ, въ первыхъ числахъ августа они прибыли въ г. К., п—ской губернии, чрезвычайно живописно раскинутый на высокой скалѣ и окруженный т. н. фольварками. Въ одно изъ этихъ предмѣстій въѣхалъ поздно вечеромъ Авремель со своими пассажирами и расположился въ какой-то оставленной, полуразвалившейся корчмѣ безъ оконъ и дверей, стоявшей на окраинѣ предмѣстья. Изстрадавшіеся пассажиры, привыкшіе къ безпрекословному повиновенію, не протестовали противъ въѣзда въ этотъ необитаемый отель и расположились кое-какъ по разнымъ угламъ. Авремель всталъ съ разсвѣтомъ и отправился въ городъ хлопотать по своимъ дѣламъ. Вдругъ грянулъ громъ, сверкнула молнія и дождь полилъ какъ изъ ведра. Вся корчма, казалось, стонетъ; вотъ еще одинъ порывъ вѣтра—и она похоронитъ подъ своими развалинами нашихъ путешественниковъ, и бѣдному Авремелю не останется уже ни агуны для эксплуатаціи милосердія евреевъ, ни молодого бахура, котораго все-таки, въ концѣ концовъ можно будетъ выгодно для себя просватать. Еслибъ теперь подвернулся Авремель къ проголодавшемуся, измокшему и иззябшему С. М., то его краснорѣчивое предложеніе ииѣло-бы, кажется, успѣхъ; но судьба иначе рѣшила: Авремель потерпѣлъ въ г. К. полное фіаско и ему не удалось получить отъ тамошнихъ раввиновъ открытаго письма для сбора пожертвованій въ пользу *агуны*. Въ крайнемъ раздраженіи возвратился онъ поздно вечеромъ и объявилъ своимъ спутникамъ, что завтра же, какъ только немного прояснится, они оставляютъ негостепріимный г. К. и отправляются въ г. Х. «Но это будетъ послѣднее мѣсто, куда завезу тебя,—обратился онъ къ С. М.—Захочешь тамъ вступить въ законный бракъ—ладно, не захочешь, то хоть въшайся и дѣлай, что тебѣ угодно. Паспорта твоего конечно не отдамъ тебѣ, пока не заплатишь за проѣздъ, а тамъ какъ знаешь. Надѣюсь, однакожъ, что ты, наконецъ, образумишься, поймешь свою пользу и самъ сознаешь, что я зла тебѣ не желаю, что тебѣ уже давно пора пристроиться. Не забудь, что ты уже, слава Тебѣ Господи, не мальчикъ, еще годъ и еще годъ—и ты уже старый бахуръ, на котораго никто и посмотрѣть не захочетъ».

Какую ночь С. М. провелъ въ уютной корчмѣ въ сосѣдствѣ съ Авремелемъ, легко себѣ представить. Долго думалъ онъ о своемъ безысходномъ горѣ. Вдругъ онъ припомнилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ его роднаго м. Копыля уѣхалъ его товарищъ по іешивѣ, который, какъ

онъ слышалъ еще дома, состоитъ въ хорѣ при знаменитомъ канторѣ большой синагоги города К. Какъ утопающій хватается за первый попавшійся ему предметъ въ надеждѣ, что будетъ спасенъ, такъ и С. М. ухватился за эту мысль и лишь только разсвѣло, не смотря на слякоть и дождь, отправился разыскивать своего бывшего товарища. Долго онъ бродилъ по разнымъ улицамъ и переулкамъ, пока наконецъ добрался до квартиры знаменитаго кантора. Съ біеніемъ сердца и дрожащею рукою онъ отворялъ двери завѣтной квартиры. Его встрѣтила пожилая, прилично одѣтая, женщина, и сообщила ему, что его бывшій товарищъ дѣйствительно состоитъ въ числѣ хористовъ, но въ настоящее время уѣхалъ вмѣстѣ съ канторомъ по губерніи и возвратится лишь къ праздникамъ. Послѣдняя надежда лопнула! Съ удрученнымъ сердцемъ, поникшею головою и пустымъ желудкомъ С. М. возвратился обратно въ корчму къ Авремелю Храмому. Послѣдній встрѣтилъ его съ упреками за отлучку, чортъ знаетъ куда, и заявилъ, что немедленно выѣзжаетъ изъ распрсклятаго города К.

Накрапывалъ густой и прохладный дождикъ, когда Авремель выѣхалъ изъ корчмы. Вся природа, казалось, проливала горькія слезы вмѣстѣ съ двумя несчастными жертвами людской корысти, добровольно отдававшими въ руки палача. Грустно было на душѣ С. М., оставившаго всякую надежду на какую-либо болѣе свѣтлую будущность. Она обрисовывалась ему тогда въ такой же неприглядной мглѣ, которою окутанъ былъ весь оставляемый имъ г. К., который онъ впервые, случайнымъ образомъ увидѣлъ, и котораго, быть можетъ, никогда болѣе не увидитъ. Пробираясь въ слякоти и грязи по какой-то непривѣтливой, извилистой горной тропинкѣ; ведущей въ г. Х., куда онъ безцѣльно направилъ стопы свои, С. М. задумался о томъ, что тамъ его ожидаетъ и на что онъ можетъ надѣяться. Дождикъ не унимался и бѣдная лошадка напрягала послѣднія силы, чтобы тащить возокъ съ горемычною женщиною и ея озябшимъ ребенкомъ. Авремель былъ крайне не въ духѣ и все время молчалъ, не заговаривая съ С. М. ни слова, какъ бы давая ему чувствовать, что терпѣніе его лопнуло и гнѣвъ его безпредѣленъ. Послѣ долгаго хожденія по извилистой тропинкѣ, они наконецъ очутились на верепутьи и дорога въ г. Х. лежала направо. Городъ К. давно уже исчезъ съ горизонта и для С. М., казалось, закатилась всякая надежда когда-либо вырваться изъ своего бѣдственнаго положенія, въ которое онъ попалъ по своей собственной винѣ. Находясь на этой ледяной глыбѣ, ему казалось, что вотъ-вотъ упадетъ онъ въ бездонную пропасть, откуда и возврата не будетъ. Этой бездонной

пропастью считалъ онъ г. Х., гдѣ нѣтъ для него ни родственниковъ, ни друзей, ни знакомыхъ гдѣ, безъ сомнѣнія, не найдется ни одной сочувствующей ему живой души и гдѣ злобствующій на него Авремель оставитъ его на произволъ судьбы безъ копѣйки денегъ въ карманѣ. Минута была дѣйствительно ужасная, отчаяніе С. М. безпредѣльно, сложились его желѣзная воля, энергія оставила его, и онъ проклиналъ часть своего вѣзда изъ Коцлыя. Но въ этотъ именно моментъ, когда ему казалось, что онъ стоитъ уже на краю пропасти, наступилъ кризисъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на всю его будущность. И странно сказать, причиною рѣшительнаго перелома въ жизни Соломона Монсевича оказалась лошадиная подкова.

— Понци-ка подкову, которую лошадь тутъ гдѣ-то уронила,—скомандовалъ Авремель полуповелительно, полупросительски, приостановивъ свою кляченку.

С. М. пустился со всѣхъ ногъ исполнить приказаніе Авремеля, дабы этой услугой вновь заслужить милость своего патрона. Не торопясь, онъ сталъ тщательно осматривать довольно большое пространство пройденнаго пути, на нѣкоторыхъ мѣстахъ копался съ особымъ усердіемъ, прошло уже больше получаса, но къ величайшему своему прискорбію онъ ничего не находилъ. Возвращаясь назадъ съ пустыми руками и сердцемъ, полнымъ отчаянія, онъ вдругъ видитъ, какъ ему на встрѣчу ѣдетъ четверка, запряженная въ типичную въ тѣхъ мѣстностяхъ краковскую кибитку. Съ завистью и любопытствомъ онъ засмотрѣлся на тѣхъ счастливицевъ, которые находились внутри кибитки. Остановившись на минуту, онъ слышитъ, что кто-то окликаетъ его по имени. Соломонъ Монсевичъ не повѣрилъ своимъ ушамъ. Неужели, подумалъ онъ, въ подольской степи можетъ найтись какое-нибудь человѣческое существо, которое знало бы его, заброшеннаго изъ роднаго гнѣзда, бродящаго безцѣльно по вѣлвію рока, какъ осенній листъ, оторванный отъ дерева, несетъ по рвамъ и болотамъ по волѣ вѣтра? Кибитка между тѣмъ остановилась, и изъ нея выскочилъ молодой человѣкъ, который безъ словъ и безъ всякаго привѣтствія заключалъ въ свои объятія отчаявшагося Соломона Монсевича. Послѣ минутнаго объясненія, молодой человѣкъ, такъ внезапно явившійся, энергически потребовалъ, чтобы Соломонъ Монсевичъ возвратился съ нимъ же въ г. К. Этотъ молодой человѣкъ былъ никто другой, какъ тотъ хористъ знаменитаго кантора, котораго С. М. искалъ. Онъ виѣствъ съ канторомъ и всѣмъ хоромъ возвращался обратно въ К. Канторъ, по просьбѣ своего люби-

наго хориста, заплатилъ Авремелю условленные деньги, получилъ у него паспортъ, и забравъ Соломона Моисеевича къ себѣ въ кибитку, уѣхалъ съ нимъ въ г. К., съ которымъ тотъ часа два тому назадъ распростился, какъ казалось, навсегда.

Съ прибытіемъ въ г. К. начинается новый періодъ въ жизни С. М., періодъ интеллектуальнаго развитія и самостоятельной дѣятельности, о чемъ онъ постоянно мечталъ. Односторонній ученый талумдистъ превращается мало по малу въ европейски-образованнаго человѣка, мыслителя и писателя. Не станемъ впрочемъ забѣгать впередъ. Канторъ, забравшій его съ собою въ К., оказался человѣкомъ съ теплою душою. Съ перваго момента прибытія въ городъ, канторъ позаботился, чтобы С. М. не терпѣлъ недостатка ни въ чемъ, а для занятій онъ повелъ его въ тотъ бетъ-мидрашъ, въ которомъ находилась самая лучшая общественная библіотека. Въ этомъ бетъ-мидрашѣ молилась почти вся мѣстная аристократія, тамъ же занимались, самостоятельно, изученіемъ талмуда юноши лучшихъ семействъ. Соломонъ Моисеевичъ скоро обратилъ на себя вниманіе своими солидными талмудическими и экзегетическими познаніями, и всѣ наперерывъ искали его знакомства. Посѣтители бетъ-мидраша полюбили его за его скромность и прижѣрное прилежаніе. Молодежь то и дѣло обращалась къ нему за разъясненіями трудныхъ мѣстъ, или указаніемъ источниковъ. Чѣмъ дольше онъ пребывалъ въ бетъ-мидрашѣ, тѣмъ болѣе росло къ нему довѣріе и уваженіе, такъ что нѣкоторые богачи поручили ему руководить ихъ взрослыми сыновьями при ихъ самостоятельномъ изученіи талмуда, и щедро вознаграждали его за труды. Будучи матеріально обезпеченъ, С. М. могъ бы исполнѣ удовлетворить своей жадѣ къ наукѣ; но какимъ образомъ можно добыть эту науку? гдѣ взять первоначальнаго руководителя, который указалъ бы ему надлежащій путь? гдѣ достать необходимыя руководства и какимъ способомъ возможно будетъ ихъ водворить въ бетъ-мидрашѣ? Вотъ вопросы, надъ которыми онъ понапрасну ломалъ себѣ голову и рѣшить которые онъ никоимъ образомъ не могъ. Но случай и здѣсь вывелъ его на самую вѣрную дорогу. Въ бетъ-мидрашѣ, о которомъ говоримъ, постоянно занимался изученіемъ талмуда одинъ почтенный старецъ, пользовавшійся уваженіемъ всѣхъ прихожанъ за свое искреннее благочестіе и богобоязненность. Этому почтенному старцу особенно полюбился нашъ молодой литовецъ, съ которымъ онъ весьма часто велъ ученые бесѣды. Сопедавшись съ нимъ поближе и узнавъ, что кромѣ талмуда онъ въ совершенствѣ владѣетъ и древнееврейскимъ языкомъ, этотъ старецъ, къ величайшему

изумленію и удовольствію Соломона Моисеевича, посовѣтовалъ ему, однажды въ интимной бесѣдѣ, познакомиться съ учительствовавшимъ въ то время въ мѣстномъ казенномъ еврейскомъ училищѣ, нашимъ наставителемъ по этому Готтлоберомъ. «Ты сходи къ нему когда-нибудь вечеромъ, чтобы никто этого не замѣтилъ,—сказалъ ему старецъ—и познакомься съ нимъ. Хотя онъ, какъ бритый *шолтыкз* *, не пользуется уваженіемъ и довѣріемъ нашей общины, и мы оберегаемъ нашихъ молодыхъ людей отъ всякаго съ нимъ знакомства, но тебѣ, какъ знающему, что отвѣчать *эпикойресу*, бояться нечего. Ты смѣло можешь съ нимъ познакомиться, и онъ, какъ большой *м'дакдекз* ** можетъ быть тебѣ полезнымъ. Помни слова раби-Меера: «вкусный плодъ съѣдай, а негодную скорлупу брось». Я скажу *шамесу* *** и онъ тебѣ укажетъ, гдѣ живетъ этотъ *шолтыкз*». Имя г. Готтлобера было уже давно извѣстно Соломону Моисеевичу, и можно себя представить съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ этого знакомства, надѣясь, что этотъ ученый на новый ладъ укажетъ ему настоящій путь къ наукѣ, наставитъ его, какъ взяться за дѣло, и при его содѣйствіи онъ, безъ сомнѣнія, достигнетъ желанной цѣли.

На второй день подъ вечеръ, послѣ описаннаго нами сейчасъ разговора, нашъ С. М., въ сопровожденіи шамеса, шагаль уже къ квартирѣ Готтлобера, захвативъ съ собою единственное свое литературное произведеніе—написанную еще въ дѣтствѣ драму, оставшуюся безъ всякаго заглавія, съ намѣреніемъ выслушать мнѣніе великаго поэта и получить указаніе и наставленіе на будущее время. Готтлоберъ, какъ мнѣ передавалъ объ этомъ самъ С. М., не могъ удержаться отъ хохота, прочитывая произведеніе дѣтской фантазіи. Онъ похвалилъ его однакожъ за благородное стремленіе и предсказалъ ему блестящую литературную будущность. Готтлоберъ съ перваго момента увидѣлъ, что въ молодомъ литовцѣ таятся недоужинный талантъ, а потому, не ожидая просьбы, самъ предложилъ С. М. свои услуги и свою весьма отборную бібліотеку. Ласковый приѣмъ, который С. М. постоянно встрѣчалъ въ домѣ Готтлобера, новыя, дотолѣ совершенно ему неизвѣстныя мнѣнія, рѣчи и разсужденія, которыя впервые ему приходилось слышать изъ устъ уважаемаго поэта, привязали его къ этому дому и въ скоромъ вре-

* Безпутный, негодный (на мѣстномъ жаргонѣ).

** Лексикологъ, знающій хорошо еврейскую грамматику.

*** Служка при синагогѣ или бетъ-мидрашѣ.

мни онъ сдѣлался тамъ домашнимъ человѣкомъ. До знакомства съ доможъ г. Готтлобера, С. М. не имѣлъ никакого понятія о какой-либо еврейской азбукѣ и тутъ лишь, подъ руководствомъ старшей дочери г. Готтлобера, онъ сталъ изучать русскую и нѣмецкую азбуки и первыя начала ариметики. Предъ нимъ открылось также новое поле въ еврейской литературѣ, совершенно ему чуждой и неизвѣстной. Съ жадностью онъ проглатывалъ цѣлыя сочиненія новой еврейской литературы; съ необыкновеннымъ рвеніемъ сталъ изучать нѣмецкій и русскій языки и знакомиться съ наукою. Не смотря на то, что С. М. не имѣлъ почти никакихъ учителей (любезныя, по временамъ, указанія г. Готтлобера, нельзя назвать занятіями настоящаго учителя), которые могли бы направлять и систематизировать его занятія, онъ все-таки шелъ правильнымъ путемъ при изученіи научныхъ предметовъ, и одно знакомство съ людьми европейски образованными, было для него достаточно, чтобы вырваться изъ древне-схластическаго міра, которымъ онъ весь былъ пропитанъ, на обширныя и богатыя поля европейской науки. Продолжая заниматься въ бетъ-мидрашѣ теологическими предметами, онъ въ то же время, на дому, посвящалъ достаточно много времени изученію языковъ и науки.

Многіе изъ богатыхъ прихожанъ того бетъ-мидраша, гдѣ постоянно занимался С. М., стали на него смотрѣть, за его ученость и скромность, какъ на весьма выгодную партію. *Шадханы* съ самыми выгодными предложеніями стали осаждать молодого литовца со всѣхъ сторонъ и С. М., не смотря на свою твердую волю и энергію, не могъ устоять противъ соблазна роскошной, беззаботной жизни, которую всю можно будетъ посвятить наукѣ, и обручился съ дочерью мѣстнаго богача, человѣка всѣмъ обществомъ уважаемаго, честнаго и ученаго. Супружество это оказалось однакожъ не изъ счастливыхъ. Хотя домъ, куда онъ попалъ, былъ ему чрезвычайно милъ, такъ какъ тестъ оказался человѣкомъ ученымъ, обладавшимъ громадною бібліотекою по всѣмъ отраслямъ знаній, которою онъ могъ пользоваться вполне свободно, родители жены были къ нему чрезвычайно ласковы, всѣ прочіе члены семейства были люди интеллигентные и сошлись съ нимъ очень дружески, но жена оказалась до того неразвитаю, что не могла удовлетворить даже и крайне нетребовательнаго молодого человѣка. Онъ откровенно заявилъ объ этомъ своему тестю, котораго полюбилъ какъ отца роднаго, и послѣдній, сознавая, что дочь его не подъ стать Соломону Моисеевичу, согласился добровольно на разводъ, и первыя брачныя узы были расторгнуты. С. М. между тѣмъ, за время

пребыванія у тестя, успѣлъ до того уже подготовиться, что выдержалъ экзаменъ на званіе учителя и поступилъ немедленно на службу въ мѣстномъ казенномъ еврейскомъ училищѣ. Достигнувъ самостоятельнаго и обезпеченнаго положенія, С. М. сталъ усиленно работать надъ самообразованиемъ. Какъ прежде онъ всецѣло преданъ былъ изученію св. книгъ и талмуда, съ такимъ же рвеніемъ принялся онъ теперь за изученіе языковъ и свѣтскихъ наукъ, и благодаря своему трудолюбію и прилежанію, дѣлалъ замѣчательные успѣхи въ изучаемыхъ предметахъ. Не позволяя себѣ никакой роскоши, никакого излишества въ жизни, онъ въ то же время не жалѣлъ никакихъ денегъ на приобрѣтеніе полезныхъ книгъ.

Въ это время стала выходить первая газета на древнееврейскомъ языкѣ, подъ названіемъ *Hamagid*. Газета эта издавалась и до сихъ поръ издается въ Пруссіи въ г. Лыкѣ. Извѣстные еврейскіе писатели сотрудничаютъ въ этой газетѣ, и Соломону Моисеевичу тоже захотѣлось попробовать свои авторскія силы. Онъ написалъ для упомянутой газеты статью подъ заглавіемъ *Nachinosch* (о воспитаніи). Не увѣренный еще въ своихъ силахъ, онъ оставилъ ее на своемъ письменномъ столѣ между прочими бумагами. Одинъ изъ знакомыхъ Соломона Моисеевича, чловѣкъ образованный и правдивый, посѣтивъ его однажды, случайно увидѣлъ эту статью. Прочитавъ ее, онъ нашелъ, что по трезвости взгляда, логичности изложенія и вообще по крайней элегантности стиля она должна быть обнародована. По энергичному настоянію этого пріятеля, статья была отправлена въ *Hamagid*. Редакторъ, разумѣется, охотно принялъ ее и немедленно пригласилъ автора въ постоянные сотрудники своей газеты. Статья эта имѣла громадный успѣхъ среди еврейской читающей публики, на нее обратилъ вниманіе и состоявшій тогда при министерствѣ народнаго просвѣщенія извѣстный ученый Л. І. Мандельштамъ. При объѣздѣ вмѣстѣ съ министромъ Норовымъ юго-западнаго края, онъ познакомился съ Солом. Жюис. и былъ крайне удивленъ, что авторъ упомянутой статьи еще такъ молодъ. «Я былъ убѣжденъ, сказалъ г. Мандельштамъ автору, что такая серьезная статья написана пятидесятилѣтнимъ ученымъ». Г. Мандельштамъ, узнавши автора поближе, посоветовалъ ему отправиться въ славившееся тогда Падуанское раввинское училище въ Италіи, обѣщавъ ему выхлопстать казенную стипендію. С. М. конечно согласился на предложеніе г. Мандельштама, но по стеченію разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, планъ этотъ не могъ состояться, и С. М. остался въ Россіи. На сколько по-

лезна была бы эта поѣздка за границу для С. М. ны теперь рѣшить не можетъ. Но можетъ сказать съ увѣренностью, что русское еврейство потеряло бы тогда въ немъ своего народнаго писателя, писателя, который самъ виѣстѣ съ своимъ многострадальнымъ народомъ проходилъ горькую школу терпѣнія, неудачъ, разочарованій и всяческихъ бѣдствій, и изучая въ этой практической школѣ всю духовную жизнь своего народа, счумѣлъ съ неподражаемымъ искусствомъ передавать малѣйшіе изгибы народной души и самъ чувствовать слабѣйшее бѣненіе народнаго пульса.

По стеченію разныхъ обстоятельствъ С. М. переѣхалъ, внослѣдствіи, изъ города К. въ еврейскую Москву—городъ В., гдѣ и былъ натурализованъ, т. е. перемѣщенъ изъ Литвы въ тамошнее общество, въ которомъ числится по настоящее время. Нашедши здѣсь спутницу жизни по своему желанію, онъ прочно водворился въ городѣ В. и посвятилъ всю свою жизнь служенію своимъ единовѣрцамъ литературой.

Въ Ноябрь мѣсяцѣ 1859 года появилось, въ печати, первое серьезное сочиненіе Соломона Моисеевича Абрамовича подъ заглавіемъ *Mischrat-Schalom*, которое сразу обратило на себя вниманіе еврейской читающей публики. Эта маленькая книжка надѣлала много шума и цѣлый переворотъ въ древнееврейской литературѣ. Евреи, привыкшіе слушать одни только похвальные отзывы о своихъ сочинителяхъ, впервые услышали смѣлый голосъ здоровой, неподкупной критики. Книжка эта вызвала съ одной стороны восторгъ и рукоплесканія, а съ другой — недовольство и скрежетъ зубовый. Какъ возможно, завонили нѣкоторые изъ патентованныхъ писателей, чтобы какой нибудь молокосось осмѣлился выступить противъ насъ, сѣдовласыхъ пинтовъ, и порицать то, что весь міръ до сихъ поръ хвалилъ! Какъ онъ смѣетъ возставать противъ нашихъ твореній, забаррикадированныхъ разными похвальными отзывами знаменитыхъ мужей—авторовъ? С. М. не испугался этого крика отчаянія и старческой немощи и подобно опытному хирургу твердою рукою совершалъ дальнѣйшія операціи и мало по малу сталъ вырывать плеведа, накопившіяся въ еврейской литературѣ. Цѣлымъ рядомъ критическихъ статей, появлявшихся одна за другой въ еврейскихъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльными брошюрами, С. М. сдѣлался бичемъ бездарностей, но виѣстѣ съ тѣмъ провозвѣстникомъ новыхъ идей и новыхъ литературныхъ требованій. Онъ, можно сказать, начинается собю новую эпоху въ древнееврейской литературѣ, потому что до него не-

было серьезной критики. Съ его легкой руки выступаетъ цѣлая фаланга молодыхъ критиковъ, изъ которыхъ многіе были весьма талантливы.

Выступивъ критикомъ на литературномъ поприщѣ, С. М. въ типѣ кабинета предался съ особенною любовью изученію естествовѣденія. Хотя онъ не имѣлъ никакихъ руководителей (о кабинетахъ по естественной исторіи и говорить нечего), онъ въ теченіи трехъ лѣтъ приобрѣлъ такія основательныя познанія въ этой наукѣ, что принялся за переводъ, на древнееврейскій языкъ, естественной исторіи профессора Ленца. Имъ переведены всего три тома: о млекопитающихъ, о птицахъ, о земноводныхъ и пресмыкающихся. Если онъ въ первомъ томѣ придерживается почти буквально профессора Ленца, то слѣдующіе два тома являются уже не просто переводомъ, а большимъ самостоятельнымъ трудомъ, въ которомъ видна солидная эрудиція Соломона Моисеевича. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ сопоставляетъ взгляды и степень познаній древнихъ талмудистовъ въ области естествовѣденія съ настоящимъ временемъ и весьма часто даетъ замѣчательно ясные объясненія нѣкоторымъ мѣстамъ талмуда по этой части. Въ особую заслугу надо поставить С. М. его превосходный стиль, чистоту и легкость языка. Если вспомнить, какъ бѣденъ древнееврейскій языкъ вообще и особенно для выраженія научныхъ терминовъ, то понятно будетъ, какой громадный трудъ онъ долженъ былъ преодолѣть при написаніи трехъ томовъ по естествовѣдѣнію. Правительство наше обратило свое просвѣщенное вниманіе на этотъ трудъ и для поддержанія автора покупало у него, при изданіи каждаго тома, на пятьсотъ р. книги, которыя и разсылало въ бібліотеки казенныхъ еврейскихъ училищъ.

Говоря о литературной дѣятельности С. М. на древнееврейскомъ языкѣ, мы не должны умолчать и о попыткѣ его создать романъ изъ народной еврейской жизни. Если самъ романъ, какъ первый опытъ юноши, страдаетъ еще многими недостатками, то все-таки въ немъ уже замѣчается талантъ и глубокое знаніе человѣческаго сердца.

Сочувствуя всегда своимъ единовѣрцамъ и желая принести имъ пользу по мѣрѣ своихъ силъ, С. М. рѣшился, въ ущербъ своей собственной славѣ, писать съ этихъ поръ не на древнееврейскомъ языкѣ, понятномъ только ограниченному кругу избранныхъ, а на языкѣ народномъ, на которомъ говорятъ всѣ евреи Россіи въ настоящее время, дабы и необразованная масса могла его читать, понимать и видѣть всѣ свои болячки, которыя прилипли къ ея тѣлу отчасти по ея собственной винѣ, отчасти, благодаря виѣшнимъ обстоятельствамъ. Къ писаніямъ подобнаго рода С. М. приступилъ послѣ

тщательнаго изученія всего внутренняго духа своего народа, всей его жизни, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, всѣхъ отношеній евреевъ другъ къ другу и къ окружающей ихъ средѣ. Въ своихъ сочиненіяхъ на разговорномъ языкѣ Соломонъ Моисеевичъ не льститъ толпѣ, которой посвящена вся его литературная дѣятельность, и не гоняется за дешевой славой и легкимъ барышемъ. Онъ выступаетъ на самый тернистый и неблагодарный путь, на путь порицанія всего нехорошаго, съ указаніемъ путей къ уврачеванію зла; но онъ не является въ своихъ разсказахъ сухимъ моралистомъ, порицающимъ все скверное и восхваляющимъ достойное похвалы; нѣтъ, то и другое вытекаетъ всегда само собою, самымъ естественнымъ образомъ изъ его живаго разсказа, который, какъ панорама, развертывается предъ глазами читателя изъ дѣятельности и характера лицъ, дѣйствующихъ въ разсказѣ. Всѣ типы его — это живыя лица изъ плоти и крови, со всѣми страстями и страстишками, свойственными людямъ съ ясною опредѣленною физиономіею и рельефнымъ характеромъ. Во всѣхъ своихъ душевныхъ проявленіяхъ эти типы не подчиняются волѣ автора, а дѣйствуютъ самостоятельно — каждый шагъ ихъ есть необходимое слѣдствіе всей ихъ прежней жизни, воспитанія и тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ имъ приходилось жить и дѣйствовать. Въ своихъ народныхъ твореніяхъ Абрамовичъ является не только тонкимъ психологомъ, но отчасти и прорицателемъ. Подиѣчая, какъ сказано выше, слабѣйшее бѣненіе народнаго пульса, онъ съ увѣренностью предсказываетъ послѣдствія того или другаго народнаго недуга, или злобы дня, и когда предсказанное имъ сбывается, тогда начинаютъ лишь вспоминать, что Абрамовичъ давно уже это предсказывалъ въ томъ или другомъ изъ своихъ твореній.

Первое его сочиненіе изъ народнаго быта, на разговорномъ языкѣ, это—*Das kleine Menschele* (человѣчекъ). Въ этомъ разсказѣ приводится біографія одного человѣка, вышедшаго изъ самыхъ низменныхъ слоевъ общества, достигающаго пронырствомъ и нахальствомъ самыхъ высшихъ общественныхъ положеній и богатства. Въ жители города, стонущіе подъ гнетомъ этого всесіялава кулака, ненавидятъ его отъ всей души, но непрекословно подчиняются его волѣ—такова уже сила золота, что все склоняется передъ нимъ. Въ этомъ разсказѣ встрѣчаются и типы честные, симпатичные, скопированные авторомъ изъ дѣйствительной жизни. Кто не узнаетъ въ Гутманнѣ нашего наститаго поэта Готтлобера? Войдите въ его уютную квартиру, и ваша душа отдохнетъ послѣ всѣхъ видѣнныхъ вами безобразій при знакомствѣ съ главнымъ героемъ разсказа; но зацемить виѣ-

стѣ съ тѣмъ у васъ душа, когда вы убѣдитесь, что въ этой честной и опрятной бѣдности перетерпѣваютъ всяческія нужды.

Во второмъ своемъ разсказѣ *Fischka der Krummer* (Фиска хромой), авторъ знакомитъ насъ съ жизнью еврейскихъ нищихъ. Этотъ особый, своеобразный міръ, куда никто изъ еврейскихъ писателей еще не заглядывалъ, выставленъ авторомъ во всей его полнотѣ. Міръ этотъ авторъ изучалъ въ городѣ Б., куда стекаются нищіе всего міра, лично посѣщалъ притоны, бесѣдовалъ со многими нищими, калѣками, интересовался ихъ житьемъ-бытомъ и весьма часто разбиралъ даже ихъ мелкіе споры. Типы, выведенные авторомъ въ этомъ разсказѣ, встрѣчаются во всѣхъ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, и каждый изъ читателей удивляется, какимъ образомъ авторъ могъ изучать бытъ нищихъ той мѣстности, гдѣ никогда не бывалъ.

По мнѣнію Соломона Моисеевича величайшее зло въ соціальной еврейской жизни—это коробочный сборъ. Въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ черты осѣдлости евреевъ, кружкосодержатель является главнымъ фокусомъ, вокругъ котораго группируется цѣлая стая тунеядцевъ, живущихъ на счетъ трудовой крѣпйки несчастнаго рабочааго класса. Мѣткія нападки на кружкосодержателей, какъ на народныхъ кулаковъ, и ихъ приспѣшниковъ тянутся красною нитью во всѣхъ его мастерскихъ разсказахъ изъ народнаго быта. Но кромѣ, такъ сказать, мелкихъ перестрѣлокъ, С. М. задаль кружкосодержателямъ генеральное сраженіе въ особомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ *Die Taxe oder die Bande Stodt-Baal-towos* (коробочный сборъ, или шайка народныхъ благодѣтелей). Ни въ одномъ городѣ, конечно, злоупотребленія кружкосодержателей и ихъ сподручниковъ не могли достигнуть такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ городѣ Б. Изучивъ весь механизмъ коробочнаго сбора, всѣ тайны пружины, двигающія этимъ механизмомъ, С. М., въ формѣ драмы, выставляетъ на судъ публики дѣятелей коробочнаго сбора. Всѣ мерзости и подлости, совершаемыя заправилами коробочнаго сбора, носятъ на себѣ, почти всегда, характеръ благочестія и заботы о чистотѣ религіи, но авторъ *Таксы* искусною рукою срываетъ съ нихъ эту маску и ставитъ ихъ предъ лицомъ публики въ настоящемъ ихъ видѣ.

Послѣ появленія *Таксы*, Б-скіе гуси до того были раздражены, что авторъ долженъ былъ убраться изъ своего мѣста жительства въ болѣе укромное мѣсто; масса-же народная стала его превозносить и смотрѣть на него, какъ на своего благодѣтеля. Такса, съ перваго дня появленія въ свѣтъ, сдѣлалась народнымъ достояніемъ и каждая мѣткая фраза, каждая

острота и каждый каламбуръ превратились въ народныя поговорки и до того вошли въ плоть и кровь народа, что нерѣдко теперь услышать отъ лицъ, совершенно чуждыхъ литературы, цѣлыя фразы изъ *Таксы*. Успѣхъ этой драмы былъ такъ великъ, какъ въ свое время успѣхъ „Горе отъ ума“ въ Москвѣ, когда она обращалась въ публикѣ въ рукописяхъ. Не смотря на то, что драма эта написана на простомъ народномъ еврейскомъ языкѣ, она сдѣлалась извѣстною администраціи края, и тогда-же стали прискивать средства къ уменьшенію зла, проистекающаго изъ коробочнаго сбора. Всѣ сочиненія С. М. на разговорномъ языкѣ до того народны, что весьма трудно могутъ быть передаваемы на какойнибудь европейскій языкъ. Въ переводѣ теряется вся мѣткость сатиры, вся острота каламбу-ровъ, и особенно не могутъ быть удачно переведены истинно-народныя по-словицы и поговорки. Кромѣ совершеннаго знанія того языка, на который переводится данный разсказъ, надо еще обладать и тонкимъ поэтическимъ чутьемъ, чтобы сносно передавать весь юморъ, заключающійся въ сочи-неніяхъ Абрамовича, и вотъ почему переводъ *Таксы*, появившійся недавно въ печати, крайне неудаченъ.

Послѣ появленія *Таксы*, Абрамовичъ, какъ сказано выше, оставилъ городъ Б. Переселился онъ тогда со всѣмъ своимъ семействомъ въ городъ Ж. гдѣ сталъ прилежно готовиться къ экзамену, при существовавшемъ тогда раввинскомъ училищѣ, на званіе раввина. Хотя онъ давно уже былъ извѣстенъ въ министерствѣ, какъ хорошій педагогъ и писатель, одна-кожь безъ аттестата ему все-таки трудно было добиться официальнаго мѣста, въ которомъ онъ къ сожалѣнію, постоянно нуждался, такъ какъ одна еврейская литература никогда не обезпечивала своихъ служителей, особен-но тѣхъ, которые посвятили ей лучшіе годы своей жизни, безъ всякой выгоды.

По окончаніи экзамена, Абрамовичъ написалъ свое безсмертное творе-ніе подъ заглавіемъ *Die Klatscha* (кляча), или „Записки Сумашедшаго“. Идея этого аллегорическаго разсказа зародилась у него вслѣдствіе посѣ-щенія имъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, гор. Б., гдѣ онъ случайно увидѣлъ, что какая-то тощая, еле живая и вся въ язвахъ кляченка, та-щила песокъ и глину къ громадной постройкѣ какого-то мѣстнаго кулака, или общественнаго заправителя города. Въ своемъ разсказѣ онъ выводитъ нѣкоего Срулика, страдающаго галлюцинаціями и клячу-оборотня, т. е. че-ловѣка, превращеннаго злымъ духомъ въ клячу, говорящую и чувству-ющую, по временамъ, какъ человѣкъ. Сруликъ, во время своихъ галлюци-

націй, составляетъ записки о своихъ разговорахъ съ клячею-оборотнемъ, или излагаетъ свои собственныя наблюденія надъ участіемъ этой несчастной клячи.

Въ этомъ фантастическомъ разсказѣ затрогивается весь „еврейскій вопросъ“ въ полномъ своемъ объемѣ, или лучше сказать, въ немъ разбираются всѣ вопросы касательно евреевъ, которые выдвинуты, лишь въ послѣднее время, русскою печатью. Своими тонкими чутьемъ С. М. предвѣщаетъ своимъ единовѣрцамъ многое, что въ то время, когда онъ писалъ, казалось совсѣмъ несбыточнымъ. Всѣ обвиненія, выставлемыя лишь теперь противъ евреевъ и всѣ бѣдствія, постигшія евреевъ въ послѣднее время, очерчены въ разбираемомъ нами разсказѣ, самыми яркими красками. Если примемъ въ соображеніи, что «Кляча» написана въ 1873 году, въ то время, когда счастье, казалось, улыбалось евреямъ, то намъ станетъ еще болѣе удивительнымъ, какимъ образомъ онъ могъ тогда предсказывать все нынѣ случившееся. Чтобы читатели, не читавшіе „Клячи“, имѣли хоть какое нибудь понятіе о разбираемомъ нами фантастическомъ разсказѣ, приведемъ изъ него въ извлеченіи, два слѣдующія мѣста: Во второй главѣ подъ названіемъ «Сруликъ и Кляча», первый разсказываетъ слѣдующее: «Въ одинъ прекрасный лѣтній день я отправился гулять далеко за городъ. Нѣсколько часовъ я все бродилъ по полямъ и лугамъ, наконецъ я прилежъ подъ дерево, возлѣ какой-то канавы, для отдыха. Оттуда я смотрѣлъ, какъ на полѣ пасутся господскіе козлы, ослы и цѣлыя табуны лошадей, имѣющихъ аттестаты о своемъ благородномъ происхожденіи: дѣдъ одной лошади—англійскій жеребецъ, бабушка другой—тоже знаменитой породы и въ жизни своей много пороку нюхала, а прабабушка третьей получила отличное воспитаніе въ какомъ-то извѣстномъ заводѣ и отличалась своими танцами въ извѣстѣйшихъ циркахъ вмѣстѣ съ другими образованными лошадьми. Надо замѣтить, что у лошадей весьма важную роль играетъ происхожденіе. У нихъ обращаютъ большое вниманіе на благородство крови, и тѣ, которыя родились отъ породистыхъ родителей, называются лошадьми чистокровными. Эти благородныя, чистокровныя лошади свободно паслись на самихъ поляхъ, портили хлѣба, и никто не обращалъ на это никакого вниманія; онѣ прыгали, бѣгали, перегоняя другъ дружку, какъ бы щеголяя своею силою и ловкостью, и за это ихъ не только не выгоняли изъ хлѣбныхъ полей, но даже не покрикивали на нихъ. Вдругъ издалека слышался какой-то шумъ, крикъ людей и лай собакъ. Сначала я полагаю, что тутъ вѣроятно собираются крестьяне, чтобы выгнать господскихъ

возловъ и лошадей, зашедшихъ въ хлѣба. Не тутъ-то было. Голоса стали удаляться и послышались мнѣ совсѣмъ съ другой стороны. Я полюбопытствовалъ посмотрѣть, что тамъ такое происходитъ, и пустившись по голосу, донесшемуся до моего слуха, прибылъ на громадную площадь, заросшую травой. Тамъ глазамъ моимъ представилась страшная сцена: мальчишки-шалуны гнались, со всѣхъ сторонъ, за какою-то искудалою, тощею клячей, бросали въ нее камнями и травили ее цѣлой сворой собакъ различныхъ породъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ собакъ только лаяли и скрежетали зубами, другія же кусали ее, куда попало. Я не могъ остаться хладнокровнымъ зрителемъ при такой потрясающей сценѣ, во первыхъ изъ жалости, во вторыхъ несчастная кляча имѣла полное право, чтобы я за нее заступился, въ виду того, что состою членомъ общества покровительства животныхъ, цѣль котораго—заботиться, чтобы не мучили и не тиранили никакого живаго существа на землѣ.

— Шалуны, закричалъ я, приблизившись къ мальчикамъ, что вы имѣете противъ этой несчастной клячи?

Нѣкоторые изъ мальчиковъ какъ будто не слышали моего вопроса, другіе просто нагло смѣялись. Нѣкоторыя собаки смотрѣли на меня съ удивленіемъ, другія лаяли издали, а третья вытаращила на меня глаза, скрежетала зубами и готова была броситься и разорвать меня въ клочки.

— Шалуны! обратился я вновь къ нимъ,—почему вы мучаете творение Вожіе—эту несчастную клячу?

— Несчастненькая!—передразнили меня мальчики,—а почему она пачетса здѣсь, эта красивенькая кляча?

— Потому что здѣсь общественный выгонъ, отвѣтилъ я имъ,—потому что здѣсь пачетса весь городской скотъ, съ давнихъ временъ.

— Городской скотъ это совсѣмъ другое дѣло, отвѣтили они въ свою очередь,—онъ имѣетъ право, а эта нѣтъ.

— Почему-же она не имѣетъ права, спрашиваю я вновь,—у нея развѣ не такая же душа, какъ у другихъ городскихъ скотинъ?

— Можетъ быть, и не такая.

— Подлецы вы, если такъ рассуждаете; но она, вѣроятно, имѣетъ здѣсь хозяина, платящаго въ городскую кассу всѣ налоги и повинности, она вѣдь тоже городская скотина!

— Вотъ это-то намъ неизвѣстно, отвѣтили они съ насмѣшкой,—городская-ли она скотина или нѣтъ, въ томъ-то и весь вопросъ!

— Какъ бы тамъ нибыло, хотѣлъ я ихъ урезонить, — но кляча между тѣмъ голодна, она хочетъ ѣсть.

— Пусть околѣетъ съ голода, отвѣтили они мнѣ. — Что общаго между нами и ею? Зачѣмъ такой паскудѣ жрать и отнимать кормъ у городскихъ скотинъ?

— Разбойники! крикнулъ я уже не своимъ голосомъ, — почему вы не обращаете вниманія, что тамъ ходять цѣлыя стада господскихъ козловъ, цѣлыя табуны лошадей, которые сѣдають настоящей хлѣбъ, а тутъ вы жалѣете несчастной клячѣ горсточку травы? Вы не обращаете вниманія, что той травы, которую тѣ топчутъ ногами, было бы достаточно для бѣдной клячи и всего ея потомства? Разбойники! У васъ нѣтъ ни капли совѣсти, и вы еще имѣете дерзость говорить о правахъ и корчить изъ себя защитниковъ городскихъ скотинъ!

— Вотъ какъ! — отвѣтили нѣкоторые съ хохотомъ. — Видите, онъ совѣмъ сердитъ и предлагаетъ какіе-то вопросы! Пойдемте господа, зачѣмъ намъ слушать его белтовню, пусть себѣ деретъ горло на здоровье. Пойдемте!..

Одинъ изъ шалуновъ свиснулъ, и вся ватага, вмѣстѣ съ собаками, напустились на бѣдную клячу и долгое время гнались за нею съ лаемъ, свистомъ, гикомъ и гамомъ, пока наконецъ не загнали ее въ какую-то глубокую яму, гдѣ она погрузилась по шею“...

Въ приведенномъ отрывкѣ читатель развѣ не узнаетъ весь крикъ и лай извѣстныхъ борзописцевъ, накинувшихся, въ послѣднее время, на евреевъ съ бѣшенною пѣной у рта? Развѣ въ этихъ строкахъ не слышится вся логика извѣстнаго сорта писателей нынѣшняго времени, разсуждающихъ на разные лады, о еврейскомъ вопросѣ?

Въ девятой главѣ подъ заглавіемъ: „Покровительство Животнымъ“, авторъ приводитъ разговоръ Срулика съ клячей. Послѣдняя совѣтуетъ ему, чтобы онъ оставилъ всякія о ней хлопоты, такъ какъ своимъ ничтожнымъ заступничествомъ онъ ничего не успѣетъ; что весь энтузіазмъ его не болѣе, какъ юношеская вспышка, которая съ годами пройдетъ окончательно. Сруликъ же все доказываетъ, что кляча напрасно его обвиняетъ въ страстности и увлеченіи, что онъ вовсе не фантазеръ, а всегда дѣйствуетъ на реальной почвѣ, и для подкрѣпленія своихъ словъ, онъ прочитываетъ клячѣ письмо, отправленное имъ въ Общество Покровительства Животнымъ, слѣдующаго содержанія: „Состраданіе такъ вошло въ моду въ настоящее время, что люди не только имѣютъ состраданіе къ себѣ

подобныѣ, т. е. они не только не угнетаютъ и не отравляютъ жизнь своихъ ближнихъ, какъ это было въ давнопрошедшее время, ибо смотреть на всякаго, безъ различія страны, національности и религіи, какъ на брата, товарища и друга, но даже съ безсловесными животными стали обращаться мягкосердечно и смотреть на нихъ какъ на твореніе божіе; поэтому настоящее время вполне заслуживаетъ названіе: «время человѣчности». Вамъ, господамъ представителямъ Общества Покровительства Животнымъ, принадлежитъ вся похвала за нынѣшнее счастливое время! Благодаря вашимъ стараніямъ и неусыпнымъ трудамъ, въ настоящее время обращаются гораздо лучше, гораздо мягче и человѣчнѣе со многими животными и нѣтъ болѣе мученій и тѣлесныхъ бичеваній! Повсюду, на всѣхъ дорогахъ и перекресткахъ, во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ находятся ваши добросердечные, благородные и умные члены вашего общества, которые зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы никого не мучили и не обижали!.. Я тоже имѣю честь состоять членомъ вашего общества, а потому мой прямой долгъ васъ увѣдомить объ одномъ божьемъ созданіи, которое будто бы безъ имени и званія и которое—самъ не знаю, какъ его опредѣлить. Сказать, что это твореніе—кляча, не могу, такъ какъ оно кажется человѣкъ, человѣкомъ опять нельзя его назвать, потому что оно все-таки кляча. Прошу васъ, господа, не смѣяться, это не моя выдумка, это странное твореніе все-таки живетъ на бѣломъ свѣтѣ, оно, положимъ кляча, но всѣ чувства и поступки у него человѣческія... Какъ бы тамъ ни было, извѣщаю васъ, что въ нашемъ краѣ есть какое-то твореніе, (назовите его какъ хотите) которое страшно страдаетъ: работаетъ у cadaго, кто только не пожелаетъ, на шеѣ у него яро, а тяжести носить сверхъ своихъ силъ; всякій нелѣпный извлекаетъ изъ него пользу, и несмотря на все это поступаютъ съ нимъ крайне несправедливо—его, какъ бы зачумленное животное, держатъ вдали отъ городского стада за особой оградой. Пусть оно попробуетъ чтонибудь лизнуть, сейчасъ травятъ его собаками и поднимаютъ крикъ, что оно захватываетъ весь хлѣбъ, и на эту несчастную скотинку сыплются удары со всѣхъ сторонъ. Многие члены нашего общества самолично видятъ это, и къ моему величайшему удивленію, хранятъ глубокое молчаніе, какъ будто это твореніе внѣ закона и наше общество никакихъ обязательствъ въ отношеніи къ нему не имѣетъ. Я какъ-то разъ, другой попробовалъ заступиться, но меня подняли на смѣхъ. Ради Бога, что тутъ такое творится?... Допустимъ, что это животное, о которомъ теперь рѣчь, дѣйствительно кляча, но оно все-таки Божіе твореніе и не хуже другихъ

клячь, поэтому оно тоже имѣть право на покровительство, какъ и другія животныя... Вы же, представители нашего дорогого общества, имѣющіе состраданіе ко всѣмъ животнымъ, сжальтесь также нрѣдъ бѣдной, несчастной клячей, помогите ей въ ея нуждахъ, заступитесь за нее, обѣните ее вашими крыльями и пусть она, несчастная, тоже узнаетъ, что въ настоящее время нѣтъ произвола въ мірѣ, что существуетъ Общество Покровительства животнымъ!!...“

На ѣдкія и насмѣшливыя замѣчанія клячи, касательно восторженнаго письма и на вопросъ ея—какой отвѣтъ поглядывалъ отъ комитета общества, Сруликъ вынимаетъ изъ бокового кармана другую бумагу и читаетъ слѣдующее:

„Въ отвѣтъ на ваше прошеніе на счетъ клячи, комитетъ общества покровительства животнымъ извѣщаетъ васъ, милостивый государь, что кромѣ вашего сообщенія получены нами еще и другія отъ разныхъ лицъ, все касательно той-же клячи. Нѣкоторые жалуются на мучителей ея, описывая въ самыхъ мрачныхъ краскахъ ея скверное положеніе, и просятъ, чтобы мы приказали нашимъ членамъ слѣдить за тѣмъ, чтобы обходились съ клячею, гдѣ бы она ни находилась, точно также, какъ со всѣми другими животными, состоящими подъ нашимъ покровительствомъ; чтобы мы приказали разъ навсегда, что состраданію подлежатъ всѣ животныя, даже и кляча, и кто ее обидитъ, съ тѣмъ поступлено будетъ на законномъ основаніи.— Другіе-же пишутъ какъ разъ противоположно. Вы не можете и вы не обязаны, говорятъ они намъ, возбуждать противъ себя тѣхъ, которые отъ времени до времени и колотятъ эту клячу. Кулакъ для нея необходимъ, съ нею иначе невозможно. Далѣе они говорятъ, что кляча очень дика, всѣ ея поступки не такіе какъ должны быть. Если ее хотятъ запрячь, она становится на дыбы, заглядишься—она выпрыгиваетъ изъ оглобель, недосмотришь—она скидываетъ съ себя ношу. Тайкомъ она любитъ лягать ногами да кусать маленькихъ дѣтей. Ей нуженъ вкнутъ, безъ вкнута съ нею ничего не подѣлаешь. Кромѣ того она нечистоплотна—въ гривѣ у нея болтается колтунъ, голова въ язвахъ, сама она кашляетъ, и нѣтъ возможности держать ее вмѣстѣ съ другими лошадьми, которыя могутъ отъ нея заразиться. Что касается работы, то ко многимъ работамъ она совсѣмъ негодна, а имѣетъ склонность къ извѣстнымъ неприличнымъ занятіямъ. Она крайне прожорлива — весьма часто попадаетъ на хлѣбныхъ поляхъ и тѣмъ наноситъ страшный вредъ крестьянамъ, ее поэтому крайне опасно держать въ деревняхъ. Вы, право, прибавляютъ они еще, должны

смотреть сквозь пальцы на тѣхъ, которые, по временамъ, даютъ ей пинки. Состраданіе общества не можетъ распространиться на всѣхъ безъ разбора. Кляча вполне заслуживаетъ свою участь.

«По выслушаніи комитетомъ защитниковъ и обвинителей и послѣ собранія имъ, негласно, черезъ своихъ агентовъ, точныхъ свѣдѣній, рѣшено было передать все дѣло о клячѣ особой комиссіи, дабы она, послѣ внимательнаго и всесторонняго обсужденія, дала свое заключеніе по этому предмету. Комиссія, съ своей стороны, весьма усердно работала надъ рѣшеніемъ этого важнаго во всѣхъ отношеніяхъ вопроса и пришла наконецъ къ желанному результату. Въ своей резолюціи комиссія предложила слѣдующее: Во избѣжаніе многихъ неурядицъ и столкновеній и для улучшенія будущаго быта несчастной клячи, необходимо, прежде всего, снять съ нея болтающійся въ гривѣ колуна. Дабы она небыла такъ неуклюжа, необходимо научить ее маршировать по общепринятому методу и еще нѣкоторыя вещи. Послѣ усвоенія ею всѣхъ кунштучковъ, требуемыхъ современнымъ образованіемъ, она можетъ воспользоваться нашимъ состраданіемъ, и общество тогда не должно давать ее въ обиду. До поры до времени-же, для собственнаго ея блага, надо зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы удалить ее, во всякомъ случаѣ, отъ хлѣбныхъ полей, такъ какъ хлѣбныя поля, портить ли она ихъ, или нѣтъ, служатъ всегда главнымъ поводомъ къ нападенію на нее...

„Планъ комиссіи нами утвержденъ и мы, съ своей стороны, учинили уже надлежащее распоряженіе“.

Выставляя весьма рельефно скверное положеніе евреевъ и предсказывая имъ въ будущемъ еще худшее, С. М., въ томъ же рассказѣ, не гадитъ своихъ единовѣрцевъ по головкѣ, а съ свойственной ему ѣдкой сатирой бичуетъ многіе недостатки, указывая въ то-же время путь къ исправленію.

Все богослуженіе у евреевъ, какъ извѣстно, совершается на древнееврейскомъ языкѣ, который для массы совершенно недоступенъ. Масса конечно молится совершенно искренне, но не понимаетъ высокаго смысла молитвъ, состоящихъ, большею частью, изъ псалмовъ и высокопоэтическихъ гимновъ. Появились, разновременно, многіе переводы молитвъ на разговорный языкъ, но всѣ эти переводы не только не уясняли смысла молитвъ, но окончательнo затемняли и искажали. Абрамовичъ, обративъ на это вниманіе, попробовалъ передать богослужебныя книги на разговорномъ языкѣ, въ стихотворной формѣ. До настоящаго времени онъ перевелъ такимъ образомъ субботнія застоющія пѣсни (Zmirot), Perek Schi-

гаи, которыя уже напечатаны, и всѣ псалмы Давида, находящіеся еще въ рукописи. Оцѣнить весь этотъ трудъ можетъ только тотъ, кто хорошо знакомъ съ древнееврейскимъ языкомъ и знаетъ, какъ составлены еврейскія молитвы и какъ трудно онѣ поддаются переводу. Абрамовичъ побѣдилъ всѣ трудности; не удаляясь отъ текста, онъ передаетъ молитвы въ легкихъ и благозвучныхъ стихахъ, доступныхъ пониманію массы. Не смотря однакожь на всѣ старанія и труды Абрамовича, эта часть его литературной дѣятельности, до сихъ поръ еще не оцѣнена по достоинству еврейскою массою; причина тому весьма проста—масса еще не доросла до пониманія высокой поэзіи. Это несочувствіе массы послужило главнымъ поводомъ, почему Абрамовичъ остановился въ дальнѣйшемъ переводѣ еврейскаго молитвослова.

Къ тому-же времени его литературной дѣятельности надо отнести и поэму въ стихахъ подъ заглавіемъ „Юдель“. Въ этой поэмі, въ видѣ бытоваго разсказа, Абрамовичъ передаетъ всю исторію еврейскаго народа, начиная отъ временъ библейскихъ до умственного развитія евреевъ въ эпоху Мендельсона. Въ этой поэмі встрѣчаются мѣста высокохудожественныя по своей обработкѣ и по глубинѣ мысли. Не смотря на то, что первое изданіе этой поэмы разошлось очень быстро, мы все-таки сомнѣваемся, понята-ли она массою, но во всякомъ случаѣ она оставляетъ цѣнный вкладъ въ литературу, и весьма желательно было бы видѣть эту поэму въ переводѣ на одномъ изъ европейскихъ языковъ.

Среди дѣла и бездѣлья, Абрамовичъ перевелъ для народа изъ Жюль-Верна «Воздушное Путешествіе черезъ Африку». О достоинствахъ этого перевела, равно какъ о другой брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Рыба, поглотившая пророка Іона», не стану распространяться, такъ какъ пишущій эти строки тоже участвовалъ въ этой работѣ.—Начиная съ 1873 года С. М. издаетъ народные календари, которые расходятся массами и приносятъ весьма много барыша издателямъ и весьма мало вещественныхъ благъ самому автору. Упомянемъ еще объ одномъ юмористическомъ разсказѣ подъ заглавіемъ: «Путешествіе Бенямина Третьяго». Беняминъ Третій—еврей маленькаго мѣстечка, отрѣзаннаго самой природой отъ всѣхъ путей сообщеній. Со дни своего рожденія до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ, Беняминъ никуда не выходилъ изъ предѣловъ своего мѣстечка, ничего кромѣ своего родного языка не понимаетъ, кромѣ родного мѣстечка ничто его не интересовало, и онъ всегда былъ доволенъ своей судьбой, которая впрочемъ не баловала его. Случайно натолкнулся онъ въ бібліотекѣ мѣстнаго бетъ-

мидраша на описаніе странъ и народовъ какого-то древняго еврейскаго путешественника, и съ того момента на него находятъ блажь сдѣлаться путешественникомъ. Идея эта, такимъ крѣпкимъ гвоздемъ засѣла въ его головѣ, что въ концѣ концовъ онъ дѣлается манаикомъ, бредитъ только пустынями, морями и фантастическими звѣрями, и въ мѣстечкѣ его провозглашаютъ сумасшедшимъ. Этотъ сумасшедшій находитъ себѣ однакожъ достойнаго товарища по путешествію въ лицѣ Сендерля по прозванію «баба» (бабой его называютъ потому, что жена его заправляетъ всей скудной торговлей, а самъ Сендерль исправляетъ должность хозяйки—топить печку, стряпаетъ обѣдъ, моетъ посуду и бѣлье и штопаетъ чулки) и оба они отправляются въ невѣдомыя страны.—Послѣ многихъ курьезныхъ и смѣшныхъ приключеній, оба героя прибываютъ въ гор. Гнилопять (Бердичевъ), который принимаютъ за Стамбуль, а рѣку Гнилопять за Босфоръ, потомъ добираются до самаго Кіева, откуда, чуть-ли не по этапу, препровождаютъ ихъ обратно на родину, прежде чѣмъ они узрѣли рѣку Самбатіонъ, на берегу которой живутъ красноволосые евреи, и горы вѣчной тьмы.—Этотъ рассказъ написанъ съ такимъ юморомъ, что съ первой до послѣдней страницы нельзя его читать безъ сердечнаго хохота. Сцены, типы, мѣняющіеся въ рассказѣ, какъ въ калейдоскопѣ, мастерски очерчены и не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Съ 1877 года въ жизни С. М., который никогда не могъ жаловаться на излишнія баловства со стороны судьбы, наступаютъ такія обстоятельства, которыя отнимаютъ у него всякую охоту къ литературной дѣятельности. Распространяться здѣсь объ этихъ обстоятельствахъ считаемъ лишнимъ и неуѣстнымъ. Скажемъ только, что этотъ, бившій черезъ край источникъ, подъ влияніемъ удручавшихъ его обстоятельствъ, вдругъ какъ бы всякъ и совершенно пересталъ дѣйствовать. Не разъ жаловался мнѣ въ то время С. М. на свое нравственно угнетенное положеніе. „Перестать мыслить, сказалъ онъ мнѣ однажды, это значить перестать жить, а мыслить, кажется, мнѣ уже невозможно. Мозгъ мой залить свинцомъ, а сердце окаменѣло». С. М. никогда не ропталъ на свою судьбу, но чтобы выдержать ея удары, которые она сыпала щедрою рукою, довольно долго, на его спину—на это надо было имѣть желѣзные нервы и желѣзный, закаленный и честный характеръ, какимъ владѣетъ С. М., и только благодаря этой нравственной силѣ, онъ не палъ подъ ударами рока и мужественно выдержалъ натискъ со всѣхъ сторонъ, который могъ бы сломить и великана...

Буря, разразившаяся надъ головою нашего народнаго писателя и очень долго бушевавшая, мало по малу улеглась; тучи, покрывавшія весь его небосклонъ, разстѣялись и маленькая льдина, на которой онъ еле-еле держался на безбрежномъ океанѣ жизни, благополучно пристала къ берегу, и теперь, когда мы собираемся поздравить его съ 25-лѣтней литературной дѣятельностью, нашъ С. М. находится въ мирной и тихой гавани, въ которой ввovъ можетъ предаваться своимъ занятіямъ на пользу своихъ единовѣрцевъ. И дѣйствительно С. М., какъ надо было ожидать, не остался въ долгу передъ публикой. За свое долгое молчаніе, онъ къ 25-лѣтію своей плодотворной дѣятельности, написалъ прекрасную драму, изъ еврейскаго быта, подъ названіемъ: «Призывъ». Она теперь издается въ Петербургѣ друзьями и почитателями его таланта. Мы ничего не будемъ говорить объ этой драмѣ, хотя читали ее въ рукописи, такъ какъ желаемъ, чтобы публика сама оцѣнила это произведеніе безъ всякой предвзятой мысли.

Мы съ своей стороны, приѣтствуя сердечнаго друга нашего—почтеннаго юбиляра, 25-лѣтнимъ служеніемъ литературѣ, отъ всей души ему желаемъ еще долго, долго дѣйствовать на избранномъ имъ благородномъ поприщѣ, на пользу своихъ единовѣрцевъ, нуждающихся теперь и еще на долгое время въ такихъ честныхъ, безкорыстныхъ и талантливыхъ сѣятеляхъ добра, какъ Соломонъ Моисеевичъ Абрамовичъ.

Левъ Биштокъ.

Житомиръ.

4-го октября 1884 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КАВКАЗСКІЕ ЕВРЕИ.

Путешествіе по Кавказу и Закавказскому краю І. Я. Чернаго (הספדו במדבר אשר מעבר לירדן) С.-Пб. 1884).

Слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ Общество для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи получило отъ нѣкоторыхъ лицъ, хорошо знавшихъ автора нынѣ вышедшей, обозначенной въ заголовкѣ книги, Іосифа Іегуды Чернаго, предложеніе оказать ему содѣйствіе въ предпринятомъ имъ путешествіи по Кавказу и Закавказскому краю съ цѣлью познакомиться, какъ съ темными историческими прошлыми, такъ и съ своеобразнымъ общественнымъ, религіознымъ и семейнымъ бытомъ живущихъ тамъ евреевъ. «Общество», признавъ всю пользу такого путешествія съ научною цѣлью и весь интересъ, какой представляютъ собою свѣдѣнія о кавказскихъ евреяхъ, недавно только присоединенныхъ къ Россіи, и ихъ исторія, какъ отрывокъ изъ исторіи 10 колѣнъ Израилевыхъ, судьба которыхъ со времени разрушенія перваго храма и вавилонскаго плѣненія все еще окутана таиннымъ мракомъ неизвѣстности, и потомками которыхъ считаютъ себя кавказскіе евреи—признавъ все это въ высшей степени достойнымъ изслѣдованія, „общество“, однако, по ограниченности своихъ средствъ и по несоотвѣтствію такого рода предпріятія съ тѣсною сферой своей дѣятельности, опредѣленной уставомъ, не могло тогда оказать нуждавшемуся въ средствахъ путешественнику матеріальной поддержки. Поэтому оно было ограничено только врученіемъ І. Я. Черному рекомендабельныхъ писемъ ко многимъ высокопоставленнымъ административнымъ лицамъ, чѣмъ оно дѣйствительно оказало путешественнику громадную услугу. Благодаря этимъ рекомендаціямъ отъ „Общества“ ему удалось получить отъ бывшаго тогда наместникомъ Кавказа Великаго Князя Михаила Ни-

колаевича, и начальниковъ отдѣльныхъ областей закавказскаго края открыты листы ко всѣмъ мѣстнымъ административнымъ властямъ съ порученіемъ оказывать ему вездѣ всевозможное содѣйствіе, покровительство и защиту. Путешествіе І. Я. Чернаго получило такимъ образомъ офиціозный характеръ, чѣмъ путешественникъ хорошо умѣлъ пользоваться, обращаясь повсюду, куда онъ ни пріѣзжалъ, прежде всего къ мѣстнымъ властямъ, которыя встрѣчали его очень радушно, заботясь объ отведеніи ему удобныхъ квартиръ на счетъ еврейскихъ общинъ, объ облегченіи ему путешествія даровымъ проѣздомъ на казенныхъ или обывательскихъ лошадахъ, объ охранѣ его личной и имущественной безопасности и т. д. и т. д. Кроме того, онъ получилъ также нѣкоторую матеріальную поддержку изъ частныхъ средствъ нѣсколькихъ петербургскихъ евреевъ-богачей.

Снабженный такими средствами, І. Я. Черный объѣздилъ почти весь Кавказъ и закавказскій край, побывавъ въ нѣкоторыхъ областяхъ и городахъ, напр. въ Кутаисѣ, Дагестанѣ и Эривани даже по два и по три раза.

Пропутешествовавъ такимъ образомъ слишкомъ десять лѣтъ, онъ наконецъ вернулся въ Одессу, итѣя въ виду приняться за приведеніе въ порядокъ множества накопившагося у него чрезвычайно цѣннаго матеріала и изданіе его въ свѣтъ. Но тутъ постигла его смерть. Развившаяся у него на Кавказѣ горловая чахотка черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ его въ Одессу свела его въ могилу. Онъ умеръ 16-го апрѣля 1880 г. въ одесской еврейской больницѣ на 45 г. своей жизни.

Послѣ его смерти Общество для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи получило отъ своего одесскаго отдѣленія увѣдомленіе, что покойный оставилъ объемистое, но еще не обработанное описаніе своего путешествія, много документовъ историческаго характера, снимки надгробныхъ памятниковъ съ надписями на еврейскою, татарскою и греческою языкахъ, генеалогическую таблицу, которая издавна ведется семействомъ князей Багратіоновъ, считающихъ себя потомками царя Давида, снимки съ печати послѣдняго съ изображеніемъ различныхъ эмблемъ власти и много другаго цѣннаго историческаго матеріала, и что все это путешественникъ завѣщалъ «Обществу» для изданія въ свѣтъ.

Когда все оставленное І. Я. Чернымъ было переслано въ Петербургъ, то комитетомъ Общества была назначена подъ предсѣдательствомъ д-ра А. Я. Гаркави комиссія для разсмотрѣнія всѣхъ его бумагъ. Выборъ предсѣдателя, что такъ рѣдко случается со всѣми нашими общепользными на-

чинаніями, былъ какъ нельзя болѣе удачнымъ. Чуждый всякаго дилетантизма, нашъ уважаемый ученый, съ отличающею его серьезностью и обстоятельностью въ анализѣ научныхъ данныхъ, подвергъ всѣ рукописи покойнаго путешественника тщательной критикѣ, и приведши ихъ въ порядокъ, насколько это было возможно, раздѣлилъ на три категоріи. Къ первой онъ отнесъ собранныя путешественникомъ письменные памятники кавказскихъ евреевъ, которые почти всѣ относятся лишь къ послѣднимъ тремъ столѣтіямъ, за исключеніемъ трехъ-четырехъ, относящихся, сколько можно предполагать, къ болѣе ранней эпохѣ. Во вторую категорію онъ включилъ собранныя покойнымъ устные рассказы туземцевъ объ ихъ прошломъ и описанія покойнымъ своихъ собственныхъ наблюденій надъ ихъ экономическимъ, духовнымъ, нравственнымъ и религіознымъ бытомъ. Къ третьей категоріи, имѣющей специально для евреевъ значеніе второстепенное—разныя собранныя І. Я. Чернымъ выписки изъ кавказскихъ газетъ, календарей, сборниковъ, и изъ сочиненій разныхъ путешественниковъ по Кавказу и разныя свѣдѣнія о другихъ племенахъ, населяющихъ Кавказъ, родословныя таблицы нѣсколькихъ княжескихъ семействъ и проч. въ томъ же родѣ.

Такъ какъ большая часть матеріаловъ, относящихся къ первой категоріи, имѣетъ несомнѣнный интересъ, не смотря на то, что покойный путешественникъ, по вынесенному А. Я. Гаркави убѣжденію: „не былъ научно подготовленъ для своей мисси“, но замѣнилъ этотъ недостатокъ усердными розысканіями и преданностью своей задачѣ, то „Общество“ рѣшило издать болѣе цѣнную въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи часть его трудовъ на свой счетъ, съ тѣмъ, чтобы выручка отъ изданія поступила въ пользу оставленнаго путешественникомъ семейства. Г. Гаркави опять принялъ на себя трудъ привести все въ порядокъ и приготовить къ печати—трудъ немаловажный, если принять во вниманіе, что покойный не успѣлъ обработать литературно почти ничего изъ громадной массы накопленнаго имъ матеріала и оставилъ все въ разрозненныхъ листкахъ, часто безъ связи, съ разными недомолвками и противорѣчіями, — листкахъ, написанныхъ при томъ же на невозможномъ языкѣ: древне-еврейскомъ, перемежанномъ съ жаргонными словами и даже цѣлыми жаргонными періодами.

Щадя, однакожъ, память автора и притомъ имѣя въ виду что книга представляетъ болѣе практической, научно исторической и правоописательный интересъ, чѣмъ чисто литературный, почтенный ученый, при редакци-

рованіи книги, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, внутреннюю суть ея, игнорировавъ почти совершенно всѣ попадающіяся въ ней неправильности языка и оставивъ даже безъ измѣненія встрѣчающіяся въ ней очень часто слова, выраженія и даже цѣлыя страницы, написанныя на разговорномъ еврейскомъ жаргонѣ.

При оцѣнкѣ этой книги намъ также поэтому приходится игнорировать совершенно ея внѣшнюю литературную сторону и заняться самимъ содержаніемъ ея, имѣя въ виду преимущественно этнографическую часть ея и отсылая интересующихся историческими документами къ самой книгѣ.

У евреевъ всего Закавказья существуетъ преданіе, что они происходятъ отъ 10 колѣвъ Израилевыхъ, уведенныхъ въ плѣнъ царемъ вавилонскимъ Навуходоносоромъ. По распаденіи вавилонскаго царства, они жили нѣкоторое время въ Персіи, откуда вслѣдствіе разныхъ гоненій, переселились на Кавказъ. Болѣе или менѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ ихъ исторической судьбѣ за весь этотъ длинный періодъ, отъ вавилонскаго плѣненія до настоящихъ дней, у нихъ не сохранилось, и на всѣ вопросы путешественника они, почти вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, отвѣчали ему, что всѣ письменные историческіе памятники, оставленные имъ ихъ предками издревле, а равно позднѣйшаго времени до покоренія Кавказа Россіей, уничтожены или затеряны при тѣхъ безчисленныхъ несчастіяхъ, жестокихъ гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которымъ они до послѣдняго времени непрерывно подвергались. Тѣ же свѣдѣнія, которыя они дали о себѣ путешественнику, носятъ на себѣ печать недостоверности и даже какъ будто преднамѣренной лжи, хотя довольно наивной. Вотъ напр. одинъ изъ множества приведенныхъ путешественникомъ въ книгѣ письменныхъ отзывовъ еврейскихъ общинъ объязженныхъ имъ городовъ объ ихъ прошломъ; документъ этотъ, подписанный старѣйшинами общины г. Тарку (Дагестанской области) гласитъ слѣдующее:

„При Навуходоносорѣ мы были уведены въ плѣнъ въ Вавилонію и жили тамъ долгое время. Когда царь персидскій Артаксерксъ властвовалъ надъ Вавилоніей, то онъ обложилъ насъ данью въ три серебряныхъ селкелъ (до 3 р.) въ годъ съ каждаго дома. По смерти его наслѣдники увеличили эту дань, потому тѣ, которымъ было тяжело платить, вышли изъ Персіи и поселились въ Тегеранѣ. Въ это время тамъ царствовалъ Баба-Ханъ-Шахъ, который не взымалъ съ насъ больше трехъ р. съ каждаго дома въ годъ, но когда его наслѣдникъ увеличилъ эту дань, то мы вышли изъ Тегерана и поселились въ Гамаданѣ. Гамаданскіе ханы сначала не

требовали съ насъ больше, чѣмъ мы платили раньше въ Тегеравѣ, но когда и они стали требовать больше, то мы вышли изъ Гамадана и поселились въ Решиѣ. Тамъ Идаятъ-Ханъ бралъ съ насъ только по три р., но когда и онъ увеличилъ налогъ, мы поселились въ Кубѣ; сначала правители Кубы не требовали больше 3 р. но когда требованія ихъ возросли, мы ушли оттуда и поселились въ Аба-Сова въ горахъ при Дербентѣ и т. д. и т. д.“ Такимъ образомъ все въ томъ же родѣ исчисляются еще другіе города, изъ которыхъ они также ушли все изъ-за той же надбавки, свыше трехъ руб. пока не поселились въ Тарку, гдѣ съ нихъ больше денегъ не берутъ.

Оказывается, такимъ образомъ, что все ихъ прошлое, за почти двухтысячелѣтній періодъ отъ царя Навуходносора до нашихъ дней, заключалось въ трехъ рубляхъ, не больше и не меньше ни на одну копейку, какъ будто ихъ предки дали обѣтъ еще у горы Синая—никому и ни въ какой странѣ больше трехъ р. никогда не платить, а иначе переселиться!

Печать такой же достовѣрности и обстоятельности, за немногими исключеніями, носятъ письменные отзывы всѣхъ общинъ другихъ городовъ, въ которыхъ путешественникъ обращался за свѣдѣніями объ ихъ историческомъ прошломъ. Не удивительно поэтому, что имѣя дѣло съ такими людьми, столь невѣжественными въ своей исторіи, путешественнику не удалось собрать касательно исторіи кавказскихъ евреевъ почти ничего документальнаго, чтобы пролить на нее новый свѣтъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ, какъ сказано выше, не имѣлъ для этого достаточной научной подготовки,

Но если историческаго матеріала во всей книгѣ такъ мало и все сводится къ догадкамъ и предположеніямъ, которыя еще нуждаются въ научномъ подтвержденіи и освѣщеніи другихъ болѣе серьезныхъ историковъ, чѣмъ любитель-путешественникъ, за то книга его богата матеріаломъ этнографическимъ и бытовымъ, интереснымъ тѣмъ болѣе, что евреи Кавказа во многомъ довольно рѣзко отличаются отъ европейскихъ евреевъ бытомъ семейнымъ, общественнымъ, религіознымъ и даже политическимъ, языкомъ, одеждой, воспитаніемъ, занятіями и даже многими чертами характера, словомъ, составляютъ какъ бы особое племя. Рѣзко отличаясь отъ своихъ единовѣрцевъ изъ Европейской Россіи, они не менѣе различествуютъ и между собою, какъ не похожи другъ на друга и ихъ сограждане, всѣ эти грузины, армяне, лезгины, осетины, чеченцы, черкесы, татары и проч. и проч., населяющіе эту чудную гористую страну, которая поражаетъ такимъ необыкновеннымъ разнообразіемъ природы и климата, и въ которой,

кажется, все соединилось для того, чтобы мѣшать сближенію населяющихъ ее разнородныхъ племенъ между собою. Различныя формы мѣстности, неожиданныя видоизмѣненія почвы, климата и растительности, представляющія то всѣ удобства для жизни осѣдой, земледѣльческой, то принуждающія жителя скитаться по горнымъ тропамъ и вести жизнь первобытно-кочевую—все это отразилось на быту и характерѣ живущихъ тамъ отдѣльныхъ племенъ и разсѣянныхъ между ними евреевъ. Составить, поэтому, общую характеристику послѣднихъ чрезвычайно трудно для читателей разбираемой нами книги, но трудность составить себѣ по описаніямъ какое нибудь общее представленіе еще усугубляется вслѣдствіе отсутствія всякой системы при составленіи книги, матеріалъ для которой оставленъ авторомъ въ набросанныхъ на лету, разрозненныхъ листкахъ, въ которыхъ перепутаны описанія всего видѣннаго имъ въ землѣ кубанскаго войска, губерніяхъ ставропольской, тифлиской, кутаиской, эриванской, елисаветпольской и бакинской, и въ областяхъ дагестанской, терской и кубанской. Впечатлѣнія, имъ вынесенныя оттуда и наблюденія надъ евреями всѣхъ этихъ мѣстъ до того разнообразны и изложеніе его до того страдаетъ отсутствіемъ всякой системы и запутанностью, такъ какъ матеріалъ оставленъ имъ въ сыромъ видѣ, что при чтеніи въ головѣ образуется страшная путаница. Рѣшительно невозможно составить себѣ объ описываемой мѣстности цѣльное представленіе.

Попробуемъ, однакожь, разобраться въ книгѣ хоть нѣсколько, тѣмъ болѣе, что мѣстами она представляетъ значительный интересъ въ виду тѣхъ своеобразныхъ особенностей, какими отличается описываемый въ ней мало кому изъ насъ вѣдомый отдѣльный еврейскій мірокъ, соединенный теперь, послѣ испытанныхъ имъ разнообразныхъ историческихъ судебъ, подъ однимъ съ нами скипетромъ.

Особенно обстоятельно и подробно останавливается авторъ на бытѣ и особенностяхъ евреевъ, населяющихъ область дагестанскую и губернію кутаисскую, относясь съ благоволеніемъ къ первымъ и съ худо скрывающимся пренебреженіемъ и даже съ нѣкоторою злобою къ послѣднимъ. И дѣйствительно, между тѣми и другими нѣтъ почти ничего общаго ни въ языкѣ, ни въ одеждѣ, ни въ образѣ жизни, ни въ нравственныхъ воззрѣніяхъ. Отличаются они между собою даже въ исполненіи религиозныхъ обрядовъ и самомъ отношеніи къ религіи.

Евреевъ Дагестана и прилежащихъ горъ г. Немировичъ-Данченко въ одной изъ своихъ книжекъ, посвященныхъ ихъ описанію, назвалъ «воинству-

щимъ Израилемъ», но чрезвычайному ихъ сходству съ воинственными горными племенами, среди которыхъ ихъ забросила судьба. Такими они представляются и въ описаніи нашего путешественника, Чернаго, со всѣми, порою очень симпатичными, порою отталкивающими чертами характера первобытныхъ племенъ, замкнутыхъ въ своихъ горахъ въ непосредственномъ общеніи съ природой и остающихся внѣ вліянія нравственно совершенствующей, но во многихъ отношеніяхъ и деморализующей современной цивилизаціи. Отличаясь отъ своихъ сосѣдей мусульманъ и христіанъ только языкомъ, который авторъ называетъ древне-персидскимъ, и письмомъ, состоящимъ изъ смѣси ассирійскаго письма съ еврейскимъ, они похожи на нихъ почти во всемъ остальномъ. Всѣ они одѣты по черкесски въ архалуки, на головахъ носятъ высокія бараньи папахи, отъ мала до велика вооружены кинжалами, пистолетами и шашками, которыхъ не снимаютъ, даже ложась спать и во время молитвы въ синагогахъ; эти же оружіемъ въ серебрянной эмальированной оправѣ украшены и стѣны ихъ домовъ. Всѣ они также съ малолѣтства приучены къ верховой ѣздѣ, «и еслибы равнины ихъ,—иронически замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ авторъ, не привыкшіи къ такой рыцарской обстановкѣ среди трусливыхъ и невзрачныхъ польско-русскихъ евреевъ,—были столь же ловки и свѣдущи въ богословіи, какъ они ловки въ верховой ѣздѣ, то они были бы великими знаменитостями». Впрочемъ, вмѣстѣ съ развѣшаннымъ по стѣнамъ ихъ домовъ блестящимъ оружіемъ, тамъ же висятъ для просушки въ изобиліи соленая рыба и баранина, отчего воздухъ въ ихъ низкихъ и грязныхъ жилищахъ пропитанъ отвратительною вонью, невыносимою для заѣзжачаго человѣка. Живутъ они въ обществѣ очень невзыскательно, одинаково какъ богатые, такъ и бѣдные, и между первыми и послѣдними нѣтъ никакой разницы въ обхожденіи, не замѣтно того пренебрежительнаго высокомерія съ одной стороны и подобиострастія съ другой, той невыносимой смѣси богатаго и рабскаго угодничества бѣдняка, какими отличаются отношенія между собою евреевъ Россіи и Польши. Богатые охотно помогаютъ бѣднымъ; и вся община неуставно печется о томъ, чтобы никто изъ ея членовъ не впалъ въ безысходную нищету. Впрочемъ, самый родъ ихъ экономической дѣятельности, преимущественно земледѣльческой, исключаетъ возможность быстрого обогащенія однихъ и крайняго обнищанія другихъ. Они воздѣлываютъ на поляхъ, очень рѣдко принадлежащихъ имъ самимъ и большею частію арендуемыхъ у мусульманъ за высокую плату натурой, табакъ и красильное вещество марену для продажи въ Россію, сѣютъ также овощи, воздѣлываютъ виноградъ, и выдѣлы-

вають кожи и сафьянъ. Торговлей же занимаются очень мало, и то только мелочною, больше въ разность.

Вудучи бѣдными, они однакожь отличаются радушнымъ гостепринимствомъ, и у нихъ сохранился древній еврейскій обычай обмывать ноги страннику, входящему въ ихъ домъ, каковую обязанность исполняютъ женщины.

Женщины, какъ и у всѣхъ восточныхъ народовъ, ведутъ у нихъ чрезвычайно тяжелую жизнь. Онѣ отдѣлены отъ мужчинъ въ особой комнатѣ, не сидятъ съ ними за однимъ столомъ и чужому человѣку показываются очень рѣдко, и то съ закрытымъ фатой лицомъ. Только по вечерамъ ихъ можно видѣть, какъ въ библейскіе времена, отправляющимися, безъ различія состоянія, богатыя какъ и бѣдныя, босикомъ съ кувшинами на головахъ къ городскимъ колодцамъ за водою. Для нихъ, впрочемъ, это составляетъ нѣкоторое развлеченіе. Замкнутыя цѣлый день дома, гдѣ онѣ занимаются хозяйствомъ и шитьемъ на все семейство, (такъ какъ у нихъ нѣтъ портныхъ, и богатыхъ, какъ бѣдныхъ, шьютъ всю одежду ихъ жены) онѣ у колодца устраиваютъ нѣчто въ родѣ клуба, гдѣ другъ передъ дружкой отводятъ душу и удовлетворяютъ врожденной каждой женщиной наклонности къ болтовнѣ, пересудамъ и сплетнямъ. Кромѣ этого онѣ охотно предаются еще другому роду удовольствія, который европейскимъ дамамъ незнакомъ; или же который послѣднія себѣ позволяютъ только съ глазъ на глазъ со своими мужьями при маленькихъ домашнихъ стычкахъ. Дѣло въ томъ, что когда почтеннымъ еврейскимъ дамамъ Кавказа становится уже черезъ чуръ скучно, то онѣ собираются со всего города на лужайкѣ или же на плоской восточной крышѣ какого нибудь дома и общимъ хоромъ начинаютъ горько плакать и неистово голосить по комъ нибудь изъ умершихъ горожанъ—безразлично, умеръ ли онъ годъ или десять лѣтъ тому назадъ, родственникъ ли онъ, знакомый, или совершенно чужой человѣкъ. Дѣлается это по слѣдующей программѣ. Когда всѣ соберутся и рассядутся на полу въ кружокъ, поджавши подъ себя, по восточному, ноги, одна становится среди нихъ на колѣни и начинаетъ, все быстрѣе и учащеннѣе качаясь всѣмъ корпусомъ изъ стороны въ сторону, пѣть какую нибудь заунывную пѣсню; остальные ей подтягиваютъ. Мало по малу, когда грустный тонъ переходитъ въ плачь, встаетъ одна и съ выраженіемъ глубокой скорби на лицѣ ударяетъ себя кулаками въ лицо и грудь и съ громкими рыданіями называетъ ния какого нибудь покойника. Подруги отвѣчаютъ ей громкимъ плачемъ, стараясь перекричать одна другую. Подни-

мается невообразимый крикъ, отчего онѣ все болѣе и болѣе приходятъ въ экстазъ, и съ бѣшенными тѣлодвиженіями начинаютъ кусать себѣ до крови пальцы, рвать себѣ волосы и неистово колотить себя кулаками въ голову и грудь, пока въ совершенномъ изнеможеніи падаютъ одна за другою на полъ. Этимъ удовольствіемъ кончается, и онѣ, до слѣдующаго раза, расходятся, «повеселившись» въ власть, по домамъ.

Разумѣется, что при той степени высокаго удовольствія, которое доставляетъ имъ плачь, настоящіе похороны, когда покойника не надо выдумывать, а онъ передъ глазами—для нихъ праздникъ. Лишь только кто умираетъ—къ нему собирается весь городъ, мужчины и женщины, и плачь доходитъ у всѣхъ до бѣснованія, плачутъ не только въ день похоронъ, но вся община предается плачу, въ домѣ покойника, цѣлую недѣлю сряду, подкрѣпляя свои силы по вечерамъ веселыми пирушками на общій счетъ, въ складчину, также въ честь покойника.

Въ остальномъ похороны мало отличаются отъ похоронъ у европейскихъ евреевъ, за исключеніемъ одного суевѣрнаго обычая, состоящаго въ томъ, что надъ открытымъ гробомъ разламываютъ на мелкіе кусочки серебряную монету и разбрасываютъ ее въ разныя стороны, для удаленія нечистой силы.

Вообще въ суевѣріи, эти жители горъ, окруженные таинственностью причудливой и подавляющей своимъ величіемъ кавказской природы, мало просвѣтленные разумомъ религіи и трезвостью знанія, еще значительно превосходятъ окутанныхъ мракомъ хассидизма, единовѣрныхъ имъ жалкихъ слѣпцовъ, томящихся въ юго-западной полосѣ черты осѣдлости. Передаемъ нѣсколько рисующихъ ихъ суевѣріе эпизодовъ изъ тѣхъ многихъ, которые разбросаны въ книгѣ.

Недалеко отъ деревни *Хималъ* путешественнику указали на домъ нѣкоего князя Кай Хозро Давидовича Авшалова, у котораго хранится древняя библія, обладающая чудодѣйственною силою. Путешественникъ осмотрѣлъ эту библію, которая оказалась самою обыкновенною печатною и не особенно древнею. Князь держитъ ее завернутою въ шелку въ особомъ ящикѣ, передъ которымъ постоянно горятъ свѣчи. Эта торжественная обстановка привлекаетъ въ его домъ множество евреевъ и даже христіанъ, которые платятъ ему за одно только позволеніе взглянуть на святыню. Про эту библію въ народѣ распространены слѣдующія преданія. Разъ одинъ князь сказалъ со смѣхомъ: какъ можетъ эта библія проклятыхъ жидовъ помогать или повредить комунибудь?—Дотронься только до нея,

отвѣтилъ ему ея обладатель, — и ты увидишь! Невѣрующій дотронулся и его рука окаменѣла. Надъ библией пролетѣлъ разъ пѣтухъ, и онъ сейчасъ же палъ мертвымъ. На домъ ея владѣтеля напали разъ разбойники и унесли ее съ собою, но по дорогѣ у нихъ отянулись ноги, и они должны были возвратить ее. Въ такія и тому подобныя рассказы народъ вѣритъ свято, и князь этимъ пользуется.

Еще болѣе суевѣрными рисуется авторъ кутанскихъ евреевъ. Рассказываетъ онъ между прочимъ, что у одного живущаго между ними литовскаго еврея, Симона Хазанова, околѣла курица, и онъ велѣлъ своему сыну бросить ее въ рѣку. Мальчикъ, полѣзвшійся пойти туда, бросилъ ее въ дрова противъ синагоги. Жившій противъ синагоги не-еврей нашелъ ее на слѣдующій день на своихъ дровахъ и перебросилъ на синагогальный дворъ. Когда ее нашли тамъ еврей, то они страшно испугались и подняли крикъ на весь городъ, что христіане сдѣлали этимъ надъ ними колдовство, и побѣжали къ раввинамъ. Раввины послѣ долгаго совѣщанія объявили общій постъ и молитву съ трубными звуками. Когда же литовскій еврей, сынъ котораго надѣлалъ всю эту кутерьму, рассказалъ имъ, въ чемъ дѣло, они долго не хотѣли ему вѣрить — до того сильна въ нихъ вѣра во все сверхъестественное и въ силу колдовства.

Какъ видно изъ этого примѣра, раввины не только не стараются духовнымъ просвѣтленіемъ своей паствы разсвѣять мракъ суевѣрія, но еще, напротивъ, сами своими примѣромъ увлекаютъ темный народъ, точь въ точь какъ наши цадики въ юго-западной Россіи и въ Галиціи. Авторъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи различіе между раввинами Дагестана и Кутанса. Первые гораздо ученѣе послѣднихъ, нѣкоторые изъ нихъ даже довольно бѣгло говорятъ на древне-еврейскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ послѣдніе — страшные невѣжды, лицеиѣры, шарлатаны и корыстолюбцы, что и не удивительно, такъ какъ, по рассказамъ автора, аттестатъ на званіе раввина можетъ получить первый встрѣчный отъ главнаго кутанскаго раввина за пять руб. Продажею такихъ аттестатовъ, кромѣ этого раввина, занимаются и другіе раввины окружныхъ городовъ. Объ одномъ изъ нихъ авторъ рассказываетъ слѣдующее. Разъ пришелъ къ раввину одинъ еврей и попросилъ аттестатъ. Сторговались въ цѣнѣ, и раввинъ велѣлъ ему придти черезъ нѣсколько дней, когда аттестатъ будетъ написанъ. Между тѣмъ еврей, не знавшій даже основныхъ правилъ рѣзки скота, каковая обязанность соединена тамъ со званіемъ раввина, почувствовалъ угрызенеіе совѣсти, и не желая облечь себя въ званіе, на которое онъ, по своимъ

познаваніямъ, не имѣлъ права, за аттестатомъ не явился. Тогда раввинъ послать за нимъ, и прочитавъ ему нравоченіе о томъ, что разъ заказавши аттестатъ и заставивъ людей потрудиться написать его, не честно не платить за трудъ, получилъ отъ него деньги и вручилъ ему аттестатъ противъ его воли.

Но оставимъ пока Кутансъ, о которомъ еще сдѣлаемъ ниже нѣсколько интересныхъ выписокъ, и вернемся еще разъ къ дагестанскимъ евреямъ, къ судьбѣ которыхъ авторъ своимъ рассказомъ объ ихъ крайне плачевномъ экономическомъ и гражданскомъ состояніи возбуждаетъ живѣйшее участіе.

Какъ мы говорили уже, они почти всѣ занимаются земледѣліемъ и притомъ не на собственныхъ участкахъ земли, а на арендуемыхъ у своихъ иновѣрныхъ сосѣдей. Тѣмъ не менѣе, не смотря на ихъ производительныя занятія, честный и мирный образъ жизни, отношеніе иновѣрцевъ къ нимъ очень враждебное. Мусульмане часто нападаютъ на дома евреевъ, предають ихъ разграбленію, отводятъ воду отъ ихъ деревень, по ночамъ разрушаютъ ихъ кладбища, разрываютъ могилы и ругаются надъ ихъ мертвыми и проч. и проч. Находясь еще отъ нихъ въ матеріальной зависимости по найму земель, евреи у нихъ въ полномъ экономическомъ рабствѣ. Они отягчены страшными, чрезвѣчными поборами, превосходящими всякое представленіе. Не знаемъ, улучшилось ли ихъ положеніе хоть нѣсколько съ того времени, къ которому относятся почти невѣроятные рассказы объ ихъ адской жизни І. Н. Чернаго, но то, что онъ изображаетъ, какъ очевидецъ, далеко превосходить мрачностью колорита даже картины Бичеръ-Стоу о жизни невольниковъ негровъ въ Америкѣ, обратившія на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра и значительно способствовавшія освобожденію этихъ несчастныхъ чернокожихъ.

Вотъ безыскусственный рассказъ автора о посѣщеніи имъ одной изъ деревень Дагестана, населенныхъ евреями.

«8-го августа я прибылъ въ деревню Руколь и спросилъ сопровождавшаго меня раввина Нисима: гдѣ же самая деревня и гдѣ дома?

— Тутъ, въ ямахъ, подъ землей, живутъ евреи, отвѣтилъ онъ мнѣ спокойно, какъ человѣкъ, говорящій о чемъ-то очень обыкновенномъ.

«Мы сошли съ лошадей, нукеръ (проводникъ) привязалъ ихъ къ дереву и мы спустились въ одну изъ этихъ ямъ, казавшуюся больше остальныхъ, возвышавшаяся на аршинъ надъ уровнемъ земли. Ее покрывала крыша изъ переплетенныхъ вѣтвей, обмазанныхъ смѣсью изъ глины, земли и щебня. Ма-

ленькое окошечко безъ стекла скупо пропускало солнечный свѣтъ. Стѣны темной землянки были обмазаны глиной, а на полу валялась плохая циновка, роскошь, которою эта землянка отличалась отъ другихъ. Больше въ землянкѣ ничего не было».

Не нашедши въ землянкѣ никого, такъ какъ все населеніе деревни, кромѣ старцевъ и увѣчныхъ, отправилось на работу на поля, принадлежащія владѣльцамъ деревни, мусульманскимъ бекамъ, путешественникъ также отправился къ послѣднимъ въ верхнюю часть деревни, гдѣ отдѣльно отъ евреевъ живетъ мусульманское населеніе. Когда онъ представилъ бекамъ рекомендательное письмо отъ дербентскаго губернатора, они приняли его привѣтливо и пригласили остановиться въ ихъ домѣ. Онъ уклонился отъ ихъ гостеприимства отвѣтомъ, что уже заѣхалъ къ одному еврею ихъ деревни и что не въ обычаяхъ страны переѣзжать отъ одного къ другому. Тогда беки предложили ему взять хоть отъ нихъ свѣчи, такъ какъ евреи, по бѣдности, не освѣщаютъ ночью своихъ землянокъ. Послѣднее онъ принималъ, хотя, прибавляетъ онъ, «я очень хорошо зналъ, что за стоимость свѣчей они потомъ взыщутъ вдесятеро съ евреевъ».

По просьбѣ его, беки освободили всѣхъ евреевъ отъ работы, дабы они могли дать ему нужныя свѣдѣнія о своемъ положеніи.

«Вечеромъ, рассказываетъ онъ дальше, стали собираться ко мнѣ одинъ за другимъ евреи. Каждый изъ нихъ при входѣ палъ мнѣ въ ноги, поцѣловалъ мой башмакъ и разразился плачемъ. «Зачѣмъ вы плачете, спросилъ я ихъ черезъ переводчика, и зачѣмъ вы цѣлуете мои башмаки»? Они отвѣтили только глубокими вздохами, изъ чего я могъ только заключить объ ихъ крайней заботности и удрученномъ положеніи. Когда всѣ собрались и мы вмѣстѣ помолились, я вдругъ услышалъ съ улицы душу раздражающіе крики. Я поспѣшилъ выйти и глазамъ моимъ представилось слѣдующее возмутительное зрѣлище. Два нукера (дворовые люди бековъ), пришедшіе съ верхней деревни, жестоко били двухъ евреекъ, вырывая у нихъ куски дровъ, которыя онѣ принесли съ собою съ работы. Когда мнѣ объяснили въ чемъ дѣло, я послалъ двоихъ изъ провожавшей меня стражи за нукерами. На мой вопросъ, зачѣмъ они пришли и за что они бьютъ женщинъ, они отвѣтили, что по приказу бековъ пришли объявить всѣмъ евреямъ, на какую имъ завтра отправиться работу, а евреекъ били за то, что они безъ позволенія взяли щены. Я велѣлъ имъ сію же минуту отправиться во свояси, чтобы болѣе не мѣшать мнѣ, и опять спустился въ землянку. Послѣ вечерней молитвы, когда зажгли свѣчи, всѣ услышали

на полу, и я хотѣлъ уже приступить къ приведенному меня сюда дѣлу, какъ вдругъ въ землянку ворвалась съ неистовымъ плачемъ женщина, грохнулась предо мною на земь и стала цѣловать мнѣ ноги. Я поднялъ ее съ земли и спросилъ ее черезъ переводчика, почему она такъ убивается. Судорожно всхлипывая, она рассказала мнѣ слѣдующее: «Вчера пришелъ ко мнѣ одинъ изъ нукеровъ бека и потребовалъ отъ меня для него птицъ и яицъ. Когда я показала ему, что въ нашемъ домѣ нѣтъ не только птицъ или яицъ, но даже хлѣба, онъ яростно сталъ бить меня своею палкой по головѣ и всему тѣлу до тѣхъ поръ, пока не переломилъ мнѣ руку. Когда мой мужъ отправился съ жалобой на него къ беку, бекъ только разсмѣялся и велѣлъ его прогнать, а нукера оставилъ безнаказаннымъ».

— Чѣмъ же я могу тебѣ помочь, спросилъ я ее, глубоко тронутый ея рассказомъ, — я могу, развѣ, послать тебя въ Дербентъ и дать тебѣ письмо къ городовому врачу, чтобы онъ тебя принялъ въ больницу, или же принести за тебя жалобу губернатору.

— Нѣтъ, испуганно отвѣтила она, — сохрани меня Богъ отправиться въ Дербентъ, ибо, когда я приѣду назадъ, то беки подвергнуть за это меня и всѣхъ членовъ моего семейства еще горшимъ мученіямъ, какъ этому бывали неоднократно примѣры.

«Я долженъ былъ отпустить эту женщину, не будучи въ силахъ ничѣмъ помочь ей. Когда она ушла, всѣ собравшіеся подтвердили мнѣ, что они дѣйствительно боятся обращаться съ жалобами къ начальству, чтобы не раздражать бековъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ указали мнѣ на одного человѣка, котораго бекъ, десять лѣтъ тому назадъ, собственноручно такъ избилъ палкою по шеѣ, что у него на ней образовалась отъ этого громадная опухоль въ видѣ мѣшка, величиною съ арбузъ. Эту опухоль я видѣлъ собственными глазами. Тѣмъ не менѣе, пострадавшій, изъ страха передъ беками, никому на нихъ не пожаловался. Беки это хорошо знаютъ, а потому ихъ своеволію и жестокости нѣтъ границъ.»

Затѣмъ собесѣдники рассказали путешественнику слѣдующее, изложивъ все на бумагѣ, за подписью и печатью всѣхъ членовъ общины:

Документъ, приведенный въ книгѣ путешественника цѣлкомъ, между прочимъ гласить:

«... Когеновъ и левитовъ между нами нѣтъ, синагога у насъ одна, свитка завѣта у насъ нѣтъ, ибо мы всѣ нищіе и не имѣемъ средствъ не только на пріобрѣтеніе чего либо подобнаго, но и на наемъ меламеда для обученія дѣтей, или на приглашеніе раввина и рѣзника. Всѣ мы босы и

наги и у насъ нѣтъ даже рубашекъ для прикрытія тѣла, ибо все наше время уходитъ на работу только на бековъ и ничего не успѣваемъ сдѣлать для себя. Деревня наша состоитъ изъ тридцати трехъ домовъ и живемъ мы отдѣльно отъ бековъ. Собственныхъ земельныхъ участковъ у насъ нѣтъ. Иногда мы нанимаемся на поденную полевою работу къ мусульманамъ или же нанимаемъ у нихъ участки для посѣва табаку, давая имъ пятую часть урожая. Кромѣ этого и кромѣ обыкновенныхъ податей и налоговъ, которые мы платимъ правительству, мы должны еще исполнять для бековъ каждый годъ слѣдующія повинности.

- 1) 15 дней вся наша деревня обязана жать на поляхъ бековъ хлѣбъ.
- 2) 12 дней мы должны чистить на ихъ поляхъ водопроводныя канавы.
- 3) 3 дня мы обязаны заниматься посѣвомъ на ихъ поляхъ марены.
- 4) 3 дня убирать эту марену.
- 5) 3 дня чинить плетни.
- 6) 3 дня полоть травы.
- 7) 3 дня полоть хлѣбные злаки.
- 8) 3 дня 15 человекъ изъ насъ убираютъ съ полей солому.
- 9) 3 дня строимъ въ лѣсу стойла для ихъ лошадей и рогатаго скота.
- 10) 1 день мы и наши жены чинимъ крыши на ихъ домахъ.
- 11) 1 день жжемъ въ лѣсу уголья для ихъ кузницъ.
- 12) 1 день 30 человекъ изъ насъ строятъ въ лѣсу загороди для дойныхъ коровъ.
- 13) 1 день всѣ мы отправляемся по домамъ мусульманъ для собранія взимаемой съ нихъ беками дани: десятую часть добываемой ими соли.
- 14) 1 день собираемъ съ нихъ же дань, состоящую изъ десятой части урожая пшеницы, которую тащимъ на себѣ, такъ какъ вьючнаго скота намъ не даютъ.
- 15) 1 день тридцать человекъ изъ насъ вывозятъ на поля изъ скотныхъ дворовъ навозъ.
- 16) 1 день нарѣзываетъ хворостъ и вяжетъ метлы для хозяйства бековъ.
- 17) 3 дня очищаемъ снѣгъ съ крышъ ихъ построекъ.
- 18) 24 дня (два раза въ мѣсяцъ) всѣ мы рубимъ въ лѣсу для нихъ дрова.
- 19) 24 дня (2 раза въ мѣсяцъ) наши жены молотятъ ихъ хлѣбъ.
- 20) 2 раза въ недѣлю наши жены собираютъ навозъ.

21) 1 день въ недѣлю мы чистимъ у нихъ ретирадныя мѣста и по-
войныя ямы.

22) Каждый день одинъ изъ насъ отправляется по очереди на работу
въ ихъ кузницахъ.

23) Когда они ни потребуютъ, мы должны копать и доставлять имъ
песокъ.

24) Каждый изъ насъ долженъ ежегодно сходить одинъ разъ въ годъ
въ Дербентъ и принести оттуда на себѣ известъ для бѣженія ихъ домовъ
(отъ Дербента до Рукои около 15 верстъ).

25) Часто посылаютъ насъ еще въ Дербентъ отвести туда ихъ му-
ловъ, закупать керосину и по другимъ хозяйственнымъ надобностямъ.

26) Нѣсколько человѣкъ изъ насъ должны рыть ежегодно ямы въ
лѣсу, въ которыя мы же ссыпаемъ для храненія хлѣбъ въ зернѣ, перетаскивая
его на себѣ съ полей до пятисотъ пудовъ.

27) Въ періодъ дождей мы должны собирать изъ нашихъ печей золу
и покрывать ею крыши ихъ домовъ, чтобы въ нихъ не проникла вода.

28) Каждый домъ долженъ имъ доставлять ежегодно 12 куръ и пѣ-
туховъ и 150 яицъ. Въ случаѣ недомки ихъ служители забираютъ изъ
дома что попало и жестоко бьютъ всѣхъ въ домѣ.

29) Каждый домъ долженъ имъ доставлять ежегодно по 12 паръ баш-
маковъ.

30) Съ тѣхъ, которые воздѣлываютъ табакъ на арендуемыхъ у му-
сульманъ поляхъ, беки взимаютъ по 20 фунтовъ табаку ежегодно.

31) Съ остальныхъ они взимаютъ стоимость 20 фунтовъ табаку день-
гами.

32) Каждый женатый платитъ имъ по 30 коп. въ годъ, холостые и
дѣти по 15 коп.

33) Съ каждаго дома полагается еще по 2 фунта табаку для ихъ
служителей.

34) Служителямъ, собирающимъ съ насъ поборы, полагается каждый
разъ по 3 к. съ дома въ ихъ пользу.

35) При свадьбахъ у когонибудь изъ бековъ взимается съ каждаго
дома отъ 1 до 2 р.

36) При свадьбахъ у насъ—отецъ жениха платитъ имъ 12 р. и кромѣ
того даетъ одинъ платокъ, одного пѣтуха и десятокъ яицъ».

Вотъ голый перечень всѣхъ повинностей работой, натурой и деньгами,
которыя заброшенные въ глубь Кавказа евреи должны были (съ нѣкото-

рыми маловажными измѣненіями) влѣтъ бекамъ почти во всѣхъ деревняхъ Дагестана, которыя посѣтилъ путешественникъ всего 18 лѣтъ тому назадъ! Русскіе крестьяне уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ были объявлены свободными людьми, но стоны крѣпостныхъ рабовъ-евреевъ, находившихся уже тогда подъ властью Россіи, были заглушаемы высокими сѣвѣжными горами недоступной еще глазъ цивилизованнаго міра страны, куда забросили ихъ, остатки 10 колѣвъ Израилевыхъ, превратности рока. Улучшилась ли съ того времени ихъ тяжелая участь, вышли ли они теперь изъ того состоянія рабства, которое, кажется, превосходило рабство ихъ предковъ у фараоновъ въ Египтѣ—объ этомъ мы, евреи европейской Россіи, ихъ единовѣрцы и соотечественники, имѣемъ очень мало свѣдѣній.

Извѣстія изъ Дагестана достигаютъ до насъ такъ рѣдко, да и пишутъ оттуда тоже, кажется, никому, и кто знаетъ—не своевольничаютъ ли также беки надъ обрабатывающими ихъ землю безответными еврейскими крестьянами и нынѣ, какъ въ недавнее еще время! Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что Общество для распространенія земледѣлія между евреями въ Россіи сдѣлало бы доброе и вполне подходящее къ своей задачѣ дѣло, еслибъ обратило побольше вниманія на этихъ, уже готовыхъ земледѣльцевъ изъ евреевъ, заброшенныхъ такъ далеко отъ своихъ остальныхъ единовѣрцевъ и также, какъ русскіе подданные, имѣющихъ право на нашу заботливость одинаково съ остальными нашими единовѣрцами внутренней Россіи...

Впрочемъ, здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться. Намъ еще остается отнѣтитъ нѣсколькими штрихами ту разницу между евреями дагестанскими и кутанскими, о которой мы говорили выше. Кутанскіе евреи, благодаря громкому процессу, обратившему на себя нѣсколько лѣтъ тому назадъ вниманіе всей Европы, стали тѣмъ самымъ въ болѣе близкія къ намъ отношенія, такъ что описаніе ихъ внутренней жизни, которому путешественникъ посвятилъ почти половину вышедшихъ теперь изъ печати своихъ записокъ, должно представляться намъ еще болѣе интереснымъ.

Мы говорили уже, что онъ отвѣсится къ нимъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ и даже съ нѣкоторою враждебностью.

Послѣдуемъ за нимъ при его наиболѣе интересныхъ знакомствахъ и встрѣчахъ съ перваго дня его пріѣзда въ губернской городъ. Первымъ дѣломъ, разумеется, знакомятся съ раввиномъ, какъ представителемъ общины, и вотъ его портретъ.

«Раввинъ—старикъ съ длинною сѣдою бородой почти до пояса, но глупость его, кажется, старѣе его самого. Онъ—пламенный фанатикъ до мозга

костей. Европейскихъ евреевъ онъ ненавидитъ всѣми фибрами своей души, точно также какъ и иновѣрцевъ. Разъ, когда я завелъ съ нимъ разговоръ объ открытіи для юношества училищъ, объ образованіи, о преподаваніи языка страны и объ учрежденіи талмуд-торы, онъ вдругъ вспылилъ, раскричался и объявилъ напрямикъ, что этого никогда не будетъ, что гораздо лучше; чтобы евреи остались хоть дикарями, лишь бы имъ только не учиться. Всѣ его помыслы устремлены только на ѣду, питье и безцѣльную праздность. Онъ также крайне невѣжествененъ въ богословіи, тѣмъ не менѣе во всей области слыветъ чуть ли не гениальнымъ ученымъ».

«Можно ли послѣ этого многого требовать отъ общины, продолжаетъ путешественникъ, исчисливъ еще другія отталкивающія черты этого раввина,—если таковъ ихъ представитель и пастырь! Какъ я вижу, настоящими разрушителями ихъ общины являются именно раввины и хахамы, которые никоимъ образомъ не достойны этого званія. Они не даютъ народу дѣлать ни одного шага впередъ, и Богъ знаетъ, проникнетъ ли туда когда нибудь хоть единый лучъ образованія. Всѣ они, эти ихъ раввины, приверженцы каббалы, вѣрятъ во всевозможныя глупости и вводятъ въ заблужденіе народъ».

Говоря о томъ, что раввины приверженцы каббалы, авторъ однако, отнюдь этихъ не утверждаетъ, что они дѣйствительно что нибудь смыслагъ хотя бы въ каббалѣ. Вотъ въ чемъ эта своеобразная каббалистика у нихъ выражается.

«Разъ, рассказываетъ путешественникъ, описывая свое посѣщеніе Кутанса въ третій разъ,—пришелъ ко мнѣ хахамъ Іосифъ Эмигуловъ (второй раввинъ города) и рассказалъ мнѣ о великомъ чудѣ, которымъ сподобилъ его Господь. Наканунѣ Пурима онъ пришелъ, по своему обыкновенію, въ синагогу къ утренней молитвѣ. Лишь только онъ сталъ на мѣсто, онъ увидѣлъ обокъ себя одного, высокаго роста и объемистаго тѣлосложенія, почтеннаго и сіявшаго неземною красотой чужестраннаго мужа, который молился громкимъ голосомъ, глубоко проникавшимъ въ сердца слушателей. Полагая, что это вѣрно одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ уполномоченныхъ наместинскихъ евреевъ (послѣдніе часто отражаютъ туда посланцевъ для сбора пожертвованій) онъ, раввинъ, по окончаніи молитвы, подошелъ къ нему и протянулъ руку, чтобы поздороваться, но какъ велико было его удивленіе, когда загадочный человѣкъ тутъ же передъ его глазами исчезъ, какъ бы сквозь землю провалился. Думая, что онъ, вѣроятно, посѣдивъ скорѣе выйти изъ синагоги по дѣламъ, затерялся незамѣтно въ толпѣ, онъ, рав-

винъ, прождалъ его у себя цѣлый день до предвечерней молитвы, но тотъ не явился. Вечеромъ онъ сталъ разспрашивать о немъ всѣхъ прихожанъ синагоги, но всѣ они, крайне удивленные, единогласно отвѣтили, что такого человѣка никто изъ нихъ никогда въ синагогѣ не видѣлъ. Другой хахамъ, р. Эллиогу, также страшно пораженный такимъ чудомъ, сейчасъ же догадался, что этотъ невидимый для всѣхъ человѣкъ былъ Илья пророкъ, и былъ очень огорченъ, почему и онъ, подобно своему товарищу, не сподобился увидѣть его. На слѣдующій день тотъ же таинственный незнакомецъ явился рабби Иосифу во снѣ и, спросивъ его, почему его сапоги не чищены, вынулъ изъ бышей у него въ рукѣ тряпки сапожную ваксу съ двумя щетками и сталъ ему чистить сапоги. Рабби Иосифъ, проникнутый къ нему благоговѣниемъ, сталъ просить не дѣлать этого, но призракъ не обращалъ на это вниманія, продолжалъ свое дѣло пока не придалъ его сапогамъ необыкновеннаго блеска.

«Пробудившись, раввинъ Иосифъ разсказалъ о своемъ снѣ раввину Эллиогу и рѣзнику, которые истолковали его въ томъ смыслѣ, что Илья пророкъ пришелъ очистить его отъ грѣховъ большихъ какъ и малыхъ, даже такихъ маленькихъ, мимо которыхъ человѣкъ проходитъ, наступая на нихъ ногой.

Разсказавшій имъ объ этомъ р. Иосифъ, видѣвшій Илью пророка днемъ на яву и ночью во снѣ, твердо убѣжденъ въ этомъ и только сожалѣетъ о томъ, что не успѣлъ тогда въ синагогѣ пожать Илья пророку руку и поздороваться съ нимъ, а коллега его, второй раввинъ раби Эллиогу, до сихъ поръ скорбитъ, что онъ также не удостоился этого чуда. Всѣ же остальные прихожане свято вѣрятъ, что Илья пророкъ молился вмѣстѣ съ нимъ въ ихъ синагогѣ и очень этимъ гордятся, какъ увѣряетъ путешественникъ.

«Каковъ попъ, таковъ приходъ», эта народная пословица какъ нельзя болѣе подходитъ къ тѣмъ остаткамъ десяти колѣнъ Израилевыхъ, которые изъ подъ власти своихъ грѣшныхъ царей, въ родѣ Иероваама бенъ-Навота попали послѣ долгихъ тысячелѣтнихъ мытарствъ и скитаній, подъ феруау такихъ наставниковъ и руководителей, которымъ Илья пророкъ чиститъ сапоги. Какъ на прямое послѣдствіе ихъ глубокаго суевѣрія, авторъ указываетъ на то, что смертность между ними больше, чѣмъ у другихъ потому, что они никогда не лечатъ своихъ больныхъ, считаютъ лекарства, приготовляемыя въ аптекѣ, трэфною нечистою, и въ особенно важныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ колдовству, заклинаніямъ, амулетамъ и проч.; но и это бываетъ очень рѣдко, больше же частью они оставляютъ больного безо всякихъ попеченій и очень радуются его смерти, празднуя

такое, для всѣхъ другихъ людей горестное, событіе веселыми пирами, попойками и проч., такъ какъ по ихъ повѣрью, всякій еврей, какъ бы грѣшенъ онъ ни былъ, прямо попадаетъ въ рай. Это противорѣчащее взглядамъ другихъ евреевъ, повѣрье они основываютъ на слѣдующемъ преданіи. Когда Богъ заключилъ завѣтъ съ Авраамомъ между половинами тельца, онъ показалъ ему всѣ будущіе вѣка, всѣ страны и народы, а также рай и адъ и сказалъ ему: «смотри, потомки твои будутъ грѣшны и переступать Мои заповѣди, выбери же теперь для нихъ наказаніе: разсѣять ли Мнѣ ихъ между всѣми этими народами и по всѣмъ этимъ странамъ, или ввергать каждого изъ нихъ послѣ смерти въ этотъ адъ». Авраамъ, увидѣвъ страшныя мученія ада, взмолился къ Богу, чтобы Онъ разсѣялъ лучше евреевъ по всей землѣ и между всѣми народами. Богъ заключилъ съ нимъ о томъ завѣтъ, а потому всѣ евреи, безъ исключенія, имѣя теперь адъ на землѣ, попадаютъ за то послѣ смерти прямо въ рай, на небѣ.

Смотря на смерть, какъ на переходъ къ лучшему и оставляя поэтому безъ ухода своихъ больныхъ, кутаисцы, разумѣется, не имѣютъ даже понятія о тѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, какъ больницы и богадѣльни, которыя русскіе евреи, съ такою похвальною рачительностью, спѣшатъ открывать во всякомъ, даже самомъ незначительномъ городкѣ своей черты осѣдлости. Безучастіе къ бѣднымъ доходитъ у нихъ до жестокости. Разъ, рассказываетъ путешественникъ, одинъ бѣдный еврей, пришедшій въ Кутаисъ за милостыней, тяжело заболѣлъ. Не найдя пріюта, онъ отправился въ синагогу и легъ тамъ на порогѣ. Такъ онъ лежалъ тамъ нѣсколько сутокъ. Ежедневно по три раза, собираясь на утреннюю, полуденную и вечернюю молитву, всѣ евреи переходили черезъ него, но никто не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія. Наконецъ бѣднякъ въ страшныхъ мученіяхъ испустилъ духъ на томъ же порогѣ. Тогда только они убрали его трупу...

Въ другой разъ одинъ изъ русскихъ евреевъ, переселившійся въ Палестину, пріѣхалъ къ нимъ въ деревню Кулашъ (не далеко отъ Кутаиса) за сборомъ пожертвованій на Иерусалимъ. Онъ упалъ съ лошади и сломалъ себѣ ногу. Доползши до синагогальнаго двора, онъ остался тамъ лежать и никто не подошелъ къ нему, никто не считъ нужнымъ даже взглянуть на него. Долго бы онъ лежалъ такъ, еслибъ одинъ изъ мѣстныхъ князей, услышавъ объ этомъ, не взялъ его къ себѣ домой. Онъ отвелъ ему комнату и ухаживалъ за нимъ до его выздоровленія...

«Посѣщеніе бѣльмыка», эта—одна изъ сѣннихъ святыхъ для евреевъ заповѣдей, и «спасеніе погибающихъ» не значатся въ вѣроученіи людей Грузіи», заключаетъ съ грустью авторъ, рассказавъ о нѣсколькихъ другихъ подобныхъ же фактахъ.

Столь же невыгодно отличаются эти «люди Грузіи» отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, людей Дагестана, и въ отношеніяхъ между богатыми и бѣдными, въ дѣлѣ оказанія помощи ближнему и въ гостепримствѣ. Богачи скаредны, грубо высокоумѣры и стремятся начальствовать надъ всею общиной, вѣчно воюя между собою за первенство. Бѣдные предоставлены собственной судьбѣ. Вотъ какими чертами рисуетъ авторъ, въ главѣ о евреяхъ иѣстечка Цхинваль, ихъ благотворительность.

«Три раза въ день ходятъ они молиться. Одно лишь богомоленіе считаютъ они святымъ. Другихъ добрыхъ дѣлъ я у нихъ не замѣтилъ. Милостыню дають они съ крайнею неохотой. Когда требуется что нибудь пожертвовать на какую нибудь нужду, между ними начинается ссора, споръ и брань. Ссорятся они между собою вѣчно, даже безъ всякихъ поводовъ, какъ будто они всё исполняютъ данный ими обѣтъ—вѣчно между собою грызться. Въ этомъ они во всѣхъ областяхъ и городахъ другъ на друга похожи, какъ будто одна мать родила ихъ».

«У евреевъ Грузіи и Иметрія и губернскаго города Кутаиса въ особенности, говоритъ авторъ, ложь какъ будто превратилась во вторую натуру. Что они ни говорятъ, ничему нельзя вѣрить, да и льстецы они къ тому же. Они любятъ пообщаться золотыя горы, предлагаютъ вамъ чуть ли не солнцу и луну, но когда приходитъ время сдержатъ слово, вы никого изъ нихъ не застанете дома, каждый, въ минуту увлеченія страстью ко лжи, пообщавъ что либо другому, старается избѣгать съ нимъ встрѣчи, и завидя его на улицѣ скрывается.. Эта привычка всѣхъ и каждого, бѣдныхъ какъ богатыхъ, старыхъ и молодыхъ, никогда не говоритъ ни слова правды, до того вкоренилась въ нихъ, что не возможно имѣть съ ними ни какого дѣла и особенно тяжело положеніе между ними человека пріѣзжаго, не знающаго еще о такой похвальной чертѣ ихъ характера. Всѣ они, говоритъ дальше авторъ, хитры какъ змѣи, и необходимы и грубы, какъ дикари. Единственную ихъ добродѣтель, что они отправляются три раза въ день въ синагогу на общую молитву, даже и ту едва ли можно приписать истинному благочестію, а единственно только привычкѣ, такъ какъ, едва только ребенокъ начинаетъ ходить, родители берутъ его уже съ собою въ синагогу. Рѣдкіе же у нихъ случаи благотворительности также слѣ-

дустъ приписать не искреннему желанію помочь ближнему, а тщеславію и желанію шеголять передъ тѣми, которые ничего не въ состояніи давать».

Описывая ихъ религіозные обычаи, авторъ утверждаетъ, что они обращаютъ очень мало вниманія на правила объ отдѣленіи молочной посуды отъ мясной. Между разными ихъ обычаями, чуждыми евронеискимъ евреямъ, онъ упоминаетъ объ одномъ очень странномъ и очень грубомъ, состоящемъ въ томъ, что во вторую ночь пасхи они высыпаютъ за дверь одного юношу, который, постоявъ тамъ нѣкоторое время, начинаетъ стучаться.

— Кто ты? спрашиваютъ его.

— Еврей! отвѣчаетъ онъ.

— Чѣмъ ты это докажешь?

— На мнѣ нити видѣнія! (Цицисъ).

— Этого мало; чѣмъ ты еще докажешь?

Юноша отвѣчаетъ, что у него пейсы, что у него голова бритая (они тамъ всё брѣютъ голову) и проч. тому под. Когда же онъ наконецъ говоритъ, что надъ нимъ совершенъ обрядъ обрѣзанія, они велютъ ему зайти и доказать это. Юноша входитъ и исполняетъ сказанное при всеобщемъ громкомъ хохотѣ всѣхъ женщинъ и мужчинъ. Этотъ пошлый циничный обычай повторяется у нихъ изъ года въ годъ и каждый разъ вызываетъ тотъ же общій веселый хохотъ.

Кажется, по всѣмъ приведеннымъ очеркамъ, можно себѣ представить, каковы вообще эти несчастные въ нравственномъ, умственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Во всей книгѣ собрано объ этомъ очень много интереснаго матеріала. Объ экономическомъ ихъ положеніи авторъ говоритъ мало, ограничиваясь только въ нѣсколькихъ мѣстахъ упоминаніемъ, что они преимущественно занимаются торговлей. Есть между ними и богачи, но всѣ они живутъ чрезвычайно грязно, ѣдятъ безвкусно, не знаютъ, что такое вилка, ножъ и ложка и одѣваются въ лохмотья.

Возмущенный до глубины души ихъ скотскою жизнію, путешественникъ во многихъ городахъ силится хоть нѣсколько упорядочить ихъ общинное устройство и для этого издавалъ, покровительствуемый мѣстными административными властями, обязательныя постановленія, поражающія наивностью его вѣры въ силу такихъ бумажныхъ регламентацій. Вотъ, какъ образчикъ, одна изъ этихъ регламентацій, которую онъ сочинилъ для общины въ Сурамі.

«Кто разговариваетъ въ синагогѣ во время молитвы, платитъ штрафъ 10 к. Кто прокликаетъ другаго платитъ 50 к. Кто ругаетъ другаго пла-

тить 1 руб. За нанесеніе побоевъ взыскивается: отъ богатей 5 руб., отъ людей средняго состоянія 3 р., отъ несостоятельныхъ 2 р. За открытіе своей лавки передъ утренней молитвой 1 р. За несоблюденіе субботы или праздникова 3 р. За занятіе торговлей до погребенія мертвѣго родственника 3 р. За отказъ страннику въ гостепрїимствѣ на Пасху по жеребію 1 р. Тотъ, кто не будетъ класть филактерїи (тефилинъ при молитвѣ) въ теченїи 4 мѣсяцевъ платитъ 1 р. Кто не носить нитей видѣвїи—10 р. и т. д.

Изъ этихъ правилъ, говоритъ авторъ, самъ читатель можетъ себѣ составить понятїе о той низкой ступени нравственнаго умственнаго и религіознаго развитїя, на которой они прозябають.

Само собою разумѣется, что всѣ эти правила должны были остаться звукомъ пустымъ. Да и не въ правилахъ нуждались и, по всей вѣроятности, нуждаются не менѣе и теперь, эти дикіе, суевѣрные люди, а въ новой системѣ воспитанїя молодежи и въ распространенїи среди нихъ образованїя и понятїи истинно религіозныхъ. И если для Общества распространенїя земледѣлїя и ремеслъ среди евреевъ въ Россїи открыто мирное поле для благотворной дѣятельности въ нинѣ русской провинціи, Дагестанѣ, то для дѣятельности общества распространенїя просвѣщенїя предстоятъ еще болѣе важная задача среди евреевъ Кутанса и его окрестностей.

Общество это бѣдно, но не взять ли ему въ этомъ дѣлѣ инициативу и снестись съ Alliance Israelite Universelle? Alliance издерживаетъ ежегодно значительныя суммы на открытіе училищъ для евреевъ всѣхъ странъ свѣта, преимущественно же азіатскихъ, такъ что мы позволимъ себѣ предположенїе, что евреи Кавказа оставались до сихъ поръ внѣ его попеченїя потому, что на нихъ вообще мало кто обращалъ пока вниманїе, и ихъ существованїе какъ бы совсѣмъ игнорируется всѣми ихъ единовѣрцами...

Хотя бы только для того, чтобы хоть отчасти загладить предъ ними эту нашу невнимательность, мы желали бы, чтобы книга І. Я. Чернаго нашла себѣ среди русскихъ евреевъ, понимающихъ древне-европейскїй языкъ, самое широкое распространенїе. Многія страницы ея въ высшей степени интересны и поучительны. Хотя она и не выдается своими литературными достоинствами, чего отъ книги, составленной по смерти автора, изъ бѣглыхъ дорожныхъ замѣтокъ и беспорядочно собранныхъ рукописныхъ отрывковъ, и требовать несправедливо, за то она заключаетъ въ себѣ очень много фактическаго матеріала и живыхъ бытовыхъ очерковъ изъ совершенно незнакомой и чуждой намъ жизни, а потому чрезвычайно занимательныхъ по своей новизнѣ.

Г.-Б.-Г.

ЕВРЕЙСКІЕ СТУДЕНЧЕСКІЕ КРУЖКИ

ВЪ ВѢНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

(Письмо изъ Вѣны).

Ни въ одной странѣ національныя страсти не развиты такъ сильно какъ въ Австріи, и ни въ одномъ городѣ страсти эти не проявляются такъ рѣзко, какъ въ Вѣнѣ. Составленная изъ исключковъ, населенная самыми разнокалиберными элементами, Австро-Венгрія, въ лицѣ своей первой резиденціи, Вѣны, представляетъ такую смѣсь племенъ, лицъ и состояній, грозно сжимающихъ кулаки другъ противъ друга, какую въ исторіи можно встрѣтить развѣ только въ Вавилонѣ. Нѣмцы, мадьяры, поляки, евреи, хорваты, сербы, чехи, путаются, мѣшаются. Здѣсь рѣдко можно найти двухъ субъектовъ съ одинаковыми идеалами, взглядами и стремленіями; въ обществѣ нѣтъ никакого единства, никакой общности.

Руководители австрійской политики хорошо знаютъ, что объединительный духъ въ Австріи невозможенъ и потому пользуются этимъ грознымъ настроеніемъ національностей въ интересахъ цѣлости габсбургской монархіи. Они подчасъ даже искусственно раздуваютъ пламя разрозненности, чтобы, такимъ образомъ, вѣрнѣе сохранить прочность государственныхъ основъ. Дѣло въ томъ, что австрійское правительство не имѣетъ за собой ни одной націи, которая назвала бы его своимъ, которая бы признала его надъ собою. Русины частію лелѣютъ мысль о независимости Украины, частію пропагандируютъ духовную связь съ Россіей. Нѣмцы, какъ высказался въ парламентѣ въ началѣ 1883 года извѣстный Deutsch-Liberal и антисемитъ Шенереръ, признаютъ своимъ императоромъ Вильгельма, главою своего правительства Бисмарка. Волненіе хорватовъ побуждаетъ правительство прибѣгать къ

чрезвычайнымъ мѣрамъ; стремленія поляковъ слишкомъ хорошо выяснены, чтобъ опять говорить о нихъ. Каково-же было-бы положеніе австрійскаго правительства, если-бы всѣ эти національности, одушевленные одною идеею національной независимости, были между собою дружны, дѣйствовали одновременно, каждая въ пользу своихъ интересовъ? Результатъ не подлежалъ-бы сомнѣнію, и вотъ правительство, отлично понимая, что національныя вспышки неизбежны, стремится къ тому, чтобъ поселить между націями непріязнь, не допускать возможности одновременности общей вспышки и усмирять страсти одной націи непріязнью къ ней другой. Такъ она нѣмцевъ науськиваетъ противъ славянъ, такъ она румуновъ возстановляла противъ мадьяръ, поляковъ противъ русиновъ, сербовъ противъ хорватовъ и т. д. И такъ какъ это науськиванье, сначала искусственное, настолько долговременно, что успѣло вѣдрить непріязнь націй въ кровь и плоть ихъ, то теперь потребовалось-бы слишкомъ много усилій, чтобы еѣ уничтожить.

Учащаяся молодежь всегда носила и носить на себѣ отпечатокъ общаго народнаго характера. Въ эпоху французскихъ революцій студенчество занималось политическими событіями; итальянская молодежь, если можно такъ выразиться, идеально стремительна, нѣмецкая, напротивъ, практически-усидчива... Такую аналогію между настроеніемъ всего народа и его молодаго поколѣнія мы находимъ и въ Австріи.

Вѣнское студенчество раздѣлено на кружки, устроенные на національныхъ началахъ, Товарищество «Сиг», Академическій «спелекъ», общество «Буковина», дружество, «Зора» и т. д.—все это студенческіе кружки различныхъ славянскихъ національностей. Кружки эти, по большей части, живутъ въ сравнительно мирныхъ отношеніяхъ между собою и составляютъ нѣчто въ родѣ оппозиціи «нѣмчинѣ», цѣлому ряду корпорацій и Burschenschaft'овъ нѣмецкихъ студентовъ. Кромѣ итальянскаго, румынскаго и другихъ также враждебныхъ нѣмцамъ кружковъ, существуютъ такъ называемыя «Corps Studentenschaften», пропагандирующія не національную, а государственно-австрійскую тенденцію. Такихъ кружковъ очень мало и число членовъ въ каждомъ изъ нихъ незначительно. Когда эти кружки становятся предпріятіи, то вражда до-

ходить до *pes plus ultra*. Существуетъ, напр., при вѣнскомъ университетѣ общество для вспомошествованія нуждающимся учащимся, въ которомъ ежегодно происходятъ выборы кассировъ. Кажется, дѣло неважное, а сколько при этомъ бываетъ интригъ и подвоховъ! Каждый кружокъ стремится провести «своихъ», преслѣдуетъ свои цѣли въ ущербъ общимъ интересамъ. А развѣ во всей габсбургской монархіи не тоже происходитъ? Развѣ не тоже происходитъ въ австрійскомъ парламентѣ, гдѣ правую составляютъ чехи, центръ румыны и поляки, а лѣвую нѣмцы? Всѣ эти партіи борются не въ силу своихъ прогрессивныхъ и консервативныхъ идеаловъ, а въ силу національной неприязни.

Переходимъ однако къ обзору еврейскаго студенчества. Среди той національной розни, въ которой живутъ вѣнскіе студенты, евреи не занимали отдѣльнаго мѣста до конца 70-хъ годовъ. Ассимилируясь въ сильной степени съ тѣми націями, между которыми они выросли и мужали, еврейскіе юноши являлись то поляками, то нѣмцами, то хорватами, смотря по мѣсту своего рожденія. Нужно отдать справедливость и христіанской студенческой молодежи: она искренно считала евреевъ своими родными братьями и съ радостью открывала имъ свои объятія. Евреи, не зная своей національной обособленности, примыкали къ своимъ землякамъ, участвовали въ ихъ борьбѣ, увлекались, отдавались всѣмъ случайностямъ невзгодъ и нерѣдко жертвовали даже своей жизнью въ эпоху возстаній венгерцевъ и южныхъ славянъ...

Но вотъ какимъ-то чудовищнымъ, злымъ гениемъ началъ распространяться духъ антисемитизма. Явились лица, возбуждавшія изъ своекорыстныхъ цѣлей молодежь, появились антисемитическія газеты, брошюры... На горизонтѣ показались толпы лишенныхъ крова страдальцевъ, страшнымъ призракомъ возстали лица оскорбленныхъ и обезчещенныхъ, раздавались крики и мольбы отчаянія съ одной стороны, крики озлобленія съ другой... Передъ евреями вдругъ открылись картины безысходнаго униженія и позора... И вотъ заработала мысль. Черная кошка пробѣжала между молодежью. Нѣмцы и славяне перестали смотрѣть на евреевъ, какъ на своихъ компатріотовъ, евреи почувствовали на себѣ тяжесть вводимыхъ обвиненій и начали холодно относиться къ бывшимъ своимъ друзьямъ. Между тѣмъ антисемитизмъ разрастался

все шире и глубже. Нѣмецкіе бурши вспомнили средневѣковыя времена, и крики: «гепъ-гепъ» чаще стали вырываться изъ устъ потомковъ феодаловъ-рыцарей. Особенно заразились юдофобіей нѣмцы. Нѣкоторыя нѣмецкія корпораціи сдѣлали антисемитизмъ своимъ девизомъ. Стали встрѣчаться, напр., такіе, прежде совершенно невозможные, случаи: въ зданіи университета бурши, по какому нибудь ничтожному поводу, «во имя принципа» колотили своихъ товарищей-евреевъ. Дерзость антисемитовъ-студентовъ простиралась еще дальше.

Въ началѣ 1883 г. въ Вѣнѣ судили трехъ студентовъ по обвиненію въ оскорбленіи еврея-чиновника. Въ Bier-Halle за однимъ столомъ пили пиво студенты, за другимъ—чиновникъ. Между студентами, порядкомъ подвыпившими, шелъ разговоръ о евреяхъ, отпускались «вицы», направленные противъ семитовъ; шутки эти нашли себѣ сочувствіе въ окружающей хохотавшей публикѣ. Дѣло пошло дальше, и бурши задѣли чиновника; послѣдній отвѣтилъ рѣзко и пригрозился отомстить буянамъ. Тогда разгоряченные бурши начинаютъ, къ восторгу публики, требовать отъ чиновника чтобъ онъ прыгалъ черезъ палку, угрожая въ противномъ случаѣ исколотить его, что и сдѣлали, когда онъ отказался исполнить ихъ дикое требованіе.

Подобные факты стали повторяться все чаще и чаще, и студенты-антисемиты, имѣя во главѣ депутата Шенерера, образовали стройную организацію, и крики: гепъ-гепъ! долой жидовъ! вырывались уже одновременно изъ дѣлхъ сотенъ устъ.

Антисемитизмъ буршей нашелъ себѣ сочувствіе въ средѣ нѣкоторыхъ профессоровъ, тоже бывшихъ буршей. Такъ напр. проф. Вильротъ въ своемъ сочиненіи «Lehren und Lernen der medicinischen Wissenschaften» публично объявляетъ весь еврейскій народъ дѣликомъ бездарнымъ *. Все это въ впечатлительныхъ, склонныхъ одинаково ко враждѣ и любви юношескихъ сердцахъ должно было непременно оставить зародышъ, неудовольствія, которое впоследствии должно было превратиться въ горькое сознаніе необходимости постоять за себя. Явилось понятіе о солидарности всѣхъ

---

* Не смотря на то, что при его клиникѣ первымъ ассистентомъ состоитъ еврей д-ръ Вельфлеръ (онъ-же женихъ его дочери), а консультантомъ—другой еврей, д-ръ Френкель.

евреевъ-студентовъ между собою. Отношенія между еврейскими юношами тогда совершенно измѣнились. Прежде евреи хорваты и т. д. искренно считали себя врагами евреевъ-венгерцевъ, теперь же они мало-по-малу стали протягивать другъ другу руку примиренія, стали изолироваться, выдѣляться изъ различныхъ національныхъ группъ, образуя собою обособленный кружокъ. Общія еврейскія движенія начали принимать опредѣленную форму. Американская эмиграція, съ которой вѣнцы были очень мало знакомы, ео ipso нашла себѣ приверженцевъ, и вотъ евреи раздѣлились на двѣ группы: «Палестинцевъ» и «людей». Послѣднимъ прозвищемъ отмѣчались тѣ, которые, не отказываясь совершенно отъ «еврейской» тенденціи, признавали въ тоже время принципъ «человѣчества». Юные мечтатели стали вѣрить въ мысль о возрожденіи еврейской Палестины въ смыслѣ государства, другіе, не питая такихъ широкихъ замысловъ, признавали палестинскую колонизацію хорошей мѣрой для развитія земледѣлія среди евреевъ. Какъ-бы то ни было, идея палестинской колонизаціи получила право гражданства въ умахъ вѣнской еврейской молодежи и слѣдствіемъ этого явился объединенный студенческой кружокъ «Kadimah», проповѣдующій палестинское движеніе. Такимъ образомъ группа тѣхъ самихъ студентовъ-евреевъ, которые еще такъ недавно были славянами, нѣмцами или мадьярами, теперь громко провозгласила себя евреями по національности.

Узколобые націоналисты Kadima'йцы объявили ренегатами всѣхъ тѣхъ студентовъ, которые не пристали къ нимъ, и потому ими былъ возбужденъ раздоръ въ средѣ еврейскаго студенчества. Встрѣченные враждебно нѣмецкими и славянскими студентами, и находясь въ непріязненныхъ отношеніяхъ, къ еврейскимъ «людямъ», палестинцы—Kadimah'йцы оказались совершенно одинокими. Скоро они показали себя неспособными къ серьезному дѣлу. Честолюбивые споры изъ-за предсѣдательства въ совѣщаніяхъ и изъ-за разныхъ комитетскихъ должностей, интриги и сплетни сопровождали первые шаги юнаго общества. Мелкія дрязги отѣснили на задній планъ основную идею общества. Въ итогѣ всѣ эти студенты, палестинскіе колонизаторы, оказались лишь способными устраивать танцевальныя вечера и попойки, на которыхъ время отъ времени произносились, правда, громкія рѣчи, сопровождае-

мыя анлодисментами полупьянныхъ уже студентовъ, и пѣлись вновь созданные національные гимны... Дальше этого дѣло не шло.

Между тѣмъ «люди», не составляя никакой организованной корпораціи, изучали исторію евреевъ, старались въ своихъ мысляхъ связывать отношенія между бѣдственнымъ положеніемъ евреевъ и бытомъ кореннаго населенія, отыскивать общія и частныя причины еврейскихъ невзгодъ. Съ свойственнымъ молодости рвеніемъ они старались отыскивать ту цѣлительную воду, которая-бы благотворнымъ образомъ дѣйствовала на горести всѣхъ страдальцевъ вообще и евреевъ въ частности. Мысль этихъ юношей работала, умственные силы обогащались познаніями, нравственной любовью къ людямъ вообще и къ своему народу въ частности. Прошло не болѣе полугода существованія Kadimah'яцевъ, а «люди» одними своими обобщеніями сдѣлали уже больше, чѣмъ всѣ палестинцы своими пѣснями и рѣчами. Понятно, что явнымъ слѣдствіемъ у однихъ—были ясныя стремленія, направленные на борьбу со всѣмъ тѣмъ, что носить названіе горя и бѣдствія; у другихъ-же,—какіе то смутные, туманные миражи палестинскаго возрожденія. Что-же должно получиться въ итогъ, когда эти юноши встрѣтятся лицомъ къ лицу съ жизнью? Одни, съ ясно опредѣлившимися понятіями, примѣняютъ свою теорію на практикѣ; другіе-же скоро убѣдятся, что ѣхать въ Палестину не то, что говорить рѣчи или пѣть пѣсни, и если они не въ состояніи будутъ переработать все свое міросозерцаніе, то, побившись какъ рыба объ ледъ, опустятъ безнадежно руки и примкнутъ къ тому легиону карманонабивателей, которыхъ такъ много и безъ нихъ. «Люди», отрицающіе всякую узкую односторонность, не отрицали вмѣстѣ съ тѣмъ пользы еврейской колонизаціи, полагая, что съ одной стороны физическій трудъ облагородитъ моральную сторону еврейской жизни, а съ другой—улучшитъ ихъ матеріальное состояніе. Не будетъ ничего удивительнаго, если юноша, воспитанный на основахъ человѣчности, — не въ силу національной узколобости, а въ силу стремленія помочь людямъ въ нуждѣ — современемъ окажется полезнѣе для своихъ единовѣрцевъ, чѣмъ всѣ узконаціональные патриоты.

Оставался, какъ выше сказано, еще третій видъ еврейскихъ студентовъ. Это тѣ, которые называютъ себя поляками Мойсева

исповѣданія, венгерцами и т. д. Эти люди, скрывающіе, по возможности, свою національность, тамъ, гдѣ это дѣлается невозможнымъ, объявляютъ себя принадлежащими къ той или другой (только не еврейской) національности, говоря, что они лишь евреи по религіи. По большей части эти господа такъ-же односторонни, какъ и Kadimah'ицы, только въ другую сторону, и потому антагонизмъ между этими двумя группами проявляется чрезвычайно рѣзко. Однако между этою послѣднею группою, въ массѣ мелочныхъ, своекорыстныхъ умишекъ, попадаются люди, болѣе или менѣе симпатичные: это тѣ, которые, будучи воспитаны вдали отъ еврейской массы, незнакомые ни съ еврейскою жизнью, ни съ языкомъ, не чувствуютъ себя въ силахъ выступить на борьбу съ общечеловѣческими страданіями, посвящаютъ себя служенію той націи, среди которой они родились. Такіе люди, признающіе себя въ душѣ хорватами или поляками, не постѣсняются сказать при случаѣ, что по происхожденію они евреи. Однако между вѣнскими студентами такихъ очень мало.

Какъ бы грязнымъ осадкомъ отъ всѣхъ этихъ группъ являются тѣ студенты евреи, которые открыто примыкаютъ къ антисемитическимъ кружкамъ буршей. Низменная цѣль этихъ господъ такъ наглядна и несложна, что ихъ можно установить въ нѣсколькихъ словахъ: эти господа надѣются своимъ ренегатствомъ примазаться къ какому-нибудь милліонеру въ родѣ Шенерера, или же попасть въ такъ называемый «свѣтъ».

Въ заключеніе можно добавить, что господа палестинцы являются обыкновенно очень ловкими фразерами. До какой степени они любятъ фразы и избѣгаютъ дѣла, можно судить между прочимъ и потому, что эти господа не въ состояніи поддержать тѣ очень немногія газеты, которыя проповѣдуютъ ихъ излюбленную идею. Неудивительно: газетамъ нужно давать деньги, а гг. палестинцы щедръ только на напыщенные и цвѣтистыя фразы.

Въ такомъ видѣ является въ настоящее время вѣнское еврейское студенчество, и можно смѣло сказать, что антагонизмъ въ его средѣ вызванъ исключительно односторонностью палестинцевъ.

Д. А. Дауловъ.

Открыта подписка на 1885 г.

на иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни.

„НИВА“

«НИВА» выходит еженедельно, т.-е. 52 номера в годъ (болѣе 2000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и 2400 столбцовъ текста) съ особымъ даровымъ ежемѣсячнымъ приложениемъ

„ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“.

(до 500 модныхъ гравюръ и рисунковъ бѣлыя, 400 выроекъ въ натуральную величину, 350 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ, русскіе узоры, и пр. и проч.).

И МНОГИМИ ДРУГИМИ ПРЕМІЯМИ

и будетъ издаваться въ 1885-мъ году по той же программѣ, какъ и въ прошедшія пятнадцать лѣтъ.

Подписка приним. въ СПб., въ Конторѣ Редаціи, по Больш. Морской д. № 9, Подписная Язѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Возъ дост. въ С.-Петербур. 4 р.
Съ дост. въ С.-Петербур. 5 р. 50 к.
Возъ дост. въ Москвѣ черезъ
Отдѣл. Конт. „Нивы“ у Н.
Печковской . . . . . 5 р.

Съ дост. въ Москвѣ и др.
гор. и мѣстеч. Имперіи. 6 р.
За границу . . . . . 8 р.

Неустанно преслѣдуя цѣль улучшенія беллетристической стороны изданія, приглашая для этого талантливѣйшихъ представителей современной русской литературы, которые всегда украшали и впредь будутъ украшать страницы «НИВЫ», мы не менѣе того заботимся и о художественной сторонѣ изданія, помѣщая произведенія лишь лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и авторовъ.

Здѣсь мы укажемъ только имена писателей, произведенія которыхъ будутъ помѣщены въ „НИВЫ“ 1885 года:

Графъ Е. А. Садякозъ, Я. П. Положскій, Н. Н. Каравитъ, В. С. Соловьевъ, Д. В. Григоровичъ, Н. Д. Ахшарумовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. Петровъ, П. П. Гнѣдичъ, А. Я. Жаконовъ, В. В. Желиховская, Н. Морской, Н. Веригинъ (псевдонимъ), Н. Киримовъ, Н. Успенской и мн. др.

Главною нашей преміей въ 1885 году будетъ большая олеографическая картина, напечатанная масляными красками, точно такого же формата, какъ и въ предыдущіе 1882—1884 гг. подъ названіемъ:

„В Ъ Н К И“

Оригиналъ картины, написанной исключительно для «НИВЫ», при надлежитъ кисти знаменитаго художника В. И. Яковля, проф. Ими: Акад. Худ. Картина представляетъ сцену изъ русской народной жизни: бросаніе вѣнковъ въ воду въ Троицкій день. Сцена въ лѣсу. Группа молодыхъ дѣвушекъ въ лодкѣ, играя, плещутся водою и бросаютъ вѣнки на воду, загадывая на нихъ. Яркіе костюмы, роскошный пейзажъ, превосходное освѣщеніе,—все это выполнено съ совершенствомъ техники.

Оригиналъ картины и копія съ нея будутъ выставлены въ декабрѣ мѣсяцѣ 1884 года въ конторѣ Редакціи „НИВЫ“. Копіи будутъ выставлены также во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи.

С.-Петербургъ.

Издатель «Нивы» А. Ф. Маркозъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КАВКАЗЪ“

на 1885 годъ (сороковой годъ изданія)

Въ 1885 году газета „Кавказъ“ будетъ издаваться подъ новой редакціей и по новой программѣ, выхода ежедневно, не исключая и понедѣльниковъ.

Программа газеты „Кавказъ“.

А. Официальная часть: Указанія и распоряженія правительства и мѣстныхъ властей.

Б. Неофициальная часть:

I.—Передовыя статьи. II—Телеграммы. 1) Сѣвернаго телеграфнаго агентства. 2) Отъ собственныхъ корреспондентовъ. III.—Тифлисская жизнь.—Городская хроника: Отчеты о дѣятельности городского самоуправленія, ученыхъ, и благотворительныхъ обществъ и т. п. IV.—Кавказская жизнь: Корреспонденціи и сообщенія изъ разныхъ городовъ и мѣстъ Кавказскаго края. V.—Русская жизнь: Корреспонденціи и сообщенія изъ разныхъ городовъ и мѣстъ Имперіи. VI.—Заграничная жизнь: Корреспонденціи и сообщенія изъ за границы, преимущественно изъ сосѣднихъ съ Кавказомъ восточныхъ государствъ. VII.—Судебный дневникъ. VIII.—Изящныя искусства. Театры: Русскій, Грузинскій, Армянскій и пр. зрѣлища. Музыка, Живопись, Скульптура, Архитектура и пр. IX.—Новости наукъ и промышленности. X.—Обзоръ Русской печати. XI.—Обзоръ иностранной печати. XII.—Телеграммы русскихъ и иностранныхъ газетъ. XIII.—Летучія Замѣтки. XIV.—Критика и Библиографія. XV.—Смѣсь. XVI.—Справочный указатель.—XVII.—Объявленія (казенныя и частныя). XVIII.—Фельетоны.—1) Воскресный фельетонъ;—2) Русская Недѣля;—3) Иностранная Недѣля;—4) Картины Кавказской провинціальной жизни; 5)—Кавказская промышленность; 6) Русская и иностранная журналистика; 7) Великиристка: оригинальные и переводные повѣсти, рассказы, очерки, драматическія сцены, стихотворенія и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ достав. въ Тифлисъ.	По Имперіи.	По почт. союзу.
На годъ . . 11 р. 50 к.	На годъ . . 18 р. — к.	На годъ . . 18 р. 40 к.
„ 1/2 года . 6 „ — „	„ 1/2 года . 7 „ — „	„ 1/2 года . 10 „ — „
„ 3 мѣс. . 3 „ 50 „	„ 3 мѣс. . 4 „ — „	„ 3 мѣс. . 6 „ — „
„ 1 мѣс. . 1 „ 50 „	„ 1 мѣс. . 1 „ 75 „	„ 1 мѣс. . 2 „ — „

Отдѣльныя нумера продаются по 5 вop.

Редакторъ-Издатель М. М. Тесельковъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1885.—ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ—1885.

Редакторъ-Издатель П. Н. Полевой.

Въ 1885 году, годовые подписчики „Живописнаго Обозрѣнія“ получаютъ:

- I. 52 смендѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, каждый не менше двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстѣ.
- II. 12 ежемѣсячныхъ мнимоень, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.
- III. 12 ежемѣсячныхъ номеровъ «Маринскихъ модъ».
- IV. Бесплатную премію—художественно исполненную олеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра;—подробности въ № 1). Желающіе получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ пересылка ихъ *страховыми посылками*—прочно упакованными и зашитыми въ холстъ, на полной отвѣтственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ—80 к. и трехъ—1 руб.—Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого дополнительнаго взноса, премія будетъ отправлена обыкновеннымъ бандерольнымъ способомъ, но, въ случаѣ пропая или порчи ея въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой отвѣтственности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкою и пересылкою	Безъ доставки и пересылки.
За годъ . . . . . 8 р. — к.	За годъ . . . . . 6 р. 60 к.
За полгода . . . . . 4 р. 50 к.	За полгода . . . . . 4 р. — к.

Подписка загранично: за годъ—12 руб., за полгода—6 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе слѣдующіе литераторы:
Н. А. Акшарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ,
И. Ф. Василевскій, (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, П. А. Ви-
сневатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, И. Ф. Горбуновъ, Г. С.
Дестунисъ (профессоръ), Л. Звонаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ),
В. А. Крыловъ, (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ),
А. В. Кругловъ Н. И. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Лъ-
сковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ,
А. П. Митуричъ, Д. Л. Михаловскій, С. Я. Надсонъ, Д. Н. Островскій, Н.
И. Плещеевъ, Е. П. Пономаревъ, Л. Рускинъ, А. Соновнинъ, А. Г. Саха-
рова, Н. И. Северинъ, Л. Х. Симонова, К. И. Соборный (псевдонимъ), С.
Н. Терпигоровъ (Сергій Атава), П. Тройницкій, М. К. Цебрикова, Дм.
Чергновъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ),
В. И. Шишонко, В. Ю. Юрьевъ, А. Н. Яхонтовъ и многіе другіе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ.

„МИНУТА“

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА.

Какъ и въ прежніе годы, «МИНУТА» будетъ выходить ежедневно листами большаго формата (послѣ праздникоу полустать).

Цѣна на газету остается
прежня:

	Въ Петерб.	Въ провинціи
	съ дост.	съ пер.
Годъ	8 р. — к.	9 р.
Полгода	4 " 75 "	5 "
Три мѣсяца	2 " 60 "	3 "
Одинъ мѣсяць —	" 90 "	1 "

Цѣна за границу въ годъ 15 руб.,
за полгода 8 руб.

ПРЕМІЯ. Подписчики (годовые, не разсроченные) на газету «МИНУТА», желающіе выписывать оба наши изданія, т. е. «МИНУТУ» и «КОЛОСЬЯ», пользуются уступкою въ *два рубля* и платятъ: городскіе, вмѣсто 16, *четырнадцать*, а иногородные, вмѣсто 17, *пятнадцать рублей*.

Подписка принимается въ конторѣ газеты «МИНУТА» и журнала «КОЛОСЬЯ», въ С.-Петербургѣ, уг. В. Итальянской и В. Садовой, д. Крафта.

Редакторъ-Издатель И. А. Баталинъ.

„КОЛОСЬЯ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

(выходитъ безъ предварительной цензуры отъ 20 до 30 листовъ въ мѣсяцъ).

Журналъ „КОЛОСЬЯ“ въ будущемъ году, сохраняя свой прежній характеръ и вѣншее изищество, будетъ увеличенъ въ объемѣ до размѣровъ большихъ журналовъ;

Цѣна на журналъ «Колосья»
слѣдующая:

На годъ (съ пересылкою и доставкою) . . . . . 8 руб.
На полгода . . . . . 5 »

Отъ конторы. Принимая во вниманіе желаніе многихъ новыхъ подписчиковъ имѣть въ своей домашней библіотекѣ журналъ съ самаго его основанія, редакция рѣшилась отпечатать второе изданіе 12 книгъ перваго (1884) года, которыя и будутъ высланы подписчикамъ немедленно по полученіи подписныхъ денегъ, причемъ за эти 12 книгъ назначается плата, значительно уменьшенная, а именно 3 руб. Льгота эта допускается только для годовыхъ подписчиковъ, прилагающихъ ТРИ рубля къ годовой платѣ 8 р. (всего 11 руб.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1885 г.

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ
И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ,

„ЭХО“

существующую пятый годъ.

С.-Петербургъ. Невскій просп., домъ № 61.

Изъ большихъ ежедневныхъ газетъ—газета „Эхо“ самая дешера; тогда какъ годовая цѣна другихъ равняется 17 р., газета „Эхо“ стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 руб., разница громадная. (Допускается разсрочка платежа: для служащихъ — по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не служащихъ — чрезъ Главную Контору Редакціи „ЭХО“, уплачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р., а въ началѣ августа 2 руб.).

Не смотря на это, какъ могли убѣдиться наши читатели, редакція въ теченіи 1884 года употребила всевозможныя мѣры къ тому, чтобы сдѣлать содержаніе газеты полнымъ и интереснымъ, чтобы дать своимъ читателямъ возможно болѣе матеріала, не менѣе того, что дадутъ другія большія газеты.

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, явившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ наступающемъ 1885 году*, сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ, въ числѣ которыхъ мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЪ, на ОТДѢЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ и ВЕЛЛЕТРИСТИКУ.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакція газеты „Эхо“ уже имѣетъ въ настоящее время во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи *корреспондентовъ*, лично извѣстныхъ редакціи и на добросовѣстное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ истинную политическую и общественную жизнь.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ НА

„ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ХУДОЖЕСТВЕННОГО АЛЬБОМА“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ пяти до семи листовъ съ приложеніями и преміями: фотогравюръ, фототипій, фотоцинкографій и акварелей. Программа журнала заключаетъ въ себѣ отдѣлы: беллетристическій, критику, фельетонъ, смѣсь и статьи художественно-театральныя и художественно-промышленныя. Въ литературномъ отдѣлѣ участвуютъ: Н. Александровъ, Васильевскій (Буква), Виноградовъ, Гидичъ, Горбуновъ, Градовскій, графъ Голенщевъ-Кугузовъ, Крестовскій, Лѣсковъ, Луканъ, Минаевъ. Майковъ, Михневичъ, Немировичъ-Данченко, Пондосскій, Случевскій, графъ Н. Л. Толстой, Глѣбъ Успенскій и многіе другіе. Въ приложеніи: Айвазовскій, Богдановъ, Верещагинъ, Зачи, Кошелевъ, Каразинъ, В. Маковский, Мещерскій, Праншинковъ, Рачковъ, Свѣдомскій, Семирадскій, Суриковъ, Сухоровскій, Чижовъ, Шарлеманъ и мног. друг. Изъ иностранныхъ художниковъ: Анжели, Бугеро, Грюнверъ, Дефрегеръ, Детайль, Каульбахъ, Максъ, Матейко, Мункачи, Мадрадо, и многіе другіе. Каждый изъ номеровъ журнала будетъ состоять изъ одной фотогравюры и одной фототипіи, или же двухъ фототипій и одной фотоцинкографіи. Кромѣ того редація намѣрена дать въ продолженіи года двѣ или три акварели, которыя будутъ даны вмѣсто фотогравюръ. Такимъ образомъ Приложеніа въ журналѣ составятъ въ продолженіи года альбомъ изъ 24 фототипій вмѣстѣ съ фотогравюрами и акварелями и изъ 12 или 15 фотоцинкографій.

ПРЕМІЯ НА 1885 ГОДЪ для годовыхъ подписчиковъ первый выпускъ большаго альбома галлерей **Д. П. БОТКИНА** (отъ 10 до 15 листовъ). Въ первый выпускъ войдутъ картины: Мейсонъ, Конта, Жерома, Замаковъ, Детайля, Риццони, Милле, Раубе, Петенкофера, Альма-Тадемы, Вотье, Жака, Стевенса, Мейергема, Путеани, Брандта, Лесинга, Фроманто, Мадрадо, Рикко, Де-Натаса, Гебгардта, Горасъ-Вернета, Эдельфельда, и Фортуня. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ приложеніи къ журналу при каждомъ номерѣ будетъ выходить по листамъ весьма научная вмѣстѣ съ тѣмъ крайне популярная, читающаяся какъ романъ, „Исторія мивелписи въ Италіи“ Ж. Коэнде, иллюстрированная разными способами. Въ настоящее время на 1885 г. редакціей уже приобретены: 1) Альбомъ (акварелей) В. В. Самойлова. (В. В. Самойловъ въ игранныхъ имъ роляхъ, самимъ авторомъ нарисованный). 2) Шумскій въ его роляхъ. Рисунки артиста московскихъ Императорскихъ театровъ А. П. Ленскаго. 3) Картины и рисунки: В. Маковского, Мещерскаго, Праншинкова, Сурикова, Свѣдомскихъ, Рачкова, Кошелева, Зачи, Шарлемана Анжели, Матейко и Грюндера. Въ заключеніе редакція считаетъ долгомъ извѣстить подписчиковъ, что въ этомъ же году ей предпринимается издаше Школы рисованія А. И. Мещерскаго. Подписчики журнала при покупкѣ этой школы будутъ пользоваться скидкой одной трети съ объявленной цѣны.

Подписная цѣна на годъ 8 р. съ пер. и дост. преміи 9 р., заграничу 10 р., на полгода 5 р. Служащимъ допускается расценка по третямъ за поручительство казначеевъ. На десять экземпляровъ доставленныхъ отъ одного лица, одинъ экземпляръ высылается безплатно.

Подписка принимается: Сиб., въ конторѣ редакціи: Стремянная, д. № 3; въ конторѣ редакціи газеты «Новости»—Мойка, д. № 90; въ отдѣленіи конторы, Невскій, д. № 52; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, въ эстампныхъ Дациро и Осберга а также во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы. Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи.

Редакторъ-издатель **И. АЛЕКСАНДРОВЪ.**

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1885 ГОДУ ЖУРНАЛА

„ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, (ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить по четвергамъ, въ размѣрѣ отъ 1 до 2 печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ.

1. Статьи по вѣсьмъ вопросамъ, вытекающимъ изъ теории права и судопроизводства.—II. Перечень, изложение и обсужденіе важнѣйшихъ распоряженій и узаконеній правительства.—III. Судебная хроника: а) отчеты о засѣданіяхъ въ судахъ, преимущественно Кавказскаго края, и б) особенныя интересныя рѣшенія Кавказскихъ гражданскихъ судовъ по вопросамъ права и судопроизводства, вызваннымъ мѣстными особенностями края.—IV. Корреспонденціи юридическаго обозрѣнія.—V. Краткіе отчеты о новыхъ книгахъ юридическаго содержанія (Обзоръ юридической печати и библиографія).—VI. Смѣсь (разныя извѣстія). Случаи изъ судебной жизни и практик.—VII. Тезисы текстуральное изложение кассационныхъ рѣшеній: а) деп. трамепговъ сената и б) Тифлисской судебной палаты.—VIII. Извлечение изъ приказовъ о важнѣйшихъ назначеніяхъ по вѣдомству истиціи.—IX. Судебный указатель. Резолюціи Тифлисской судебной палаты по дѣламъ апелляционнымъ и кассационнымъ.—X. Объявленія—казенныя и частныя.

Выполняя, по возможности, свои прошлогоднія обѣщанія предъ читателями, редакція „Юрид. Обзор.“ постарается придать своему журналу въ будущемъ году еще большій интересъ, при содѣйствіи многихъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Кромѣ статей общаго юридическаго характера по вопросамъ гражданского и уголовного права, межевымъ, нотаріальнымъ, судебно-военнымъ и пр., а также о внутренней жизни кавказскихъ судовъ и о вопросахъ дня, въ 1885 г. будутъ помѣщены: грузинскіе законы царя Вахтанга, съ необходимыми предисловіемъ и примѣчаніями, и продолжены изслѣдованія законовъ: армянскихъ—по Мхитару Голу, еврейскихъ—по Маймониду, мусульманскихъ, собственно Кавказскихъ народностей; ихъ адаты и пр.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Редація и администрація журнала (для пріема подписки, объявленій и розничной продажи)—Тифлисъ, Соколовская ул., д. кв. Меликова.

Подписная цѣна на журналъ съ доставкой и пересылкою: на годъ—10 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 3 мѣс.—3 р. 20 к.; на 1 мѣс.—1 р. 25 к.

Разсрочка въ платежѣ денегъ допускается—для годовыхъ подписчиковъ: при подпискѣ 4 р., въ мартѣ и апрѣлѣ по 3 руб., и для полугодовыхъ: при подпискѣ 3 р., и черезъ два мѣсяца еще 3 р.

Для гг. студентовъ—годовая плата 8 р.; полугодовая 5 р.

Желающіе приобрести журналъ за прѣдиде года, уплачиваютъ за 1881 г.—8 р. 20 к. и за всѣ послѣдующіе по 10 р. за годовой экземпляръ.

При перемѣнѣ адреса вносятъ 40 коп.

За объявленія, казенныя и частныя—строка цѣнита 10 коп., $\frac{1}{2}$ страницы 3 р. 25 к.; цѣлая стран. 6 р. 50 коп.

Подписка и объявленія принимаются также въ Москвѣ и Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ И. П. Анисимова

При доставленіи въ редакцію «Юрид. Обзор.» экземпляра юридическаго сочиненія, о немъ будетъ данъ отчетъ и сдѣлана публикація.

Подписчики «Юрид. Об.» имѣютъ право на полученіе, черезъ редакцію, свѣдѣній о положеніи ихъ дѣлъ въ Тиф. судеб. учрежденіяхъ.—въ текстъ журнала безвозмездно, а письменныя и телеграфныя—по соглашенію съ ред. журнала.

Редакторъ-Издатель С. Френкель.

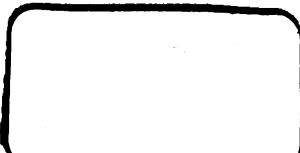

Stanford University Libraries

3 6105 024 394 210

Stanford University Libraries

3 6105 024 394 210

